РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной
20-летию юридического факультета
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого
и 10-летию общероссийской общественной
организации «Ассоциация юристов России»

28-29 мая 2015 год
Великий Новгород

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Ассоциация юридических ВУЗов (ЮРВУЗ)

Общероссийская общественная организация
«Ассоциация юристов России»

Новгородская региональная общественная организация
«Развитие юридического образования»

РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
международной научно-практической конференции, посвященной
20-летию юридического факультета
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого и
10-летию общероссийской общественной
организации «Ассоциация юристов России»

28-29 мая 2015 год
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

УДК 340
ББК 67.4
Р 17

«Развитие юридических наук: проблемы и перспективы». Материалы международной научно-практической конференции/ отв. ред. О.Е. Калпинская, В.Ф. Прокофьев. – Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, 2015 – 372 с.

Сборник статей содержит материалы международной научно-практической конференции «Развитие юридических наук: проблемы и перспективы», посвященной 20-летию юридического факультета НовГУ имени Ярослава Мудрого и 10-летию общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Авторами статей рассмотрены основные вопросы, посвященные актуальным проблемам конституционного, гражданского, уголовного права, перспективам развития гарантий и механизмов защиты прав человека в различных сферах общественных отношений.

Сборник статей предназначен для преподавателей ВУЗов, аспирантов, магистрантов, студентов, бакалавров, научных и практических работников, а также может быть использован в деятельности государственных органов в области совершенствования правотворческой деятельности и правоприменения.

Статьи приводятся в авторской редакции.

© Коллектив авторов

© Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого

СОДЕРЖАНИЕ

Александрова А.А.
РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД: ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ……..... 19

Алексеева В.В.
ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ…….. 21

Алексина Я.П.
СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И УСТРАНЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ…… 23

Амосова А.В., Дорошенко Т.Н.
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ……... 26

Андреева Л. А.
ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: НАУКА И ПРАКТИКА…… 29

Анисимов А.И.
ПАРАД РЕФЕРЕНДУМОВ В ЕВРОПЕ: ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ?..... 32

Антонова Т.А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ (АБОРТОВ)…… 34

Афанасьева М.С.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ……..… 36

Бабурин С.Н.
КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ……..… 39

Барышев В.А.
ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ……... 44

Бахриева З.Р.
ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА, РЕГУЛИРУЮЩИХ ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ……... 48

Бердашкевич С.А.
РЕФОРМИРОВАНИЕ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА В СООТВЕТСТВИИ С ЗАПРОСАМИ СОВРЕМЕННОСТИ ПРИ КОНСТИТУЦИОННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..…. 50

Бойцова Е.Ю.
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛОГИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ…….. 51

Боровков И.В.
ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ…….. 54

Борознова М.А.
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОДДЕЛКИ ДОКУМЕНТОВ……. 57

Бошукова Е.В.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОНЯТИЕ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ…… 59

Бочков А.А.
ЮВЕНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ КРИМИНОЛОГИИ…… 61

Бреев А.В.
СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ПРАВА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ П.И. СТУЧКИ…….. 65

Будревич И.О.
ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ ЛЖИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ…… 67

Булина Ю.В., Игнатьева А.Ю.
АМНИСТИЯ И ПОМИЛОВАНИЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ……...… 70

Бутримова Ю.С.
ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РФ……..... 72

Вилова М.Г.
К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ……... 75

Габец Н.С.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ……..... 78

Гаврилов Е.В.
К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ И ИХ МЕСТЕ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ……. 82

Галай Е.В.
ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА……..… 84

Геворкян Д.С.
СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА НУЖДАЮЩИХСЯ В РОССИИ: МОДЕЛИ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ В ОЦЕНКЕ В. Ф. ДЕРЮЖИНСКОГО……..... 88

Горькова Ю.А.
ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ЖРЕБИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ……. 91

Даков С. В.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ КАК ОБЛАСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ……..... 94

Дмитриева Т.Ф.
К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ……... 98

Дубина В.М.
ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ…….101

Дубоносова А.Э., Миронюк А.А.
ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ……..... 104

Дугин А. Т.
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ВИНЫ……..…… 107

Егоров Н.Ю.
ОРГАНЫ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ И.Т. ТАРАСОВА……..... 109

Егорова Т.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА……..… 112

Елманов И.А.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ……... 115

Ерш В.С.
ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ……...…… 118

Жилинская В.Ю.
ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ И РОЛЬ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ……..... 121

Запащикова Л.А.
ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ: ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ…….. 123

Звездина В.О.
ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ……..... 127

Ивашкевич Е.Ф.
КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА ОМБУДСМАНА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ…….…… 129

Калпинская О.Е.
К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ……...……. 132

Камкия Э.Б.
ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ УПРОЩЕННОЙ ФОРМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. В РОССИИ……...….. 135

Карюк А.В.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ……..... 137

Касьянов А. А.
УНИФИКАЦИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ МЧП В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ……..... 140

Каширин Р. М.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТРОЛЯ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ОСУЖДЕННЫХ, ПРИЗНАННЫХ БОЛЬНЫМИ НАРКОМАНИЕЙ, ОТБЫВАНИЕ НАКАЗАНИЯ КОТОРЫМ ОТСРОЧЕНО……...…..… 142

Каширин Р. М., Чувильдеев А. С.
К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ОСУЖДЕННЫХ, ПОЛУЧИВШИХ ОТСРОЧКУ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ЛЕЧЕНИЕМ ОТ НАРКОМАНИИ……..…..…… 144

Кашицина И.С.
ОГРАНИЧЕНИЕ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ……..…… 147

Кирилочкин И. В.
О ПРОБЛЕМАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ……...…… 148

Климушева В.В., Дорошенко Т.Н.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ……... 151

Козлов Д. С.
РОЛЬ ДЕКРЕТА «О СУДЕ» (№ 1) В СТАНОВЛЕНИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)…….. 154

Колпаков Н. А.
ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВ……... 158

Копилян В.А.
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И НА УРОВНЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ…… 160

Корнеев Д. А.
УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА……... 163

Коробко К.И., Ноговицин И.В.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ……..….. 165

Костюков А.В.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ……. 169

Костюкова А.В.
НОВЕЛЛЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..…… 172

Костюкова П.А.
РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ..……175

Красножон О.В.
ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ – ПУТЬ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА…….…. 178

Красовская В.Д.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАРКОАНАЛИЗА В КРИМИНАЛИСТИКЕ……..…….. 182

Куракин Ф.В.
ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА, ОБЫСКА, ВЫЕМКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ……... 184

Курова Н.Н., Юдин Е.В.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСТОРЖЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО ДОГОВОРА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…… 186

Литвинцева Я.В.
МЕДИЦИНСКО-СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА В МЕДИЦИНЕ: ЧЕЛОВЕК ИЛИ ЭМБРИОНАЛЬНЫЙ МЕДИКАМЕНТОЗНЫЙ МАТЕРИАЛ……..……. 189

Макарова Е.А.
ПЕРЕВОЗКА ДЕТЕЙ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ: АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ……...……. 192

Македон М.В.
РОЛЬ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ……... 196

Максименюк В.В.
ПРАВИЛА ОКАЗАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)……..….. 197

Макуев Р.Х.
ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПОСТЛИССАБОНСКИЙ ВЗГЛЯД……. 200

Малышев С.И.
ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ……...…. 204

Меньшикова Н.С.
РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ МВД РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ…… 208

Мерзликина Р.А.
К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ПОНЯТИЙ «НАСЛЕДОВАНИЕ» И «НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО»……..210

Мерзликина Р.А., Бычкова А.В.
ПРАВОВОЙ СТАТУС КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИХ ВИДЫ НА ПРИМЕРЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ……. 214

Милюшене А.П., Юдин Е.В.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВЕ РОССИИ……... 216

Митина С.И.
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА И КОНТРОЛЯ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ……... 219

Михайлова А.С.
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА НА ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ…… 225

Немытина М.В.
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ…….. 227

Никитин Е.А.
ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ О «САМОВОЛЬНЫХ ПОСТРОЙКАХ»……..… 230

Никифорова С.А.
СИСТЕМА МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ РЕФОРМИРОВАНИЯ В ОЦЕНКЕ Э.Н. БЕРЕНДТСА……...232

Оганисян Л.А.
КОНТРМЕРЫ КАК ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ…….…. 235

Омельченко А. С.
ОБЪЕДИНЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ И ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ……..… 237

Орехова А.В.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО. ОСНОВНОЙ СОСТАВ…..... 239

Орлов В.А.
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УНИФИКАЦИИ БЮДЖЕТНЫХ ПРИНЦИПОВ В ЕАЭС... 241

Панов Н.А.
ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ…….... 244

Пажетных Д.В.
ПЕРЕСМОТР СТ. 129 КОНСТИТУЦИИ РОССИИ КАК ГАРАНТИЯ КОНСОЛИДАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ……..……. 247

Пирожок С.С.
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ПОИСКИ ОПТИМАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ……...….. 250

Петров М.Н.
О ВРЕМЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ…….. 253

Прокофьев В.Ф.
И.А.ИЛЬИН О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА…….. 258

Пугачёв А.Н.
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИИ…….. 260

Пьянкова А.Ф.
ДОГОВОР ПРИСОЕДИНЕНИЯ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ……..... 264

Разводовская А.В.
ПРОВЕДЕНИЕ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ……...…... 267

Реут Д.А.
ВЫБОРЫ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ И ИНФОРМИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ… 270

Рынскова В.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..... 274

Савина И.В.
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ЗАЩИТЕ ПРАВ РЕБЕНКА…….. 277

Савицкая К.Д.
К ВОПРОСУ ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ НАСЛЕДСТВЕННОЙ МАССЫ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И США. ……..... 279

Салмин В.С.
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВАЛИДАМИ СВОИХ ТРУДОВЫХ ПРАВ…….. 282

Самылина И.Н.
ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ…….…… 285

Селиванова А.Е.
ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…….…….... 289

Семенова Т.В.
КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДОМЕННЫХ ИМЕН…….…. 291

Синькевич Н.А.
ГРАДОНАЧАЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ…..… 294

Скудин А.С.
ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В РАКУРСЕ ИХ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ…….. 296

Совина А.В.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ……...…….... 299

Соколова Ю.А.
О ФОРМАХ УПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ…….. 301

Соколова О.А.
К ВОПРОСУ О «ПРИВОДЕ» В НОРМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА……...……... 304

Сотников В.И.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ…….…... 306

Стаценко В.Г.
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРИЧИННОМ КОМПЛЕКСЕ ПРЕСТУПНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..……. 310

Столяров О.Н.
СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА И ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИН ЮРИДИЧЕСКОГО ЦИКЛА……. 313

Стрекалин А.В.
СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ: «ПРОГРЕССИВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ»……..……. 317

Стукалова А.Е.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА В КРИМИНАЛИСТИКЕ…….. 320

Сухарев А.А.
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ……... 321

Тагаев М.К.
ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК КЫРГЫЗСКОГО ПРАВА: О РЕЗУЛЬТАТАХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ……..…… 325

Тарасов Е.А.
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ КОНВЕНЦИИ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОХИЩЕНИЯ ДЕТЕЙ: СЛОЖНОСТИ И СПЕЦИФИКА……..… 329

Темирбеков Ж.Р.
ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ – КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК КОНЦЕПЦИИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ……. 332

Товпенец Н.М.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПОСОБОВ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ОБУВИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ…… 335

Трофимов В.Ю.
О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ…… 338

Трофимова М.С.
ЕДИНЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РФ: ДОВОДЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»…… 340

Тымчук Ю.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ПОЧВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ……... 343

Ударцев С.Ф.
ПРАВО И КОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МЕТАПРАВО…….. 346

Федунов В.В
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЛТИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ ПО РЕФОРМЕ 1870г……..…… 350

Федунова И. В.
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПЕРЕВЫБОРОВ ГОРОДСКИХ ДУМ И ЗЕМСТВ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ЛЕТОМ 1917 г……..... 353

Харьковский Г.В.
ПРОБЛЕМЫ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС)……... 354

Шантырева Е.А.
ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРИЧИНЫ….. 356

Шарикова В.П.
О ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ……..…. 360

Шатов С.А., Тюриков В.И.
К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)…. 362

Шерснёва В. Ю.
КРИМИНАЛИСТИКА О ПОДДЕЛКЕ ПАСПОРТА……... 364

Шибанова Т. Б.
МЕСТО АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР В ЕДИНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..…… 365

Шишкина Е.Д.
ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЛИЦАМ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ…….….... 370

Шляхтова А.Д.
ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРИЗНАКОВ РЕЧИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА…….. 374

Александрова А.А.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД: ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Право на уважение частной жизни является составной частью концепции прав и свобод человека. Оно признается одним из наиболее важных прав наряду с правом на свободу и личную неприкосновенность, свободой мысли, совести и религии, выражения мнения и других прав и свобод, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция). Совет Европы уделяет много внимания вопросам защиты частной жизни. Этим проблемам посвящена статья 8 Конвенции. В ст. 8 Конвенции указано: «Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

В настоящее время идея защиты права на уважение частной жизни приобретает новый смысл. Это объясняется историческими процессами, которые дали толчок развитию современных информационных технологий. Создаются компьютерные базы данных, содержащие персональные данные конкретных лиц, что позволяет легко копировать, объединять и распространять информацию, которая образует массив личной тайны. Это порождает новые угрозы, как интересам личности, так и общества в целом.

Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в своих решениях указывает, что понятие частной жизни не поддается исчерпывающему определению и является достаточно обширным. Им охватываются как физические, так и моральные стороны жизни индивида. Понятие частной жизни раскрывается в большей степени применительно к взаимоотношениям человека с внешним миром, а не к внутреннему миру человека, который достаточно сложно контролировать. Нельзя не согласиться с мнением профессора Е.Г. Тарло, который обозначает этот термин как некое качество жизни, которое определятся реальной возможностью человека осуществлять автономию и свободу в той сфере жизни, которая может быть названа "частной", и употребляется также для выражения права человека на автономию и свободу в частной жизни, права на защиту от вторжения в нее других людей, органов власти или каких-либо общественных организаций и государственных институтов. Разрешить такое вторжение могут лишь сам человек или в исключительных случаях закон и суд, которые соответствуют требованиям демократически организованного, правового государства[1].

Между правом на уважение частной жизни и правом на уважение семейной жизни существует тесная связь, поэтому закрепление их в рамках одной статьи считается оправданным. Право на уважение семейной жизни провозглашено ч. 1 ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод наряду с правом на уважение частной жизни. Категории «частная» и «семейная жизнь» могут рассматриваться как во взаимосвязи, так и по отдельности. Но есть и отличия, которые помогают разделить эти понятия. Наиболее точным представляется мнение Н.И. Пикурова, который считает, что «семейная тайна отличается от личной по кругу ее носителей и по характеру сведений, которые составляют ее содержание. Семейная тайна в основном касается всех членов семьи, их

---

[1] Тарло Е.Г. Право на частную жизнь в России. Закон. 2007. N 3. С. 165.

взаимоотношений между собой, образа жизни, бытовых условий и т.п. Личная тайна имеет отношение к конкретному человеку. Сведения личного характера могут храниться в тайне от других членов семьи»[1].

Помимо собственных интересов лица право на уважение частной жизни включает в себя установление отношений с другими людьми. Некоторые судьи ЕСПЧ выразили точку зрения, согласно которой личная жизнь включает возможность эффективного участия в социальной жизни, являющейся аспектом личной жизни. Так в деле Нимиц против Германии от 16 декабря 1992 г.[2] Суд не счел возможным дать исчерпывающее определение понятия «частная жизнь», однако пришел к выводу, что нельзя ограничивать частную жизнь только интимным кругом, где каждый может жить так, как он хочет, и тем самым полностью исключать внешний мир. В офисе заявителя, где он работает адвокатом, был проведен обыск. Нимиц утверждал, что нарушено его право на уважение жилища и корреспонденции. Суд не установил понимание личной жизни, так как представляется невозможным отделить работу от частной жизни в таком контексте.

Благодаря практике Суда расширяется толкование сжатых определений Конвенции, детализируются и расширяются гарантированные Конвенцией права, наполняются дополнительным содержанием. Суд руководствуется своей сложившейся практикой и ссылается на предшествующие решения данной или смежной категории дел. Однако он не связан предыдущими решениями. Если решение существенно отличается от предыдущего, то Европейский Суд должен обосновать изменение своей позиции и привести аргументы. При рассмотрении дел Суд устанавливает критерии, которые используются в дальнейшем судьями при решении вопроса о применении и толковании Конвенции.

Европейский Суд по правам человека обладает исключительной юрисдикцией по вопросам толкования Конвенции. В связи с этим, положения Конвенции, содержание прав и свобод, а также термины не могут применяться и толковаться без учета прецедентной практики Европейского Суда.

Семейная жизнь непосредственно связана со сферой личной жизни, где ей обеспечивается право свободного от произвольного вмешательства государства существования. Как правило, Суд решает вопрос о наличии «семейной жизни» на основе фактов, которые рассматриваются в каждом конкретном случае, и общего принципа о существовании тесных личных связей между участниками отношений. В рамках дела Маркс Суд констатировал, что «семейная жизнь по смыслу ст. 8 включает, по меньшей мере, отношения между близкими родственниками, например отношения между дедушкой и бабушкой, с одной стороны, и внуками - с другой, поскольку такие родственники могут играть важную роль в семейной жизни»[3].

В отечественном законодательстве остаются неопределенными многие основополагающие понятия, такие как «сфера частной жизни», «неприкосновенность частной жизни», «личная и семейная тайна». В результате суды вынуждены руководствоваться собственными суждениями. В этой связи практика ЕСПЧ может быть использована для толкования понятия и содержания права на уважение частной жизни.

Интересным представляется апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 26.12.2014 по делу N 33-18337/2014г., в котором истец требовал возместить моральный вред в связи с нарушением права на уважение частной жизни. Сотрудниками МВД России был получен конверт из ЕСПЧ, адресованный истцу. Конверт был вскрыт, несмотря на печать, указывающую на конфиденциальность

---

1 Пикуров Н.И. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны частной жизни. Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация: Научно-практическая конференция памяти профессора А.Н. Красикова (20 - 21 марта 2003 г.). Под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2003. С. 73.

2 http://www.echr.ru/documents/doc/2461421/2461421.htm

3 http://www.echr.ru/documents/doc/2461417/2461417.htm

информации. В решении судебная коллегия отметила, что «в отношении писем как лиц, подозреваемых или обвиняемых, так и осужденных, адресованных в Европейский Суд по правам человека, со стороны администрации учреждения правоохранительных органов отсутствует право проверять такие письма, знать их содержание, т.е. каким-либо образом запрещать или ограничивать такую переписку»[1].

Таким образом, право на уважение частной жизни является многогранной категорией и включает в себя комплекс социальных, политических, профессиональных прав личности с характерными только для него компонентами. Поэтому Европейский Суд устанавливает в своих решениях наличие частной жизни исходя из конкретных обстоятельств, которые подпадают под признаки понятия в соответствии со статьей 8 Конвенции. Проблема нарушения права на уважение частной жизни остается особенно актуальной для Российской Федерации. Представляется целесообразным проведение постоянного мониторинга постановлений, вынесенных в отношении Российской Федерации, и приведение национального законодательства в соответствие с требованиями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Алексеева В.В.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Научный руководитель: *старший преподаватель Т.Ф. Дмитриева*

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Допрос – одно из ключевых следственных действий, с помощью которого устанавливается истина по уголовному делу. Допрос предназначен для получения показаний, имеющих значение для уголовного дела. Допрос может производиться в отношении обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, как в процессе предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве.

Особого внимания заслуживает изучение вопроса тактики и методики проведения допроса несовершеннолетнего, т.е. лица, на момент проведения допроса, не достигшего возраста 18 лет. Это связано, в первую очередь, с вопросами психологии: ситуация допроса − это ситуация интеллектуального и морального напряжения сторон, участвующих в допросе. Не вызывает сомнения, что лицо, проводящее допрос, должно учитывать психологические особенности допрашиваемого. Психологические особенности несовершеннолетних (особенно детей, т.е. лиц, не достигших возраста 14 лет) существенно отличаются от психологических особенностей взрослых лиц. Лицо, проводящее допрос, зачастую не обладает необходимой квалификацией в области детской и юношеской психологии. Некорректно проведенный допрос несовершеннолетнего может не только не привести к ожидаемому с точки зрения эффективности данного следственного действия результату, но и привести к тяжелым изменениям в психике допрашиваемого. Присутствующая на сегодняшний день вероятность наступления данных негативных последствий обуславливают актуальность темы более тщательного исследования вопроса тактики и методики проведения допроса несовершеннолетнего.

В настоящий момент порядку проведения допроса в процессе предварительного расследования посвящены статьи 215 – 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. В статье 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь зафиксированы особенности допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля. В

[1] Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 26.12.2014 по делу N 33-18337/2014г. СПС «Консультант Плюс».

главе 45 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь предусмотрены особенности допроса несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого (ст. 433 – 435). При допросе несовершеннолетнего на стадии предварительного расследования в качестве потерпевшего и свидетеля учитывается, в первую очередь, возраст ребенка. Если ребенок не достиг 14 лет, то следователь, лицо, проводящее дознание, в обязательном порядке должен пригласить педагога или психолога для участия в допросе. Участие педагога и/или психолога в данном случае обязательно.

Если допрашивается ребенок в возрасте от 14 до 16 лет, педагог или психолог участвуют по усмотрению следователя или лица, производящего дознание. При допросе несовершеннолетних в любых возрастных границах могут участвовать их родители или другие законные представители. Указанные лица наделены соответствующими правами. Как педагог или психолог, а также родитель или законный представитель несовершеннолетнего имеют право делать замечания с занесением в протокол допроса о нарушении прав и законных интересов допрашиваемых, а также задавать им вопросы с разрешения следователя, лица, проводящего дознание. Эти права должны быть им разъяснены перед началом допроса[1].

На сегодняшний день выделяется следующая проблема при проведении допроса. Так в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь законодатель не уточняет понятия педагог и психолог, тем самым не предъявляя к данным специалистам существенных требований. Как указывает И.А. Макаренко, традиционно, для этих целей приглашаются люди, имеющие диплом об образовании с присвоенной квалификацией "педагог"/"психолог"[2]. Однако, по мнению О. Ю. Скичко, привлечения специалистов на основании одной лишь квалификации, указанной в дипломе, недостаточно[3]. Данное положение дел свидетельствует, скорее, о формальном подходе к вопросу допроса несовершеннолетнего, что недопустимо. Педагог и/или психолог должны оказывать помощь допрашиваемому ребенку, способствовать преодолению психологического барьера, преодолению стрессовой для ребенка ситуации допроса.

Таким образом, на лицо явное упущение со стороны законодателей в том, что нормы, регламентирующие допуск и участие педагога/психолога в допросе несовершеннолетнего, в достаточной степени не регулируют круг общественных отношений, складывающийся при проведении допроса несовершеннолетних.

Мы предлагаем усилить требования к специалистам, привлекаемым к допросу несовершеннолетнего в качестве педагога и/или психолога, дополнив их: стажем работы по необходимой специальности, профессиональным уровнем, характеристиками с места работы. Полагаем необходимым закрепить данные требования в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999г.: одобр. Советом Респ. Беларусь 30 июня 1999г. в ред. Закона Республики Беларусь от 05.01.2015; 17.01.2015 № 241-З //.pravo.by. – Дата доступа: 29.03.2015.

[2] Макаренко И. А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого // [Электронный ресурс] / электронная библиотека диссертаций / Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/sistema-takticheskikh-priemov-doprosa-nesovershennoletnego-obvinyaemogo-s-uchetom-sledstvenn; Дата доступа: 30. 03. 2015

[3] Скичко О. Ю.Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat // [Электронный ресурс]/электронная библиотека диссертаций/ Режим доступа: http://www.dissercat.com ; Дата доступа: 24. 05. 2015

Алексина Я.П.
старший следователь Витебского городского отдела
Следственного комитета Республики Беларусь

СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И УСТРАНЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Вопросы качества предварительного следствия и проблемы его совершенствования всегда вызывали оживленную дискуссию среди ученых и практиков. Интерес к данной проблеме возник после ряда громких судебных процессов, прошедших в конце 80-х в начале 90-х годов. Примером этому может служить известное уголовное дело о витебском маньяке, где десятки следственных ошибок и нарушений привели к трагическим последствиям. В современный период развития уголовно-процессуального права с усилением состязательности в уголовном процессе, недостатки предварительного следствия существенно сократились, однако, проблема качества предварительного следствия по-прежнему существует.

В Республике Беларусь повышению эффективности предварительного следствия способствует образование независимого следственного органа со своей структурой и спецификацией, однако возникла необходимость в контроле качества его работы. Процесс исправления следственных ошибок и устранения нарушений включает в себя деятельность как следователя и начальника следственного подразделения, так и адвоката, прокурора и судьи. Каждый из названных субъектов, используя свои правомочия, вносит вклад в выявление, предупреждение и устранение недостатков предварительного следствия.

В законодательстве Республики Беларусь недостаточно урегулирована деятельность адвокатов в уголовном процессе. Отсутствуют положения об обязательном участии представителей потерпевших и свидетелей, должным образом не закреплены формы и порядок собирания и представления доказательств защитниками и представителями.

Положительная динамика действующего белорусского законодательства, направлена на увеличение объема контрольных функций начальника следственного подразделения, в связи с чем, дискуссионным является вопрос определение объема надзорных полномочий, которыми должен обладать прокурор при осуществлении надзора за органами предварительного следствия. Право отмены незаконных решений следователей всегда имело надзорную юридическую природу. Супрун С.В., проводя аналогию с судебным контролем, полагает, что такое право является функцией контроля и должно полностью перейти в статус руководителя следственного органа, а надзорные полномочия прокурора должны заключаться в выявлении ошибок следователя и праве требовать от руководителей следственного органа их устранения.[1]
В отличие от российского законодательства, в Республики Беларусь за прокурорами сохранилось право отмены незаконных и необоснованных постановлений следственных работников. Поддерживая позицию российского законодателя, следует предусмотреть в Республики Беларусь процессуальную форму такого требования, процедуру его внесения и рассмотрения.

Предварительный судебный контроль в виде рассмотрения ходатайств о применении меры процессуального принуждения и проведении отдельных процессуальных действий предусмотрен международными актами и направлен на усиление состязательности в уголовном процессе. Данный вид контроля введен во многих постсоветских стран и эффективно функционирует, однако по-прежнему отсутствует в Республике Беларусь,

---

[1] Супрун С.В. Прокурорский надзор и ведомственный контроль: соотношения и перспективы развития / С.В.Супрун // Российская юстиция. – 2011. - №1. – С. 46-48

полномочия по санкционированию отдельных решений по-прежнему сохранены за прокурорами.

Как правильно отмечают исследователи, обвинительная власть не должна обладать правом санкционировать аресты, для этого есть власть судебная, обладающая свойством беспристрастности и независимости.[1] Суд не отвечает за раскрываемость преступлений и не связан обвинительной установкой, поэтому способен наилучшим образом защитить права граждан.[2] Необходимо, чтобы мера пресечения в виде заключения под стражу избиралась судом в рамках гласной, состязательной процедуры, под контролем судебной власти, представитель которой будет рассматривать законность и обоснованность применяемой меры пресечения, способствовать поиску истину по делу и эффективной защите прав и свобод личности.

Наиболее важным надзорным полномочием прокурора является осуществление проверки уголовного дела, поступившего от следователя, для решения вопроса о направлении уголовного дела в суд. На этой стадии именного прокурору принадлежит право решить «предварительную судьбу» дела.[3] В законодательстве отсутствует перечень оснований для принятия решения о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование. Необходимо сформулировать и нормативно изложить в данной статье основания, по которым прокурор может направить уголовное дело на дополнительное расследование. Исходя из анализа причин возвращения уголовных дел для производства дополнительного предварительного[4], можно выделить следующие основания: 1) предварительное расследование проведено с нарушением требований ст. 18 УПК о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела; 2) наличие в уголовном деле доказательств, полученных с нарушением порядка, установленного УПК (ч. 3 ст. 8 УПК); 3) не установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, предусмотренные ст. 89 УПК; 4) неверная квалификация действий обвиняемых; 5) несоответствие обвинения материалам уголовного дела; 6) несоблюдение требований к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, в соответствии с требованиями ст. 241 УПК; 7) для предъявления обвиняемому нового обвинения для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения;8) для составления нового постановления о передаче уголовного дела прокурору, если составленное не соответствует требованиям ст. 260 УПК.

Последующий контроль в пределах стадии предварительного расследования состоит в рассмотрении и разрешении судом жалоб на незаконные и необоснованные решения и действия дознавателя, следователя, прокурора, нарушившие конституционные права граждан. Вопрос о судебном контроле в Республики Беларусь стал подниматься со вступлением Конституции Республики Беларусь 1994 г., в законную силу, однако должным образом не разрешен до настоящего времени. В реализацию данного вопроса внес свой вклад Конституционный суд, в правовых позициях которого четко прослеживается направление на

---

[1] Петрухин, И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием / Л.И. Петрухин // Российская юстиция. – 1998. - № 9. - С. 12

[2] Зайцева Л.Л. Субъекты принятия решения о заключении под стражу: вопросы подведомственности / Л.Л. Зайцева // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. Минск, 15 нояб. 2013 г. / редкол. : Н.И. Минич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 34-36.

[3] Куница Е. Возращение прокурором уголовных дел для производства дополнительного предварительного расследования / Е.Куница // Законность и правопорядок. – 2014. – № 2. – С. 34-38

[4] Докладная записка отдела зонального процессуального контроля УПК УСК Республики Беларусь по Витебской области: О результатах анализа причин, повлекших возвращение прокурорами уголовных дел для производства дополнительного расследования в 2012 году.

усиление судебного контроля в Республики Беларусь. В белорусской литературе обращается внимание на возможность и необходимость расширения предмета судебного контроля в досудебном производстве.[1] Помимо расширения полномочий суда в данной области, необходимо нормативно закрепить место подачи жалобы (по месту совершения общественно-опасного деяния либо по месту фактического задержания), срок передачи жалобы (немедленно либо в течении 24 часов), право на судебную проверку в открытом судебном заседании с участием заявителя и стороны обвинения. Только с использованием элементов судебного следствия, исследуя обстоятельства, послужившие основанием для применения меры процессуального принуждения, суд сможет своевременно выявлять и устранять следственные ошибки и нарушения.

Необходимо также обратиться к вопросу о последующем судебном контроле при подготовке к судебному разбирательству. Подготовительная стадия к судебному заседанию всегда служила барьером для попадания в суд некачественно расследованных дел. Можно выделить сформированные три направления по решению данного вопроса: 1) суд должен обладать полномочиями по осуществлению контроля только процессуальной формы,[2] 2) полное отрицание контрольных полномочий суда, постороженного по состязательному типу, несвойственными ему функциями обвинения,[3] 3) о наделении суда контрольными полномочиями в полном объеме и усовершенствования института судебного контроля.[4]

В Республике Беларусь уже давно ведутся дискуссии по вопросу совершенствования и правовой организации стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, а также возращения института доследования и пределов судебного контроля на данной стадии. Введение данной стадии в уголовном процессе в деятельность судов, решит такие вопросы, как: определение недопустимости представленных доказательств, возможность возвращения дела прокурору для устранения нарушений или существующих препятствий для его рассмотрения, и разрешения вопросов, связанных с рассмотрением заявленных сторонами ходатайств.

Изменения, внесенные в УПК Республики Беларусь, предусматривают введение новой стадии уголовного процесса – стадии предварительного заседания по уголовным делам (статья 277-1 УПК), а также существовавшего ранее института – возращение уголовного дела прокурору (статья 280-1 УПК).[5] Указанные изменения призваны превратить стадию подготовки к судебному заседанию в реально функционирующую стадию уголовного процесса, которая будет способствовать повышению качества и оперативности подготовки уголовных дел к судебному разбирательству, выявлению и устранению процессуальных нарушений.

---

[1] Хиревич М.Л. О некоторых вопросах обжалования в судебном порядке решений органов, ведущих уголовный процесс / М.Л. Хиревич // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. Минск, 15 нояб. 2013 г. / редкол. : Н.И. Минич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 209-211

[22] Пучковская М.Е.Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции / автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.Е. Пучковская; Красноярский государственный аграрный университет. - Красноярск, 2003. - 187 с.

[3] Руднев В. Нужно ли восстанавливать институт возвращения уголовных дел судом / В.Руднев // Законность. – 2006. - № 2. - С. 38 – 39.

[4] Тришева А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательности судопроизводства / А. Тришина // Законность. – 2009 - №7. – С.3-9.

[5] О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Законом Республики Беларусь, 05 янв. 2015 г., № 241-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 20.01.2015.

Предвидя дальнейшее совершенствование действующего уголовного законодательства, направленного на полноценное и независимое развитие стадии подготовки и назначения судебного разбирательства в Республике Беларусь, видится введение должности следственного судьи, наделенного полномочиями по проверке поступившего уголовного дела на предмет законности и обоснованности представленных доказательств, по решению вопроса о допустимости доказательств и сбора дополнительных доказательств. В компетенцию следственного судьи было бы целесообразно включить рассмотрение решений следователей о производстве отдельных процессуальных действий и избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также рассмотрения жалоб на действия и решения следователей. Организация стадии предварительно заседания в такой форме создаст возможность исправления процессуальных ошибок и нарушений на ранней стадии судебного разбирательства.

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что в Республики Беларусь хоть и существуют элементы судебного контроля, однако в полной мере судебный контроль не развит, а в ряде случаев положения УПК Республики Беларусь противоречат нормам международного права. Анализируя положительный опыт изменения законодательства Российской Федерации, направленные на совершенствование судебного контроля за предварительным следствием, стоит рассмотреть вопрос о реформировании судебной системы в Республике Беларусь.

Амосова А.В.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Научный руководитель: *доцент Т.Н. Дорошенко*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Согласно статье 152 Семейного кодекса Российской Федерации приемной семьей признается опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем на срок, указанный в этом договоре.

На сегодняшний день в Новгородской области приемная семья является самой распространенной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В 1045 приемных семьях воспитываются 1539 детей. Для сравнения в 2006 году воспитывалось 347 детей в 221 приемной семье. Впервые приемные семьи в Новгородской области появились в 1997 году.[1]

Ежегодно наблюдается увеличение доли детей, воспитывающихся в приемных семьях. Отметим также резкое возрастание количества детей, взятых в приемную семью в 2007-2008 году по сравнению с 2006. Тогда количество детей-сирот, взятых на воспитание в приемную семью, увеличилось на 869 человек, в то время как ежегодное возрастание по остальным годам количества детей-сирот не превышает в среднем 50 человек в год. Такое резкое возрастание численности детей-сирот, взятых на воспитание в приемные семьи, автор связывает с развитием мер государственной поддержки таким семьям.

В 2006 году Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был дан курс на увеличение заработной платы приемному родителю с 1-1,5 тысяч рублей до 2,5 тысяч ежемесячно, а также на введение единовременного пособия при устройстве ребенка в семью

[1] Распоряжение Администрации города Новгорода от 22.10.1997 N 4219 – рм «Об организации работы по созданию приемных семей и материальной базы для их размещения» // Законы и постановления РФ [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://zakon-region2.ru/3/162714/.

в размере 8 тысяч рублей. [1]Немалую роль сыграло и развитие технического фактора, что позволило обеспечить общедоступность информации о детях - сиротах, находящейся в государственном банке данных.

Исходя из определения приемной семьи, можно выделить одну из главных особенностей данного института – наличие договора, заключаемого в письменной форме по просьбе лиц, желающих воспитывать ребенка в своей семье. На основании данного договора приемные родители являются законными представителями принятого на воспитание ребенка и вправе выступать в защиту его прав и законных интересов.

За осуществление воспитательной деятельности приемным родителям ежемесячно выплачивается денежное вознаграждение, размер которого определяется договором о приемной семье в соответствии с законами субъектов Российской Федерации. Так согласно статье 2 Областного закона Новгородской области от 13 мая 2008 года № 300 – ОЗ «О порядке выплаты денежных средств на детей, находящихся под опекой (попечительством)» размер выплаты денежных средств опекунам (попечителям) устанавливается областным законом об областном бюджете на очередной финансовый год.

В Новгородской области ежемесячное вознаграждение, выплачиваемое приемному родителю на одного ребенка, переданного в приемную семью, составляет 5 205 рублей. Содержание на одного ребенка в приемной семье составляет 6 776 рублей, а ребенка с ограниченными возможностями здоровья или ребенка инвалида – 8131 рубль. [2] На наш взгляд, размер такого содержания является недостаточным для качественного воспитания приемного ребенка. Отметим, что за первый квартал 2015 года в Новгородской области установлен размер прожиточного минимума, который на детей составляет 9442 рубля.[3] Таким образом, содержание на одного приемного ребенка установлено ниже, чем прожиточный минимум, на 2666 рублей. Представляется, что необходимо увеличение размера содержания на приемного ребенка до уровня прожиточного минимума установленного за первый квартал 2015 года на детей.

Также в нашем регионе существует проблема отсутствия дифференциации выплат в зависимости от возраста ребенка. Как отметила, Уполномоченный по правам ребенка в Новгородской области Е.В. Филинкова единый размер выплат нарушает права детей, воспитывающихся в приемных семьях, на качественное питание и материальное обеспечение.[4] Мы полностью поддерживаем данную точку зрения. От возраста ребенка зависят его потребности, а соответственно с увеличением возраста возрастают и потребности ребенка. При расчете такого содержания на воспитание ребенка в приемной семье необходимо учитывать материальные затраты на культурно – эстетическое воспитание ребенка, приобретение одежды, книг, игрушек, предметов личной гигиены, оплату образования. Таким образом, дифференциация выплат на содержание ребенка в приемной семье в зависимости от его возраста позволит приемным родителям наиболее качественно осуществлять уход за ним, а также его воспитание и образование.

---

1 Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 года [Электронный ресурс] // Президент России: [сайт]. URL: http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml (дата обращения: 25.05.2015)

2 Закон Новгородской области от 16.12.2014 № 679-ОЗ «Об областном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» // Официальный веб - сайт Новгородской областной Думы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duma.niac.ru/.

3 Распоряжение Правительства Новгородской области от 31.03.2015 № 89-рз «О прожиточном минимуме за I квартал 2015 года» // Официальный интернет-портал правовой информации « Государственная система правовой информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5300201504030016

4 Доклад «О деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Новгородской области в 2012 году» [Электронный ресурс] // Уполномоченный по правам ребенка в Новгородской области: [сайт]. URL: http://region.adm.nov.ru/vlast/rebenok/. (дата обращения: 25.05.2015)

Как было отмечено ранее, установление размера вознаграждения приемным родителям и размера содержания ребенка в приемной семье является прерогативой субъектов Российской Федерации, и соответственно их финансирование происходит за счет бюджета соответствующего субъекта. По мнению автора, такая норма не позволяет обеспечить равное положение детей – сирот, воспитывающихся в приемных семьях, так как установление размера таких выплат, зависит от уровня социально – экономического развития субъекта, а также уровня жизни в нем. На наш взгляд, для того, чтобы обеспечить равенство всех детей-сирот, переданных на воспитание в приемную семью во всех субъектах Российской Федерации необходимо установление конкретных единых размеров вознаграждения приемным родителям и ежемесячного пособия на воспитание приемного ребенка на федеральном уровне и соответствующее их финансирование из федерального бюджета.

Для развития института приемной семьи необходимо комплексное взаимодействие, как приемных родителей между собой, так и диалог властей с приемными родителями. На практике, это реализуется через создание общественных организаций, занимающихся вопросами приемных семей. На сегодняшний день в Новгородской области функционирует два таких крупных общественных объединений.

В Великом Новгороде с июня 2003 года функционирует Новгородская областная общественная организация «Новая семья». Свою деятельность объединение начинало как клуб по интересам для замещающих семей, в котором каждая семья, в которой воспитывался ребенок, оставшийся без попечения родителей, могла получить психологическую поддержку и консультацию. Нас сегодняшний день общественная организация осуществляет работу по поддержке приемных семей в различных направлениях. А именно решает вопросы обучения детей, ищет возможности оздоровления приемных детей на льготных основах, представляет интересы приемных семей при ведении диалога с государственными органами по различным вопросам, начиная от предоставления дополнительных материальных льгот таким семьям до разработки мер по дальнейшему развитию института приемной семьи в Новгородской области. Немаловажной является и разработка проектов данной организацией по материальной и психологической поддержки выпускников интернатов и детских домов Новгородской области. [1]

В городе Боровичи Новгородской области с 2012 года существует общественная организация «Счастливы вместе». Ее целями является оказание помощи приемным родителям, посредством консультирования, решения медицинских вопросов, представления их интересов в суде; реализация проектов, направленных на развитие института приемных родителей; помощь воспитанникам детских домов в адаптации вне стен детского дома.

По мнению автора именно создание общественных организаций, которые смогут объединить всех приемных родителей на территории одного или нескольких субъектов сможет значительно повысить развитие института приемной семьи, путем выявления существующих проблем и разработки мер, направленных на их решение. Для полного объединения всех приемных родителей Новгородской области автор предлагает создать представительства вышерассмотренных общественных организации в каждом муниципальном районе Новгородской области, так как значительное отдаление этих районов от областного центра не позволяет приемным семьям, проживающих в них, в полной мере участвовать в деятельности этих общественных организаций.

Таким образом, на сегодняшний день в Новгородской области институт приемной семьи является самой распространенной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в семью. Однако, как мы видим, существуют определенные проблемы,

---

[1] Опекуны и попечители поделятся опытом воспитания детей [Электронный ресурс] // Администрация Великого Новгорода: [сайт]. URL: http://www.adm.nov.ru/parse.jsp?uid=7DDFC2C3D692257F44257C320045AC89 (дата обращения: 25.05.2015)

решение которых необходимо для более качественного функционирования и дальнейшего развития института приемной семьи.

Андреева Л. А.
к.ю.н., доцент РГГУ
заведующий кафедрой частного права
Филиал Российского государственного гуманитарного университета
в г. Великий Новгород

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: НАУКА И ПРАКТИКА

Последнее десятилетие Россия проходит динамичный, противоречиво развивающийся процесс становления государственности, наблюдается интенсивная правотворческая деятельность федерального центра, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Интерес к правотворчеству возрастает в свете различных процессов, в том числе с использованием новых технологий и открывшихся возможностей по проектам, имеющим общественную значимость. Процесс передачи полномочий от федерального центра регионам, наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями затрагивают интересы большинства населения в области социальных гарантий, образования, культуры, занятости, земельных и имущественных отношений. Обеспечение конституционных гарантий гражданам закономерно потребует новых правотворческих решений на уровне федерации, субъектов Российской Федерации, местного самоуправления. Компьютерные технологии позволили обеспечить учет различных мнений и предложений по проектам правовых актов. Примером явилась процедура обсуждения проекта закона «О полиции» посредством электронных сообщений. Проект обсуждался в целом и постатейно, что позволило определить тенденции и основные направления доработки проекта, значительно сократить период обработки предложений и замечаний.[1]

Вместе с тем, активизация правотворческой деятельности наряду с её положительными моментами порождает и негативные последствия. Они проявляются в частности в противоречиях между правовыми актами самого федерального центра, субъектов Российской Федерации и иным законодательством, в невысоком качестве многих правовых актов. При этом с позиции юридической науки требуют осмысления новые технологии обсуждения проектов, внесения предложений и их учет, а также соответствие вновь принятых нормативных актов уже существующим. Единство правового пространства в России в основном стало реальностью, а его поддержание предполагает ревизию правовых актов по мере изменения правового регулирования. Очевидно, что выявление и анализ современных тенденций правотворчества, применения новых методик правотворческого процесса являются ключевыми в развитии федеративных отношений и необходимыми предпосылками осуществления задач, стоящих перед современной Россией. По мнению С.С.Алексеева, содержание средств и приемов юридической техники связано главным образом с определенной организацией правового материала и его внешним изложением, в первую очередь с выражением структуры права[2]. Таким образом, структура права – это именно первооснова, которая предопределяет состав и содержание средств и приемов юридической техники. Юридическая техника указывает внешние формы права, и прежде всего нормативные юридические акты, представляющие специально-юридическое

---

[1] Андреева Л.А., Виснап, Н.Е. Инновации и правотворческая деятельность [Текст] / Л.А.Андреева, Н.Е.Виснап // Управление персоналом: как привлечь, удержать и мотивировать ценных сотрудников – 2010: Сб.матер. Первой региональной научно-практической конференции. РГУИТиП (Северный филиал) – Великий Новгород: Издательство НовГУ, 2010. – С.14-21.

[2] Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т, Т.2. – М.: «Юридическая литература» , 1981, с.267.

содержание акта, а также во внешнем словесно-документальном изложении выраженной в нем воли.

Юридическая техника – это система научных знаний, рассматривающая совокупность соответствующих средств, приемов, методов и правил подготовки и изложения правовых актов. Главное практическое назначение юридической техники как учебной дисциплины состоит в том, чтобы обучить будущего юриста навыкам выполнения юридической деятельности. Юридическая техника помогает понять юристу, что юридическая деятельность, может быть эффективной лишь тогда, когда будут выполняться в четком порядке определенные юридические действия[1].

Средства и приемы технические, потому являются внешними инструментами и способами организации правового материала. Такие средства и приемы с одинаковым успехом используются при выработке, оформлении и систематизации многих актов. Вместе с тем, как подчеркивает С.С.Алексеев, в то же время эти средства и приемы имеют нематериальный характер. Они выражены в определенных идеологических явлениях и категориях (юридических конструкциях, приемах изложения норм и др.)[2].

Юридическая техника внешне материализуется в уровне совершенства правовых (нормативных) актов в качестве формы права. Как только средства и приемы юридической техники реально воплощаются в правовых актах, они становятся свойством данной системы законодательства. В результате правовая система становится все более удаленной от реальных социальных потребностей общества.

Учитывая бурное развитие отраслевого законодательства, юрист не в состоянии будет усвоить весь объем необходимой информации, а, следовательно, пострадает качество, знания будут фрагментарны. Несколько облегчит положение узкая специализация, но вместе с тем, без основных фундаментальных отраслей права, усилия будут сведены на «нет». Безусловно, разрабатывая проекты стандартов, прежде всего, необходимо было бы решить вопросы содержания юридического образования, которое затем и заложить в государственные стандарты, сформулировав новое видение высшего образования в стране, его роль и значение для будущего России. Приступая к подготовке юристов по многоступенчатой системе (бакалавр–магистр), в Федеральный государственный образовательный стандарт необходимо было включить все те дисциплины и спецкурсы, которые позволят выпускникам вузов адаптироваться в новых условиях развития государства и общества. Вместе с тем, федеральные государственные образовательные стандарты по «Юриспруденции» и опыт преподавания предмета «Юридическая техника» позволяют прийти к некоторым выводам.

Анализ современной юридической практики показывает, что математика все чаще становится действенным инструментом исследования юридических объектов, так как значительно увеличился объем нормативно-правовой, криминологической, уголовной и другой информации, которая требует математической обработки и интерпретации. Например, автор при описании безопасности бизнеса часто использует математические расчеты и формулы. По мнению автора и практических работников, отсутствие математического цикла приведет к ухудшению подготовки будущих юристов. В то же время появление дисциплин «Информационные технологии в юридической деятельности» и «Юридическая техника» улучшат качество подготовки по отдельным видам юридической деятельности.

Требует пересмотра подход к таким базовым юридическим дисциплинам, к которым традиционно относится, например, «Административное право». Учитывая введение в

---

[1] Андреева Л.А. Юридическая техника. Учебное пособие /Л.А.Андреева. г.Великий Новгород, Филиал РГГУ в г.Великий Новгород, 2014. – 166 с.

[2] Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т, Т.2. – М.: «Юридическая литература» , 1981, с.268.

сентябре 2015 года КАС РФ[1], необходимо увеличение учебных часов на изучение блока административно правовых дисциплин, что позволит усилить профессиональные возможности выпускников в решении практических вопросов в сфере государственного управления, применения норм административного права, квалифицированной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. По мнению автора, справедливо введение в государственный образовательный стандарт в качестве самостоятельных дисциплин «Административного процессуального права», которые имеют самостоятельные предметы и методы административно правового регулирования.

Современная высшая школа представляет собой социальный институт общества, имеющий своей целью трансляцию знаний, норм, ценностей и эталонов культуры подрастающим поколениям для того, чтобы обеспечить преемственность культуры и необходимую российскому обществу сплоченность и стабильность. Результатом инновационных процессов в науке стало внедрение в образовательные процессы новых информационных технологий, использование различных форм дистанционного обучения на основе современных достижений науки и техники в сфере информатизации. Вместе с тем, приходится констатировать, что современные процессы в сфере подготовки специалистов с высшим профессиональным юридическим образованием не получили комплексного и системного анализа с точки зрения их публичной направленности и выполнения социальной функции.

Среди традиционных профессиональных задач ставятся новые задачи – нормотворческая деятельность, предполагающая участие в подготовке нормативно-правовых актов и иных правовых документов. Представляется, что это важнейшее направление деятельности юриста, не обеспечено.

Для правотворческой деятельности важное значение имеет правильное определение понятия и признаков нормативного правового акта, анализ и особенности понятия и признаков нормативных правовых актов различных уровней, их виды, иные формы (источники) права в региональных и местных правовых системах: правовые обычаи, постановления конституционных (уставных) судов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, договоры нормативного содержания, заключения экспертов. Недостатки законодательной техники могут быть причиной несоответствия нормативных правовых актов, в том числе: предотвращение коллизий между нормативно-правовыми актами разных уровней (правовая экспертиза проектов нормативных правовых актов); выявление коллизий между нормативно-правовыми актами (в ходе государственной регистрации и учета нормативных правовых актов и мониторинга); возложению юридической ответственности за признание недействительными нормативных правовых актов; заключения криминологической и антикоррупционной экспертизы, обязательные для исполнения. Новая специализация потребует проектирования основных образовательных программ по основам правотворчества, проведения криминологической экспертизы нормативных актов, антикоррупциогенной экспертизы.[2]

Выпускник-юрист должен профессионально участвовать в нормотворческой деятельности и будет способен участвовать в разработке нормативно-правовых актов и иных документов в соответствии с профилем своей деятельности. Это слишком широкое толкование профессиональных компетенций, так как известно, что существует несколько типов и видов государственных и муниципальных органов и учреждений, имеющих особый нормотворческий процесс и способы регулирования правовых отношений.

---

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // Российская газета, 11.03.2015, № 49.

[2] Андреева Л.А., Науменко, Ф.П. Антикоррупционный анализ нормативного правового акта./ Научно-практический журнал. Ученые записки Санкт-Петербургского им.В.Б.Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. - № 3(37). – С.176-186.

Процесс правотворчества предполагает непрерывность функционирования механизма, который должен своевременно решать различные задачи по создания нормативных правовых актов и объединять для этого усилия государственных органов и их должностных лиц, граждан, используя современные технологии. Система правотворчества не развивается изолированно от институтов гражданского общества, в процесс могут включаться и различные общественные органы: общественные палаты и комиссии, электронные публичные слушания и обсуждения проектов законов, имеющих большое значение. Правотворческий процесс потребует подготовки специалистов нового направления по специальности «юриспруденция», а именно «юристов технологов», способных с помощью электронных средств нормотворчества значительно сократить процесс подготовки и обсуждения нормативного акта, а также повысить его качество.

Анисимов А.И.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПАРАД РЕФЕРЕНДУМОВ В ЕВРОПЕ: ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ?

Референдумы о независимости стали не редкостью в современном мире. Всего за XX век было проведено более 50 референдум в разных частях света по вопросу независимости. Все они имели разную правовую природу и, соответственно, разные последствия. Особенно интересным представляются референдумы, проведённые в Европе на протяжении 2014 года. Казалось бы, что в современном мире границы государств уже определены и ничто не может повлиять на их изменение. Однако сепаратистские движения в разных странах говорят нам об обратном.

В настоящей статье будут рассмотрены сепаратистские движения в Европе, требующие уважения права на самоопределение народов, посредством проведения референдумов, либо посредством продвижения идеи о проведении такого плебисцита. В данной статье речь пойдет о референдуме в Каталонии, желающей отделиться от Испании, об электронном референдуме в Венето (Италия). Также будут рассмотрены попытки и идеи проведения референдума в Южном Тироле, который не просто хочет отделиться от Италии, но и войти в состав Австрии, и во Фландрии, думающей о выходе из Бельгии (в этом случае Бельгия, скорее всего, перестанет существовать по причине того, что на настоящий момент она состоит из двух провинций: франкоязычной Валлонии и голландскоязычной Фландрии).

В целом можно сказать, что все эти примеры имеют внешние отличительные черты от остального населения своего государства и на первый взгляд обладают, в связи с этим, правом на самоопределение народов. Так, каталонцы этнически отличаются от испанцев, они имеют свой собственный язык, на протяжении долгих лет ассоциируют себя как отдельный самобытный народ, ведут многолетнюю борьбу с испанским правительством, отстаивая свою независимость. Южный Тироль был включен в состав Италии после Первой мировой войны. Народ этого региона сохраняет тяготение к Австрии, в регионе установлен второй официальный язык – немецкий. Фландрия имеет существенное языковое отличие от второй половины Бельгии – Валлонии[1]. Самые слабые отличительные характеристики, на наш взгляд, имеет Венето. Кроме наличия самостоятельной Венецианской республики, существовавшей до конца XX века, и обособленного венецианского диалекта, Венето не сильно отличается от остальной части населения Италии. Не смотря на это, все эти народы имеют свои отличительные характеристики и вправе быть названы народом в смысле права

[1] Gianluca Busato. Scotland, Catalonia, Veneto: Independence and Prosperity// [Интернет ресурс: http://blog.plebiscito.eu/news/scotland-catalonia-veneto-independence-and-prosperity] (Дата обращения 23.05.2015)

на самоопределение, при этом еще раз отметим, что несколько более слабую позицию здесь имеет Венето.

Вторым важным аспектом, который необходимо рассмотреть, является статус этих регионов внутри материнского государства. Каталония и Южный Тироль имеют свою автономию в Испании и Италии соответственно. В них установлен родной язык каждого народа в качестве второго официального, более того они имеют самостоятельные органы власти, естественно с ограниченным кругом полномочий. В Бельгии и язык Фландрии, и язык Валлонии имеют государственный статус[1]. Поэтому, исходя из этих данных, можно сделать обоснованный вывод о том, что народы этих регионов имеют ярко выраженную реализацию их права на внутренне самоопределение.

Право на внешнее самоопределение, включая отделение от государства, в соответствии с «предохранительной оговоркой», установленной в Декларации о принципах международного права, может быть реализовано только в исключительных случаях, когда внутреннее право народа на самоопределение не обеспечивается государством и когда это государство грубо нарушает права человека[2]. Можно сделать вывод о том, что рассмотренные нами народы не подпадают под исключительность «предохранительной оговорки», так как они имеют свои автономии, что является доказательством уважения материнским государством их права на самоопределение. Следовательно, рассматриваемые регионы не имеют права на отделение от государства. Таким образом, референдумы в этих регионах по вопросу получения независимости не могут быть признаны легитимными в соответствии с нормами международного права.

Исходя из полученного нами вывода, возникает вопрос: «Зачем же на самом деле проводятся такие псевдо-референдумы?» Ответ на этот вопрос очень прост и заключается он в финансовой составляющей. Южный Тироль и Венето являются одними из самых богатых регионов Италии, Фландрия кормит Валлонию, а каталонцы выплатой налогов существенно пополняют казну Испании. И все эти регионы неоднократно высказывались о неудовлетворенности распределения бюджетных средств внутри государства. Так, мы видим, что истинная причина сепаратистских движений заложена в экономической составляющей. Рассматриваемые регионы не согласны с политикой своего государства, когда их доходы идут на поддержку более слабых и бедных регионов страны.

Понимая истинную причину таких референдумов, можно определить цель их проведения. Цель заключается, прежде всего, в привлечении внимания государства к проблеме региона, попытка таким образом расширить свою автономию, получить больше прав и полномочий, уменьшить налоговую нагрузку. В случае с Венето главной целью является для начала получение статуса автономии.

Следует отметить, что даже референдум в Шотландии, который в полном смысле этого слова является таковым в силу его признания государством и проведения в соответствии с внутренним правом, имел среди прочих и экономические цели своего отделения. Залежи нефти у берегов Шотландии являются подтверждением данной идеи. Так же следует отметить, что Шотландия на протяжении многих лет путем угрозы выхода из состава Великобритании расширяла свои полномочия, которые в результате позволили провести референдум. Решение Шотландии оказало существенное значение на европейские регионы, желающие получить независимость[3]. В случае положительного результата

---

[1] Fabian Zuleeg**. EU independence referendums have little effect** [Интернет ресурс: http://www.dw.de/eu-independence-referendums-have-little-effect/a-17554364] (Дата обращения 24.05.2015)

[2] абз. 7, П. 5. Ст.1 Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г.

[3] Tony Barber. Scottish separatism fuels movements in Spain and Italy [Интернет ресурс: http://www.ft.com/cms/s/0/ed60a76e-38e6-11e4-a53b-00144feabdc0.html] (Дата обращения 25.05.2015)

голосования в Шотландии это бы ускорило сепаратистские тенденции в Европе. К счастью этого не произошло.

Таким образом, рассмотренные в данной статье референдумы показывают возможность искаженного использования права на самоопределения народов. Обусловлено это, прежде всего, иными целями и задачами сепаратистских движений, которые маскируются правом на самоопределение. Рассмотренные референдумы имеют лишь отдаленную связь с реализацией права на самоопределение и потому не могут рассматриваться как проведенные в рамках реализации закрепленного в Уставе ООН права на самоопределение народов.

Антонова Т.А.
к.п.н., доцент кафедры истории
государства и права
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ (АБОРТОВ)

Слово «аборт» происходит от латинского «abortus» и означает в медицинской терминологии «выкидыш», который может быть как искусственным, так и самопроизвольным. Мы рассмотрим правовые основы только искусственно вызванного аборта, безусловно, затрагивая и моральные аспекты этой проблемы, поскольку их в принципе нельзя отделять друг от друга.

Отношение общества и государства к аборту в различные времена зависело от особенностей общественного и государственного строя, от экономических и социальных условий жизни, от численности и плотности населения в стране, от преобладания той или иной религии. С давних времён искусственное прерывание беременности было вне закона, и лишь XX век легализовал аборты. Если проследить хронологически историю этого вопроса в нашей стране после революции 1917 года, мы увидим, что периоды разрешения и запрета проведения абортов чередовались. В 1920 году аборты были разрешены в РСФСР, но это продолжалось недолго и уже в 1926 году были полностью запрещены аборты впервые забеременевших женщин, а также делавших эту операцию менее полугода назад. А в 1936 году проведение данной процедуры оказалось полностью под запретом (за исключением абортов по медицинским показаниям), что естественным образом вызвало увеличение числа так называемых криминальных (подпольных, незаконных) абортов, частым следствием которых являлась бесплодие и смерть женщин. В 1955 году аборты вновь были разрешены. С этого времени в России больше ни разу не запрещалось проведение искусственного прерывания беременности, осуществлялись лишь некоторые законодательные корректировки. Более того, современное российское законодательство об абортах считается одним из самых либеральных в мире. И хотя в последние 5-7 лет в нашей стране наметилась тенденция к сокращению числа абортов (цифры колеблются в пределах миллиона в год), они по-прежнему остаются распространённым явлением. По данному показателю Россия занимает одну из лидирующих позиций.

Согласно статье 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве[1]. Условиями проведения абортов в данном случае являются: во-первых, информированное добровольное согласие женщины (далее – ИДС), что впрочем, необходимо для любого медицинского вмешательства

---

[1] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 г. №323-ФЗ. Ст.56 [Электронный ресурс] http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html (дата обращения 12.05.2015).

(за исключением случаев оказания медицинской помощи пациентам без их согласия). Причём это согласие имеет право давать пациентки, достигшие 15 лет, наркозависимые – 16 лет, а за пациенток, не достигших указанного возраста, ИДС дают родители (законные представители). Во-вторых, срок беременности не должен превышать двенадцати недель. Важным новшеством вышеуказанного закона, вступившего в силу 1.01.2012 г., стало введение обязательной «недели тишины» (семи дней) между обращением женщины и проведением аборта при сроке беременности восьмая-десятая недели, или «48 часов тишины» – при сроке четвёртая-седьмая недели и 11-12 недели. Кроме того врач имеет права отказаться от производства аборта по личным убеждениям[1]. По мысли законодателей, эти нормы, кстати активно поддержанные Обществом православных врачей России, должны способствовать сокращению числа абортов. Хотя существует и другое мнение по поводу этих нововведений, суть которого в том, что произошло существенное ограничение репродуктивных прав женщин.

Также возможны аборты *по социальным показаниям* при сроке беременности до двадцати двух недель. Перечень таких показаний почти за десять лет сократился сначала с тринадцати до четырёх наименований, а затем до одного. На сегодняшний день Правительством Российской Федерации в качестве такого показания установлена беременность, наступившая в результате изнасилования[2]. Такие моменты, как, например, пребывание женщины в местах лишения свободы, смерть мужа во время беременности, многодетность и т.д. теперь не являются основаниями для производства аборта по социальным показаниям.

И наконец, при наличии *медицинских показаний* и согласии пациентки аборты производятся независимо от срока беременности. К таковым показаниям со стороны матери относятся ее заболевания, в силу которых беременность не может быть продолжена, поскольку создаётся слишком большой риск для ее жизни, например, пороки сердца или заболевания печени и почек со значительным снижением их функции, тяжелые некомпенсированные формы сахарного диабета, туберкулез, сифилис и другие. Со стороны ребенка – выраженные аномалии развития внутренних органов несовместимые с жизнью, тяжёлые генетические заболевания[3]. У недееспособных пациенток искусственное прерывание беременности возможно по решению суда, которое принимается по заявлению ее законного представителя и с участием такой пациентки.

За нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении абортов, выразившихся: в нарушении требований о получении ИДС, в нарушении сроков, в том числе и сроков с момента обращения женщины в медицинскую организацию, предусмотрена административная ответственность. Она реализуется наложением различных сумм штрафов (от тысячи до ста пятидесяти тысяч рублей) на граждан, под которыми понимаются медицинские работники, не являющиеся должностными лицами, должностных и юридических лиц [4]. В статье 123 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за незаконное производство аборта. Под этим понимаются действия по искусственному прерыванию беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля (то есть акушеркой,

---

[1] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 г. №323-ФЗ. Ст. 70, ч.3 [Электронный ресурс] http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html (дата обращения 12.05.2015).

[2] Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 N 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» [Электронный ресурс] http://www.rg.ru/2012/02/15/98-dok.html (дата обращения 19.03.2015).

[3] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 03.12.2007 №736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» [Электронный ресурс] http://www.rg.ru/2012/02/17/abort-dok.html (дата обращения 12.05.2015).

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ. Ст.6.32[Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/popular/koap/ (дата обращения 30.04.2015).

медсестрой, фтизиатром, стоматологом, студентом медвуза). Это преступление влечёт наказание в виде штрафа, либо обязательных работ, либо исправительных работ. Если же данное деяние повлекло тяжкий вред здоровью или смерть потерпевшей возможно наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового[1].

Таким образом, в России на сегодняшний день возможность проведения искусственного прерывания беременности зависит от желания женщины и срока беременности, а также от наличия социальных или медицинских показаний. Приходится признать, что в современном обществе аборты неизбежны и если объективно учитывать реалии, то борьба за полное запрещение абортов, по меньшей мере, утопична. В то же время, по нашему мнению, должен насторожить распространяющийся в обществе взгляд на искусственное прерывание беременности как на обычную медицинскую процедуру, единственной отрицательной стороной которой может быть вред, нанесенный здоровью женщины. Ведь с точки зрения морали аборт – всегда трудный мучительный выбор. Значит, к абортам нельзя привыкать и нельзя считать их нравственно-нормальным явлением.

Афанасьева М.С.
студент
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Международное гуманитарное право тесным образом соприкасается с защитой прав человека по ряду общих и специальных принципов и правил. Его нормы направлены на защиту детей, как в общем контексте гуманного отношения к некомбатантам, так и в сфере особой протекции для представителей наиболее уязвимой категории лиц.

Согласно принципам Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., семья является единственной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны, как общества, так и государства. П. 1 ст. 24 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. устанавливает право каждого ребенка, без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения, на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны семьи, общества и государства. Ст. 39 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. требует от государств-участников принятия всех необходимых мер для содействия физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, который является жертвой вооруженных конфликтов. Приведенные выше международные нормы мы относим к правовым инструментам универсального уровня защиты детей.

Проблема детей-комбатантов приобретает особенную остроту в связи с постоянными вооруженными столкновениями и крайне низким уровнем экономики в странах африканского континента (Сомали, Чад, Кения) и военной ситуацией в Афганистане и Ираке. Устранить социальные катастрофы должны не нормы международного гуманитарного права, но глобальные программы организации рынка труда и семейной поддержки[2].

---

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. М.: Эксмо, 2014. С.79.

2 Журнал Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, 2008, выпуск 2.

Федеральный закон РФ от 26 июня 2008 г. № 101-ФЗ «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах», содержит два заявления РФ по поводу призыва на военную службу в вооруженные силы. Первое из них состоит в том, что российские граждане, не достигшие 18-летнего возраста, не подлежат призыву и с ними не может быть заключен контракт о прохождении военной службы. Второе заявление касается права на поступление в военные образовательные учреждения граждан РФ, достигших 16-летнего возраста. Следовательно, позиция РФ в вопросе возраста призыва в вооруженные силы построена на дифференцированном подходе.

Принципы особой защиты детей в период вооруженного конфликта могут быть сформулированы следующим образом:

- находящиеся в вооруженном конфликте стороны предпринимают все меры к тому, чтобы дети, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали участие в военных действиях в качестве комбатантов. Этого требует от сторон конфликта п. 2 ст. 77 I Дополнительного Протокола 1977 г. к Женевским Конвенциям 1949 г. Указанный принцип международного гуманитарного права находит свое закрепление и в нормах п. 2 и п. 3 ст. 38 Конвенции ООН о правах ребенка, что говорит о заимствовании отраслевых принципов универсальными соглашениями;[1]

- исходя из того, что полностью запретить участие подростков в военных действиях невозможно, п. 2 ст. 77 I Дополнительного Протокола 1977 г. предлагает сторонам вооруженного конфликта при вербовке в армию лиц в возрасте от 15 до 18 лет отдавать предпочтение лицам более старшего возраста;

- если в условиях международного вооруженного конфликта дети до 15 лет, несмотря на запрет, предусмотренный п. 2 ст. 77 I Дополнительного Протокола 1977 г., все же призваны в состав вооруженных сил, то они продолжают пользоваться особой защитой;

- дети в условиях вооруженного конфликта пользуются особым уважением и должны быть защищены от любого рода непристойных посягательств;

- в отношении детей в период вооруженного конфликта продолжают действовать принципы сохранения и единства семьи, поддержания культурных традиций и должной системы воспитания детей;

- дети должны содержаться в помещениях, отдельных от помещений для взрослых, в случае ареста, задержания или интернирования;

- смертный приговор за правонарушение, связанное с вооруженным конфликтом, не приводится в исполнение в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста в тот момент, когда оно было совершено;

- процедуры освобождения и возвращения детей в места их постоянного проживания или размещение их в третьей нейтральной стране должны быть по возможности облегчены;

- эвакуация детей производится только с согласия родителей, опекунов или ответственных за попечение лиц (п. 1 ст. 78 I Дополнительного Протокола);

- во всех случаях осуществления эвакуации обеспечивается постоянное обучение каждого ребенка;

- на власти, принимающей детей, страны возложены обязанности по их идентификации и направлению соответствующей информации в Центральное агентство по розыску Международного Комитета Красного Креста, для того, чтобы облегчить последующее возвращение детей в их семьи и их страну.

II Дополнительный Протокол не предлагает детальной правовой регламентации правового статуса детей, которые могут быть задержаны как вооруженные участники воюющей оппозиции.

---

[1] Дети и война. Сборник статей, МККК. – М., 1995. С. 69–70.

Факультативный Протокол 2000 г. к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, повышает минимальный возраст добровольного призыва лиц в национальные вооруженные силы и признает за теми, кто не достиг 18-ти лет, право на особую защиту (п. 1 ст. 3). Государства-участники Протокола, которые все же допускают добровольный призыв несовершеннолетних лиц до 18 лет, предоставляют гарантии того, что:

- призыв действительно имеет добровольный характер;
- он производится с согласия родителей или законных опекунов призываемых лиц;
- эти лица получили полную информацию об обязанностях военной службы и представили достоверные доказательства своего возраста до принятия их на военную службу.

Ст. 4 Факультативного Протокола налагает обязанность не вербовать и не использовать в военных действиях лиц, не достигших 18 лет, на вооруженные группы, которые не относятся к военным силам государства, т.е. на оппозиционные или добровольческие формирования.

Представляется, что особое отношение к проблемам детей в военное время должно быть приоритетом в практическом сотрудничестве государств, международных организаций и гражданского общества в целом.

Психологи, педагоги и журналисты, занимавшиеся программами оздоровления детей-жертв военных конфликтов в период вооруженного конфликта в Чеченской республике, отметили, прежде всего, проблему «упущенного детства». Презюмируется, что детство является обязательным в жизни каждого человека периодом формирования личности. Специалисты указывают: «Сравнивая одинаковые по времени отрезки жизни ребенка и взрослого, мы ясно видим, что они находятся как бы на разных временных осях. Так, если за 10 лет жизни взрослый может несколько постареть или возмужать, то у ребенка в те же годы происходит бурный рост и физическое, психическое, умственное и нравственное формирование. И то, что недополучено в детстве, что было упущено, практически невозможно выправить, восполнить в течение всей практической жизни. В результате ребенок может войти во взрослость ущербным в одном или нескольких отношениях. Допустить это никак нельзя»[1].

Итак, принципиальным моментом практической защиты детей в условиях вооруженного конфликта становится применение общей защиты в отношении гражданского населения, предусмотренной нормами IV Женевской Конвенции 1949 г. Международно-правовые основы обращения с гражданскими лицами, такие, как необходимость проведения различия между комбатантами и некомбатантами, запрет неизбирательных нападений и использования военных мер в отношении мирного населения, ограждение его от опасностей войны, направлены, в том числе, и на детей.

Ст. 14 IV Женевской Конвенции предусматривает, что стороны, находящиеся в конфликте, могут создавать на собственной или оккупированной территории санитарные и безопасные зоны и местности для того, чтобы оградить от военных действий, в том числе и детей до 15 лет, беременных женщин и матерей с детьми до 7 лет. Такие зоны не должны быть объектами, каких бы то ни было военных нападений. Согласно ст. 50 этой же Конвенции, не допускается изменение гражданского состояния детей оккупирующей стороной. Прежде всего, под гражданским состоянием понимается принадлежность к гражданству определенного государства и семейный статус ребенка, оказавшегося в условиях военной ситуации.

Известно, что в период Второй Мировой войны власти фашистской Германии осуществляли массовые перемещения местного населения, как взрослой его части, так и

---

[1] Оздоровление детей – жертв военных конфликтов. Опыт работы Ростовского регионального общественного Движения пострадавших в чеченском конфликте. – Ростов-на-Дону, 2000. С. 9.

детей и подростков, с оккупированных и подконтрольных территорий. При этом угнанные дети утрачивали родственные связи с семьей, после окончания войны многие из них обрели других родителей и другое гражданство. До сих пор многие члены семей, перемещенные в этот период, продолжают поиск друг друга посредством системы запросов и информационной базы данных, существующей при Центральном агентстве по розыску Международного Комитета Красного Креста.

Эвакуация детей в другую страну возможна только в случаях, когда речь идет о временных мерах безопасности, когда воюющее государство организует такую эвакуацию для детей своих граждан. Данная норма исчерпывающим образом закреплена в ст. 78 I Дополнительного Протокола 1977 г. Помимо этого правила, ст. 50 IV Женевской Конвенции обязывает оккупирующее государство заботиться о поддержании детей, разлученных вследствие войны с родителями и близкими. Это касается, в том числе, и организации их обучения своему национальному языку и религии и предоставления им должного содержания. [1]

Значимость защиты детей в международном гуманитарном праве обусловила наличие в Конвенции ООН о правах ребенка п. 1 ст. 38, который обязывает государства-участников уважать принципы и нормы, применяемые в случае вооруженных конфликтов и имеющие отношение к детям, и обеспечивать их соблюдение. Защита личностных прав в условиях вооруженных конфликтов «была и остается актуальной проблемой современности и должна привести к утверждению общепризнанного принципа международной солидарности».[2] Даже в сложных обстоятельствах военного времени права детей составляют доминирующую основу гуманности и являются человеческой ценностью, значимость которой на универсальном уровне провозглашена государствами.

Бабурин С.Н.
д.ю.н., профессор
президент Ассоциации юридических вузов,
президент Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры,
главный научный сотрудник ИСПИ РАН

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Триумф патриотических чувств, вызванный возвращением в 2014 году Крыма и Севастополя в состав России, не отменяет необходимости борьбы за благосостояние жителей Российской Федерации и процветание самой нашей страны. Сложная социально-экономическая ситуация находит своё отражение в политических процессах и всё больше заставляет задумываться российское общество о целях нашего государственного строительства и о краеугольных камнях, на которых мы пытаемся строить будущее. Самые разные политические силы России ставят вопрос о необходимости изменения основного российского закона – Конституции Российской Федерации.

Ещё в конце XIX века отмечалось, что «в своем настоящем положении общество не имеет элементов устойчивости»[3]. Две мировые войны и «холодная война» второй половины

---

[1] Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве. Статьи и документы. – М.: МККК, 1999. С. 95–96.

[2] Международное гуманитарное право. Институт А. Дюнана, ЮНЕСКО. – М., 1991. С. 6.

[3] Кидд Б. Социальная эволюция. С предисл. Н.К. Михайловского и проф. Вейсмана. Пер. с англ. СПб, 1897. – С. 10.

XX века стали тому ярким доказательством. Но, если раньше люди успокаивали себя убеждением, что эволюция человечества не представляет собою разумного процесса[1], то в последние десятилетия XX века они в интересах собственного выживания обратились к прогнозированию своего будущего и сознательному, рационально обусловленному выбору наиболее приемлемых и реализуемых его вариантов. В 1992 году на конференции ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро был принят ряд документов, провозгласивших необходимость перехода человечества к стратегии устойчивого развития как общепризнанного, сознательно конструируемого всем мировым сообществом равновесия в отношениях между человеком и биосферой, обществом и природой.

Устойчивое развитие можно определить как такое развитие, которое осуществляется в пределах несущей емкости экосистем (а, главное – биосферы в целом), т.е. безопасное развитие, гарантирующее выживание как нынешних, так и будущих поколений людей в условия сохранения окружающей природной среды.

Переход человечества к устойчивому развитию – это с неизбежностью социальная революция, которая по своей сути и форме не может быть насильственной. Любое принуждение к указанному процессу перечеркивает его возможность. При всей неоднозначности воздействия глобализации на национальное государство и право, иллюзиях формирования «единого правопорядка, охраняемого единой государственностью»[2], выводы Г.И. Тункина об эфемерности возникающих с 50-х годов планов той или иной мировой федерации[3]. И хотя до сих пор части мира не отображают образа целого, а их схожесть, свою очередь, не формирует общности[4], будущее мира определится той или иной моделью глобализации.

Глобализация и мировое развитие стали в наше время единым процессом[5]. России важно, чтобы объективно формирующиеся глобальные процессы, переходя в стадию глобализации, не сводились бы к унификации мира по североамериканским стандартам образа жизни и нравственности, а вбирали бы в себя всё богатство сохранившихся человеческих цивилизаций. Методом же дальнейшего развития может быть только глобальный эволюционизм.

Глобальный эволюционизм как новая концепция развития во Вселенной привлекает все большее внимание современной науки и образования. Эта концепция представляет собой не просто новое научное знание, аккумулирующее и обобщающее последние достижения многих наук, но и новое мировоззрение, и методологию для всей науки и образования в целом, в том числе и в области глобализации и других глобальных процессов. Кризис, охвативший после 2008 г. весь мир, не может и не должен быть основанием для отказа России от стратегической цели – перехода к устойчивому развитию – и сузила горизонты своего планирования на будущее. Такова, к счастью, и позиция Совета Безопасности РФ[6]. Но эта позиция, как и утвержденная Президентом РФ ещё в 1996 году программа перехода к устойчивому развитию, до сих пор не подкреплены нормами Конституции России.

Закрепление в Конституции РФ основ российской модели перехода к устойчивому развитию – одна из основных задач конституционной реформы, точнее, центральная задача. В первую главу должна быть включена специальная статья, посвященная этому вопросу. Тем более что понятие устойчивого развития фактически выступает синонимом безопасного

---

1 Там же. С. 223.

2 Явич Л.С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2000.№ 4. – С. 11.

3 Тункин Г.И. Теория международного права / Под общ. ред. Л.Н.Шестакова. М., 2000. – С. 325-326. См. также: Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2009. С. 45-60.

4 См.: BRICS. Business magazine. 2014. № 4. С. 4.

5 Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М., 2011. – С. 104-123.

6 Подробнее см.: Бабурин С.Н., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М., 2012. – С. 85-86.

прогрессивного развития, где достигается такой уровень безопасности планетарной социоприродной системы, который обеспечивает выживание человечества и его неопределенно долгое существование.

Намечая конституционную реформу, мы ведём речь отнюдь не только о пробелах в Конституции, которые можно обсуждать до бесконечности, а прежде всего о её дефектах[1], тем более – дефектах нетерпимых. Почему важно незамедлительно устранять системные дефекты Конституции РФ 1993 года? Потому, что если этого не делать, то руководствуясь именно нынешними конституционными нормами правоприменитель будет творить разрушающее общество текущее законодательство, ибо «конституция… есть деятельная сила, необходимо делающая все другие законы и правовые учреждения, устанавливаемые в стране»[2].

Конституция РФ 1993 года пропитана духом бесконтрольности исполнительной власти, порожденным идеологией государственного переворота и насильственного захвата власти Б. Ельциным в октябре 1993 года. Почти «даруемые» президентом России поправки в конституцию, да и принципиальные политические решения (например, переезд Конституционного суда РФ в Санкт-Петербург, объединение Верховного и Высшего арбитражного судов РФ), свидетельствуют не столько о развивающемся конституционном процессе, сколько о безразличии власти к мнению общества. Но и обществу всё больше безразлична власть и её конституционный процесс. Расслоение России на два социальных организма, отторгающих один другого, становится всё ощутимей.

Пришло время вспомнить хорошо забытого Ф. Лассаля, который ещё в середине XIX века указывал на проблемы, возникающие в любом обществе при отрыве его писаной конституции от конституции действительной, то есть от фактической расстановки сил в обществе. «Как скоро писаная конституция не соответствует действительной, - говорил немецкий революционер в своей знаменитой речи «О сущности конституции», - между ними происходит столкновение, которого ничем нельзя предупредить и в котором писаная конституция, листок бумаги, неизбежно побеждается действительною конституциею, действительными отношениями сил, существующими в стране»[3].

Избежать насильственных потрясений возможно только глубокой конституционной реформой, способной достичь две цели: во-первых, сделать Конституцию РФ реальной; во-вторых, превратить конституцию в правовой механизм перехода России к устойчивому социальному развитию. Таким образом, конституционная реформа становится самой злободневной политической задачей здоровых сил российского общества.

Можно выделить несколько задач конституционной реформы в Российской Федерации. При проведении реформы необходимо:

1. Закрепить в Конституции РФ основы российской модели перехода к устойчивому развитию (дополнение в Преамбулу и гл. 1)

2. Избавить Основной закон страны от закрепленных в нем нигилистических идей, препятствующих возрождению России (изменения в гл. 1).

3. Закрепить в Конституции РФ историческую миссию Православия и его роль в создании российской государственности (изменение в Преамбуле).

4. Закрепить в Конституции особую ответственность русского народа за сбережение российского общества и государства, за благополучные межнациональные отношения в России (изменения в гл. 1).

---

[1] Подробнее см.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: Материалы международной научной конференции. Юридический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. Москва, 28-31 марта 2007 года / Под ред. проф. С.А.Авакьяна. М., 2008. – С. 11-36.

[2] Лассаль Ф. О сущности конституции // Сочинения. В 3 т. Т. 2. – С. 8.

[3] Лассаль Ф. О сущности конституции // Сочинения: В 3 т. Т. 2. М.: издательство «Круг», [1925] – С. 19.

5. Привести Конституцию РФ в соответствие с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. и закрепить в Конституции РФ участие РФ в евразийских интеграционных процессах и российско-белорусском Союзном государстве (изменения в гл. 1, 2, 3).

6. Укрепить высший орган народного представительства России, как минимум, реорганизовав Парламент РФ, расширив его полномочия в отношениях с исполнительной властью (основные изменения в гл. 5 и не только).

О необходимости конституционной легализации процесса перехода к устойчивому развитию человечества уже сказано. Для успешности конструирования российской модели этого процесса следует избавить Конституцию РФ от закрепленных в ней нигилистических идей, препятствующих возрождению России.

Нормой ст. 13 Конституции о том, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», нам навязана на высшем правовом уровне идеология нигилизма. Отрицание идеологии, а в идеологии – ценностей, есть тоже идеология, причём уравнивающая добро и зло с безоговорочной обязательностью и государственным принуждением к этому уравниванию. Боязнь возвращения монополии марксизма-ленинизма эту конституционную норму объясняет, но не оправдывает. В нашей Конституции закреплена бесовщина, которая требует срочного устранения. И опирается эта бесовщина на ст. 2 Конституции РФ.

Исключительно важно дать новую редакцию ст. 2 Конституции, которая сегодня звучит так: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Как видим, в современной России нам сделали приоритетными «ценности классической либеральной доктрины – индивидуализм, подчинённость интересов государства интересам личности, доминирование частного над общим»[1]. Между тем, эти «ценности» прямо противоречат русской национальной традиции, самой системе нравственных ценностей. Всемирный Русский Народный Собор еще в 2006 году подчеркнул, что в нашем обществе «существуют ценности, которые стоят, не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество… Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества»[2]. Такой подход разделяет большинство российского общества, что и должно найти воплощение в конституционной норме.

Статью 2 Конституции можно изложить в следующей редакции: «Отечество, вера, нравственность, святыни, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Их соблюдение и защита – обязанность государства».

Требует уточнения ч. 1 ст. 15 Конституции, в которой записано: «Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». А в ч. 4 той же статьи добавлено: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В Конституции в завуалированном виде закреплен прямой и добровольный отказ от государственного суверенитета России. Именно так! Своей формулировкой «творцы» Основного закона 1993 года задним числом попытались оправдать «беловежское» преступление 1991 года: конституции противоречит, но так это ратифицированное

---

[1] Бернацкий Г.Г. В обществе есть ценности не менее высокие, чем права и свободы человека // Конституционализм: идеал и/или реальность: Сборник материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 года / Под ред. Б.А.Страшуна, И.А.Алебастровой. М., 2012. – С. 93.

[2] www.patriarchia.ru/db/text/103235.html

международное соглашение! Нет уж, господа! И ратифицировано не уполномоченным на то органом, и не было до 1993 года в российской конституции двусмысленности с приоритетом международных обязательств России над ВСЕМИ её законами (Конституция ведь тоже закон, только Основной).

Ч. 1 ст. 15 Конституции должна звучать: «Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, а также международные обязательства Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации».

Мировоззренческие противоречия Конституции объясняются отсутствием у неё нравственной основы. Именно поэтому и необходимо конституционное признание исторической миссии Православия и его роли в создании российской государственности. Как и закрепление в Конституции особой ответственности русского народа как за сбережение российского общества и государства, так и за благополучные межнациональные отношения в России. В Конституции России должны появиться, наконец, слова РУССКИЙ и ПРАВОСЛАВИЕ. Роль русского народа в становлении Державы формально не отрицают, но и не признают. Фигура умолчания.

Вопреки до сих пор встречающимся утверждениям, что «до обращения в новую христианскую веру русский народ был уже сформированным этносом, выделившимся в VI веке из более крупной общности – славян», что только «русский народ, объединенный сильной княжеской властью, был способен воспринять и усвоить такую развитую и оформленную религию, каковой уже стало на тот момент христианство»[1], всё обстояло совсем не так. Именно приход византийской редакции христианства (ортодоксии), его соединение с традиционными верованиями славян и финно-угров, и привел к появлению русского суперэтноса, немыслимого в отрыве его духовной сущности. Ч. 1 ст. 3 Конституции оправданно сформулировать так: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ, составляющий русскую нацию».

При словах о роли православия начинают сразу кричать о клерикализме. То, что все религиозные объединения должны быть отделены от государства и равны перед законом, не вызывает сомнений. Верить в Бога или верить, что Его нет, решает каждый по своей совести – свобода убеждений священна. Нельзя лукавить и плестись во след Европе, устыдившейся в проекте Евроконституции своего христианского прошлого. В преамбулу следует включить дополнительным пунктом: «признавая исключительно важное значение Православия – религии восточно-православной Церкви Христовой, сыгравшей важную роль в становлении и укреплении российской государственности, продолжающей оставаться стержнем нравственности и культуры русского и близких ему народов».

Ст. 14 Конституции изложить в следующей редакции:

«1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Свобода религиозного сознания неприкосновенна. Пользование личными и политическими правами не зависит от религиозных убеждений каждого.

3. Всякая известная религия свободна, и отправление её культовых обрядов осуществляется беспрепятственно под охраной закона. Отправление культовых обрядов, оскорбляющих общественный порядок или нравственные нормы, не допускается. Прозелитизм запрещается.

4. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Следующая задача конституционной реформы - приведение Конституции РФ в соответствие с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.

---

[1] Бахтин М.В. История государства и церкви в России. В 8 т. Т. 1. Киевская Русь (IX-XII). М.: ВНИИгеосистем, 2012. – С. 228, 237.

Невероятно, но факт: существующая Конституция РФ 1993 года принципиально противоречит Декларации!

Декларацию вспоминают только в связи с её, якобы закреплением приоритета российских законов над союзными. Но прочтите внимательно п.5 Декларации:

«Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается:

полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР;

верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории. Разногласия между Республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором…

право Республики участвовать в осуществлении полномочий, переданных ею Союзу ССР».

Никакого российского безоговорочного приоритета не было! Была защита против вторжения в сферу полномочий РСФСР решений союзных органов, которые были бы связаны с превышением полномочий СССР, закрепленных Союзным договором. А вспомните ещё и то, что в Декларации торжественно провозглашен государственный суверенитет РСФСР на всей её территории и заявлено «о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР». И, наконец, заключительная часть: «15. Настоящая Декларация является основой для разработки новой конституции РСФСР, заключения Союзного договора и совершенствования республиканского законодательства».

Цели, заявленные Декларацией, не достигнуты, задачи не решены. На нас по-прежнему лежит записанная в Декларации обязанность строить Союзное государство и принимать Союзную Конституцию. Отсюда и задача Конституционного Собрания – найти путь разрешения конституционного парадокса, закрепить в Конституции Российской Федерации модель российской реинтеграции.

Эта проблема не тождественна, но близка проблеме конституционного регулирования участия Российской Федерации в евразийской интеграции и российско-белорусском Союзном государстве. Цель интеграции должна быть указана в Преамбуле Конституции, но этого недостаточно. Потребуются новые редакции или дополнения статей в главах 1, 2 и 3 Конституции РФ, да и точечная правка в других главах.

Как мы видим, конституционная реформа в полном объеме не может быть проведена в соответствии со ст. 136 Конституции РФ через внесение локальных поправок Федеральным Собранием и их ратификацией в регионах. Реформа возможна только в соответствии со ст. 135 Конституции РФ через созыв Конституционного Собрания, либо принятием новой Конституции непосредственно на референдуме.

Барышев В.А.
доцент кафедры истории и теории права
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) в составе России, Беларуси, Казахстана и Армении стал реально действующим экономическим образованием. Принято решение о вхождении в ЕАЭС Кыргызстана. В период становления новой тесно

интегрированной международной организации необходимо решить ряд сложных проблем правового характера по налаживанию единого экономического механизма. Экономическая модель, действующая в государствах-членах ЕАЭС, предполагает активную роль государства в регулировании экономических процессов, что не исключает и непосредственное его участие в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами. Особенно это наглядно проявляется в сфере инвестиционной деятельности, где в государствах ЕАЭС сложилась практика заключения инвестиционных договоров с иностранными частными лицами от имени государства. В связи с этим возникает вопрос о едином подходе участников ЕАЭС к проблеме иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом.

Если обратиться к советскому периоду, когда нынешние государства-члены были союзными республиками единого государственного образования, то следует констатировать, что советская цивилистика неукоснительно следовала теории абсолютного иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом. Объяснялось это тем обстоятельством, что теория абсолютного иммунитета государства в 20-30-е годы XX века позволила отклонить большинство исков, которые подавались в суды ряда государств мира к Советскому государству в связи с проведенной в стране национализацией частной собственности.

В новых исторических условиях проблема иммунитета государства возникла вновь, но уже с несколько иным акцентом. Следует признать тот факт, что в 90-ые годы новые независимые государства усиленно копировали все западное, включая и правовые теории. Поскольку в развитых западных странах в 60-70 годы прошлого столетия произошел переход от теории абсолютного иммунитета государства к теории функционального иммунитета, согласно которой государство не может рассчитывать на иммунитет в случаях его участия в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами, если такие отношения носят коммерческий характер, то и на постсоветском пространстве среди юристов появились адепты ограничения иммунитета государства. На наш взгляд, переход к теории функционального иммунитета судебных систем западных стран имел в своей основе сугубо политические причины и был направлен против социалистических и развивающихся государств и их экономической модели развития. Однако тренд копирования теории функционального иммунитета в 90-ые годы XX столетия и начале первого десятилетия нового столетия проявился в постсоветских государствах достаточно отчетливо. Примером может служить попытка принятия закона об иммунитете государства в Российской Федерации. Проект Федерального Закона «Об иммунитете иностранного государства и его собственности» в марте 2004 года был внесен Правительством Российской Федерации на рассмотрение Государственной Думы. В пояснительной записке к названному законопроекту отмечалось: «Переход экономики России на рыночные отношения, ликвидация государственной монополии внешней торговли, проведение приватизации поставили вопрос о необходимости привести российское законодательство по проблемам иммунитета иностранного государства в соответствие с реалиями сегодняшнего дня. Все это свидетельствует о том, что российское законодательство, основанное на концепции абсолютного иммунитета, нуждается в изменении. В этих условиях назрела необходимость разработки и принятия законодательного акта, который при определенных условиях ограничивал бы юрисдикционный иммунитет иностранного государства». [1]

Проект закона прошел первое чтение в Государственной Думе 11 марта 2004 года, но затем его дальнейшее рассмотрение было отложено, а 8 апреля 2011 года законопроект был

---

[1] О юрисдикционном иммунитете иностранного государства и его собственности: проект ФЗ РФ № 127618-4 (ред. принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 11.03.2005 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.

отклонен и снят с дальнейшего рассмотрения. Причина такого решения заключается, надо полагать, в том, что Государственная Дума РФ увидела явное противоречие в содержании проекта Закона с позицией официальных представителей России, заключающейся в резко отрицательном отношении к решениям иностранных судов, нарушающих иммунитет российского государства и обосновывающих такие нарушения теорией функционального иммунитета государства.

На первый взгляд, принятие Федерального закона, ограничивающего юрисдикционный иммунитет иностранного государства в России, является симметричным ответом на действия иностранных судов, не признающих иммунитет российского государства в гражданско-правовых отношениях. Однако это поверхностный подход, не принимающий во внимание последовательности в поведении законодателя, которая должна соблюдаться в праве, поскольку нелогично в одно и то же время не признавать решений иностранных судов, нарушающих иммунитет российского государства, и одновременно принимать закон, ограничивающий иммунитет иностранного государства.

В Республике Беларусь не предпринимались попытки принятия закона об иммунитете иностранного государства. Действующие нормы в нормативных правовых актах, регулирующих иммунитет государства, немногочисленны и в целом исходят из теории абсолютного иммунитета. В частности в ст. 553 Гражданского процессуального кодекса, принятого в 1999 году, установлено: «Предъявление иска к иностранному государству, обеспечение иска и обращение взыскания на имущество иностранного государства, находящееся в Республике Беларусь, могут быть допущены лишь с согласия компетентных органов данного государства (отказ от иммунитета)». Содержание приведенной статьи дает основание утверждать, что она основана на теории абсолютного иммунитета государства. Однако в новой редакции Хозяйственного процессуального кодекса (аналог российского Арбитражного процессуального кодекса), принятой 7 марта 2005 года в ст. 239 иммунитет государства был определен иначе: «Иностранное государство, выступающее в качестве суверена, обладает судебным иммунитетом от предъявленного к нему иска в хозяйственном суде, привлечения его к участию в деле в качестве третьего лица, наложения ареста на имущество, принадлежащее иностранному государству и находящееся на территории Республики Беларусь, и принятии по отношению к нему хозяйственных мер по обеспечению иска и имущественных интересов. Обращение взыскания на такое имущество в порядке принудительного исполнения судебного постановления допускается лишь с согласия компетентных органов соответствующего государства, если иное не предусмотрено законодательными актами или международными договорами Республики Беларусь».

Формулировка в первом предложении абз.1 ст. 239 ХПК – «иностранное государство, выступающее в качестве суверена», на первый взгляд, дает основание сделать логическое заключение об изменении позиции белорусского законодателя в вопросе иммунитета государства, поскольку разделение действий государства на публично-правовые, в которых государство выступает в качестве суверена (как это и определено в абз.1) и частноправовые, составляет суть теории функционального иммунитета. Второе предложение абз. 1 ст. 239 ХПК Республики Беларусь свидетельствует о том, что в вопросе исполнения судебного решения в отношении иностранного государства белорусский законодатель остается на позиции абсолютного иммунитета.

Ситуацию с появлением формулировки в ст. 239 ХПК, соответствующей теории функционального иммунитета, проясняет то обстоятельство, что в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, принятом в 2002 году, появилась ст. 251, где в п.1 говорилось «Иностранное государство, выступающее в качестве носителя власти, обладает судебным иммунитетом по отношению к предъявленному к нему иску в арбитражном суде в Российской Федерации, привлечению его к участию в деле в качестве третьего лица, наложению ареста на имущество, принадлежащее иностранному государству и находящееся на территории Российской Федерации, и принятию по отношению к нему

судом мер по обеспечению иска и имущественных интересов». Начало статьи почти полностью совпадает со ст. 239 ХПК Республики Беларусь, за исключением того, что в АПК Российской Федерации говорится об иностранном государстве, «выступающем в качестве носителя власти», а в белорусском – государстве «выступающем в качестве суверена», что абсолютно тождественно. Принимая во внимание то, что российский АПК был принят раньше, можно предположить, что первый абзац ст. 239 в белорусском ХПК явился результатом простого заимствования российской нормы, а не итогом изменения позиции белорусского законодателя в вопросе иммунитета государства. В настоящее время в законодательстве России и Беларуси сохраняется тождественное противоречие в вопросе иммунитета иностранного государства между гражданскими процессуальными кодексами и кодексами, регулирующими отношения хозяйствующих субъектов. Однако учитывая то обстоятельство, что арбитражные суды в России и хозяйственные суды в Беларуси в настоящее время включены в общую судебную систему, это не имеет существенного значения, поскольку российский Арбитражный процессуальный кодекс и белорусский Хозяйственный процессуальный кодекс, очевидно, будут отменены.

Своеобразно решается вопрос иммунитета государства в законодательстве Казахстана, который в 2010 году ратифицировал Конвецию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятую в 2004 году. В новой редакции Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, принятой в 2012 году, в ст.428 установлено, что иностранное государство не пользуется в Республике Казахстан судебным иммунитетом, если оно осуществило деятельность иную, чем осуществление суверенной власти государства. По смыслу приведенная статья соответствует теории функционального иммунитета. Однако одновременно с изменениями в ГПК были внесены изменения и в Гражданский кодекс Республики Казахстан, где в ст.1102 был включен п.2 следующего содержания: «В гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом Республика Казахстан пользуется юрисдикционным иммунитетом в отношении себя и своей собственности от юрисдикции судов другого государства, включая судебный иммунитет, иммунитет от принятия обеспечительных мер и иммунитет от исполнения судебного решения, если иное не установлено: - в международном договоре Республики Казахстан; - в письменном соглашении, не являющемся международным договором Республики Казахстан; - путем заявления в суде или письменного уведомления в рамках конкретного разбирательства». Из приведенного следует, что в отношении Республики Казахстан в гражданско-правовых отношениях будет действовать теория абсолютного иммунитета. Проведенный анализ законодательства свидетельствует, что в позициях государств-участников ЕАЭС по вопросу иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях есть существенные расхождения, в чем видится потенциальная угроза возникновения межгосударственных противоречий. Очевидно, что для тесно экономически интегрированных международных организаций, каким должен стать Евразийский экономический союз, существует практическая необходимость иметь единую договорную основу в вопросе иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом. Для выработки единой позиции субъектов ЕАЭС в связи с их участием в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами, на наш взгляд, целесообразно принять Конвенцию об иммунитете государств-участников Евразийского экономического союза и их собственности. Представляется, что Конвенция должна быть основана на теории абсолютного иммунитета государства, предусматривая ситуации, когда государство-участник, исходя из своих интересов, может отказаться от иммунитета.

Бахриева З.Р.
к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права
Таврическая академия Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского

ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА, РЕГУЛИРУЮЩИХ ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Одной из специфических черт правового регулирования договорных отношений является наличие общих и специальных норм, регулирующих эти отношения, в частности, на заключительной стадии их существования. При этом единство правового регулирования выражается через общие нормы, которые должны охватывать все условия, основания и порядок прекращения договоров. Такие нормы должны рассматриваться как основополагающие правила. Дифференциация правового регулирования договорных отношений выражается в специальных нормах, распространяющихся на отдельные виды договорных обязательств, так как она вызвана особенностями той или иной группы договоров, а также спецификой отдельных видов договоров. Следовательно, специальные нормы призваны конкретизировать общие, дополнять их, а в некоторых случаях устанавливать исключения из общих правил.

Так, в общих положениях о договоре установлены основания, порядок и последствия изменения и расторжения договора, которые должны применяться ко всем гражданско-правовым договорам (ст. 450 - 453 ГК). В ст. 450 ГК РФ ГК предусмотрены следующие основания расторжения договора:

- по соглашению сторон;
- по требованию одной из сторон по решению суда при существенном нарушении договора другой стороной и в иных случаях, предусмотренных законом или договором;
- в случае одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законом или соглашением сторон.

Возникает вопрос о том, как же следует толковать термин «расторжение договора», и статьи в целом, в которых этот термин употребляется, учитывая то, что в законодательстве не раскрывается значение понятия расторжения договора, а определенные аспекты его понимания законодателем вытекают из специальных норм Гражданского кодекса, регулирующих отдельные виды обязательств. Более того, наряду с терминами «расторжение договора» и «отказ от исполнения договора» применяется термин «прекращение договора». Правда, используются названные термины не всегда корректно.

Общего определения понятия прекращения договора не существует. Не устанавливаются и правила о прекращении договора, которые распространялись бы на все виды гражданско-правовых договоров. Вместе с тем в отношении отдельных видов гражданско-правовых договоров в Гражданском кодексе широко используется термин «прекращение договора».

Например, что касается договора найма (аренды), из содержания ст. 618 ГК («Прекращение договора субаренды при досрочном прекращении договора аренды»), а также из п. 3 ст. 610 ГК о прекращении договора по истечении максимального срока вытекает, что договор аренды может прекращаться. В то же время ст. 619 ГК («Досрочное расторжение договора по требованию арендодателя»), ст. 620 ГК («Досрочное расторжение договора по требованию арендатора») предусматривается возможность расторжения договора аренды. Можно сделать вывод о том, что законодатель рассматривает прекращение и расторжение договора аренды как смежные видовые понятия. Но этот вывод создает трудности при применении ст. 622 ГК, которая устанавливает обязанность арендатора вернуть арендодателю

имущество в случае прекращения договора найма. По логике вещей, эта статья должна применяться к гражданским отношениям, связанным с отказом от исполнения договора найма, с его расторжением, прекращением по иным основаниям. Но использование понятия прекращения договора аренды как видового рядом с таким же понятием расторжения договора аренды означает, что ст. 622 ГК подлежит применению только к отношениям в случаях прекращения договора, а к отношениям, связанным с расторжением договора, ст. 622 ГК применяется не прямо, а в порядке аналогии права.

При отсутствии общей для всех гражданско-правовых договоров нормы о прекращении договора научный и практический интерес представляют специальные нормы, устанавливающие основания прекращения отдельных видов договоров. Так, например, ст. 701 ГК «Прекращение договора безвозмездного пользования» устанавливает такие основания прекращения договора ссуды, как смерть гражданина - ссудополучателя или ликвидация юридического лица - ссудополучателя, если иное не предусмотрено договором. Заметим, что речь идет об объективных основаниях прекращения договорных правоотношений, т.е. не зависящих от воли сторон. При этом смерть или ликвидация ссудодателя не признаются основаниями прекращения договора ссуды. По сути, договор ссуды может прекратиться вследствие других событий, например, по истечении срока договора или в случае случайного уничтожения имущества, переданного в пользование. Потому следует отметить, что ст. 701 ГК («Прекращение договора безвозмездного пользования») нуждается в дополнении положением о том, что «договор ссуды прекращается также в других случаях, установленных законом и соглашением сторон».

Как и в договоре аренды, законодатель наряду с понятием «прекращение договора безвозмездного пользования» (ст. 701 ГК) использует понятия «досрочное расторжение договора безвозмездного пользования» (ст. 698 ГК), «отказ от договора безвозмездного пользования» (ст. 699 ГК) как смежные видовые понятия. Кроме того, остаётся неурегулированным вопрос относительно последствий прекращения или досрочного расторжения договорных отношений, возникших на основании договора ссуды, относительно обязанности ссудополучателя возвратить вещь ссудодателю. Применяя по аналогии ст. 622 ГК о возврате арендованного имущества арендодателю, право требовать принудительного возврата имущества, а также возмещения причиненных убытков должно наступать при любых основаниях прекращения договора ссуды, в том числе и в случае расторжения договора ссуды. Таким образом, «прекращение договора» является родовым понятием относительно понятия «расторжение договора», как видового, иначе, в случае расторжения договора ссуды ссудодатель не имеет права требовать принудительного возврата вещи и возмещения причиненных убытков, ибо для этого не существует правового основания. А это – нонсенс.

Как правильно отмечается в юридической литературе, расторжение договора - это акт, направленный на досрочное прекращение на будущее время действия договора с целью прекращения (в будущем) обязательства, которое возникает из договора и срок исполнения которого еще полностью не наступил или исполнение которого имеет долгосрочный характер[1]. Следовательно, «расторжение договора» - это волевой акт, совершаемый по инициативе сторон. По мнению А.Д. Корецкого, если договор прекращается по договорённости сторон, то следует вести речь о расторжении договора, а если договорные отношения прекращаются без воли сторон (смерть или ликвидация стороны в договоре, признание договора недействительным, в случае, когда кредитор и должник объединяются в одном лице, невозможность исполнения обязательства, наступление обстоятельства, с которым стороны связывали прекращение своих

[1] Заменгоф З. М. Изменение и расторжение договоров / З. М. Заменгоф. – М.: Юрид. лит-ра, 1967, С. 22.

прав и обязанностей) и независимо от неё, то такая процедура является прекращением договора[1].

Из специальных положений Гражданского кодекса, регулирующих отдельные виды договоров, вытекает, что «прекращение договора» - более широкое понятие, которым охватывается расторжение договора, в том числе и путём одностороннего отказа от него. В связи с этим возникает важный вопрос, почему в общих положениях о договоре речь идёт только о расторжении договора. Более того, несоответствие юридической терминологии, которая употребляется в Гражданском кодексе и других законах, затрудняет определение правовых оснований и последствий прекращения договоров. Нельзя считать, что причиной таких коллизий является дифференциация норм, которая вызвана особенностями соответствующих гражданско-правовых договоров. Общие правовые нормы призваны обеспечить единство правового регулирования прекращения договоров, поэтому в отношении отдельных видов договоров необходимо устанавливать только такие особенности их прекращения, которые обусловлены спецификой видов договоров. На сегодняшний день, такие «специальные правила» не всегда обоснованно дифференцируют прекращение отдельных видов договоров, что подрывает основы реализации принципа единства и дифференциации норм договорного права, регулирующих отношения на заключительной стадии их существования, а потому данная проблематика является предметом дискуссий и дальнейших исследований автора.

Бердашкевич С.А.
студент
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации

РЕФОРМИРОВАНИЕ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА В СООТВЕТСТВИИ С ЗАПРОСАМИ СОВРЕМЕННОСТИ ПРИ КОНСТИТУЦИОННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственно-правовое законодательство, в отличие от остальных, не претерпевает существенных изменений. Однако не стоит это расценивать как отсутствие реальной потребности в модернизирующихся нормах конституционного права. Наоборот, они являются основополагающими и должны быть синонимичны словосочетанию «нерушимые устои». На них строится древо различных отраслей права, и было бы неправильным «рубить дуб на корню». Конституционное законодательство можно и даже нужно совершенствовать «порционно». С течением времени выявляются недейственные нормы права и, как следствие, их место занимают другие.

В государственно-правовой сфере существует очень интересная и в последнее время выдвигаемая на первые позиции проблема изменения конституционных основ без ведома «многонационального российского народа». В этой связи можно наблюдать тенденцию укрепления президентской власти. И представляется весьма познавательным проследить увеличение полномочий президента. Первый шаг предпринял Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 года предложил увеличить срок полномочий президента, мотивируя это тем, что 4 года - слишком малый срок для выполнения

[1] Корецкий А.Д. Основы теории и практика реализации: учебное пособие для вузов / А. Д. Корецкий. - Москва Ростов-на-Дону : МарТ МарТ, 2004, С. 119 - 120.

поставленных целей и задач[1]. Закон о поправке к Конституции был принят 30 декабря 2008 года, несмотря на многочисленную критику[2]. Стоит отметить, что в РФ ни один закон, предложенный на рассмотрение Государственной Думе РФ, не был отклонен.

Следующий ряд поправок прошел весьма незаметно и быстротечно, что настораживает. Федеральный конституционный закон с непритязательным названием «О верховном суде РФ и Прокуратуре РФ» содержит в себе очень важный пункт о расширении полномочий Президента РФ по кадровым назначениям в прокуратуре (ст. 129 ФКЗ №2 от 05.02.2014)[3]. Не меньший интерес вызывает Федеральный конституционный закон №11 от 21.07.2014 года «О Совете Федерации Федерального Собрания РФ», который гласит о том, что Президент РФ может назначать и освобождать от должности до 10 процентов от числа членов Совета Федерации[4].

Подобные поправки к Конституции заставляют задуматься о реальном положении вещей и натолкнуть на мысль, о том, что в России возрождается монархия, или, по крайней мере, беспрецедентно сильно крепнет президентская власть. Хотя не стоит забывать также о том, что для современной России подобная сосредоточенная в руках президента государственная власть положительно влияет на текущую ситуацию в стране и способна удержать народ от революционных настроений и, как следствие, социальных потрясений.

Бойцова Е.Ю.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛОГИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Проблема пробельности права является одной из актуальных в правовой действительности. Наличие пробелов в законе нужно воспринимать как данность. В то же время законодателю необходимо стараться решать наиболее важные правовые вопросы уже при принятии нормативных правовых актов. Однако если определенный вопрос не был решен непосредственно при создании закона, то оперативность восполнения правовых пробелов является необходимой составляющей для полноценной реализации поставленных перед законом целей. Одним из основных способов восполнения пробелов в праве является применение аналогии, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости теоретического осмысления основ её правоприменения.

Основной целью применения аналогии является совершенствование законодательства и устранение его пробелов, так как аналогия может наиболее быстро отреагировать и восполнить пробел в праве.

Различают «аналогию процессуального права» и «аналогию материального права». Каждую из этих аналогий законодатель разделил на «аналогию закона» и «аналогию права». Ученые также выделяют дополнительные виды аналогии, в частности, «субсидиарную аналогию».

---

1 http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml

2 http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=83181

3 http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158640;dst=0;ts=E9F3917DB160AEEAAAF427305501FB9D;rnd=0.0681588058359921

4 http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165801

В процессе изучения института аналогии были выявлены проблемы, которые условно можно разделить на теоретические и практические. Теперь перейдем к рассмотрению проблем аналогии и способов их решения.

Итак, одной из теоретических проблем является вопрос, куда следует относить аналогию права и аналогию закона: к принципам права или источникам права? Как уже говорилось выше, ряд ученых спорят относительно данного вопроса. Однако представляется наиболее правильным не относить аналогию ни к принципам, ни к источникам.

Принципы права – основополагающие начала, на которых базируется вся отрасль права. Аналогия же является способом преодоления пробелов и основывается на принципах, что соответственно исключает её в качестве принципа. К тому же принципы являют постоянно действующими основами, аналогия же применяется в исключительных случаях.

Также не следует рассматривать аналогию как источник права, так как при применении аналогии правоприменитель не создает новые нормы, а лишь использует уже существующие нормы, регулирующие сходные отношения или действует, исходя из принципов отрасли права.

Возникает вопрос о том, к чему следует относить институт аналогии, к юридическому явлению или к правовому институту? Можно согласиться с А.В. Цихоцким, который считает, что наиболее правильно рассматривать институт аналогии в качестве структурного звена системы права, то есть системы правовых норм[1]. Таким образом, институт аналогии, в данном случае, воспринимается в качестве части юридических норм, которая самостоятельно обслуживает регулирование отношений, не предусмотренных нормами права, но требующих правовой формы.

Многие ученые задаются вопросом: правильно ли в аналогии видеть только простой логический прием, позволяющий правоприменителю находить правовую норму? «Аналогия права» и «аналогия закона» не игнорируют логику в качестве инструмента в процессе правоприменения. В связи с этим, можно сделать вывод, что логический прием является частью аналогии, но не следует рассматривать аналогию в целом как логический прием.

Следует рассмотреть вопрос о том, является аналогия общей нормой права или же индивидуальной для конкретного случая или дела. В свое время, немецкие ученые выдвинули концепцию «судебного права», согласно которой применение аналогии представляет собой «мгновенное» предположение нормы, не содержащейся в законодательстве, для конкретного случая. Такая норма не имеет значения для последующей судебной практики. В этой концепцией можно согласиться в части неприменения прецедента, так как прецедент не свойственен российскому праву. Относительно же того, что норма применяется исключительно к конкретному случаю, с одной стороны, это исключает применение прецедента, с другой стороны, судам следует вырабатывать единую позицию относительно пробелов в праве, которые восполняются путем применения аналогии, чтобы по аналогичным делам принимались схожие решения. Такое возможно при условии, что Верховный суд Российской Федерации будет направлять судей путем издания постановлений относительно применения аналогии права и аналогии закона при преодолении пробелов в праве. Издание таких постановлений могло бы исключить ошибочное применение аналогии судами. И восполнить пробел до его устранения законодательным способом. Однако целесообразно издавать такие постановления не по каждому встречающемуся пробелу в праве, а только лишь по наиболее часто встречающимся вопросам, где следует применять аналогию.

---

[1] Цихоцкий А. В. Институт аналогии в механизме преодоления пробелов в праве // Вестник НГУ. Серия: Право. 2011. Т. 7. Вып. 2. С. 67-75.

Одной из основных проблем в области применения аналогии является неспособность некоторых правоприменителей различать аналогию права и аналогию закона. В решениях судов иногда встречаются указания на конкретные статьи закона, которые подлежат применению, но при этом суд называет это «аналогией права».

Вероятно, что такие ошибки правоприменители допускают в силу недостаточности знаний, квалификации и непониманию института аналогии. В целом такие неточности не влияют на справедливость и законность решения или определения суда, однако свидетельствуют о юридической неграмотности судьи. Возможно, это связано с тем, что институту аналогии уделяется недостаточно внимания. Эта проблема может быть решена путем проведения учебного курса об аналогии, например, в рамках курсов повышения квалификации (для дипломированных юристов). Безусловно, следует более тщательно рассматривать данный институт в рамках изучения юридических дисциплин.

При разрешении процессуального вопроса в решении суд, как правило, ссылается на применение аналогии материального права. Когда путают процессуальную аналогию с материальной, это не влияет на суть решения или определения по делу, однако говорит о некомпетентности правоприменителя. Решать эту проблему следует также путем повышению уровня знаний практикующих юристов, а также студентов юридических ВУЗов для предотвращения распространения такой проблемы в будущем.

Более интересным можно считать вопрос о допустимости применения по аналогии не только законодательства, но и иных актов, содержащих нормы гражданского права, а также разъяснений высших судебных инстанций.

Многие ученые при буквальном толковании ст. 6 ГК РФ отрицают использование каких-либо норм кроме норм гражданского законодательства по аналгии. Указанный подход находит отражение в отдельных судебных актах. Однако часть ученых толкует гражданское законодательство в широком смысле, а именно как совокупность федеральных законов и иных правовых актов, кроме ведомственных[1]. Данный подход кажется наиболее правильным.

Более того, кажется правильным, что для целей реализации механизма аналогии следует не исключать применение по аналогии актов Президента РФ и Правительства РФ, а также актов министерств и иных федеральных органов исполнительной власти. Представляется, что отсутствуют основания для ограничения регулятивного потенциала механизма аналогии в этом направлении.

Отечественные суды используют аналогию в качестве средства сдерживания поведения, которое прямо не запрещено законом, но нежелательного в конкретной ситуации с экономической, социальной или политической точки зрения. Тем самым судьи зачастую игнорируют известный принцип «нет наказания без указания закона». В юридической литературе возможность применения ограничивающих и обременяющих норм по аналогии также не исключается. Использование института аналогии в качестве фактора, сдерживающего поведение, можно воспринять двояко. С одной стороны, такое сдерживание стоит на защите прав граждан, позволяя правоприменителям защищать их права. С другой стороны, сдерживание может являться дополнительным ограничением, устанавливаемым судебной властью, что в некоторых случаях может ограничивать права лиц. Наиболее правильным решением данной проблемы будет являться применение аналогии в качестве средства сдерживания поведения, однако такое применение допустимо только в случае нарушения прав иных лиц.

---

[1] Рузанова В.Д. Третейское разбирательство: нормативно-правовые основы раз-решения споров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. №8. с. 41–47

Однако предложенные пути решения не совершенны, так как умение применить знания зависит от конкретного человека, то есть от конкретного правоприменителя.

Более результативным способом решения проблем, связанных с применением аналогии можно назвать изложение ст. 6 ГК РФ в новой редакции.

В связи с этим, можно предложить изложить ст. 6 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 6. Применение гражданского законодательства по аналогии

1. В случаях, когда предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется аналогия закона.

Под аналогией закона понимается применение гражданского законодательства, регулирующее сходные отношения, в том числе разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и иные акты, содержащие нормы гражданского права.

2. При невозможности применения аналогии закона, права и обязанности сторон определяются исходя из аналогии права и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Под аналогией права понимается применение общих начал и принципов гражданского законодательства, закрепленных в настоящем Кодексе, а также в разъяснениях и постановлениях Верховного Суда Российской Федерации».

А именно, акцентировать внимание на понятиях аналогии права и аналогии закона, уточнить какое законодательство может быть применено при использовании аналогии закона и какие принципы применяются при аналогии права.

Боровков И.В.
аспирант кафедры правовых дисциплин
Института международного бизнеса и права
Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий, механики и оптики

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В Российской Федерации информационные технологии стали неотъемлемой частью социального, политического и экономического взаимодействия в обществе. Электронные способы передачи и хранения информации послужили основой социальных изменений и формирования информационного общества. Развитие информационных технологий невозможно без надлежащего регулирования и правового оформления.

В российской судебной практике существуют значительные проблемы с применением электронных документов в качестве доказательственной базы. Распространены случаи, когда в судебных процессах электронным документам не уделяют должного внимания, хотя они могут содержать юридически значимую информацию.

Важно отметить, что использование электронных документов в качестве доказательств по делу получило нормативное закрепление ещё 35 лет назад. Так, в указаниях Государственного арбитража СССР указывалось, что стороны по арбитражным делам в обоснование своих требований и возражений вправе представлять арбитражам документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники. Эти документы, поскольку

они содержат данные об обстоятельствах, имеющих значение для дела, должны приниматься органами арбитража на общих основаниях в качестве письменных доказательств[1].

В настоящее время электронные документы имеют новые технологические, социальные и правовые основания. Однако в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормативно-правовые акты, которые бы регулировали электронные документы и деловую переписку с помощью электронной почты в качестве доказательств по рассматриваемым в судах делам. Единого порядка рассмотрения этих документов в качестве доказательств не существует, поэтому судьи отказываются рассматривать подобные документы или принимают их в частном порядке, предъявляя собственные требования.

Как справедливо полагает С.П. Ворожбит, «электронный документ является письменным средством доказывания в той же степени, что и бумажный, если доказательственное значение имеют мысли, содержащиеся в нём и воспринимаемые путём прочтения письменных знаков»[2].

Одним из самых надёжных способов является подтверждение подлинности электронных документов посредством электронной подписи. Однако само использование электронной подписи пока слабо распространено среди населения Российской Федерации. По данным удостоверяющего центра ЗАО «ПФ «СКБ Контур» по состоянию на январь 2014 г. в России было выдано около 3 миллионов сертификатов на получение электронной подписи. То есть пользуются ею сейчас меньше 2 % населения[3], что соответственно отражается на возможности использования электронных доказательств в российском судопроизводстве. В то же время, по данным Института Фраунхофера по открытым коммуникационным системам, по состоянию ещё на 2005 г. в Европе использовали усиленные электронные подписи до 70% населения[4].

При отсутствии возможности подтверждения подлинности электронной подписью участники процесса зачастую представляют электронные документы в виде распечаток, удостоверенных авторами электронной переписки или нотариусами. Иногда встречаются случаи, когда достоверность электронных документов или электронной переписки подтверждается свидетельскими показаниями.

Анализ процессуального законодательства Российской Федерации показывает, что наиболее детально вопрос применения электронных документов в качестве средств доказывания урегулирован в арбитражном процессе. В соответствии с частью 3 ст.75 Арбитражного процессуального кодекса РФ документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором либо определены в пределах своих полномочий Верховным Судом РФ. Однако в Арбитражном процессуальном кодексе РФ не даётся определения электронного документа. В иных процессах стоит отметить практически полное отсутствие регулирования таких средств доказывания, как электронные документы. Ещё

---

1 Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР / Сост.: Харчиков П.А. М.: Юрид. лит., 1983. С.76.

2 Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С.16

3 В России растет число владельцев сертификатов электронной подписи // https://kontur.ru/press/news/ca/2014/2/2151 (дата обращения: 20.03.2015 г.).

4 Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 305592-5 «Об электронной подписи» // http://www.asozd2.duma.gov.ru/ (дата обращения: 20.04.2015 г.).

одной проблемой является отсутствие возможности получения судами электронных доказательств через электронные ресурсы.

Для преодоления правового пробела в части закрепления определения электронного документа в качестве доказательства стоит обратиться к опыту иностранных государств. Например, в Гражданском процессуальном кодексе Венгрии электронные документы делятся на публичные и частные, при этом частные документы бывают простые и с полной доказательственной силой. Повышенная доказательственная сила публичных документов и частных документов с полной доказательственной силой состоит в том, что, пока не доказано обратное, считается, что обстоятельства происходили именно так, как изложено в таких документах, включая место, время и способ зафиксированного в документе волеизъявления. Подлинность частных документов с повышенной доказательственной силой устанавливается только тогда, когда они ставятся под сомнение противоположной стороной или судом признана необходимость подтверждения их подлинности. Простые и частные документы, напротив, не обладают повышенной доказательственной силой, то есть оцениваются на общих основаниях со всеми другими доказательствами в совокупности[1].

Одной из передовых европейских стран по внедрению информационных технологий в судопроизводство является Германия, в которой судебная реформа начиналась именно с внедрения системы электронного документооборота[2].

В ст. 371а Гражданского процессуального кодекса Германии установлено, что к электронному документу могут относиться любые сведения в электронной форме, содержание которых может быть прочитано многократно с использованием письменных знаков[3]. Важно отметить, что Гражданско-процессуальный кодекс Германии относит электронные документы к вещественным доказательствам, тогда как в Российской Федерации его правовая природа имеет неоднозначный характер.

Важно отметить, что с интенсивным развитием информационных технологий появилось огромное количество документов, которые существуют и используются только в электронном варианте. Разрешением данной проблемы должно стать интенсивное внедрение информационных технологий в российское судопроизводство, а именно создание электронных дел, состоящих из подобных документов. В данном случае, возможно, разрешить проблему приобщения электронных документов в качестве доказательств по делу. В настоящее время электронные дела создаются только в арбитражном процессе при рассмотрении дел в порядке упрощённого производства. Всего в 2013 году было рассмотрено около 470 000 таких дел[4], что свидетельствует о востребованности института рассмотрения дел, как в порядке упрощённого производства, так и по средствам использования электронных ресурсов.

Однако создание судебных электронных дел требует довольно длительного времени и финансовых ресурсов, связано это в том числе и с огромным количеством дел, рассматриваемых судами России. В тоже время создание эффективной системы электронного правосудия во всех судебных процессах позволит освободить площади, затрачиваемые ранее на хранение

---

[1] Клепикова М.А. Некоторые вопросы допустимости и достоверности доказательств, представленных в арбитражный суд в электронном виде // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 7. С. 44

[2] Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии: сравнительно-правовой анализ: Монография. М., 2010. С.31.

[3] См.: Гражданский процессуальный кодекс Германии - Zivilprozessordnung vom 01.10.1879. BGBBL. IS. 866, 875.

[4] См.: Аналитическая записка к статистическому отчёту о работе арбитражных судов в Российской Федерации в 2013 году // http://www.arbitr.ru/_upimg/ BA56B64409E63370CC611FE1DCC99CB8_an_zap.pdf (дата обращения: 25.03.2015 г.).

документов, сократить число сотрудников для работы с судебными делами, эффективно использовать создаваемые базы данных.

Таким образом, для надлежащего использования электронных документов в российском судопроизводстве необходимо провести мероприятия, направленные на:

1) Принятие Федерального закона об электронном документе, в котором будут определены понятие, признаки, реквизиты электронного документа, возможность его использования в качестве доказательства в суде.

2) Принятие Верховным Судом РФ постановления, в котором будет установлено, что любые электронные документы являются доказательствами по делу и могут быть приобщены в качестве таковых участниками процесса. При этом сведения, акты, иные документы, размещенные на официальных сайтах органов государственной власти и органов местного самоуправления, могут использоваться в качестве доказательств при рассмотрении судебных споров без необходимости специального заверения уполномоченным лицом официальной копии документа на бумажном носителе. При оценке частных электронных документов суды должны будут исходить из презумпции добросовестности действий участников судебного процесса.

3) Популяризация и упрощение способов получения электронной подписи среди населения Российской Федерации.

4) Использование института обеспечения сведений, содержащихся на электронных носителях и в сети Интернет, нотариусами. Интересным представляется решение, при котором нотариусы будут удостоверять указанные сведения электронной подписью и направлять их в суды через электронные каналы связи.

5) Создание системы электронного правосудия не только в арбитражном процессе, но и в иных видах судебных процессов.

Борознова М.А.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОДДЕЛКИ ДОКУМЕНТОВ

Развитие экономики и возникновение её новых потребностей привели к появлению множества субъектов хозяйственной деятельности, находящихся между собой в отношениях равенства и координации. В разрешении споров, возникших между субъектами хозяйственной деятельности, в основном фигурируют письменные документы, подготовленные с использованием современных технических средств. Именно они нередко становятся объектами преступных посягательств (подделки договоров, векселей и т.п.). При таких условиях установление подлинности письменных документов приобретает особую актуальность[1].

Документы являются ценным информационным ресурсом любого предприятия. В них формируются управленческие воздействия по вопросам стратегического планирования и оперативного управления работой предприятия, его структурных подразделений и отдельных работников. Посредством документов решения руководства доводят до сведения исполнителей, а также контролируют исполнение этих решений. Документы содержат свидетельства деловой

[1] Методика выявления подделок документов и их реквизитов: учебное пособие для студентов специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» / Авторы-сост. А.Г. Костин, С.Е. Тареев / Саратовский государственный социально-экономический университет. – Саратов, 2012. – С. 3.

активности предприятия и его должностных лиц, доказательства выполнения ими юридических обязательств и должностных обязанностей.

К проверке документов следует относиться с ответственностью, предполагая, что документ может быть полностью или частично подделан, а его предъявитель не тот человек, за которого он себя выдаёт. К сожалению, наша жизнь дает многочисленные примеры, когда преступники в своей противоправной деятельности активно использовали фальшивые документы, удостоверяющие личность. Например, переклеивая фотоснимок, подделывая штампы о прописке, о регистрации брака, завладевали квартирой одинокого пожилого человека.

Как правило, любому сотруднику организации, работающему с документами, необходимо знать основные признаки и способы их подделки для своевременного выявления нарушений. Неудовлетворительная организация защиты документов, например: кадровых бланков, бланков трудовых книжек, дипломов, приказов, может привести к служебному подлогу. В конечном счете, наказание понесет сотрудник, связанный с документационным обеспечением организации.

Основными признаками подделки документа являются:

1) несоответствие формы, цвета бланков и его реквизитов;

2) противоречивость содержания, орфографические ошибки, нестандартный шрифт, использование вышедших из употребления бланков, печатей и т.д.;

3) следы механического воздействия;

4) дописка или внесение записей на месте удаленного текста (можно обнаружить посредством выявления логических противоречий при изучении содержания документа, а также с помощью лупы или микроскопа);

5) композиционные следы подделки – вклейка цифр, переклейка фотографий или частей и т.п. (определяется визуально);

6) следы подделки методами рисования и черчения;

7) следы поддельных клише;

8) следы при монтаже аудио – и видеомагнитных лент.[1]

Основными способами подделки документов на бумажном носителе являются: подделка бланка документа (изготовление поддельных бланков с помощью копировальной техники, средств вычислительной техники, путём рисования); подчистка текста (механическое воздействие с целью изменения первоначальной документированной информации); травление (удаление текста путём обесцвечивания красителя штриха химическими реактивами: кислотой, щёлочью, окислителем); смывание (удаление прежних записей с помощью различных растворителей); дописка (внесение в первоначальный текст документа на свободные места новой информации); подделка подписей (методом рисования, копирования); поделка печатей (методом рисования на самом документе, с помощью самодельного клише, путём копирования подлинного оттиска на поддельный документ); замена фотографий (наиболее распространённые приёмы: полная замена фотографии; монтаж фотоснимка с сохранением части прежней фотографии, содержащей оттиск печати; перенос на подложку одной фотографии части эмульсионного слоя другой фотографии); замена листов документов (наиболее часто встречается при подделке документов, состоящих из нескольких листов: паспортов, трудовых книжек и т.п.)[2].

---

[1] Подделка документов. Как ее распознать? [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.lawmix.ru/bux/49011.

[2] Подделка документов. Как ее распознать? [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.lawmix.ru/bux/49011.

Предметом технического исследования документов, как отрасли научного знания, является изучение трех групп закономерностей, которые характерны для: способов изготовления документов; способов изменения их содержания; способов восстановления первоначального содержания документов.

Исследования документов с измененным первоначальным содержанием – наиболее часто встречающаяся разновидность в технической экспертизе документов. Из них чаще всего подлежат исследованию документы, удостоверяющие личность, отражающие движение материальных ценностей, операций по приходу и выплате наличных денег и т.п. Обычно изменению подвергаются тексты документа: цифровые обозначения, даты, фамилии, имена, отчества, содержание оттисков печатей и штампов. Документы с изменённым содержанием используются как средство сокрытия преступления или как средство совершения преступления. Нередко документы являются непосредственным объектом преступного посягательства.

Не менее сложным остается вопрос и о проведении почерковедческой экспертизы подписи, если такая подпись является, так называемой «простой» подписью. В этом случае эксперт не может построить однозначного вывода о принадлежности подписи какому-то конкретному лицу, что лишает сторону одного из средства доказывания и соответственно ставит в неравное положение сторон, участников возникших правоотношений.

Еще одним видом экспертизы, часто востребованной в процессуальной практике, является экспертиза давности выполнения документа. Такая экспертиза используется для установления давности выполнения в документе оттисков печати (штампа), печатного текста на знакопечатающем аппарате (пишущая машина, принтер), с точностью до дня недели, месяца по методике на основе изучения эксплуатационных признаков, где необходимы документы – сравнительные образцы, в которых имеются оттиски печати, нанесенной той же печатью, тексты, выполненные на том же знакопечатающем аппарате, во весь проверяемый период времени (с частотой: день, неделя, месяц)[1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экспертиза подлинности документов является единственным способом установить отсутствие, или убедиться в наличии фальсификации любого письменного документа. Разумеется, при таком широком спектре исследуемых параметров, в распоряжении экспертов должна быть современная аппаратура и огромный профессиональный опыт. Благодаря квалифицированному анализу и результату независимой объективной экспертизы можно противостоять мошенническим схемам и защитить свои права и имущество.

Бошукова Е.В.
старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОНЯТИЕ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Институт соучастия в преступлении является одним из самых сложных в теории уголовного права. В Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее - УК) институт соучастия

[1] Предмет, объекты и задачи технической экспертизы документов [Электронный ресурс] / Техническая экспертиза документов. – Режим доступа: http://kriminalisty.ru/stati/yekspertiza/documentov.html

введен для того, чтобы на его основании определить уголовную ответственность лиц, участвующих в преступлении, совершенном в соучастии.

Кроме того, его закрепление в законе позволяет обосновать ответственность лиц, которые сами непосредственно не совершали преступление, однако способствовали его выполнению. Закон позволяет определить круг деяний, требующих уголовно-правового реагирования, но непосредственно не предусмотренных в нормах Особенной части УК.

В результате совместных действий нескольких лиц, совершается единое преступление, достигается общий преступный результат. Объединение усилий двух и более лиц облегчает совершение преступления и его сокрытие, повышает опасность самого преступления, а также затрудняет раскрытие и дальнейшее расследование таких преступлений.

Правоприменительная практика показывает, что в соучастии совершается очень большое количество преступлений, причем наиболее тяжких и опасных. Чаще в соучастии совершаются хищения имущества, грабежи, разбои, угоны транспортных средств, изнасилования, умышленные убийства, преступления против общественного порядка.

Особые трудности возникают при расследовании преступлений, совершенных различными организованными группами и преступными объединениями. Преступная деятельность таких объединений осуществляется профессионалами, способы совершения преступления приобретают более изощренный характер, оказывают большее психологическое давление или физическое воздействие на потерпевшего, ущерб от преступлений, совершенных преступными группами, более значительный, а последствия преступления тщательно маскируются.

Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 27.06.2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью» основной задачей борьбы с организованной преступностью является предупреждение, выявление и пресечение преступной деятельности организованных групп и преступных организаций (их участников).

В УК Республики Беларусь содержится определение понятия соучастия, видов соучастников, преступной группы и ее видов, других форм соучастия, решаются вопросы уголовной ответственности за совершение преступления в соучастии.

Норма о соучастии помещена в Общей части УК Республики Беларусь (глава 3: ст. ст. 16-19 УК), следовательно, эта норма применима к любому случаю совершения преступления, указанного в Особенной части УК Республики Беларусь, но совершенного в соучастии.

Большое значение в изучении проблемы соучастия имеет определение понятия соучастия, от содержания которого зависит решение многих вопросов, связанных с квалификацией соучастия.

В результате многолетних теоретических исследований формулировка соучастия в 1958 году впервые была включена в Основы уголовного законодательства Союза ССР, а затем и в УК союзных республик.

Понятие соучастия в преступлении содержится в ч. 1 ст. 16 УК Республики Беларусь. Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Однако институт соучастия не ограничивается только нормами Общей части УК. Ответственность за соучастие находит свое отражение и в нормах Особенной части УК, в которых факт совершения преступления группой лиц, организованной группой или преступной организацией, указывается в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего обстоятельства.

Статья 16 УК расширяет сферу действия статей Особенной части УК, устанавливая наказуемость действий, которые прямо не указаны в Особенной части УК. Кроме того, соучастие оказывает существенное значение на назначение наказания.

Особенность основания ответственности при соучастии заключается в том, что признаки состава формируются из норм, содержащихся в соответствующих статьях Особенной части УК, с учетом общих условий ответственности при соучастии, предусмотренных главой 3 Общей части УК.

Тот факт, что соучастие обладает высокой степенью общественной опасности, побудил законодателя предусмотреть дополнительные уголовно-правовые меры противодействия совместной преступной деятельности. В первую очередь, это относится к признанию в статьях Особенной части УК оконченным преступлением самого факта совместного сговора на осуществление совместной преступной деятельности (например, создание преступной организации либо участие в ней ст. 285 УК, бандитизм ст. 286 УК).

Необходимо отметить, что в юридической литературе ряд исследователей ограничивают сферу действия понятия соучастия только Общей частью УК. Так, Ю.А. Красиков считает, что статьи Общей части УК о соучастии в преступлении не могут распространяться на статьи Особенной части УК, в которых содержатся признаки преступления, совершенного группой лиц, организованной группой и т.д. Он полагает, что в этих случаях законодательство ограничивает сферу всеобщности, универсальности норм Общей части УК.

Однако Н.Ф. Кузнецова подчеркивает, что высказанная точка зрения не вписывается в современную доктрину уголовного права.

Поэтому нормы Общей части УК и названы общими, что они относятся ко всем без исключения формам преступной деятельности. Следовательно, законодательное понятие соучастия является общим нормативным положением в отношении всех случаев совместной преступной деятельности.

Остается дискуссионным и вопрос о том, является ли сформулированное законодательное определение соучастия универсальным, охватывающим все случаи совершения одного преступления несколькими лицами, или же оно должно касаться только тех его форм, когда между соучастниками существует распределение ролей. От решения этого вопроса зависят особенности квалификации деяний соучастников.

Таким образом, в понятии «соучастие в преступлении» находит отражение и закрепляется в уголовном законе специфическая преступная деятельность, что предопределяет пределы ответственности соучастников и особенность квалификации преступления, совершенного в соучастии.

Бочков А.А.
к.ф.н., доцент
декан юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ЮВЕНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ КРИМИНОЛОГИИ

Ювенальная виктимология занимает важное место в юриспруденции, так как имеет дело с самой уязвимой и многочисленной из всех категорий жертв преступлений.

Для того чтобы уберечь молодежь от преступного влияния, чтобы она не стала ни преступником, ни жертвой, необходим целый комплекс мероприятий государства и гражданского общества.

Мы солидарны с многочисленными авторами, изучающими данные проблемы, о введении в дошкольных, школьных и вузовских учебных заведениях специальных программ по виктимологическому воспитанию подрастающего поколения, включающих занятия по прикладной виктимологии, теории, специальному тренингу, овладению приемами самозащиты и рукопашного боя, выработке навыков оптимального поведения в экстремальных ситуациях, что уже апробировано, показало свою эффективность в странах Западной Европы и США.[1]

Многие опрошенные[2]: 77% РФ и 65% Республика Беларусь, считают, что целесообразно обсуждать с молодыми людьми характерные способы совершения преступлений, чтобы в будущем они не были столь доверчивыми и не попадались бы на уловки мошенников и воров. Эти знания будут полезными, однако, они должны коррелировать с высоким уровнем правовой морали лиц их получающих. Иначе, как считают респонденты, это только будет способствовать росту преступности, т.к. молодёжь научится совершать преступления (так ответили 25% опрошенных г. Витебска и 13% г. Смоленска). Безусловно, преступники постоянно совершенствуют способы преступлений и все предусмотреть их невозможно, но знание общих типичных приёмов необходимо.

На вопрос анкеты: «Как Вы считаете, влияет ли на возможность совершения преступления поведение жертвы и её личностные качества?» были получены идентичные ответы совместного исследования – «да, влияет» – 62% россиян и 63% белорусов, «влияет незначительно» – 32% и 31% соответственно, «нет, не влияет» – 6% и там и там. На вопрос: «По Вашему мнению, достаточно ли Вы знаете о способах совершения преступления, чтобы вовремя распознать преступный замысел?» – ответили «нет, мне не достаёт этих знаний» – 41% респондентов г. Смоленска и 40% г. Витебска, «это бесполезно, ведь преступники всегда найдут что-то новое, чтобы обмануть свою жертву» – 36% и 45% соответственно, «я знаю об этом достаточно» – 23% и 15%. Для противодействия преступности, девиктимизации необходима специальная программа, включающая беседы, лекции, круглые столы, работу информационных центров, привлечение телевидения, интернета, юристов – практиков, направленная на адресную целенаправленную и систематизированную работу с различным категориями населения.

Специальные видеоролики, интернет ресурсы, буклеты, памятки, мини брошюры типа: «Как защитить себя от преступления?», «Как вести себя в опасной ситуации?», «Как уберечь квартиру от воров?», «Как уберечь свой автомобиль?», «Как действовать при нападении на Вас на улице?» и т.д. также могут сыграть важную предохраняющую роль.

Распространение сведений среди населения (особенно родителей, педагогов и учащихся) через СМИ, интернет об ухудшении криминогенной ситуации в определенных районах, составление виктимологических карт местности, рекомендации о виктимологически правильном поведении будут способствовать виктимологической безопасности.

Важное значение имеет формирование у подростков прочных нравственных, религиозных основ поведения, предусмотрительности, находчивости, готовности оказать сопротивление насильнику, дружеское участие, готовность принять помощь со стороны родителей и педагогов. Особое место занимает формирование волевых качеств через личный

---

[1] Основы обеспечения виктимологической безопасности жертв преступного насилия: учебное пособие / В.Г. Гриб, И.Р. Шикула, А.В. Мажников. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. – с. 217

[2] Опрос проводился в рамках научно-исследовательского проекта «Криминальная виктимизация приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области): сравнительный анализ», выполненного при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в 2013 году (всего 800 человек, в том числе 400 в г.Витебске и 400 в г.Смоленске).

пример и совместную трудовую деятельность, занятия физической культурой и спортом. Необходимо учить наших детей думать, анализировать, сопереживать. Этому поможет чтение классической литературы, посещение театров и музеев. Нужна виктимологическая концепция, особенно в сфере предупреждения преступности среди несовершеннолетних.

Большинство опрошенных (76% – РФ, 58% – Республика Беларусь) после совершения против них преступления обратились бы в правоохранительные органы, остальные рассказали бы только родным, знакомым или некому официально не сообщили бы. На вопрос анкеты: «Если Вы не сообщили о преступлении правоохранительным органам, то почему Вы так поступили?» были получены следующие ответы: «Не хотел афишировать произошедшее, это касается только меня» – 32% - Республика Беларусь и 80% – РФ, «Из-за незначительного ущерба» – 42% и 85% соответственно, «не доверяю правоохранительным органам» – 10% и 60%, «опасаюсь мести со стороны криминальной среды, соучастников преступника» – 6% и 25%, «не желаю подводить своих родных, знакомых» – 6% и 10%.

Защита от преступных посягательств осуществляется, прежде всего, на законодательном, судебном и правоохранительном уровне. Степень доверия правоохранительным органам означает обращение и помощь, содействие населения в раскрытии преступлений, говорит об эффективности их работы. Полностью доверяют правоохранительным органам 17% и 29%, не в полной мере 58% и 55%, не доверяют 25% и 16% (в первом случае – РФ, во втором – Республика Беларусь). Абсолютное большинство опрошенных до 91% (данные по РФ и Республике Беларусь практически совпадают), в случае если бы они стали жертвой насилия, кражи, мошенничества обратились бы за помощью в правоохранительные органы. Вместе с тем, значительная часть респондентов (44,1% – данные по Республике Беларусь), если бы они стали свидетелем преступления, не при каких обстоятельствах не согласились бы участвовать в следственных действиях. Это результат ложного (порой традиционного) предубеждения значительной части населения, рассматривающих помощь правоохранительным органам как доносительство, «стукачество», недостойное дело. Именно пьянство и наркомания, а также криминальное поведение части населения являются главными десоциализирующими и виктимизирующими факторами. Достаточно большое число (примерно 5-ая часть) опрошенных молодых людей считают допустимыми такие отклонения от общепринятых норм, как совершение правонарушений, уклонение от службы в армии, пьянство, проституцию, употребление наркотиков (порядка 7%). Таким образом, маргинальное, социально – негативное и даже девиантное поведение считается нормальным для значительной части молодёжи.

При этом пьянство выступает в качестве ведущего условия. Поэтому больше половины потерпевших были в состоянии алкогольного опьянения. Это способствовало излишней доверчивости, потери бдительности, не критичности потерпевших, и как результат виновной виктимности.

Личностно-психологические, темпераментные характеристики также могут выступать в качестве сопутствующих обстоятельствах превращения человека в жертву преступления. Анализ исследования показал следующие личностные образцы виктимного поведения: агрессивное, высокомерное, провоцирующее, раздражительное, вспыльчивое, наглое, надменное, авантюрное, самонадеянное, легкомысленное, некритичное, безрассудное, неосмотрительное, корыстолюбивое и т.д.

Именно личностные качества могут, как способствовать, так и препятствовать виктимизации населения.

По результатам исследования были выявлены следующие усреднённые личностные характеристики способствующие преступлениям:

– доверчивость и эмоциональность (53%);

– агрессивность (24%);
– легкомысленность (55%);
– корыстолюбие (5%);
– болезненное состояние (1%);
– добросовестность (4%).

Провокационно-преступное, правонарушающее и аморальное поведение часто способствует совершению преступлений. В 72% случаях осужденные в качестве причины совершения убийства назвали вину самого потерпевшего.

Можно говорить о типичном поведении потерпевших при насильственных преступлениях. Это либо агрессивно-провоцирующее поведение по делам о тяжких преступлениях, либо – легкомысленное при изнасилованиях. Так, в 80% случаев определяющую роль при совершении изнасилования играли конкретные действия и поступки жертв изнасилований. Около 90% изнасилований было совершено, когда в состоянии алкогольного опьянения находились и виновный и жертва, причем в 70% случаев алкоголь или наркотики употребляли совместно.[1]

Исследования, проводимые учеными Московского финансово-промышленного университета «Синергия» показали, что в зависимости от региона РФ вина жертвы при убийствах составляет от 25,6% до 68,7%, умышленном причинении вреда здоровью от 31,7% до 54,2%, изнасиловании от 26,2% до 57,2%, мошенничестве – от 62,5% до85,7%.[2]

Деформация правовой культуры молодёжи обусловлена не столько дефицитом правовых знаний, сколько недостаточной правовой убеждённостью, отсутствием навыков правомерного поведения, ослаблением волевых качеств личности, а также недостатками и просчётами в области трудового воспитания и социализации личности. Основными путями повышения правовой культуры, опрошенные школьники и воспитанники колоний считают введение специализированных правовых курсов, встречи и беседы с профессиональными юристами, проведение юридических консультаций, правовое информирование через СМИ, посещение мест лишения свободы, привлечение к охране общественного порядка и другие.

Фрагментарный, несистемный характер правовой культуры молодёжи, деформированность её правового сознания ведут к правовому «вакууму», нигилизму и девиантному поведению.

Снижение здоровья населения в физическом, психологическом и нравственном плане, усиливающаяся алкоголизация и наркотизация на фоне роста преступности способствуют виктимизации. «Потерянное», «подорванное» молодое поколение при серьезных издержках воспитания и образования в семье и школе – питательная среда для преступности и большой контингент потенциальных жертв.

Бескомпромиссная борьба с преступностью, укрепление законности и правопорядка, высокий правоохранительный потенциал государства, развитая личность, система гарантий – залог успеха в деле обеспечения прав и свобод человека, условие оздоровления общества.

---

[1] Джаянбаев, К.И. Виктимологические аспекты предупреждения тяжких преступлений против личности / К.И. Джаянбаев // Государство и право. – 2005. – №11. – с. 101-103

[2] Основы обеспечения виктимологической безопасности жертв преступного насилия: учебное пособие / В.Г. Гриб, И.Р. Шикула, А.В. Мажников. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. – с. 63-64.

Бреев А.В.
аспирант кафедры теории и истории права и государства
Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС
Научный руководитель: *профессор Н.С. Нижник*

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ПРАВА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ П.И. СТУЧКИ

Современная российская юридическая наука выросла из советской юриспруденции, во многом изменив свои взгляды на государственно-правовые явления, адаптировав многие теоретические конструкции к современным условиям, но многое, взяв на основу, сохраняя выработанные отечественной научной мыслью принципы и подходы. Советская юриспруденция, несмотря на свою гипертрофированную идеологизацию, внесла существенный вклад в развитие различных разделов теории государства и права. Ученые-юристы, опираясь на марксистско-ленинское учение, выработали такие подходы к анализу природы государства и права, такие теоретико-правовые конструкции, которые сохраняют свою значимость до сих пор. Теоретико-правовое наследие отдельных ученых-марксистов еще не получило комплексной оценки в должной мере, труды отдельных марксистов сохраняют свою актуальность и в XXI в.

Одним из таких марксистов, чьи работы всегда вызывали интерес у российской общественности и продолжают сохранять свою актуализированную составляющую, является Павел Иванович Стучка – политический и государственный деятель, ученый-юрист «высокого теоретического уровня и большого практического диапазона»[1].

Влияние на формирование правовых взглядов П. И. Стучки оказали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Е.Б. Пашуканиса, А.Ю. Финн-Енотаевского. Опираясь на материалистический подход к пониманию права, применяя в исследовании диалектический метод исследования права, принимая классовый интерес как определяющий фактор общественного развития, П.И. Стучка предпринял попытки определить сущность права, охарактеризовать его признаки и функциональное назначение, рассмотреть проблемы соотношения права и экономики, значение классового интереса в формировании правосознания и др.

Важное место в теоретико-правовом наследии П.И. Стучки занимают вопросы, касающиеся формы права. Представления П.И. Стучки о формах права претерпели эволюцию, в которой можно выделить несколько этапов.

Право как система общественных отношений. Право – явление социальное, – справедливо подчеркивал П.И. Стучка, поэтому в познании его сущности следует исходить из общественных отношений – отношений производства и обмена[2]. В 1919 г. в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» он охарактеризовал право как систему (или порядок) общественных отношений, соответствующую интересам господствующего класса и охраняемую организованной силой его[3]. Содержанием, основной характеристикой всякого права он

---

[1] Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. М., 2009. С. 202.

[2] Плотниек А.А. К вопросу об определении права в трудах П. И. Стучки // Научная конференция о теоретическом наследии П.И. Стучки в советской правовой науке 28 и 29 мая 1964 г.: Сборник тезисов докладов. Рига, 1964. С. 35.

[3] Постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590. Ст. 1.

рассматривал интерес господствующего класса[1]. При определении права порядок и систему он отождествлял, в связи, с чем его подход к анализу права был отнесен к классово-социологическим[2].

П.И. Стучка не относил к числу признаков права его нормативное качество, не отвергая при этом значимость правовой нормы, не подвергая сомнению то, что право именно в правовых нормах находит свое выражение. Правовой нормой, или законом, он называл «принудительное правило, исходящее от государства и относящееся к области права»[3]. Считал, что нужно стремиться к совершенствованию определения понятия «право», учитывая, что право – это «форма организации общественных отношений», что право – это система норм, отражающих интерес господствующего класса, «вместе или рядом» с системой общественных отношений. Защита интересов господствующего класса является непосредственной целью и государства, и самого права[4], предопределяющей тождественность функций государства и права. Подчеркивая, что государство выступает как учреждение организованного насилия, а право – как правила, порядок этого насилия[5], П.И. Стучка подчеркивал функциональную зависимость права от государства.

Право как система общественных отношений и как юридическая норма. В своей книге «Революционная роль права и государства» (1921) П.И. Стучка развил свои представления о праве и сформулировал мысль о том, что право существует в двух формах: как система общественных отношений и как юридическая норма (закон). Такой подход свидетельствовал о новом взгляде на вопрос соотношения формы и содержания в праве[6].

Право как материальные отношения, закон и правосознание. Указывая, что «основной момент права заключается не в законе, а в правоотношении, то есть в системе общественных, и только общественных, отношений», П.И. Стучка пришел к выводу, что этот порядок не может быть реализован, пока он не осознан[7]. Поэтому большое значение при характеристике права имеет правосознание, а проблема правосознания является важнейшей в юридической науке.

Система общественно-политических идей, принципов, правосознание как отражение в сознании людей их классового интереса выступает у Стучки как абстрактная форма порядка общественных отношений – права в объективном смысле. «У нас … декреты нового правительства были обязательны, – подчеркивал он, – но рядом с ними – революционная совесть и революционное (впоследствии социалистическое) правосознание»[8].

При этом организация пролетариата как господствующего класса требовала создания новой системы законодательства[9]. Закон выступает как конечная абстрактная форма права: «не юридическое отношение создает право по существу; оно есть лишь формальное осуществление экономического отношения»[10]. Но «без этой формы экономическое отношение не будет

---

1 Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латвийское государственное издательство, 1967. С. 58.

2 Шминке А.Д. Зарождение юридической мысли о системе права // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. 4 (41). С. 79.

3 Стучка П.И. Революционная роль права и государства: Общее учение о праве. 3-е изд. М.: Коммунистическая академия, 1924. С. 102.

4 Стучка П.И. Курс советского гражданского права: Учебное пособие для вузов и коммунистических вузов. Т. 1. М.: Коммунистическая академия, 1927. С. 15.

5 Никулин В.В. Революционная теория права: мировоззренческие истоки большевистской концепции права // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Право. 2011. Вып. 8 (100). С. 303.

6 Плотниек А.А. К вопросу об определении права в трудах П. И. Стучки. С. 35.

7 Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. С. 414.

8 Там же. С. 414.

9 Нижник Н.С., Папырин В.В. Законность как социоюридический феномен. СПб., 2012. С. 92, 121.

10 Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. С. 181.

правовым, а только фактическим». Поэтому в статье «Материалистическое и идеалистическое понимание права» (1923) П.И. Стучка писал уже о трех формах права: конкретной форме и двух абстрактных. Конкретная форма, право собственности, например, полностью совпадает с экономическим отношением и в этом качестве носит не надстроечный, а базисный характер. Надстроечный характер проявляется в двух абстрактных формах – в нормах законодательства и в правосознании. Материальные отношения, по мнению П.И. Стучки, обладают приматом над юридической формой[1]. Но право и экономику П.И. Стучка не отождествлял, считая основной формой права правоотношение – «формальное осуществление» экономического отношения.

Таким образом, П.И. Стучка делал выводы о том, что содержание права составляют общественные отношения; что сущность и функциональное назначение права составляют интересы господствующего класса, по отношению к которому право выполняет охранительную функцию; что конкретной формой права выступают материальные отношения (как базис), абстрактной формой – законы и правосознание (как надстройка).

Будревич И.О.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ ЛЖИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Основой эффективного, с точки зрения результативности, расследования, проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) выступает достигнутый и поддерживаемый психологический контакт между допрашиваемым и допрашивающим. Однако даже при достижении такового нет гарантий, что будут получены полные и (что более важно) достоверные показания.

Мотивы дачи подозреваемыми (обвиняемыми) ложных показаний различны. Уяснить их при производстве допроса следователю необходимо для того, чтобы лучше понять психологию допрашиваемого, выяснить, насколько прочно в его сознании держатся асоциальные установки (для последующей их нейтрализации).

Среди мотивов ложных показаний можно выделить следующие:

1. Боязнь наказания (желание его избежать, сделать все возможное для его уменьшения – довести дело до оправдательного приговора либо до прекращения дела).
2. Желание не допустить привлечения к уголовной ответственности соучастников преступления в силу родственных связей, корпоративной криминальной этики. Также подозреваемый (обвиняемый) может пожелать нести ответственность за преступление, совершенное группой, единолично, чтобы избежать включения квалифицирующего признака в формулировку обвинения.
3. Боязнь мести со стороны подельников.
4. Антипатия к следователю.
5. Стыд за содеянное.
6. Стремление скрыть отдельные стороны своей жизни.
7. Стремление оговорить соучастников из мести или в целях обеспечения собственной безопасности в будущем.
8. Желание запутать и затянуть следствие.

[1] Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: Сборник статей. 1917–1930. М: Государственное юридическое издательство, 1931. С. 25.

Встречаются в следственной практике и случаи самооговора допрашиваемых. Такие ситуации могут возникнуть вследствие: 1) особенностей психики подозреваемого (обвиняемого), его желания продемонстрировать собственную исключительность; 2) конфликта с членами семьи; 3) корыстных соображений (совершившее преступление лицо предлагает вознаграждение); 4) желания избежать ответственности за более тяжкое преступление.

На неопытного следователя самооговор способен подействовать негативным образом. Получив и закрепив такие показания, следователь может существенно уменьшить активность в расследовании уголовного дела, не станет пытаться выявить возможность совершения лицом иных преступлений (кроме рассматриваемого).

Для эффективной борьбы с ложью подозреваемого (обвиняемого) необходимо уметь своевременно анализировать соответствующие показания.

Приёмы, позволяющие распознать степень истинности показаний, можно разделить на вербальные и невербальные.

Вербальные показатели ложности – это выжидательная тактика, медленное и осторожное изложение позиции; отсутствие детальной аргументации невиновности (имеют место, как правило, лишь общие заявления о невиновности); равнодушие к тому, что опорочено доброе имя (мыслительные процессы направлены на предотвращение основной опасности); уход от изложения обстоятельств, хоть как-то связанных с совершением преступления. Длительные и частые паузы в речи, колебания при произнесении слов обычно вызываются неподготовленностью лгущего допрашиваемого к ситуации допроса (например, к вопросам следователя), отсутствием чёткого плана. Заранее разработанная позиция выражается в гладкой речи, в которой часто проскальзывают элементы заученности. Особое внимание следует обращать на наличие в речи слов, не характерных для допрашиваемого, которые не произносились им в ходе беседы на отвлечённую тему, при заполнении анкетной части протокола.

В юридической литературе по данной проблеме отмечается, что ложные показания обычно имеют более бедный интонационный фон. В.В. Семенов в статье «Психологические возможности распознавания ложности показаний» выделяет зависимость между ложными показаниями и звуковыми характеристиками речи[1]. Это связано с тем, что лжец обычно не в состоянии адекватно воспроизвести ту эмоциональную окраску, которая должна соответствовать передаваемой им вербальной конструкции. Так, чрезмерная громкость и быстрота речи обычно вызваны испытываемым чувством страха.

О постоянном самоконтроле свидетельствует ясное, чёткое, чеканное произнесение слов. Допрашиваемый, дающий ложные показания, находится в очень специфичной психологической ситуации. Он переживает состояние внутреннего конфликта. Так, он в одно и то же время осознает факт совершения им преступления, причинения кому-либо вреда (возможно, вреда личности, вреда, сопряжённого с жестокостью), желает избежать ответственности, стремится выяснить, какой информацией располагает следователь, ожидает разоблачения, в отдельных случаях испытывает неприязнь к следователю, обдумывает целесообразность дачи правдивых показаний.

Для психологии человека свойственнее говорить правду. Поэтому подозреваемый (обвиняемый), дающий ложные показания, вынужден постоянно осуществлять процесс обработки имеющейся в его сознании информации: опускать отдельные элементы, искажать, добавлять элементы других событий, придумывать события, никогда не происходившие,

---

[1] Семенов В.В. Психологические возможности распознавания ложности показаний // Российский следователь. – 2002. – № 4. – С. 8–11.

преобразовывать собственную роль в событиях, думать о том, как не совершавший преступление человек должен относиться к таким событиям. Вербализируя эту информацию, подозреваемый (обвиняемый) существенно усиливает контроль за произносимой речью.

В силу названных особенностей психологического состояния допрашиваемого существенно возрастает возможность дать правильную оценку природе его мыслительных процессов на основе анализа информации, поступающей из невербальных источников. Криминалистические рекомендации такого рода, относящиеся к выявлению ложности показаний, основаны на оценке психофизиологических реакций человеческого тела.

Переживаемые человеком эмоции выражаются в соматических и вегетативных изменениях. Соматические изменения связаны с мимикой, позами, жестами, вегетативные – с ритмом сердечной деятельности, потоотделением, другими показателями.

Предпосылками правильного распознавания значения тех или иных невербальных компонентов общения являются тщательное изучение личности подозреваемого (обвиняемого) на подготовительной стадии, оценка его внешнего вида и поведения в момент явки на допрос и первого общения, не связанного с предметом допроса (необходимо оценить естественное состояние для того, чтобы вовремя отметить изменения)[1].

Большую информационную значимость имеет мимика лица допрашиваемого в связи с тем, что мышцы лица связаны с мозговыми центрами, в которых возбуждаются эмоции. Наиболее достоверную информацию даёт движение лобных мышц. Так, если лобные мышцы собраны, а веки приобрели треугольную форму, человек, вероятнее всего, испытывает негативные чувства. Признаком удивления является образование на лбу продольных мышц и поднятие бровей. Признак тревоги – напряжение мышц лица с поднятием бровей и сведением их вместе. О гневе свидетельствуют опущенные брови, сжатые челюсти, сжатые губы и др.[2]

Нужно отметить, что сопровождать ложные показания намеренно соответствующей мимикой крайне затруднительно. О явной ложности мимической маски могут свидетельствовать чрезмерная длительность её сохранения, появление после, а не до соответствующей фразы.

Определённую информацию можно получить, интерпретировав движения глаз допрашиваемого. Назовём следующие закономерности:

1) при включении зрительной памяти взгляд направлен влево и вверх;
2) при создании ранее не виденных зрительных образов – вправо и вверх;
3) при вспоминании определённых звуков взгляд направлен по горизонтали влево;
4) при их придумывании - по горизонтали вправо;
5) при усиленном контроле за поведением и словами взгляд обращён влево и вниз.

О неистинности сообщаемых сведений свидетельствует то, что допрашиваемый встречается со следователем взглядом меньше трети времени допроса. Сразу после вопроса, на который собирается дать ложный ответ, опускает взгляд либо моргает.

Жестом неискренности является приближение руки к лицу (в особенности – ко рту). Об отсутствии намерения передавать достоверные сведения свидетельствуют сцепленные пальцы, скрещённые руки и ноги.

---

[1] Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. – М.: Юрид. лит., 1976. – 112 с.

[2] Семенов В.В. Психологические возможности распознавания ложности показаний // Российский следователь. – 2002. – № 4. – С. 8–11.

Для лгущего характерны потирание век пальцем, почёсывание и потирание уха. О лжи могут свидетельствовать рассогласованность движений (одна рука скован, другая двигается), общая зажатость, малоподвижность, напряжённость[1].

Подобного рода индикаторы можно использовать с максимальной эффективностью, если допрос проводится без стоящего между допрашивающим и допрашиваемым стола, что позволяет следователю видеть всю фигуру собеседника. Среди физиологических показателей могут быть выделены выступление пота, изменение цвета лица, учащение глотательных движений.

Необходимо постоянно помнить и о том, что отдельные реакции могут быть связаны не с направленностью на дачу ложных показаний, а выражать недоверие к следователю, общую неуверенность, нервозность, специфические состояния, вызванные действием каких-либо веществ либо заболеваниями нервной системы.

Рекомендуется перед выяснением ценных для дела сведений задать допрашиваемому несколько менее значимых вопросов, чтобы иметь возможность проверить систему его реакций. Чтобы вовремя сориентироваться на допросе, следователю целесообразно иметь на виду лист с подобными рекомендациями, находящийся вне поля зрения допрашиваемого.

Таким образом, говоря о проблеме ложности даваемых подозреваемым (обвиняемым) на допросе показаний, необходимо отметить, что правоприменителю всегда важно помнить следующее: ложь допрашиваемого лучше предотвратить, чем впоследствии прилагать усилия, направленные на её обнаружение в показаниях и нейтрализацию посредством тактических приёмов. Для профилактики лжи следователь перед допросом должен использовать все возможные пути установления с допрашиваемым психологического контакта, от действий, по налаживанию которого не следует отказываться, даже если допрашиваемый поначалу не проявляет желания идти на сближение со следователем.

Булина Ю.В., Игнатьева А.Ю.
студентки юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

АМНИСТИЯ И ПОМИЛОВАНИЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

С одной стороны кажется, что с понятиями «амнистия» и «помилование» всё очевидно, - это освобождение лица, совершившего преступление, от наказания или даже от уголовной ответственности. Но, прежде чем это стало привычно и понятно, данные понятия прошли определённый законодательный путь, благодаря которому совершенствовались. В основном, речь идёт о советском законодательстве и современном. Хотя, если говорить об истоках амнистии и помиловании, можно начать ещё с законов Хаммурапи. Данные правовые институты имеют огромную международную историю: США, Беларусь, Узбекистан, Исландия, Великобритания. Это лишь небольшая часть стран, которые могут похвастаться богатой историей амнистии» и «помилования». В действительности же таких стран намного больше.

Амнистия с греческого означает прощение и представляет собой правовую форму государственного прощения лиц, совершивших преступления. Формой государственного прощения также является и помилование. Кроме того, помилование является межотраслевым

[1] Васильев В.Л. Юридическая психология: Учеб. для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2012. – 608 с.

институтом – уголовно-правовым, уголовно-процессуальным, конституционным и уголовно-исполнительным.

Таким образом, эти институты уголовного права чрезвычайно важны в правоприменительной практике. Этим и обусловлена актуальность данной темы. Амнистия и помилование, выступая в качестве деятельности социального института, средства уголовной политики, проявления правовой природы государства и осуществляемого им принуждения, а также некоторой суммы последствий и объекта социального внимания, должны исследоваться комплексно.

Акты об амнистии в период новейшей российской истории принимались в разной форме (указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Верховного Совета СССР, закон СССР), однако в настоящее время единственной формой акта об амнистии является постановление Государственной Думы РФ. [1] Как правило, одновременно с постановлением об амнистии Государственная Дума РФ принимает ещё один документ, также в форме постановления, в котором разъясняется порядок применения акта об амнистии и даётся его толкование: разъясняются понятия, используемые в постановлении об амнистии, называются субъекты, на которых возлагается применение акта амнистии к конкретным лицам и т. д.

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. впервые включена отдельная статья, посвященная порядку объявления и правовым последствиям акта амнистии (ст. 84). Это явилось огромным позитивным моментом в правовом регулировании названных институтов, поскольку до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года упоминались лишь понятия амнистии и помилования. Отсутствие конкретики в понятиях делало затруднительным правоприменение. В действующем УК РФ, как нам кажется, все недостатки устранены, все понятия нашли своё толкование. Согласно ч. 1 ст. 84 УК амнистия объявляется в отношении индивидуально не определенного круга лиц.[2] Это значит, что в постановлении об амнистии не дается указания о ее применении к каким-либо конкретным физическим лицам. Акт амнистии рассчитан на применение к целым категориям лиц, совершивших преступления, например, женщинам, имеющим несовершеннолетних детей, мужчинам старше 60 лет, инвалидам I или II группы и т. д. При этом лица, к которым амнистия будет применена, заранее индивидуально не определены. Эта особенность позволяет, в частности, отграничить амнистию от помилования, которое адресуется конкретному осужденному.

Акт об амнистии не отменяет и не изменяет закона, устанавливающего уголовную ответственность за общественно опасные деяния, признаваемые преступлениями, и не ставит под сомнение законность и обоснованность приговора суда, назначившего наказание. Амнистия лишь смягчает положение лиц, совершивших преступления.

Основные положения о помиловании содержатся в Конституции (статьи 50, 71 и 89), Уголовном кодексе, Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Специально помилованию посвящён Указ Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» и утвержденное им «Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации».[3] Акт

---

1 Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. — М., 1967.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.06.2015) //Правовой банк данных СПС «Консультант Плюс». Дата обращения:24.05.2015.

3 Указ Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» и утвержденное им «Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации // Российская газета. — 2001 — № 255. Дата обращения:24.05.2015.

помилования, как и акт амнистии, не устраняет факта совершения преступления, не колеблет приговора суда, вступившего в законную силу, не является его корректировкой и не предполагает реабилитацию осужденного. Помилование применяется к лицу, осужденному за совершение преступления, и представляет собой специфический вид освобождения этого лица от отбывания, назначенного ему уголовного наказания.

В отличие от амнистии, помилование направлено конкретно определённому лицу (ст. 85 УК РФ). Акт помилования в отличие от акта амнистии не имеет нормативного характера и представляет собой акт применения права.

Получается, что амнистия и помилование – это разные понятия, хотя у них есть и общие черты. Думается, необходимо принять специальный закон об амнистии и помиловании, чтобы отразить там все существенные стороны данных понятий: процедуру применения, особенности, исключения и многое другое. До настоящего времени законодательством не определен круг субъектов, подлежащих амнистии и помилованию. Это ещё один пробел, который необходимо устранить.

Анализ практики применения помилования, например, уже позволил правоведам внести предложения по совершенствованию этого института. К ним относятся предложения о расширении круга лиц, которые могут обращаться с ходатайством о помиловании, включив в него кроме осужденного его защитника (адвоката) или законного представителя, а также родственников осужденного.

Нельзя недооценивать значимость данных институтов. Их создание было важнейшим шагом на пути к справедливому уголовному судопроизводству, шагом к созданию правового государства и его укреплению. Амнистия и помилование, на бытовом уровне, это просто вера осуждённого в лучшее будущее, его надежда на снисхождение. Нельзя забывать об этом, необходимо совершенствовать законодательство в этой сфере и дальше. Государству, а в первую очередь, обществу необходимы эти институты!

Бутримова Ю.С.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наиболее распространенным следственным действием, с помощью которого получают значительный объем доказательственной информации, устраняют противоречия в системе доказательств, - является допрос. Отметим, что данное процессуальное средство является не только распространенным, но и наиболее сложным.

Допрос – это основное следственное действие, закрепленное процессуально, целью которого является получение устных показаний, фиксирование их согласно требованиям действующего законодательства и дающие факты по обстоятельствам, имеющим значение для расследования конкретного дела.

Если же говорить о допросе несовершеннолетнего, то следует отметить, что под «несовершеннолетним», согласно законодательству Республики Беларусь, понимается лицо, не достигшее 18 лет. Отсюда, допрос несовершеннолетнего – это следственное действие, проводимое с участием лица, не достигшего восемнадцатилетия.

Общие положения допроса как следственного действия регламентированы уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь. Так в статье 434. Особенности допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля предусмотрено, что:

1. Допрос несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день.

2. При допросе несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого защитник, участие которого в соответствии со статьей 45 настоящего Кодекса обязательно, вправе с разрешения следователя, прокурора задавать вопросы допрашиваемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать письменные замечания о правильности и полноте записи показаний.

А в статье 435 говориться:

1. При допросе несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого участие педагога или психолога обязательно.

2. Педагог или психолог вправе с разрешения следователя, прокурора задавать вопросы подозреваемому или обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Эти права следователь, прокурор разъясняют педагогу или психологу перед допросом несовершеннолетнего, о чем делается отметка в протоколе допроса.

3. Участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего обвиняемого в судебном заседании определяется правилами частей первой и второй настоящей статьи.[1]

Если же говорить о законодательстве Российской Федерации, то в статье 425 УПК РФ предусмотрены следующие нормы:

1. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день.

2. В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого участвует защитник, который вправе задавать ему вопросы, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей.

3. В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

4. Следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе.

5. Педагог или психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Эти права следователь, дознаватель разъясняют педагогу или психологу перед допросом несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, о чем делается отметка в протоколе.

6. Порядок, установленный частями первой, второй, третьей и пятой настоящей статьи, распространяется и на проведение допроса несовершеннолетнего подсудимого.[1]

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: текст по состоянию на 5 апреля 2015 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015.

То есть, законом предусмотрена возможность выбора между двумя специалистами: педагогом или психологом. Однако ни в том, ни в другом законодательстве нет четкой регламентации о том, в каких случаях на допрос вызывается педагог, а в каких – психолог.

Вопрос о целесообразности участия при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних психолога и педагога является дискуссионным. В процессуальной науке высказывается различные мнения на этот счет. Например, Э.Б. Мельникова полагает, что «более полезным при допросе будет специальные познания не педагога, а психолога или врача-психотерапевта, присутствие при допросе такого специалиста позволит обеспечить полноту допроса с помощью правильно сформулированных вопросов». И.И. Маманчук также отмечает, что функции педагога как участника допроса несовершеннолетнего «может более успешно осуществить детский психолог как специалист, обладающий научными знаниями в области психологии детей и подростков и владеющий профессиональными практическими навыками общения с вами».

И.В. Гецманова, С.Г. Лобичев, А.Н. Попов, предлагают исключить педагога из числа лиц, участвующих в допросе несовершеннолетнего.[2] Ученные считают, что целесообразно заменить участие педагога в уголовном процессе на специалиста в области подростковой и социальной психологии.

Также участие психолога целесообразно тогда, когда несовершеннолетний страдает какими-либо психическими заболеваниями или отклонениями. В этом случае участие специалиста в области социальной психологии предпочтительней и эффективнее, чем участие в педагога.

В то же время, соглашаясь с мнениями вышеперечисленных авторов о пользе специалиста в подростковой и социальной психологии при проведении допроса несовершеннолетнего, мы обращаем внимание на роль педагога при проведении иных следственных действий при участи несовершеннолетнего (например, проверка показаний на месте преступления), как альтернативу участия психолога.

На наш взгляд, формулировку ч 1. ст. 221 УПК нужно изложить так: «при допросе несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля в возрасте до четырнадцати лет психолог участвует обязательно, а от четырнадцати до шестнадцати лет – по усмотрению следователя, лица, производящего дознание. При допросе несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля могут участвовать их родители или другие законные представители».

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ), N 174-ФЗ от 18.12.2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.zakonrf.info/upk/425/. Дата доступа: 10 апреля 2015г.

[2] Курмаева, Н.А. Проблемы участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых / Н.А. Курмаева // Пробелы в российском законодательстве, 1/2009. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-uchastiya-spetsialista-psihologa-v-doprose-nesovershennoletnih-podozrevaemyh-i-obvinyaemyh

Вилова М.Г.
соискатель кафедры конституционного и муниципального права
юридического института
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Актуальность исследования права на справедливое судебное разбирательство обусловлена динамикой актов реализации прав личности, увеличением разнообразия структурных элементов общественных отношений, переосмыслением места и роли данного права в механизме правового регулирования. Функционирование и развитие судебной системы в условиях формирования правового государства напрямую зависит от эффективности деятельности судов и обеспечения судебной защиты прав и свобод человека и гражданина.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2007 №27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности»[1] разъяснено, что сроки рассмотрения дел неразрывно связаны с правом на справедливое судебное разбирательство. Соответственно, неотъемлемой составляющей частью профессиональной этики судьи является соблюдение установленных законом процессуальных сроков рассмотрения судебных дел, жалоб и заявлений. Нарушение судьями без уважительных причин процессуальных сроков по делам свидетельствует о пренебрежении ими служебными обязанностями и судейской этикой.

Применительно к арбитражным судам Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации разъяснил, что соблюдение процессуальных сроков судом не является самостоятельной целью судопроизводства, а направлено на обеспечение стабильности и определенности, как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в связи с судебным спором процессуальных правоотношениях, в рамках выполнения задачи по осуществлению справедливого публичного судебного разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным судом[2].

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому государственную и судебную защиту его прав и свобод (часть 1 статьи 45, часть 1 статьи 46). Указанным конституционным нормам соответствуют положения международно-правовых актов, в частности статьи 8 Всеобщей декларации прав человека[3], статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[4], а также статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах[5], в силу которым государство обязано обеспечить осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной.

---

1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2007 №27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Российская газета. – 2007. – №122.

2 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 №99 «О процессуальных сроках» // Солидарность. – 29.01-05.02.2014. – №4.

3 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – №67.

4 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №2. – Ст. 163.

5 Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – №12.

Между тем, доступ к правосудию, по мнению автора, представляет собой институт права на справедливое судебное разбирательство, обеспечиваемый наличием конституционно-институциональных и процессуальных гарантий, в частности, разумным сроком судопроизводства. Заметим, что наиболее частым предметом разбирательства в Европейском суде по правам человека (Страсбург, Франция) при обращении граждан России за судебной защитой в указанный судебный орган является именно длительность судопроизводства.

Анализируя названную проблему, В.Ф. Яковлев отмечает, что критерии определения разумности срока судебного производства по делу сводятся к вопросу учета конкретных обстоятельств дела (в частности, содержится ли обвиняемый под стражей или нет) при отсутствии единого предельного срока, превышение которого считалось бы недопустимым. При этом следует иметь в виду, что основанием для признания срока производства чрезмерным служат лишь задержки, ответственность за которые может быть возложена на государственные органы, в том числе и на суд[1].

Подписав Конвенцию Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация приняла обязательство по обеспечению всеобщего и эффективного признания и осуществления прав, провозглашенных в конвенции, включая право каждого на справедливое судебное разбирательство.

При анализе положений статьи 6 Конвенции автором выявлено, что срок рассмотрения дела столь же важен, как и законный состав суда, справедливое и публичное разбирательство. Ограничения продолжительности рассмотрения дел процессуальными сроками необходимы в интересах установления истины, а также для защиты прав участвующих в деле лиц.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отраженной в постановлении от 10.10.2003 №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[2] при определении того, насколько срок судебного разбирательства является разумным, во внимание должно приниматься сложность дела, поведение заявителя (истца, ответчика, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), поведение государства в лице соответствующих органов.

Представляется, что указанные критерии определения разумности срок судопроизводства являются оправданными, поскольку возможны ситуации, при которых стороны, злоупотребляя предоставленными им процессуальными правами, намеренно затягивают судебный процесс. При этом суду в достаточной степени сложно обосновать вину стороны процесса в нарушении процессуальных сроков. Помимо этого, в случае явного злоупотребления процессуальными правами суд ограничен в применении санкции. Так, согласно нормам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные названным кодексом неблагоприятные последствия (часть 2 статьи 41). Эти последствия зафиксированы в статьях 111, 159 и 225.12 АПК РФ: суд вправе отнести судебные расходы по рассмотрению дела на лицо, которое злоупотребило процессуальными правами; отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в указанном случае; наложить судебный штраф на лицо, обратившееся в защиту прав и законных интересов группы лиц. Однако названные процессуальные средства могут оказаться несоразмерными последствиям нарушения

---

[1] Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. – М.: Статут, 2013. – 749 с.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – №244.

прав противоположной стороны по делу вследствие злоупотребления процессуальными правами.

Автор соглашается с определением срока в гражданском процессе, данным О.Н. Диордиевой, в соответствии с которым срок - это установленное законом (или судом) время (промежуток времени) для совершения тех или иных процессуальных действий. Такие сроки не влияют на само материально-правовое отношение сторон, но регламентируют промежутки времени, в которых должны быть осуществлены действия участников материально-правового отношения в суде при осуществлении защиты данного материального права[1].

Насущной проблемой в процессе соблюдения сроков остается своевременное и оперативное проведение экспертизы, зависящее от объема предоставленных информации, документов и т.д. Кроме этого, необходимо учитывать корректность поставленных перед экспертом вопросов. Европейский суд по правам человека, рассматривая вопрос о соблюдении разумного срока судебного разбирательства по смыслу, придаваемому пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, неоднократно отмечал, что основная ответственность за задержку судебного разбирательства в связи с проведением экспертизы лежит на государстве, поскольку в обязанности национальных судов входит обеспечение того, чтобы экспертам была предоставлена вся необходимая информация, а также чтобы осуществлялся контроль за соблюдением сроков проведения экспертизы.

В связи с этим, Президиум Верховного Суда Российской Федерации подчеркнул, что суды не в полной мере соблюдают требования гражданского процессуального законодательства, регулирующего назначение и производство экспертизы. При этом сроки рассмотрения гражданских дел в значительной степени зависят от своевременного и качественного проведения экспертиз, обязательных в силу требований закона для правильного разрешения спора[2].

Важным условием обеспечения права на справедливое судебное разбирательство является процедура извещения участвующих в деле лиц о времени и месте проведения судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия. Так, под влиянием европейского стандарта разумности срока судебного разбирательства указанная процедура была усовершенствована: теперь место нахождения (жительства) истца и ответчика определяется на основании выписки из Единых государственных реестров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, полученной не ранее чем за 30 дней до обращения в арбитражный суд и приложенной к исковому заявлению (пункт 9 части 1 статьи 126 АПК РФ); увеличен круг способов извещения лиц, участвующих в деле (по месту нахождения филиала или представительства юридического лица, по иному адресу, избранному лицом и указанному в заявленном им ходатайстве и т.д.). В целях исключения возможности затягивания судебного разбирательства и злоупотребления правом статьи 121-124 АПК РФ предусматривают правило, согласно которому в случае если сторона уклоняется от получения судебного извещения, то по истечению определенного срока невручение данного извещения не будет являться препятствием для проведения судебного разбирательства.

Последнее положение вызывает двоякое мнение. С одной стороны, при наличии умысла лица, участвующего в деле, на уклонение от получения судебного извещения возникает подозрение в злоупотреблении данным лицом процессуальными правами. В этом случае

---

[1] Диордиева О.Н. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству (в судах общей юрисдикции первой инстанции): монография. – М.: Проспект, 2013. – 208 с.

[2] Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.12.2011 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – №3.

указанное положение оправдано, является справедливым и соответствует принципу правовой определенности.

С другой стороны, возможна ситуация, при которой лицо, участвующее в деле, в силу объективных причин (нахождение в командировке, в отпуске, в больнице и т.д.) не смогло получить судебное уведомление. При этом почтовое уведомление, как правило, возвращается в суд с отметкой органа связи «истек срок хранения». Арбитражный суд в этом случае полагает, что лицо уведомлено надлежащим образом. Необходимо учитывать, что почтовое уведомление является лишь одним из средств извещения лиц, участвующих в деле. Так, уведомление может осуществляться посредством факсимильной связи, нарочно, телефонограмма. Однако риск наступления неблагоприятных последствий в результате непринятия мер по самостоятельному получению информации о движении дела возложен на участвующих в деле лиц.

Основываясь на системе права Великобритании, имеющей правила и презумпции толкования[1], российским судам в целях повышения эффективности защиты прав и свобод личности следует рекомендовать использовать презумпцию «против произвола и злоупотребления властью», в соответствии с которой суды должны исходить из того, что данные им властные полномочия и юрисдикция должны осуществляться непредвзято и беспристрастно. Для повышения эффективности судебной защиты судам также следует учитывать презумпцию «против злоупотребления процессуальными правами лиц, участвующих в деле». Представляется необходимым соблюдение презумпции рассмотрения дел в разумные сроки и запрета недобросовестного затягивания процессуальных сроков. Данные презумпции, по мнению автора, могут являться инструментами реализации принципа правовой определенности и могут быть зафиксированы в специальном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В заключение настоящего исследования следует подчеркнуть, что соблюдение процессуальных сроков является важнейшей гарантией права на справедливое судебное разбирательство. При этом обязанность по соблюдению процессуальных сроков должна быть возложена не только на суды, но и на участвующих в деле лиц, включая экспертов. В целях повышения эффективности судебной защиты прав и свобод личности следует использовать специальные презумпции толкования процессуальных сроков. Указанные рекомендации могут являться средствами к установлению критериев справедливого судебного разбирательства.

Габец Н.С.
магистр юридических наук,
старший преподаватель кафедры международного права
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В современный период развитии международных отношений распространение ядерного оружия является острейшей проблемой, с которой сталкивается международное сообщество. 5 марта 2015 г. международная общественность отметила 45-летие со дня вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (далее – ДНЯО), заложившего правовую основу существующего международного режима нераспространения ядерного оружия.

---

[1] Романов А.К. Право и правовая система Великобритании: учебное пособие / А.К. Романов. – М.: Форум. 2012. – С. 210.

Сегодня ДНЯО является важнейшим договором в сфере международной безопасности, к которому присоединились практически все государства мира. Вместе с тем, участниками соглашения не являются Индия, Пакистан и Израиль, что постоянно вызывает обеспокоенность международного сообщества. Кроме того, в 2003 г. из ДНЯО вышла Северная Корея. Несоблюдение указанными странами международно-правовых норм в области ядерного нераспространения существенно ослабляет режим нераспространения ядерного оружия.

Ядерная программа КНДР со всей очевидностью продемонстрировала, что любая страна, фактически, может осуществлять военную ядерную программу и одновременно скрывать ее от Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Безусловно, внушает беспокойство и деятельность некоторых неядерных государств, которые гарантируемое ДНЯО право на осуществление мирной ядерной деятельности используют для создания ядерного оружия. Именно поэтому мировое сообщество стремится не допустить того, чтобы Иран оказался в ситуации, когда его мирная ядерная программа переквалифицируется в военную. При этом документы МАГАТЭ, относящиеся к периоду 2009-2010 гг., так и не внесли полную ясность в вопрос о том, ограничиваются ли амбиции Тегерана задачами развития гражданской ядерной энергетики или нет[1].

Проблему нераспространения ядерного оружия осложняет и ситуация сложившаяся в области ядерного разоружения. Так, новым вызовом режиму нераспространения ядерного оружия выступает угроза ядерного терроризма.

В центре внимания Конференций по рассмотрению действия ДНЯО неизменно стоит вопрос о выполнении ядерными государствами положений ст. VI ДНЯО. На прошедшей в 2010 г. VIII Обзорной конференции ДНЯО, ее участники признали важным шагом подписание 8 апреля 2010 г. Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, однако отметили необходимость вовлечения в этот процесс и других ядерных государств. Особое внимание было сосредоточено на том, чтобы существующие инициативы в области ядерного разоружения не оставались на бумаге, а трансформировались в практические договоренности, закрепленные юридически[2].

Как отмечает российский автор Н.В. Синицына, дальнейшее распространение ядерного оружия наиболее опасно по целому ряду причин:

– во-первых, это оружие представляет собой уникальную угрозу существованию всего человечества;

– во-вторых, режиму нераспространения ядерного оружия в настоящее время грозит серьезный кризис доверия (как было указано выше, КНДР вышло из ДНЯО, а Израиль, Индия и Пакистан никогда не были его участниками);

– в-третьих, рост терроризма повсеместно в сочетании с угрозой приобретения ядерного оружия террористами значительно усиливает опасность того, что оно может быть применено[3].

Актуальным продолжает оставаться вопрос о возможности применения ядерного оружия как средства ведения войны. Так, данный вопрос уже рассматривался Международным судом ООН при вынесении Консультативного заключения 1996 г. «Законность угрозы ядерным

---

[1] Сидорова Е.А. Гарантии безопасности государствам, не обладающим ядерным оружием (к 40-летию вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия) / Е.А. Сидорова // Современное право. – 2010. – № 6. – С. 124.

[2] Сидорова Е.А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Е.А. Сидорова. – М., 2010. – С. 4.

[3] Синицына Н.В. Режим нераспространения ядерного оружия в современных условиях / Н.В. Синицына // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1. – С. 186–187.

оружием или его применения». В постановляющей части указанного заключения отмечается: «С учетом нынешнего состояния международного права и находящихся в его распоряжении фактов Суд не может прийти к определенному заключению о том, является ли угроза ядерным оружием или его применение правомерным или неправомерным в чрезвычайных обстоятельствах самообороны, при которых поставлено под угрозу само выживание государства». Международный суд также заявил, что он не может не учитывать «основного права каждого государства на выживание и, следовательно, его права прибегать к самообороне в соответствии со ст. 51 Устава, когда его выживание поставлено под угрозу»[1]. Таким образом, Международный суд не отклонил и не подтвердил представленную ему позицию ядерных держав, согласно которой они обладают правом применить ядерное оружие в указанных чрезвычайных обстоятельствах. Вместе с тем из заключения Международного суда следует, что во всех иных случаях угроза ядерным оружием или его применение будут неправомерными. Международный суд ООН также подчеркнул, что применение ядерного оружия должно быть совместимо с требованиями международного гуманитарного права.

Следует отметить, что запрещение распространения ядерного оружия ни в коей мере не препятствует праву государств использовать ядерную энергию в мирных целях. Однако сложность проблемы характеризуется тем, что между мирной и военной ядерной деятельностью существует тесная связь. Государства, приобретая технологии, ставящие их на грань обладания ядерным оружием, могут в течение определенного времени, при принятии соответствующего политического решения, переквалифицировать свои мирные ядерные программы в военные. Кроме того, существует опасность, что неядерные государства смогут создать ядерное оружие, используя отсутствие в ДНЯО четкого определения термина «мирное применение ядерных технологий».

В целях решения проблем, находящихся на стыке нераспространения и мирной ядерной деятельности, как справедливо полагает российский исследователь А.В. Клюбанова, необходимо:

1. Закрепить в нормах права ясное определение того, что именно входит в понятие «мирное использование ядерных технологий»;

2. Запретить неядерным странам обогащать уран выше определенного уровня, одновременно предоставив им возможность получения доступа к международному банку ядерного топлива для его приобретения по доступным ценам;

3. Придать типовому Дополнительному протоколу МАГАТЭ (INFCIRC/540 (corrected)) юридически-обязывающий характер[2].

Необходимо признать, что Договор о нераспространении ядерного оружия не может обеспечить равные условия и доступ всех стран мира к реализации программ мирной ядерной энергетики и в то же время обеспечить гарантии безопасности для неядерных стран. Как справедливо отмечает А.В. Клюбанова, вместо универсальных для всех принципов в ядерной сфере пока господствуют частные интересы, а зачастую и двойные стандарты[3]. Указанный автор в качестве примера приводит ст. VI ДНЯО, в которой говорится, что главным средством прекращения ядерного распространения и гонки вооружений должен являться переговорный процесс. В результате возникает почти парадоксальная ситуация: Индия и Пакистан, уже

---

[1] Толочко О.Н. Международное гуманитарное право: учеб.-метод. пособие / О.Н. Толочко. – Гродно: ГрГУ, 2004. – С. 35.

[2] Клюбанова А.В. Развитие безъядерных зон в контексте нераспространения ядерного оружия: реалии и перспективы / А.В. Клюбанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2010. – № 1. – С. 91.

[3] Клюбанова А.В. Проблемы статуса новых ядерных держав в рамках «Договора о нераспространении ядерного оружия» / А.В. Клюбанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2009. – № 4. – С. 174.

разработавшие и испытавшие свое ядерное оружие, оказались (с точки зрения оценок и реакции международного сообщества на эти шаги) в гораздо более привилегированном положении, чем, например, Иран и Северная Корея.

Исходя из изложенного следует согласиться с позицией, неоднократно озвучиваемой отечественными и зарубежными юристами-международниками по преодолению сложившихся противоречий с де-факто ядерными странами. Так, цель уже существующих ядерных держав – не допустить создания прецедента, позволяющего другим достигнуть своего статуса. В то же время они молчаливо признают их и заинтересованы в сотрудничестве в новыми обладателями ядерного оружия именно в рамках ДНЯО. При этом ни Пакистан, ни Израиль, ни Индия участниками указанного договора никогда не являлись, соответственно, и не нарушали его положений. В сложившейся ситуации представляется рациональным признать Индию, Пакистан и Израиль ядерными государствами в обмен на принятие ими определенных обязательств в ядерной сфере. Такими обязательствами, как представляется, могут быть не наращивание уже имеющихся ядерных вооружений; а также присоединение Индии, Пакистана и Израиля к ДНЯО.

Среди проблем распространения ядерного оружия особое значение приобретает вопрос о перспективах построения безъядерного мира. Для успешного разрешения этого вопроса необходимо продолжить заключение международно-правовых договоров, нацеленных на постепенное сокращение ядерного оружия вплоть до его ликвидации.

Международный режим нераспространения ядерного оружия внес существенный вклад в поддержание международного мира и безопасности. Вместе с тем, следует отметить, что в современных условиях режим нераспространения ядерного оружия нуждается в новых правовых мерах, направленных на его укрепление и совершенствование. К таковым мерам могут относиться:

– необходимость заключения международно-правового договора о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия;

– необходимость юридически оформленного разрешения вопроса, связанного с нестратегическим ядерным оружием;

– заключение дополнительных соглашений о запрещении транзита ядерного оружия через территории государств зон, свободных от ядерного оружия;

– создание благоприятной почвы для заключения новых международных договоров в области сокращения стратегических наступательных вооружений, что, в свою очередь, укрепит международный режим нераспространения ядерного оружия и позволит в будущем избежать возможных ядерных ударов;

– разрешение существующих коллизий, связанных с определением правового статуса Индии, Пакистана и Израиля, как государств, имеющих де-факто ядерное оружие, но не являющихся участниками ДНЯО.

Гаврилов Е.В.
эксперт юридического отдела экспертно-правового управления
Законодательного Собрания Красноярского края

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ И ИХ МЕСТЕ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В последнее десятилетие мы наблюдаем процесс укрупнения субъектов Российской Федерации: объединение автономных округов с краем или областью в новый субъект Российской Федерации (край или область).

Так, с 1 декабря 2005 году в составе Российской Федерации функционирует новый субъект Российской Федерации – Пермский край - в результате объединения двух граничащих между собой субъектов Российской Федерации - Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. С 1 января 2007 года в составе Российской Федерации считается образованным новый субъект Российской Федерации – Красноярский край - в результате объединения трех граничащих между собой субъектов Российской Федерации - Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа. С 1 июля 2007 года в составе Российской Федерации функционирует новый субъект Российской Федерации – Камчатский край - в результате объединения двух граничащих между собой субъектов Российской Федерации - Камчатской области и Корякского автономного округа. С 1 января 2008 года в составе Российской Федерации считается образованным новый субъект Российской Федерации – Иркутская область - новый субъект в результате объединения двух граничащих между собой субъектов Российской Федерации - Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. С 1 марта 2008 года в составе Российской Федерации функционирует новый субъект Российской Федерации – Забайкальский край - в результате объединения двух граничащих между собой субъектов Российской Федерации - Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа.

Таким образом, за последние десять лет утратили свой статус субъектов Российской Федерации, следующие автономные округа: Коми-Пермяцкий автономный округ, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, Эвенкийский автономный округ, Корякский автономный округ, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, Агинский Бурятский автономный округ.

В составе объединенных субъектов Российской Федерации возник особый статус бывших автономных округов – «административно-территориальная единица с особым статусом».

Административно-территориальные единицы с особым статусом - новый вид национально-территориальных образований, создаваемых в субъектах Российской Федерации. Однако, как верно подметил А.В. Макаров, «на сегодняшний день в правовом пространстве нашего государства пока нет четкой дефиниции такого явления, как «административно-территориальная единица с особым статусом», а равно нет и однозначно оцениваемого практического опыта функционирования данной единицы»[1].

Актами, какого уровня должны регулироваться вопросы административно-территориальных единиц с особым статусом?

---

[1] Макаров А.В. Объединение субъектов Федерации: этнонациональный и территориальный факторы в зеркале права // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 2. С. 3-10.

Так, например, в части 2 статьи 5 Федерального конституционного закона от 14.10.2005 № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» сказано, что «статус административно-территориальных единиц, указанных в части 1 настоящей статьи, в соответствии с настоящим Федеральным конституционным законом устанавливается федеральными законами, уставом и законами нового субъекта Российской Федерации».

Таким образом, федеральный законодатель признает отнесение вопроса об административно-территориальных единицах с особым статусом *к вопросам, относящихся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов*.

Указанный подход критикует К.Н. Княгинин: «…по такого рода предметам ***федеральные конституционные законы приниматься не должны***, ибо эти законы в соответствии с частью 1 статьи 76 Конституции Российской Федерации принимаются только по предметам ведения (исключительного) Российской Федерации. Соответственно «вторжение» предписаний «объединительных» федеральных конституционных законов в вопросы административно-территориального устройства (как, заметим, и в вопросы местного самоуправления, организации органов государственной власти нового субъекта Федерации и некоторые другие) неправомерно … отнесение вопросов особого статуса рассматриваемых административно-территориальных единиц к тематике «образования субъектов Федерации» может оцениваться как вызывающее сомнения, но тогда сомнительным надо оценивать упоминание этих единиц в тексте федерального конституционного закона».

В свете сложившихся в доктрине, законотворчестве и конституционном правосудии представлений, следует поддержать тезис о том, что вопросы административно-территориальных единиц с особым статусом следует относить к исключительному ведению субъектов Российской Федерации[1].

Однако К.Н. Княгинин указывает на следующую проблему: «Законотворческие органы новообразованных субъектов Федерации отказываются форсировать процесс разработки и принятия региональных законов данной тематики, выдвигая в пользу такой своей позиции, в частности, довод о том, что определение федеральных законов в качестве средства нормирования статуса административно-территориальных единиц, образованных на территориях бывших автономных округов, в «объединительных» федеральных конституционных законах указывает на то, что, по мысли федерального законодателя, статус всех указанных административно-территориальных единиц должен в главных моментах быть унифицирован так, как в целом были унифицированы статусы всех национальных и автономных округов на протяжении советского и постсоветского периодов их истории. Региональными же актами статус этих административно-территориальных единиц может в лучшем случае в ограниченных пределах детализироваться»[2].

Иного мнения придерживается А.Н. Чертков. Данный автор, в целом отрицающий право органов государственной власти субъектов Российской Федерации самостоятельно определять особый статус административно-территориальных единиц, предлагает установить основы этого особого статуса в текстах соответствующих федеральных конституционных законов и распространить данную практику на будущее. Он пишет, что «если практика формирования единиц с особым статусом будет распространяться, а особенности статуса территории субъекта

---

1 Там же.

2 Княгинин К.Н. «Административно-территориальные единицы с особым статусом»: под силу ли юриспруденции «искусство невозможного» после «искусства возможного» политики? Часть 1 // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 41-46.

Федерации, прекращающего свое существование, будут идентичны, соответствующую разновидность правового статуса муниципальных образований необходимо будет определить в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1].

О месте административно-территориальных единиц с особым статусом в системе муниципальных образований рассуждали, в частности К.Н. Княгинин и А.В. Макаров.

Так, по мнению К.Н. Княгинина, «компромиссным был бы вариант «конфискации» каких-то предметов ведения и полномочия у тех же муниципальных районов в пользу *муниципальных округов*, если таковые все же будут созданы в пределах административно-территориальных единиц с особым статусом»[2]. А.В. Макаров также ратует за создание «муниципальных округов»: «эта идея оправданна с законодательной точки зрения при определении административно-территориальной единицы с особым статусом как субъекта правоотношений. Однако она может не получить поддержку по ряду политических и правовых причин»[3].

Думается, что на уровне федерального законодательства должны появиться нормативные основы (общие нормы) особого статуса административно-территориальных единиц, образованных на территориях (из территорий) бывших автономных округов, а также определено их место в системе муниципальных образований. Для этого, используя оригинальное название одной из статей К.Н. Княгинина, юриспруденции должно быть под силу «искусство невозможного» после «искусства возможного» политики.

Галай Е.В.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА

Изучение практики показало, что в деятельности следственных органов по расследованию детоубийств имеются серьезные недостатки. По каждому изученному делу органами следствия допускаются различные ошибки[4]. Причинами невысоких качественных показателей предварительного расследования по многим делам остается высокая нагрузка следователей, а также значительное обновление и омоложение следственных кадров, их недостаточный профессиональный уровень. Продление процессуальных сроков расследования дел зачастую связано с волокитой в расследовании, совершением комплекса следственных ошибок.

---

[1] Чертков А.Н. Мониторинг законодательства об изменении субъектного состава Российской Федерации и практики его применения // Законодательство и экономика. 2010. № 3. С. 7-16.

[2] Княгинин К.Н. «Административно-территориальные единицы с особым статусом»: под силу ли юриспруденции «искусство невозможного» после «искусства возможного» политики? (Часть 2) // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 40-47.

[3] Макаров А.В. Объединение субъектов Федерации: этнонациональный и территориальный факторы в зеркале права // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 2. С. 3-10.

[4] Морозова Е.В. Понятие и классификация следственных ошибок / Е.В. Морозова // Правовые исследования : Актуальные проблемы современной юридической науки : Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. – Екатеринбург : Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. – 125 с.

Основные причины совершения следственных ошибок субъективны и связаны с односторонним подходом к делу, недостаточным вниманием к криминалистическим средствам, методикам и приемам расследования. Зачастую ошибки и просчеты следователей, которые могут быть выявлены и устранены в ходе предварительного расследования, в лучшем случае, выявляются только в суде, а последствия их совершения неустранимы. В связи с вышеизложенным, ясно, что для повышения эффективности расследования необходимо своевременно выявлять и устранять имеющиеся следственные ошибки.

Исследование проблем следственных ошибок в криминалистике является практической необходимостью, оно призвано способствовать реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности. Типичным следственным ошибкам и их восполнению посвящены лишь отдельные статьи и фрагменты в монографических исследованиях, т.е. рассмотрены лишь отдельные аспекты комплексной проблемы.

Учитывая изложенное, можно дать определение следственной ошибки. Итак, ***следственные ошибки*** – это не содержащее признаков уголовно наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие следователя, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, выразившееся в неполноте и односторонности исследования им обстоятельств дела, несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона и направленное, по субъективному мнению следователя, на выполнение целей и задач уголовного судопроизводства, но объективно препятствующее их достижению[1].

Рассмотрим комплекс следственных ошибок, допущенных в применении криминалистических средств собирания следов и запечатлевающей съемки при осмотре места происшествия по делам, связанным с посягательством на жизнь новорождённого ребёнка.

Применение фотосъемки. Запечатление места происшествия с помощью криминалистических технических приемов фотографии необходимо не только для обеспечения наглядности произошедшего, но и для обеспечения возможности производства исследовательской фотографии. Иногда в протоколе осмотра места происшествия не указывается тип фотоаппарата, марка объектива, что относится к уголовно-процессуальной ошибке (наименования научно-технических средств, применяемых при осмотре места происшествия, должны быть зафиксированы в протоколе осмотра места происшествия)[2].

Дактилоскопия. Серьезной технической ошибкой в данном случае является тот факт, что не все объекты, на которых возможно обнаружить следы преступника, вовлекаются в процесс поиска следов, в протоколе осмотра места происшествия не указывается, какие средства дактилоскопирования применялись, что является уголовно-процессуальной ошибкой, обнаружены ли на орудиях преступления следы пальцев, обрабатывались ли дактилоскопическими порошками орудия преступления. Представляется, что такие криминалистические ошибки в дальнейшем могут повлечь массу дополнительных вопросов как у адвокатов и их подзащитных, так и у суда. Было бы правильным, если бы в протоколе осмотра места происшествия следователь отмечал применяемые дактилоскопические средства, места обнаружения следов, количество обнаруженных следов, особенности их изъятия.

---

[1] Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса : учебное пособие / А.Д. Назаров. – Красноярск, 2000. – 256 с.

[2] Морозова Е.В. Понятие и классификация следственных ошибок / Е.В. Морозова // Правовые исследования : Актуальные проблемы современной юридической науки : Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. – Екатеринбург : Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. – 125 с.

М.А. Золотов проанализировал специфику подготовки и производства осмотра места происшествия и трупа младенца на месте его обнаружения, обнаружения, фиксации, изъятия, предварительного исследования и упаковки следов, в том числе биологического происхождения. Автор остановился на типичных следственных ошибках подготовки и производства данного следственного действия. Среди них он выделяет: 1) отсутствие оперативности; 2) направление для проверки первичной информации ближайшего наряда, не имеющего необходимой подготовки; 3) отсутствие описания положения трупа в протоколе осмотра места происшествия[1].

К другим недостаткам М.А. Золотов относит:

- поспешное определение границ осмотра места происшествия;
- игнорирование фотофиксации окружающей территории;
- поверхностность описания доказательств;
- отсутствие предупреждения о применении технических средств;
- игнорирование описания упаковки, опечатывания доказательств;
- небрежность и бессистемность осмотра.

Ряд претензий и ходатайств со стороны защиты по поводу результатов осмотра связан с тем, что протоколы осмотра места происшествия содержат, кроме объективно зафиксированных обстоятельств, различные выводы и субъективное мнение самого следователя[2].

Так, при осмотре трупа на месте происшествия и фиксации полученной информации в протоколе следственного действия рекомендуется указывать: месторасположение трупа, общефизические признаки пострадавшего, признаки и состояние всех элементов внешности (сверху вниз), позу трупа, признаки одежды и обуви, трупные явления, следы и повреждения, обнаруженные на теле и одежде пострадавшего[3].

Согласно ст. 205 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь осмотр трупа должен производиться с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. Очевидно, что участие медика вызывается необходимостью выявления и описания тех обстоятельств, которые требуют использования специальных знаний в области судебной медицины. К таким обстоятельствам относятся трупные явления, повреждения на трупе и следы биологического происхождения. Большинство следователей возлагают на эксперта не только описание указанных обстоятельств, но и описание месторасположения трупа, его позы, одежды, находящихся при нем предметов. Поскольку сведения о данных обстоятельствах никак не входят в круг специальных медицинских знаний, это часто влечет серьезные ошибки.

На наш взгляд, единственно правильным решением в тех случаях, когда следователь сталкивается с проблемой описания незнакомых объектов, будет отказ от использования обозначающих их терминов. Вместо этого можно использовать более широкие понятия, применение которых не вызывает сомнений, с подробным указанием тех признаков, которые устанавливаются путем непосредственного восприятия, исключают любую субъективность суждений. Если следователь совсем не представляет, что именно обнаружил в процессе осмотра, допустимо использовать наиболее широкое понятие «объект».

---

[1] Золотов М.А. Методика расследования убийства матерью новорождённого ребёнка : автореф. дис. … канд. юридич. наук : 12.00.09 / М.А. Золотов. – Санкт-Петербург, 2004. – 26 с.

[2] Чеботарёв Р.А. Объективизация доказывания при производстве следственных осмотров и обысков при расследовании убийств / Р.А. Чеботарёв, О.В. Челышева // КриминалистЪ. – 2011. – № 1. – С. 82-88.

[3] Степанов А.А. Тактика осмотра места происшествия // Криминалистика : учебник для вузов. Т. 2. Криминалистическая тактика / А.А. Степанов ; под ред. И. А. Возгрина. - СПб., 2008. – 309 с.

К проблемам технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия, негативно влияющие на его эффективность, можно отнести:

- не всегда осматривается прилегающая к осмотру места происшествия территория, а, следовательно, упускается возможность обнаружения и изъятия следов преступления;
- не применение технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия с целью обнаружения материальных следов преступления, что изначально приводит к не обнаружению порой единственных доказательств;
- в случае обнаружения следы преступления не всегда изымаются в ходе осмотра места происшествия;
- не обеспечение при осмотре места происшествия полноты фиксации, а именно: отсутствие фотофиксации, не всегда обеспечивается полнота описания следов и объектов в протоколе осмотра места[1].

Важнейшим средством обеспечения достоверности и допустимости доказательств является неукоснительное соблюдение требований уголовно-процессуального закона. В частности, при осмотре места происшествия большое значение имеет не только правильное составление протокола следственного действия, но и процессуально грамотное изъятие, приобщение к материалам дела обнаруженных и изъятых объектов. Так, неправильная упаковка объекта, не предотвращающая доступа к нему без нарушения целостности упаковки, довольно часто является поводом для сомнения в подлинности вещественного доказательства[2]. Также недопустимы действия следователя, связанные с нарушением целостности упаковки вещественного доказательства, без их тщательной фиксации. Если в процессе судебного разбирательства будет установлено, что следователем выполнялись такие действия без отражения их в материалах дела, это послужит основанием для признания доказательства недопустимым.

Учитывая изложенное, представляется возможным сформулировать следующие правила, обеспечивающие максимальную объективизацию доказывания по делам о детоубийствах при производстве следственных действий:

- недопустима фиксация в протоколе осмотра места происшествия выводов и субъективных суждений;
- недопустима передача участникам осмотра места происшествия, в частности специалистам, функций, не обусловленных их специальными знаниями;
- возможно использование широких понятий при описании объектов;
- необходимо обеспечить максимально подробное описание в протоколе следственного действия признаков исследуемых объектов;
- необходимо осуществлять упаковку изъятых объектов, не допускающую несанкционированного доступа к ним без нарушения упаковки.

Мы рассмотрели лишь малую часть исследований, связанных с совершением следственных ошибок. Критический подход и разбор ошибок, допускаемых следователями, не означает поддержки той точки зрения, что предварительное расследование всех дел проводится на низком профессиональном уровне. Интересы гуманизма и справедливости требуют совершенствования работы и максимального устранения тех недостатков, которые имеются.

---

[1] Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П.М Машерова, 2013. – 303 с.

[2] Чеботарёв Р.А. Проблемы осмотра места происшествия по делам об убийствах / Р.А. Чеботарёв // Общество : политика, экономика, право. – 2013. - № 2. – С. 80-82

Геворкян Д.С.
помощник судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа
г. Санкт-Петербург

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА НУЖДАЮЩИХСЯ В РОССИИ: МОДЕЛИ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ В ОЦЕНКЕ В. Ф. ДЕРЮЖИНСКОГО

В социальной истории России есть темы, изучение которых является не только данью уважения и интереса к прошлому, но и источником полезного исторического опыта для современного общества. К таким темам можно отнести историю общественного призрения и благотворительности.

Государственное призрение как форма обеспечения престарелых и нетрудоспособных в Западной Европе оформилась в XVI в. Концептуальной основой деятельности государства в этой сфере выступала философия эвдемонизма[1]. Оказание призрения государством основывалось не только на помощи беднякам, но и на системе карательных мер, применение которых базировалось на убеждении, что бедность наступает по вине впавшего в бедность и ему не стоит оказывать поддержку, а лишь карать за его вину. Представления о паразитическом и «греховном» характере лиц, нуждающихся в помощи, получили в то время широкое распространение. Поэтому при осуществлении государственного призрения цель предоставляемой помощи состояла не столько в защите нуждающегося населения, сколько в защите благополучной части общества от угрозы распространения болезней, преступности, беспризорности[2].

Пределы и формы благотворительности подвергались с течением времени различным модификациям, более или менее существенным, в зависимости от изменявшихся воззрений на задачи правительства и от успехов в изучении и понимании общественных явлений[3].

На рубеже XVIII–XIX вв. произошла институционализация государственного призрения и общественной благотворительности: оформились институты помощи, были приняты нормативные акты, регулирующие деятельность не только приказов общественного призрения, но и благотворительную деятельность в обществе[4].

Особенностью представлений о благотворительности конца XIX – начала XX вв. являлось преобладание более ограниченного и более определенного взгляда на задачи общественного призрения. Если раньше в мерах призрения нередко видели средство искоренить само явление бедности, то в XIX в. в них перестали видеть панацею против нищеты, борьба с которой возможна лишь посредством сложной системы мероприятий экономической политики, направленных на общий подъем материального благосостояния народа[5].

---

[1] См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 236–242.

[2] Путило Н.В. Основы правового регулирования социальных прав: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 13.

[3] Нижник Н. С. Редистрибуция–реципрокация в контексте осмысления функций государства // Социальное правовое государство: вопросы теории и практики. Материалы межвузовской научно-практической конференции 21 июня 2003 г./ Под ред. Д. И. Луковской. СПб., 2003. С. 123–125.

[4] Фирсов М.В. История социальной работы: Учебное пособие для высшей школы. Изд. 3-е. М., 2009. С. 197; Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63).

[5] Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897. С. 87.

Конец XIX – первая четверть XX в. – период невмешательства государства в регулирование отношений по обеспечению средствами существования стариков, инвалидов, сирот, безработных – беднейших слоев населения. Буржуазное государство предлагало в этот период реципированные из рабовладельческого и феодального права гратисарные формы: частную благотворительность, государственное или общественное призрение, сбор милостыни[1].

Частная благотворительность рекомендовалась как выполнение нравственной христианской обязанности, с одной стороны, и как средство для улучшения отношений между богатыми и бедными – с другой. Даже наиболее прогрессивные представители буржуазии, придя к власти, не считали возможным устанавливать какие-либо иные формы обеспечения стариков и нетрудоспособных, кроме как общественного призрения.

Проблемы государственной поддержки незащищенных социальных слоев стали важным вопросом научных исследований и практической деятельности российских юристов конца XIX – начала XX в.[2]

Серьезное участие в работе по общественному призрению принимал В.Ф. Дерюжинский (1861–1920), автор научных работ по государственному и полицейскому праву, видный публицист и общественный деятель, действительный статский советник. В.Ф. Дерюжинский много писал о призрении бедных, помогая выработать адекватный взгляд на проблему, а с 1897 г., с момента основания, до 1917 г. являлся редактором журнала «Трудовая помощь», издаваемого Комитетом попечительства. Деятельность В.Ф. Дерюжинского оказала влияние на выработку государственной политики в области социального призрения.

В.Ф. Дерюжинский осуществил анализ большого числа разнообразных правовых актов, нормы которых касались системы государственного призрения и общественной благотворительности, и представил характеристику нормативной базы общественного призрения в труде «Заметки об общественном призрении»[3]. Это исследование в полном объеме было включено в качестве отдельного раздела в учебное пособие для студентов по курсу «Полицейское право», выдержавшее четыре издания[4].

Взгляды В.Ф. Дерюжинского на цели общественного призрения и оптимальные формы его осуществления нашли отражение и в иных работах ученого[5].

---

[1] Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сборник научных статей / Под ред. П.В. Романова. Саратов, 2005. С. 95.

[2] См.: Нижник Н.С. Создание детских воспитательных учреждений как способ защиты интересов ребенка в дореволюционной России // Историко-правовой вестник. Вып. 3: Сборник научных статей / Отв. ред. А.С. Туманова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 78–104; Нижник Н.С. Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. №2 (54). С. 11–18; Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С. Вопросы борьбы с регламентацией проституции и торгом женщинами в конце XIX – начале XX века в научной и общественной деятельности А.И. Елистратова и В.Ф. Дерюжинского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 31–37; Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретическом наследии А.И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 66–67; и др.

[3] Дерюжинский В.Ф. 1) Заметки об общественном призрении. М., 1893; 2) Заметки об общественном призрении // Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. 1896. № 1; 1897. № 10.

[4] Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. СПб., 1903; доп. Изд. СПб., 1907; 2-е изд. СПб., 1908; 3-е изд. СПб., 1911; 4-е изд. СПб., 1917.

[5] См., например; Систематический сборник очерков по отечествоведению / Сост.: М.Н. Беклемишев, В.Ф. Дерюжинский, Н.А. Карышев и др.; под ред. ген.-лейт. Ф.А. Фельдмана. Ч. 1–2. СПб., 1898; Дерюжинский В.Ф. Общественное призрение у крестьян. СПб., 1899; [Дерюжинский В.Ф.] Краткий очерк полицейского права (сост. по лекциям проф. Дерюжинского, изд. 1903 и доп. к его курсу, изд. 1907 г.). СПб., 1907.

По мнению Дерюжинского, призрение бедных составляет лишь часть общего социального вопроса. Тогда как в область последнего входят основные вопросы самой общественной организации, под призрением бедных обычно подразумевают систему мер, имеющих своей задачей организовать, возможно, лучшую помощь бедным при наличности данных общественных и экономических отношений. Но и в этой более простой форме вопрос о мерах помощи бедным вызывал довольно серьезные разногласия[1].

В.Ф. Дерюжинский замечал, что в течение длительного времени дело призрения бедных всецело находилось в руках частной инициативы (прежде всего церкви, духовенства), на помощь которому охотно приходило общество[2]. Однако, отмечал В.Ф. Дерюжинский, история показывает, что те меры, которые применялись для искоренения нищенства, оказывались мало действенными и иногда даже способствовали распространению нищенства. Именно в связи с этим призрение, находившееся в руках церкви и духовенства, спровоцировало появление нищенства как особой профессии.

Право бедняка на помощь никем не может оспариваться, полагал Дерюжинский, так как вовремя оказанная помощь человеку, впавшему в бедность не из лености, а в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств, дает ему возможность снова подняться на ноги. Правильная организация общественного призрения бедных, количество которых служит показателем благосостояния государства, по мнению В.Ф. Дерюжинского, – одна из важнейших задач государства[3]. Но помимо государственных и общественных учреждений, преследующих цели призрения бедных, считал Дерюжинский, ничуть не меньшее значение имеют частные благотворительные учреждения[4]. Как бы хорошо ни была организована помощь бедным со стороны государства, для частной благотворительности остается широкое поле для деятельности[5].

В.Ф. Дерюжинский подчеркивал, что важным условием эффективного решения практических задач в области призрения бедных является взаимодействие между частной благотворительностью и государственными органами призрения[6]. Наличие государственного обязательного призрения порождает в обществе уверенность, что неотложная и безусловно необходимая помощь обеспечена за каждым нуждающимся, и поэтому частная благотворительность получает возможность направлять свою деятельность туда, где необходима помощь сверх того минимума, который обеспечивается государством, и где, благодаря этому, может быть достигнуто не только устранение нужды в настоящем, но и возможное предупреждение ее в будущем[7].

Таким образом, известный российский юрист В.Ф. Дерюжинский своими исследованиями в области призрения бедных внес вклад в развитие теории социальной работы. Сущностным выводом В.Ф. Дерюжинского являлся вывод о целесообразности комбинирования двух начал в деле призрения нуждающихся – государственного обязательного призрения и частной благотворительной деятельности.

---

1 Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. СПб., 1908. С. 440–442.

2 Там же. С. 443.

3 [Дерюжинский В.Ф.] Краткий очерк полицейского права (сост. по лекциям проф. Дерюжинского, изд. 1903 и доп. к его курсу, изд. 1907 г.). С. 77–78.

4 Систематический сборник очерков по отечествоведению / Сост.: М.Н. Беклемишев, В.Ф. Дерюжинский, Н.А. Карышев и др.; под ред. ген.-лейт. Ф.А. Фельдмана. Ч. 1–2. С. 263–264.

5 Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. С. 465.

6 [Дерюжинский В.Ф.] Краткий очерк полицейского права (сост. по лекциям проф. Дерюжинского, изд. 1903 и доп. к его курсу, изд. 1907 г.). С. 82.

7 Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. С. 467.

Горькова Ю.А.
к.п.н., доцент кафедры гуманитарных и социокультурных дисциплин филиала Санкт-Петербургский государственный экономический университет в г. Великом Новгороде

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ЖРЕБИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Поводом к разработке темы жребия как одного из способов формирования публичной власти стало принятие поправок в областное законодательство о выборах, отменившее прямые выборы мэра и закрепившее механизм представительной демократии при замещении ряда публичных должностей. Кроме этого, глава муниципального района и городского округа лишён полномочий главы местной администрации, т.е. новой редакцией определена необходимость введения ещё одной публичной должности – ответственного за городское хозяйство (сити-менеджера)[1].

Принятые изменения были неоднозначно оценены новгородцами, и дальнейшие споры относительно отказа от выборов и перехода к назначению сити-менеджера конкурсной комиссией из депутатов городской Думы и представителей областной администрации вызвали широкий интерес к альтернативам прямых демократических выборов. Наряду с современными утопиями типа полигосударства, футархии, синглетона и систейдинга, которые вряд ли могут рассматриваться в качестве реальных институтов, формирующих систему публичной власти, жребий вызывает интерес по ряду причин:

1. Институт жребия имеет глубокие исторические корни (начиная с глубокой древности и по настоящее время, в государствах всех сторон света жребий является институтом замещения публичных должностей и формирования состава органов публичной власти).
2. Институт жребия не противопоставляется институтам демократии, и рядом авторитетных личностей (Платоном, Аристотелем, Ш.-Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо и др.) жребий рассматривается как «подлинная демократия».
3. В публичном праве жребий эффективно применяется и сегодня (избрание жребием присяжных заседателей или состава палат Конституционного суда РФ; дополнительных членов Конституционного суда Италии, состава судов Европейского суда по правам человека и др.).
4. Процедура жеребьёвки ресурсно малозатратна (исходя из среднего показателя отношения затрат на проведение выборов главы муниципального образования административных центров субъектов РФ к численности населения этого административного центра и аналогичного показателя при жеребьёвке, стоимость второй процедуры в 35 раз меньше).
5. Общественное мнение наделяет институт жребия высокой степенью справедливости и объективности (согласно многочисленным междисциплинарным исследованиям уровень доверия к процедуре жребия и результатам жеребьёвки характеризуется постоянством и не выходит за пределы 65-85% в различных сферах жизнедеятельности человека и общества, включая социально-политические настроения).

---

[1] Областной закон Новгородской области от 02.12.2014 N 674-ОЗ «О сроке полномочий представительных органов муниципальных образований Новгородской области и порядке формирования представительных органов муниципальных районов Новгородской области, сроке полномочий и порядке избрания глав муниципальных образований Новгородской области», ч.1, ст.4, режим доступа – http://duma.niac.ru/action/archive/?PAGEN_1=2

Изучение научной литературы позволило представить определённую картину: относительно места жребия в прошлом – это востребованный и активно использовавшийся институт формирования публичной власти; относительно возможностей и угроз применения данного института на современном этапе цивилизационного развития – в исключительных случаях оправданно и эффективно.

Практическая часть исследования темы посвящена изучению гипотетической возможности «реанимировать» институт жребия в процессе формирования публичной власти в Новгородской области и состояла в анализе отношения двух категорий граждан к жребию в избирательном процессе при подведении итогов голосования и в процессе замещения публичной должности (простых избирателей и представителей профессионального сообщества в лице председателей и членов избирательных комиссий субъектов РФ).

Рядовым избирателям (произвольная выборка 200 человек) был предложен вопрос: «В В. Новгороде для замещения должности сити-менеджера предлагается две процедуры: назначение сити-менеджера В. Новгорода конкурсной комиссией из депутатов городской Думы и представителей областной администрации; назначение сити-менеджера В. Новгорода жребием из числа кандидатов, предварительно избранных в какой-либо коллегиальный орган (например, депутатов Думы В. Новгорода). Какой процедуре Вы бы отдали предпочтение? Почему?». Целью данного опроса было выявить, изменилось ли отношение сегодняшних избирателей к жребию и насколько опрашиваемые воспринимают жеребьёвку как демократическую процедуру.

В адрес избирательных комиссий субъектов федерации были направлены письма с двумя вопросами: применялась ли когда-нибудь в регионе на выборах любого уровня процедура жеребьёвки на этапе определения результатов; возможно ли, на взгляд избирательной комиссии, в современных условиях применение жеребьёвки как альтернативы общепринятой процедуры повторного голосования (II тура) или назначения на избираемую должность (например, городского управляющего) из числа избранных депутатов и т.д.? Вопросы к профессиональному сообществу преследовали иную цель – выявить наличие фактов применения жребия на этапе подведения итогов и в качестве альтернативы голосования, а также – возможность существования института жребия в условиях современной российской правовой системы.

Результаты обоих опросов оказались неожиданными и весьма интересными. Из 200 рядовых избирателей 174 избирателя (87%) отдали предпочтение второй процедуре (с применение жребия). Однако обоснование выбора было очень разным и распределилось примерно поровну: «депутаты – это люди, которые обладают всеми качествами управленцев, ведь не просто так они избраны в Думу, поэтому из них любой может быть сити-менеджером»; «всё что угодно, только не назначение, все назначенцы думают только о своём благе»; «жребий – это справедливо, потому что это судьба, а судьбу не обманешь»; «жеребьёвка не нарушает моих прав так, как назначение, ведь при жеребьёвке все лишены прав формировать власть, а при назначении у кого-то появляется такая возможность, а у кого-то её отнимают»; «в назначении заинтересованы конкретные лица (или партии), а при жеребьёвке таких лиц нет»; «доверяю жребию и в жизни часто пользуюсь способом «на удачу»»; «выборы, особенно сегодня, – это дорого для дотационного региона (часто ссылаясь на аргументацию С.Г. Митина в СМИ), но назначение недопустимо».

Исходя из сказанного, можно констатировать, что, несмотря на многовековую историю института жребия, отношение к нему у людей изменилось не радикально. По-прежнему жребий весьма популярен среди граждан, при этом иррациональные доводы в его пользу, о которых писали ещё античные авторы, сильны и доминируют над рациональными. Два избирателя не

определились однозначно, но отметили, что склоняются к жребию, если из числа претендентов на должность будут исключены депутаты, прошедшие в Думу по партийным спискам. Меньшинство из опрошенных (24 человек «за назначение») приводят рациональные доводы, связанные с невозможностью абсолютного большинства жителей определить реальный уровень профессионализма кандидатов, с персональной ответственностью назначенного главы, с низкой явкой на муниципальных выборах. Следует обратить внимание, что ни один из опрошенных не выказал доверия конкурсной комиссии. Таким образом, хотя и на иррациональном уровне, но среди рядовых избирателей институт жребия популярен и вызывает доверие; введение этого института в избирательный процесс на этапе подведения итогов при формировании органов власти и замещения публичных должностей найдёт общественную поддержку и позволит повысить доверие к власти. Однако следует учитывать множественные риски, связанные как с самой процедурой, так и её результатами.

Обращение к избирательным комиссиям субъектов РФ дало следующие результаты. В 83 комиссии (где была указаны контакты) были направлены письма и получены 32 ответа. По первому вопросу жеребьёвка на этапе определения результатов выборов предусмотрена региональным законодательством и используется при проведении выборов депутатов представительных органов муниципальных образований по одномандатным и многомандатным округам в 5 субъектах РФ, ещё 2 – уточняют, что процедура региональным законодательством не предусмотрена, но гипотетически возможна. Избирательные комиссии 6 субъектов федерации считают, что проведение жеребьёвки уместно только на уровне выборов депутатов представительных органов власти, а комиссии 4 – жребий противоречащим нормам федерального законодательства. Относительно второго вопроса возникла заочная дискуссия, так как мнение комиссий разошлись кардинально. С одной стороны действующий ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации» устанавливает порядок введения в должность главы муниципального образования посредством выборов или назначения, то есть исключает жребий. Этой позиции придерживается большинство избирательных комиссий. Но тремя комиссиями высказано суждение о том, что тема спорная, поскольку даже Конституционный суд не вынес вердикта по обсуждаемой проблеме.

В обобщённом виде аргументы в пользу жребия таковы: даёт возможность не проводить повторное голосование; исключает субъективизм; минимизирует влияние человеческого фактора; при соблюдении процедуры исключает судебные споры. Доводы противников жребия: вызовет достаточно большое количество споров между кандидатами, поскольку в организации самой процедуры имеются серьезные субъективные факторы; отсутствует четко выраженная воля избирателей; имеет место игнорирование волеизъявления избирателей; противоречит самой природе свободных выборов и пониманию того, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ; жеребьевка связана не со свободным разумным и осознанным выбором, а со случайностью или везением; порождает негативные правовые последствия и оспаривание результатов; не отражает действительное волеизъявление граждан РФ, так как ставит результаты процедуры в зависимость не только от волеизъявления избирателей, но и от иных условий, соблюдение которых может не зависеть от кандидата. Обращает внимание тот факт, что некоторые аргументы используются сторонниками обеих позиций. Это ещё раз подчёркивает неоднозначность исследуемого нами вопроса.

В качестве выводов могут быть представлены следующие суждения: в современном обществе использование публично-правового института избрания жребием должно осуществляться на основе прагматизма (институты могут дополнять сложившуюся систему отношений и служить разумной альтернативой иным публично-правовым институтам); применения жребия на этапе подведения итогов голосования уместно только на уровне выборов депутатов

представительных органов власти (в региональное законодательство возможно внесение жеребьевки вместо «правила времени», что эффективно применяется в ряде субъектов РФ); процедура жеребьёвки поддерживается рядовыми избирателями, но для практической реализации требует изменения федерального законодательства и обязательного конкурсного или выборного порядка создания гомогенной группы профессионалов-управленцев, из которой впоследствии должен избираться жребием сити-менеджер (данный порядок обеспечит управляющему общественную поддержку, но в силу проблем практической реализации представляется утопичным).

Таким образом, жребий не исключает рационального и справедливого выбора, а в сочетании с другими институтами права может обеспечить принятие кадровых решений, в том числе о замещении публичных должностей. Но институт жребия применим в трудноразрешимой рациональными способами ситуации, и прибегать к нему следует, когда возможности реализации иных институтов исчерпаны. В этом плане представляются обоснованными нормы законодательства, по которым публично-властное решение должно приниматься жребием в последнюю очередь.

Даков С. В.
заместитель председателя
Великоновгородского гарнизонного военного суда

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ КАК ОБЛАСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В современной криминалистической литературе широко распространено мнение о том, что начало развития криминалистической тактики как отрасли криминалистики приходится на конец 19-го века[1]. Однако, фактически ее зарождение, как и всех криминалистических знаний, произошло значительно раньше. Уже в период формирования древнейших государств появляются такие ее органы как полиция, суды и тюрьмы, что неразрывно связано с необходимостью выработки способов и методов их деятельности, в том числе и носящих криминалистическое, в нынешнем понимании, содержание[2].

Наряду с совершенствованием практики уголовного преследования преступников, появляются специальные научные труды, посвященные вопросам тактики и организации раскрытия и расследования преступлений.

Так, в Германии на рубеже XVIII – XIX в.в. среди первых наиболее известных авторов, посвятивших свои работы изучению практики раскрытия и расследования преступлений, следует назвать Ягеманна, Циммерманна, Ортлоффа, Штибера и др.[3], из отечественных ученных Н. Орлова, Я. Баршева, А.А. Квачевского, С. Н. Трегубова и др.[4].

---

1 Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993. С. 5-6.

2 Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики. Ч.1. СПб., 1992. С. 6-10.

3 Jagemann L.H.F. Handbuch der gerichtlichen Untersuchungs - kunde. – L.B. Frankfut a Main: Verlag Rettembeil, 1838, 772 s; Zweiter Band, 1841, 994 s; Zimmermann G. Die Deitsche Polizei des neunzehnten Jahrhundertes. – Hannover: Verlag Schluter, 1845, 645 s.; Dreite Band, 1849, 1345 s.; Ortloff H. Lehrbuch der Kriminal. Polizei auf Grung der Deutschen Reichsgelke. – Leipzig: Verlag R. Reisland, 1881, 286 s.; Stieber W. Praktisches Lehrbuch der Griminal-Polizei. – Berlin: Verlag Hahu, 1860, 223 s. und andere.

4 Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий. М., 1833. С. 46-47.; Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841, 51.; Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864г., часть II. СПб., 1867. С. 201.

Первоначально криминалистические тактические знания фигурируют в трудах процессуалистов. Так, среди ученых XIX и начала XX веков, внесших свой вклад в развитие криминалистической тактики, необходимо отметить работу Н. Орлова “Опыт краткого руководства для произведений следствий…”, в которой содержатся некоторые рекомендации по тактике допроса свидетелей, очной ставке между ними, предъявлению для опознания[1]. А также работу Я.И. Баршева в “Основаниях уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству” где весьма детально изложены тактические приемы производства обыска, осмотра, допроса.

В сочинении А.А. Квачевского “Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г.” в его второй части “Теоретическое и практическое руководство” подробно излагаются приемы производства отдельных следственных действий, среди которых он впервые в юридической литературе выделил группу первоначальных следственных действий таких как: осмотр, освидетельствование, “розыскание внешних предметов преступления посредством обыска, выемки и собрания вещественных доказательств”. Здесь же даны рекомендации к составлению протокола осмотра: “для того, чтобы все замеченное и найденное было внесено в протокол таким, как оно есть на самом деле, чтобы можно было легко припомнить и проверить забытое при осмотре…”[2]. Также подробно рассматриваются приемы допроса, обыска, упаковки вещественных доказательств.

Особая роль в становлении криминалистической тактики, как и всей криминалистики в целом, принадлежит Гансу Гроссу. Австриец по происхождению, Г. Гросс в течение 20 лет был судебным следователем, затем стал преподавателем университета в Черновцах, а с 1902 года – университета в Граце, где создал первый в истории уголовный музей. Последующие годы жизни Гросса прошли в качестве профессора немецкого университета в Праге.

Наиболее значительным его трудом является книга, вышедшая в 1895 году на русском языке “Руководство для следователей, чинов общей и жандармской полиции и др.” [3].

Г. Гросс в отличие от многих своих современников и последователей отдавал чрезвычайно важное значение допросу как средству раскрытия преступления. В своём труде он пишет об этом следующее: “Допрос имеет целью восстановить перед лицом, допрашивающим все события преступления так, как будто он видит его перед своими глазами. Допрос сознавшегося обвиняемого должен вызвать у суда впечатления такие же, как и при показании очевидца. Допрос сведущих лиц должен иметь целью дать суду возможность взглянуть на дело глазами специалиста.

Современником Г. Гросса и одного из первых криминалистов, за которым многие исследователи небезосновательно признают введение в научный и полицейский обиход термина “уголовная тактика”, является известный в начале XX-го века ученый А. Вайнгард. Сводом, всех его научных достижений, основанных на огромном опыте и накопленных эмпирических знаниях, является труд под названием “Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений”, который в России вышел сначала в 1910 году в Овруче, а затем был переиздан в 1912 году в Санкт-Петербурге.

---

[1] См.: Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведений следствий, составленных по Своду Законов. М., 1833. С. 46-47.

[2] Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г., ч. II. СПб., 1867, с. 201.

[3] Гросс Г. “Руководство для следователей, чинов общей и жандармской полиции и др.". Смоленск. 1895. С. 71.

Главное в этой работе можно выразить следующей выдержкой, которая отражает всю её суть:

“Целью уголовного сыска или раскрытия преступлений является борьба с преступностью и всемерное ограждение личной и имущественной безопасности граждан, - вот поэтому несущая эту ответственную обязанность сыскная полиция есть, прежде всего, полиция инициативы, деятельность которой может увенчаться успехом только при условии, если она будет постоянно вести настойчивое, активное и повсеместное преследование преступников, а не пассивно только обороняться от их посягательств. Для успешного ведения такой борьбы, в особенности с преступниками-профессионалами, прежде всего, необходимо выяснить, собрать, объединить уже известные и выработать новые приёмы борьбы и преследования преступников, причём систематическое изложение приёмов борьбы с преступностью, научно-объективных и практически проверенных способов расследования преступлений, выяснению виновных, собирания доказательств, задержания и уличения преступника - есть ничто иное, как уголовно-полицейская тактика, которая является такой же необходимой принадлежностью искусства раскрытия преступлений, как военная тактика в военном искусстве”[1].

Человеком, работавшим несколько позже, чем Г. Гросс и А. Вайнгардт, но про которого с полной уверенностью можно сказать, что он внёс ничуть ни меньший вклад в развитие криминалистической тактики, является В. Штибер. Пик его творческой деятельности приходится на середину 30-х годов XX-го века. Он ознаменован выходом в свет совместной работы в соавторстве со Г. Шнейкертом под названием “Практическое руководство для работников уголовного розыска”.

В данном произведении нашли отражения, высказанные раннее идеи Г. Гросса и А. Вайнгардта, которым авторы в отличие от своих предшественников придают куда большее значение и смысл. Так, выделяя такое следственное действие как осмотр места происшествия, относят его к числу неотложных и обязательных следственных актов[2].

Упомянутый выше криминалист Г. Шнейкерт помимо совместного произведения со В. Штибером сам, безусловно, представляет собой фигуру, значительную в рассматриваемой области, имеющего немало научных работ, среди которых особо хочется отметить “Тайны преступника и пути к её раскрытию”. Напечатанная на русском языке в 1925 году книга начальника берлинского бюро по идентификации и преподавателя университета Г. Шнейкерта представляет собой в развернутом виде доклад, прочитанный автором в начале 1924 года в берлинском психологическом обществе. Автор ставит своей задачей исчерпать те легальные возможности, какие были даны в то время опытом, наукой и практическим искусством, для получения сведений обычно сообщаемых путём высказывания, т.е. личными показаниями обвиняемого или свидетелей, которые не могли быть получены посредством исследования иных доказательств. Его интересуют проблемы психологии показаний и в этом отношении тема является несколько новой.

Следующим важным вкладом в историю развития криминалистической тактики являются результаты деятельности известного учёного-криминалиста А. Гельвига. В этом отношении наиболее весомый результат привнесла его работа под названием “Современная криминалистика. Методы расследования преступлений”, опубликованная в 1925 году в Москве.

Данный труд является довольно интересным с точки зрения того, что здесь рассматриваются не столько общетеоретические вопросы, сколько конкретные реально употребляемые на практике приёмы и способы осуществления следственной деятельности. Не

---

1 Вайнгард А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. Овруч. 1910. С. 3.

2 Штибер В., Шнейкерт Г. Практическое руководство для работников уголовного розыска. М., 1925. С. 35.

будучи слишком оригинальным, в ассортименте рассматриваемых следственных действий, автор достаточно ясно и обоснованно выразил своё субъективное мнение относительно эффективности практического применения тех или иных тактических приемов.

Работы немецких ученых оказали заметное влияние на взгляды видного отечественного криминалиста И.Н. Якимова.

Иван Николаевич Якимов родился в 1884 году в Новгороде, в семье отставного офицера. В 1906 году поступил на юридический факультет Петербургского университета, после окончания, которого в 1911 году был зачислен кандидатом на служебные должности в окружном суде, а затем помощником присяжного поверенного в Варшаве.

Творческий путь И. Н. Якимова как учёного отмечен созданием ряда капитальных трудов по широкому кругу проблем криминалистики. Им предшествовали многочисленные журнальные публикации 1923-1924 годов в “Административном вестнике”, “Криминалисте”, “Рабоче-крестьянской милиции” (статьи “Опыт уголовного розыска”[1], “Техника производства обыска”[2], “Техника осмотров”[3], “Современное положение регистрации преступников”[4], “Искусство и техника допроса”[5], “Вспомогательная система регистрации преступников и преступлений”[6], “Новости уголовной техники”[7] и ряда других).

Многие положения, содержащиеся в этих статьях, были включены затем И.Н. Якимовым в его первое фундаментальное “Практическое руководство к расследованию преступлений”[8]. Книга И.Н. Якимова стала первым советским изданием, систематизировано изложившим содержание всех разделов криминалистики сложившихся к тому времени, написанная в целом с советских позиций.

В один ряд с И.Н. Якимовым можно поставить учёного, внёсшего большой вклад в становление и развитие советской криминалистики - Владимира Иустиновича Громова.

Первые его труды вышли ещё до революции, однако, известность учёного проявилась в советское время. Первой крупной его работой, была книга “Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений)”, которая вышла в 1925 году под редакцией и с предисловием Н. В. Крыленко.

В предисловии к книге Н.В. Крыленко писал: “Предлагаемое руководство представляет собой, пожалуй, первый опыт дать не только практические указания нашим следователям и представителям других учреждений, которым по роду их деятельности приходится заниматься следственной работой, как и что нужно делать при производстве расследования преступлений, но и опыт теоретически осмыслить весь следственный процесс в целом и увязать отдельные его акты общими проникающими в наш процессуальный кодекс основными идеями. Другими словами, это руководство представляет собой попытку дать не только технику, но и “философию” следственной работы. В этом - ценность предлагаемого руководства”.

Подводя итог периода возникновения криминалистической тактики, следует отметить, что вышеназванные работы, послужили фундаментом для последующих исследований в области криминалистической тактики.

---

1 Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 5, 6, 7.
2 Там же. № 11, 12.
3 Криминалист. 1923. № 1.
4 Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 9, 10.
5 Там же. № 6-10.
6 Там же. № 6.
7 Там же. № 10.
8 Якимов И.Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924.

Дмитриева Т.Ф.
старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Важной задачей государственных органов и Российской Федерации, и Республики Беларусь была и остается борьба с преступностью. Успешность раскрытия и расследования преступлений напрямую зависит от наличия у следователей (лиц, производящих дознание) теоретических знаний о современных эффективных тактических приемах и криминалистических технологиях проведения следственных действий, практических умений их использования в различных ситуациях, а также от рационального использования специальных знаний квалифицированных специалистов, способных научно осуществить результативное и качественное технико-криминалистическое обеспечение этих следственных действий. Наиболее доступной и важной формой реализации технико-криминалистического потенциала в процессе раскрытия и расследования преступлений является процессуальная форма использования специальных знаний – участие специалистов в производстве следственных действий и судебная экспертиза. Осмотр места происшествия (далее – ОМП) – это первоначальное, неотложное следственное действие, часто являющееся единственным источником получения доказательственной информации, способствующей изобличению лица, совершившего преступление. Вместе с тем, не менее, важной является непроцессуальная форма[1] использования специальных знаний при проведении ОМП, особую трудность при реализации, которой представляет эффективное применение технико–криминалистических средств и технологий, отвечающих современному уровню развития науки и техники. В настоящее время, на наш взгляд, незаслуженно недооцениваются возможности доэкспертного (предварительного) исследования материальных следов на месте происшествия, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами исследования. Так, в результате изучения материалов 602 уголовных дел, проведенного анкетирования 419 экспертов-криминалистов и 483 следователей правоохранительных органов Республики Беларусь нами были выявлены значительные недостатки технико-криминалистического обеспечения ОМП[2], среди которых – недостаточность проведения предварительного исследования следов преступления в ходе ОМП, что приводит к изъятию неинформативных следов (потерпевших лиц и непригодных для дальнейшего исследования). Данный факт подтвердили 35,8% следователей и 37,2% криминалистов. Так, предварительное исследование проводились: по следам рук – в 34,0% случаев, по следам обуви – 13%, по следам транспортных средств – 1,4%, по следам взлома – 15,4%, по другим следам – в 28% случаев[3]. Между тем, для раскрытия и расследования преступлений немаловажное значение имеют средства и методы получения информации из

---

[1] Дмитриева Т.Ф. Непроцессуальные формы использования специальных знаний в ходе осмотра места происшествия / Т.Ф. Дмитриева // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 дек. 2012 г. / Акад. МВД. Респ. Беларусь ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С._132–137.

[2] Дмитриева Т.Ф. Практика применения технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия / Т.Ф. Дмитриева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2014. – №14. – С. 167–171.

[3] Там же, С. 170.

материальных объектов на месте происшествия, позволяющие получить представление о механизме события, ориентирующую информацию для установления лиц, совершивших преступление, их розыска по «горячим» следам, правильно решить вопрос о возбуждении уголовного дела и т.п. Разработка криминалистических технологий предварительного исследования материальных объектов приобретает в свете сказанного особую актуальность и практическую значимость, которая, на наш взгляд, требует дополнительного исследования.

Предварительным исследованиям материальных объектов на месте происшествия в криминалистической литературе посвящено немало работ. Этой проблематикой занимались Р.С. Белкин, В.Г. Заблоцкий, Е.И. Зуев, Е.П. Ищенко, Н.А. Корниенко, В.П. Махов, В.А. Образцов, В.М. Плескачевский, А.С. Подшибякин, Н.А. Селиванов, П.Т. Скорченко, Е.И. Тихонов, В.В. Филиппов и другие ученые. Однако эти исследования проводились в другой социально-экономической обстановке, без учета отвечающему современному уровню научно-технического прогресса арсенала технико-криминалистических средств, чаще всего были подчинены рассмотрению отдельных аспектов. Использование при ОМП современных средств и инновационных технологий получения криминалистически значимой информации для раскрытия и расследования преступлений, разработка различных алгоритмов и экспресс-методов исследования материальных следов, наличие в распоряжении специалистов необходимых компьютерных технологий – все это позволяет с учетом современных возможностей криминалистики принципиально по-другому осветить обозначенную проблему.

Предварительное исследование специалистом материальных следов и объектов, выявленных в ходе ОМП, относится к виду его деятельности, осуществляемой в непроцессуальной форме при проведении данного следственного действия и параллельно с ним. Под ним *понимается один из способов получения ориентирующей информации о личности предполагаемого преступника и обстоятельствах происшествия, имеющей значение для раскрытия преступления по «горячим следам» при последовательном выполнении действий на месте происшествия.* Предварительное исследование выявленного и зафиксированного материального следа носит диагностический характер и преследует *цели* уяснения наличия и характера его связей с остальными компонентами механизма преступления; индивидуализирующих объект криминалистических признаков; констатации криминалистически значимых оснований для последующего экспертного исследования. Поскольку в следах отображаются различного рода признаки, изучение следов при ОМП позволяет, во-первых, определить свойства и особенности объектов, оставивших следы; во-вторых, выяснить условия, а иногда и время образования следов; в-третьих, установить групповую принадлежность следообразующего объекта, либо при благоприятных условиях – его тождество[1].

Технология – это наиболее целесообразный и эффективный способ осуществления неких трудовых операций в должной последовательности[2]. Криминалистические технологии в ОМП – это непрерывный процесс использования комплекса современных технико-криминалистических средств и методов, тактико-криминалистических приемов в условиях дефицита времени, необходимости решения значительного числа сложных мыслительных задач при крайней недостаточности информации о событии преступления[3]. В структуре системы технико-

---

[1] Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П.М._Машерова», 2013. – С. 105-106.

[2] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : Норма : Инфра-М, 2001. – С. 85.

[3] Аминев Ф.Г. Об использовании криминалистических технологий при осмотре места происшествия / Ф.Г. Аминев // Рос. следователь. – 2009. – № 20. – С. 3.

криминалистического обеспечения ОМП, по нашему мнению, технологии применения технико-криминалистических средств отражают механизм деятельности субъекта данной системы по использованию конкретных методов, способов, приемов и средств в определенной последовательности. С учетом ранее предложенной нами систематизации технико-криминалистических средств ОМП[1], можно сказать, что технологии их использования включают применение технико-криминалистических средств в непроцессуальной форме для выполнения функций, не регламентированных процессуальными нормами ч. 3 ст. 192 УПК Республики Беларусь и ст. 164 КП Российской Федерации, – предварительного исследования материальных следов и объектов, выявленных в ходе ОМП.

Ввиду того, что в ходе предварительного исследования могут быть разрешены многие вопросы криминалистического характера: определена пригодность для идентификации следов; установлена принадлежность обнаруженных следов потерпевшему; отождествлены личность, орудия взлома, транспортные средства и другие объекты; установлено целое по частям; определены направление и место выстрела, а также выяснены иные обстоятельства совершенного преступления[2], представляется целесообразным сформировать криминалистические технологии предварительного исследования материальных следов, исходя из предложенной нами систематизации технико-криминалистических средств обнаружения следов преступления по объектам, для выявления которых они используются[3].

Таким образом, можно выделить четыре группы криминалистических технологий предварительного исследования: 1) следов папиллярных узоров (рук и ног); 2) микрообъектов; 3) металлических предметов; 4) неметаллических следов и объектов (следов биологического происхождения; взрывчатых, наркотических и химических веществ; трупов или их частей и других следов). Например, *первая группа* криминалистической технологии предварительного исследования *следов папиллярных узоров (следов рук и ног)*, обнаруженных при ОМП, может представлять следующую последовательность действий с использованием определенных методов, способов, приемов: 1) определение пригодности обнаруженных следов для дальнейшего идентификационного исследования визуальным (оптическим) методом, к приемам которого относятся: освещение и осмотр следов под определенным углом, либо с использованием оптических средств (увеличительных средств, светофильтров, источников экспертного света – УФ и ИК лучей)[4]; 2) в случае признания следов непригодными для дальнейшего дактилоскопического исследования, их изъятие для проведения генетической идентификации человека, оставившего след (ДНК-идентификации) с соблюдением особенностей, характерных для изъятия биологических следов (например, изъятие контрольных образцов); 3) в случае признания следов пригодными для дальнейшего дактилоскопического исследования, установление принадлежности данных следов потерпевшему, отождествление личности; 4) на основе анализа обнаруженных следов определение особенностей строения руки (ноги) и профессию лица, оставившего след; 5) определение приблизительного возраста, роста, пола, телосложения человека, оставившего след (по длине и ширине стопы[5]); 6) определение

---

[1] Дмитриева Т.Ф. Система технико-криминалистических средств, используемых при осмотре места происшествия / Т.Ф. Дмитриева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 42–45.

[2] Предварительные криминалистические исследования следов на месте происшествия : учеб. пособие / под ред. Е.С. Горшкова. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1987. – С. 8.

[3] Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова», 2013. – С. 63-64.

[4] Там же, С. 84-86.

[5] Тимофеева А.В. Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по признакам и свойствам, отображаемым в следах преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Тимофеева ; Уфим. Юрид. ин-т МВД России. – Челябинск, 2010. – С. 16-19.

количество лиц, находившихся на месте происшествия; 7) другие. *Вторая группа* криминалистической технологии предварительного исследования *микрообъектов*, обнаруженных при ОМП, может включать: 1) определение вида и рода обнаруженных микрообъектов с использованием оптических приборов (микроскопов, луп с подсветкой, с большим увеличением типа «Регула», ультрафиолетовых осветителей, детектора с переносным лазером YAG-Nd и т.д.)[1]; 2) использование полученных данных для консультирования следователя в решение вопроса о виде назначаемой экспертизы (физической; криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий и т.д.); 3) др. *Третья группа* криминалистической технологии предварительного исследования *металлических предметов*, обнаруженных при ОМП, может включать: 1) установление типа и вида предмета (инструмента); 2) установление разновидности предмета; 3) на основе полученных данных установление примерного роста, комплекции лица, использовавшего предмет (орудие); 4) определение пола, уровня физического развития, профессиональной подготовки лица, использовавшего данного предмета[2]; 5) отождествление предмета (орудия); 6) установление целого по частям и др.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что предложенные технологии предварительного исследования материальных следов на месте происшествия позволят обеспечить эффективность решения технико-криминалистических задач при ОМП или параллельно с ним за счет результативности получения качественно более полной и содержательной криминалистически значимой информации о преступнике и преступлении.

Дубина В.М.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Ознакомление следователя с обстановкой преступления в ходе осмотра места происшествия, а также личное исследование вещественных доказательств безусловно играет решающую роль. Именно поэтому в специальной юридической литературе осмотр места происшествия характеризуется как неотложное следственное действие[3]. То есть, не проведение в установленном законом порядке данного следственного действия может привести в дальнейшем к приостановлению и прекращению уголовного дела об изнасиловании, а также к вынесению по нему оправдательного приговора.

Что касается целей рассматриваемого следственного действия, то при всём многообразии мнений учёных-криминалистов по этому поводу, можно выделить четыре, на наш взгляд, самые важные и объективные: обнаружение следов преступления; обнаружение вещественных

---

[1] Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова», 2013. – С. 89-90.

[2] Алешкина Т.Н. Использование научно-технических средств и методов в розыскной деятельности следователя : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.Н. Алешкина. – М., 2001. – С..79.

[3] Кадонцев Ю.В. Методика расследования изнасилований, совершённых лицами молодёжного возраста, 18-25 лет : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.В. Кадонцев. – Уфа, 2011, С. 21.

доказательств; выявление обстановки механизмов происшествия; выяснение иных обстоятельств, имеющих значение для дела[1].

Однако содержание вышеперечисленных целей может быть определено лишь через задачи, которые необходимо решить для их достижения. Так, одной из основных задач следственного осмотра является выявление, фиксация, сбор и исследование доказательственной информации[2].

Кроме того, необходимо отметить, что при осмотре места происшествия следователем могут быть обнаружены:

- личные вещи, принадлежащие подозреваемому – расчёски, брелоки, зажигалки, перочинные ножи, перчатки, головные уборы, пуговицы, частицы одежды и так далее;
- следы биологического происхождения – кровь, слюна, сперма, а также иные выделения организма человека, отразившиеся на объектах материальной обстановки;
- следы пальцев рук (в тех случаях, когда, например, преступник и жертва вместе распивали спиртные напитки), которые могут быть обнаружены на поверхности стола, на спинке стула, на бутылках или стаканах.

С.А. Гунарев отмечает, что расположение следов биологического происхождения при совершении изнасилования может иметь весьма разнообразный характер, но при этом в своих трудах он выделяет шесть участков наиболее вероятного нахождения и концентрации данных следов:

1) участок непосредственных преступных действий (причинение повреждений, осуществление полового акта с потерпевшей);
2) предметы обстановки, которые изменили своё положение;
3) тела живых участников события преступления, а также их одежда, вещи и их местонахождение (например, квартира преступника);
4) участок подхода преступника;
5) участок ожидания (засады);
6) участок отхода преступника[3].

То есть, если рассматривать место происшествия, как некое пространство, имеющее свои условные границы, следователь с помощью специалиста-биолога должен выделить указанные выше конкретные участки, на которых преступник мог с наибольшей вероятностью оставить биологические и иные следы.

Переходя к вопросу о возможных участниках осмотра места происшествия по делам об изнасилованиях, то, на наш взгляд, очевидно, что привлечение к проведению рассматриваемого следственного действия специалиста-криминалиста значительно повышает его эффективность[4].

В криминалистической литературе приведён перечень видов деятельности специалиста, осуществляемой в не процессуальной форме при проведении следственного осмотра и параллельно с ним, которые чаще всего используются непосредственно в практической деятельности:

---

[1] Криминалистика : учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.] ; под ред. А.В. Дулова. – Минск : Экоперспектива, 1998, С. 290.

[2] Криминалистика : учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.] ; под ред. А.В. Дулова. – Минск : Экоперспектива, 1998, С. 290.

[3] Гунарев С.А. Тактические и правовые основы использования судебно-генетической экспертизы при расследовании и судебном рассмотрении дел об убийствах и изнасилованиях : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.А. Гунарев. – СПб., 2001, С. 13.

[4] Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013, С. 37.

- предварительное исследование специалистом следов и объектов, выявленных в ходе осмотра места происшествия;
- непосредственное участие специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях, которые проводятся параллельно с осмотром места происшествия;
- консультационная и справочная деятельность специалиста;
- техническое содействие специалиста следователю (лицу, производящему дознание) в решении технико-криминалистических задач осмотра места происшествия;
- осуществление специалистом профилактических мероприятий[1].

Дополнительную помощь следователю могут оказать специалисты в области медицины, педагогики и психологии и так далее. Кроме того, на наш взгляд, в следственно-оперативную группу необходимо включить специалиста-биолога. Это связано с тем, что отсутствие данного специалиста может впоследствии привести к тому, что следователь тратит своё время на проведение дополнительного или повторного осмотра. Указанное обстоятельство влечёт за собой ухудшение качества и результативности проведения осмотра места происшествия. Что касается вышеупомянутых специалистов в области педагогики и психологии, то особенно целесообразно их привлекать, если в деле фигурирует несовершеннолетний.

Осмотр места происшествия по делам об изнасилованиях надлежит проводить, как правило, с участием самой потерпевшей. Данное требование вытекает из специфики расследования рассматриваемого преступления.

Во-первых, трудно рассчитывать на то, что следователь, проводя осмотр без участия потерпевшей, сможет установить точно, что представляет собой это место происшествия.

Во-вторых, без её помощи обнаружение следов криминального деяния – объектов, на которых могут находиться, например, сперма, волосы и другие биологические объекты, будет несколько затруднительно.

Кроме того, точно определить, имеют ли отношения найденные объекты (например, окурок, сожжённые спички, потерянная расчёска) к событию преступления возможно только с помощью потерпевшей.

В ходе осмотра места происшествия может быть получена информация и о социально-психологических качествах, а также привычках преступника. Например, по оставленным на месте происшествия окуркам, посуде из-под винно-водочных изделий можно судить о пристрастии к курению, употреблению спиртных напитков.

Информация, изложенная в протоколе осмотра места происшествия, должна логически соотноситься со сведениями, изложенными в протоколе допроса потерпевшей. К тому же, каждый факт, имеющий значение для дела, изложенный ею в ходе допроса, должен быть подтверждён или опровергнут в ходе осмотра места происшествия. При данном подходе к проведению следственных действий, то есть системно связанных с допросом потерпевшей, следователь будет иметь хорошую доказательственную базу, которая позволит в дальнейшем передать дело прокурору для дальнейшего направления его в суд, даже в том случае, если пострадавшая по каким-либо основаниям изменит свои показания.

Таким образом, всё вышеизложенное говорит нам о том, что осмотр места происшествия является неотложным следственным действием, неправильное производство которого может повлечь за собой приостановление и прекращение уголовных дел об изнасилованиях, вынесение по ним оправдательных приговоров. Промедление с проведением осмотра может привести к изменению обстановки и утрате вещественных доказательств.

---

[1] Там же: С. 105.

При производстве осмотра считаем целесообразным привлечение потерпевшей, а также специалистов в области судебной медицины, биолога, а при необходимости – педагогики и психологии и иных специалистов.

Дубоносова А.Э.
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Миронюк А.А.
студент юридического факультета
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В современных условиях, когда учебные планы ВУЗов формируются исходя из приоритетов самостоятельного изучения студентами правовых дисциплин, когда снижается количество часов, отведенных для лекционного материала и наоборот, увеличивается время для семинарских занятий со студентами, а также увеличивается количество часов, отводимых для самостоятельной работы студентов вне ВУЗов возникает вопрос о необходимости повышения качества знаний, умений и навыков студентов при значительном сокращении времени устного общения между преподавателем и студентами.

Важной проблемой также является разрыв между юридической практикой и полученными теоретическими познаниями студентов, приобретаемыми в стенах ВУЗа. Зачастую будущие юристы, покидая альма-матер, оказываются не готовы к практической работе и не могут применить полученные теоретические знания.

Кроме того, в некоторых случаях знания выпускников юридических ВУЗов оставляют желать лучшего. Это связано как с ранее указанными причинами, так и с качеством самого преподавания в современных ВУЗах. Именно по этому поводу возникают различные анекдоты о правовом невежестве начинающих юристов, слухи о «черном списке» высших учебных заведений, выпускников которых не хотят видеть работодатели на рынке труда, и другие подобные нарекания, связанные с низким уровнем подготовки юридических кадров.

Конституция России провозгласила верховенство закона, неукоснительное исполнение которого, в том числе органами государственной власти, должно гарантировать реализацию таких общечеловеческих гражданских принципов, как свобода, равенство и справедливость. И именно благодаря качественному обучению будущих юристов основам юриспруденции возможно построение правового социального государства. Поскольку, чтобы обеспечить верховенство закона, каждый гражданин должен быть юридически грамотным, государственные чиновники должны быть юристами-профессионалами в сфере своей деятельности, а работники правоохранительной, правоприменительной сферы и правосудия должны быть профессионалами - юристами высокого класса и высокообразованными людьми в сфере философии, социологии и специальных отраслевых знаний[1].

В связи с указанными выше проблемами, обусловленными необходимостью повышения качества усвоения студентами изученного материала, авторы предлагают комплексный подход к

[1] Мелешко Н.П. Концепции развития и специализации юридического образования в современной России / Н.П. Мелешко // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 4. – С. 35-42.

изучению уголовно-правовых дисциплин, способный обеспечить наиболее эффективное освоение и закрепление знаний по данной профилирующей дисциплине.

В частности, комплексность и системность предлагаемого подхода к изучению уголовно-правовых дисциплин заключается в том, что студенты осваивающие материал в рамках одной темы должны последовательно использовать несколько методов и подходов к ее изучению и закреплению, причем переходы от одной темы к другой в рамках исследуемой дисциплины должны иметь логическую взаимосвязь и взаимопреемственность тематик.

Так, в начале изучения юридической дисциплины преподаватель проводит обзорную лекцию, позволяющую понять суть изучаемого предмета, его особенности и место среди других юридических дисциплин.

Исходя их специфики лекционных занятий, предполагающих устное восприятие информации студентами на сенсорном, перцептивном и смысловом уровнях, представление учебного материала преподавателем должно сопровождаться индивидуально-личностными особенностями, предполагающими использование в лекциях ярких и запоминающихся примеров и образов. Так как, только привнеся в лекционный материал эмоциональную составляющую, можно вызвать не только интерес студентов к дисциплине, но и создать в памяти «якорь», по которому студент с легкостью сможет вспомнить пройденный материал. При таком непосредственном контакте преподавателя и студента, у последнего начинают работать различные виды памяти, позволяющие усвоить услышанный материал: образная, словесно-логическая, эмоциональная, слуховая, моторная (двигательная). При минимально запланированном количестве лекционных часов такой подход видится наиболее оптимальным. При этом важно не только «зачитать» лекционный материал, а объяснив основы изучаемой темы, на конкретном примере или задаче пошагово применить теорию и показать студентам алгоритм разрешения схожих ситуаций. Главной задачей данного этапа является получение студентом общего представления о теме конкретного лекционного занятия, в ходе которого в основном задействуется слуховая и эмоциональная память. По окончании лекционного часа преподаватель дает студентам практическую задачу, содержащую условия только что услышанного материала, но не содержащую ее решения.

Дальнейший этап освоения темы правовой дисциплины происходит вне стен ВУЗа, когда студенты самостоятельно готовятся к семинарскому занятию. Именно в это время они должны не только освоить вопросы услышанной в ходе лекционного занятия темы, но и самостоятельно прийти к оптимально приемлемому решению задачи, данной после лекции преподавателем. В ходе самостоятельной подготовки к семинарскому занятию студент вспоминает услышанное и увиденное на лекции, воспроизводит в памяти отдельные сильно запоминающиеся эмоциональные моменты, яркие примеры из практической деятельности лектора. При этом студенты, осваивая материал самостоятельно, вынуждены обращаться к печатному источнику: учебнику, законодательному источнику, личным выпискам из лекции, распечаткам и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Прочитывая материал, студенты воспринимают его эмоционально, как бы примеряют его к действительности, пытаясь посредством полученных знаний определить пути выхода из той или иной жизненной ситуации. При этом активируются следующие виды памяти: эмоциональная, зрительная, образная, словесно-логическая.

По окончании прочтения печатных источников студенты должны разрешить заданную преподавателем практическую задачу, это позволяет им закрепить полученные в ходе лекционного курса и самостоятельной работы знания, а также применить полученные навыки на практике, предложив пути решения конкретной жизненной ситуации, возникающей в процессе деятельности физических и юридических лиц. Таким образом, студент видит готовый результат

полученных теоретических знаний, их способность быть применимыми в практической деятельности, и, предлагая выходы из жизненной проблемы, студент становится увереннее в себе, у него появляется стремление к освоению нового теоретического материала, он начинает осознавать себя частью юридического сообщества. Этот процесс стимулирует студента к освоению изучаемого материала, сближает его с будущей профессией, позволяет осознать значимость своей будущей профессии.

Следующим этапом комплексного освоения материала является проводимое преподавателем семинарское занятие, при этом наиболее активную роль на семинаре должны занимать сами студенты. Зачастую семинарские занятия проводятся преподавателями в классическом варианте, путем устного опроса студентов по ранее предложенным вопросам темы и решения задач из практикума. Авторы не стремятся оспорить правильность и значимость такого подхода к проведению семинарских занятий, они только делают попытку предложить наиболее эффективные способы усвоения студентами материала.

В связи с изложенным, авторы предлагают следующий подход к проведению семинарского занятия: начинается занятие с озвучивания студентом решения практической задачи, данной преподавателем после лекции для самостоятельного разрешения. При этом студент должен не только предложить путь решения задачи, но и аргументировать выбранный им путь решения, обосновать его законодательную актуальность и обоснованность. После выступления студента преподаватель предлагает аудитории обсудить предложенное решение задачи совместно, оценить возможность его применения на практике и рассмотреть альтернативные пути решения данной задачи. Таким образом, студенты включаются в работу, становятся ориентированными не только на активную индивидуальную деятельность, но и на работу в группе, что позволяет им почувствовать свою причастность к занятию и заинтересованность в их мнении преподавателя.

После разрешения задачи преподаватель предлагает устно выступить студентам по освоенному самостоятельно материалу. В ходе выступлений студентов наибольший эффект имело бы применение различных современных технических устройств: интерактивной доски, проектора, видеоустройств и т.п., позволяющих наглядно, красочно и демонстративно сопроводить устный рассказ студента. Инновации в обучении студентов связаны не только с совершенствованием технического оснащения проведения занятий. Преподавание гуманитарных дисциплин одной из основных задач ставит развитие у студентов правовой риторики, умения аргументированно представить свою позицию, обоснованно парировать аргументы лиц, участвующих в споре, гибко и оперативно реагировать на вновь возникающие обстоятельства[1].

Такой подход к освоению материала позволит задействовать работу различных видов памяти, а также заинтересовать исследованием темы всю аудиторию. В процессе заслушивания ответов студентов необходимо обращаться к практическим примерам, чередуя их следующим образом. Сначала решение задач из практикума по освоению конкретного узкого вопроса. Затем предложить студентам рассказать случаи из практики, произошедшие с их друзьями, близкими и родными. При это необходимо, подключив всю аудиторию, попытаться найти правовое разрешение возникшей проблемы. После этого возможен рассказ преподавателя о ситуации, которую он в качестве практикующего юриста разрешал в правоприменительной деятельности, при этом решение должны попытаться найти сами студенты.

---

[1] Казакова В.А. Методика преподавания уголовно-правовых дисциплин // Юридическое образование и наука. 2012. №4. С. 32 - 35.

Важным для освоения темы и ее практического закрепления является моделирование ситуаций, возникающих в ходе правоприменительной практики, путем разыгрывания данной ситуации в аудитории, при этом распределяя роли между студентами и заранее определяя их функции и задачи. Моделирование и разрешение конфликтных ситуаций – одна из инновационных технологий обучения, которая должна значительно увеличить скорость восприятия, понимания и глубокого усвоения огромных массивов противоречивых знаний, необходимых для формирования будущего специалиста[1].

После окончания семинарского занятия, с целью проверки преподавателем качества полученных студентом теоретических знаний и механизмов их применения на практике, возможно в качестве домашнего задания предложить студентам составить проект правового документа по ситуации, обсуждаемой в аудитории. Например, проект обвинительного заключения, решения суда, постановление о назначении экспертизы или иного процессуального действия. Это позволит студентам закрепить в памяти усвоенный учебный материал и отработать навыки реальной работы юриста.

В целях преемственности проводимых методов и реализации комплексного подхода к освоению материала необходимо, чтобы студенты могли не только осваивать полученные знания путем решения задач из практикума, но и видеть, как они разрешаются в практической деятельности специалистов различной направленности: судей, следователей, адвокатов. Для этого необходимо проводить выездные семинарские занятия, позволяя студентам ознакомиться с тем, как проходят следственные действия и судебные заседания. Кроме того, необходимо проводить семинарские занятия с привлечением специалистов, занятых в конкретных сферах юридической деятельности: дознавателей, следователей, прокуроров, судей, адвокатов. Такой подход позволит студентам наглядно понять, как правильно квалифицировать преступное деяние, каким образом обеспечить законность в ходе уголовного судопроизводства, как необходимо применять уголовный закон и назначать наказание и осуществлять иные действия, входящие в круг профессиональных обязанностей юриста. При этом устное непосредственное общение со специалистами позволит студентам не только освоить теоретический материал, прочувствовать важность и значимость своей профессии, но и стать квалифицированным специалистом еще на стадии обучения и определиться с направлением в своей предполагаемой деятельности после окончания ВУЗа.

Дугин А. Т.
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ВИНЫ

В УК РФ вина как обязательный признак преступлений дается в виде умышленного либо неосторожного психического отношения к ним лиц их совершивших. Такое отношение предполагает осознанное и волевое совершение преступных деяний, сопряженное с предвидением их общественно-опасных последствий или, по крайней мере, с наличием

[1] Мелешко Н.П. Методика проведения практических занятий по дисциплине «Основы ювенальной юстиции» / Н.П. Мелешко, Л.Н. Андрющенко // Юридическое образование и наука. – 2007. – № 1. – С. 24-29.

обязанности и возможности такого предвидения. «Без сознания и воли, - пишет Н. С. Малеин, - нет деяния ни противоправного, ни правомерного…право регулирует сознательное волевое поведение и рассчитано только на него. Право в равной степени бессильно регулировать и, в частности, запрещать как процессы природы (землетрясения, тайфуны), нрав диких животных, так и бессознательные состояния человека, несмотря на то, что эти события и явления могут быть опасными в смысле причинения вреда.[1] «Как нет правонарушения при стихийных силах природы, - утверждает Н. С. Малеин, - так нет его и в невиновном случае с человеком».[2]

Право регулирует и, в частности, запрещает общественно опасное поведение, воздействуя своими обязательными для исполнения нормами на сознание и волю человека. Делая это, оно формирует у людей соответствующее психическое отношение к запрещенному законом поведению.

Исходя из этого, следует заключить, что право вообще и уголовное право в частности находится в основании психического отношения субъектов к обозначенным в уголовном законе преступлениям. Это имеет место и тогда, когда субъекты подчиняют свое поведение правовым запретам и тогда, когда они их нарушают. Осознанное и волевое, умышленное или неосторожное нарушение установленных правом запретов на фактическое воспроизводство определенных видов общественно опасного поведения как раз и представляет собой то, что в уголовном праве называется виной.

Из изложенного следует, что вина, наряду с указанным в ст. ст. 24-27 УК РФ умышленным либо неосторожным личным отношением субъектов к совершенным ими общественно опасным деяниям, содержит еще и осознание ими отрицательного отношения к этим деяниям общества и государства. Такое отношение к общественно опасным деяниям государство от своего имени и от имени общества в целом сформулировало в ст. 14 УК РФ, где данные деяния представлены им как преступления. Преступления в этой статье УК РФ характеризуются как виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные настоящим Кодексом под угрозой наказания.

Негативное отношение общества и государства к нормативно обозначенным в УК РФ общественно опасным деяниям как к уголовно наказуемым преступлениям обязывает и совершающих их субъектов относиться к ним аналогичным образом, то есть давать им ровно такую же отрицательную оценку и осознавать их совершение как преступление. При этом субъекты должны сознавать не только сам факт преступления, но и возможность применения к преступникам уголовного наказания со стороны государства.

Учитывая это, следует, вероятно, дать в Уголовном Кодексе РФ общее определение вины в преступлении. В этом определении кроме уже имеющегося указания на осознание субъектами общественной опасности совершаемых ими деяний, должно быть специально предусмотрено и осознание ими других признаков преступления, указанных в ст. 14 УК РФ, а именно осознание уголовной противоправности и наказуемости этих деяний.

Осознавая общественную опасность, противоправность и наказуемость совершаемых деяний субъекты, как правило, заинтересованы в сокрытии этого осознания, как от общества, так и от государства. Кроме того, вследствие личной заинтересованности, а нередко и по причине недостатка юридических знаний, они при оценке своих деяний могут совершать юридические и фактические ошибки. Не в состоянии они также и сами себе назначать наказание, нормативно данное в статьях Уголовного Кодекса применительно к каждому виду совершенного ими преступления.

---

1 Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985., с. 14.

2 Малеин Н. С. Там же … с. 14.

По указанным причинам последнее слово за признанием вины субъектов в совершенных ими преступлениях остается за государством. Право и обязанность государства устанавливать обстоятельства преступлений и вину субъектов в их совершении закреплены в ст. 43 УК РФ. В ней прямо указано на то, что уголовное наказание назначается «по приговору суда» и «применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления». Признание судом вины субъектов в совершенных преступлениях является основанием уголовной ответственности и назначения соответствующего этой вине уголовного наказания. Поэтому, было бы правильным уточнить содержание ст. 43 УК РФ и прямо указать на то, что признание лица виновным в совершении преступления является обязанностью суда. В связи с этим вышеуказанная часть текста данной статьи могла бы выглядеть следующим образом: «Наказание применяется к лицу, признанному **судом** виновным в совершении преступления…».

Подводя итог вышесказанному, следует придти к выводу, что вина является сложным составным понятием, выходящим за рамки личного отношения субъектов к совершаемым ими преступлениям. Ее составляющими являются:

- данное в ст. 14 УК РФ негативное отношение государства к обозначенным им в статьях Особенной части Уголовного Кодекса общественно опасным деяниям как к преступлениям;
- субъективное отношение лиц к совершенным ими преступлениям, указанное в ст. ст. 24 – 27 УК РФ;
- нормативно данное в ст. 43 УК РФ, и конкретно указанное в приговоре суда отношение государства к виновному лицу, фактически совершившему запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние.

Учитывая эти составляющие вины, общее ее определение в Уголовном Кодексе РФ можно было бы дать в следующей форме: « вина есть умышленное или неосторожное совершение запрещенных под угрозой наказания общественно опасных деяний, обозначенных в настоящем Уголовном Кодексе как преступления».

Егоров Н.Ю.
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России
Научный руководитель: *профессор Н.С. Нижник*

ОРГАНЫ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ И.Т. ТАРАСОВА

Сущность государства находит свое проявление в направлениях деятельности данного государства. Одной из основных функций государства является внутреннее управление государством. До сих пор для ученых-теоретиков, юристов-практиков, политиков и государственных деятелей вопросы сущности и организации внутреннего управления остаются дискуссионными. Важный вклад в разработку этих вопросов внесли европейские[1] и российские[2] ученые-полицеисты и полицеисты И.Т. Тарасов, рассматривавших проблемы внутреннего управления российским государством в конце XIX – начале XX в.

---

[1] См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43.

[2] См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 66–73; Дергилева С. Ю. Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015.

Иван Трофимович Тарасов (1849–1929) – выдающийся российский юрист, полицеист, административист, посвятил вопросам внутреннего управления государством свои работы: «Очерк науки полицейского права»[1], «Лекции по полицейскому (административному) праву»[2], «Полиция в эпоху перемен»[3], «Личное задержание как полицейская мера безопасности»[4].

Подчеркивая разнообразие органов государственного управления в России, И.Т. Тарасов предпринял попытку классифицировать органы внутреннего управления по различным критериям.

Органы внутреннего управления И.Т. Тарасов различал, прежде всего, по целям, поставленным перед ними. В соответствии с таким критерием Тарасов выделял: органы правительства, органы местного самоуправления и соединства[5]. По мнению И.Т. Тарасова, правильное управление государством заключалось в эффективном сотрудничестве органов всех видов[6]. Органы правительства были представлены центральными и местными органами полиции[7], к их числу относились генерал-губернаторы, военные и гражданские губернаторы, губернские правления, полицмейстеры, городские полицейские управления, исправники, уездные полицейские управления, участковые земские начальники, становые приставы и урядники, земская стража. Общее руководство правительственными органами полиции осуществляли министр внутренних дел, генерал-губернаторы и губернаторы. Центральным органом полиции являлся Департамент полиции Министерства внутренних дел[8].

К органам местного самоуправления Тарасов относил губернские и уездные собрания, губернские и уездные управы, участковых попечителей, сельские и волостные управления, старшин и старост. Основные должности в органах местного самоуправления были выборными. Основанием для того, чтобы выбирать и быть избранными, являлись гражданская и политическая правоспособность[9].

И.Т. Тарасов подчеркивал, что цивилизация должна быть признательна за свой уровень культурного развития не обычному инстинкту борьбы за существование, а исключительно закону взаимной помощи[10]. Закон взаимопомощи, считал Тарасов, находил выражение в соединствах, которые, по словам Тарасова, представляли собой «свободное соединение единичных лиц для достижения совокупными средствами и усилиями свободно определенных целей»[11]. В число соединств И.Т. Тарасов включал корпорации, общества, товарищества сходбища, скопища, тайные собрания, союзы, съезды, конгрессы, избирательные собрания[12].

Критерием классификации органов внутреннего управления Тарасов считал их функциональные характеристики. В соответствии с функциями, которые выполняли органы внутреннего управления, Тарасов, выделял органы внутреннего управления, выполняющие общие и специальные функции. К органам, выполнявшим общие функции, Тарасов относил административную полицию, к органам со специальными функциями – полицию. Причем выделять полицию в самостоятельное ведомство, такое, как министерство полиции, И.Т. Тарасов

---

1 Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897.
2 Тарасов И.Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. М., 1908.
3 Тарасов И.Т. Полиция в эпоху перемен. М., 1885.
4 Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1–2. Киев, 1875–1886.
5 Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. С. 45.
6 Там же.
7 Там же. С. 47.
8 Там же.
9 Там же. С. 58.
10 Там же. С. 59
11 Там же. С. 59.
12 Тарасов И.Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. С. 25.

необходимым не считал, полагая, что многие органы (в различном объеме) выполняют полицейские функции[1].

Критерием классификации органов внутреннего управления Тарасов считал и содержание их полномочий[2]. Он выделял распорядительные и исполнительные органы внутреннего управления. Распорядительные органы, по его наблюдениям, решения принимали коллегиально, а в исполнительных органах это право было индивидуализировано. Полиция, в зависимости от задач, поставленных перед ней, могла рассматриваться и как распорядительный, и как исполнительный орган внутреннего управления[3].

Особое внимание И.Т. Тарасов уделял вопросам, касающимся пределов деятельности органов государственной власти. По мнению ученого, государство не всегда самостоятельно справляется со своими задачами, и поэтому вынуждено делегировать часть своих полномочий негосударственным образованиям (например, органам местного самоуправления, негосударственным правозащитным организациям), которые могут играть важную роль в процессе реализации государственных функций и оказывать заметное влияние на государство в целом. Главной целью местного самоуправления, считал Тарасов, является привлечение местных общественных сил к участию в местном государственном управлении с целью удовлетворения и защиты местных общественных интересов[4]. Ученый выделял основные признаки местного самоуправления: наличие организации; наличие компетенции, делегированной со стороны государственной власти; связь с органами государственной власти и подчиненность им[5]. Тарасов акцентировал внимание на зависимости органов местного самоуправления от органов государственной власти. По И.Т. Тарасову, органы государственной власти играли надзирающую роль по отношению к местным органам.

И.Т. Тарасов обращал внимание на то, что для успешного выполнения задач в каждой области, органы, осуществляющие полицейскую деятельность, выступают как органы распорядительной и принудительной власти[6]. Распорядительный характер власти предполагал наделение органов исполнительной власти правом издания распоряжений, а должностных лиц и управлений, действующих во исполнение данных распоряжений, – правом издания предписаний и приказаний[7]. В деятельности администрации находило место и принуждение, посредством которого устранялось и подавлялось сопротивление, оказываемое администрации в процессе выполнения ею законных задач[8].

Важным органом внутреннего управления И.Т. Тарасов рассматривал соединства. По определению Тарасова, соединство – это орган управления, который мог существовать только в установленной законом форме и преследовать общественные (не частные) интересы[9], а также обладать признаками, в числе которых свобода соединения, свобода выбора цели образования и средств для достижения цели, публичность и долговечность[10]. И.Т. Тарасов выделял формы соединства: корпорация, общество, товарищество, съезды, собрания (в том числе и неорганизованные в виде сходбищ, скопищ, тайных собраний и союзов[11].

---

1 Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. С. 46.
2 Там же.
3 Там же.
4 Там же. С. 51.
5 Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 51.
6 Там же. С. 64.
7 Там же. С. 65.
8 Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 2: Общая часть. М., 1910. С. 67.
9 Там же.
10 Там же. С. 60.
11 Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 135.

Таким образом, И.Т. Тарасов предпринял попытку определить сущностные черты органов внутреннего управления, их отличительные особенности и специфику структурной организации. Описывая многообразие органов внутреннего управления, Тарасов предложил их классификацию и обратил внимание на границы их компетенции. В полицейском государстве правительственные органы внутреннего управления выступают опекуном народа, создателя общего блага. Несмотря на акцент на значении органов государственной власти, Тарасов пришел к выводу о важной роли негосударственных общественных организаций в управлении государством, подчеркивая, что «одно только правительство, без участия органов общественности, не в состоянии удовлетворительно выполнить все взятые на себя задачи»[1]. Вопрос об участии в делах управления Россией государственных органов и общественных организаций продолжает оставаться актуальным и в XXI в.

Егорова Т.М.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Приказное производство, появившееся еще на рубеже XV— XVI вв., уже на протяжении многих лет используется в гражданском судопроизводстве, и зарекомендовало себя эффективным средством осуществления правосудия. Анализ судебной практики показывает, что потребность в применении упрощенного порядка рассмотрения бесспорных требований велика, количество выносимых мировыми судьями судебных приказов остается значительным. Так, число судебных приказов, вынесенных мировыми судьями в 2013 году составило 5 млн. 998 тыс., или 70,6 % от общего числа дел, рассмотренных с вынесением решения, что в 1,5 раза больше, чем в 2012 году (3 млн. 881 тыс., или 62,1 %). При этом отменено 318,6 тыс. судебных приказов, или 5,3 % от общего числа вынесенных судебных приказов (в 2012 году – 266,2 тыс. (6,9 %)[2] .

Вместе с тем, мировые судьи в своей практической деятельности сталкиваются с множеством проблем, обусловленных недостаточной законодательной регламентацией института приказного производства и отсутствием единообразной практики по вопросам толкования и применения норм, регламентирующих данную разновидность судебной защиты имущественных прав взыскателя. Так, например, до сих пор остается открытым вопрос о том, когда вступает в силу судебный приказ. Непонятно также, возможно ли взыскать по судебному приказу задолжность на сумму, превышающую 50000 рублей. Вызывает споры и проблема извещения должника о вынесенном судебном приказе и направлении ему его копии.

Таким образом, изучение проблем института приказного производства является одним из наиболее значимых и актуальных вопросов гражданского судопроизводства.

Мы остановимся и рассмотрим в докладе некоторые из них.

Так, например, возникает вопрос, применимы ли к приказному производству ограничения в денежной сумме по имущественным спорам, относящимся к подсудности мировых судей?

---

1 Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 51.

2 Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс] // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80 (дата обращения: 16.01.2015)

Как отмечает Д.И. Ковтков, данная проблема до сих пор остается не разрешенной. Сложившаяся судебная практика исходит из того, что дела о выдаче судебного приказа какой-либо суммой не ограничиваются и только в редких случаях суды, как правило, кассационной инстанции, применяют правила об ограничении подсудности требований мировых судей и к приказному производству. Как итог, на практике складывается парадоксальная ситуация. Если требование, например основанное на сделке, совершенной в простой письменной форме, на сумму 50 тыс. руб., предъявить в порядке искового производства, то оно подсудно районному суду. При подаче заявления о выдаче судебного приказа на ту же сумму дело (исходя из сложившейся практики) становится подсудно мировому судье[1].

Получается, что подобное ограничение ставит в зависимость подсудность дел мирового судьи от суммы заявленных требований. Кроме того, от правильного применения данных правовых норм будет напрямую зависеть возможность заинтересованного лица обжаловать судебный приказ после его вступления в законную силу. Учитывая тот факт, что приказное производство не допускает наличие спора о праве, необходимо исправить эту существенную неясность.

В этой связи представляется целесообразным внести в ст.125 ГПК РФ соответствующие изменения. В ГПК необходимо указать, что основанием для отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа является имущественный спор, цена иска которого превышает пятьдесят тысяч рублей.

К сожалению, законодатель ничего не говорит о том, когда вступает в законную силу судебный приказ. Среди специалистов этот вопрос также редко обсуждается. Исследователи предлагают следующие варианты ответов: в день вынесения судебного приказа; по истечении десяти дней со дня получения копии приказа должником, не представившим возражения относительно его исполнения; в день получения копии судебного приказа должником, не представившим возражения относительно его исполнения. Существуют и другие мнения[2].

На наш взгляд, вступление в силу судебного приказа напрямую связано с днем его вынесения. Такой итог можно подвести, проанализировав гражданско-процессуальное законодательство. Судебный приказ является одновременно и судебным постановлением по гражданскому делу, и исполнительным документом. Судебный акт вступает в законную силу по истечении срока для его обжалования в апелляционной (кассационной) инстанции. Для судебного приказа возможность апелляционного обжалования не предусмотрена. Вместе с тем, ст.428 ГПК определяет срок выдачи исполнительного документа взыскателю. В соответствии с ч.1 ст.428 ГПК исполнительный лист выдается судом взыскателю после вступления судебного постановления в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения. Следовательно, судебный приказ вступает в законную силу сразу же после его вынесения мировым судьей.

Нерешенным остается и вопрос о мотивированности судебных приказов. В научной литературе не выработан однозначный подход к регулированию данного пробела. Так, многие исследователи приходят к мысли о необходимости обязательной мотивировки судебного приказа. Сторонники данного подхода утверждают, что «поскольку судья указывает закон, на основании которого удовлетворяется требование, то должна быть и мотивировочная часть, которая по своему содержанию выполняется в сокращенной и сжатой форме». Такие специалисты отмечают, что «отсутствие мотивировки в судебном приказе на практике приводит

---

[1] Ковтков Д.И. Приказное производство: правовое регулирование, проблемы, перспективы развития // Мировой судья. 2010. № 12. С. 7.

[2] Бортникова Н.А. Некоторые вопросы приказного производства // Бюллетень судейского сообщества Воронежской области. Общество.Закон.Правосудие. 2012. № 2 (21). С. 35.

к ограничению его трансграничного действия»[1]. Другие авторы полагают, что для законодательной регламентации судебного приказа будет достаточно указания ссылок на применяемые нормы материального и процессуального права. «В этом случае можно будет ограничиться сокращенной формой аргументации позиции, ссылаясь на нормы права»[2].

На наш взгляд, мотивировать судебный приказ просто нет смысла. Представляется, что специфика приказного производства достигается за счет упрощения и оптимизации гражданского процесса, в том числе и путем применения усеченной формы (вводная и резолютивная часть) и содержания акта правосудия. Если законодатель не будет учитывать эти особенности, то приказное производство потеряет свои отличительные, характерные для него черты.

Особого внимания заслуживает и вопрос об уведомлении должника о принятии заявления. Должник до получения копии судебного приказа не знает о принятом в отношении его постановлении суда. Это обстоятельство может быть использовано заявителем в своих бесчестных, недобросовестных целях. Естественно, что в данном случае заявитель может предоставить суду только те доказательства, которые максимально подтвердят бесспорность и правомерность заявленных требований и, соответственно, не предъявит документы, которые могут опровергнуть требования самого заявителя и защитить должника.

В целях недопущения злоупотреблений прав со стороны заявителя и защиты интересов должника, а также повышения обоснованности судебного приказа предлагаем следующую рекомендацию по совершенствованию законодательства.

Полагаем необходимым дополнить ст. 126 ГПК нормой (часть 3) следующего содержания: «после принятия заявления о вынесении судебного приказа суд обязан известить должника о поступившем заявлении». Сама процедура извещения должника в предложенном выше варианте может осуществляться посредством телефонограммы, срочной телеграммы, факса или расписки, переданной судом заявителю для вручения должнику. В случае направления расписки должнику заявитель должен будет передать суду корешок расписки с подписью должника. В противном случае должник не будет уведомлен надлежащим образом.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что в части применения норм приказного производства имеется ряд теоретических и практических проблем. В этой связи дальнейшее развитие института приказного производства видится нами в устранении имеющихся недостатков и пробелов в законодательстве, регламентирующем рассматриваемый институт, и установлении единообразия по вопросам толкования его норм. Надеемся, предложенные рекомендации по совершенствованию приказного производства, которые были высказаны автором работы, вызовут интерес у разработчиков законопроектов.

---

[1] Загайнова С.К. Об основных тенденциях развития приказного производства // Исполнительное право. 2007. №4 // Правовой банк данных СПС «Консультант плюс»

[2] Папулова З.А. К вопросу о процедурных особенностях современного приказного производства России // Актуальные проблемы российского права. 2013 № 3. С.328.

Елманов И.А.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ

В литературе высказываются мнения о несовершенстве действующего российского законодательства, отдельные нормативные правовые акты которого и их правовые нормы способствуют проявлению коррупции. Единственно действенным способом совершенства нормативного регулирования считается выявление и последующее устранение коррупциогенных норм, которое не позволит правоприменителю использовать их в своих корыстных и иных противоправных целях. Для этого в течение последних десяти лет законодателем активно развивается институт антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов как одна из превентивных мер борьбы с коррупцией в России, которая заключается в оценке нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность, то есть выявлении в них норм, способствующих проявлению коррупции (коррупциогенных факторов).

Согласно статье 3 Федерального закона от 17.07.2009 N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» она осуществляется Минюстом России и его территориальными подразделениями, прокуратурой РФ, федеральными органами исполнительной власти, а также иными государственными органами и организациями, наделенными правом принятия нормативных правовых актов (например, Центральная избирательная комиссия РФ, Центральный Банк РФ, госкорпорация «Росатом»), органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления их должностными лицами[1], а также аккредитованными юридическими и физическими лицами.

Органами государственной власти и органами местного самоуправления антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов осуществляется на стадии их принятия при проведении правовой экспертизы, а также при мониторинге применения.

Первичная экспертиза проектов нормативных правовых актов, принимаемых Новгородской областной Думой, является обязательной и проводится субъектами права законодательной инициативы в областной Думе в ходе их разработки, – при определении концепции и структуры нормативного правового акта, содержания конкретных правовых норм. Результатом первичной антикоррупционной экспертизы является вывод в пояснительной записке к вносимому проекту о том, что положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции, в нем не выявлено. Отсутствие такого вывода является основанием для отказа в принятии проекта нормативного правового акта к рассмотрению областной Думой[2].

Последующая экспертиза проектов нормативных правовых актов, внесенных на рассмотрение областной Думы, проводится комиссией Новгородской областной Думы по

---

[1] Статьи 3 и 5 Федерального закона от 17.07.2009 N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ред. от 21.10.2013) // «Собрание законодательства РФ», 20.07.2009, N 29, ст. 3609.

[2] Часть 3 статьи 5 Областного закона Новгородской области от 31.08.2009 N 595-ОЗ «О реализации федеральных законов о противодействии коррупции на территории Новгородской области» (принят Постановлением Новгородской областной Думы от 26.08.2009 N 1120-ОД) (ред. от 31.03.2014) // «Новгородские ведомости», N 9, 17.07.2007.

проведению антикоррупционной экспертизы (далее – комиссия), действующей на основании Постановления Новгородской областной Думы от 27 февраля 2013 года[1], в состав которой входят депутаты областной Думы, специалисты ее аппарата и по согласованию Уполномоченный по правам человека в Новгородской области, представители управления Минюста России по Новгородской области, Счетной палаты Новгородской области, регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Общественной палаты Новгородской области[2].

Анализируя практику проведения комиссией антикоррупционной экспертизы проектов, внесенных на рассмотрение областной Думы, можно сделать вывод, что в своих заключениях члены комиссии зачастую выходят за пределы оценки исследуемого проекта на коррупциогенность, указывая наличие в его тексте не только коррупциогенных факторов, но и других правовых дефектов, которые по своей юридической природе не могут повлечь проявления коррупции (например, недостатки в юридической технике). Так, отдельные члены комиссии Новгородской областной Думы по проведению антикоррупционной экспертизы указывают в своих заключениях о низком качестве юридической техники исследованных актов, а также о необходимости внесения в них некоторых технических поправок (например, слова «главы муниципальных образований», заменить словами «главы муниципальных районов и городских поселений», так как понятие «муниципальные образования» включают в себя: муниципальные районы, городские и сельские поселения, в то время как сельские поселения исследованный документ не затрагивает).

Более того, при проведении экспертизы проекта областного закона «О внесении изменений в областной закон «О взаимодействии органов государственной власти Новгородской области с Ассоциацией «Совет муниципальных образований Новгородской области» один из членов комиссии помимо выявленных в исследованном документе коррупциогенных факторов указал, что наличие в пояснительной записке к законопроекту сведений о том, что при проведении первичной антикоррупционной экспертизы коррупциогенные факторы выявлены не были, позволяет сделать вывод о том, что такая экспертиза не производилась. В то же время стоит отметить, что такие замечания членов комиссии в целом не имеют юридического значения для общего заключения и чаще всего в нем не указываются.

В органах исполнительных власти области последующая экспертиза проводится, как правило, их специальными структурными подразделениями (комитетами, управлениями и др.) В частности, проведение антикоррупционной экспертизы принятых Губернатором Новгородской области, Правительством Новгородской области нормативных правовых актов (и их проектов) при проведении их правовой экспертизы и мониторинге их применения[3] проводится комитетом правового обеспечения Правительства Новгородской области в отношении каждого принимаемого документа высшим исполнительным органом области и осуществляется в соответствии с Порядком проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых

---

[1] Постановление Новгородской областной Думы от 27.02.2013 № 473-5 ОД «О комиссии Новгородской областной Думы по проведению антикоррупционной экспертизы» // «Новгородские ведомости», N 8, 07.03.2013.

[2] Часть 4 статья 5 Областного закона Новгородской области от 31.08.2009 N 595-ОЗ «О реализации федеральных законов о противодействии коррупции на территории Новгородской области» (принят Постановлением Новгородской областной Думы от 26.08.2009 N 1120-ОД) (ред. от 31.03.2014) // «Новгородские ведомости», N 9, 17.07.2007.

[3] Часть 5 статьи 5 Областного закона Новгородской области от 31.08.2009 N 595-ОЗ «О реализации федеральных законов о противодействии коррупции на территории Новгородской области» (принят Постановлением Новгородской областной Думы от 26.08.2009 N 1120-ОД) (ред. от 31.03.2014) // «Новгородские ведомости», N 9, 17.07.2007.

актов (проектов нормативных правовых актов) Губернатора Новгородской области, Правительства Новгородской области[1]. В результате проеденной экспертизы выносится заключение, в котором указываются все выявленные в тексте документа коррупциогенные факторы (с указание структурных единиц), а также возможные пути их устранения. В случае отсутствия коррупциогенных факторов отмечается, что коррупциогенные факторы выявлены не были.

Нами был проанализирован опыт проведения данной экспертизы исполнительными органами власти других субъектов РФ. По результатам проведенного опроса было установлено, что рядом органов государственной власти субъектов РФ экспертиза проводится формально. Например, это характерно для Администрации Псковской области и Администрации Приморского края. В указанных регионах по результатам проведения антикоррупционной экспертизы заключения (отрицательные, а иногда и положительные) не выносятся. Вместо этого, в случае выявления в тексте проекта нормативного правового акта коррупциогенных факторов, об их наличии уведомляется разработчик, который в короткий срок исправляет текст с выявленными коррупциогенными факторами. Таким образом, в последующем субъектом антикоррупционной экспертизы, указывается, что по ее результатам коррупциогенные факторы выявлены не были.

По мнению лиц, проводящих экспертизу в таком «упрощенном порядке», во-первых, это направлено на быстроту и оперативность принятия управленческих решений органами исполнительной власти субъектов, в то время как документы, издаваемые органами законодательной власти акты, которые носят больший нормотворческий характер, а их правовые нормы зачастую создают новые правоотношения, устанавливают права, обязанности и ответственность за неисполнение последних, порядок реализации предоставленных прав и т.д.

С такой позицией нельзя согласиться в полной мере, поскольку приведенная выше характеристика актов органов законодательной власти относится также и к актам исполнительной органов. В этой связи лицам, проводящим в отношении последних экспертизу, не надлежит относится к ним как менее важными нормативным правовым актам, так как даже правовой статус таких актов не уменьшает риск появления в них коррупциогенных факторов и тем более не исключает его вовсе. Однако стоит отметить, что высокая квалификация специалистов, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов органов исполнительной власти субъектов РФ может и не отражаться на качестве проведения антикоррупционного исследования даже при проведении его в таком «упрощенном порядке».

Во-вторых, существует мнение, что первоначальная экспертиза должна проводится в тесной взаимосвязи с разработчиком исследуемого акта. Более того, на стадии разработки проекта и его согласования активную роль играют органы прокуратуры, которым в целях выявления коррупциогенных факторов высылается текст разрабатываемого документа. В случае их выявления прокурор не издает акт прокурорского реагирования, а всего лишь высылает разработчику письмо с указанием выявленных коррупциогенных факторов и путей их устранения (следует отметить, что это характерно и для Новгородской области). В целом такое положение вещей обусловлено реализацией принципа сотрудничества при проведении антикоррупционной экспертизы, в данном случае направленного как на всестороннее и

---

[1] Постановление Администрации Новгородской области от 31.08.2009 N 307 «Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Губернатора Новгородской области, Правительства Новгородской области» (ред. от 30.04.2013) // «Новгородские ведомости», N 5, 08.09.2009.

объективное исследование нормативных правовых актов (их проектов) на коррупциогенность, так и на быстроту проведения экспертизы без затягивания всего нормотворческого процесса.

Наконец, в-третьих, по мнению сторонников такого «упрощенного порядка», это ни в коей мере не нарушает установленного законодательством об антикоррупционной экспертизе порядка ее проведения. Более того, законодательно этот вопрос не урегулирован, а значит применение «упрошенного порядка» вполне возможно.

По нашему мнению, применение «упрощенного порядка» при проведении данной экспертизы может быть весьма целесообразным, но только при полном нормативном урегулировании данного вопроса с исключением всех возможностей недобросовестного и формального проведения экспертизы.

Ерш В.С.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

На первоначальном этапе расследования преступления особое значение имеет осмотр места происшествия (далее – ОМП), задачей которого является обнаружение, фиксация и изъятие материальных следов противоправного деяния и объектов. Расследование и раскрытие преступлений находится в прямой зависимости от результатов ОМП, что определяет важность качества проведения такого следственного действия и свидетельствует об актуальности темы исследования. Целью данного исследования является установление перспектив повышения эффективности ОМП по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, как преступлений представляющих существенную угрозу всему мировому сообществу и национальной безопасности Республики Беларусь.

Вопросы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления при ОМП рассматриваются в трудах Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, А.Ф. Волынского, Г.И. Грамовича, А.И. Дворкина, А.В. Дулова, В.А. Образцова и других, однако ОМП по наркопреступлениям не изучался достаточно тщательно.

Обнаружение, фиксацию и изъятие наркотических средств в ходе ОМП необходимо осуществлять с соблюдением всех требований для повышения эффективности данного следственного действия. Так, сохранение криминалистически значимой информации непосредственно связано с её последующим исследованием, что в особенности касается исследования наркотических средств. Однако на практике при проведении ОМП в полевых условиях возможны и имеют место недостатки в работе с наркотическими средствами.

В случае изъятия невысушенных наркотических средств растительного происхождения без запаха растворителя такие объекты необходимо упаковывать в бумажные пакеты, картонные коробки либо бумажные свёртки. Это правило стоит применять и при изъятии зеленых коробочек мака, которые имеют широкое хождение в летнее время года. В данных бумажных упаковках необходимо проделывать отверстия для циркуляции воздуха, но диаметр таких отверстий должен быть незначительным, чтобы через них не происходило потерь вещества. Запрещается упаковывать невысушенные растительные частицы в полимерные пакеты, мешки, стеклянные банки и т.д., не обеспечивающие циркуляцию воздуха.

В случае изъятия растительных частиц с запахом растворителя, данные объекты помещаются в герметичную упаковку.

Вследствие недоработок в части подготовки к упаковке и самой упаковки наркотикосодержащих веществ растительного происхождения (маковая соломка, опий, марихуана, гашиш) наступает их гниение и как результат невозможность проведения химической экспертизы по установлению принадлежности к наркотическим средствам. Это приводит к уничтожению вещественных доказательств и, как следствие, отсутствию состава преступления, а также невозможности привлечения к установленной ответственности преступника[1].

В криминалистической литературе рекомендуется изымать наркотические средства в оригинальной упаковке (т.е. в той упаковке, в которой они были обнаружены), поместив её во внешнюю упаковку с соответствующими реквизитами. Однако зачастую лица, осуществляющие незаконный оборот наркотических средств, упаковывают их именно в мелкие полимерные пакеты, а также запаивают наркотики в полимерную плёнку, и в этом случае изъятие их в такой упаковке и дополнительная переупаковка только ускорит процесс образования конденсата внутри пакета, что отрицательно скажется на сохранности наркотического средства.

Несоблюдение правил предварительной подготовки растений, содержащих наркотические вещества, к упаковке имеет ряд негативных последствий. Так, аналогично изъятию в ненадлежащую упаковку непросушивание либо просушивание не в полной мере влечет загнивание растений, а просушивание не в естественных условиях способствует нарушению строения и химического состава наркотических средств. Кроме того, как в случае с неокончательным высыханием, так и с непросушиванием вообще итогом таких действий будут различия в массе, указанной в протоколе ОМП и в заключении эксперта, т. к. при загнивании масса увеличится, а при усыхании – уменьшится[2].

Погрешности при взвешивании наркотических средств в полевых условиях также являются существенной проблемой, поскольку при работе с наркотическими средствами, как правило, приходится иметь дело с малым количеством вещества, результатом чего выступают разночтения в данных протокола ОМП и заключении эксперта. Во избежание таких ситуаций, следователи не взвешивают наркотические средства вообще.

При обнаружении следов наркотического средства на материи либо в случаях, когда изъять объект целиком не представляется возможным, необходимо изъять фрагмент данного предмета и контрольный образец, на котором не будет иметься следов наркотических средств. Упаковка таких фрагментов осуществляется с соблюдением общих правил упаковки наркотических средств.

В случае изъятия малого количества наркотических средств для фиксации необходимо использовать липкие бесцветные плёнки, а при изъятии большого количества – следует направлять на исследование лишь их часть. Если в ходе ОМП были обнаружены громоздкие предметы-носители наркотических средств, то с них делаются соскобы с указанием информации о том, откуда они были изъяты[3].

---

[1] Иванов П.А. Криминалистическое исследование наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ : Учебное пособие / П.А. Иванов, Т.В. Попова, А.Г. Звонарев, Ю.Н. Баранов. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. – 108 с.

[2] Габа А.И. Современные возможности криминалистического исследования веществ, материалов и изделий из них: практ. пособие / А.И. Габа, Д.В. Исю-тин-Федотков. – Минск : РИВШ, 2009. – 68 с.

[3] Иванов П.А. Криминалистическое исследование наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ : Учебное пособие / П.А. Иванов, Т.В. Попова, А.Г. Звонарев, Ю.Н. Баранов. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. – 102 с.

При работе с объектами, свидетельствующими об употреблении наркотических средств, которыми являются шприцы, иглы, ампулы, фрагменты их упаковочного материала, а также в ходе их изъятия и упаковки необходимо соблюдать правила безопасности и осторожность. Колюще-режущие предметы должны быть упакованы в картонные коробки, футляры, а не в бумажные конверты или пакеты[1].

При ОМП, где могут быть обнаружены наркотические средства, сырьё для их переработки или изготовления, а также предметы, используемые для употребления наркотиков, необходимо участие сотрудников Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Это обусловлено тем, что участие специалиста позволит более качественно произвести ОМП, не повредив, не нарушив и не уничтожив обнаруженные предметы, и, кроме того, специалист достоверно знает какие средства и методы необходимо использовать, чтобы выявить и зафиксировать следы в конкретной ситуации. Также следователь может привлечь специалиста к участию в опросе очевидцев и свидетелей, который проводится по прибытию на место происшествия, получить от специалиста консультационную информацию по интересующим его вопросам в кратчайший срок, что позволит оперативно принять решения о проведении того или иного следственного действия, а возможно и раскрыть преступление по «горячим следам».

Следует отметить, что назначение экспертизы по обнаруженным предположительно наркотическим средствам не терпит отложения, т.к. в результате длительного хранения может нарушиться химический состав наркотического средства, что приведет к затруднениям или невозможности исследования наркотических средств экспертом, т.е. их непригодности.

Расследование преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств нередко требует материаловедческой, судебно-ботанической, судебно-бухгалтерской (при инсценировке кражи), почерковедческой (при исследовании рецептов), агротехнической, судебно-фармакологической, судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы и др.

Таким образом, исследовав особенности ОМП по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, мы видим следующие перспективы повышения эффективности данного следственного действия:

1. Обязательное привлечение к участию в ОМП по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, специалиста Государственного комитета судебных экспертиз, обладающего соответствующей квалификацией (специалисты в области органики, агрономии, химии и др.).
2. Соблюдение правил предварительной подготовки вещественных доказательств к упаковке (растительные смеси или растения подвергаются просушиванию) и правил упаковки наркотических средств.
3. Повышенное соблюдение правил безопасности и осторожность при изъятии колюще-режущих предметов в ходе ОМП по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, что обусловлено спецификой таких преступлений (на шприцах, иглах, ампулах может быть кровь, инфицированная различными заболеваниями).
4. Назначение и проведение экспертизы по обнаруженным предположительно наркотическим средствам не терпит отложения и должно быть проведено в кратчайшие сроки.

---

[1] Там же.

Жилинская В.Ю.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ И РОЛЬ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

Известно, что в целях повышения эффективности предварительного расследования при производстве следственных действий используются различные научно-технические средства, что позволяет существенно увеличить возможности процесса познания обстоятельств совершенного преступления и установить объективную истину. Значительное количество объектов материального мира, а также явлений и процессов совсем не воспринимаются органами чувств человека или воспринимаются недостаточно ярко и четко. Данные недостатки человеческого восприятия информации, ее запоминания, сохранения, воспроизведения, переработки и передачи могут быть с легкостью восполнены результатами применения научно-технических средств. При этом их значение практически невозможно преувеличить, поскольку расследование преступления во многом зависит от своевременного и полного обнаружения вещественных доказательств на месте происшествия[1].

Вопросам применения научно-технических средств в борьбе с преступностью посвящены работы многих ученых, среди которых: Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.А. Волынский, В.И. Гончаренко, Г.И. Грамович, Г.Г. Зуйков, В.К. Лисиченко, Н.А. Селиванов и другие.

Однако на сегодняшний день в криминалистической литературе нет единообразия в терминологии относительно понятий: «научно-технические средства» и «технико-криминалистические средства»[2], а также остается дискуссионным вопрос о том, что представляют из себя научно-технические и технико-криминалистические средства.

Например, по мнению Р.С. Белкина, термин «научно-технические средства» в криминалистическом аспекте представляется неудачным вследствие того, что не отражает специфических целей криминалистики, он является широким и общим. В связи с этим правильнее употреблять термин «технико-криминалистические средства», поскольку они составляют часть научно-технических средств, и их применение базируется на требованиях науки. Так, к технико-криминалистическим средствам относят средства, которые используются в процессе обнаружения, фиксации, изъятия и исследования информации о расследуемом преступлении[3].

Понятие «технико-криминалистические средства» используют многие авторы, такие как О.Я. Баев, В.А. Волынский, Д.Ю. Гостевский, Е.П. Ищенко, С.Б. Коваленко, А.В. Косов, А.И. Костров, И.П. Кочнева, А.Н. Лашко, Н.А. Селиванов, П.Т. Скорченко, В.А. Снетков, Г.В. Федоров, А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблоков и другие, которые рассматривают его в узком и широком смысле слова. В узком смысле слова под технико-криминалистическими средствами

---

[1] Панюшкин В.А. Понятие и сущность научно-технических средств, применяемых при расследовании преступлений / В.А. Панюшкин // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2012. – № 2. – С. 178-184.

[2] Дмитриева Т.Ф. О соотношении понятий «технико-криминалистические средства» и «научно-технические средства» / Т.Ф. Дмитриева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 5. – С. 191–197.

[3] Бугаев К.В. Принципы применения технико-криминалистических средств при расследовании преступлений / К.В. Бугаев // Научный вестник Омской Академии МВД России. – 2005. – № 2. – С. 41-43.

понимают только техническое оборудование, приспособления, инструменты и материалы, в широком смысле – также и методы (приемы и способы) применения этих средств[1].

Все технико-криминалистические средства большинство авторов подразделяет на *три группы*. К *первой* группе они относят технико-криминалистические средства, приемы и методы, заимствованные из иных областей науки и техники и применяемые в непреобразованном виде. К ним относятся фотоаппараты, металлоискатели, микроскопы, спектрометры и иные средства. *Вторую* группу составляют средства, приемы и методы также заимствованные из других областей знаний, но уже преобразованные. К ним относятся специальные методики исследования документов с использованием инфракрасных и ультрафиолетовых лучей, электрофонари со специальными насадками. И, наконец, *третья* группа – средства, приемы и методы, которые специально разработаны для исследования и раскрытия преступлений. Это йодные трубки, магнитные кисти, фотороботы, пулеулавливатели и так далее[2].

Существуют и другие, с учетом современных условий научно-технического прогресса, подходы к определению понятия технико-криминалистических средств, включающие в их перечень криминалистические учеты, справочники и справочные системы, а также технологии, которые значительно конкретизируют практическую направленность технико-криминалистических средств и объединяют в единый механизм существующие термины «метод, «способ», «прием».

По мнению авторов такого подхода, *технико-криминалистические средства* – это система специально изготовленных либо приспособленных приборов, устройств, приспособлений, инструментов, материалов, информационных поисковых, идентификационных и иных систем, а также криминалистических технологий их применения в целях обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, учета, анализа и оценки следов преступления и других вещественных доказательств, а также осуществления иных действий по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений[3].

В качестве принципов допустимости применения технико-криминалистических средств исследователи называют научность, безопасность, эффективность, этичность, правомерность (законность), экономичность, оценку результатов применения, пределы нормативного регулирования. При этом допустимость применения технико-криминалистических средств при расследовании преступлений должна отвечать требованиям быстроты и полноты расследования при условии строго соблюдения прав и интересов граждан, гарантированных законом[4].

Резюмируя изложенное, на основе анализа и обобщения всех приведенных точек зрения нам представляется возможным сформулировать определение технико-криминалистических средств, применяемых для выявления, расследования и предупреждения преступлений, следующим образом.

Технико-криминалистические средства – это система *приборов, устройств, приспособлений, инструментов, материалов, информационных поисковых, идентификационных и иных систем и средств*: 1) специально разработанных; 2) заимствованных из других областей знаний, но уже преобразованных для нужд криминалистики; 3) заимствованных из иных

---

[1] Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова», 2013. – С. 55.

[2] Аверьянова Т.В. Криминалистика : Учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. – М. : Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – С.151.

[3] Дмитриева Т.Ф. О соотношении понятий «технико-криминалистические средства» и «научно-технические средства» / Т.Ф. Дмитриева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 5. – С. 195.

[4] Дмитриева Т.Ф. Правовые аспекты технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия / Т.Ф. Дмитриева, Е.И. Климова // Юстыцыя Беларусі. – 2013. – № 10 (139). – С. 65-68.

областей науки и техники и применяемых в непреобразованном виде, *а также криминалистических технологий их применения* в целях обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, учета, анализа и оценки следов преступления и других вещественных доказательств, а также осуществления иных действий по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений.

Знания о технико-криминалистических средствах, использующихся при расследовании преступлений, позволят следователям, лицам, производящим дознание, специалистам профессионально ориентироваться во всем их многообразии и эффективно применять при производстве следственных действий, раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

При этом реализация указанных выше принципов применения технико-криминалистических средств обеспечит гарантии законности, возможности получения достоверной, полной и объективной доказательственной информации при расследовании преступлений.

Запащикова Л.А.
старший преподаватель
кафедры теории государства и права и конституционного права
Уральский государственный университет физической культуры (г. Челябинск)

ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ: ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Право каждого на уважение его семейной жизни провозглашено ч. 1 ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[1]. Конвенция является важным международным договором, назначение которого состоит в том, чтобы гарантировать соблюдение прав человека[2].

Статья 8 Конвенции гласит: «1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции. 2. Вмешательство публичной власти в осуществление этого права не допускается, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Положение ст. 8 Конвенции об уважении семейной жизни имеет прямое отношение к ст. 12 (право вступать в брак и создавать семью), ст. 2 Протокола № 1 (родительский контроль за образованием детей) и ст. 5 Протокола № 7 (равенство супругов и обязанности супругов во время пребывания в браке и после его расторжения). Данные положения свидетельствуют о

---

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // http://www.espch.ru/content/view/52/30/ (дата обращения: 21.02.2015).

[2] Конвенция выступает в качестве «международного общего права» и функционирует в режиме преемственности и независимости. О ней можно говорить как о системе общего права в том смысле, что она развивается благодаря создаваемому Комиссией и Судом прецедентному праву. При этом контрольные органы Конвенции признают себя связанными прецедентом (принцип *stare decisis),* а Комиссия считает себя обязанной следовать решениям Суда. Свойственные ей качества преемственности и независимости обусловливаются тем, что страсбургские учреждения функционируют независимо от национальных судебных органов государств – участников Конвенции.

закреплении права на частную жизнь и права на семейную жизнь в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Положение о праве на семейную жизнь Конвенции имеет некоторые особенности, отличающие его от положений в других документах о правах человека:

– право на уважение семейной жизни по ст. 8 применяется к отдельным членам семьи, а не к самой семье (другие документы по правам человека делают акцент на семью как ячейку общества (п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека; п. 1 ст. 23 Пакта о гражданских и политических правах));

– защита по ст. 8 применяется только в тех случаях, когда речь идет о действиях самого государства, а не действиях частных лиц (другие документы по правам человека, напротив, пытаются установить нормы поведения для негосударственных субъектов (п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека; п. 1 ст. 23 Пакта о гражданских и политических правах)).

Традиционное толкование термина «семья» означает, что семья – супружеская гетеросексуальная пара с детьми[1]. Однако юридическое толкование этой дефиниции оказалось значительно сложнее. Европейский Суд по правам человека расширил общее определение семьи, констатировав, что: «"Семейная жизнь" по смыслу статьи 8 включает, по меньшей мере, отношения между близкими родственниками, например отношения между дедушкой и бабушкой, с одной стороны, и внуками – с другой, поскольку такие родственники могут играть важную роль в семейной жизни»[2].

Суд также заявил, что родные братья и сестры могут иметь право на семейную жизнь в рамках отношений между собой, не зависимых от отношений между детьми и родителями, констатировав нарушение шведским правительством ст. 8 в результате разлучения трех родных братьев, взятых под государственную опеку[3].

В случаях, когда оспаривалось вмешательство в осуществление права на семейную жизнь, Суд разрешал заявителям ссылаться на кровное родство не как на диспозитивный фактор, а как на исходную предпосылку для установления существования семейной жизни. В то же время конвенционные органы делают больший упор на то, что определенные связи «должны существовать между лицами, прежде чем можно было бы сказать, что их отношения представляют собой "семейную жизнь" по смыслу статьи 8 Конвенции»[4]. Однако в целом страсбургское прецедентное право отдает предпочтение той точке зрения, что права по ст. 8 имеют члены вертикальной семьи, по крайней мере, до тех пор, пока малолетние дети являются ее частью. С другой стороны, Суд выступает за более жесткие стандарты для доказательства существования семейных связей в случаях, когда заявители требуют защиты горизонтальных отношений по ст. 8[5]. Однако конвенционные органы разрешают заявителям в таких или аналогичных обстоятельствах доказывать существование семейной жизни де-факто путем установления некоторых фактов,

---

[1] См.: Нижник Н.С. Полисемантизм наполнения понятия «семья» в современных условиях // Власть, этнос, семья: гендерные роли в XXI веке: Материалы Международного общественного и научного форума (28–29 ноября 2010 г., Москва). М., ИЭА РАН, 2010. С. 175–176.

[2] См.: Судебное решение по делу Маркс от 13 июня 1979 г. Series A. No. 31. P. 21. Para. 45.

[3] См.: Судебное решение по делу Олссон от 24 марта 1988 г. Series A. No. 130. P. 36–37. Para. 81.

[4] Гомьен Д., Харрис Д, Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 306.

[5] См.: 1) No. 3110/67. Dec.19.7.68. – Yearbook 11. P. 494 (518), в котором постановляется, что связей между дядей, племянницей и племянником недостаточно, равно как и связей в рамках отношений, когда сами дети являются совершеннолетними; 2) No. 2991/66. Dec.15.7.67. – Yearbook 10. P. 478 (500), в котором постановляется, что совершеннолетний сын не может ввезти своего отца на территорию Соединенного Королевства; 3) No. 5269/71. Dec.8.2.67. – Yearbook 15. P. 564 (574), в котором постановляется, что замужняя совершеннолетняя дочь, проживающая со своим мужем, не может требовать защиты права на семейную жизнь со своими родителями.

например финансовой или психологической зависимости. Так, в деле Бойл заявитель жаловался на отказ в доступе к его племяннику, который был взят под государственную опеку. Комиссия констатировала нарушение ст. 8: стороны достигли дружественного урегулирования[1]. Наиболее веским доказательством семейной жизни, естественно, являются уже существующие семейные отношения.

В целом Комиссия пришла к заключению, что планы людей вступить в брак не создают семейной жизни. Однако Суд модифицировал эту позицию, заявив по делу Абдулазиз, Кабалес и Балкандали, что «это не означает, что вся предполагаемая семейная жизнь полностью выходит за рамки [статьи 8]»[2]. В этом случае некоторые из заявителей состояли в законном браке, однако не могли вести полноценную, нормальную семейную жизнь ввиду ограничительных иммиграционных законов. Поэтому представляется, что конвенционные органы делают определенный упор на семейную жизнь де-юре при подходе с точки зрения брака и больший упор на семейную жизнь де-факто при подходе с точки зрения повседневной практики. Тем самым Комиссия и Суд оставляют для себя возможность, при определении факта существования семейной жизни по ст. 8, оценивать претензию каждой семьи на индивидуальной основе. Учитывая современные изменения социальных и культурных моделей семейной жизни, конвенционные органы должны обладать такой гибкостью. Поэтому по делу Беррехаб Суд постановил, что в случае законного и подлинного брака «из концепции семейной жизни, на которой основана статья 8, следует, что ребенок, родившийся от такого союза, является ipso jure частью этих отношений; поэтому с момента рождения ребенка и в силу самого факта рождения между ним и его родителями существуют узы, составляющие "семейную жизнь", даже если родители не проживают вместе».

Хотя Суд не считает совместное проживание условием sine qua поп семейной жизни между родителями и малолетними детьми, «нестандартные» модели проживания значительно усложнили для конвенционных органов определение существования семейной жизни и обязательств государства по отношению к индивиду.

Применяя ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Суд, исходит из того, что в сферу действия этой статьи включаются:

– семейные отношения, как отношения, основанные на браке, так и другие семейные узы, когда стороны живут совместно вне брака;

– отношения между родителями и детьми, включая те случаи, когда дети рождены вне брака, родители разведены или проживают отдельно друг от друга;

– отношения между дедушками, бабушками и внуками;

– вопросы, касающиеся презумпции отцовства в отношении ребенка, рожденного в браке;

– конфликтные отношения между родителями в вопросе присмотра за детьми;

– меры для облегчения объединения родителя и детей;

– меры для признания родительских прав, взятия детей на попечение государственными властями, передачи под опеку детей в органы государственного призрения; и др.[3]

---

[1] См.: Судебное решение по делу Бойл от 28 февраля 1994 г. Series A. No. 282-B.

[2] Судебное решение по делу Абдулазиз, Кабалес и Балкандали от 28 мая 1985 г. Series A. No. 94. P. 32. Рага. 62.

[3] См.: Сальвиа М., де. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / Пер. с франц. СПб., 2004.

Несмотря на широкую трактовку понятия «семейная жизнь»[1], оно, тем не менее, традиционно ограничивалось личными отношениями между индивидами, которые по большей части урегулированы семейным правом.

Вслед за Всеобщей декларацией прав человека (1948) и Международным пактом о гражданских и политических правах (1966) ст. 8 Конвенции акцентирует внимание на уважении личной и семейной жизни и запрете вмешательства в нее публичных властей. Таким образом, семейная жизнь гражданина ограждается от вмешательства государства, от произвола государственной власти. Статья 8 Конвенции не затрагивает правовых отношений, возникающих между семьей или членами семьи и государством. Такие отношения регулируются законодательством государств. Однако ст. 8 «содержит в себе зародыш экономических, социальных и культурных прав»[2]. Право на уважение семейной жизни дает толчок к признанию необходимости предоставить семье социальные права в связи с рождением и воспитанием детей. Однако, сама ст. 8 Конвенции не предопределяет ни характер, ни количество, ни реальное содержание социальных прав, которые могут быть предоставлены семье (родителям)[3].

Проблемы, связанные с предоставлением гражданам социальных прав, в том числе с решением вопроса о целесообразности предоставления равных прав различным категориям населения, сложны. При рассмотрении дел о реализации социальных прав неизбежно встанет и вопрос о соотношении прав, гарантированных на международном или конституционном уровне, и субъективных прав, предусмотренных конкретными законами. В строгом смысле слова только первые могут признаваться социальными правами, однако их реализация невозможна без создания правовых механизмов, определяющих условия, порядок и количественное содержание соответствующих прав. Отсутствие не только консенсуса, но даже попыток выявления и осознания всего круга проблем, связанных с защитой социальных прав, приводит к формированию довольно спорной (а иногда и противоречивой) практики Суда. Защита социальных прав, которая пока не предусмотрена Конвенцией, требует учета новых внутригосударственных факторов и развития теоретических положений концепции, на основе которой такая защита будет осуществляться.

---

[1] В частности, обсуждался вопрос о возможности признания однополых сексуальных отношений семейной жизнью (дело Керкховен против Нидерландов (No 15666/89 Kerkhoven, Hinke & Hinke v. the Netherlands, Dec 19.5.92, unreported)); признано право на семейную жизнь между фактическим отцом и ребенком, с матерью которого такой отец прекратил совместное проживание еще до рождения ребенка (см.: Килкэли У., Чефранова Е. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 8: прецеденты и комментарии. М., 2001. С. 101).

[2] Гомьен Д., Харрис Д, Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. С. 290.

[3] Нуртдинова А.Ф. Право на уважение семейной жизни и его защита Европейским судом по правам человека // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2.

Звездина В.О.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
***Научный руководитель**: профессор С.И. Митина*

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ

Существование двух форм демократии или народовластия – непосредственной (прямой) и представительной (опосредованной) - влечет возникновение дискуссий о преимуществах и недостатках каждой из них.

Под прямой демократией следует понимать явление, при котором воля государственной власти и воля народа равны, а народ сам может принимать участие в решении наиболее важных государственных вопросов.

Формы непосредственной демократии могут быть выделены, исходя из ее функций. Согласно императивной функции выдвигаются такие формы, как референдум и выборы, а на муниципальном уровне можно отметить сходы, отзыв, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования. Консультативная функция выражается через митинги, шествия, демонстрации, пикетирования, публичные слушания, опросы граждан и обсуждения. Регулятивная функция реализуется обращениями граждан, правотворческой инициативой, наказами избирателей, отчетами депутатов и выборных должностных лиц, конференциями и собраниями граждан[1].

При изучении такого явления как прямая демократия можно выделить следующие преимущества данной формы демократии:

- повышение стабильности политической системы;
- развитие общественной активности населения;
- способствование свободной самореализации и самоутверждению личности, ее развитию в целом;
- ограничение власти правящих кругов от злоупотребления ею;
- невозможность совершения коррупционных действий государственными и иными должностными лицами: при опосредованной демократии имеется возможность подкупа отдельных лиц, но при прямой демократии решение принимает народ, при этом не предоставляется возможность подкупить каждого.

Но, как и в любом вопросе, имеются и недостатки.

Так при прямой демократии учитывается мнение лишь большинства.

Встает проблема невозможности решать важные вопросы государства через массы в связи с недостатком профессиональных знаний. Так, например, при проведении референдума в сфере нормотворческой деятельности, обычно бывает, что голосующие знают лишь название нормативного правового акта, но его содержания многие или не знают, или не понимают в связи с отсутствием определенных знаний[2].

К тому же, процедура референдума обычно ставит вопрос «за» или «против» принятия какого-либо проекта, тем самым исключается возможность вносить корректировки и предложения по его доработке.

---

[1] Смирнов М. К. Нуждается ли современная демократия в непосредственной форме? // Правовед: Межвузов. науч.-метод. сб.: Вып. 10. - С. 109. - Великий Новгород, 2014.

[2] Казьмина Е. А. К вопросу о формах (способах) реализации конституционной правосубъектности народа // Современное право. - N 10. - 2011. - С. 34.

Довольно сложным является вопрос о субъектах противоправных действий при проведении референдума. В таких случаях, например, как решение вопросов межэтнического характера. Так, в результате референдума может быть принято решение об ограничении прав национальных меньшинств, что с формально-процедурной стороны законно и совершено без нарушений – большинство проголосовало «за» - с правовой же точки зрения недопустимо и противоправно. В таком случае встает вопрос о том, кто должен нести ответственность за данное деяние. При выборах в демократических странах невозможно определить персонально голосовавших и их ответственность, так как открытое голосование противоречит Всеобщей декларации прав человека и иным законодательным актам о порядке голосования при проведении референдумов и выборов в демократических государствах[1].

Кроме того, возникает вопрос о легитимности принимаемых решений путем прямой демократии. Так, количество участников выборов оказывает влияние на действительную легитимность решений. Например, принимается решение о принятии Конституции: «за» могут проголосовать 59% избирателей, принявших участие в голосовании, но главный вопрос состоит в том, а сколько процентов вообще голосовали, так может оказаться, что всего 25% граждан определяют судьбу государства[2].

Эффективность прямой демократии проявляется только в том случае, если обеспечивается массовое участие народа в управлении государством. А данный процесс, возможно, осуществить только на небольших территориях.

Осуществление прямой демократии возможно лишь на муниципальном, местном уровне. Это связано со сложностью и дороговизной проведения федеральных выборов, а также с уровнем правового развития граждан и их активностью в управлении государством. Но при этом, прямая демократия может давать положительные результаты на местном уровне. Так, вопросы частного, местного характера ставятся быстро, и по ним принимаются конкретные решения, исходя из мнения граждан.

В современном мире считается, что Швейцария наиболее приближена к прямой демократии. Так, наибольшее количество национальных референдумов было проведено именно в Швейцарии, к середине 1993 года их было 103. Так, гражданам предлагалось голосовать по несколько раз в год, когда в некоторых странах, народ голосует лишь раз в несколько лет. Важно отметить, что вопросы, выносимые на обсуждения, касались практически всех сфер работы правительства[3].

Прямая демократия представляет собой идеальную форму прямой демократии, которая в современном мире остается утопией. Представляется невозможным собрание всего народа вместе для решения каких-либо вопросов, а значит, общество отошло от принципов прямой демократии. Стали создаваться представительные институты, такие как собрания депутатов, коалиции партий и другие, которые окончательно отстранили народ от участия в политической деятельности. Таким образом, народ лишился легитимности, и все его властные полномочия перешли в руки народных представителей, партий, парламентов и т.д.

---

[1] Симонов В.А. Прямая демократия и учет национальных интересов // Конституционное и муниципальное право. - N 7. - 2005. - С.14.

[2] Казьмина Е. А. К вопросу о формах (способах) реализации конституционной правосубъектности народа // Современное право. - N 10. - 2011. - С. 34.

[3] Швейцарская прямая демократия [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://rusyappi.ru/zametki/shvejtsarskaya-pryamaya-demokratiya (дата обращения: 9.04.2015).

Ивашкевич Е.Ф.
к.п.н., доцент,
заведующий кафедрой истории и теории права учреждения образования
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА ОМБУДСМАНА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Права человека в демократическом обществе – незыблемая ценность. Одним из важнейших инструментов защиты данных прав является институт омбудсмана. В связи с этим большое значение имеет конституционное закрепление норм в конституциях последних поколений, регламентирующих порядок создания и деятельности института парламентского уполномоченного по правам человека. Институт омбудсмана сейчас существует в более чем 100 государствах. Однако конституционное закрепление данный институт получил не во всех странах. Так, на 71-ой пленарной сессии Венецианской комиссии в июне 2007 года было сказано, что «желательность наличия конституционной гарантии такого органа в целом признается среди стран, выступающих за создание или поддержание института омбудсмена или уполномоченного по правам человека. Однако этот принцип не рассматривается всеми как обязательный, и хорошо известно, что во многих странах данное учреждение поддерживается на основе обычного правоприменительного законодательства. Однако было бы правильно сказать, что отчасти это объясняется историческими обстоятельствами, т.е. тем, что это законодательство принималось тогда, когда значение роли омбудсмена в сфере прав человека и свобод не было признано столь высоко, как сегодня. Еще одно объяснение связано с тем, что во многих странах процедура внесения поправок в конституцию достаточно громоздкая, и поэтому положение о таком учреждении, как омбудсмен, включить в конституцию трудно, если только не проводить процесс более широкого пересмотра конституции».[1]

Особенно подробно на конституционном уровне закреплён институт омбудсмана в конституциях последнего поколения, особенно в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В ряде конституций (Албания, Польша, Румыния, Словакия) самостоятельные главы, разделы либо несколько статей посвящены вопросам организации деятельности института омбудсмана, в других же (Венгрия, Литва, Македония, Российская Федерация, Словения, Украина) – лишь отдельные статьи. Так, положения об омбудсмане содержатся в конституциях Албании (статьи 60 – 63), Австрии (статьи 148a – 148j), Хорватии (статья 93), Эстонии (статьи 139 – 145), Финляндии (статьи 108-113), Грузии (статья 43), Венгрии (статья 43/B), Польши (статьи 208 – 212), Румынии (статьи 58-60), России (статья 103 о назначении парламентом), Словакии (статья 151a), Словении (статья 159), Испании (статья 54), Швеции (правительственное учреждение, раздел 13, статья 6), «бывшей югославской Республики Македония» (статья 77) и Украины (статья 101).[2]

Наименования уполномоченного по правам человека в различных государствах отличаются: Народный Адвокат – в Албании, комиссар Государственного собрания по правам

---

[1] О возможной реформе учреждения омбудсмена в Казахстане: Заключение Венецианской комиссии от 5 июня 2007 года № 425/2007 // [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.constcouncil.kz/data/files/rus/vin_doc_2.pdf. – Дата доступа: 02.04.2015.

[2] Конституции государств (стран) мира / Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://worldconstitutions.ru/. – Дата доступа: 18.03.2014.

граждан – в Венгрии, контролёры Сейма – в Литве, Народный правозаступник – в Македонии и Хорватии, Защитник Гражданских прав – в Польше, Уполномоченный по правам человека – в России, Адвокат Народа – в Румынии, Публичный защитник прав – в Словакии, уполномоченный по правам граждан – в Словении и др.

Анализ европейских конституций позволяет установить различия не только в названиях рассматриваемого института гражданского общества, но и в порядке приобретения статуса омбудсмана и особенностей данного статуса, срока его полномочий. Так, в Албании Народный Адвокат избирается 3/5 всех членов высшего представительного и законодательного органа (Кувенда). При этом к кандидату предъявляются определённые требования: албанский гражданин, имеющий высшее образование, признанный знатоком и активистом в области прав человека и законности (ст. 61). В Венгрии Комиссара по правам граждан, равно как и комиссара по правам национальных и этнических меньшинств, по предложению Президента Республики избирает Государственное собрание 2/3 голосов его депутатов. Другие вопросы, связанные с деятельностью национального омбудсмана, в Конституции не регламентируются, однако допускается принятие закона о комиссарах Государственного собрания (§ 32/B). В Македонии условия выборов, освобождения от должности, полномочия и формы деятельности Народного правозаступника регулируются законом. Вместе с тем, указывается, что он избирается Собранием Республики Македония (ст. 77). В Польше Защитник Гражданских Прав назначается Сеймом с согласия Сената (ст. 209). В России Уполномоченного по правам человека на должность назначает Государственная Дума (ст. 103). В Румынии Адвокат Народа назначается Сенатом (ст. 55). В Словакии Публичного защитника прав избирает Национальный совет Словацкой Республики из кандидатов, предложенных не менее чем 15 депутатами Национального совета Словацкой Республики. Публичным защитником прав может быть избран гражданин Словацкой Республики, который имеет право избираться депутатом Национального совета и на день выборов достиг возраста 35 лет (ст. 151 a). Срок нахождения в должности варьируется от 4-х (Румыния) до 8-ми лет (Македония, Хорватия), однако в большинстве случаев составляет 5 лет (Албания, Польша, Словакия). Как следствие, все вышеперечисленные омбудсманы относятся к числу так называемых «парламентских» омбудсманов, так как приобретают статус путём избрания либо назначения на должность парламентом, ему же и представляют отчёт о своей работе.

Кроме предъявляемых к кандидату на должность омбудсмана требований в части гражданства, образования, возрастного ценза, сферы деятельности, непосредственно в отношении избранного либо назначенного уполномоченного по правам человека вводятся некоторые ограничения. Так, в соответствии с п. 4 ст. 61 Конституции Албании Народный Адвокат не может состоять ни в одной политической партии, заниматься другой политической, государственной или профессиональной деятельностью, а также принимать участие в руководящих органах общественных, экономических, коммерческих структур. Практически аналогичные положения содержатся в ст. 209 Конституции Польши, которая запрещает Защитнику гражданских прав занимать иную должность, иметь иные профессиональные занятия, за исключением должности профессора высшей школы. Он не может принадлежать к политической партии, профессиональному союзу или вести публичную деятельность, несовместимую с достоинством его должности. Часть 2 статьи 55 Конституции Румынии гласит: «Адвокат Народа не может осуществлять другую публичную или частную функцию». Что же касается правового положения уполномоченного по правам человека, то в своей деятельности он независим, может обладать особым статусом (например, судьи Верховного Суда в Албании).

Конституционное закрепление данный институт получил не во всех европейских странах. Фактически, только в Конституциях Австрии и Польши содержатся положения, детально регламентирующие институт омбудсмана.

Например, в Конституции Королевства Испания в статье 54 главы 4 «О гарантиях основных прав и свобод» устанавливается, что «Органический закон регулирует статус Народного защитника, являющегося высшим уполномоченным Генеральных кортесов, назначаемого им для защиты прав, предусмотренных в настоящем разделе («Об основных правах и обязанностях» – примечание автора); в этих целях Защитник осуществляет надзор за деятельностью администрации, информируя Генеральные кортесы». Каких-либо норм, конкретизирующих вышеприведённое положение, далее по тексту основного закона не содержится. Конституция Норвежского Королевства в § 75 устанавливает среди прочих полномочий законодательной власти право на назначение омбудсмана: «Стортинг уполномочен: … к) назначать лицо, не являющееся членом Стортинга, которое в порядке, установленном законом, будет наблюдать за государственным управлением и всеми находящимися на его службе, чтобы не допускать с их стороны беззакония в отношении простых граждан». Таким образом, уполномоченное лицо представляет собой самостоятельный государственный орган, осуществляющий контроль за соблюдением законодательных актов всеми государственными служащими в отношении «простых граждан».

В первом случае (в Королевстве Испания), исходя из компетенции и порядка приобретения статуса омбудсмана, можно говорить о существовании так называемого «парламентского» уполномоченного, входящего в структуру законодательной власти и подотчётного ему. В Норвежском Королевстве указанное уполномоченное лицо можно определить как «независимого» парламентского уполномоченного, хотя и назначаемого парламентом, однако не входящего в его структуру и представляющего собой самостоятельный институт. В Португальской Республике рассматриваемое нами должностное лицо именуется «Блюститель справедливости». В соответствии с ч. 1 ст. 23 Основного закона Республики «граждане имеют право подавать жалобы Блюстителю справедливости на действия и бездействие представителей власти». Как и в Норвегии, в Португалии Блюститель справедливости является независимым органом, хотя назначается на должность Ассамблеей Республики.

Во всех приведённых выше примерах мы встречались с бланкетными нормами, указывающими на существование в государствах отдельных законов, детально регламентирующих все вопросы, связанные с функционированием института омбудсмана. Исключением является Конституция Австрийской Республики, в которой подробно изложены основные положения «Народной правозащиты». Так, в соответствии со ст. 148a в Коллегию народной правозащиты может обратиться каждое лицо «с жалобой на недостатки в осуществлении федерального управления, включая деятельность Федерации как субъекта частноправовых отношений, в случаях, когда эти недостатки затрагивают его интересы и когда оно не имело права на использование каких-либо средств обжалования». Кроме того, любая такая жалоба должна проверяться. В рассматриваемой статье содержится ещё один характерный для омбудсманов признак: «омбудсман наделён правом защищать такие права граждан, которые не получили законодательного закрепления, например, права на «хорошее управление», на справедливое, беспристрастное отношение со стороны должностных лиц». В соответствии со ст. 148g Коллегия является независимой, состоит из трёх членов, которые избираются Национальным советом. Срок полномочий коллегии составляет шесть лет. Повторное переизбрание допускается один раз.

В Польше рассматриваемому институту несудебной защиты нарушенного права посвящены ст. 208-212 Конституции 1997 года. Конституция предусмотрела еще одного уполномоченного, и 6 января 2000 года был принят Закон об Уполномоченном по правам ребенка. В Законе об Уполномоченном по гражданским правам 1987 г. в современной редакции указано, что эти уполномоченные взаимодействуют. Конституция устанавливает, что Уполномоченный по гражданским правам стоит на страже свобод и прав человека и гражданина, определенных в Конституции, а также в иных нормативных актах. Он назначается Сеймом с согласия Сената на пять лет по предложению Маршала или 35 депутатов. Уполномоченным может стать лицо, обладающее польским гражданством, отличающееся высоким уровнем правовых знаний, профессиональными достижениями, высоким авторитетом, с правом занимать должность Уполномоченного не более двух сроков. Сейм в определенных законом случаях может отозвать Уполномоченного досрочно (в случае отказа от выполнения своих функций, продолжительной неспособности исполнять обязанности по болезни, увечьям либо потери сил – на основе врачебного заключения).

Проведя анализ конституций ряда зарубежных государств, мы пришли к выводу, что лишь в небольшой части стран на конституционном уровне установлены нормы, содержащие какие-либо положения об институте омбудсмана. Как правило, в них приводится определение, перечень возможных полномочий уполномоченного по правам человека, порядок приобретения статуса. Таким образом, мы полагаем, что необходимо введение норм, регулирующих создание и деятельность национального уполномоченного на конституционном уровне.

Калпинская О.Е.
к.ю.н., доцент
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Лишение свободы как наиболее строгое из предусмотренных законодательством Российской Федерации наказание преследует цели восстановления социальной справедливости, предупреждения новых преступлений и исправления преступника.

Одним из способов достижения цели исправления преступника закон называет образование осужденных. Образование – результат обучения. В буквальном смысле оно означает формирование образов, законченных представлений об изучаемых предметах. Образование является одним из факторов получения систематизированных знаний, представляя одну из важнейших сфер жизнедеятельности общества. Оно выступает необходимым условием формирования и становления личности отдельно так и всего общества в целом.

Право осужденного к лишению свободы на образование может быть охарактеризовано как гарантированная государством и обеспеченная нормами права возможность лица получать положительный опыт, нравственные качества, знания, умения и навыки, способствующие его развитию, исправлению и нормальной жизнедеятельности в условиях конкретного общества.

При этом право на образование осужденных к лишению свободы является одновременно и их обязанностью, от которой освобождаются только отдельные категории осужденных. Образование как важный фактор в деятельности исправительных учреждений выражается в выполнении им следующих функций: обучающей, воспитательной, профориентационной, нормативно-регулятивной, коммуникационной.

Участие осужденных в общеобразовательном и профессиональном обучении формирует у них стремление к знаниям, освоению и приобретению профессии, воспитывает привычки к умственному труду, работе с литературой. Высокий уровень образования позволяет осужденным более осознанно относиться к процессу исправления, правильнее воспринимать режимные требования и воспитательные мероприятия. У лиц с низким образовательным уровнем наблюдается примитивизм потребностей и интересов.

Правовое регулирование реализации осужденными к лишению свободы права на получение образования в настоящее время осуществляется системой нормативных актов, включающих международные правила и стандарты, Конституцию РФ, УИК РФ, Федеральный закон «Об образовании», а также ряд подзаконных нормативных актов и правовые акты субъектов Российской Федерации.

При этом реформирование, как пенитенциарной системы, так и образовательной деятельности в России приводит к тому, что значительный массив указанных актов зачастую противоречит друг другу, не учитывает новейшие тенденции в законодательстве.

Например, отмечаются проблемы, связанные с общедоступностью образования, обеспечением его непрерывности и преемственности, реализацией права осужденных на выбор профессии, получением вузовского образования, переподготовкой специалистов и повышением квалификации, организацией дистанционного обучения, отсутствием механизма стимулирования образования и недостаточно проработанным механизмом обеспечения обязанности.

Общее образование является необходимым для жизни в современном обществе. Конституция закрепляет обязательность и доступность общего образования. Именно поэтому ч. 1 ст. 112 УИК РФ устанавливает необходимость организации обязательного получения осужденными, не достигшими возраста 30 лет, основного общего образования, а осужденным, желающим продолжить обучение в целях получения среднего (полного) общего образования, администрация исправительного учреждения и соответствующие органы местного самоуправления должны создать необходимые условия.

При этом отмечается, что многие осужденные не имеют даже общего среднего образования, а некоторые – и начального. Последние годы в деятельности исправительных учреждений отмечается совершенствование общеобразовательного процесса, однако имеются и проблемы. Например, не организован порядок учета отношения осужденных к образованию как фактора исправления, между тем оно является одним из основных направлений исправительного воздействия.

Уголовно-исполнительное законодательство конкретизирует гарантированное Конституцией РФ право каждого на общедоступность и бесплатность начального профессионального образования. За осужденными в полном объеме сохраняется данное право, но вместе с тем на них возлагается специальная обязанность получить начальное профессиональное образование или пройти профессиональную подготовку для получения профессии, по которой они смогли бы работать в исправительном учреждении и после освобождения из него.

Начальное профессиональное образование и профессиональная подготовка осужденных осуществляются в: а) образовательном учреждении ФСИН РФ, реализующем основные профессиональные образовательные программы и образовательные программы профессиональной подготовки; б) центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, в том числе в порядке индивидуальной подготовки у специалистов, обладающих соответствующей квалификацией.

Отмечается, что в законе не прописан механизм реализации прав осужденных на получение высшего профессионального образования.

Особенности образовательного процесса в воспитательных колониях для несовершеннолетних обусловлены особой важностью образования для молодежи, их социализации, и заключаются в том, что обучение в колониях органически соединено с воспитательным процессом.

Для несовершеннолетних получение общего образования и профессиональной подготовки в учреждении является не только правом, но и обязанностью, не имеющей исключений. Образование не осуществляется только при отбывании ареста, из-за сроков данного наказания.

При этом законодательство не содержит подробного регулирования особенностей подходов к образовательному процессу в воспитательных колониях, не учитывает некоторые требования международных актов, не предусматривает необходимости индивидуального подхода к обучаемым.

Анализ основных проблем в сере реализации права на образование в местах лишения свободы позволяет нам сделать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования:

1) в связи с тем, что в настоящее время производится внедрение системы «социальных лифтов» для оценки исправления осужденных к лишению свободы и одним из критериев исправленности является отношение к обучению, представляется необходимым закрепить положения системы «социальных лифтов», применяемых к осужденным к лишению свободы, в УИК РФ и дополнить ст. 9 УИК РФ частью 4 следующего содержания:

«Критерии оценки исправления осужденных: 1) основной критерий – соблюдение осужденным порядка отбывания наказания, а также добросовестное отношение к труду и обучению; 2) дополнительный критерий – стремление осужденного к социально-психологической корректировке своей личности, включая выполнение программы психологической коррекции личности, и инициативные меры к ресоциализации, которые предусматривают восстановление социально-полезных связей и активное участие в спортивных и культурных мероприятиях; 3) дополнительный критерий – события и действия, свидетельствующие о социально-активной позиции осужденного, включая частичное или полное возмещение причиненного ущерба, публичное раскаяние и письменные извинения потерпевшему».

2) учитывая, что дистанционное образование достаточно легко адаптировать к местам лишения свободы, оно может быть активно использовано для повышения образовательного уровня осужденных, что подтверждается зарубежным опытом. В то же время усматриваем его недостаточную правовую регламентацию. Поэтому полагаем, что следует ч. 4 ст. 108 УИК РФ изложить в следующей редакции:

«С учетом имеющихся возможностей администрация исправительного учреждения обязана оказывать содействие осужденным в получении высшего образования по заочной форме обучения, в том числе с использованием дистанционных образовательных технологий».

3) поскольку обучение названо одним из основных средств исправления преступников, а отношение к нему учитывается при оценке исправления, необходимо также учитывать и лиц, не желающих обучаться и дезорганизующих образовательный процесс.

Поэтому считаем, что необходимо дополнить п. 24 Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, категорией «склонные к уклонению от обучения и дезорганизующие образовательный процесс».

4) считаем, что ведущим из факторов, определяющих дальнейшее развитие уголовно-исполнительной системы в современной России в отношении несовершеннолетних, является ратификация Россией международных правовых актов в области прав несовершеннолетних, борьбы с преступностью и отправлением правосудия в отношении несовершеннолетних, а также разработка методических указаний для воспитательных колоний по индивидуальной работе с несовершеннолетними осужденными.

Отметим, что в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы изменился подход к исполнению наказания в виде лишения свободы. Сейчас особое внимание уделяется гуманизации условий отбывания наказания, однако еще многое предстоит сделать, чтобы осужденные к лишению свободы могли в полном объеме реализовывать свое право на получение образования, и многое, конечно, зависит от совершенства законодательства.

Камкия Э.Б.
ассистент кафедры гражданского права и процесса Сочинского института (филиала) РУДН (г. Сочи), аспирант РУДН (г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ УПРОЩЕННОЙ ФОРМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. В РОССИИ

В настоящее время в России происходит все более глубокое осознание судебной реформы, проведенной на рубеже XIX-XX вв. Произошедший тогда сдвиг в области регулирования судоустройства и судопроизводства еще долго будет приковывать внимание последующих поколений.

Результатами проведения Судебной реформы 1864 г. стали провозглашение и реализация демократических принципов правосудия: независимость и несменяемость судей, гласность, устность, состязательность, равенство всех перед судом и др. Данные правовые начала правосудия закреплены в Конституции РФ, а также в других федеральных законах.

Обращаясь к теме судопроизводства не спроста, ведь Россия переживает нелегкие времена, как и в ту пору, мы находим данные о правовом беспределе. К слову, ревизия Западной Сибири (1826-1827 гг.) открыла множество дел, тянувшихся по 12-15 лет и более[1]. Один из виднейших юристов того времени писал, что дело о мелкой магазинной краже одного из его подзащитных тянулось не много не мало 25 лет[2].

Пристальным объектом изучения в данной статье выступают упрощенное и ускоренное гражданское судопроизводство в России. Судебная реформа 1864 г. ввела более простые формы судебного разбирательства. Необходимостью этого нововведения стало огромное количество дел, некоторые из них на практике не требовали такого подробного и сложного производства в суде[3]. Необъятный судебный бюрократический аппарат характеризовался медлительностью, дело должно было пройти множество инстанций, сроки рассмотрения не устанавливались.

Законодатель ясно понимал, что решить проблему с одинаковым подходом в отношении дел более простых и сложных невозможно. Требовался дифференцированный подход к эффективному решению стоящей проблемы. А.Х. Гольмстен писал: «Гражданский процесс

---

1 Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т.: Устав гражданского судопроизводства/ Под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 37.

2 Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена; Альфа, 1995. С. 754.

3 Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль, 1912. С. 190.

должен удовлетворять двум основным требованиям - быстроте производства дела и основательности его исследования. Задача законодателя, стремящегося удовлетворить тому и другому требованию, - весьма трудна, если иметь ввиду бесконечное разнообразие гражданских дел»[1].

В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г., (далее по тексту - УГС) порядок сокращенного рассмотрения дел, равно как и регламентация упрощенного рассмотрения, были отнесены в отдельные разделы[2]. В УГС указывался детальный перечень дел, которые рассматривались в сокращенном или упрощенном порядке, и для каждой из рассмотренных процедур были характерны свои особенности. Так, для сокращенного порядка главной особенностью были сроки явки сторон, письменная форма заявлений, более скорый срок обжалования, т.е. производство характеризовалось коротким временным промежутком рассмотрения дел.

Что касается упрощенного порядка, то здесь можно выделить некоторые отступления от соблюдения процессуальной формы, которая есть в обычном состязательном порядке производства. Отличие было в том, что некоторые процессуальные действия «опускались», не проводились в таком способе разбирательств. В результате их устранения производство стало более упрощенным, как бы усеченным. Так, например, в упрощенном порядке предусматривался только единоличный порядок при рассмотрении дел; не допускалось предъявлять встречного иска, третьи лица не имели право участвовать в деле; в упрощенном порядке была предусмотрена возможность в вынесении определенного решения в отсутствии сторон, и такие решения не могли считаться заочными.

В ст. 349 УГС были определены дела, которые необходимо было рассматривать в сокращенном порядке: по искам о взятых в долг товарах и припасах, о найме домов, квартир, помещений, слуг, по работам мастеровых и проч.; о сохранении денег и другого имущества; по просьбам об исполнении договоров и обязательств; о вознаграждении за ущерб, о завладении неправомерном, но без решения спора о праве собственности, по спорам из исполнения решений; о привилегиях; по искам о вознаграждении потерпевши на службе в фабрике, заводе, горной промышленности.

Однако помимо названных дел, судом в упрощенном порядке могли быть рассмотрены дела по заявлению самих сторон дела и если суд посчитает, что нет препятствий для подобного судопроизводства.

Но наряду с этим существовало законодательное ограничение в соответствии, с которым сокращенно не могут быть рассмотрены следующие дела: дела казенных управлений; иски о вознаграждении за убытки, причиненные лицами судебного и административного ведомства.

Сама процедура была сокращена за счет сроков, а также с помощью установленной процедуры вызова сторон непосредственно на судебное заседание без предварительных процедур. Все это сильно сокращало процессуальные сроки.

Кроме такой процедуры мы можем заметить и существование, как уже было обозначено выше, упрощенного порядка судопроизводства. Эта процедура была уместна в случае решения так называемых бесспорных актов[3].

Введенная законом от 3 июня 1891 г. эта особая форма отличалась наряду с короткими сроками рассмотрения еще и особенными категориями: рассматривались дела о платеже по векселям; закладным; займам; письменным обязательствам; сдаче внаем имущества[1].

---

1 Гольмстен А.Х. Программа по русскому гражданкому судопроизводству. Пг., 1925

2 Устав гражданского судопроизводства (Свод Законов т. XVI, ч. 1, издание 1914 г.). Вып. 1-й (ст. 1-2581). - Петроград, издание юридического склада «Право», 1916 г.

3 Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. С. 519.

Дело было «очищено» от всего, что могло как-то его затянуть: не требовалось заключение прокурора, привлечения третьих лиц, не мог быть заявлен встречный иск. Однако стороны могли ходатайствовать о переходе в общий порядок рассмотрения дела в любой момент.

Данная процедура имеет весьма много схожего с существующими в современном Гражданско-процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ. Для заочного, приказного и даже упрощенного производства (в арбитражном процессе) характерны простота и быстрота в отличие от обычных форм процесса. Современное законодательство также как и 150 лет назад ставит своей целью достижение справедливого результата с учетом меньших потерь во времени. И сейчас знаменитое послание Александра II о желании «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех…» остается высшей целью.

Карюк А.В.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Научный руководитель: *старший преподаватель А.С. Михайлова*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

Функции избирательных комиссий как государственных органов можно привести к нескольким наиболее важным. В первую очередь, это обеспечение избирательных прав граждан. Данные права – одни из наиболее ценных для правового и демократического государства. Сама Конституция признает, что право граждан на свободные выборы вытекает из статуса народа Российской Федерации как носителя ее суверенитета[2]. Обращаясь к определению правового государства, данному в научной доктрине, можно увидеть, что авторы солидарны в том, что в таком государстве право в качестве писанных или неписанных общеобязательных правил преобладает над властными указаниями правителей[3].

Институт выборов направлен на недопущение диктатуры в любой ее форме; этому служит сама идея легитимации лиц, осуществляющих власть, со стороны народа, а также охрана правового порядка осуществления такой легитимации и другие категории (например, периодичность выборов). Другим непосредственным способом осуществления власти народа является референдум. На наш взгляд, этот институт даже в большей степени отражает принцип демократизма, поскольку решению, принятому лично народом на референдуме, придается статус нормативного акта, по своей силе превышающего даже федеральное законодательство[4]. Регулирование института референдума также возложено на избирательные комиссии. Это

---

1 Закон от 3 июня 1891 г. «Об упрощенном порядке судопроизводства по векселям, долговым обязательствам, наемным договорам и о сокращенном судопроизводстве». / Электронная библиотека им. Б. Ельцина.

2 См. п. 1 и 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации 1993 года / СПС «КонсультантПлюс»

3 См., например, Вилисов М.В. Правовое государство – выбор между законом и справедливостью // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. № 5. 2011. С. 119; Тихомиров Ю.А. Правовое государство: проблемы формирования и развития // Проблемный анализ и государственно-управленческое. Проектирование. № 5. 2011. С. 94

4 См. ст. 38 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. N 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» / СПС «Гарант»

говорит о том, что существование и деятельность избирательных комиссий направлено на защиту основных положений Конституции, ее важнейших принципов, обуславливающих саму ее суть (имеется в виду референдарный порядок принятия действующей Конституции России).

Помимо того, избирательные комиссии, в различных аспектах своей компетенции, гарантируют непосредственное действие и защиту других прав граждан: например, право на свободу мысли и непосредственного выражения своих мнений, а равно запрет понуждения к такому выражению (например, при голосовании), право на объединения и свободу их деятельности (в части, касающейся политических партий) и некоторые другие.

Понятие избирательной комиссии дано в федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Оно гласит: избирательная комиссия - коллегиальный орган, формируемый в порядке и сроки, которые установлены законом, организующий и обеспечивающий подготовку и проведение выборов[1]. Обращают на себя внимание следующие факты. Во-первых, упоминание коллегиальности избирательных комиссий. Действительно, все комиссии действуют в составе нескольких членов. Закрепление данного принципа деятельности избирательных комиссий в самом термине нам кажется важным, поскольку это подчеркивает такие начала в организации комиссий, как независимость и беспристрастность. Для данных органов, которые в своей работе постоянно выступают арбитрами по отношению к нескольким конкурирующим объединениям (политическим партиям), соблюдение этих принципов чрезвычайно важно.

Другим показательным фактом здесь выступает указание, что избирательные комиссии обеспечивают и организуют подготовку и проведение лишь выборов; о референдуме в данном определении речи не идет. Анализируя понятийный аппарат, можно увидеть, что определение комиссии референдума вынесено в отдельный пункт и по содержанию практически идентично определению избирательной комиссии, кроме последнего слова: «выборов» заменено на «референдума». Между тем, статья 20 указанного федерального закона гласит, что на момент проведения референдума все избирательные комиссии (за исключением окружной) считаются комиссиями референдума. Думается, что подобное разведение этих понятий по разным определениям в существующем виде создает правовую неопределенность и может привести к путанице. Поэтому следует внести в федеральный закон изменения и дать новое определение термину «комиссия референдума». Оно должно быть следующим: комиссия референдума – избирательная комиссия, за исключением окружной избирательной комиссии, на условиях, в порядке и сроки, установленные законом, осуществляющая подготовку и проведение референдума.

Говоря о статусе избирательных комиссий, авторы чаще всего сталкиваются с нюансами в определении статуса Центральной избирательной комиссии (ЦИК) и избирательных комиссий муниципальных образований (ИКМО). На наш взгляд, будет полезно привести сторонние мнения по данному вопросу, а после составить свое.

Итак, вопрос о статусе ЦИК поднимают, например, Артемова, Лысенко, Постников. Проблемным по данному вопросу представляется определение ЦИК как государственного органа или как органа государственной власти. Согласно Артемовой, государственные органы включают в себя и органы государственной власти, и иные, вспомогательные органы[2]. Отнесение ЦИК к органам государственной власти невозможно из-за закрытого перечня таких

---

[1] См. ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс»

[2] Артемова О.Е. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: государственный орган или орган государственной власти? // Вестник Челябинского государственного университета. № 5 (296). 2013. С.6

органов, данного в статье 10 Конституции. Отнесение ЦИК к иным государственным органам противоречило бы характеру ее деятельности, который не является производным, а наоборот, является государственно-властным. В конечном итоге автор останавливается на следующем определении ЦИК – «федеральный орган государственной власти, созданный органами государственной власти (Президентом РФ и Федеральным Собранием РФ) в соответствии с федеральным законодательством для осуществления специальных полномочий в определенной сфере деятельности (организация подготовки и проведение выборов, референдумов в Российской Федерации)»[1].

В качестве других мнений по данному вопросу можно выделить Постникова, который считает, что ЦИК, равно как и другие избирательные комиссии, представляют собой разновидность государственных органов, действующих на коллегиальной основе[2]. Лысенко называет Центральную избирательную комиссию государственным органом, на который законодательством возложена задача организации и проведения федеральных выборов и референдумов, координации работы избирательных комиссий в субъектах Федерации[3]. В общем же, их позиция состоит в признании за ЦИК статуса государственного органа.

По нашему мнению, избирательные комиссии являются органами исполнительной власти. Это можно подтвердить опытом зарубежных стран в определении статуса данных органов. Так, во Франции, где отсутствует единая централизованная система избирательных комиссий, полномочия, схожие с полномочиями ЦИК (организационное и правовое регулирование выборов) возложено на Министерство внутренних дел Франции[4]. В Германии избирательные комиссии существуют, они возглавляются Федеральной избирательной комиссией, однако ее председатель, который формирует весь остальной состав комиссии, также назначается МВД[5].

Для нашей страны характерно определение ЦИК как независимого органа. Однако признание ее органом исполнительной власти с учетом того, что Правительство России возглавляет эту ветвь власти, никоим образом не пошатнет данный основополагающий принцип. Достаточно четко определить в законе, что ЦИК является независимым и никому не подконтрольным органом власти и что каких-либо отношений соподчинения между данной комиссией и Правительством или каким-то его министерством не существует.

Другим проблемным аспектом в регулировании избирательных комиссий является определение ИКМО, как муниципальных органов, не входящих в систему органов местного самоуправления. При этом термин «муниципальный орган» больше не встречается нигде в законодательной базе и употреблен лишь для характеристики ИКМО, несмотря на то, что закон сам устанавливает тождественность понятий «муниципальный» и «местный».

Как верно указывает Чаннов, подобное введение термина может иметь негативное влияние, поскольку статус муниципального органа не урегулирован ни одним нормативным актом[6]. Он не упоминается даже в Конституции. А потому существует вероятность невозможности привлечения к ответственности, как самого органа, так и его должностных лиц,

---

1 Там же, С.8

2 Постников А.Е. Избирательное право России. М.: Норма: Инфра-М, 1996. 209 с. С.36-37

3 Лысенко В.И. Проблемы современного избирательного права в России и европейских странах: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 36 с. С.24.

4 Радиопрограмма «Их выбор» - избирательная система Франции / данные с сайта Центральной избирательной комиссии России [электронный ресурс] / http://cikrf.ru/banners/vibor/france_sys.html

5 Радиопрограмма «Их выбор» - избирательная система Германии / данные с сайта Центральной избирательной комиссии России [электронный ресурс] / http://cikrf.ru/banners/vibor/german_sys.html

6 Чаннов С.Е. Муниципальные органы и органы местного самоуправления: общее и особенное [электронный ресурс] / http://club.bibliopskov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=807&Itemid=93

раз указания пределов полномочий таких органов отсутствуют. Именно в этом кроется практическая проблема существования муниципального органа, не являющегося органом местного самоуправления.

На наш взгляд, стоит признать ИКМО органом местного самоуправления без каких-либо оговорок и отнести те полномочия данного органа, которые направлены на организацию избирательного процесса в муниципальных образованиях к вопросам местного значения[1]. В этом случае ИКМО должна быть отделена от остальной системы избирательных комиссий, а ее подведомственная подконтрольность – упразднена (имеется в виду полномочие вышестоящих комиссий рассматривать жалобы на решения ИКМО и отменять их), но лишь в части, касающейся муниципальных выборов.

Стоит учесть, что некоторые полномочия ИКМО (рассмотрение жалоб (заявлений) на решения и действия (бездействие) нижестоящих комиссий и принятие по ним мотивированных решений и т.д.) не относятся к сфере местного самоуправления. Они должны быть признаны отдельными государственными полномочиями, которые могут передаваться органам местного самоуправления. Встает вопрос о поселениях, на органы местного самоуправления такая передача не распространяется. На наш взгляд, из этого правило нужно сделать исключение, но лишь для данных полномочий и для данного органа (ИКМО). По вопросам, которые не относятся к муниципальной сфере, комиссии статусом выше, чем ИКМО, могут осуществлять свои контролирующие функции.

Подводя итог, мы можем сказать, что в системе избирательных комиссий существуют определенные проблемы. Мы указали лишь на их часть. Изучение проблем и обоснование изменений, которые стоит внести в нормативные акты, поможет привести данную систему к улучшению в функционировании.

Касьянов А. А.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

УНИФИКАЦИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ МЧП В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Развитие международной торговли определяет необходимость упрощения правовых отношений связанных с ней. Решить проблему могут либо создание единых правил, либо приведение национальных законодательств к общим нормам. Гармонизация и унификация и являются теми способами, которые способны решить эту проблему.

Унификация - деятельность частных организаций, а также компетентных органов государства или нескольких государств, направленная на выработку правовых норм, единообразно регулирующих определённые виды общественных отношений.[2]

Гармонизация – наряду с унификацией один из методов правовой интеграции, суть которой заключается в преобразовании национальных правовых норм путем приведения их к единому знаменателю. Гармонизация – более мягкий метод правовой интеграции, она

---

[1] Пп. «б»-«е», «з» п. 10 ст. 24 Федерального закона от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс»

[2] Большая советская энциклопедия. М.1984. С.289.

протекает на основе сближения внутригосударственного права с некой законодательной моделью. [1]

Соответственно и гармонизация и унификация по своей сути это два инструмента способных сгладить противоречия разных правовых систем. Это два метода, с помощью которых упрощается правовое регулирование, либо путем использования унифицированного правила, либо использования правила, приближенному к некоему образцу.

Современная доктрина рассматривает несколько способов унификации и гармонизации.

Первый метод - Международный договор – рассматривается как основной инструмент унификации. Примером унификации МЧП с помощью договора является Венская Конвенция о праве международных договоров купли-продажи товаров 1980, акт, который унифицировал подход государств к сделкам купли-продажи для субъектов, расположенных в разных государствах.

Второй метод - это деятельность международных организаций. Именно они на сегодняшний день являются ключевыми игроками в унификации и гармонизации МЧП в сфере международной торговли. Унифицирующая и гармонизирующая деятельность международных организаций различается по степени передачи суверенитета от государств в организации. Например, нормативные акты органов ЕС, как супранциональной организации, имеют прямое действие на правовые системы государств-членов. Издание регламентов - будет являться процессом унификации, поскольку сразу приводит правовое регулирование всех государств к единому образцу. Издание директив имеет гармонизирующее действие, поскольку в текст включен нормативный образец, который должен отразиться в национальном законодательстве.

Отличительной чертой африканской модели является доминирующее положение международной организации, поскольку договор предусматривает разработку единых непосредственно-действующих актов в государствах-членах, несмотря на любое противоречие с национальным законодательством. Примером актов, издаваемых Организацией по гармонизации коммерческого права в Африке, Единый акт о договорном праве в рамках ОХАДА, или Акт унифицировавший право договоров международной купли-продажи для стран Африки.

Отличительной чертой Южноамериканской модели, на примере МЕРКОСУР, является противоположный подход. Международная организация разрабатывает и принимает документы, которые в последующем имплементируются в национальные правовые системы. Следовательно, гармонизация происходит в результате выработки вторичного права международной организации, например, протокол о договорах перевозки наземным транспортом. Унификация все так же продолжает осуществляться двусторонними международными договорами, такими как Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам.

Третий и последний метод - это гармонизация права путем принятия модельных законов и трансплантация права. Модельный закон - законодательный текст, который рекомендуется государствам для принятия в рамках своего национального законодательства. Рецепция модельных законов и рецепция права является методом гармонизации права, позволяющих законодателю внести в правовую модель коррективы, отвечающие национальным, региональным потребностям. Например, модельный закон об обеспеченных сделках в рамках Организации Американских государств, или трансплантация законов Западной Европы в правовые системы государств Восточной Азии. Гармонизация в Азии.

---

[1] Кашкин С.Ю. Стратегия и механизмы гармонизации законодательства России и Европейского Союза, как ключевые компоненты их эффективного взаиморазвития в XXI веке, Москва, 2005 год, стр.9

Особый интерес вызывает модель унификации и гармонизации МЧП в ЕАЭС, поскольку он не предусмотрен как таковой в целях создания МО. Учитывая опыт подобных проектов, можно с уверенностью сказать, что такая необходимость будет вполне реальна с течением времени. Выходом из этой ситуации может стать работа правового департамента с надлежащими изменениями его полномочий.

Таким образом, унификация и гармонизация МЧП в сфере международной торговли постоянное и продолжающееся явление, развитие которых будет продолжаться до тех пор, пока существует международная торговля и различие правового регулирования в правовых системах государств.

Каширин Р М.
к.ю.н.,
старший преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС Псковский филиал Академии ФСИН России

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТРОЛЯ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ОСУЖДЕННЫХ, ПРИЗНАННЫХ БОЛЬНЫМИ НАРКОМАНИЕЙ, ОТБЫВАНИЕ НАКАЗАНИЯ КОТОРЫМ ОТСРОЧЕНО

По ранее действовавшему законодательству контроль за осужденными к наказаниям не связанным с изоляцией от общества возлагался на органы внутренних дел. В настоящее время законодательно установлено, что органом контроля является уголовно-исполнительная инспекция (далее - УИИ) по месту жительства осужденного.

Мы разделяем точку зрения Н.В. Ольховника и К.Н. Тараленко, согласно которой контроль за поведением осужденных, состоящих на учете в УИИ имеет свою цель, состоящую в сокращении количества возможных рецидивов правонарушений и содействии такому включению правонарушителя в жизнь общества, который свел бы к минимуму вероятность повторного совершения преступления[1].

В настоящее время, в числе приоритетных направлений в деятельности УИИ необходимо отнести осуществление организационных мероприятий, связанных с контролем за поведением осужденных, признанных больными наркоманией, отбывание наказания которым отсрочено и прохождением ими курса лечения от наркомании, а также их медико-социальной реабилитации[2].

В практической деятельности это трансформируется в необходимость тщательного учета совершаемых осужденными правонарушений и своевременной реакции со стороны сотрудников УИИ на эти правонарушения. Довольно широкое распространение при осуществлении контроля получили такие формы реагирования инспекции на поведение осужденного, как предупреждение о возможности отмены отсрочки отбывания наказания и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда (ч. 6 ст. 178.1 УИК России).

---

[1] См.: Деятельность уголовно-исполнительных инспекций: учебно-методический комплекс / Сост. Н.В. Ольховник, К.Н. Тараленко и др.; под общ. ред. В.А. Уткина. – М., 2005. С. 26.

[2] См.: Дихтиевский П.В., Бычинская И.С. Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительных инспекций по контролю за соблюдением отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными больными наркоманией // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1. С. 26.

Изучение практики применения уголовно-исполнительной инспекцией предупреждений требует решения вопросов об основании их вынесения и сроке действия.

Основанием вынесения предупреждения являются следующие факты:

- осужденный отказался от прохождения курса лечения от наркомании,
- осужденный отказался от прохождения медицинской либо социальной реабилитации,
- осужденный уклоняется от лечения после предупреждения.

Осужденный считается уклоняющимся от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации, если он, не отказавшись от их прохождения, не посещает или самовольно покинул лечебное учреждение и (или) учреждение медико-социальной реабилитации, либо два раза не выполнил предписания лечащего врача, либо продолжает употреблять наркотические средства или психотропные вещества, систематически употреблять спиртные напитки, одурманивающие вещества, занимается бродяжничеством или попрошайничеством, либо скрылся от контроля уголовно-исполнительной инспекции и его место нахождения не установлено в течение более 30 суток.

При установлении «отказа или уклонения» должны приниматься во внимание и причины, способствующие совершению этого правонарушения. В противном случае можно считать «отказником или уклоняющимся» и того осужденного, который не исполнил возложенные обязанности по уважительным причинам. Такой подход вряд ли можно назвать справедливым.

На наш взгляд под «отказом или уклонением от лечения и реабилитации» необходимо понимать неисполнение обязанности пройти лечение и реабилитацию без уважительных причин. К числу уважительных причин, исключающих в действиях осужденного основания для вынесения сотрудниками УИИ предупреждения или направления в суд представления об отмене отсрочки отбывания наказания, на наш взгляд следует относить, например, болезнь осужденного содержащую в себе наличие медицинских противопоказаний к такому лечению в конкретный момент времени лечения и отсрочки.

Что касается совершения осужденным таких нарушений как нарушение общественного порядка, связанное с привлечением к административной ответственности; не посещения или самовольного оставления лечебного учреждения и (или) учреждения медико-социальной реабилитации (медицинскую организацию); факты употребления наркотических средств или психотропных веществ, а также алкоголя и т.п. то это основание не вызывает проблем у правоприменителей, которые выносят предупреждение только после привлечения нарушителя к административной ответственности, или выявления нарушений осужденным условий отсрочки, фактов уклонения от прохождения курса лечения и медико-социальной реабилитации, фактов употребления наркотических средств и т.д. Данные нарушения, как правило, выявляются при осуществлении контроля со стороны сотрудников УИИ по месту проживания или лечения, а также путем запроса в соответствующем подразделении территориального органа МВД России информацию о привлечении осужденного к административной или уголовной ответственности.

Интерес представляет и вопрос о сроке действия предупреждения о возможной отмене отсрочке отбытия наказания. Действующее законодательство не предусматривает срока, в течение которого это предупреждение действует. Вместе с тем, поскольку отмена отсрочки отбывания наказания больным наркоманией по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 82.1 УК РФ возможны при наличии этого предупреждения, это имеет принципиальное значение для решения многих вопросов, возникающих в процессе реализации данной меры уголовно-правового характера, а также осуществления контроля за осужденным.

Отмечая наличие правового пробела в сроке действия предупреждения о возможной отмене отсрочки отбытия наказания для расчета систематичности неисполнения обязанностей, наиболее оптимальной считаем правовые нормы, предусмотренные отечественным

законодательством в области регулирования уголовно-исполнительных отношений, связанных с исполнением наказаний без изоляции от общества.

В УИК РФ указывается о снятие наложенного предупреждения через год, со дня совершения проступка или правонарушения при отсутствии иных взысканий. Принимая один год за основу этого расчета, получаем, что все предупреждения, которые последовали за неисполнение обязанностей, как и сами нарушения, должны иметь место в течение года. Следовательно, можно предположить, что срок, в течение которого осужденный считается подвергнутым предупреждению о возможности отмены, равен одному году со дня его вынесения.

В связи с этим предлагаем дополнить ч. 2 ст. 82.1 УК РФ следующим содержанием: «В случае если осужденный, признанный больным наркоманией, отбывание наказания которому отсрочено, отказался от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации или уклоняется от лечения после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, суд по представлению этого органа отменяет отсрочку отбывания наказания и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

Осужденный считается подвергнутым предупреждению о возможности отмены отсрочки отбывания наказания в течение года со дня его вынесения уголовно-исполнительной инспекцией». Введение этой нормы снимет проблемы, возникающие в деятельности суда и уголовно-исполнительной инспекции при решении вопросов, связанных с реализацией отсрочки отбывания наказания больным наркоманией.

Количество отказов от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации или уклонений от лечения совершенных осужденным после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного на наш взгляд следует определить одним фактом (событием), который будет уже достаточен для принятия решения судом об отмене отсрочки отбывания наказания и направлении осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором.

Каширин Р.М.
к.ю.н.,
старший преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС Псковский филиал Академии ФСИН России
Чувильдеев А. С.
курсант Псковского филиала Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ОСУЖДЕННЫХ, ПОЛУЧИВШИХ ОТСРОЧКУ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ЛЕЧЕНИЕМ ОТ НАРКОМАНИИ

По ранее действовавшему законодательству контроль за осужденными к наказаниям не связанным с изоляцией от общества возлагался на органы внутренних дел. В настоящее время законодательно установлено, что органом контроля является уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденного.

Современное законодательство не допускает перекладывания этих обязанностей на общественные организации и трудовые коллективы. Однако это не препятствует

общественности принимать участие в контроле за поведением и исправлением осужденных. В ст. 23 УИК РФ[1] прямо устанавливается, что общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказание, принимают участие в исправлении осужденных.

В числе приоритетных направлений в деятельности уголовно-исполнительных инспекций необходимо отнести осуществление организационных мероприятий, связанных с контролем за поведением осужденных и прохождением ими курса лечения от наркомании, а также их медико-социальной реабилитации[2].

Деятельность по осуществлению контрольных функций уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России за данной категорией осужденных основывается на комплексе законов, подзаконных нормативных правовых актов РФ, указаний и разъяснений ФСИН России, в соответствии с требованиями которых уголовно-исполнительные инспекции и осуществляют контроль за данной категорией осужденных[3].

Однако в настоящее время имеются лишь Разъяснения ФСИН России по осуществлению контроля за поведением осужденных, признанных больными наркоманией, отбывание наказания которым отсрочено, и прохождением ими курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации. Данные факт, безусловно, влияет на качество выполняемой функции контроля, поскольку указанные Разъяснения на закреплены в форму нормативно-правового акта и носят рекомендательный характер.

Данные Разъяснения содержат определенный перечень действий сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по осуществлению контроля за поведением осужденных и прохождением ими курса лечения от наркомании, а также их медико-социальной реабилитации.

Контроль за поведением осужденных осуществляет инспекция по месту их жительства.

В целях контроля за соблюдением осужденными условий отсрочки отбывания наказания, инспекция:

- не реже одного раза в месяц посещает осужденного по месту жительства либо в медицинской организации с целью проверки и выявления фактов уклонения от прохождения курса лечения и медико-социальной реабилитации;

- не реже одного раза в месяц запрашивает информацию о прохождении осужденным курса лечения и медико-социальной реабилитации в медицинской организации[4];

- в порядке, установленном нормативными правовыми актами МВД России, не реже 1 раза в квартал запрашивает в соответствующем подразделении территориального органа МВД

---

1 См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

2 См.: Дихтиевский П.В., Бычинская И.С. Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительных инспекций по контролю за соблюдением отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными больными наркоманией / П.В. Дихтиевский, И.С. Бычинская // Уголовно-исполнительное право. – 2013. – № 1. – С. 26.

3 Необходимо отметить, что Федеральным законом от 25.11.2013 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 72.1, согласно которой при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных или исправительных работ, либо в виде ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию. Функция контроля за исполнением осужденными обязанности пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию возложена на УИИ.

4 См.: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. Закон : [от 21.11.2011 N 323-ФЗ] (ред. от 06.04.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

России информацию о привлечении осужденного к административной или уголовной ответственности;

- не реже одного раза в месяц проводит профилактические беседы с осужденным, его родственниками и лицами, которые могут оказать на него влияние, направленные на предотвращение уклонения его от прохождения курса лечения и медико-социальной реабилитации, нарушений им общественного порядка и повторных преступлений;

- проводит в пределах компетенции иные мероприятия, связанные с осуществлением контроля за поведением осужденного, его образом жизни и отношением к назначенному лечению.

Справки и рапорта о результатах проведенных мероприятий приобщаются к личному делу осужденного.

При выявлении факта уклонения осужденного от прохождения лечения и медико-социальной реабилитации или иных нарушений инспекция вызывает или посещает его по месту жительства либо по месту прохождения лечения и (или) медико-социальной реабилитации и проводит с ним профилактическую беседу.

По результатам беседы составляется справка (рапорт, объяснения), с содержанием которой осужденный ознакамливается под роспись.

В случае подтверждения факта уклонения осужденного от прохождения лечения и медико-социальной реабилитации или в случае поступления из медицинской организации сведений об уклонении осужденного от прохождения курса лечения и (или) медико-социальной реабилитации (за исключением случаев, когда осужденный скрылся от контроля и место нахождения его не известно) инспекция не позднее трех рабочих дней объявляет осужденному предупреждение.

В случае, если осужденный отказался от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации, или после объявленного предупреждения не посещает или самовольного покинул лечебное учреждение и (или) учреждение медико-социальной реабилитации (медицинскую организацию), либо два раза не выполнил предписание лечащего врача, либо продолжает употреблять наркотические средства или психотропные вещества, систематически употреблять спиртные напитки, одурманивающие вещества, занимается бродяжничеством или попрошайничеством, либо скрылся от контроля инспекции и его место нахождения не установлено в течение более 30 суток, инспекция в течение трех рабочих дней со дня установления данных фактов вносит в суд представление об отмене отсрочки отбывания наказания и о направлении осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором суда. В представлении об отмене отсрочки отбывания наказания излагаются конкретные факты уклонения, а также данные, характеризующие поведение осужденного.

К представлению прилагаются копии документов личного дела.

Мы разделяем точку зрения Н.В. Ольховника и К.Н. Тараленко, согласно которой контроль за поведением осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях имеет свою цель, состоящую в сокращении количества возможных рецидивов правонарушений и содействии такому включению правонарушителя в жизнь общества, который свел бы к минимуму вероятность повторного совершения преступления[1].

В практической деятельности это трансформируется в необходимость тщательного учета совершаемых осужденными правонарушений и своевременной реакции со стороны сотрудников уголовно-исполнительных инспекций на эти правонарушения. Довольно широкое

---

[1] См.: Деятельность уголовно-исполнительных инспекций: учебно-методический комплекс / Сост. Н.В. Ольховник, К.Н. Тараленко и др.; под общ. ред. В.А. Уткина. – М., 2005. – С. 26.

распространение при осуществлении контроля получили такие формы реагирования инспекции на поведение осужденного, как предупреждение о возможности отмены отсрочки отбывания наказания и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

В тоже время, анализ состояния законности в деятельности уголовно-исполнительных инспекций на территории Российской Федерации (письмо ФСИН России 04.03.2014 исх.-№ 19-8606) показал, что при организации контроля за осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией, исполнение наказания в отношении которых отсрочено (ст. 82.1 УК РФ[1]), выявлено всего 2 нарушения:

- не осуществление контроля за поведением и прохождением курса медико-социальной реабилитации выявлено в Калининградской области;

- не направление в суд представления об отмене отсрочки отбывания наказания при наличии оснований выявлено в Саратовской области.

Это позволяет сделать вывод о высокой ответственности со стороны сотрудников уголовно-исполнительных инспекций при организации контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания, предоставленной больным наркоманией.

Кашицина И.С.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ОГРАНИЧЕНИЕ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Как бы не желало общество прекратить войны, объективно это невозможно. Поэтому международное гуманитарное право пошло по пути ограничения средств и методов ведения войны, т.е. регламентации конкретных правил ведения войны. В данной сфере сложился большой комплекс норм.

Основными принципами, которыми необходимо руководствоваться при нападении, являются проведение различия в статусе лиц во время вооруженных конфликтов, принцип соразмерности между военной необходимостью и требованиями гуманности, принятия мер предосторожности при нападении. Применять силу имеют право только комбатанты (лица, входящие в состав вооруженных сил). Законными целями нападения являются только комбатанты и военные объекты. Нападать на гражданских лиц и гражданские объекты запрещается. Запрещаются неизбирательные нападения.

Приведенные нормы стали частью международного обычного права, т.е. являются обязательными для всех государств.

Однако не все нормы международного гуманитарного права соблюдаются. Проблемным вопросом является применение некоторыми государствами противопехотных мин, зажигательного оружия, кассетных боеприпасов, бомбардировок населенных пунктов с помощью беспилотников.

Новым вызовом для права вооруженных конфликтов является разработка новых видов оружия, таких как автоматизированные (управляемые человеком – оператором системы

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

дистанционно) и полностью автономные (способны действовать без участия человека) системы вооружений.

Универсальным способом воздействия на государства в выборе ими средств ведения войны применяемых в вооруженных конфликтах является общественное осуждение того или иного вида оружия. Государствам выгодно использовать весь имеющийся у них арсенал, и поэтому крайне неохотно отказываются от запрещенных видов оружия, стоящих на вооружении. Но на поле боя страдают и погибают люди. Понимая, что их может ожидать в случае вооруженного конфликта, они организовывают широкое обсуждение проблем в рамках общественных организаций, взаимодействуют на международном уровне, организовывают движения по противодействию применения опасных вооружений. Итогом такого процесса становится принятие новых конвенций, запрещающих определенные виды оружия.

Следующим шагом в направлении совершенствования международного гуманитарного права является создание эффективного механизма осуществления уже принятых конвенций в сфере вооруженных конфликтов. Позитивным примером служит Конвенция по запрещению химического оружия, которая является наиболее проработанной и предусматривает механизм контроля ее выполнения с помощью Организации по запрещению химического оружия.

Кирилочкин И. В.
студент
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

О ПРОБЛЕМАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ

Казалось бы, федеральные и региональные выборы глубоко абстрактны для обыкновенного человека, они находятся будто бы в другой жизни. И как будто бы иным должно быть отношение к выборам муниципальным - ведь здесь население выбирает "самых реальных" людей, которые иногда даже являются соседями по дому, улице. И вроде именно эти лица будут решать именно наши проблемы, самые что ни на есть насущные для нашего города, района, села... Но почему-то 60% российских граждан, а нередко и гораздо больше, проходят мимо такого явления, как муниципальные выборы.

Низкая явка - это самый яркий признак, который немедленно бросается в глаза при анализе любых данных, связанных с муниципальными выборами последних 7 лет, с 12 марта 2006 г., когда были введены единые дни голосования. Средняя явка в единые дни голосования с 2006 по 2012 гг. составила 42,04%. Самая высокая была в 2011 г. - 47,07%. Самая низкая - в 2006 г. - 35,99%[1]. Явка на муниципальных выборах 14 октября 2012 г. колебалась от 13,1% (г. Владивосток - выборы депутатов Думы города) до 67,7% (поселок Янтарный Калининградской области). Другими словами, в единые дни голосования в среднем по России за 7 лет ни разу не проголосовало более половины избирателей. Для общества с какими-либо демократическими амбициями такое положение дел нельзя не назвать критическим.

Неутешительной предстает и картина при обращении к анализу средней явки избирателей в период с 12 марта 2006 г. по 14 октября 2012 г. в конкретных субъектах Федерации. Возьмем три случайных субъекта Федерации - Алтайский край, Нижегородская, Ивановская области. Так, в 2006 году явка составила: в Алтайском крае – 48%, в Нижегородской области – 35,85%, в Ивановской области – 35%, в 2007 году в Нижегородской

[1] URL: http://ria.ru/politics/20121026/907047013.html.

области – 28,5%, в Ивановской области – 20%, в 2008 году в Алтайском крае – 55%, в 2009 году в Алтайском крае – 39% и в Ивановской области – 25%, в 2010 году в Алтайском крае – 38,4%, в Нижегородской области – 39%, в Ивановской области[1] – 20%, в 2012 году в Алтайском крае[2] – 20%, в Нижегородской области[3] – 48%.

Довольно скудные данные избирательных комиссий этих субъектов демонстрируют тем не менее, очевидную тенденцию - падение интереса избирателей к муниципальным выборам. Причины такого падения, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Во-первых, индифферентное отношение граждан к самому институту выборов. В большинстве случаев избиратели в муниципальных образованиях делятся на две группы: те, кто идет на выборы по привычке ("старой советской закалке") или ради интереса; те, кто не идет на выборы, "потому что и так было понятно, кто победит".

Нет сомнения, за последние годы институт выборов в целом дискредитировал себя. Этому способствовало не только осознание гражданами своего бессилия, но и широкое распространение данной позиции в средствах массовой информации. Впрочем, позволим себе заметить, что первое обстоятельство издавна заложено в сознании многих граждан: с момента своего возникновения институт выборов в большинстве случаев применялся лишь в качестве формы легитимации политической воли. Убежденность в своей незначительности, разочарование и индифферентность многих избирателей ведут к отсутствию действительного источника формирования воли населения, а вследствие этого - к полному отсутствию какого-либо контакта между государством и обществом.

Во-вторых, фактическая безальтернативность выборов. Согласно опросу, проведенному Новгородской интернет-газетой "Ваши новости", одной из основных причин отказа от участия в голосовании на муниципальных выборах 14 октября 2012 г. стало отсутствие графы "Против всех" (33,6%)[4]. Эти данные ярко демонстрируют недоверие либо негативное отношение граждан к кандидатам на пост депутата, члена выборного органа и выборных должностных лиц местного самоуправления. Причем зачастую такие кандидаты представляют собой "выдвиженцев" из небезызвестных партий, представленных в Государственной Думе Российской Федерации.

Впрочем, не все граждане готовы голосовать и за "несистемных" кандидатов, являющихся или самовыдвиженцами, или представителями иных политических партий. К примеру, в списки политических партий, обладающих правом принимать участие в избирательной кампании в Ивановской области, включено более 60 партий, начиная с "Евразийского союза" и заканчивая "Российской партией жизни", "Российской партией самоуправления трудящихся"[5]. Однако в силу недостаточного доверия граждан многие из них либо не проходят процедуру сбора подписей в свою поддержку, либо не набирают достаточного количества голосов на выборах.

В-третьих, нарушения на выборах. Как известно, в отличие от федеральных и региональных выборов, значение политического фактора на выборах в городском или сельском поселении, муниципальном районе не столь сильно. Однако с некоторым сожалением необходимо признать, что уровень всевозможных нарушений и здесь является невероятно высоким. Карта нарушений на выборах, представленная негосударственной организацией

---

1 URL: http://www.ivanovo.vybory.izbirkom.ru/region/ivanovo.

2 URL: http://altai-terr.izbirkom.ru/way/971114.html.

3 URL: http://www.nnov.vybory.izbirkom.ru/region/nnov.

4 Материал с сайта vnnews.ru.

"Ассоциация "Голос"[1], пестрит "красными очагами" особенно в единые дни голосования. На выборах 14 октября 2012 г. такими "очагами" стали: Московская область (Химки), Саратовская область, Краснодарский край, Алтайский край (Барнаул).

К сожалению, наилучшим источником информации по проблеме нарушений на выборах являются сегодня отнюдь не сведения избирательных комиссий субъектов, а данные, представляемые некоммерческими организациями и/или наблюдателями.

Перечень нарушений и всевозможных махинаций практически неограничен: всевозможные "карусели", "вбросы" и удаления наблюдателей известны каждому, кто интересуется данной проблемой.

Таким образом, муниципальные выборы являются важнейшим инструментом воздействия общества на государство. При его популяризации достигается множество целей: контроль общества за выборными должностными лицами, приближенность власти к населению, минимизация влияния государственной власти на местное самоуправление и многие другие. Развитие института муниципальных выборов может препятствовать использованию "черных" выборных технологий: заинтересованность граждан в личности выборных должностных лиц местного самоуправления, депутатов представительного органа муниципального образования заставляет нетерпимо относиться к такого рода технологиям, рассматривать их как прямое посягательство на право на местное самоуправление. Несмотря на это, в современной России институт муниципальных выборов оказался неоправданно отвергнутым.

Впрочем, неоправданно отвергнутым населением оказалось и местное самоуправление в целом, невзирая на его отделенность от государственной власти, направленность на решение проблем их непосредственного жизнеобеспечения. В рамках ныне действующего законодательства органы местного самоуправления не имеют ни большого влияния, ни достаточного потенциала для развития. В этой связи неудивительно, что и выборы в эти органы воспринимаются точно так же. Другими словами, не столько институт муниципальных выборов, сколько само местное самоуправление нуждается в популяризации и развитии.[2]

Экспертный анализ общих пожеланий муниципального сообщества по совершенствованию избирательного процесса на местных выборах показывает, что:

- необходимо дальнейшее расширение программ политического и правового просвещения различных групп участников избирательного процесса избирателей, в том числе молодежи, кандидатов, членов избирательных комиссий, представителей СМИ;

- следует разработать специальные программы подготовки общественного актива в целях системного включения в избирательный процесс в формате общественных объединений;

- целесообразно создать подготовленный резерв кандидатов, членов избирательных комиссий;

- следует издать методические рекомендации ЦИК России и избирательных комиссий субъектов РФ по вопросам применения различных видов избирательных систем, в том числе в виде модельных законодательных актов и нормативных правовых актов муниципальных образований.[3]

---

1 URL: http://www.golos.org/.

2 Шарма, А. Ш. Отдельные размышления по результатам муниципальных выборов в России / А.Ш. Шарма // Документ предоставлен СПС «КонсультантПЛЮС»

3 Холопов, В. А. Актуальные направления совершенствования организационно-правовых механизмов регулирования института муниципальных выборов в Российской Федерации / В.А. Холопов // Документ предоставлен СПС «КонсультантПЛЮС».

Климушева В.В.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

5 мая 2014 года были внесены существенные изменения в регулирование гражданско-правового статуса некоммерческих организаций (НКО). Данные изменения были внесены на основании Концепции развитии гражданского законодательства Российской Федерации (далее – Концепция), подготовленной на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании гражданского законодательства Российской Федерации».

Долгое время перечень некоммерческих организаций был открытым. Благодаря возможности вводить новые организационно-правовые формы, на сегодняшний день имеется огромное количество различных видов некоммерческих организаций, которые по подсчетам некоторых авторов, составляют более 50[1]. С 1 сентября 2014 года такому беспорядку пришел конец. На сегодняшний день некоммерческие организации могут создаваться только в тех организационно-правовых формах, которые содержатся в ст. 50 Гражданского кодекса РФ.

Действующее законодательство выделяет организации: основанные на членстве (корпорации) и не основанные на началах членства (унитарные организации). В соответствии с п. 1 ст. 65.1 ГК РФ к некоммерческим организациям корпоративного типа относятся: потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в РФ, а также общины коренных малочисленных народов РФ. К унитарным некоммерческим организациям, не основанных на членстве относятся соответственно: фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации и религиозные организации.

Следует отметить, что некоторые виды некоммерческих организации, ранее существовавших самостоятельно, были лишь объединены в определенную организационно-правовую форму. То есть, такие организации не утратили юридической силы, они просто поменяли свою правовую форму, которая должна будет теперь обозначена в полном наименовании их уставов.

Унификация систем потребительских кооперативов и ряда существующих некоммерческих организаций «общественной выгоды» привела к образованию единых родовых организационно-правовых форм - «потребительские кооперативы» и «общественные организации».

Возможность распределения прибыли от предпринимательской деятельности между членами кооператива вызывало немало споров по поводу отнесения его к некоммерческим организациям. Ряд исследователей относили потребительские кооперативы к смешанному типу юридических лиц - некоммерческой организации с отдельными элементами статуса коммерческих юридических лиц[2]. В этой связи законодатель отказался от предоставления такой возможности членам кооператива.

---

[1] Вербицкая Ю.О. Система некоммерческих организаций в проекте ГК РФ // Закон. 2011. № 4. С. 2.

[2] Сергеев А.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. – «Проспект», 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Выделение религиозной организации, которая до внесения изменений рассматривалась наряду с общественными организациями, видится «искусственным». Законодатель преследует цель построить религиозные организации по модели фонда, исключающего всякое членство. По мнению Ю.О. Вербицкой, это некая попытка ограничить создание в форме религиозных организаций объединений сектантского характера[1].

Некоторые из новых организационно-правовых форм носят дискуссионный характер. Например, объединение юридических лиц (ассоциации и союзы), к которым законодатель отнес многие, различные по своей специфике деятельности организации, ранее существовавшие отдельно. В данном вопросе необходимо чётко определить критерии отнесения того или иного юридического лица в данную категорию, отдельно определить порядок их перерегистрации в ассоциацию (союз), дать более понятное определение понятия «объединение лиц». Выделение специфичных видов НКО, таких как: общины коренных малочисленных народов РФ и казачьи общества не представляется целесообразным, поскольку их участие в гражданском обороте невелико, а где-то и вовсе не связано с ним, а связано с несением гражданской службы. Предложением в этой части, может быть, объединение в одну группу таких специфичных видов НКО.

Существенными новеллами гражданского законодательства о системе юридических лиц является появление новой организационно-правовой формы – публично-правовая компания и отказ от государственных корпораций.

Споры по поводу нецелесообразности существования госкорпораций велись долгое время. Контроль за из деятельностью ограничен и непубличен по форме, что противоречит Закону о некоммерческих организациях. Большинство корпораций (например, «Банк развития») вообще нельзя ликвидировать либо провести их реорганизацию, а лишь дана отсылка к будущему федеральному закону, а также к ним не применяется законодательство о несостоятельности (банкротстве). Госкорпорации по своей юридической природе не являются ни корпорациями, (не имеют членства), ни государственными организациями (будучи частными собственниками своего имущества), ни некоммерческими организациями (созданные чаще в целях осуществления предпринимательской деятельности)[2]. Семь существующих госкорпораций и одна государственная компания до из преобразования в публично-правовую компанию продолжают действовать в соответствии с положениями ГК РФ о юридических лицах постольку, поскольку это не противоречит специальными законами об их создании.

24 мая 2013 года Государственной Думой РФ был принят правительственный законопроект «О публично-правовых компаниях в РФ». ГК РФ, закрепив новую организационно-правовую форму без ее подробного толкования и отказавшись от госкорпораций, создал определенные проблемы в практической деятельности. Сложным является вопрос о том, чем руководствоваться при создании публично-правовой компании, так как закон о них еще не принят и неизвестно, когда это будет. Хоть на данный момент и продолжают существовать госкорпорации и госкомпания, но придет время, когда они придут в негодность в связи с достижением целей, ради которых они были созданы. И тогда возникнет вопрос о том, на основании чего создавать публично-правовую компанию, так похожую на утратившую силу госкорпорацию. Для недопущения возникновения практических проблем в будущем необходимо незамедлительно принять данный закон.

---

[1] Вербицкая Ю.О. Некоммерческие корпоративные и унитарные организации в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. 2011. № 1. С. 25.

[2] Артамонова С.В. Изменение тенденций правового регулирования государственных корпораций в РФ // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 1(7). С. 64.

Осталась нерешенной проблема соотношения ГК РФ и иных специальных законов, регулирующих деятельность некоммерческих организаций. В Концепции была отражена позиция о том, что ГК РФ должен быть базисом, в котором должна содержаться правовая регламентация деятельности всех форм некоммерческих организаций. В то же время ряд авторов считают, что нормы ГК РФ не могут иметь приоритет по отношению к иным федеральным законам, являясь таким же федеральным законом, чтобы быть выше его. Другие ученые полагают, что специальные законы имеют приоритет над нормами ГК РФ. В иерархии норм гражданского законодательства Закон о некоммерческих организациях занимает основное (т.е. «специальное») место по отношению к ГК РФ, а иные законы, регламентирующие отдельные виды некоммерческих организаций, имеют специальный характер по отношению к Закону[1].

Правовая регламентация стала «двухуровневой» (ГК РФ и специальные законы), то есть, функционирование законов общего характера (Закона о некоммерческих организациях) является нецелесообразным. Но отмена этого и специальных законов не может иметь место, так как урегулировать всю специфику характера деятельности отдельных некоммерческих организаций только в ГК РФ невозможно, кроме как «раздуть» кодекс до немыслимых пределов. Закон о некоммерческих организациях должен быть оставлен в качестве вспомогательного правового акта. В этой части есть необходимость доработать Закон о некоммерческих организациях путем его приведения в соответствие с действующим ГК РФ и дополнения нормами из некоторых специальных законов. В связи с чем необходимо отменить часть специальных законов, положения которых в большей степени получат отражение в законе общего характера (Законе о некоммерческих организациях).

В Концепции в императивной форме установлен запрет на преобразование коммерческих организаций в некоммерческие, и наоборот. Смысл такого ограничения разработчики видят в запрете искажения юридической природы и законодательного деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации, который, в конечном счете, также способствует максимальной защите имущественных интересов их кредиторов и всех участников гражданского оборота. Такой запрет лишает некоммерческую организацию возможности ее участникам определить место данного юридического лица в гражданско-правовом обороте в соответствии с изменяющейся динамикой и необходимостью корректировки характера деятельности организации. Запрет, в свою очередь, не оставляет организации иного выбора, как ликвидироваться и создать новую, соответствующую необходимым целям. Поэтому более действенным будет на законодательном уровне возвратить возможность некоммерческих организаций преобразовываться в хозяйственные общества.

Проблеме возможности осуществления некоммерческими организациями предпринимательской деятельности в литературе уделено достаточно большое внимание. В ГК РФ она именуется теперь как «приносящая доход деятельность». Такой вид деятельности должен быть предусмотрен уставами таких организаций. Она должна осуществляться лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых создана организация, и если это соответствует таким целям. На те некоммерческие организации, которые желают заниматься приносящей доход деятельностью, распространяются нормы о размере уставного капитала предусмотренных для обществ с ограниченной ответственностью. Представляется, что данное положение, сближая некоммерческие организации с коммерческими, может привести к уничтожению некоммерческого сектора экономики.

---

[1] Нуждин Т.А. Некоммерческие организации как субъекты гражданского права: проблемы теории и практики // Российское право: состояние, перспективы, комментарии. 2010. № 2. С. 60.

В целях преодоления кризиса для некоммерческой организации, не имеющей установленного законом уставного капитала, государство может оказывать имущественную поддержку в рамках правового статуса «социально ориентированные некоммерческие организации» для возможности участия последних в вспомогательной хозяйственной деятельности.

Таким образом, гражданско-правовой статус некоммерческих организаций претерпел существенные изменения, имеющие положительное значение. Однако часть проблем в регулировании данного вида организаций не была решена, даже появились новые. Пока еще не ясно, как будут реализовываться недавно внесенные изменения, а также каким окажется их применение на практике. Но должны быть созданы все условия, чтобы переходный период был менее болезненным для участников гражданского оборота.

Козлов Д. С.
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

РОЛЬ ДЕКРЕТА «О СУДЕ» (№ 1) В СТАНОВЛЕНИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Осень 1917 года в истории России играет весьма важную, а вернее сказать – эпохальную роль. Именно в указанное время, в период всеобщей революционной неразберихи и непонимания происходящего, фактически началось формирование и становление нового государства. С точки зрения истории судебной системы, важнейшей вехой в указанный период явился ноябрь 1917 года.

В начале своего пути, большевикам, еще окончательно не пришедшим к власти, но уже и не желающим ее (власть) отдавать, требовалось активно применять именно «свою» законность на местах.

Ленин В.И. писал: «Когда революционный класс ведёт борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, - другие средства не изобретены»[1].

Естественным явилось решение о введении «собственной» судебной системы. Только наличие правоприменительного аппарата (следственного, судебного, пенитенциарного) позволяло молодой власти существовать.

Однако объективные трудности создания нового суда усугублялись из-за борьбы левых эсеров против большевиков по вопросам судебной политики. Особенно острые дискуссии вызвал составленный большевиком П. И. Стучкой проект Декрета о суде № 1. Этот документ в соответствии с теоретическими воззрениями В. И. Ленина предусматривал полную ликвидацию всех органов буржуазной юстиции, включая и систему мировой юстиции.

Проект Декрета о суде № 1 многократно обсуждался в Совете народных комиссаров, о чем свидетельствует многотомная биографическая хроника В.И. Ленина, а также в комиссиях и фракциях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Но прохождение проекта через ВЦИК сдерживалось оппозицией левых эсеров, поэтому 22 ноября 1917 г. СНК

[1] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33. С. 26.

самостоятельно, минуя ВЦИК, принял Декрет о суде (который и стал известен под названием Декрет «О суде» № 1)[1].

Созданный советский суд в период с ноября 1917 года по март 1918 года осуществлял правосудие в первую очередь на основе социалистического правосознания, а уже затем – на основе декретов советской власти при использовании не отмененных большевиками старых законов[2].

Декрет «О суде» № 1 предусматривал две формы судебной организации. Прежний единоличный мировой судья был заменен коллегиальным местным судом, избираемым местным Советом. Была определена его подсудность, указано, что они «решают все гражданские дела ценою до 3000 рублей и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше 2 лет лишения свободы... Кассационной инстанцией является уездный, а в столицах - столичный съезд местных судей». Декрет упразднял не только старую судебную систему, но и ранее существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институты присяжной и частной адвокатуры.

Декрет устанавливал принцип сменяемости судей и заседателей, что способствовало, по мнению большевиков, созданию действительно народного суда. Вводился и суд политический «для борьбы против контрреволюционных сил, в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями промышленников, торговцев, чиновников и т.п.», были учреждены революционные трибуналы, действовавшие в составе председателя и шести народных заседателей[3].

В связи с изданием Декрета «О суде» № 1 Правительствующий Сенат опубликовал следующее постановление: «Сенат осведомился о намерениях лиц, захвативших власть незадолго до созыва Учредительного собрания, которое должно являться истинным выражением директивной воли русского народа, посягнуть на самое существование Правительствующего Сената, в течении слишком 200 лет стоящего на страже закона и порядка в России. Эти лица, решаясь упразднить Правительствующий Сенат и все Суды, подрывают сами основы государственного строя, и лишают население последней его опоры – законной охраны его личных и имущественных прав.»[4].

Далее, Правительствующий Сенат призывает не исполнять ни чьих, кроме его, распоряжений.

В этой связи неразбериха в стране усугубляется еще больше, - кому подчиняться, а кому нет, окружные суды по факту решают сами.

В частности, 5 декабря 1917 г. Общее собрание Новгородского окружного суда вынесло постановление: принять к руководству Указ Правительствующего Сената от 23 ноября 1917 г. и не прекращать Деятельность Судебной палаты, несмотря на мятеж против законной власти Временного Правительства[5].

Вместе с тем п. 2 Декрета «О суде» № 1 предусматривал возможность избрания в новые местные суды прежних мировых судей, большинство из которых, как уже отмечалось,

---

[1] Смыкалин А.С. Создание советской судебной системы /А. Смыкалин. //Российская юстиция. 2002. № 2. С. 39 – 42.

[2] Третьякович А.А. История государства и права советской России // Становление системы советского правосудия (1917-1918 гг.) с. 36-37.

[3] Смыкалин А.С. Создание советской судебной системы /А. Смыкалин. //Российская юстиция. 2002. № 2. С. 39.

[4] Третьякович А.А., Хлопаева М.Е. Укрепление системы советского правосудия в 1919-1921 гг. // История государстваи права. 2006. № 12. С 16.

[5] ГАНО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 240-242.

отнеслось к этому акту резко отрицательно или прямо враждебно. В некоторых случаях для закрытия суда и передачи дел ликвидатору-комиссару требовалось применение принудительной силы и вооруженных людей. Причем процесс этот был достаточно медленный, Правительство, занятое вопросами обороны и подавления открытых контрреволюционных мятежей, уделяло ему мало внимания. Достаточно сказать, что если в столицах суды закрыли через одну-две недели после опубликования Декрета, то в других местах это затянулось на месяцы. Так, в Самаре суд был закрыт 2 января, в Екатеринбурге - 19 января, в Нижнем Новгороде - 15 января 1918 г. Лишь 11 января 1918 г. бывший председатель съезда мировых судей в г. Москве передал вновь избранному Совету народных судей документы, денежные ведомости и т.п.[1]

Но все же, уже с начала 1918 г. в соответствии с Декретом «О суде» № 1 начинаются ускоренный процесс ликвидации прежних судебных установлений и организация новых судебных органов. После упразднения недолго существовавшей должности уездных комиссаров юстиции был учрежден институт Местных народных судей[2].

Руководящим органом для них стал Совет местных народных судей. Именно в этот орган адресовали новоиспеченные судьи вопросы относительно грамотной подготовки дел к судебному разбирательству, точной квалификации деяний, толкованию законодательства с учетом революционного обновления целевой направленности правового регулирования. Кардинальное изменение содержания принципов законности и справедливости юридической ответственности не могло не сказаться на процессуальной практике. Л.Л. Шамшурин обращает внимание на то, что подвергались серьезной корректировке дореволюционные принципы судопроизводства, в частности принцип диспозитивности, состязательности, коллегиальности[3].

Надо, к тому же, помнить, что в соответствии с Декретом «О суде» № 1 в 1918 г. начался процесс формирования революционных трибуналов. Юрисдикция последних в силу их чрезвычайного характера не была ограничена рамками законодательства. С учреждением данного института наметилась тенденция в усложнении определения подсудности дел. Как замечает А.В. Мукачев, изначально их главной задачей была борьба с контрреволюцией, однако вскоре ревтрибуналы взяли на себя борьбу с преступностью на местах в целом[4].

Поэтому разграничением подсудности дел, касающихся наиболее острых вопросов революционной законности, зачастую занимались народный комиссариат юстиции, а на местах эту функцию брали на себя Исполкомы Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Циркуляры Народного комиссариата юстиции содержали разъяснения по практике одновременно народных судов и ревтрибуналов. Так, Отдел первый судопроизводства и надзора Народного комиссариата Юстиции 22 сентября 1920 г. разослал циркуляр всем Губюстам, ревтрибуналам и Совнарсудам: «Некоторые Народные Суды и Ревтрибуналы выносят комбинированные приговоры, например «к 5 годам лишения свободы, из коих три года условно», «к 6 месяцам принудительных работ без лишения свободы, из коих 3 месяца условно» и т. д. Встречались приговоры с более сложными комбинациями: лагерь, принудительные работы без лишения свободы и условное наказание лишением свободы. …Из

---

1 Смыкалин А.С. Создание советской судебной системы /А. Смыкалин. //Российская юстиция. 2002. № 2. С. 39 – 42.

2 ГАНО. Ф. 1549. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

3 Шамшурин Л.Л. Правосудие в сфере гражданской юрисдикции в советский период истории России, развитие процессуальных принципов // Российский Судья. 2009. № 12. С. 41.

4 Мукачев А.В. Процесс судопроизводства в революционных трибуналах Советской России в годы гражданской войны (по материалам Тульской губернии) // История государства и права. 2012. № 20. С. 32.

этого можно заключить, что судебные органы Республики в вопросе о применении условного осуждения не имеют твердой принципиальной линии…»[1].

Отдел Юстиции Новгородского Губернского Исполкома 17 февраля 1921 г. направил следующее разъяснение Народному судье 2 участка Демянского уезда: «На Ваш запрос за № 241 Отдел Юстиции Новгубисполкома препровождает при сем циркуляр Народного комиссариата Юстиции за № 5 от 6 февраля 1920 года, устанавливающий как подсудность, так и порядок возбуждения и рассмотрения дел, возникающих по поводу нарушения трудовой дисциплины, разъясняет, что приговор по означенным делам подлежит обжалованию и приведению в исполнение в порядке, указанном в ст. ст. 76-82. Положения о Народном Суде, т. к. каких либо изъятий из установленного Положением порядка ни в декретах, ни в циркулярах не встречается, почему приведение приговора в исполнение сразу по объявлении является незаконным, а потому недопустимым, лишение же свободы злостных или повторных нарушителей трудовой повинности тотчас по объявлении приговора может быть достигнуто путем принятия согласно ст. 80. Положения соответствующей меры пресечения»[2].

«Как известно, в первые послереволюционные месяцы судебные учреждения на местах функционировали почти независимо не только от центральных, но и губернских органов власти. Местные Советы реализовывали широкие полномочия в сфере судебного управления, что порождало отсутствие единых правил осуществления правосудия». Сложилась децентрализованная организация судебной системы, при которой отсутствовали высшие судебные инстанции, вследствие чего все судопроизводство производилось на местном уровне[3].

О каком позитивном праве могла идти речь, если «…в решениях о создании первых революционных судов обычно указывалось, что в основу своей деятельности они должны положить волю революционного народа, не принимать во внимание правовые нормы, противоречащие целям революции, и руководствоваться единственно голосом судейской совести»[4].

И.И. Олейник называет причины, по которым даже принятие Положения «О народном суде РСФСР» не привело к соблюдению четких и единообразных процессуальных форм: организационные и материальные трудности, умаление значения позитивного права, отсутствие подробной регламентации процессуальной деятельности народных судей, отсутствие четкого механизма контроля за судебными решениями, недостаток профессиональной грамотности, ликвидация инстанционности судопроизводства с целью его упрощения, пренебрежение принципом невиновности[5].

Резюмируя итоги развития процессуальной доктрины в советский период истории, современные авторы справедливо отмечают в качестве факторов, определявших содержание процессуальной практики, давление партийной идеологии, нигилистическое отношение к гражданскому процессу, отказ от процессуального регулирования правосудия, оценка процессуальных норм как сугубо технических[6].

---

1 ГАНО Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 4. Л. 68.

2 ГАНО Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

3 Олейник И.И. Особенности становления народных судов в советском государстве (1918-1920 гг.) // Российский Судья. 2004. № 5. С. 43.

4 Смыкалин А. Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 39.

5 Олейник И.И. Особенности становления народных судов в советском государстве (1918-1920 гг.) // Российский Судья. 2004. № 5. С. 44-45.

6 Шамшурин Л.Л. Правосудие в сфере гражданской юрисдикции в советский период истории России, развитие процессуальных принципов // Российский Судья. С. 44.

Однако даже такое радикальное нивелирование судебной практики не означало отказа от суда, как основного института, гарантирующего законность и правовой порядок.

Таким образом, Декрет «О Суде» № 1, принятый СНК 22 ноября 1917 года, положил начало формированию и претворению в жизнь всей правовой системы Советской России в период ее становления.

При этом в январе 1918 года власти приступают к разработке нового законопроекта о суде, Декрета «О суде» № 2, от которого требовалось не столько «забрать» власть, сколько ее «удержать», что, как известно, гораздо сложнее.

Колпаков Н. А.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Институт ювенальной юстиции является относительно новым для правовой системы России. Например, совсем недавно вышло Постановление Правительства, утвердившее положение о деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. По данным Общественной палаты лишь в некоторых регионах существуют ювенальные суды. При этом довольно сильны настроения, противящиеся дальнейшему развитию этого института в России. В одном из своих выступлений Президент Российской Федерации Владимир Путин сообщил, что считает, что ряд аспектов законопроектов о социальном патронате, а так же контроле над гарантиями прав детей-сирот весьма противоречивы, "содержат явные социальные риски". Более того, они не учитывают традиции русской семьи, разрушают её. В таком же ключе высказывался и Олег Добринский в своей работе, посвящённой ювенальной юстиции в России.

Он указывал на копирование опыта Западных стран, в которых задача института не сводится только к созданию особых судов для контроля над несовершеннолетними, а к решению более обширных проблем – разрешение социальных вопросов, возникающих из-за отсутствия контроля над детьми, как в семье, так и оставшимися без попечения родителей. Так же планируется расширение полномочий социальных служб в области контроля над учреждениями, работающими с детьми, и семей. Однако при этом Добринский предполагает, что в итоге Россия получит институт по контролю семьи, запрещающий воспитание детей родителям, а так же множество доносов детей на своих родителей, потерю родительского авторитета.

В таком же ключе высказывается и, например, судья Ростовского областного суда Воронова Е.Л., говоря об ослабших устоях семьи, о лишь растущей безнадзорности и детской преступности.

При этом всеми указанными и неуказанными противниками института ювенальной юстиции предлагается или вообще не вводить институт в российскую правовую систему, или осуществлять её задачи другими методами (религиозное воспитание и т.д.).

Но федеральное законодательство довольно конкретно отвечает на вопросы общественности, ставя чёткие рамки для деятельности социальных служб, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и т.д. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» даёт определения таким наиважнейшим понятиям, как «тяжелая жизненная ситуация», «социальная реабилитация» и другие, необходимые для нормального функционирования института определения. Так же чётко устанавливаются цели государственной политики по защите прав детей.

Теперь обратимся конкретно к проблеме непонимания общественностью роли ювенальных судов. Такие суды не являются определяющим звеном ювенальной юстиции. Сама ювенальная юстиция является институтом охраны детства. Такие способы зависят в большинстве случаев от наличия государственной воли. Поэтому можно согласиться с мнением профессора А.М. Нечаевой о том, что правовую охрану детства можно отнести к самостоятельному правовому институту. Понятие «ювенальная юстиция» во всем мире связывается с главным ее звеном – судом по делам несовершеннолетних, что определяет понятие юстиции как правосудия. Э.Б. Мельникова относит к ювенальной юстиции преимущественно и специальные судебные органы не только в виде отдельной системы, но и в виде судебных присутствий, коллегий в рамках суда общей юрисдикции. По ее мнению, ювенальная юстиция создаёт комплекс как правовых, так и других социальных органов, обслуживающих систему. Е.Л. Воронова представляет ювенальную юстицию системой защиты прав несовершеннолетних, создающую наряду с судом по делам несовершеннолетних социальные службы (части государственной системы профилактики безнадзорности и антиправового поведения несовершеннолетних), общественные группы. Действительно, в систему ювенальной юстиции обязаны вводиться и воспитательные учреждения, учебные заведения, школы, а также законотворческие органы в сфере защиты прав детей. Система ювенальной юстиции должна помогать восстановить систему ценностей для своего круга правонарушителей, адаптировать их, а не выделять в отдельную категорию населения. В.В. Панкратов эту проблему разрешает так: ювенальная юстиция – не только нормативный институт, функционирующий на основе жёстких норм и правил, не суд по делам несовершеннолетних, а лишь звено в системе защиты прав детей.

Итак, специализированную систему правосудия по делам несовершеннолетних нельзя отождествлять исключительно с ювенальными судами. Ювенальная юстиция – это система, включающая необходимое законодательство, а также государственную управленческую базу, имеющую своим назначением защиту прав детей, осуществляющую правосудие в их отношении и контролирующую их же противоправную деятельность. Ювенальной юстиции присущ и социальный аспект, в который заложены идеи, направленные на воспитание и социальную защиту несовершеннолетнего, минимизацию вредного воздействия на детей судебного процесса, уголовных наказаний.

Сложившаяся к данному моменту судебная практика и научные разработки в качестве ювенальных технологий предлагают рассматривать социальную диагностику личности и правонарушения несовершеннолетнего, альтернативные методы разрешения споров с участием несовершеннолетних, восстановительное производство по делам несовершеннолетних, социальные проекты по внедрению специализации судей по делам несовершеннолетних в судах общей юрисдикции РФ. В обязанность ювенального суда входит составление полного портрета несовершеннолетнего с психологической, медицинской, семейной, социальной и других точек зрения.

Правосудие в отношении несовершеннолетних, вопреки распространенному ошибочному мнению, основано вовсе не на снисхождении к правонарушителям, а на понимании причин преступного поведения и поиске эффективных способов воздействия на виновных с учетом их возрастных особенностей. Его цель – попытаться избежать дальнейшей криминализации личности и способствовать социальной реабилитации ребенка, а не отчуждению от общества.

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на разумность и обширность мер, предусмотренных комплексом правовых инструментов, именуемых ювенальной юстицией. Правильное понимание населением этого института поможет лучшему функционированию этой системы, цель которой – защита прав детей.

Копилян В.А.
доцент кафедры правоведения
Феодосийская финансово-экономическая академия, г. Феодосия,
соискатель кафедры административного и финансового права,
Юридического института, РУДН, г. Москва, судья Апелляционного суда РК

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И НА УРОВНЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сочетание образованности и нравственности
сделает возможным для России "влиять на мир "
и нести " свое собственное послание.
Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Верховным Советом Автономной Республики Крым и Севастопольским городским советом народных депутатов 11 марта 2014 года принята декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, а также решение о проведении референдума по вопросу будущего статуса полуострова.

По результатам референдума и после провозглашения независимой суверенной Республики Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, Крым обратился к Организации Объединенных Наций и ко всем государствам мира с призывом признать независимое государство, созданное его народами и одновременно обратился к Российской федерации о принятии Республики Крым и города Севастополя в состав России в качестве новых субъектов федерации.

В.В.Путин 17 марта 2014 года издал Указ № 147, которым, учитывая волеизъявление народов Крыма на общекрымском референдуме, полуостров признан в качестве суверенного и независимого государства. Следует отменить, что также были признаны независимость Крыма и референдум разными странами мира на разных континентах планеты – от Северной Кореи до Аргентины.

С 18 марта 2014 года Республика Крым, учитывая свободное и добровольное волеизъявление народов Крыма о воссоединении с Россией, считается принятой в Российскую Федерацию на основании договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, который ратифицирован на основании статьи 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» и в соответствии со статьёй 10 Договора.

После чего, новый исторический этап развития вновь принятых субъектов России Республики Крым и города федерального значения Севастополя стал характеризоваться реформационными процессами в области приведения законодательства в соответствие стандартов России, а также обновления политических, экономических и правовых преобразований, а также идеологических и моральных, что в свою очередь затронуло необходимость развивать на полуострове и принимать нормативно-правовые акты по защите животных от жестокого обращения с ними, в том числе и в сфере административно-правовой. Так как, в силу исторически сложившегося желания народов Крыма в единстве достигать совершенствования высокого нравственного и духовного развития в Крыму, так и в России в

целом желания достигнуть во всех областях правового развития гуманного отношения к животным, как ключевого и основного показателя цивилизованности современного общества.

Законодательная, исполнительная и судебная власть Республика Крым быстрыми шагами провели поступательную политику в части урегулирования вопросов интеграции новых субъектов Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, при этом задекларировали защищать животный мир от противоправных посягательств и жестокого обращения с ними, принимая во внимание, что публичные призывы или публичное оправдание жестокого обращения с животными «Доктриной информационной безопасности Российской Федерации» запрещены, а также наличие международно-правовых актов, среди которых можно назвать Европейскую конвенцию по защите домашних животных № 125 от 13 ноября 1987 года, Европейскую конвенцию о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или других научных целях № 123 от 18 марта 1986 года, Европейскую конвенцию о защите животных при международных перевозках 1968, Конвенцию о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящихся под угрозой исчезновения 1973, Всемирную декларацию прав животных 1978, Европейскую конвенцию о защите животных, предназначенных на убой 1979, Европейскую конвенцию о защите животных, содержащихся для сельскохозяйственных целей 1976 и др.

Вместе с тем, несмотря на наличие большого ряда международно-правовых актов, большая часть из которых ратифицирована Россией, принятых в большом количестве субъектами Российской федерации нормативно-правовых актов и поправок по административным санкциям к ним, в части защиты домашних животных от жестокого обращения с ними, активными депутатами, научным сообществом, защитниками прав животных, и практика рассмотрения административных дел в России показывает, что ситуация по реализации существующих и принятых в субъектах федерации санкций по защите прав животных и противодействия жестокому обращению с ними, в отличие от преступлений, в области административных правонарушений не просто не удовлетворительна, а становится губительна, та как случаев привлечения к административной ответственности виновных лиц за жестокое обращение с животными единицы, а в Республике Крым и Севастополе не привлечен ни один человек, чиновник или организация. В некоторых других субъектах Российской федерации, процент рассмотрения таких административных дел на участках попросту ничтожно мал, так как правонарушения в большинстве случаев носят латентный характер, причиняя боль и страдания животным. Средства массовой информации и коммуникации, общественные защитники животных, почти ежедневно обращают внимание органы власти, что органы местного самоуправления и работники полиции, крайне мало на местах принимают меры по выявлению и пресечению административных правонарушений по защите прав животных, не обеспечивают на должном уровне осуществление производств по делам об административных правонарушениях, рассмотрение которых законом возложено на мировых судей, не фиксируя случаи и не реагируя на сцены распространения в социальных сетях «Интернете» и пропаганду жестокого обращения с животными, как крайне актуальную проблему, которая требует научного решения и практического разрешения, так как наносит ущерб морально-нравственному развитию жителей нашей Родины, а особенно молодёжи и детей[1].

Актуальность проблематики обусловливается такими факторами, как: несовершенство правовых норм и трудности в практической реализации нормативно-правовых актов по защите животными в субъектах Российской федерации, так как более 20 лет деяния в области

[1] Копилян В.А. Субъекты предупреждения жестокого обращения с животными в Республике Крым. Сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции «Правовые системы современности в условиях международной интеграции». Ялта-Москва-Ростов-на-Дону, 2014, С.289.

жестокого обращения с животными в России на уровне федерального Кодекса об административных правонарушений никак не регулируется. Государственной Думой за основу в этой сфере был взят законопроект № 458458-5 «Об ответственном обращении с животными», принятый в первом чтении еще 23 марта 2011 года, который не принят по сегодняшний день.

При этом следует отметить, что физическая жестокость к животным, наряду с другими формами асоциального поведения (воровство, частая ложь, физическая жестокость к людям), входит в клиническую картину проявлений расстройства поведения (F91) в Международной классификации болезней, поэтому проблема жестокого обращения с животными сильно волнует и крымское общество, в котором все время предпринимаются отдельные попытки для решения данного вопроса на уровне новых субъектов Российской федерации и органов местного самоуправления.

Так, в Республике Крым и городе Севастополе, после воссоединения с Россией, административные правонарушения в области жестокого обращения с животными ещё не находят своё место в правовом урегулировании, так как законопроект в Крыму находится на юридической экспертизе и общественных слушаниях, после чего депутатами Государственного совета будет вынесен закон о содержании и защите от жестокого обращения домашних животных на голосование в ближайшее время, а в Севастополе планируется доработка законопроекта, регулирующего правила содержания домашних животных, так как в ходе обсуждения законопроекта «Об эпизоотическом и ветеринарно-санитарном благополучии Севастополя» в Законодательном Собрании Севастополя участники обсуждения пришли к выводу о необходимости разработки отдельных правил содержания домашних и сельскохозяйственных животных, а также обратили внимание на необходимость решения вопроса с местом и порядком захоронения животных [1].

Изучение проблем и перспектив административной ответственности за жестокое обращение с животными в Республике Крым, показывает нам, что законодательных полномочий не хватает, а поэтому нужен федеральный закон, который разграничит ответственность муниципальных, региональных и федеральных властей, даст единый и юридически однозначный перечень понятий. Например, таких, как «ответственное обращение с животными», «безнадзорные животные», «отлов животных» и так далее. Предполагается, что реализация федерального законопроекта будет способствовать профилактике и повышению уровня культуры содержания животных, повышению общественной нравственности, укреплению душевного и психического здоровья граждан, воспитанию подрастающего поколения в духе гуманизма, а также увеличению бюджетных сборов, а защитникам и адвокатам возможность представлять и защищать интересы самих «объектов» права в судах, а наличие в интересах государства в глазах мирового сообщества, авторитета страны, говорит об актуальности рассматриваемого нами вопроса, который требует дальнейшего его научного и всестороннего изучения.

---

[1] Содержать домашних и сельскохозяйственных животных в Севастополе решили по разным правилам. Информационное агентство Республики Крым. Новости 24. Источник: Дата доступа 20.05.2015г. http://ru24news.ru/news/crimea/society/6520-soderzhat-domashnih-i-selskohozyaystvennyh-zhivotnyh-v-sevastopole-reshili-po-raznym-pravilam.html

Корнеев Д. А.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Правотворчество в общем смысле можно обозначить как средство формирования правовых основ государства и общества, включающее в себя деятельность уполномоченных органов по созданию, изменению и дополнению нормативно-правовых актов. Издавая нормативные акты, государство содействует как зарождению и развитию одних общественных отношений, так ограничению и вытеснению других. В данный момент участие прокурора в правотворческой деятельности законодательно закреплено в Федеральном законе "О прокуратуре Российской Федерации", а именно в ч. 4 ст. 1 и ст. 9. Основными формами этой деятельности прокуроров служат: внесение предложений о разработке, об изменении и отмене нормативных правовых актов; подготовка в рамках компетенции и представление инициативных проектов таких актов субъектам правотворчества; участие в создании нормативных правовых предписаний иными государственными органами и органами местного самоуправления; составление правовых заключений по поступающим в органы прокуратуры проектам указанных актов; участие в их обсуждении; консультирование по правовым вопросам депутатов и иных должностных лиц, участвующих в правотворчестве, особенно муниципального уровня[1].

Активное участие органов прокуратуры в правотворческой деятельности, также обусловлено параллельной реализацией правозащитной функции и обеспечения верховенства закона. Издание актов органами на то уполномоченными в соответствии с Конституцией РФ, и в следствии единство правового поля, способствует предупреждению нарушений прав и свобод граждан. Важно отметить, что дефектное законодательство только препятствует законным интересам граждан и всего общества, кроме того, что не мало важно сказывается на законности и правопорядке.

Таким образом, в одном случае реализуя возложенные на них обязанности, органы прокуратуры вносят в представительные органы и в органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии законов и иных нормативных актов, а в других случаях принимают меры к отмене незаконных актов внося протесты, представления или обращаясь с заявлениями в суды.

Среди ученых высказывается мнение о нецелесообразности участия прокуроров в правотворческой деятельности, так как одной из основных функций органов прокуратуры является осуществление надзора за соответствием нормативно-правовых актов Конституции РФ и федеральному законодательству. Тем не менее чем раньше устранено противоречие закону, тем больше укрепляются законность и правопорядок. Также устанавливается надежность и безпробельность правовых основ общества и всего государства в целом. Единственный способ воздействия органами прокуратуры на правовые акты до вступления их в действие, возможен только на стадии правотворческой деятельности, что и обуславливает целесообразность их участия.

---

[1] Жидких А.А. Правовые и организационные основы участия прокуратуры в реализации правотворческой функции: автореферат. М., 2011. С. 10.

Органы прокуратуры прежде всего обеспечивают соответствие нормативно-правовых актов конституционным и федеральным положениям, в первую очередь ими анализируются юридическая техника и содержательная сторона таких документов. Прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных актов вправе вносить предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов[1].

Необходимо также сказать о международном правотворчестве органами прокуратуры. В соответствии с Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" Генеральный прокурор Российской Федерации вправе представлять рекомендации о заключении международных договоров Российской Федерации в пределах компетенции прокуратуры. Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и уполномоченный ими руководитель соответствующего федерального органа исполнительной власти Российской Федерации в месячный срок обязаны рассмотреть и дать ответ на такие рекомендации[2]. Реализуется данная правотворческая функция только Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Прокуроры субъектов Российской Федерации и приравненные к ним прокуроры участвуют в международно-правовом сотрудничестве только через Генеральную прокуратуру Российской Федерации, если иной порядок не установлен международными договорами и законодательством Российской Федерации.

Для совершенствования участия органов прокуратуры в правотворческой деятельности требуется новый подход к содержанию и оценке такой деятельности, для этого необходимо правовое и организационное ее обеспечение.

Для большей эффективности правотворчества органов прокуратуры необходимо детальное уточнение отдельных положений Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации», касающихся участия прокурора в правотворческой деятельности, отчасти этому посвящен Приказ Генеральной прокуратуры № 144 от 17 сентября 2007 г.

В соответствии с п. 2.1. приказа Генпрокурора РФ № 144 "О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления" утверждается следующее положение: "Не ослабляя надзора за законностью нормативных правовых актов, принять меры к углублению сотрудничества с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления, на регулярной основе участвовать в подготовке ими проектов законов и иных нормативных правовых актов, работе комитетов, комиссий и рабочих групп, осуществлять правовую экспертизу проектов нормативных правовых актов законодательных (представительных) и высших исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, готовить по ним заключения и другие документы"[3].

Также еще одним ведомственным организационно-распорядительным документом касающийся участия прокурора в правотворческой деятельности является приказ Генпрокурора

---

[1] Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 N 2202-1 (с учетом поправок, внесенных Федеральным законом от 22.12.2014 № 427-ФЗ), // Правовой банк данных СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 16.05.2015).

[2] Федеральный закон "О международных договорах Российской Федерации" от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014), // Правовой банк данных СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 16.05.2015).

[3] Приказ Генпрокуратуры РФ от 17.09.2007 N 144 (ред. от 06.02.2013) "О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления "// Правовой банк данных СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 16.05.2015).

№ 243 "Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления". В соответствии с этим приказом прокурорам субъектов РФ устанавливается: обеспечить эффективное участие органов прокуратуры в законотворческой деятельности, в субъектах Российской Федерации, в которых прокуратура не обладает правом законодательной (нормотворческой) инициативы, ставить вопрос о предоставлении прокурорам такого права конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований, Принять меры по активизации правотворческой работы в прокуратурах городов и районов, Обеспечить получение исчерпывающей информации о планах законопроектной работы законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, при необходимости вносить предложения о корректировке таких планов, инициируя рассмотрение актуальных вопросов борьбы с преступностью, коррупцией, защиты прав и свобод граждан, инициировать разработку и принятие законодательных актов субъектов Российской Федерации, предусмотренных принятыми федеральными законами, в ходе подготовки заключений по рассматриваемым в прокуратуре субъекта Российской Федерации проектам законов полнее использовать информацию о правоприменительной практике, свидетельствующую о целесообразности или нецелесообразности изменения или дополнения действующего законодательства[1].

Подводя итог, можно сказать, что участие в правотворческой деятельности органов прокуратуры в силу ст. 104 Конституции Российской Федерации[2] имеет предупредительный критерий, так как «возможные» нарушения закона могут быть устранены на этапе разработки и принятия нормативных правовых актов. Не обладая правом законодательной инициативы, прокуратура является необходимым участником формирования системы нормативно-правовых актов Российской Федерации, правотворчество невозможно без организационного обеспечения (привлечения специалистов по различным отраслям права), а также участия различных правоохранительных органов по направлениям деятельности, где организационное обеспечение должно выражаться в планировании, координации и контроле.

Коробко К.И.
к.ю.н. заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
Ноговицин И.В.
студент юридического института
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Вопрос правового регулирования отдельных аспектов похоронной деятельности в Российской Федерации в настоящее время является весьма актуальным. Оборот в сфере

---

[1] Приказ Генпрокуратуры РФ от 24.11.2008 N 243 "Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления "// Правовой банк данных СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 16.05.2015).

[2] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 // Правовой банк данных СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 16.05.2015).

ритуальных услуг составляет 70 млрд. рублей в год[1]. Число умерших в Российской Федерации неуклонно растет. Так, в 2012 году в России умерло 1 898 836 человек, в 2013 году – умерло 1 878 269 человек, в 2014 году – 1 907 361человек[2].

Сфера похоронного обслуживания обеспечивает комплексную последовательность действий: по организации и оформлению церемоний захоронения и перезахоронения; по предоставлению специализированных услуг (транспортные услуги, бальзамирование, санитарная и косметическая обработка трупа); по изготовлению гробов, установки надгробных сооружений, организации необходимых религиозных обрядов; по содержанию мест погребения, уходу за могилой; по информационной поддержке[3].

Необходимо разграничивать применение договора возмездного оказания услуг и договора бытового подряда в рассматриваемой сфере. В основе такого различия лежит предмет договора. По мнению Набиева Р.Г., к предмету первого договора относится оказание следующих услуг: услуги агента похоронной организации, подача в газету некролога, извещение родственников, санитарно-гигиенический туалет тела, бальзамирование, подготовка зала для проведения прощания с умершим, поминок, услуги по захоронению, услуги крематориев, услуги по уходу за могильными участками[4]. К предмету же второго договора относится изготовление могильных памятников, крестов, венков и других принадлежностей. По мнению указанного автора, прокат ритуальных принадлежностей является самостоятельным договорным отношением и оформляется договором проката.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение субъектами возложенных на них обязанностей, а также злоупотребление правом, влечет для них наступление ответственности.

Гражданско-правовая ответственность исполнителей ритуальных услуг за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей по договору предусмотрена гражданским законодательством. Необходимо отметить, что в сфере оказания ритуальных услуг действуют нормы Закона «О защите прав потребителей»[5]. Согласно статье 10 указанного Закона, на исполнителя возлагается обязанность по своевременному и достоверному информированию потребителей об оказываемых услугах. Согласно пунктам 3 и 4 Постановления Правительства РФ от 15 августа 1997 г. № 1025 «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации», содержательная часть информирования должна включать в себя следующие элементы: перечень оказываемых услуг и форм их предоставления, сроки их выполнения, лицо, которое будет оказывать данные услуги (если это имеет значение), наименование стандартов, которым обязаны соответствовать данные услуги, сроки гарантии, если они предусмотрены, стоимость каждой из оказываемой услуг в целом и цены на материалы и информация о форме и порядке оплаты[6]. Данные сведения

---

[1] III Северо-Западный форум специалистов похоронного дела [Электронный ресурс]: информ. портал. – Режим доступа: //http://www.funeralassociation.ru/ru/newspaper/archives/7114/7102/. (дата обращения 20.05.2015г.)

[2] Федеральная служба государственной статистики. Естественное движение населения в разрезе субъектов российской федерации [Электронный ресурс]: правов. портал. – Режим доступа: //http://www.gks.ru. (дата обращения 20.05.2015г.)

[3] Елютина М.Э., Филиппова, С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения [Текст] / М.Э. Елютина, С.В. Филиппова //Социологические исследования. – 2010. №9. С. 86-88.

[4] Набиев Р.Г. Предмет договора возмездного оказания ритуальных услуг [Текст] / Р.Г. Набиев //«Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. №1. С. 12-13.

[5] О защите прав потребителей [Текст] закон от 07.02.1992 N 2300-1// Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

[6] Об утверждении Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации [Текст]: Постановление Правительства РФ от 15 августа 1997 г. N 1025// Собрание законодательства РФ. 1997. № 34. Ст. 3979.

должны быть оформлены на русском языке и располагаться в зоне, удобной для просмотра потребителем[1].

В статьях 723, 783 Гражданского кодекса Российской Федерации указывается, что в случаях, когда исполнитель оказал услугу заказчику с отступлениями от соответствующего договора, которые делают результат услуги в целом непригодным для заказчика, то последнему предоставляется выбор по требованиям к исполнителю[2]. Исполнитель обязан безвозмездно устранить недостатки в разумные сроки, либо соразмерно уменьшить стоимость услуг, либо, если в договоре предусмотрено, возместить заказчику расходы, связанные с устранением недостатков. Если указанные недостатки не были устранены исполнителем в установленные заказчиком разумные сроки, а равно недостатки являются существенные и не подлежат устранению, то последний в праве расторгнуть договор в одностороннем порядке и потребовать возмещения убытков, вызванных ненадлежащим исполнением или неисполнением своих обязанностей исполнителем. Если же такие нарушения выявлены, а исполнитель их не признает и отказывается устранять недостатки, то потребитель в праве обратиться с претензией к нему и (или) в суд за защитой своих прав.

Приведем пример реализации заказчиком своих прав в случае ненадлежащего оказания исполнителем похоронных услуг. Так, согласно решению № 2-984/2014 мирового судьи 239 судебного участка Серпуховского судебного района Московской области от 29.09.2014 года следует, что с иском к ИП Новикова Е.С. обратились граждане Петросян К.В., Петросян В.В. По мнению истца, ответчик ненадлежащим образом выполнил взятые на себя обязанности по предоставлению ритуальных услуг по договору от 11.08.2013г. а именно: тело родственника истцов не было помещено в морг и в течение длительного времени находилось в неподходящих в условиях, что привело к гнилостным реакциям. Ответчик полностью отрицал предъявленные к нему исковые требования и ссылался на то, что полностью выполнил свои обязательства, а необратимые последствия наступили не по его вине. Суд, исследовав все доказательства по делу, пришел к выводу, что в данном случае были нарушены права потребителей ненадлежащим исполнением обязанностей со стороны похоронной организации[3].

Хозяйствующие субъекты могут нарушать законодательство, как в отношении потребителей, так и в отношении других хозяйствующих субъектов похоронной сферы. В данном случае имеет место нарушение антимонопольного законодательства. О большом количестве нарушений антимонопольного законодательства в рассматриваемой сфере свидетельствуют следующие статистические данные. По результатам проверок в 2013 году в 61 субъекте на территории 390 муниципальных образований выявлены нарушения антимонопольного законодательства в сфере похоронного обслуживания населения. Возбуждено свыше 240 дел о его нарушении[4].

Государство с помощью антимонопольного законодательства контролирует хозяйствующих субъектов, которые занимают доминирующую позицию на рынке, следит за

---

[1] Об утверждении Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации [Текст]: Постановление Правительства РФ от 15 августа 1997 г. N 1025// Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 34. – ст. 3979.

[2] Гражданский кодекс [Текст]: часть вторая РФ от 26 января 1996 г. №14-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №5. – Ст. 410.

[3] Решение № 2-984/2014 мирового судьи 239 судебного участка серпуховского судебного района Московской области от 29.09.2014 года [Электронный ресурс]: 239 мировой судебный участок серпуховского судебного района. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-239-mirovogo-sudi-serpuxovskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-215477818/ (дата обращения 20.05.2015г.)

[4] Федоренко М.В. МУПы и ГУПы в роли монополистов [Текст] /М.В. Федоренко //Российское конкурентное право и экономика. 2014. №3. С. 43-44.

ценообразованием в соответствующей отрасли, а также осуществляет защиту интересов потребителей[1]. Основополагающие начала антимонопольного законодательства содержаться в статьях 8, 34 Конституции Российской Федерации, где указывается, что в Российской Федерации гарантируется поддержка конкуренции, а также не допускается экономическая деятельность, которая признается монопольной или направленной на ограничение конкуренции.

В качестве примера антимонопольного регулирования в рассматриваемой сфере можно привести следующее дело. Областной суд г. Пензы пересмотрел в порядке апелляционного производства решение Железнодорожного районного суда г. Пензы 12-229/2013 от 26 декабря 2013 г. по факту обжалования постановления Управления Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области о привлечении к административной ответственности в виде штрафа в размере 20 тысяч рублей директора МУП «Специализированное бюро ритуальных услуг» за заключение ограничивающего конкуренцию соглашения. Областной суд оставил жалобу без удовлетворения, посчитав правильными выводы районного суда, которым установлено, что между администрацией г. Н. Ломов и МУП «Специализированное бюро ритуальных услуг» (далее по тексту МУП) был заключён договор субаренды земельного участка (для размещения кладбища). Из положений этого договора следует, что администрация города наделена правом передавать земельный участок в субаренду гражданам и юридическим лицам с согласия арендатора - МУПа, что свидетельствует о преимущественном положении «Специализированное бюро ритуальных услуг» по отношению к другим хозяйствующим субъектам, занимающихся аналогичной деятельностью, которых на территории г.Н.Ломов две. Одной из них администрация города не предоставила ответа на обращение о разрешение оказывать ритуальные услуги (рытье могил, захоронение умерших) на территории городского кладбища. При этом МУП направило руководителю организации письмо, в котором указано, что рытье могил и пронос по кладбищу с 1 апреля 2013 г. осуществляет МУП «Специализированное бюро ритуальных услуг». Следовательно, преимущественное положение МУПа по сравнению с другими фирмами по организации похорон, приводит или может привести к ограничению доступа их на данный товарный рынок[2].

Подводя итог проведенного исследования, можно отметить, что в сфере оказания ритуальных услуг выявляется недостаточный контроль со стороны государства. Данная проблема стала назревать после отмены лицензирования в этой сфере в 2002 году. Так, только в Москве после отмены лицензирования по 2013 год количество зарегистрированных похоронных компаний увеличилось с 20 до 550. По нашему мнению, решение данной проблемы видится в возвращении лицензирования деятельности похоронных организаций, что ужесточит правила работы на данном рынке и сбалансирует его.

---

[1] Грачев Р. Ю. Особенности антимонопольного регулирования рынка ритуальных [Текст] / Р.Ю. Грачев // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. Пермь, 2012. №1. С. 105-106.

[2] Дело № 12-231/14// Архив Пензенского областного суда. 2014. Дело №12-231/14. (дата обращения 20.05.2015г.)

Костюков А.В.
д.э.н., профессор,
Управляющий ГУ - Отделением Пенсионного фонда РФ по Новгородской области

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Пенсионное обеспечение является реализацией социальных прав граждан России, закреплённых в действующей российской Конституции[1], и прямо вытекает из характеристики Российской Федерации как социального государства. Решение проблем пенсионного обеспечения граждан является важной правовой и социально-экономической задачей, оказывающей значительное влияние на регулирование различных сфер жизнедеятельности, таких как государственные и частные финансы, бюджетный процесс, деятельность коммерческих и государственных (муниципальных) организаций, социально-трудовые отношения.

В Новгородской области по состоянию на 1 января 2015 года проживало 203,5 тысяч пенсионеров, из них получателями страховых пенсий являлись более 188,8 тысяч человек или 93%, получателями пенсий по государственному пенсионному обеспечению - около 14,7 тысяч человек или 7%.

В целом, в последние годы в области отмечается небольшой, но устойчивый рост числа пенсионеров при снижении численности экономически активного населения области. Так, в 2011 году на территории Новгородской области проживало 201,2 тыс. пенсионеров при 226,6 тыс. человек среднегодовой численности наемных работников в организациях всех форм собственности. В 2014 году численность пенсионеров составила уже 203,0 тыс. человек, наемных работников - 217,6 тыс. чел. Согласно прогноза Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Новгородской области, в 2015 году в области будет 204,1 тыс. пенсионеров и 215,9 тыс. наемных работников.

Проведенные актуарные расчеты позволяют сделать вывод о сохранении данной тенденции в среднесрочной и долгосрочной перспективе, что приведет к выравниванию численности пенсионеров и занятых в реальном секторе экономике наемных работников уже к 2020 году. Реализация данного сценария приведет к усилению дотационности пенсионного обеспечения граждан на территории области, особенно учитывая темпы индексации пенсионных и социальных выплат.

Так, с 1 февраля 2015 года в соответствии с постановлениями Правительства Российской Федерации от 23.01.2015 № 39[2], № 40[3] произведено увеличение страховых пенсий и фиксированной выплаты к страховым пенсиям на 11,4%. Коэффициент повышения соответствует индексу роста потребительских цен за 2014 год. В результате индексации средний размер страховой пенсии увеличился на 1225 рублей и составил 12152 рубля, страховой пенсии

---

[1] Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года. М.: Ось-89, 2007.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 23.01.2015 № 39 «Об утверждении индекса роста потребительских цен за 2014 год для установления стоимости одного пенсионного коэффициента с 1 февраля 2015 г.» // Информационная система «Гарант».

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 23.01.2015 № 40 «Об утверждении коэффициента индексации с 1 февраля 2015 г. размера фиксированной выплаты к страховой пенсии» // Информационная система «Гарант».

по старости - на 1275 рублей и составил 12646 рублей. Фиксированная выплата к страховой пенсии подросла на 448 рублей 59 копеек и составила 4383 рубля 59 копеек.

В последние несколько лет особое внимание в общественных дискуссиях и в работе федеральных органов законодательной и исполнительной власти занимает проблема формирования пенсионных накоплений граждан.

С 2012 года пенсионерам, имеющим сумму средств накоплений, производятся выплаты накопительной части трудовой пенсии по старости (с 1 января 2015 года - накопительной пенсии[1]), срочной пенсионной либо единовременной выплаты. Правом на установление единовременной выплаты средств пенсионных накоплений в 2014 году воспользовались 6,5 тысяч пенсионеров, получив в среднем по 7175 рублей. Всего за 2012-2014 гг. единовременную выплату получили более 20,2 тысяч пенсионеров области.

Кроме того, органами ПФР проводится работа по выплате средств пенсионных накоплений правопреемникам умерших застрахованных лиц. В 2014 году Отделением принято 1,9 тысяч решений о выплатах правопреемникам. На указанные цели направлено порядка 18,3 млн. рублей. Средний размер выплаты по одному лицевому счету в 2014 году составил 16,6 тысяч рублей (максимальный размер - 323,4 тысячи рублей).

В 2014 году застрахованные лица продолжили реализацию своих прав при формировании средств пенсионных накоплений. В течение года в органы ПФР области поступило 8,9 тысяч заявлений граждан о выборе страховщика по обязательному пенсионному страхованию. Из них большая часть 5,2 тысячи (58%) - о переходе застрахованного лица из государственного пенсионного фонда в различные негосударственные пенсионные фонды. Около 2,5 тысяч человек (28%) представили заявления о смене одного НПФ на другой; 801 человек (9%) принял решение о переходе из НПФ обратно в ПФР и 493 человека (5%) обратилось с заявлениями о выборе управляющей компании (инвестиционного портфеля). Всего за время действия законодательства, позволяющего гражданам формировать свои накопления на будущую пенсию, в течение 2002-2014 гг. в регионе поступило более 141,5 тысяч заявлений о выборе страховщика.

Согласно действующего законодательства, в случае, если общая сумма материального обеспечения пенсионера не достигает величины прожиточного минимума пенсионера в регионе, установленной областным законодательством для определения размера федеральной социальной доплаты к пенсии (в 2014 году - 6120 рублей, в 2015 году - 6822 рубля (+11,5% к 2014 году)), и он не осуществляет трудовой деятельности, ему выплачивается ФСД к пенсии до прожиточного минимума.

По состоянию на 1 февраля 2015 года получателями ФСД в Новгородской области являются 14 798 человек, что на 105 человек больше, чем на 1 января 2015 года.

Федеральным законодательством предусмотрено осуществление гражданам из числа ветеранов, инвалидов и лиц, пострадавших от техногенных катастроф, осуществление ежемесячной денежной выплаты, при сохранении права на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг, включающего лекарственную, санаторно-курортную и транспортную услуги. Получателями ЕДВ по состоянию на 1 февраля 2015 года являются 85,4 тысяч человек.

Средний размер назначенных гражданам ЕДВ составляет 2063 рубля. В размере ЕДВ граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи, учтена стоимость НСУ - 881,63 рубля.

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2013 № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» // СПС «КонсультантПлюс».

С учетом вновь принятых и пролонгирования действия заявлений, поступивших в предыдущие периоды, 69% граждан (58,7 тысяч человек) от общей численности получателей государственной социальной помощи предпочли в 2015 году получать денежный эквивалент НСУ, а 31% (26,7 тысяч человек) - пользоваться одной или несколькими социальными услугами в натуральной форме. Это соответствует аналогичным показателям 2014 года и свидетельствует о сохранении тенденции предпочтения гражданами пользоваться денежным эквивалентом социальных услуг (услуги).

В целях реализации законодательства об оказании государственных и муниципальных услуг[1] 30 октября 2014 года подписано Соглашение о взаимодействии между Отделением и МФЦ[2], в соответствии с которым с 01.01.2015 года по принципу «одного окна» предоставляется 14 государственных услуг ПФР. В 2014 году через МФЦ жителям Новгородской области оказано 8339 государственных услуг.

В соответствие с Федеральным законом от 30.04.2008 №56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений»[3] на 1 января 2015 года в органы ПФР поступило 64,8 тысячи заявлений о добровольном вступлении в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию для уплаты дополнительных страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии. К 1 февраля 2015 года определился круг застрахованных лиц - «реальных» участников Программы, которые своевременно подали заявления и произвели платеж ДСВ. На территории Новгородской области таких граждан лишь 11,6% от общего числа подавших заявления или 7526 человек, из которых 5795 человек (77%) - лица трудоспособного возраста и 1731 человек (23%) - пенсионеры.

На 1 января 2015 года на учете в органах ПФР области состоит 34,9 тысячи страхователей, из них 15,7 тысяч из числа самозанятого населения, и 19,2 тысяч работодателей, из которых порядка 15 тысяч ежеквартально представляют отчетность по начисленным и уплаченным страховым взносам.

Общая сумма задолженности по страховым взносам на обязательное пенсионное и медицинское страхование за 2014 год сократилась на 13,5 млн. рублей или на 1,6% и к 01.01.2015 составила 1024,3 млн. рублей, в том числе на ОПС - 825,9 млн. рублей.

Реализуя свои полномочия[4], в 2014 году Отделение ПФР по Новгородской области усилило работу, направленную на увеличение собираемости страховых взносов и сокращение просроченной задолженности. Так, за 2014 год проведено 429 выездных проверок, в ходе которых выявлены нарушения по 190 плательщикам, доначислено страховых взносов, пени и штрафов на сумму более 29 млн. рублей (в том числе по ОПС - 16,9 млн. рублей); - 5 комиссий по финансовому оздоровлению сельхозтоваропроизводителей в Отделении; - 144 комиссии по вопросам погашения задолженности в Администрациях районов; 87 комиссий по легализации заработной платы в межрайонных инспекциях ФНС России; - 150 выездов в организации и на сходы граждан; 187 материалов размещено в СМИ. Застрахованным лицам, страхователям и

---

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Интернет портал «Пенсионный фонд Российской Федерации». URL: http://www.pfrf.ru/

[3] Федеральный закон от 30.04.2008 № 56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» // Информационная система «Гарант».

[4] Федеральный закон от 24 июля 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» // Информационная система «Гарант».

руководителям организаций-должников направлено 4756 информационных писем и уведомлений по вопросам уплаты страховых взносов.

В результате перечисленных мероприятий доля задолженности на обязательное пенсионное страхование работников в сумме начислений страховых взносов за 2014 год сократилась с 2,2% до 1,67%, а темп роста сбора страховых взносов сложился на уровне 104%.

За 2014 год в доходную часть Отделения поступило 12,6 млрд. рублей. На 2015 год плановый показатель по сбору страховых взносов доведен на уровне 14,1 млрд. рублей, с увеличением к сумме фактических поступлений 2014 года на 1,5 млрд. рублей или на 11,8%.

На пенсионное обеспечение граждан в регионе в 2014 году Отделением было направлено 29 млрд. рублей. В 2015 году запланировано увеличение указанных расходов до 32,3 млрд. рублей (на 3,3 млрд. рублей или на 11,5%). Основную часть расходов - 28,9 млрд. рублей (92%) составят выплаты пенсий. Порядка 2,3 млрд. рублей предусмотрено для дополнительной социальной поддержки (ЕДВ, ДЕМО, ДМО) отдельных категорий граждан: ветеранов, инвалидов и др.

По причине значительного превышения суммы расходов над возможными налоговыми доходами Отделения, обеспеченность выплаты страховых пенсий собственными средствами в 2015 году планируется на уровне 52,5%, а дотация из федерального центра достигнет 18,2 млрд. рублей.

В целом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования регулирования вопросов пенсионного и социального обеспечения пожилых граждан.

Костюкова А.В.
к.и.н., директор Новгородского филиала
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

НОВЕЛЛЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 2014 году, прошедшим под знаком 150-летия российского земства, был законодательно оформлен новый этап муниципального строительства в Российской Федерации. Его базовым законом стал Федеральный закон от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1]. Затем были приняты Федеральный закон от 23 июня 2014 года № 165-ФЗ[2], Федеральные законы № 382-ФЗ[3] и № 383-ФЗ[1], которыми были

---

[1] Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российская газета», № 121, 30.05.2014.

[2] Федеральный закон от 23.06.2014 № 165-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 29.11.2014 № 382-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

внесены соответствующие изменения в Налоговый и Бюджетный кодексы, Федеральный закон от 29 декабря 2014 года № 485-ФЗ[2], который уточнил институт перераспределения полномочий между региональным и местным уровнями власти. В 2015 году был принят Федеральный закон № 8-ФЗ[3], которым были введены еще два (к имеющимся трем) способа избрания главы муниципального образования.

Политико-правовой основой очередного этапа муниципальной реформы стали позиции и предложения муниципальных руководителей и экспертов, политическая воля Президента Российской Федерации Владимира Путина, изложенная им в Послании Федеральному Собранию в декабре 2013 года.

Концептуальной основой нового этапа муниципального строительства явилось существенное повышение роли субъектов Российской Федерации в организации местного самоуправления на своих территориях, что отвечает природе и правовым основам федеративного государства. При этом все правовые новеллы могут быть условно разделены на несколько направлений.

Федеральный закон № 136-ФЗ предусмотрел возможность создания законами субъектов Российской Федерации двух новых видов муниципальных образований - городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов.

Предполагается, что на региональном уровне решение о проведении такого преобразования будет приниматься органами государственной власти субъектов Российской Федерации с учетом мнения населения городского округа только в тех случаях, когда для этого возникнет объективная необходимость, в том числе политические, финансовые и социально-экономические предпосылки.

В своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 года Президент Российской Федерации подчеркнул, «местная власть должна быть устроена так - а ведь это самая близкая власть к людям, - чтобы любой гражданин, образно говоря, мог дотянуться до нее рукой»[4]. Исходя из этого, новеллы Федерального закона № 136-ФЗ не только не изменили принципов территориальной организации местного самоуправления, напротив, утвердили конституционный принцип территориальной организации местного самоуправления «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций» (ч. 1 ст. 131 Конституции РФ)[5], а в части установления возможности образования в городских округах внутригородских районов как муниципальных образований, делающих местное самоуправление в больших городах реальностью, эти принципы были укреплены.

Федеральный закон № 136-ФЗ передал значительное число вопросов местного значения от сельских поселений муниципальным районам, поскольку органы местного самоуправления подавляющего большинства сельских поселений не могли эффективно решать многие вопросы

---

[1] Федеральный закон от 03.12.2011 № 383-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 29.12.2014 № 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 03.02.2015 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию / Интернет-портал «Российской газеты». URL: http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html

[5] Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года. М.: Ось-89, 2007.

местного значения в связи с отсутствием у них необходимых финансовых, материальных и кадровых ресурсов.

Решение о троекратном сокращении базового перечня вопросов местного значения для сельских поселений, направленное на укрепление местного самоуправления и улучшения качества предоставления муниципальных услуг на селе, должно обеспечить согласованность реальных возможностей органов местного самоуправления муниципальных образований решать возложенные на данный уровень власти задачи.

Отдельно следует отметить введение в законодательство нового института - перераспределение полномочий.

Федеральный закон № 136-ФЗ предоставил субъектам Российской Федерации право своими законами осуществлять перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации (за исключением ряда полномочий органов местного самоуправления, обеспечивающих конституционный принцип самостоятельности муниципальных образований). Этот институт в целом соответствует федеративной природе российского государства и, при правильном его применении, может быть эффективным инструментом оптимизации полномочий местного самоуправления с учетом региональных и местных условий.

В целях учета особенностей организации структуры органов местного самоуправления в разных субъектах Российской Федерации и оптимизации моделей местной власти применительно к конкретным региональным и местным условиям, Федеральный закон № 136-ФЗ предоставил возможность определять законами субъектов Российской Федерации способы формирования и (или) избрания представительных органов муниципальных районов, городских округов с внутригородским делением, а также способы избрания глав муниципальных образований[1].

Федеральным законом от 3 февраля 2015 года № 8-ФЗ[2] расширено число возможных способов избрания глав муниципальных образований, а также вариантов исполнения ими полномочий главы местной администрации. В частности, Федеральным законом № 8-ФЗ установлен способ избрания главы муниципального образования представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. Как показывает анализ практики правоприменения, в ряде случаев наличие в структуре органов местного самоуправления одновременно и главы муниципального образования как высшего должностного лица, и главы местной администрации может порождать конфликтные ситуации и коллизии в практике управления муниципальным образованием, сложно разрешимые в рамках уже закрепленных в законодательстве моделей муниципальной власти, что делает расширение вариативности этих моделей актуальным.

Введение в Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[3] новых способов замещения должности главы муниципального образования не ограничивает участия населения в осуществлении местного самоуправления. Вне зависимости от модели местной власти

---

[1] Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российская газета», № 121, 30.05.2014.

[2] Федеральный закон от 03.02.2015 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российская газета», № 202, 08.10.2003.

должность главы муниципального образования замещается в результате выборов, а лицо, избранное главой, приобретает статус выборного должностного лица.

Изменения в сфере местного самоуправления потребовали внесения изменений в структуру бюджетной системы Российской Федерации; перераспределения доходов между муниципальными районами и сельскими поселениями; разграничения доходов между городскими округами с внутригородским делением и внутригородскими районами; изменения принципов формирования межбюджетных отношений между субъектами Российской Федерации, муниципальными районами, городскими округами, городскими округами с внутригородским делением, городскими, сельскими поселениями; установления бюджетных отношений между субъектами Российской Федерации и городскими округами с внутригородским делением и внутригородскими районами, а также между городскими округами с внутригородским делением и внутригородскими районами.

Опыт реализации федерального законодательства в данной сфере показывает необходимость осуществлять дальнейшее совершенствование правовой основы с целью повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации.

Костюкова П.А.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Как неоднократно отмечалось в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, важнейшее влияние на развитие и укрепление новой государственности России в предстоящие годы будут оказывать процессы, связанные с реформой местного самоуправления. От ее успешного проведения во многом зависит эффективное функционирование всех уровней и структур власти в Российской Федерации. Местное самоуправление и управление в России имеет свои особенности на различных этапах ее истории. Обращаясь к истории Российского государства, мы можем проследить основные этапы становления и развития самоуправления в России для учета и дальнейшего использования исторического опыта при определении и уточнении целей и задач, которые должны быть решены государством и обществом.

Изучение реформирования местного самоуправления в России в современный период развития страны - необходимое условие для формирования эффективной и современной модели местного управления.

Серьезные государственные изменения, начавшиеся в СССР и РСФСР после 1985 года, затронули и систему местной власти. Таким образом, можно выделить несколько этапов реформирования местного самоуправления, последний из которых продолжается в настоящее время.

Первый этап пришелся на 1990-1991 гг. 9 апреля 1990 года принимается Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»[1], который, несмотря на еще «советское» понимание его авторами самой сути местного самоуправления, был серьезным

[1] Закон СССР от 09.04.1990 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» / «Свод законов СССР», т. 1, с. 267, 1990 г.

шагом вперед. Права, полномочия, ответственность, финансовая и материальная основа местного самоуправления были гарантированы законодательно. Это позволило начать на местах работу по становлению реальной системы местного самоуправления. Местное самоуправление в Законе СССР понималось как «самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения». В качестве механизма реализации самоуправления в Законе выступают местные Советы, органы территориального общественного самоуправления, а также непосредственные формы демократии - местные референдумы, собрания, сходы граждан. Одним из основных принципов местного самоуправления определялось сочетание местных и государственных интересов в деятельности Советов.

Второй этап реформы - с 1991 года по 1993 год. 24 мая 1991 года Съездом народных депутатов РСФСР был принят Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР в связи с реформой местного самоуправления»[1]. Вслед за ним принимается Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР»[2], менее демократичный, чем союзный закон, но более точно отражающий реальное состояние дел в области местного самоуправления. К его достоинствам можно отнести большую практическую применимость и возможность использования напрямую, без дополнительных нормативных актов, что позволило более четко структурировать систему органов местного самоуправления.

Третий этап (1993-1995 гг.) осуществлялся в сложных условиях противостояния законодательной и исполнительной властей. Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 1993 года «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления»[3] были ликвидированы районные, поселковые и сельские Советы, а их функции передавались соответствующим местным администрациям.

Следующим Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 года «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации»[4] было утверждено Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы. Положение устанавливало выборность органов местного самоуправления всех уровней, вводило институт главы местного самоуправления. Определялась исключительная компетенция представительных органов местного самоуправления, органам местного самоуправления предоставлялось право самим определять свою структуру.

Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 года «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации»[5] изменял концепцию организации местной власти. Этим Указом решался вопрос о муниципальной собственности и о судебной защите прав муниципальных образований.

Завершением третьего этапа реформы местного самоуправления в Российской Федерации стало принятие 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации, которая определила роль местного самоуправления.

---

1 Закон РСФСР от 24.05.1991 № 1329-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР в связи с реформой местного самоуправления» / «Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР», 1991, № 22, ст. 778.

2 Закон РСФСР от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» / «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 18.07.1991, № 29, ст. 1010.

3 Указ Президента РФ от 09.10.1993 № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российская газета», № 190, 12.10.1993.

4 Указ Президента РФ от 26.10.1993 № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российские вести», № 210, 29.10.1993.

5 Указ Президента РФ от 22.12.1993 № 2265 «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российская газета», № 237, 25.12.1993.

Конституция Российской Федерации закрепила местное самоуправление в качестве основы конституционного строя Российской Федерации, что само по себе имело важнейшее значение для дальнейшего его развития. Впервые на конституционном уровне предусматривалась самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий и организационная обособленность органов местного самоуправления от системы органов государственной власти. С 1994 года началась реализация конституционных положений о местном самоуправлении.

Четвертый этап реформы местного самоуправления осуществлялся в 1995-2003 гг. 28 августа 1995 года был принят Федеральный закон № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1]. После его принятия началось возрождение местного самоуправления в России. На его основе сложилась новая организационно-территориальная структура местного самоуправления, представляющая симбиоз общественной и государственной теорий местного самоуправления. Органы местного самоуправления наделены публично-властными полномочиями (государственная теория), но не рассматриваются как органы государственной власти и не находятся в их прямом подчинении (общественная теория).

В 2000-2003 гг. в стране была проделана большая работа по изучению проблем реализации Федерального закона от 28.08.1995 № 154-ФЗ.

Начальной точкой пятого этапа (2003-2009 гг.) стало внесение Президентом Российской Федерации в Государственную Думу проекта нового Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2] окончательно был принят 6 октября 2003 года. Масштабность законодательно закрепленных изменений заставляет говорить о проведении очередной реформы местного самоуправления. Видимо, именно масштабность подтолкнула разработчиков не ограничиваться подготовкой новой редакции Федерального закона от 28.08.1995 № 154-ФЗ, а принять вместо него новый закон с тем же названием. Масштабность перемен, предусмотренных Федеральным закон № 131-ФЗ, потребовала ввести переходный период (вначале до 1 января 2006 года, затем - до 1 января 2009 года), в течение которого наряду с новым законом продолжал действовать Федерального закона № 154-ФЗ.

В результате реформы местного самоуправления впервые в нашей современной истории публичная власть начинает полноценно работать на самом близком к населению уровне - в масштабах сельских и городских поселений. Сейчас уже можно говорить, что поселенческие органы местного самоуправления заработали и приняли на себя ключевые функции по непосредственному обеспечению жизнедеятельности людей на местах.

Шестой этап муниципальной реформы начался в 2009 году с завершением переходного периода и знаменует собой новый виток в развитии системы публичной местной власти в России.

С 2009 года в регионах Российской Федерации принимались целевые программы государственной поддержки развития местного самоуправления, осуществлялась оптимизация территориальных основ местного самоуправления, происходило объединение муниципалитетов.

Для более успешного развития местного самоуправления в Российской Федерации были необходимы дальнейшие шаги со стороны федеральной и региональной властей.

---

[1] Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российская газета», № 170, 01.09.1995.

[2] Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российская газета», № 202, 08.10.2003.

Таким шагом стало принятие Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1]. По словам депутатов Государственной Думы, закон стал результатом большой экспертной работы и знаменует новый этап муниципального строительства.

Все изменения закона можно разделить на 3 раздела: изменение принципов формирования органов местного самоуправления; изменение территориальных основ местного самоуправления; изменение компетенции муниципальных районов и сельских поселений по решению вопросов местного значения, расширение полномочий субъектов Российской Федерации по определению пределов компетенции муниципальных образований.

К одной из причин принятия Федерального закона № 136-ФЗ депутат Государственной Думы Виктор Борисович Кидяев отнес тот факт, что региональная власть изменилась, стала более зрелой и ответственной, поэтому законом ей даются широкие права: «Вариативность, многообразие форм - это и есть признаки истинного федерализма»[2].

Местное самоуправление несет большую функциональную нагрузку: укрепляет основы демократии, создает условия для обеспечения жизненных интересов населения, стабилизирует политическую систему, является важным механизмом обеспечения единства страны. Именно развитый институт местного самоуправления может стать одним из наиболее надежных гарантий обеспечения эффективности системы власти в России.

Красножон О.В.
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России
Научный руководитель: *профессор Н.С. Нижник*

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ – ПУТЬ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Проблема деформации правового сознания в виде правового нигилизма была и остается актуальной в условиях поиска путей построения демократического правового государства. Развитое положительное общественное и индивидуальное правосознание является одним из непременных условий для нормального функционирования правового государства. Как зафиксировано в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г., главными задачами на пути развития правового государства, формирования гражданского общества и укрепления национального согласия в России являются «формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного

---

[1] Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ (ред. от 03.02.2015) «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / «Российская газета», № 121, 30.05.2014.

[2] Семинар-совещание с председателями законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресур] // Газета «Местное самоуправление» № 5 (286) май 2014. URL: http://emsu.ru/lg/pdf/msu-1405.pdf

уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности, а также преодоление правового нигилизма в обществе»[1].

Большинство людей на протяжении всей жизни получают правовую информацию в образовательных и культурных учреждениях, приобретают необходимые в ходе профессиональной деятельности правовые знания, знакомятся с интересующей информацией правового характера в средствах массовой информации, литературе, периодических изданиях, черпают ее из Интернета, консультаций с юристами, да и просто обмениваются правовыми знаниями друг с другом по какому-либо ставшему актуальным вопросу. Но большей частью эта правовая информация остается в сознании разрозненной, несистематизированной, не до конца осмысленной, и, самое главное, трудно применимой на практике в каждой конкретной ситуации.

Сегодня известно, что незнание закона усложняет разрешение требующих правового урегулирования проблем и не освобождает от ответственности[2]. Формула римских юристов «ignorantia juris neminem excusat» действует и в современных условиях – незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. В Средние века многие законы, особенно нормы уголовного процесса, держались в тайне, чтобы не дать обвиняемому возможности воспрепятствовать процессу, и лишь некоторые указы обнародовались. Оглашение указов на городских площадях, рынках при большом стечении народа[3] не давало никакой гарантии, что данный указ был доведен до всего населения, и, тем более что все его правильно поняли. В наше время имеет место официальное опубликование нормативного правового акта в официальном источнике. И тут как раз возникает вопрос о «презумпции знания законов», которая подразумевает, что «надлежащим образом опубликованный закон известен всем и с момента вступления его в силу подлежит соблюдению всеми. Никто не может отговариваться незнанием закона»[4].

То есть получается, что в отношении опубликованных нормативных правовых актов их незнание, в принципе, не оправдывает нарушителя, если только презумпция знания законов не будет опровергнута судом, который решает вопрос в каждом конкретном случае в зависимости от личности обвиняемого и конкретных обстоятельств дела. Здесь стоит отметить, что не только на практике, но и в теории были случаи отхода от «презумпции знания законов». Так, например, в соответствии с Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.[5] и УК РСФСР 1926 г.[6] незнание закона не оправдывало нарушителя, но могло привести к смягчению наказания – п. «з» ст. 32 Основ и п. «з» ст. 48 УК РСФСР предусматривали в качестве смягчающего обстоятельства «невежество», к которому могло быть отнесено и невежество правовое. В принятых в 1958 г. Основах уголовного законодательства

---

1 Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.

2 Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 34.

3 Там же.

4 Там же. С. 35–36.

5 Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик, утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. (утратили силу в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 апреля 1959 г.) // Собрание Законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 204.

6 Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года, утв. Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (утратил силу в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 марта 1961 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

Союза ССР и союзных республик[1] (ст. 33) и УК РСФСР 1960 г.[2] (с. 38) данный пункт отсутствовал среди смягчающих обстоятельств, и это было вполне объяснимо – в стране сплошной грамотности не могло и речи идти о правовом невежестве.

Однако отход после распада советского государства от социалистических принципов права и отказ от авторитарных методов управления, попытка построения правового государства и гражданского общества вскрыли правовое невежество российских граждан: «Юридический нигилизм при востребованном праве оказался куда более заметным, чем при праве невостребованном»[3]. Низкий уровень правовой культуры россиян и пренебрежение к праву, бывшее фактически общепринятой позицией на протяжении десятилетий, поставили как первоочередной вопрос о необходимости в юридическом всеобуче[4], целью которого могла бы стать подготовка граждан к активному участию в правовой жизни гражданского общества.

Право на правовое просвещение является составной частью права на образование, которое гарантировано каждому Конституцией Российской Федерации (ст. 43), так же, как и право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48).

В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г., изложены принципы, основные направления и содержание государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. В частности, в указанном документе определено, что основными целями государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан являются: 1) формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма; 2) повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности; 3) создание системы стимулов к законопослушанию как основной модели социального поведения; 4) внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм[5].

На развитие в обществе правовой модели поведения граждан, преодоление правового нигилизма, поддержание устойчивого уважения к закону и повышение доверия к правосудию нацелена Государственная программа Российской Федерации «Юстиция», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 (на 2013–2020 гг., общим объемом финансирования 2378,6 млрд. руб.)[6] По мнению министра юстиции Российской Федерации А. В. Коновалова, «основной проблемой рынка оказания юридических услуг является недостаточно высокий уровень профессионализма юристов и отсутствие

---

[1] Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. (утратили силу в связи с принятием Постановления Верховного Совета СССР от 2 июля 1991 г. № 2282-1) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

[2] Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (с изменениями и дополнениями) (утратил силу с 1 января 1997 г. в связи с принятием Федеральным законом от 13 июня.1996 г. № 64-ФЗ Уголовного Кодекса РФ) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[3] Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52.

[4] Юридический всеобуч – система публичных и иных институтов, обеспечивающих поэтапное, всеобщее приобщение людей к праву, воспитание у них современного правового мышления, приобщение к подлинным ценностям правовой культуры, формирование способности и готовности активно участвовать в политическом процессе (правовой жизни общества) путем эффективного использования демократических прав и свобод, добросовестного исполнения юридических обязанностей.

[5] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.

[6] См.: Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации // http://minjust.ru/ru/node/104914 (дата обращения: 27.02.2015).

гарантированных стандартов оказания услуг»[1]. Поэтому предлагается усовершенствовать регулирование в сфере адвокатуры и нотариата, в том числе требования и процедуры допуска к профессии, систему повышения квалификации, стандарты оказания юридической помощи, обеспечить большую доступность юридической помощи, включая бесплатную, что и предусмотрено в Плане реализации государственной программы Российской Федерации «Юстиция» в 2014 г. и в плановый период (2015–2016 гг.) путем разработки Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, направленной на обеспечение доступа граждан и юридических лиц на получение квалифицированной юридической помощи и подготовки проектов Федеральных законов об адвокатуре и нотариате[2].

В соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации в предусмотренных законом случаях гарантируется право на бесплатную юридическую помощь. Раскрывая это положение Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» устанавливает виды и порядок получения бесплатной юридической помощи, перечисляет категории граждан, которые могут рассчитывать на подобную помощь[3].

Но, конечно, помимо бесплатной юридической помощи отдельным категориям граждан, в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики в области правового просвещения является обеспечение доступности правовой информации для всех категорий граждан, включая развитие информационно-правовых ресурсов и обеспечение эффективного функционирования соответствующих информационно-справочных систем. В современном обществе существует несколько сотен российских Интернет-сайтов, предоставляющих бесплатную юридическую онлайн-консультацию[4].

Сегодня мы подошли к такому этапу, когда правовое просвещение населения во многом зависит не только от государственной политики, но и от инициативы на местах, и, надо сказать, что такая инициатива активно проявляется. Так, например, Общественным советом при Уполномоченном по правам человека в Хабаровском крае подготовлена «Концепция правового просвещения на период до 2020 года», в которой предлагаются следующие формы просветительской деятельности: адаптированные уроки права для школьников разных классов; специальные колонки в печатных изданиях, телепередачи, программы на радио; организация лекториев в трудовых коллективах; проведение обучающих семинаров, круглых столов; организация распространения информационных буклетов, листовок, памяток, флайеров; учреждение юридических клиник, консультаций в вузах и организациях; формирование Интернет-страниц и сайтов и другое[5].

---

[1] См.: Шестакова Е. Перспективы реализации госпрограммы «Юстиция»: возможные проблемы и варианты их решения // http://www.yust.ru/press-center/publication/135/ (дата обращения: 27.02.2015).

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 июля 2014 г. № 1197-р Москва «Об утверждении Плана реализации в 2014 году и в плановый период 2015–2016 годов государственной программы Российской Федерации «Юстиция»// Российская газета. 2014. 8 июля.

[3] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6725; Российская газета. 2011. 23 ноября.

[4] См. напр. перечень 170 сайтов, оказывающих виртуальную юридическую консультацию – https://yaca.yandex.ru/yca/cat/Business/Corporate_Services/Legal_Advice/Online_Legal_Advise/ (дата обращения: 27.02.2015).

[5] См.: Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае – http://www.pravo.khv.ru/concept (дата обращения: 27.02.2015).

Есть и другие подобные примеры[1]. И наиболее показательный пример – сайт обычной школы д. Шолохово Красносельского района Костромской области. На этом сайте в разделе «Информация для учащихся» есть подраздел «Правовой всеобуч», в рамках которого учащимся в доступной форме рассказывается о правах и обязанностях несовершеннолетних, об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и освещаются другие важные юридические вопросы[2].

Таким образом, на пути преодоления правового нигилизма государственная политика и ее реализация на местах должны быть направлены на такое качественное изменение получаемых человеком правовых знаний, которое неминуемо привело бы его к формированию системы стойких убеждений, характеризующихся признанием верховенства права и закона, пониманием необходимости следовать предписаниям законов, владением умениями и навыками реализации своих прав. Полученные в ходе правового просвещения знания должны превращаться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем – во внутреннюю потребность и привычку соблюдать правовой закон, проявлять правовую и политическую активность.

Красовская В.Д.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАРКОАНАЛИЗА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Применение наркоанализа в криминалистике является относительно новым, а потому и актуальным направлением деятельности. Наркоанализ – это метод получения от человека правдивых показаний с помощью определенных химических веществ. Он является одним из нетрадиционных методов, применяемых в криминалистике[3], который требует огромного внимания к себе и очень серьезной подготовки специалистов.

Суть применения к человеку химических препаратов заключается в том, что допрашиваемому вводят препарат, например скополамин, натрий-амитал или натрий-пентонал, после чего лицо входит в полусонное состояние. Процедура длится долго. Специалист должен контролировать состояние пациента, уловить стадию, когда можно снимать показания. После допроса, чаще всего человек не помнит, что именно он говорил. Легкая амнезия – это типичный побочный эффект для таких препаратов.

По мнению зарубежных специалистов, наркоанализ в следственной практике, в основном, должен применяться в следующих случаях:

---

[1] См. например: Программа комплексных мероприятий по правовому просвещению, повышению правовой грамотности и правосознания граждан, информированию по правовым вопросам и оказанию бесплатной юридической помощи гражданам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014 г., утвержденная Решением Президиума Совета Ханты-Мансийского регионального отделения ООО «Ассоциация юристов России» от 25 июля 2013 г. № 8; Республиканская программа «Правовое просвещение граждан в Республике Марий Эл на 2011-2013 годы», утвержденная постановлением Правительства Республики Марий Эл от 9 февраля 2011 г. № 44; Программа Нижнесалдинской городской территориальной избирательной комиссии «Повышение правовой культуры граждан, обучение организаторов и участников избирательного процесса» на 2015 год, утвержденная решением Нижнесалдинской городской территориальной избирательной комиссии от 29 января 2015 г. № 1/2.

[2] Официальный сайт МОУ Шолоховская СОШ Красносельского района Костромской области – http://sholscol.jimdo.com/ (Дата обращения: 27.02.2015).

[3] Гришина Е.П. Нетрадиционные (неклассические) формы использования специальных знаний: современное состояние и перспективы применения / Е.П. Гришина // Современное право. 2005. – № 11. – С. 45.

- для распознания симуляции при экспертизе вменяемости;

- когда допрашиваемый в силу тех или иных причин (например, вследствие перенесенного шока) не в состоянии в момент обычного допроса вспомнить интересующие следствие событие и его детали, существенные для расследования;

- для того чтобы помочь свидетелю или потерпевшему вспомнить обстоятельства связанные с преступлением[1].

Впрочем, среди ученых и криминалистов полно скептиков, которые отказываются верить в эффективность фармакологического допроса. Главный аргумент – никто не может быть уверен, в том, что человек одурманенный наркотиком говорит правду и не выдумывает что-то свое. Характерно, что показания под наркозом не принимаются судом как доказательства. Они могут быть источником ценной ориентирующей информации и способствовать формированию у следователя внутренней убежденности в виновности или невиновности допрашиваемого. Располагая такой информацией, следователь также может сосредоточить усилия на конкретном направлении расследования и собрать необходимые доказательства[2].

Мы считаем, что использование наркоанализа, несомненно, поможет решить такие задачи как:

- повысить раскрываемость тяжких и особо преступлений;

- улучшить качество расследования и уровень взаимодействия;

- помочь избежать судебных ошибок;

- уменьшить количество необоснованных обвинений, которые происходят в результате превышения должностным лицом своих властных полномочий в целях личной выгоды.

Профессионально проведенный наркоанализ поможет получить информацию о виновности или невиновности подозреваемого.

Можно сделать вывод о том, что применение такого нетрадиционного метода в криминалистике, как наркоанализ, возможно только в том случае, когда он будет основываться на достаточно прочной научной платформе, а так же иметь механизм реализации, не противоречащий действующему уголовно-процессуальному законодательству. В завершении необходимо отметить, что на сегодняшний день достаточно большое количество стран, в том числе и развитых, с целью борьбы с преступностью используют нетрадиционные методы, и даже некоторые из них применяются достаточно серьезно и имеют свою формальную форму выражения. Современным ученым необходимо продолжить исследования в этой сфере, что бы дать возможность и в нашей стране получить соответствующее признания данных методов.

---

[1] Допустимость использования нетрадиционных методов изучения личности в расследовании преступлений [Электронный ресурс] cyberleninka.ru. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://cyberleninka.ru/article/n/dopustimost-ispolzovaniya-netraditsionnyh-metodov-izucheniya-lichnosti-v-rassledovanii-prestupleniy#ixzz3TY4vnRnq

[2] Образцов В.А. «Криминалистическая психология» / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. – М., Изд-во «Закон и право», 2002. С. 309.

Куракин Ф.В.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Научный руководитель: *старший преподаватель Т.Ф. Дмитриева*

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА, ОБЫСКА, ВЫЕМКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Массовое использование информационных технологий, увеличение количества задач, решаемых с помощью использования компьютерной техники, информатизация общества, повышение уровня компьютерной квалификации ряда пользователей, доступность образования в сфере информационных технологий (образовательные курсы, материалы для самообразования, большое количество специализированных форумов, образовательных площадок) повлекло за собой увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники в качестве средства совершения преступления[1]. Под компьютерной техникой мы понимаем любые устройства, позволяющие пользователю воспринимать, анализировать, изменять и сохранять электронную информацию. Под это определение попадают компьютеры (персональные компьютеры, ноутбуки, нетбуки), смартфоны, планшеты. Использование смартфонов и планшетов в качестве средств совершения преступлений актуально в виду их широкого распространения, увеличения их производительных мощностей.

Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерной техники, имеет свою специфику, определяемую особенностями электронной информации – доступностью, мобильностью, управляемостью, способностью к практически полному уничтожению и деформации. Особенное внимание необходимо уделить проведению осмотра, обыска и выемки, т.к. именно при их производстве следователь зачастую впервые сталкивается с объектом – компьютерным устройством, который ему следует изъять в целях использования информации, хранящейся на устройстве, в качестве вещественных доказательств по делу.

Осмотр – это неотложное следственное действие по непосредственному визуальному обнаружению и исследованию объектов, имеющих значение для дела, их признаков, состояния и взаиморасположения. Обыск – следственное действие, заключающееся в принудительном обследовании помещения и иных мест, лиц в целях отыскания и изъятия орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для дела. Выемка – следственное действие, состоящее в изъятии индивидуально определенных предметов и документов, имеющих значение для дела, если известно их точное местоположение[2]. От степени сохранности информации, хранящейся на компьютерной технике, напрямую зависит успешность проводимых следственных действий.

Для достижения результата проведения данных следственных действий необходимо предвидеть меры безопасности, которые могут быть предприняты преступниками с целью

---

[1] Ищенко Е.П. Методика расследования преступлений в сфере компьютерной информации : Криминалистика: Учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; Под ред. Е.П. Ищенко. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2013. – С. 711 – 737.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999г.: одобр. Советом Респ. Беларусь 30 июня 1999г. в ред. Закона Республики Беларусь от 05.01.2015; 17.01.2015 № 241-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]/ Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 22.05.2015.

уничтожения вещественных доказательств − информации, содержащейся в устройстве. Можно выделить два типа мер безопасности:

1. *Физико-технические*. К ним относится возможность создания устройств, воздействие которых на носитель информации может привести к уничтожению информации. Например, уничтожение информации с использованием источника электромагнитного воздействия. При соблюдении мер предосторожности со стороны следователя данные меры не представляют опасности для сохранности информации, т.к. могут быть относительно легко обнаружены[1].

2. *Программные.* К ним относится создание преступником программ, уничтожающих информацию. Например, программа запускающая процедуру удаления при изъятии "контрольной" usb-флешки из порта КУ, при вставлении "чужой" usb-флешки в КУ, при длительном бездействии (в случае, если задана комбинация клавиш, которую необходимо вводить с определенным интервалом) и т.д. Чаще всего, это программы, написанные злоумышленником самостоятельно, сложно поддающиеся идентификации в короткий срок, могут быть замаскированы под "безобидные" процессы. Возможности и вариации данных программ ограничены только фантазией и способностями злоумышленника в программировании. Данный тип защитных мер со стороны злоумышленника представляет собой наибольшую эффективность и опасность для сохранения информации в целях ее использования в качестве вещественного доказательства[2].

Используя метод анализа, мы вывели рекомендации:

1. Для участия в следственных действиях: осмотре, обыске, выемке, когда приходится иметь дело с хранилищами компьютерной информации, целесообразно приглашать специалиста в области компьютерной техники.

2. Тщательно изучить помещение, в котором находится КУ, а также корпуса КУ на предмет наличия физико-технических средств безопасности.

3. Использовать стороннее запоминающее устройство. После - как можно скорее обесточить компьютерное устройство с целью предотвращения работы программ, обеспечивающих безопасность компьютерного устройства[3].

4. Осуществлять транспортировку компьютерных устройств к месту изучения и снятия информации в разобранном виде.

Соблюдение следователями, специалистами данных рекомендаций позволит повысить эффективность проведения следственных действий и результативность расследования и раскрытия преступлений.

---

[1] Козлов В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. - М.: Горячая линия-Телеком, 2002. - с. 245.

[2] Ищенко Е.П. Методика расследования преступлений в сфере компьютерной информации : Криминалистика: Учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; Под ред. Е.П. Ищенко. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2013. – С. 737−741.

[3] Ищенко Е.П. Методика расследования преступлений в сфере компьютерной информации : Криминалистика: Учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; Под ред. Е.П. Ищенко. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2013. – С. 729.

Курова Н.Н.
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
Юдин Е.В.
студент юридического института
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСТОРЖЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО ДОГОВОРА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт публичного договора для российского гражданского права является относительно новым явлением: он появился в российском законодательстве лишь в 1994 году. Основные положения публичного договора раскрываются в ст. 426 ГК РФ[1]. Его правовой режим не опирается на такой принцип, как свобода договора, а представляет собой один из примеров наличия публичных начал в гражданско-правовой среде. И так как данный институт гражданского права является исключением из общих частноправовых принципов, то изучение его признаков, особенностей и некоторых аспектов расторжения вызывает особый интерес в юридической науке и практике.

В первую очередь нормы публичного договора призваны обеспечить защиту прав и интересов гражданина-потребителя, который традиционно признается более слабой стороной в правоотношениях. Однако при реализации данных норм на практике имеют место многочисленные споры о силе обеспечительных мер государства, которое осуществляет свое вмешательство в общие принципы частного права. Тем не менее, установленные механизмы в области публичного регулирования в договорном праве позволяет государству обеспечивать баланс интересов между коммерческой организацией и потребителем.

Как известно, публичный характер рассматриваемого договора предполагает обязательность для коммерческой организации заключить его с каждым, кто обратился и соответствует определенным в законодательстве требованиям к потребителю. Следовательно, коммерческая организация могла бы расширить свое право на расторжение данного договора, прописав дополнительные основания одностороннего отказа от договора в соглашении с каждым потребителем в силу п. 3 ст. 450 ГК РФ. Разумеется, подобное поведение коммерческой организации, соответствуя по формальным признакам положениям ГК РФ о расторжении договора, противоречило бы существу и смыслу самой конструкции публичного договора. Поэтому подобного рода злоупотребления, возникнув на практике, стали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Как указано в Определении Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 г. № 115-О, «обязательность заключения публичного договора ... при наличии возможности предоставить соответствующие услуги означает и недопустимость одностороннего отказа исполнителя от исполнения обязательств по договору, если у него имеется возможность исполнить свои обязательства (предоставить лицу соответствующие услуги), поскольку в противном случае требование закона об обязательном заключении договора лишалось бы какого бы то ни было смысла и правового значения»[2]. Стоит отметить, что Конституционный Суд РФ дал это

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. - 2014. - 22 окт.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации:

толкование в контексте оказания медицинских услуг (данный договор относится к числу публичных) и при выступлении на стороне потребителя (гражданина России). «Такое ограничение свободы договора ... учитывающее существенное фактическое неравенство сторон в договоре о предоставлении медицинских услуг и особый характер предмета договора (в том числе уникальность многих видов медицинских услуг, зависимость их качества от квалификации врача), направлено на защиту интересов гражданина (пациента) как экономически более слабой стороны в этих правоотношениях, обеспечение реализации им права на медицинскую помощь»[1]. В связи с этим, считаем необходимым проанализировать область возможного применения указанной правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что данная позиция не ограничивается лишь рамками оказания медицинских услуг, так как наличие экономически более слабой стороны присуще для всех видов публичных договоров. По крайней мере, это презюмируется в силу факта отнесения законодателем того или иного договора к числу публичных, а следовательно, в данных отношениях, по мнению Суда, существует существенное экономическое неравенство, которое подлежит выравниванию с помощью правового режима публичного договора[2]. Таким образом, высказанную правовую позицию Конституционного Суда РФ можно потенциально распространить на все виды публичных договоров.

Во-вторых, в качестве потребителей по публичным договорам могут выступать и юридические лица, то есть законодатель признает тот факт, что в некоторых случаях юридические лица, как и граждане, могут рассматриваться как экономически слабая сторона. Поэтому недопустимость произвольного отказа от публичного договора справедлива и в отношении данной категории субъектов гражданского права, что подтверждается существующей арбитражной практикой[3].

Безусловно, такое широкое толкование правовой позиции Конституционного Суда РФ и ее абсолютизация способны повлечь не меньше негативных последствий, чем признание наличия за коммерческой организацией в рамках публичного договора права на произвольное расторжение такого договора, создав чрезмерный дисбаланс в правах и обязанностях между его сторонами. Поэтому наличие необходимых ограничительных механизмов позволит обеспечить справедливое применение данной правовой позиции с учетом интересов обеих сторон договора и правовой природы публичного договора одновременно.[4] Тем не менее, такие ограничения не должны лежать в сфере субъектного состава либо зависеть от вида публичного договора, а носить иной характер, например, характер судебного контроля.

Наличие возможности расторжения публичного договора со стороны коммерческой организации должно определяться весомой причиной, которая послужила основанием для расторжения договора. Если такой причиной стало неисполнение либо ненадлежащее исполнение потребителем своих обязательств, то есть виновное поведение другой стороны договора, то расторжение договора коммерческой организацией должно признаваться правомерным. Кроме того, как указал Конституционный Суд РФ, расторжение публичного договора по инициативе коммерческой организации должно признаваться правомерным, когда у

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.06.2002 № 115-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. - 2003. - № 1.

[1] Там же.

[2] Савельев А.И. Применение судами норм Гражданского кодека РФ о публичных договорах // Вестник гражданского права. – 2009. - № 4. – Т. 9. – С. 77.

[3] См., например: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 12.10.1999 № Ф03-А59/99-1/1439 // СПС «КонсультантПлюс», 2015 (Дата обращения: 22.05.2015); Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 12.11.2003 № Ф08-4368/2003 // СПС «КонсультантПлюс», 2015 (Дата обращения: 22.05.2015).

[4] Савельев А.И. Указ. соч. – С. 78.

данной организации нет возможности предоставить необходимый товар либо оказать соответствующую услугу.

В ГК РФ предусмотрена физическая невозможность исполнения (ст. 416 ГК РФ) и юридическая невозможность исполнения (ст. 417 ГК РФ), которые влекут за собой прекращение обязательств. Данное последствие в виде прекращения обязательства наступает при условии, что ни одна из сторон не отвечает за наступление возникших обстоятельств. В силу того, что в рамках публичного договора имеет место предпринимательская деятельность, то практически любое обстоятельство, кроме тех, которые подпадают под понятие непреодолимой силы, относится к сфере риска коммерческой организации. В результате этого, в случаях, когда отсутствует возможность предоставления товаров (услуг) потребителю по публичному договору в силу причин, не связанных с непреодолимой силой либо виной кредитора (п. 2 ст. 416 ГК РФ и п. 2 ст. 781 ГК РФ), обязательство коммерческой организации по реализации товаров или оказанию услуг трансформируется в обязательство по возмещению убытков.

Во всех остальных случаях, исходя из положений ст. 416 и 417 ГК РФ, обязательство прекращается автоматически. Однако, как справедливо отмечает А.Г. Карапетов, такое автоматическое прекращение обязательств без использования механизма расторжения договора может вызвать массу проблем, связанных с тем, что стороны могут и не знать о возникшей невозможности и нести расходы по исполнению договора, которые не будут компенсированы в силу того, что они происходили уже после прекращения обязательства, а также возникает неопределенность относительно судьбы договора в тех случаях, когда он содержит несколько обязательств[1].

Поэтому правовая позиция Конституционного Суда РФ, которая указывает именно на расторжение договора в таких случаях, а не на его автоматическое прекращение, содействует большей правовой определенности во взаимоотношениях между сторонами при возникновении обстоятельств, влекущих невозможность исполнения договора. Более того, расторжение публичного договора по таким основаниям необходимо осуществлять только в судебном порядке. Если коммерческая организация все же предпринимает попытки расторгнуть договор с потребителем через внесудебный порядок при наличии возможности предоставить соответствующие услуги, то односторонний отказ в таком случае будет являться недействительной сделкой, противоречащей ст. 426 ГК РФ, со всеми вытекающими правовыми последствиями: договор будет продолжать действовать, а его неисполнение повлечет за собой установленные законом или договором меры ответственности.

---

[1] Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. - М., 2007. - С. 480.

Литвинцева Я.В.
преподаватель кафедры Правоведения
учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси, Международный
университет «МИТСО»

МЕДИЦИНСКО-СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА В МЕДИЦИНЕ: ЧЕЛОВЕК ИЛИ ЭМБРИОНАЛЬНЫЙ МЕДИКАМЕНТОЗНЫЙ МАТЕРИАЛ

Лучше предотвратить заболевание,
потому что потом будет поздно лечить.

Вопрос в достижении гармонизации человеческого здоровья, как на физическом уровне, так и на психологическом, всегда будет занимать приоритетное положение в медицине, одновременно затрагивая некоторые аспекты юриспруденции. Следует отметить, что критерий удовлетворительного человеческого здоровья рациональнее систематически поддерживать, нежели потом искать основные искусственные пути его восстановления. При этом, важную роль играет система одновременной взаимосвязи и противоречия: если одна сторона обретает, то другая – утрачивает. Аналогичная ситуация прослеживается и в процессе осуществления искусственного прерывания беременности во всем мире для лечения с использованием эмбриональных клеток и тканей, а также биологически активных веществ, выделяемых ими, получившее название клеточная терапия. Нельзя не заметить, что благодаря такому перспективному развитию медицинской науки одни обретают молодость и здоровье, а другие просто не появляются на свет.

Эмбриональные стволовые клетки представляют особо значимый интерес для медицины, прежде всего это выражается в том, что данные стволовые клетки выступают основоположниками всех типов клеток в организме, неповторимым строительным материалом, из которого позднее строятся органы и ткани. Эмбриональные стволовые клетки обладают удивительными целительными свойствами, что и позволяет их использовать при лечении различных форм тяжёлых заболеваний современной цивилизации, например, таких как болезнь Дауна, сахарный диабет, болезнь Паркинсона и многие другие. Клетки способны как восстановить утраченные функции органов и тканей (иммунодефициты, наследственные заболевания), так и поспособствовать торможению патологических процессов (воспаления, аллергия, онкологические процессы)[1]. За счет стволовых клеток происходит омолаживание организма, и сдерживается процесс преждевременного старения. Таким образом, прижившиеся эмбриональные стволовые клетки во взрослом организме начинают выступать мощнейшей основой развития и обновления, характерной исключительно только для эмбрионального периода.

Следует отметить, что такого рода лечение на основе препаратов, разработанных из человеческих эмбрионов, удовлетворяет не только медицинские интересы, но и затрагивает экономическую сторону данного вопроса. Подтверждение тому является фиксированная стоимость процедуры клеточной (фетальной) терапии: одна инъекция от 500 тысяч до 2000 долларов[2].

---

[1] Эмбриональные стволовые (ЭС) клетки: общие сведения [Электронный ресурс]: Биология и медицина. URL: http://medbiol.ru/medbiol/es-cell/0000a589.htm (дата обращения: 07.01.2015).

[2] Стволовые клетки [Электронный ресурс]: Большая публичная библиотека. URL: http://www.pr-j.ru/biologiya-i-estestvoznanie/stvolovye-kletki.html (дата обращения: 30.01.2015).

Новшества современной медицины, а также прогрессивность её развития сможет быть оценена на достойном уровне только в том случае, когда приоритетом будут выступать традиционно сложившиеся морально-нравственные устои, о которых на современном этапе говорить не приходится. Суть разработки препаратов из эмбрионального материала заключается в следующем: для получения необходимых биологических свойств необходим человеческий зародыш от четырнадцати недельного периода внутриутробного развития, проще говоря, плод поздних абортов. При этом сам зародыш не должен иметь каких-либо генетических аномалии или нарушений целостности кожных покровов, то есть плод должен быть здоров. Затем зародыш тщательно обрабатывается раствором детергента и отмывается дистиллированной водой. После извлекается тимус, сердце, легкие, печень, селезенка, брыжейка, спиной мозг, щитовидная железа и глаза. Инъекции создаются с помощью перфорирования отверстия в голове путем извлечения мозговой жидкости. Все органы подлежат измельчению в суспензию в специальном аппарате[1], и получается дорогостоящий материал из живого материнского плода, который хранится в холодильных камерах в ампулах с розовой «взвесью» биомассы.

Важно дополнить факт того, что уже с данного срока человеческий эмбрион в утробе матери является полностью сформировавшимся человеком с полноценным функционирующим сердцем, кровообращением и нервами. У него имеются веки, ногти, и даже отпечатки пальцев. К тому же медицине небезызвестны примеры, когда выживали преждевременно родившиеся дети, например с девятнадцати недельным сроком внутриутробного развития.

Именно по этим причинам данной глобальной проблемой этического и правового регулирования биомедицинских исследований занимаются многие международные организации. Можно выделить следующие: Организация Объединенных Наций (ООН), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Совет Европы, Европейский Союз, Военно-медицинская академия (ВМА), Международный совет медицинских научных обществ (CIOMS) и другие. Подготовка данными организациями документов международного правового характера играют важную роль в определении норм и правил биомедицинских исследований.

По мнению автора, если человеческий зародыш и является временным носителем бессмертных стволовых эмбриональных клеток, то преступать морально-нравственную сторону вопросу неэтично и бесчеловечно, особенно если проблема затрагивает права на жизнь будущего человека. В противном случае речь будет идти о жестоком бесчеловечном отношении к потенциальной будущей жизни. А это ведет к нарушению ряда международных правовых актов, таких как Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.[2]; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 26 июня 1987 года[3]; Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинств человека в связи с использованием достижений биологии и медицины от 4 апреля 1997 года[4]; Конвенция о правах человека и

---

1 URL: http://www.kletca.ru/news/20080828/preparat-embrion.htm

2 Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. [Электронный ресурс]: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900703 (дата обращения: 30.01.2015).

3 Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 26 июня 1987 года [Электронный ресурс]: Hrights.ru. URL: http://www.hrights.ru/text/akt/chapter5.htm (дата обращения: 27.01.2015).

4 Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинств человека в связи с использованием достижений биологии и медицины от 4 апреля 1997 года [Электронный ресурс]: Международное медицинское право, всемирные нормы биоэтики. URL: http://www.med-practic.com/rus/608/2017/article.more.html (дата обращения: 28.01.2015).

биомедицине от 19 ноября 1996 года (Конвенция о биоэтике)[1]. Непосредственно ссылаясь на Конвенцию по биоэтике, важным является норма, которая запрещает проведение исследований на человеческих эмбрионах (Дополнительным протоколом от 1998 года запрещено и клонирование человека[2]), предъявляются требования бережного отношения к геному человека. Также запрещена торговля органами и частями человеческого тела, определена тактика поведения врача, который в экстренной ситуации не сможет получить согласие пациента или его представителя на медицинское вмешательство, а именно действие в наилучших интересах пациента с учётом пожеланий, выраженных им заранее[3].

Что касается отечественного законодательства в данной области, то здесь следует упомянуть статью 25 Конституции Республики Беларусь, в которой опротестовывается жестокость ко всему, с последующим объяснением и пояснением: «Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также подвергаться медицинским или иным опытам»[4].

Помимо этого, в соответствии со ст. 40 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-XII (в ред. от 04.01.2010 № 109-З)[5], регламентируется недопущение проведения клинических исследований на беременных женщинах и несовершеннолетних, за исключением случаев, если испытания проводятся для оказания медицинской помощи исключительно этим категориям лиц.

Не соблюдение норм, как на национальном, так и международном уровне заметно прослеживается с практической стороны видения данной проблемы, прежде всего несправедливость чрезмерной смертности среди человеческих эмбрионов во имя омолаживания и сохранения жизни других людей, которыми чаще всего выступают материально обеспеченные и состоятельные больные. По мнению автора, легче предотвратить заболевание, нежели потом искать пути его лечения и восстановления[6].

Человеческий эмбрион – это единственное живое существо, пусть пока ещё и не рожденное, которое не может защитить себя; за него все решают другие люди, в том числе и право на жизнь. И какой бы могущественной ни была юриспруденция, она не сможет всецело свято служить народу, пока в обществе будут на законных основаниях заниматься несправедливым убийством человеческих эмбрионов. Можно ли вообще тогда говорить о величии права как такового?

Достаточно упомянуть дополнительный веский фактор негативной стороны фетальной терапии, относительно её разработчиков, которыми выступали нацисты в военный период. Затем на праве преемственности и в Российской Федерации был создан на базе Российского центра акушерства и гинекологии Московский международный институт биологической медицины, который возглавил Геннадий Сухих. Разработанный так называемый «эликсир

---

[1] Конвенция о правах человека и биомедицине от 19 ноября 1996 года [Электронный ресурс]: Библиотека по правам человека. URL: http://hrlibrary.ngo.ru/russian/euro/Rz37.html (дата обращения: 01.02.2015).

[2] Дополнительный протокол от 1998 года «Запрет клонирования человека в европейском праве» [Электронный ресурс]: Eulaw.edu.ru. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/articles/zapr_clon_chel.htm (дата обращения: 01.02.2015).

[3] Возрождение России [Электронный ресурс]: eliseeva-eliseeva.blogspot.com. URL: http://eliseeva-eliseeva.blogspot.com/2013/01/blog-post_18.html (дата обращения: 10.01.2015).

[4] Конституция Республики Беларусь от 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101 (дата обращения: 28.01.2015).

[5] О здравоохранении: Закон Республики Беларусь, 10 июля 2012 г. № 426-З [Электронный ресурс]: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://pravo.by (дата обращения: 19.01.2015).

[6] О препаратах из эмбрионов и фетальной терапии [Электронный ресурс]: kletca.ru. URL: http://www.kletca.ru/news/20080828/preparat-embrion.htm (дата обращения: 12.01.2015).

молодости» был назван «биологической взвесью», который хоть и применялся при лечении различных заболеваний, в том числе в качестве омолаживающего средства, но продолжительность эффекта процедуры носит краткосрочный характер, приблизительно год, что в последующем сформирует необходимость повторности лечения. В этой ситуации следует уже говорить не о благих намерениях медицинской науки, а о продажности её всецело. Помимо неустойчивой продолжительности клеточной терапии, следует отметить, что такого рода лечение отнюдь не безопасно для пациентов. Это связано, прежде всего, с тем, что препараты, разработаны из тел человеческих эмбрионов и являются опасным источником заражения прионами, а также другими, еще неизученными патогенами (например, еще необнаруженными видами вирусов), для которых не разработаны системы тестирования[1].

В заключение автором была сформирована идея строгого отрицания применения клеточной терапии в современном обществе. Убежденность того, что терапия не может принести пользу обществу, по причине того, что она базируется на узаконенном убийстве нерожденных детей, является саморазумеющей основой большинства цивилизованных стран.

Макарова Е.А.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПЕРЕВОЗКА ДЕТЕЙ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ: АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Транспортное законодательство особое внимание уделяет обеспечению безопасности детей-пассажиров при осуществлении автомобильных перевозок.

В ст. 21 Устава автомобильного транспорта[2] предусмотрено право пассажира перевозить с собой бесплатно при проезде в транспортном средстве, осуществляющем регулярные перевозки в городском и пригородном сообщении детей в возрасте не старше семи лет без предоставления отдельных мест для сидения.

В междугородном сообщении пассажир вправе перевезти с собой одного ребенка в возрасте не старше пяти лет без предоставления отдельного места для сидения. Это положение явно противоречит Правилам дорожного движения[3], согласно которым перевозка детей до 12-летнего возраста в транспортных средствах, оборудованных ремнями безопасности, должна осуществляться с использованием детских удерживающих устройств, соответствующих весу и росту ребенка, или иных средств, позволяющих пристегнуть ребенка с помощью ремней безопасности, предусмотренных конструкцией транспортного средства. Подразумевается, что ребенок должен занимать отдельное место для сидения.

В соответствии с п. 2 ст. 21 Устава автомобильного транспорта при проезде в транспортном средстве, осуществляющем регулярные перевозки пассажиров и багажа в междугородном сообщении, пассажир имеет право перевезти с собой двух детей в возрасте не

---

1 Аборты [Электронный ресурс]: litzona.net. URL: http://litzona.net/show_40205.php (дата обращения: 29.01.2015).

2 Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ (ред. от 20.04.2015) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // СПС «КонсультантПлюс».

3 Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 20.04.2015) «О Правилах дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 22.9.

старше двенадцати лет с предоставлением им отдельных мест для сидения за плату, размер которой не может составлять более чем пятьдесят процентов провозной платы.

Таким образом, Устав автомобильного транспорта необходимо привести в соответствие с действующим законодательством (признать пп. 2 п. 1 ст. 21 утратившим силу), так как вышеуказанная правовая норма, по сути, не имеет смысла, а также вводит в заблуждение и перевозчиков, и пассажиров.

Требования по обеспечению безопасности перевозки групп детей обобщены в одном документе – Методических рекомендациях по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия и безопасности перевозок организованных групп детей автотранспортом (утверждены МВД РФ и Роспотребнадзором в 2006 году). Они применяются при осуществлении перевозок автобусами групп численностью восемь и более детей к местам отдыха и обратно по разовому заказу или туристско-экскурсионному маршруту.

Так, перевозчик обязан иметь лицензию на данный вид деятельности и лицензионную карточку на эксплуатируемое транспортное средство. Предусмотрены дополнительные требования к оборудованию транспортных средств, особый режим работы водителя, сопровождение специальным автомобилем ГИБДД (при движении колонной из трех и более автобусов) и нахождение в каждом автобусе квалифицированного медицинского работника.

Необходимо отметить, что данные рекомендации не имели обязательной силы, и лишь Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2013 г. № 1177 были утверждены Правила организованной перевозки группы детей автобусами. Они предъявляют определенные требования к перевозкам детей (в т.ч. детей-инвалидов) в городском, пригородном или междугородном сообщении, частично закрепляя положения вышеуказанных методических рекомендаций.

Для осуществления организованной перевозки группы детей необходимо наличие следующих документов: договор фрахтования; документ, содержащий сведения о медицинском работнике, и копия лицензии на осуществление им медицинской деятельности; решение о назначении сопровождения автобусов автомобилем подразделения ГИБДД или уведомление о принятии отрицательного решения по результатам рассмотрения заявки на такое сопровождение; список набора пищевых продуктов (сухих пайков, бутилированной воды); список назначенных сопровождающих и список детей; документ, содержащий сведения о водителе; документ, содержащий порядок посадки детей в автобус; график движения и схема маршрута.

К управлению автобусами допускаются водители, имеющие непрерывный стаж работы в качестве водителя транспортного средства категории «D» не менее 1 года, не подвергавшиеся в течение последнего года административному наказанию в виде лишения права управлять транспортом либо ареста за совершение правонарушения в области дорожного движения.

При перевозке группы детей в междугородном сообщении организованной транспортной колонной в течение более трех часов руководитель или должностное лицо, ответственное за обеспечение безопасности дорожного движения, обеспечивает сопровождение такой группы детей медицинским работником (требования снижены по сравнению с Методическими рекомендациями). В автобусе должны быть сопровождающие из расчета их нахождения у каждой двери транспортного средства, при этом один из них является ответственным за перевозку детей и координирует действия водителя и остальных сопровождающих. В случае если для осуществления перевозки группы детей используется два и более автобуса, медицинский работник и старший ответственный за организованную перевозку группы детей должны находиться в автобусе, замыкающем колонну.

Дети в возрасте до семи лет могут участвовать в организованной перевозке только в том случае, если нахождение автобуса в пути не превышает четырех часов.

Перевозка детей запрещена, если дорожные и метеорологические условия представляют угрозу для безопасности перевозки. В случаях поездки в пригородную зону или в междугородном сообщении заказчик вправе потребовать, чтобы техническое состояние автобуса было проверено в ГИБДД накануне поездки.

Экскурсионные и туристические поездки осуществляются в светлое суток, движение автобуса в период с 23.00 до 6.00 часов не разрешается. В ночное время допускается перевозка детей к железнодорожным вокзалам, аэропортам и от них, а также завершение организованной перевозки группы детей (доставка до конечного пункта назначения или до места ночлега) при незапланированном отклонении от графика движения. При этом после 23.00 расстояние перевозки не должно превышать 50 км.

С 1 июля 2015 года для перевозки детей должны использоваться только автобусы, с года выпуска которых прошло не более 10 лет, соответствующие техническим требованиям к перевозкам пассажиров, допущенные к участию в дорожном движении и оснащенные тахографами и аппаратурой спутниковой навигации ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS.

На практике не всегда соблюдаются требования транспортного законодательства. Так, на интернет-сайте ООО «НовгородАвто» (Новгородская область) размещена информация, согласно которой перевозчик «не предоставляет скидку на оплату перевозки детей», что является нарушением ст. 21 Устава автомобильного транспорта.

Штатные системы безопасности в автомобилях не рассчитаны, за редким исключением, на защиту детей, поэтому при их перевозке необходимо использование специальных удерживающих устройств.[1]

По данным Европейского альянса за безопасность детей (European Child Safety Alliance) автокресла, расположенные по направлению движения, снижают риск получения травм на 60%, а расположенные против движения – на 90-95%. Однако перевозчики не уделяют должного внимания обеспечению безопасности детей при осуществлении пассажирских перевозок. Водители зачастую либо вообще не используют «детские кресла», либо подбирают или устанавливают их неправильно.

Для анализа соблюдения законодательства в сфере обеспечения безопасности детей мной было проведено социологическое исследование (в форме анкетирования) среди 125 респондентов в возрасте от 20 до 53 лет. Кроме того, был проведен устный опрос диспетчеров нескольких такси («Везет», «6 пятерок», «Максим», «Русь», «Taxi-mini» и др.), а также иных субъектов транспортной деятельности Новгородской области.

Среди перевозчиков, осуществляющих регулярные перевозки, никто не смог предоставить необходимые специальные детские удерживающие устройства.

72% респондентов перевозили с собой в легковом такси детей до 12 лет. Только в 17% случаев автомобили были оборудованы специальными детскими удерживающими устройствами.

Важно понимать, что поездка в автомобиле или автобусе накладывает ответственность и на родителей. Некоторые из них говорят водителю, что они подержат малыша на руках. Это недопустимо, поскольку в случае аварии удержать ребенка практически невозможно даже при

---

[1] Балабаева И. Проблемы детской безопасности в автомобиле // Автомобильный транспорт. 2012. №8. С. 59-60.

скорости транспортного средства в 40-50 км/ч. Доказано, что ничего лучше специальных удерживающих средств для перевозки детей не оберегает их в момент столкновения.[1]

Дети в автомобиле – самая уязвимая категория пассажиров (в аналогичных дорожно-транспортных происшествиях полученные ими повреждения значительно серьезнее, чем у взрослых). Несмотря на общее снижение числа аварий с детьми, происходит увеличение количества погибших детей-пассажиров.

В 2014 году на российских дорогах погибло 877 детей, около 2,5 тысяч – пострадали. В Новгородской области в результате ДТП погибло или получило увечья почти 200 детей и подростков. За четыре месяца 2015 года на дорогах региона погибло 4, а в целом по стране – 162 ребенка, из которых 103 являлись пассажирами транспортных средств.

Нарушения перевозчиками требований обеспечения безопасности на транспорте создают угрозу жизни и здоровью детей-пассажиров.

Так, в 2012 году водитель Кузьмин В.Ф. (ИП Кузьмина Л.Е.), осуществляя заказную перевозку учащихся МОУ СОШ №28 по маршруту «г. Балаково – г. Саратов», совершил ДТП, повлекшее причинение вреда здоровью 11 и смерть 2 детей. При проведении проверки сотрудниками Управления государственного автодорожного надзора по Саратовской области было установлено, что перевозчиком допускались грубые нарушения лицензионных требований. Судом аннулирована лицензия ИП Кузьминой Л.Е. на право осуществления перевозок.[2]

21 мая 2015 года около четырех часов утра в Нижегородской области произошло ДТП с участием автобуса, осуществлявшего перевозку юношеской команды Татарстана по каратэ. В результате аварии погибло трое несовершеннолетних и трое взрослых, остальные получили травмы различной степени тяжести. На момент аварии автобус проехал 370 километров, в пути находился больше шести часов в ночное время суток, что являлось грубейшим нарушением Правил организованной перевозки детей. По предварительной версии, ДТП произошло по вине водителя автобуса, уснувшего за рулем.

И, к сожалению, таких примеров немало.

Несмотря на принимаемые государственными органами меры, переломить негативную тенденцию с обеспечением безопасности перевозок пассажиров не удается. Транспортные организации должны нести полную ответственность за безопасность предоставляемой услуги. Эта ответственность должна иметь экономические, административные и уголовные последствия для перевозчиков, нарушающих требования законодательства.

---

[1] Детская безопасность // Официальный интернет-сайт Госавтоинспекции РФ [Электронный ресурс]: http://www.gibdd.ru/about/social/children-safety/ (дата обращения 15.05.2015)

[2] Материалы судебной практики по делам о перевозках пассажиров автомобильным транспортом [Электронный ресурс] // Поиск решений судов общей юрисдикции: [сайт]. URL: http://www.gcourts.ru/ (дата обращения: 18.05.2015)

Македон М.В.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

РОЛЬ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дактилоскопические папиллярные узоры строго индивидуально образуются у человека в момент формирования кожных покровов и остаются неизменными до самой его смерти, что для практики раскрытия и расследования преступления имеет исключительную важность в изобличении лица, совершившего противоправное деяние, доказывании его вины или невиновности. Одной из основных задач дактилоскопии является идентификация личности по отображениям папиллярных узоров пальцев рук человека[1], параллельно дополняет которую наука дерматоглифика, открывающая новые возможности в определении характера и психологических особенностей человека, а, следовательно, и в расследовании преступления.

Этим обусловлена актуальность темы исследования, целью которой является установление роли использования дактилоскопической информации в определении психологических характеристик человека для раскрытия и расследовании преступлений.

Материал и методы. Значение дактилоскопии в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Этому посвящены труды Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Г.И. Грамовича, А.В. Дулова, Н.И. Порубова и других ученых.

Методологическую основу нашего исследования составили: диалектический метод познания, метод анализа и синтеза, метод обобщения и сравнительно-правовой метод.

Результаты и их обсуждение. Для определения характера человека предпринимаются попытки изучения его через последние достижения в современной аналитической психологии. Благодаря полученным результатам такие характеристики человека, как открытость, развитие эмоциональности и логики, уровень лидерства, возможно, установить, анализируя рисунок папиллярных линий[2]. Изучение формы и сложности рисунка (типа) и психологических характеристик при определении характера конкретного человека позволили установить имеющуюся между ними взаимосвязь. Как известно, в дактилоскопии выделяют три основных типа рисунка папиллярных узоров.

Самый простой из рисунков – дуговой (арочный) тип. Для обладателей данного типа характерна открытость и простота в общении и при принятии решений, действий, восприятие информации находится на интуитивном уровне.

Петлевой тип папиллярного узора занимает промежуточное положение между дуговым и наиболее сложным – завитковым узором. Обладатели петлевых узоров обладают достаточной гибкостью в принятии решений, могут легко менять свои решения и приспосабливаться к меняющейся обстановке. Об этом свидетельствует и анализ папиллярных узоров долгожителей. Для них характерно преобладание несложных типов узоров: петлевых и дуговых.

---

[1] Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 9-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. – 837 с.

[2] Мухин, Г.Н. Криминалистическая дерматоглифика : Монография / Г.Н. Мухин, Д.В. Исютин-Федотков. – Минск: Академия МВД Респ. Беларусь, 2006. – 226 с.

Для обладателей завитковых узоров характерна склонность к анализу, усложнение и замкнутость характера. Для сложного типа или атипичного (композиционного) характерно неустойчивое поведение, конфликтность, нестабильность характера[1].

В специальной литературе имеются данные, согласно которым характер человека и его некоторые способности устанавливают по наличию так называемых особых точек или частных признаков, а также среднего расстояния между папиллярными линиями[2].

Таким образом, изучение типов папиллярных узоров и их строения позволяет определить некоторые психологические особенности человека, которые необходимо учитывать при раскрытии и расследовании преступлений в целом и при проведении следственных действий в частности.

Использование дактилоскопической информации позволит диагностировать отдельные существенные психологические характеристики любого лица, что, несомненно, в конечном результате будет способствовать получению дополнительной личностной информации о конкретном человеке и позволит оперативно, эффективно и результативно раскрывать и расследовать преступления.

Максименюк В.В.
старший преподаватель кафедры гражданского права
Полоцкий государственный университет

ПРАВИЛА ОКАЗАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Законодательство о защите прав потребителей Республики Беларусь и Российской Федерации постоянно претерпевает изменения. Причины этого различны, в том числе, в связи с необходимостью устранения выявляющихся проблем правового регулирования отношений в указанной сфере.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей в Республике Беларусь», «потребитель – физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее товар (работу, услугу) или использующее товар (результат работы, услугу) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности»[3]. Подобное определение содержится и в ст. 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»[4]. Существенным моментом данных дефиниций является указание на объект правоотношения с участием потребителя – это товар, результат работы или *услуга*.

В туризме потребителю (туристу) предлагается особый продукт – туристические услуги, которые согласно Закона Республики Беларусь «О туризме» включают «услуги по перевозке,

---

[1] Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза : практ. пособие / И.А. Анищенко [и др.]; под ред. И.А. Анищенко; МВД Респ. Беларусь, УО «Академия МВД Респ. Беларусь». – Минск: Академия МВД, 2010. – 153 с.

[2] Майлис Н.П. Дактилоскопия: учебник / Н.П. Майлис. – М.: Московский университет МВД России, изд-во «Щит-М», 2008. – 124 с.

[3] О защите прав потребителей: Закон Респ. Беларусь, 05 дек. 2001 г., № 90-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

[4] О защите прав потребителей: Закон Рос. Федерации, 07 февр. 1992 г., № 2300-I: в ред. Закона Рос. Федерации от 05.05.2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: pravo.gov.ru.

размещению, а также иные услуги (по питанию, организации туристического путешествия, экскурсионные и другие услуги), не являющиеся сопутствующими услугам по перевозке или размещению, оказание которых в комплексе услуг, входящих в тур, позволяет совершить туристическое путешествие в соответствии с его целями и потребностями туриста…»[1]. Закон РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в ст. 1 предлагает наименование «туристический продукт», сущность которого сводится к тем же туристическим услугам[2].

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24.06.2010 № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей» к услугам по туристическому обслуживанию применяется законодательство о защите прав потребителей[3].

Следовательно, одним из благ, реализуемых в гражданском обороте, является туристическая услуга, а в категорию потребителей входят заказчики туристических услуг – туристы.

Гражданский кодекс Российской Федерации в п. 1 ст. 779 приводит перечень различных услуг, которые могут быть предметом гражданско-правового договора возмездного оказания услуг. В их число входят: медицинские, ветеринарные, аудиторские, консультационные, информационные услуги, услуги по обучению, туристическому обслуживанию…[4]. При сравнении этих «продуктов» по степени возможного риска для заказчика, к числу потенциально опасных, наряду с медицинскими, следует отнести услуги по туристическому обслуживанию (туристические услуги). Как отмечает Е.Л. Писаревский, «очень часто туристы выступают в роли потребителей услуг в сфере туризма. В этом случае личная безопасность заключается в отсутствии недопустимого риска, связанного с причинением (либо возникновением угрозы причинения) вреда личности или отдельным объектам его личной безопасности в результате некачественного оказания туристических услуг»[5]. Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» к числу обязанностей исполнителя услуг относит необходимость обеспечения безопасности предоставляемых услуг (ст. 12), которой корреспондирует право заказчика на безопасность услуг (ст. 5). Ст. 11 указанного Закона устанавливает право потребителя на надлежащее качество предоставляемой услуги. Закон РФ «О защите прав потребителей» в п. 1 ст. 7 устанавливает: «Потребитель имеет право на то, чтобы товар (работа, услуга) при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации был безопасен для жизни, здоровья потребителя, окружающей среды, а также не причинял вред имуществу потребителя». Ст. 4 указанного Закона обеспечивает правовое регулирование качества товара (работы, услуги).

---

1 О туризме: Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2 Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Закон Рос. Федерации, 24 нояб. 1996 г., № 132-ФЗ: в ред. Закона Рос. Федерации от 03.05.2012 г. // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: pravo.gov.ru.

3 URL: http:www. worklib.ru›law/346484 (дата обращения: 05.05.2015).

4 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 29.01.1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 1995 г.: в ред. Федер. Закона Рос. Федерации Федерации,6апр.2015 г., № 82-ФЗ// Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – №5, ст. 410; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – №14, ст. 2022.

5 Писаревский Е.Л. Правовое обеспечение личной безопасности туристов // Юридический мир. –2011. – №2. –С.3.

Таким образом, гражданское законодательство, в том числе Законы «О защите прав потребителей» Республики Беларусь и Российской Федерации, содержит нормы, гарантирующие обеспечение качества и безопасности предоставляемых товаров, работ, услуг, защищающие права потребителей.

Вместе с тем специфика оказываемых туристическими организациями услуг туристам не позволяет в достаточной степени гарантировать их надлежащую правовую охрану. Это связано, как указано ранее, с повышенными рисками при «потреблении» туристического продукта, а также со спецификой туристических услуг. Одной из особенностей таких услуг является очевидная взаимосвязь их безопасности и качества.

Действующие Законы «О туризме» Республики Беларусь (ст. 19, 24, 25) и «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (глава VII) также содержат положения, регулирующие обеспечение безопасности и качества предоставляемых услуг.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.07.2007 г. № 452 утверждены Правила оказания услуг по реализации туристического продукта[1]. Указанный нормативный правовой акт содержит основные требования к организации деятельности субъектов, реализующих туристический продукт в Российской Федерации, и разработан, как отмечают А.В. Сутягин и И.В. Феоктистов: «С целью более детального регулирования деятельности туроператоров и турагентов, а также защиты прав потребителей туристского продукта…»[2].

За истекший период в указанный нормативный правовой акт неоднократно вносились изменения и дополнения. Поскольку дополнения и изменения, внесенные в Закон РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», изменили систему взаимоотношений туроператора и потребителя, то и Правила более детально регламентировали порядок заключения, исполнения и расторжения договора между туристической организацией и потребителем.

В последней редакции исполнитель должен обеспечить потребителям финансовые гарантии, а потому обязан будет либо получить банковскую гарантию, либо застраховать свою ответственность перед клиентами (п. 8 указанных Правил). Размер финансовой гарантии зависит от того, международным или российским туризмом занимается туроператор.

В Республике Беларусь Правила оказания туристических услуг приняты в ноябре 2014 г.[3] Данный нормативный правовой акт имеет определенные особенности в сравнении с аналогичными Правилами Российской Федерации. В частности, глава 7 Правил посвящена оказанию туристических услуг несовершеннолетним туристам (экскурсантам). Установлено, что если туристом (экскурсантом) является лицо, не достигшее совершеннолетнего возраста, за исключением приобретшего дееспособность в полном объеме в случаях, предусмотренных законодательством, заказчиком по договору оказания туристических услуг могут быть законные представители несовершеннолетнего. При формировании группы, состоящей из несовершеннолетних лиц, договор оказания туристических услуг в отношении их могут заключать законные представители несовершеннолетних или педагогические работники

---

[1] Правила оказания услуг по реализации туристического продукта: Постановление Прав. Рос. Федерации, 18 авг. 2007 г., № 452: в ред. Постановления Прав. Рос. Федерации, 17 окт. 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: pravo.gov.ru.

[2] Новые правила оказания туристических услуг / URL: http:www. library.ru›Виртуальнаясправка›docs/n52150/turusl.doc. (дата обращения: 05.05.2015).

[3] Об утверждении Правил оказания туристических услуг: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 ноября 2014 г., № 1064 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

учреждения образования и иных организаций, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, в случае выдачи им законными представителями несовершеннолетних доверенности, составленной в установленном законодательством порядке. При этом педагогический работник учреждения образования и иных организаций, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, не вправе выступать руководителем туристической группы, состоящей из несовершеннолетних туристов (экскурсантов), если он не является служащим, занятым в организации туризма. Также отдельное внимание уделено в Правилах оказанию услуг туристам с граниченными возможностями (глава 8).

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2014 г. № 1064 наряду с Правилами оказания туристических услуг утверждена Типовая форма договора оказания туристических услуг. Пункт 24 Правил устанавливает, что договор оказания туристических услуг заключается его сторонами в соответствии с типовой формой договора оказания туристических услуг в порядке, предусмотренном законодательством. Из договора оказания туристических услуг не допускается исключение положений, предусмотренных в типовой форме договора оказания туристических услуг. Данные условия позволяют обеспечить включение в договор минимальных гарантий, предусмотренных законодательством для потребителей туристических услуг.

Таким образом, Правила оказания услуг по реализации туристического продукта, действующие в Российской Федерации и Правила оказания туристических услуг, действующие в Республике Беларусь, приняты в развитие норм действующего гражданского законодательства, в том числе, законодательства о защите прав потребителей, о туризме. Указанные нормативные правовые акты детализируют взаимоотношения между туристической организацией (исполнителем) и туристом (заказчиком); определяют порядок заключения и исполнения договора оказания туристических услуг, ответственность исполнителя за некачественное оказание услуг.

Вместе с тем, даже частичный сравнительный анализ Правил, действующих в РФ и Беларуси, позволяет сделать вывод о необходимости заимствования правовых норм в целях усиления защиты прав потребителей туристических услуг. В частности, в Правила оказания туристических услуг в Республике Беларусь возможно включение норм об обязанности туроператора по обеспечению финансовых гарантий для туристов – заказчиков услуг.

Макуев Р.Х.
д.ю.н., профессор заслуженный юрист РФ,
академик ЕАЕН
заведующий кафедрой теории государства и права ОГУ

ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПОСТЛИССАБОНСКИЙ ВЗГЛЯД

Важнейшей характеристикой сущности любой социальной системы, критерием оценки ее целей и задач служит система принципов, на основе которых она функционирует, осуществляя деятельность ее структурными элементами.

Основными целями деятельности Европейского Союза, как вытекает из его учредительных документов, были и остаются экономическое, социальное и правовое благополучие своих граждан, одним словом, благоприятные изменения общественной жизни. Эти цели закреплены в ст. 3 Договора о Европейском Союзе. Общими целями являются: 1)

политические цели – содействие миру, своим ценностям и благосостоянию народов; 2) правоохранительные цели – обеспечение пространства свободы, безопасности и правосудия без внутренних границ (свободное передвижение лиц, предоставление убежища, иммиграции, профилактика и борьба с преступностью); 3) социально-экономические и культурные цели – стремление обеспечить устойчивое развитие ЕС на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, поддержание высокой степени конкурентоспособности рынка, а также поддержание высокого уровня экономической безопасности.

Кроме этих основных общих целей ЕС ставит перед собой целый комплекс общесоциальных целей: а) борьба с обездоленностью и дискриминацией; б) содействие социальной справедливости и защиты; в) обеспечение равенства женщин и мужчин; г) достижение солидарности поколений; д) усиление охраны прав ребенка.

Для достижения основных целей предусмотрены определенные средства и меры, которые должны учитывать возможности Европейского Союза и его правовые принципы. В п.6 ст.3 Договора о Европейском Союзе сказано: "Союз достигает свои цели надлежащими средствами в пределах компетенции, которая представлена ему в Договорах". Следуя к этим целям Европейский Союз, опирается на определенные принципы.

Обобщение содержания Договоров и научных исследований позволяет характеризовать цели создания Европейского Союза как проявление воли и стремления народов и государств-членов к единству, к устранению противоречий во имя обеспечения экономического, политического и личностного достойного образа жизни всем гражданам Союза. Квинтэссенция цели изложена в §1 ст.1 Договора о функционировании Европейского Союза. Настоящий договор организует функционирование Союза и определяет сферы, границы и порядок осуществления его компетенции. В §2 ст. 5 Договора о Европейском Союзе говорится об этом более категорично: "Любая компетенция, не представленная Союзу в Договорах, принадлежит государствам-членам".

В отдельных учебниках, в иной учебной и научной литературе встречается классификация целей на *цели создания* и *цели деятельности* данного Союза, а на основе такого подхода осуществляют дифференциацию целей на *общие* и *специальные*. Мы не полагаем, что цели создания и деятельности могут существенно расходиться. Мы будем исходить из того, что *цели деятельности Европейского Союза* классифицируются на *общие и специальные*. В соответствии со ст.1 Договора о функционировании Европейского Союза, хотя там речь идет о задачах, направленных на цели, (§1 ст.3, ст.4 и 5 Договора о Европейском Союзе) к *общим целям* относят те из них, которые являются *общими для всего Союза.*

К общим целям относят следующие: 1) *социально-экономическую цель*, с которой связывают достижение экономического и социального прогресса, высокого уровня занятости, сбалансированного и устойчивого развития; 2) *внешнеполитическую цель,* которая предполагает добиться утверждения самобытности Европейской цивилизации и Европейского Союза на международной арене, в мировой цивилизации[1]; 3) *гуманитарная цель* призвана усилить защиту прав и интересов граждан государств-членов посредством введения гражданства Европейского Союза. В части 2 Договора о функционировании Европейского Союза закреплены основные права и свободы граждан на основе принципов гуманизма и демократии; 4) *правоохранительная цель* предполагает достижение результатов усилиями, направленных на сохранение и развитие Союза как пространства свободы, безопасности и правопорядка; 5) *организационная цель*

[1] Фукуяма Ф. Великий разрыв / Фукуяма: пер. с англ… - М.: "Издат.АСТ", 2003. С.358-384; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С.Хантингтон: пер. с англ… - М.: "Издат.АСТ", 2003. С.13-149; Тоффлер Э. Третья волна / Э.Тоффлер: пер.с англ… -М.: "Издат.АСТ", 2004. С.51-78; Зиновьев А.А. Запад – М.: Изд-во "Эксмо". 2003. С.17-409

направлена на полное сохранение и умножение достижений Европейского Союза путем "укрепления и развития их политической солидарности", воздерживаясь от любых действий, которые противоречат интересам Союза или могли бы ослабить его действенность. Эта же цель также предусматривает постоянное совершенствование устройства единой институциональной структуры, обеспечивающей "согласованность и преемственность деятельности" во имя достижения всех системных целей Европейского Союза.

Социальные цели определяют содержание отдельных направлений деятельности Европейского Союза. Большей своей частью они закреплены в нормах Договора о функционировании Европейского Союза, которые регулируют отношения в конкретных направлениях или сферах (ст. 153 ДФЕС). Например, в соответствии со ст.151 данного Договора ставятся цели: "повышение занятости, улучшение условий жизни и труда..., борьбу с маргинализацией", а также *обеспечение достойного жизненного уровня сельского населения* (пункт "в" §1 ст. 39 ДФЕС) и другие. При этом указываются и способы их достижения: стимулирование технического прогресса, оптимальное использование производительных факторов, повышение индивидуальных доходов лиц и другие. То же самое характерно и другим целям-политикам: "в сфере общей транспортной политики" (ст.90-100 Договора о функционировании Европейского Союза); по линии налогов и налогообложения (ст.110-113 данного Договора); в сфере "экономической и денежной политики" (ст.120-138 Договора о функционировании Европейского Союза) и т.д.

Подводя итог сказанному о целях Европейского Союза, хотел бы подчеркнуть, что во многом в нормах учредительных договоров (Договор о ЕС, Маастрихтский договор 1992г., Договор, учреждающий Европейское сообщество – Римский договор 1957г.) цели и задачи совместились. Видимо, можно говорить об одной центральной цели Европейского Союза, как это сделано в §1 ст.3 Договора о Европейском Союзе, а затем о двух-трех целях первого, второго и третьего порядка (ст.7 Договора о функционировании Европейского Союза), а содержание остальных целей, как, наверное, читатель уже заметил, вполне могут быть отнесены к задачам. Какие бы суждения, однако, по данному вопросу ни были, надо подчеркнуть, что законодательство ЕС ясно формулирует направление движения Союза, задачи, которые необходимо решать для достижения основополагающей цели и допустимые способы их решения.

В достижении целей и решении соответствующих им задач важную роль играют ***принципы деятельности*** Европейского Союза. Они отражают провозглашенные в ст.2 Договора о Европейском Союзе ценности: уважение человеческого достоинства, демократии, свободы и другие. *Ими являются руководящие начала,* на основе которых Союз и его органы реализуют свои полномочия в пределах своих предметов ведения. Отдельные авторы принципы, как и цели, классифицируют на *общие* и *специальные.*

К общим принципам функционирования Европейского Союза относят руководящие начала его деятельности во всех областях (сферах). Они составляют довольно большое число принципов, классифицируемых на три группы: 1) общие, сформулированные в первом разделе Договора о Европейском Союзе (раздел I "Общие положения"); 2) "демократические принципы", закрепленные во втором разделе Договора о Европейском Союзе "Положения о демократических принципах"; 3) эта группа принципов, предусмотрена в разделе II "Положения общего применения" части I "Принципы Договора о функционировании Европейского Союза". Большинство принципов данной группы корреспондируют к базовым ценностям Союза, а также к общим и специальным целям его деятельности.

Несомненно, что *основополагающим для Европейского Союза является принцип правового государства и соблюдения прав человека* (ст. 2 ДЕС). По европейским меркам он

является принципом-критерием демократизма государства, союза, сообщества. В демократических государствах источником целей и принципов (нормы-цели, нормы-принципы)[1] являются нормы конституции. То же самое характерно и для Европейского Союза, только в качестве Конституции выступают учредительные (можно сказать, конституционные) договоры. Данное утверждение находит свое подтверждение в текстах учредительных договоров.

Принципы деятельности Союза закреплены, преимущественно, в 1-м разделе Договора о Европейском Союзе "Общие условия" и в части первой Договора о функционировании Европейского Союза - "Принципы".

Фундаментальными считаются также и следующие принципы*:* а) принцип *наделения компетенцией,* или, как указано в §1 ст.4 Договора о Европейском Союзе, любая компетенция, не предоставленная Союзу в Договорах, принадлежит государству-члену, сущность которой заключается в том, что Союз должен действовать в рамках компетенции, присужденной ему государствами-членами; компетенция, не присужденная Союзу Договорами, остается за государствами-членами; б) *принцип лояльного сотрудничества* (§3 ст.4 Договора о Европейском Союзе) предусматривает, что Союз, т.е. и государства-члены, проявляют взаимное уважение и содействуют друг другу в выполнении задач, вытекающих из Договоров, в областях, которые не находятся в пределах его исключительной компетенции; институты ЕС должны действовать только тогда, когда цели "намеченного действия не могут быть достигнуты государствами-членами…"

Следует иметь в виду, что учреждения Союза применяют принцип дополнения не в противоречии с принципом пропорциональности (§4 ст.5 Договора о ЕС). Национальные парламенты должны гарантировать согласие с принципом дополнения в соответствии с предусмотренной процедурой; в) как известно по *принципу пропорциональности,* содержание и форма действия Союза "не должны превышать необходимый для достижения целей… уровень".

После выяснения общих подходов к принципам деятельности ЕС с позиции Договоров (см.: ст. 1-5 Договора о Европейском Союзе) целесообразно рассмотреть: г) *принципы субсидиарности и пропорциональности*, закрепленные в §3 и 4 ст. 5 Договора о Европейском Союзе.

Принцип субсидиарности – определенный способ построения взаимоотношений, предопределяющий, что в тех случаях, когда государство-член не способно решить самостоятельно задачи, возникающие при достижении цели Союза, то они решаются совместными усилиями Европейского Союза (§3 ст.5 Договора о Европейском Союзе). Можно сказать по-другому: Союз не вмешивается в отношения, которые государства-члены успешно могут решать самостоятельно. Данный принцип не распространяется на предметы (сферы) исключительного ведения Европейского Союза, т.е. на вопросы, которые изъяты из ведения государств-членов. Например, к одному из таковых относится установление пошлин общего таможенного тарифа в отношении продукции, импортируемой в ЕС из третьих стран, а также другие мероприятия, осуществляемые в рамках внешней торговой политики Союза.

Анализ данного принципа позволяет сказать: 1) принцип субсидиарности является руководящим началом там, где речь идет о совместной компетенции ЕС и государств-членов; 2) принцип субсидиарности, по смыслу §3 ст.5 Договора о Европейском Союзе, не разграничивает полномочия между ЕС и его членами по предметам ведения; 3) он реализуется институтами ЕС, главным образом, через правотворчество; 4) не дает основания для оспаривания решений институтов ЕС; в силу принципа верховенства права Европейского Союза, государства-члены должны выполнять предписания, которые вытекают из компетенции Союза. Таковым,

---

[1] Право Европейского Союза: Учебник для вузов С.199

например, будет решение Совета ЕС о совместных действиях (ст.28 Договора о Европейском Союзе).

Протокол о применении принципов субсидиарности и пропорциональности к Договорам определяет три критерия применения этого принципа: а) наличие у проблемы национальных аспектов, которые могут быть успешно урегулированы усилиями государств-членов; б) бездействие ЕС противоречит требованиям Договора о Европейском Союзе или существенно ущемляет интересы государств ЕС; в) уверенность в получении выгод в результате действий Европейского Союза.

Принцип пропорциональности предопределяет соразмерность действий Европейского Союза в достижении намеченных целей. В § 4 ст.5 Договора о Европейском Союзе говорится: "Согласно принципу пропорциональности, содержание и форма действий Союза не выходят за рамки того, что необходимо для достижения целей Договоров". Суть данного принципа состоит в том, что средства для достижения целей не должны быть чрезмерными, методы должны быть соразмерными, а режим их применения рассчитан на переход от более легкого к более жесткому. Детальные условия реализации данного и предыдущего принципов закреплены в специальном протоколе к Договору о ЕС "О применении принципов субсидиарности и пропорциональности". Договор Европейского Союза усиливает гарантии принципа субсидиарности в интересах исключения ползущей опасности суперцентрализации или "гиперцентрализации" Европейского Союза.

Из существа содержания рассмотренного принципа следует, что цели конкретных мер должны соответствовать средствам, избранным для их достижения. Данное требование предполагает: а) используемые средства не должны быть чрезмерными, т.е. должны соответствовать необходимости (например, не применять оружие против разъярившихся болельщиков); б) при выборе методов достижения цели следует переходить от применения предельно мягких средств к более жестким. Например, при ликвидации массовых беспорядков следует прибегать к методу правового принуждения, применению специальных средств только тогда, когда не удалось получить целевого результата методом убеждения.

Итак, краткий анализ показывает, что Европейский Союз в своей деятельности важное значение при достижении цели и решении задач придает строгому соблюдению принципов, закрепленных в Договорах.

Малышев С.И.
к.ф.н., доцент,
председатель Территориальной избирательной комиссии Великого Новгорода

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Более чем двадцатилетняя практика проведения выборов на принципах Конституции РФ 1993 года и основанном на них законодательстве позволяет дать оценку зрелости и эффективности российской избирательной системы, а также назвать проблемы, осознанные как основными политическими игроками, экспертным сообществом, так и обществом в целом.

Прежде всего, необходимо отметить, что в целом избирательная система России обладает всеми необходимыми атрибутами и характеристиками, позволяющими на практике реализовывать общепринятые стандарты демократических выборов. В пользу такой оценки говорит вся деятельность государства, начиная с признания, а также и участия в разработке ведущих международных актов в данной области, созданием и совершенствованием национального и регионального законодательства, и заканчивая правоприменительной

практикой субъектов избирательного процесса, в том числе высших судов, решения которых непосредственно дополняют законодательство о выборах, устраняя возникающие пробелы.

Тем не менее, избирательный процесс, требования и условия участия в выборах, практика совершения избирательных действий содержат неурегулированные в полном объеме вопросы, что негативно влияет на уровень доверия граждан, кандидатов к избирательным процедурам и, соответственно – на электоральное поведение.

Речь здесь идет о разных типах проблем. Например, есть проблемы, вызываемые несоответствием требований к партиям, кандидатам как участникам избирательного процесса и степенью ответственности за их несоблюдение.

Примером такого несовершенства законодательства можно назвать требование пункта 10 статьи 48 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» к политической партии в случае ею выдвижения кандидатов, списков кандидатов опубликовать свою предвыборную программу в одном государственном или муниципальном, (соответственно уровню выборов) периодическом печатном издании, а также разместить ее в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»[1]. При этом законодатель не устанавливает никаких требований к формату, объему текста предвыборной программы и не учитывает конкретные возможности печатного издания по предоставлению печатной площади для публикации агитационных материалов. На практике объем печатной площади в газете, приходящийся по результатам жеребьевки конкретному кандидату или избирательному объединению, может исчисляться несколькими квадратными сантиметрами. При таких условиях требование опубликовать предвыборную программу становится невыполнимым. Учитывая, что за невыполнение данного требования избирательное объединение не несет никакой ответственности, выходом из данной коллизии может быть возможность ограничиваться размещением предвыборной программы в сети «Интернет» с указанием сайта, его раздела и т.д.

Другим примером является практика информирования избирателей о кандидатах, в частности сведений об их доходах и имуществе. Такие сведения кандидатами представляются в соответствующую избирательную комиссию, которая организует их проверку, направляя запросы в уполномоченные государственные органы и кредитные организации (всего в 12-14 адресов), обобщает полученные результаты и подготавливает обобщенную информацию, размещаемую затем в окружных, участковых избирательных комиссиях и в сети «Интернет».

Данная проблема имеет несколько аспектов.

Во-первых, упомянутые сведения о доходах и имуществе представляются кандидатами по установленной форме, но зачастую без использования подтверждающих первичных документов. Это приводит к многочисленным ошибкам, неточностям, неполноте сведений.

Во-вторых, результаты проверки сведений некоторыми уполномоченными органами и кредитными организациями представляются в избирательную комиссию в формате: «достоверно» или «недостоверно». Такой формат может означать как отклонение в несколько рублей, так и в десятки, сотни тысяч, а то и миллионы рублей. Между тем, в итоговой информации о кандидатах комиссия должна указывать, что кандидатом представлена недостоверная информация, независимо от «цены вопроса». Существует и практика отказа в предоставлении информации по запросу избирательных комиссий. Например, военные комиссариаты в Новгородской области вообще не предоставляют никаких сведений, ссылаясь на нормы Федерального закона № 152 «О персональных данных».

---

[1] Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Москва, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2014, С.235.

В-третьих, как показал опыт проведения выборов депутатов Думы Великого Новгорода в сентябре 2013 года, кандидатами сознательно могут быть представлены сведения о доходах и имуществе с нулевыми данными. То есть требуемые документы оформлены, подписаны и представлены в комиссию, но фактически не содержат никаких сведений. Тем не менее, в этом конкретном случае, а также и в других, указанных выше, ответственность кандидатов за недостоверность, неполноту (а по сути – и отсутствие) сведений не предусмотрена.

В целом комиссиями выполняется большой (иногда – огромный) объем работы с заведомо неэффективным результатом. На указанных выше выборах обработаны сведения, представленные более чем 450 кандидатами.

Можно сделать вывод, что установленная Законом практика представления кандидатами указанных сведений, их проверки и обобщения избирательными комиссиями не соответствует смыслу требований Закона, предусматривающего доведение до избирателей полной и достоверной информации о кандидатах.

Разрешение этой коллизии возможно при условии, что кандидатами указанные сведения должны представляться вместе с подтверждающими первичными документами, полученными ими по их личным запросам в уполномоченных государственных органах и кредитных организациях.

Кроме этого, напрашивается предложение об установлении ответственности за предоставление недостоверных данных, вводящих избирателя в заблуждение и препятствующее объективной оценке кандидатов.

Другой тип проблем связан с практикой регистрации кандидатов и, в частности, требованиями получения подписей в поддержку выдвижения кандидатов. Несмотря на то, что Закон весьма подробно и конкретно прописывает процедуру сбора подписей и критерии отнесения их к недействительным или недостоверным, определенной части кандидатов не удается соблюсти эти требования и это служит основанием для отказа в регистрации. Решения избирательных комиссий об отказе в регистрации регулярно становятся предметом судебных споров. При этом если кандидаты, оспаривающие решение избирательной комиссии об отказе в регистрации, делают упор на доказывание факта реального получения поддержки избирателей, то для комиссии определяющим мотивом принятия решения является качество внесения подписей и оформления подписных листов лицами, осуществляющими сбор подписей, и кандидатами (уполномоченными представителями избирательных объединений). Разность в подходах к предмету спора вызывает ненужные подозрения, формирует мнение о создании искусственного заградительного барьера.

Другой аспект касается так называемого «муниципального фильтра», применяемого, в частности, на выборах Губернатора Новгородской области, и выражающегося в получении кандидатом поддержки в пользу своего выдвижения со стороны депутатов представительных органов и глав муниципальных образований. Получение поддержки в виде подписей указанных должностных лиц местного самоуправления по процедуре значительно отличается от сбора подписей избирателей, но по смыслу во многом совпадает. В ходе первых же выборов, проходивших в 2012 году, выявилась проблема, связанная с упоминаемым выше искусственным заградительным барьером. Федеральным законом установлено, что «в числе лиц, поддержавших кандидата, должны быть от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации. Число лиц, необходимое для такой поддержки кандидата, устанавливается законом субъекта Российской

Федерации…»[1]

Простой арифметический подсчет возможного числа кандидатов на выборах высшего должностного лица субъекта федерации показывает, что даже при участии всех должностных лиц местного самоуправления на их поддержку при требуемых 10 процентах подписей могут рассчитывать только 9 кандидатов.[2]

Нам кажется, что требование закона о получении кандидатами поддержки своего выдвижения по смыслу должно, прежде всего, подтверждать «качество», зрелость, но в то же время не ограничивать политической конкуренции. «Независимо от имеющихся процедур регистрация не должна быть отягощена неуместными требованиями, не относящимися к вопросу о том, располагает ли политическая партия или кандидат достаточной поддержкой для включения ее в избирательный бюллетень. Основания для отклонения обращения по поводу регистрации должны базироваться на объективных критериях и быть четко сформулированными в рамках законодательной базы».[3]

Кроме вышеназванных существуют и другие проблемы в законодательстве о выборах, традиционно создающие конфликтные ситуации между участниками избирательного процесса. Например, многочисленные попытки уличить конкурентов в «подкупе избирателей» вызваны, прежде всего, разными подходами и взглядами. Неопределенность в критериях оценки, квалификация конкретных действий участников избирательной кампании как проявления подкупа, оставляет, с одной стороны, большое поле для недобросовестной практики в период проведения агитации, а с другой – для необоснованных обвинений. Кроме этого, весьма затруднено доказывание правоохранительными органами существования состава правонарушения.

Подходом к обеспечению большей определенности в этом случае может быть, на наш взгляд, конкретизация разрешенных и запрещенных форм и методов агитационной деятельности при условии полной прозрачности формирования и расходования средств избирательных фондов.

В целом, для устранения правовых коллизий в избирательном процессе законодателю требуется, во-первых, стремление точнее реализовывать в нормах законодательства «дух или смысл Закона», во-вторых, избавляться от «мертвых», не работающих норм, и, в-третьих, обеспечивать гармоничный баланс прав и ответственности участников выборов.

---

[1] Пункт 3 статьи 18 Федерального закона от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

[2] Часть 1 статьи 30 областного закона Новгородской области от 30.05.2012 № 75-ОЗ «О выборах Губернатора Новгородской области»

[3] Рекомендации по анализу законодательной базы выборов. //Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Варшава, март 2001. В кн. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Международные избирательные стандарты. Сборник документов. Выпуск второй. Москва, 2009, С. 225.

Меньшикова Н.С.
соискатель кафедры теории государства и права,
старший переводчик-методист отдела международного сотрудничества
Санкт-Петербургский университет МВД России
***Научный руководитель**: профессор Н.С. Нижник*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ МВД РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ

Одной из главных задач Министерства внутренних дел Российской Федерации после реформирования системы является качественная профессиональная подготовка сотрудников полиции, предусматривающая воспитание нравственно-правовой культуры, формирование духовных ценностей, патриотического духа.

Нравственная и культурная зрелость, патриотический настрой сотрудника полиции напрямую влияет на эффективное осуществление им профессионально-служебной деятельности.

В последнее время уровень юридического закрепления многих моральных норм изменился. Если в 1970–1980-е годы в приказах, наставлениях МВД СССР четко указывалось, что каждый сотрудник правоохранительных органов должен быть честным, бдительным, с достоинством и честью защищать конституционный строй[1], то современные нормативные акты почти не содержат норм, обязывающих сотрудников МВД России соблюдать морально-нравственные нормы поведения, а такие понятия, как «честь», «совесть», «достоинство», требуют более интенсивного упоминания в нормативных актах, противодействуя духовно-нравственному обнищанию личности сотрудника органов внутренних дел[2].

О необходимости формирования патриотического сознания российских граждан как одного из факторов единения нации идет речь в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы»[3]. Программа включает комплекс правовых, нормативных, организационных, методических, исследовательских и информационных общероссийских и межрегиональных мероприятий по дальнейшему развитию и совершенствованию системы патриотического воспитания граждан, направленных на становление патриотизма в качестве нравственной основы формирования их активной жизненной позиции. МВД России активно участвует в реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» и в качестве приоритетного направления определяет патриотическое воспитание молодых сотрудников, военнослужащих, воспитанников, курсантов и слушателей[4]. При этом основные усилия

---

1 Беда А.М. Советская политическая культура через призму МВД: от «Московского патриотизма» к идее «Большого отечества» (1970–1990). М.: Московское государственное объединение архивов. «Мосго-архив». 2002. С. 27.

2 Мельников В.М. Формирование личностно значимых качеств курсантов образовательных учреждений МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец. 2005. С. 24.

3 Постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 года № 795 (ред. от 7 октября 2013 года) «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2010. № 41. Ст. 5250; 2013. № 41. Ст. 5202

4 Нижник Н.С., Меньшикова Н.С. Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского

предлагается сосредоточить на работе в образовательных учреждениях системы Министерства внутренних дел.

Попытки активного участия в духовно-нравственном и патриотическом воспитании россиян предпринимают религиозные организации. Русская Православная Церковь и другие традиционные конфессии как институты гражданского общества в России играют важную роль в воздействии на морально-нравственную сферу общественной жизни. Не случайно поэтому, что реализация задач нравственного, духовного и патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел предполагает совершенствование направлений и форм взаимодействия подразделений системы МВД России с Русской Православной Церковью, традиционными для России конфессиями и другими религиозными объединениями[1].

Согласно «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», принятым 16 августа 2000 г[2]., Русская Православная Церковь одним из направлений своего взаимодействия с государством, полицией и обществом признает участие в воспитании подрастающего поколения. «Православная Церковь призвана к активному взаимодействию со школой, средствами массовой информации, правоохранительными органами. При отсутствии в народе положительного нравственного идеала никакие меры принуждения, устрашения или наказания не смогут остановить злой воли. Именно поэтому лучшей формой предотвращения нарушений закона является проповедь честного и достойного образа жизни, особенно в среде детей и юношества»[3], – отмечается в п. 2 гл. IX «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви».

Основными направлениями деятельности религиозных организаций в образовательных учреждениях МВД России являются: оздоровление нравственного климата в учебных коллективах, профилактика нарушений дисциплины, искоренение неуставных взаимоотношений, суицидальных настроений, межнациональной и межрелигиозной напряженности.

При поддержке членов общественных советов при ГУ МВД России во многих российских образовательных заведениях МВД России регулярно проводятся лекции, семинары и встречи с представителями религиозных организаций с целью профессиональной подготовки и воспитания курсантов и слушателей.

В вузах МВД России уже имеет место плодотворная и систематическая деятельность религиозных организаций по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию курсантов.

Продуктивное взаимодействие курсантов и слушателей с духовными и общественными организациями духовно-нравственной направленности осуществляется в Санкт-Петербургском университете МВД России. С 2010 г. Санкт-Петербургский университет МВД России является членом Межвузовской Ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров»[4]. Ассоциация создана с целью координации деятельности своих членов в области духовно-

---

государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(36). С. 62–63.

[1] См., например, Приказ МВД России от 1 января 2009 г. № 1 «Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009–2014 годы» (текст опубликован не был) // Консультант Плюс. 1997–2014. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=504466 (дата обращения 27.09.2014).

[2] Официальный сайт Русской Православной Церкви. Patriarchia.ru. 2012–2016 – http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 26.09.2014).

[3] Там же.

[4] Межвузовская Ассоциация «Покров» – http://www.pokrov-forum.ru/ (дата обращения: 26.12.2014).

просветительской деятельности, проведения научных и научно-практических конференций, организации иной межвузовской деятельности и поддержки отдельных авторских программ и проектов. В СПб У МВД России проводятся конференции духовно-нравственной тематики, встречи со священниками и духовными лидерами. На территории университета на пожертвования личного состава построен православный Храм в честь Святого Благоверного Великого князя Димитрия Донского[1].

На базе Московского университета МВД России проводятся Международные Рождественские чтения и научно-практические конференции по проблемам взаимодействия органов внутренних дел с традиционными религиозными конфессиями, университет активно взаимодействует с религиозными лидерами в целях использования их духовно-нравственного и культурного потенциала в профессиональном воспитании сотрудников. На территории университета построен храм-часовня во имя Архистратига Божия Михаила, в котором еженедельно проводятся службы для сотрудников Университета.

В Тюменском юридическом институте МВД России для сотрудников, слушателей и курсантов представители духовенства из числа членов Общественного совета регулярно читают лекции по религиоведению, а также проводят конференции и круглые столы[2].

В Орловском юридическом институте МВД России в рамках системы служебной подготовки с курсантами и руководящим составом на постоянной основе читается курс лекций «Духовная безопасность личности, общества и государства», посвящунный проблемам влияния религии на государственную идеологию и политические процессы[3].

Процесс взаимодействия МВД России с религиозными организациями по воспитанию нравственно-правовой культуры, духовных ценностей, патриотического духа у личного состава развивается успешно и строится с учетом вклада соответствующих организаций в российскую и мировую культуру, их влияния на современное российское общество, масштабов их поддержки российскими гражданами.

Мерзликина Р.А.
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказский федеральный университет

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ПОНЯТИЙ «НАСЛЕДОВАНИЕ» И «НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО»

В данной статье позвольте предложить для обсуждения проблему определения понятий "наследование" и "наследственное право" так они непосредственно влияют на определение предмета наследственного права, а вопрос о предмете, на наш взгляд, до настоящего времени не имеет легального законодательного разрешения.

В учебнике русского гражданского права Г.Ф. Шершеневич называл шесть институтов гражданского права, в том числе наследственное право[4]. Г.Ф. Шершеневич следующим

---

1 Санкт-Петербургский университет МВД России. Официальный сайт – http://www.univermvd.ru/index.php?view=article&catid=35%3A2008-11-27-23-33-51&id=658%3Aju&tmpl=component&print=1&page=&option=com_content (дата обращения: 26.12.2014).

2 Тюменский юридический институт МВД России. Официальный сайт – http://www.tipkmvd.ru/history.htm (дата обращения: 26.12.2014).

3 Орловский юридический институт МВД России. Официальный сайт – http://www.urinst.orel.ru/ (дата обращения: 23.01.2015).

4 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по издани. 1907г.) М:, «Спарк» 1995.С 55.

образом определял наследственное право как подотрасль гражданского права: «Наследственным правом в объективном смысле называются юридические нормы, определяющие переход имущества, оставшегося после умершего, к другим лицам, и образующие в своем объединении наследственный институт». В субъективном смысле под именем наследственного права, или иначе права наследования, понимается право известного лица на приобретение наследства или на вступление в совокупность юридических отношений умершего лица[1]. Характеризуя в общей части гражданского права юридические отношения в субъективном смысле, Г.Ф. Шершеневич неоднократно упоминает понятие наследование.

В современных учебниках по гражданскому праву и в иных самостоятельных публикациях ученые лишь пересказывают понятие наследование, не определяя предмет наследственного права. Более того, в учебнике гражданского права под редакцией профессора Е.А. Суханова, автор главы 17 «Наследование собственности граждан» Е.В. Кулагина под собственностью граждан понимает наследственную массу, что не соответствует действительности, и в дальнейшем сама же вносит уточнение о том, что «в состав которой (т.е. наследственной массы) входят имущественные права и обязанности». Далее Е.В. Кулагина заявляет, что наследственное право теснейшим образом связано с правом собственности граждан: «Ведь, с одной стороны, наследование позволяет реализовать правомочие распоряжение своим имуществом, с другой стороны – является одним из оснований возникновения права собственности». При этом автор этой главы не различает понятия «наследственное право» и «наследование»[2].

Если обратиться к монографии С.С.Шевчук «Наследственное право России», то можно обратить внимание на следующее. Автор монографии, цитируя определения понятий «наследование» и «наследственное право», которые предлагает целый ряд ученых, делает вывод о том, что «… большинство из них считают предметом наследственного права отношения по переходу имущественных и некоторых личных неимущественных отношений к другим лицам» с чем можно согласиться. Вместе с тем, такое определение предмета наследственного права, как замечает Шевчук С.С., страдает рядом недостатков. Как указывает автор монографии, основным недостатком является, в частности, отсутствие конкретизации в правовой характеристике соответствующих отношений, необходимая для выявления их сущности[3]. И чтобы конкретизировать соответствующие отношения, С.С. Шевчук возвращается к мысли о том, что переход совокупности имущественных и некоторых личных неимущественных прав и обязанностей от умершего к другим лицам в установленном законом порядке опосредуется наследованием или наследственным правопреемством. И поэтому автор монографии, конкретизируя далее наследственные отношения, рассматривает признаки наследования, а не наследственных отношений. Как представляется, эта мысль возвращает исследователя к той ошибочной позиции ученых о том, что наследование и наследственное право идентичны, то есть наследственное право – это наследование.

На наш взгляд, понятие «наследование» не идентично понятию «наследственное право». Предмет наследственного права это комплекс тех отношений, которые регламентируются нормами наследственного права, Такие отношения можно назвать как наследственно-правовые отношения, возникающие на основании завещания или закона. Представляется, что если в объективном смысле наследственное право – это совокупность определенных норм о наследовании, то в субъективном смысле нормы наследственного права определяют основания

---

1 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по издани. 1907г.) М:, «Спарк» 1995.С.468.

2 Кулагтна Е.В. Наследование собственности граждан.//Гражданское право: В 2 т. Том 1: Учебник /Отв.ред.проф. Е.А.Суханов.М.: БЕК. 2000. С. 534.

3 Шевчук С.С. наследственное право России. Учебное пособие./ Ставрополь. СКСИ.. 2006. С. 35-36.

возникновения права наследования (завещание или закон), порядок его осуществления (путем указания в завещании имущества и правопреемников этого имущества, а также путем принятия наследства правопреемниками или путем отречения от него или отчуждения в пользу иных лиц) и нормы, определяющие порядок принятия наследства, то есть непосредственный переход имущественных прав и некоторых неимущественных прав и обязанностей умершего к иным лицам. Поэтому на наш взгляд, такие отношения имеют свои отличительные признаки, и поэтому они не должны сливаться с другими имущественными и связанными с личными неимущественными отношениями, основанными на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности, которые указаны в ст. 2 ГК РФ. Это самостоятельные отношения, которые должны быть отражены в ст. 2 ГК РФ путем указания в п.1 ст. 2 ГК РФ на то, что гражданское законодательство … определяет основания возникновения и порядок осуществления права наследования и порядок непосредственного перехода имущественных прав и некоторых неимущественных прав и обязанностей умершего к иным лицам.

Безусловно, понятие «наследование» является ключевым в теории наследственного права: от него происходят понятия «наследство», «наследственное право», «наследственное правоотношение». Основанием наследования является завещание или при отсутствии завещания - закон. Если правом составить завещание гражданин при полной дееспособности обладает в любое время до наступления смерти, то право наследовать имущество возникает или после наступления смерти гражданина, или на основании объявления судом гражданина умершим. Поэтому права наследовать для участников таких отношений возникают не одновременно, а в разные сроки.

В соответствии со статьей 1110 ГК при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил настоящего Кодекса не следует иное.

Пункт 1 ст. 1110 юридически содержит в себе три правовые новеллы. Первая устанавливает, что имущество умерших лиц переходит к другим лицам и что такой переход является наследованием. Вторая определяет, что этот переход происходит в порядке правопреемства, и притом универсального, а также называет три признака универсального правопреемства. Третья предусматривает возможность существования изъятий из правил, содержащихся в п. 1 ст. 1110.

Все три новеллы, представленные в п. 1 ст. 1110, опираются на положения российского конституционного права и являются гражданско - правовой реализацией этого права.

Иначе, под «наследованием» понимают переход прав и обязанностей умершего лица - наследодателя в порядке, предусмотренном законом. Этот переход имеет четыре следующих особенности:

а) он осуществляется в порядке универсального правопреемства, т.е. права и обязанности умершего лица выступают как единое целое;

б) переход осуществляется в порядке правопреемства: могут перейти только те права и обязанности, которыми обладал наследодатель и что их не может быть больше, чем было у наследодателя;

в) права и обязанности наследодателя переходят к его наследникам одномоментно;

г) все права и обязанности умершего лица переходят к его наследникам, за некоторым исключением, установленных законом.

Наследование занимает особое место среди других гражданско - правовых институтов, которым уделено внимание в Конституции РФ. Наследованию предоставлена конституционная гарантия. Конституция РФ провозглашает: «Право наследования гарантируется» (ч. 4 ст. 35). А

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 января 1996 г. раскрыл содержание этих конституционных положений, установив, что они предоставляют свободу наследования. «Это право, - сказано в Постановлении, - включает в себя как право наследодателя распорядиться своим имуществом, так и право наследников на его получение».

Вместе с тем многие исследователи вопреки Постановлению Конституционного Суда РФ от 16 января 1996 года о том, что «право наследование включает право наследодателя распорядиться своим имуществом, так и право наследников на его получение», обращают внимание только лишь на обеспечение права наследования имущества наследником. Обеспечение права наследодателя распорядиться свои имуществом в соответствии со своими интересами оставалось без должного внимания. Так толкуя п. 4 ст. 35 Конституции О.В. Кутузов утверждает, что «Из большинства рассматриваемых в литературе принципов наследственного права следует выделить лишь те, которые представляются наиболее логичными и полно отражающими суть права наследования. В первую очередь следует назвать принцип обеспечения наследнику права наследования, гарантированный ст. 35 Конституции РФ»[1].

На наш взгляд, такая точка зрения порочна. Она сложилось в силу того, что первичным основанием наследования являлся закон, а не завещание. В настоящее время можно сказать, что завещатель в первую очередь вправе определять условия наследования своего имущества, и воля завещателя также гарантируется Конституцией РФ. На основании закона граждане вправе распорядиться своим имущество по своему усмотрению путем составления завещания. Но если составляется завещание, то завещатель обязан также как и законодатель при наследовании по закону четко определить лиц - правопреемников его прав и обязанностей, их доли в наследстве, а также включить распоряжения в отношении иных лиц, если это необходимо. А указанные в завещании лица обязаны или дать согласие на наследование, или отказаться от наследования. Такие правила закона могут гарантировать конституционное право наследования. А именно, завещатель гарантирует путем составления завещания переход прав и обязанностей, составляющих наследуемое имущество, а правопреемники гарантируют распорядиться завещанным имуществом – или стать наследниками или отказаться от наследования и передать право на наследование иным лицам. В завещании как в односторонней сделке завещатель берет на себя обязанность по распоряжению своим имуществом на случай смерти в пользу правопреемников, а не иными способами. Обязанности по распоряжению состоят из а) определения состава самого имущества, б) лиц-правопреемников этого имущества, в) их долей, г) сделать завещательное возложение при необходимости, д) определить исполнителя завещательного отказа и т.п.

Лица, указанные в односторонней сделке - завещании становятся правопреемниками. Они приобретают также обязанность по распоряжению имуществом завещателя а) или путем согласия на принятие имущества б) или путем отказа от данного имущества; Эти обязанности правопреемники также осуществляют путем заключения односторонней сделки: сделки по принятию наследства путем выражения своей воли стать наследниками по личному заявлению или сделки по отказу от наследства. В первом случае это осуществляется а) по волеизъявлению в соответствии с заявлением об отказе; б) или отказ оформляется в соответствии с законом.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Наследственные отношения должны быть представлены в перечне отношений, регулируемых гражданским законодательством в ст. 2 ГК РФ. И, на наш взгляд, в редакцию ст. 2 ГК РФ о

---

[1] Кутузов О.В. Наследование по завещанию: анализ правовой теории и практики. // Автореф. на соис. канд.юрид наук . М.2005. С. 3.

предмете гражданского права необходимо внести изменения и дополнения в отношении наследственных прав, в частности «гражданское законодательство определяет основания возникновения и осуществления наследственных прав и порядок перехода наследуемого имущества или отказа от него».

Мерзликина Р.А.
к.ю.н., доцент доцент кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказский федеральный университет
Бычкова А.В.
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказский федеральный университет

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИХ ВИДЫ НА ПРИМЕРЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Физкультурно-спортивные коммерческие организации играют одну из важных ролей в экономики спортивного направления. Они по своей структуре как юридические лица составляют основу осуществления деятельности в сфере физической культуры и спорта. Как бы корыстно это не звучало, но помимо культурных и духовных ценностей, спорту также присуща финансовая сторона данного вопроса. Здесь можно говорить, что она так же является одним из стимулов развития физической культуры и спорта в стране.

Как замечала Гусева С., физкультурно-спортивные организации, в том числе спортивные и иные клубы, а так же непосредственно спортсмены, тренеры, служащие и просто болельщики – все эти субъекты спортивной отрасли создают одни масштабные экономические отношения в области физической культуры и спорта. При этом у всех этих лиц имеются свои собственные экономические интересы и свои цели, которые могут кардинальным образом отличаться друг от друга[1].

Правовой статус физкультурно-спортивных организаций подчиняется общим правилам, установленным гражданским законодательством Российской Федерации для коммерческих и некоммерческих организаций, конечно со своими особенностями, которые могут быть только у юридических лиц физкультурно-спортивной направленности, а что это за особенности нам и предстоит определить.

Несомненно, особенности правового статуса организаций определённой направленности, регулируют специальные законы, в нашем случае это закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Закон признает особый правовой статус физкультурно-спортивных организаций, конкретизируя это в статье 2, где дается понятие данного юридического лица[2]. Согласно закону физкультурно-спортивная организация - юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, осуществляющее деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности. Обратим внимание на первую особенность, характерную для физкультурно-спортивных юридических лиц. Основной вид деятельности – физическая культура и спорт в независимости от организационно-правовой формы.

---

1 Гусева С. PR-кампания спортивной организации/ М.: Лаборатория книги. 2010 г. С. 10

2 Азарова Е.Г., Зенков В.Н., Лапаева В.В. Социальное законодательство: Научно-практическое пособие" /отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Н. Зенков. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М. 2005. 352 с. НПП «КонсультантПлюс». www.consultant.ru

Как отмечают ученые, к физкультурно-спортивным организациям относятся: спортивные общества, спортивно-технические общества, федерации по видам спорта, образовательные учреждения, осуществляющие деятельность в области физической культуры и спорта, спортивные клубы, центры спортивной подготовки, студенческие спортивные лиги, а также общественно-государственные организации, осуществляющие подготовку и организующие соревнования по военно-прикладным и служебно-прикладным видам спорта[1]. Нельзя не отметить, что положения настоящего Федерального закона, регулирующие деятельность физкультурно-спортивных организаций, применяются соответственно и к индивидуальным предпринимателям, осуществляющим деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности (п.30 ст.2)[2].

Исходя из обычного гражданско-правового оборота, физкультурно-спортивные организации в зависимости от их организационно-правовой формы, помимо специального закона о спорте, подчиняются нормам законов о хозяйственных товариществах и обществах, об обществах с ограниченной ответственностью и т.д. Как указывает О.Н. Садиков «определение той либо иной организационно-правовой формы помогает другим субъектам гражданского оборота точно установить границы возможностей и ответственности организации[3]».

Безусловно, в зависимости от той или иной организационно-правовой формы правоспособность физкультурно-спортивных организаций должна быть различна. Специфика физкультурно-спортивных организаций заключается в том, что даже коммерческие физкультурно-спортивные организации имеют специальную правоспособность, так как они создаются с учетом норм, регулируемых ФЗ «О физической культуре и спорте», который четко регламентирует основной вид деятельности данных юридических лиц. Кроме того, исходя из сложившейся практики, не всегда физкультурно-спортивные организации, которые по своей сути близки к коммерческим, образуются в формах коммерческих организаций. Речь идет о спортивных клубах, которые по своему характеру деятельности подпадают больше под описание коммерческих юридических лиц. Однако, исходя из финансовых возможностей, таким организациям более удобно организовываться в некоммерческой форме, тем самым, обеспечив себе финансовую поддержку государства.

Так в чем же заключаются особенности правового статуса коммерческих юридических лиц физкультурно-спортивной направленности и есть ли они вообще? Действительно, исходя из рассмотренного материала, можно сделать вывод, что коммерческие физкультурно-спортивные организации должны подчиняться всем тем же законам, что и обычные коммерческие юридические лица, однако в отличие от обычной коммерческой организации, целью которой является извлечение прибыли из своей деятельности, физкультурно-спортивные организации помимо извлечение прибыли, являются все-таки идеологическими, т.е. прежде всего их основная деятельность должна быть направлена на развитие физкультуры и спорта в регионах, на организацию работы по развитию физической культуры и спорта среди различных групп населения, на создание условия для охраны и укрепления здоровья спортсменов и других участвующих в спортивных соревнованиях и учебно-тренировочных мероприятиях лиц, обеспечение спортсменам и тренерам необходимые условия для тренировок, а также иное содействие этим лицам в достижении высоких спортивных результатов (п.30 ст.2 №329-ФЗ). На

---

[1] Шамардин А.И., Фискалов В.Д., Зубарев А.Ю., Черкашин В.П. Организационные аспекты управления физкультурно-спортивным движением. Учебное пособие. М.: Советский спорт. 2013 г. С. 347-348.

[2] Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». НПП «КонсультантПлюс». www.consultant.ru

[3] Садиков О.Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой(постатейный). М.:ИНФРА-М, 2007.С.131.

наш взгляд цель создания коммерческих юридических лиц в сфере физической культуры и спорта и является их особенностью, а извлечение прибыли, все-таки, вторичный продукт деятельности данных организаций. Поэтому правоспособность коммерческих физкультурно-спортивных организаций будет всегда специальной.

Коллизия норм наблюдается и в ст.10 закона, которая регламентирует возможность создания физкультурно-спортивных организаций в любой организационно-правовой форме. Данное утверждение считаем необоснованным и поспешным, так как законодателем не были проанализированы целесообразность и разумность создания физкультурно-спортивных организаций, например, в форме производственного кооператива, либо крестьянско-фермерского хозяйства, религиозной организации и т.д.

Поэтому находим целесообразным, внести предложение по конкретизации организационно-правовых форм физкультурно-спортивных коммерческих организаций в законе, а именно:

- хозяйственные товарищества (полное товарищество, товарищество на вере);
- хозяйственные партнерства;
- хозяйственные общества (ООО, АО)

В данных организационно-правовых формах могут создаваться такие спортивные коммерческие корпорации как спортивные клубы, центры спортивной подготовки, студенческие спортивные лиги, физкультурно-спортивные общества, спортивно-технические общества.

Определив четкий порядок организационно-правовых форм физкультурно-спортивных коммерческих организаций, мы конкретизируем правовой статус каждой организации, осуществляющей деятельность в области спорта, пределы ее возможности и границы ответственности.

Немаловажным процессом в признании правоспособности юридического лица, как коммерческого, так и некоммерческого, является процесс его государственной регистрации. Об этом указывает ряд ученых, таких как С.В. Алексеев, Е.Ю. Асташкина и иные. В свою очередь они отмечают, что регистрация юридического лица необходима, так как благодаря именно этому процессу происходит признание субъекта государством, наделением его правами и обязанностями юридического лица, т.е. узаконивание его статуса в гражданско-правовом обороте, а так же государственного надзора, контроля, ведения учета, классификации, хранения и выдачи соответствующей информации. Именно с момента внесения записи в единый государственный реестр записи о создании, правоспособность юридического, лица имеет место быть. И действительно, регистрация юридического лица, определяет появления нового субъекта, подтверждает законность его существования.

Милюшене А.П.
доцент кафедры уголовного права и процесса
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
Юдин Е.В.
студент Юридического института
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВЕ РОССИИ

Деятельность судебных приставов в Российской Федерации имеет чрезвычайно большое значение, так как она затрагивает интересы очень многих граждан и организаций, направлена на

своевременную и правильную реализацию судебных актов, обеспечение установленного порядка деятельности судов, защиту прав и свобод граждан. От того, насколько качественна выполняемая судебными приставами работа, зависит уровень законности и правопорядка в Российской Федерации. Данный фактор и детерминирует актуальность проводимого исследования.

Впервые информация о предшественниках судебных приставов – ябетниках, мечниках, метельниках – встречается в памятнике права Древнерусского государства XI века Русской Правде[1]. Позднее информацию о них можно найти в берестяных грамотах XII-XIII веков. Предшественники судебных приставов назывались, как уже было отмечено выше, по-разному, в зависимости от функций, которые на них возлагались. Ябетником назывался княжеский судья или лицо, поддерживающее обвинение, выполняющее функции судебного следователя и исполнителя; детским называли младшего дружинника, занимавшего невысокую должность в управлении и суде, выполнявшего разовые поручения[2]; биричем – сборщика податей и штрафов, блюстителя порядка[3]; дворяно, «приставе», праведщиком, сотским, мечником – княжеских слуг, которые были вооружены мечом и выполняли функции судебного исполнителя, занимались, в основном, исполнением денежных взысканий[4]. Согласно берестяной грамоте № 307, они «опечатывали имущество, предъявляя официальные рукописания»[5].

Памятники права периода раздробленности Руси XV века - Новгородская и Псковская судные грамоты - более детально регламентируют полномочия судебных приставов[6]. Эти полномочия значительно связаны с судебной деятельностью, осуществлением различных функций. Так, например, Псковская судная грамота определяет такую обязанность позовников и подверников, как вызов сторон судебного разбирательства в суд: позовники вручали так называемые позовницы (судебные повестки) (ст. 25); подверники присутствовали при судебном разбирательстве и обеспечивали порядок в зале судебного заседания, в случае оказания им сопротивления, например, при попытке незаконно проникнуть в суд, с виновных взыскивался штраф в пользу князя и дополнительно 10 денег в пользу самих подверников, которых в суде было двое, в качестве компенсации (ст. 58). Также они занимались организацией и проведением судебных поединков, исполняли судебно-административные решения. За свою деятельность подверники и позовники получали вознаграждение в виде денег, куниц и так далее[7]. Размер вознаграждения указанных лиц зависел от расстояния, которое они должны были преодолеть в связи с исполнением своих функций, а также от сложности дела (ст. 49, 64, 65).

Таким образом, с появлением Древнерусского государства формируются отдельные должности, на которые возлагались обязанности по исполнению властных, а позднее и судебных решений, обеспечению установленного порядка в суде и организации судебного

---

1 Русская Правда // Российское законодательство X-XX вв. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 47-80.

2 Голубев В. М. Очерки по истории судебных приставов России. – М., Московский университет МВД России. 2007. – С. 11-13.

3 Поучение Владимира Мономаха // Русские летописи XI-XVI веков. Избранное. – СПб., 2006. – С. 185.

4 Самохвалов С. В. Судебные приставы допетровской Руси (Очерк истории института судебных приставов в XII-XVII веках). – М., 2002. – С. 6.

5 Голубев В. М. Очерки по истории судебных приставов России. – М., Московский университет МВД России. 2007. – С. 19-21.

6 Псковская Судная грамота 1467 г. // Российское законодательство X - XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 312-344; Новгородская Судная грамота 1471 г. // Российское законодательство X - XX вв. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 300-309.

7 Двинская уставная грамота 1397 г. // Российское законодательство X - XX вв. – Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1984. – С. 180-183.

разбирательства. Основным их предназначением являлось исполнение судебных решений, что позволяет называть их судебными исполнителями. Лица, замещавшие эти должности, являлись предшественниками судебных приставов, поскольку их функции во многом совпадают с функциями тех, кто замещает судебных приставов в настоящее время.

Принятие Судебника 1497 года, известного как Судебник Ивана Великого, было обусловлено образованием Русского (Московского) централизованного государства, усилением централизации власти[1]. Данный правовой акт является основным сводом законов Русского (Московского) государства конца XV века, который регламентировал деятельность суда и судебных исполнителей, а также устанавливал единые правовые нормы, регламентирующие судебный процесс в уже централизованном государстве. В это период приставы, которые несли службу в суде в течение одной недели, стали называться недельщиками (ст. 4). В их компетенцию входили следующие функции: вызов сторон в суд, арест и проведение пытки обвиняемого, исполнение решений суда, передача в суд дел о воровстве и розыск виновных, охрана земельных участков, ставших предметом иска (ст. 28, 31). Недельщики по просьбе истца и с целью помощи ему в розыске ответчика могли назначаться судом[2]. Также, согласно Судебнику 1497 года, недельщики за свою деятельность получали вознаграждение, размер которого зависел от характера самой деятельности, территории исполнения (в пределах Москвы или за ее пределами) и проделанного расстояния («хоженое», «езд») (ст. 29).

Данный памятник права еще предусматривал выдачу недельщику приставной грамоты, которая являлась правовым основанием для взятия на поруки ответчика при вызове его в суд, осуществления обыска, исполнения судебного решения и других действий (ст. 28). Приставная грамота предъявлялась наместнику соответствующей территории, с чьего разрешения и действовал недельщик (ст. 37). Сурово пресекалось получение взятки недельщиком: если недельщик был уличен в получении взятки, то его наказывали торговой казнью, затем он должен был возместить втрое больше, и ему больше нельзя впредь занимать данную должность (ст. 32). Недельщику запрещалось брать вознаграждение за назначение поручителей при выезде на расследование и ездить с приставными в своем городе (ст. 31). Также его обязанностью было не задерживать передачу дела в суд (ст. 36).

Судебник 1550 года несколько иначе регламентировал ряд вопросов, имеющих отношение к деятельности судебных исполнителей, которые по-прежнему назывались недельщиками[3]. Согласно Судебнику 1550 года, недельщикам запрещалось привлекать себе в помощь родственников и служилых (зависимых) людей. Помощниками могли быть только так называемые ездоки и заговорщики (не более 7 человек), заключившие договор с недельщиком (ст. 45, 48). Таким образом, помощники закреплялись официальным путем, чтобы предотвратить возможность включения в их ряды самозванцев.

Нововведениями также являлись необходимость недельщикам иметь поручителей, которые несли имущественную ответственность за действия недельщиков (ст. 47), и конкретизация ответственности последних за ненадлежащее исполнение своих функций. Например, за умышленное превышение размеров установленной законом пошлины недельщик должен был уплатить штраф в тройном размере (ст. 8), за несанкционированную со стороны вышестоящей инстанции выдачу на поруки вора или его продажу недельщик не только, как в Судебнике 1497 года, возмещал ущерб в двойном размере и наказывался торговой казнью, но и подвергался тюремному заключению (ст. 54).

---

1 Судебник 1497 г. // Памятники русского права. – М., 1955. Вып. III. – С. 339—374.

2 Герберштейн С. Записки о московитских делах. – СПб., 1908. – С. 85.

3 Судебник 1550 г. // Памятники русского права. – М., 1956. Вып. IV. – С. 231-261.

По мере усиления централизации государственной власти Российского (Московского) государства отчетливо проявляется увеличение количества полицейских функций судебных исполнителей. Соборное Уложение 1649 года, которое было принято во время царствования Алексея Михайловича, подробно регламентирует их полномочия по содействию в раскрытии преступлений и поддержанию общественного порядка (ст. 120, 137-145, 146)[1]. В дальнейшем эта тенденция в деятельности судебных исполнителей будет оставаться вплоть до начала судебной реформы Александра II в 1864 году.

Если ответчик уклонялся от вручения ему приставной памяти, то пристав должен был его изловить и привести в суд (ст. 139).

Соборное Уложение 1649 года еще более усилило ответственность судебного исполнителя за неправомерные действия. Так, в случае оказания предпочтения интересам какой-либо стороны, а также и за несвоевременное оформление исполнительных документов судебный исполнитель подвергался телесному наказанию в виде битья батогами, лишался права занимать должность впредь (ст. 123).

Таким образом, деятельность предшественников судебных приставов в Русском (Московском) государстве в XV-XVII веках регламентировалась рядом нормативных актов, которые закрепили их правовой статус в качестве должностных лиц, осуществляющих государственные функции. Они осуществляли свою деятельность по строго определенным правилам и несли за свои неправомерные действия юридическую ответственность. Судебные приставы занимались доставкой стороны в суд, осуществляли арест и пытку обвиняемых, передавали в суд дела о воровстве, занимались организацией поля (судебного поединка), организовывали общую ссылку, то есть допрос свидетеля, на которого ссылаются обе стороны (ст. 144).

Митина С.И.
д.ю.н., доцент
заведующий кафедрой теории государства и права
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА И КОНТРОЛЯ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Государственный контроль и учет как важнейшие функции государственной власти на каждом историческом этапе отражал степень заинтересованности государства в развитии тех или иных институтов развития общества, в том числе и в сфере сохранения культурного наследия народа.

В истории формирования институтов государственного контроля в сфере сохранения культурного наследия можно выделить два этапа в зависимости от характера средств, способов и природы регулирования. Так, говорить о правовом регулировании следует с момента издания специальных правовых актов, устанавливавших режим государственного учета и охраны памятников исторического и культурного наследия.

В отечественной науке сложилась традиция вести отсчет нормативного закрепления учета и сохранения объектов культурного наследия в России с указа Петра I 1718 г. о собирании вещей для Кунсткамеры. Начало XVIII в. исследователи считают временем

[1] Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X - XX вв. – Т. 3. Акты Земских соборов. – М., 1985. – С. 76-257.

осознанной постановки на государственном уровне вопроса об охране отечественных древностей[1].

В современной научной литературе существует точка зрения, согласно которой изначально интерес властных структур России к древностям был связан с проблемой владения ценностями, находящимися в земле. Государство стремилось обратить в свою собственность различные находки, в том числе древние, и всячески пыталось препятствовать их расхищению, другими словами, – противодействовало кладоискательству[2]. Научные изыскания, несущие признак государственной санкционированности, стали важнейшим методом расширения государственного контроля.

Примеры первых запретов частных изысканий археологического характера (т. е., кладоискательства), связывают с западными областями будущей Российской империи. К 1552 г. относится запись в люстрации Каневского замка о деятельности т. н. «копачей», которые «по городищам и селищам … могилы…выкидывают….», добывая драгоценности. Во Втором Литовском статуте 1566 г. как средство борьбы с этим промыслом указывается право владельца земли на половину всего найденного. В XVII в. подобными делами на Руси занимался Разрядный приказ. Именно туда стекались «сыски о кладах» [3]. С формированием запретов на самовольные раскопки древних памятников лицами, не имеющими специальной подготовки, современные специалисты связывают становление научной археологии в России[4].

Между тем, задолго до этого государство старалось поставить под контроль то, что отнюдь не было скрыто от людского внимания в земле, а наоборот, находилось на всеобщем обозрении, представляло ценность в силу господствовавшего религиозного и общекультурного мировоззрения. Это, прежде всего предметы религиозного культа. А.Б. Шухободский определяет памятники «культового типа» как одну из самых древних и массовых групп памятников, анализ специфики которых «является одним из центральных» в понимании феномена «памятника истории и культуры»[5]. Изначально церковь выступала главным хранителем и органом, отвечавшим за учет ценностей, имеющих общенациональное значение. Соответствующие документы хранились, например, в монастырских библиотеках.

С упомянутого указа Петра I 1718 г. ведет отсчет нормативное закрепление государственного контроля над историческим достоянием. Объясняется это тем, что имперская система управления, преодолевшая последние остатки вотчинной обособленности, требовала тотального контроля над всеми сферами жизни общества, в том числе и над культурным и историческим наследием.

Благодаря закрепленному в указах Петра I распоряжению отбирать из церквей и часовен разные образа и хранить их в ризницах при соборах и монастырях, Новгородский Софийский

---

[1] Работкевич А.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в – начале XX века: Автореф. дис. …канд. культурологии. – М., 1999. С. 16. См. также: Михеева И.В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX - начале XX веков: Историко-правовой аспект: Автореф. дис. …канд. юр. наук. – Н. Новгород, 1999. С. 6-7; 9.

[2] Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М., 2011, С. 15.

[3] Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки… С. 15-16.

[4] Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России// «Круглый стол» Совета Федерации. 19 марта 2004 года. [Электронный ресурс] толерантный-кавказ.рф›attachments/10.pdf (дата обращения. 10.10.2014.)

[5] Шухободский А.Б. Культовый тип «памятника истории и культуры» в современной России// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 207.

собор превратился в хранилище уникальных икон, и других произведений искусства, в том числе неканонического содержания.

Интерес общества к историческому наследию стимулировал развитие научной мысли в России. Л.Р. Клебанов обращает внимание, что собирание и хранение исторических памятников в России практически сразу становится неразрывным с научной деятельностью. Именно «…Академия наук в 1759 г. затребовала у Синода сведения обо всех церквях и монастырях, их планы, историю. А спустя 12 лет Екатерина II, изымая земли у монастырей, требовала подробное описание всего монастырского имущества. Это была первая попытка в стране создать свод наиболее древних собраний рукописей, икон, различных произведений прикладного искусства»[1].

Однако познавательный интерес общества в конце XVIII в. не проявился в той мере, чтобы инициировать запрос к власти об охране национального достояния. Можно согласиться со А.С. Смирновым, что широкие круги общества еще не сформировали четко выраженной потребности в познании материальной культуры прошлого[2]. Впрочем, эту тенденцию исследователи истории Новгорода наблюдали и в более поздние времена. П. Гусев в начале XX в. с горечью отмечал, что «…в истории Новгорода имеется длинный список уничтоженных церковных и гражданских зданий. Так случилось и с Яковлевским собором в Неревском конце, упраздненным в 1837 г. (Основан в 12 в, развалился в 1846 г.). …Церковь св. Лазаря постоянно привлекала к себе внимание посетителей Новгорода своею живописною стариною, недавно разобрана окончательно. Это случилось в 1859 г. … В те времена не любили поддерживать древности, а просто сломали и построили новую»[3].

Несмотря на то, что первые коллекции уникальных предметов и произведений искусства XV – XVIII вв. принадлежали частным лицам, (князьям, боярам) и церкви[4], в России инициатива в охране исторического наследия исходила «сверху», от государства. Монополия на регулирование в данной сфере принадлежало Министерству внутренних дел Российской империи, в деятельности которого с начала XIX в. прослеживалась устойчивая тенденция к усилению административного контроля. Правотворчество министерства выражалось в последовательно издававшихся циркулярах. Так, циркуляр МВД от 31 декабря 1826 г. за № 1068, предписывал губернаторам обеспечить доставку сведений о памятниках-зданиях, а также воспрещал разрушать их[5].

МВД последовательно издавало циркуляр за циркуляром, направленные на ужесточение контроля и охрану памятников истории. Так, циркулярными распоряжениями от 4 ноября 1866 г. и 31 июля 1882 г. за №№ 229 и 26 губернаторам предписывалось «ни под каким видом не допускать кладоискательства и неизбежного от того разрушения памятников древности» и непременно доставлять на рассмотрение императорской Археологической комиссии все находимые предметы древности[6]. Названная комиссия, между тем, констатировала, что, из некоторых губерний сведения о находимых древностях вовсе не поступают, хотя вывозятся

---

1 Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. – М., 2011. С. 90.

2 Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки… С. 17.

3 Гусев П. Три новгородские уничтоженные церкви: Оттиск. – СПб., 1914, С. 3, 5-6.

4 Газалова К.М. Музейные коллекции в СССР – общенародное достояние // Музейное дело в СССР. Роль советских музеев в сохранении памятников истории и культуры. Сборник научных трудов/ Под ред. И.А. Антоновой и др. М.: Министерство культуры СССР. Центральный музей революции СССР. 1980. С. 26.

5 «Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министров внутренних дел». СПб., Т. I–II. 1839, 1841; «Журнал Министерства внутренних дел». 1833, № 12; 1839, № 5, 8; 1840, № 1–3.

6 Охрана памятников истории и культуры в России XVIII - начало XX вв.: сборник документов/ Отв. ред. Л.Г. Бескровный – М., 1978. С. 114.

«даже за границу различные найденные там памятники старины, имеющие весьма важное значение в научном отношении». Министерство внутренних дел постоянно обращалось к губернаторам с просьбой «наблюсти за точным и непременным соблюдением на будущее время во вверенной вам губернии помянутых циркуляров за №№ 229 и 26» [1].

Своеобразным связующим звеном между государственным аппаратом и научной общественностью стали статистические комитеты, действовавшие с 1834 г. Согласно «Положению о губернских и областных статистических комитетах» от 26 декабря 1860 г. они имели статус «административно-ученых учреждений», благодаря чему находились на государственном финансировании[2].

А.С. Смирнов обращает внимание, что активизация деятельности комитетов в области археологии началась с 50-х гг. XIX в., что было обусловлено изданием 17 мая 1852 г. циркуляра МВД, где комитетам предписывалась организация статистических экспедиций в губернию. Циркуляром МВД 1861 г. № 387 комитеты прямо обязывались собирать и публиковать сведения об исторических памятниках [3]. Автор считает, что для Новгородского комитета, из-за его географического положения близ северной столицы и роли древнего Новгорода в русской истории, было характерно усиленное внимание к археологическим раскопкам и созданию губернского музея[4].

Однако, несмотря на общенациональную значимость, новгородские древности далеко не сразу нашли надежного опекуна в лице государства. Музей древностей при Новгородском губернском статистическом комитете был основан лишь в 1865 г. А уже в 1872 г. Губернское земское собрание вынесло постановление о прекращении дальнейшего содержания музея. Пока Губернский статистический комитет, в ведении которого находился музей, вступил в затяжную переписку с Городским управлением, часть экспонатов оказалась просто сваленной в сарай. По инициативе Новгородского митрополита Исидора 2026 экспонатов, ранее переданных в музей из новгородских церквей и монастырей, распоряжением от 22 мая 1879 г. были переданы для надежного хранения в церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии. Лишь благодаря настойчивости Новгородского губернатора Э.В. Лерхе из Новгорода «не ушла» вся музейная коллекция[5]. В 1878 г. по частной инициативе великих князей Сергея и Павла Александровичей, Константина и Дмитрия Константиновичей музей был вновь возрожден и получил субсидирование[6].

И, все-таки, основная нагрузка в сфере учета и контроля исторических памятников лежала на МВД, правовые акты которого, по выражению И.В. Михеевой, подготовили ту базу, на которой впоследствии появились проекты по унификации их охраны[7]. Само по себе, закрепление функций охраны памятников истории за МВД порождало отдельную проблему распределения полномочий между центральными государственными органами и учреждениями России в ходе организационного оформления и реформирования исполнительной власти. И.В. Михеева, анализируя принципы распределения компетенции между министерствами, указывает, что функции верховных исполнительных органов четко не конкретизировались[8].

---

1 Там же. С. 115.
2 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 35. Отд. второе. 1860. – СПб., № 36453. С. 504–510.
3 Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки … С. 27.
4 Там же. С. 28.
5 См.: Ласковский В., Лашков Н. Краткое описание Новгородского Музея. – Новгород, 1893. С. 3.
6 Там же. С. 4.
7 Михеева И.В. Правотворческая деятельность…С. 6-7.
8 Там же. С. 19-20, 26.

Работа МВД перемежалась с деятельностью активно создававшихся в губерниях с 1880-х гг. археологических обществ. С 1909 г. усилия государства были подкреплены созданием Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Тем не менее, функции по сбору информации и учету памятников истории и культуры зачастую приходилось брать на себя органам МВД. Так в отчете Новгородского статистического комитета за 1863 г., опубликованного в Новгородских губернских ведомостях, сообщалось: «Кроме административного пути Комитету более не было средств собирать статистические сведения, вследствие чего собрание сведений исключительно возлагалось на Полицию. Полицейские чиновники, занятые исполнением специальных обязанностей, тяготятся поручениями Комитета, в исполнении которых заботятся только, чтобы представить дело в срок, а потому статистические сведения, получаемые от Полиции не отличаются верностью и вообще не удовлетворительны. Отчеты, представленные за 1862 год от Полиции и сведения для памятной книжки за 1863 год показали, что иные из них представили те же сведения, какие были представлены за 1861 год; т. е. переписали вновь старые списки… Чтобы выйти из такого затруднительного положения, в общем собрании Комитета 1862 г. 28 декабря постановлено было привести в известность губернию в топографическом и этно-георгафическом отношении и найти способ собирать статистические сведения по губернии помимо Полиции»[1].

Однако в опубликованном во II–м Журнале Новгородского статистического комитета за 26 мая 1864 г. отчете Исполняющего делами секретаря Комитета за 1863 г. об источниках сведений для учета говорилось следующее: «Главным источником статистических данных для составления отчета были сведения, доставленные от городских и уездных полицейских управлений и от приходского духовенства…»[2].

Реализация предписаний циркуляров МВД, рекомендаций и обращений Академии наук и Императорского Археологического общества столкнулась с характерными для губернской практики администрирования проблемой нехватки специалистов, волокитой и отсутствием достаточного финансирования. Учитывая загруженность работой городских и уездных полицейских управлений, задачу сбора подробной информации об исторических памятниках Канцелярия губернатор переложила на редакцию Новгородских губернских ведомостей. В конце концов, столь масштабная работа была поручена сотруднику Губернских ведомостей Р.Г. Игнатьеву. Собранные им сведения регулярно предоставлялись читателям.

31 мая 1884 г. гражданским губернаторам был разослан очередной циркуляр Министерства внутренних дел с подтверждением распоряжений о запрещении кладоискательства и о порядке сдачи археологических находок[3]. Тем самым закреплялась юридическая ответственность за нанесение ущерба археологическим памятникам.

Учету подлежали и эпиграфические памятники, что свидетельствовало о масштабности научных задач, поставленных перед статистическими комитетами: «Губернское начальство, постоянно заботясь об изыскании древностей в Новгородской губернии, поручило Редакции Новгородских Ведомостей собирать и печатать в этих ведомостях древние иностранные надписи – Латинские, греческие, Немецкие, Шведские и другие, открываемые в разных местах Новгородской губернии, …Редакция Новгородских Губернских Ведомостей предлагает собирать и печатать иностранные надписи, включительно только до конца XVII века,…»[4].

---

1 Новгородские губернские ведомости (далее: НГВ). 1864. Часть неофициальная к № 16.

2 НГВ. 1864. Часть неофициальная к № 16.

3 Охрана памятников истории и культуры в России XVIII - начало XX вв.: сборник документов/ Отв. ред. Л.Г. Бескровный. – М., 1978. С. 115.

4 НГВ. 1852. Часть неофициальная к № 47-му. Отдел II.

Регистрацией древних церковных предметов занималось также Новгородское церковно-археологическое общество (НЦАО)[1] и Новгородское общество любителей древности (НОЛД), образованное в 1894 г. Задачи последнего сводились к «изучению памятников старины, находящихся преимущественно в пределах Новгородской губернии, наблюдению в возможных случаях за их сохранностью и содействие правительственным учреждениям в охране их». Таким образом, в его работе присутствовал правовой аспект. Например, НОЛД принимало активное участие в обсуждении вопросов, связанных с предоставлением части древнего вала на Софийской стороне военному ведомству 22-й артиллерийской бригады[2].

Новгородское церковно-археологическое общество, ежегодно печатавшее отчеты о своей деятельности по охране и спасению церковных древностей включало 129 членов. Одним из значительных мероприятий, осуществленных НЦАО, стала проверка на местах церковных описей, регистрация древних церковных предметов. Так, членами общества в 1914 г. методично исследовались церкви Новгородского, Крестецкого и Кирилловского уездов[3]. Суть этих экспедиций сводилась к следующему: произвести описание самих церквей и часовен, проверить на местах церковные описи, зарегистрировать иконы и предметы культа, выявить наиболее интересные из них с тем, чтобы «…содействовать обогащению и развитию епархиального Древлехранилища иконами и предметами церковной старины, не находящимися в употреблении или размещенными где либо на боковых стенах храма, на хорах, в часовнях…»[4].

Идея формирования коллекций вышедших из употребления предметов культа, хранящихся в ризницах, подвалах, чердаках, сараях при церквях и монастырях была озвучена еще в 1871 г. на II Археологическом съезде. Предполагалось открыть церковно-археологические музеи при Духовных академиях. Данный проект по сохранению культурных ценностей высоко оценивается и современными учеными[5]. Однако со временем инициатива научной общественности приняла форму рутинной реализации административного распоряжения, ответственность за исполнение которого легла на епархиальное начальство.

Начало XX в. ознаменовалось рядом негативных тенденций в охранной деятельности. Новгородские древности, разделенные на две крупные коллекции, музейную и древлехранилища, оказались в ведении разных ведомств. Очевидно, что противостояние ведомственных интересов не способствовало последовательному развитию дела охраны культурного и исторического наследия. Новгородское древлехранилище, подконтрольное епархии, имело явные преимущества при комплектовании экспонатами и финансировании. Музей, находившийся в ведении Губернского статистического комитета, испытывал явные затруднения из-за нехватки финансирования и отсутствия должного попечения со стороны губернских властей. Решить проблему объединения коллекций на одной административной и финансовой базе в дореволюционный период так и не удалось. Тем не менее, проделанная к началу XX в. работа позволила в дальнейшем перевести методику учета исторического и культурного наследия на научный уровень и закрепить законодательно.

---

1 Отчет Новгородского церковно-археологического общества за 1915 год. – Новгород, 1916.

2 Тимон Н.Г. Деятельность Новгородского общества любителей древности по охране памятников культуры и старины// Чело. № 2[39], 2007. С. 3.

3 Отчет Новгородского церковно-археологического общества за 1915 год …С. 3.

4 Там же. С. 3.

5 Шухободский А.Б. Культовый тип «памятника истории и культуры» … С. 208.

Михайлова А.С.
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА НА ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Создание единой Германии стало значимым событием нашего времени. За короткий срок было создано единое государство, которое в настоящее время придерживается демократических принципов. Таким образом, становится актуальным анализ правового статуса Германии, который решался еще во время второй мировой войны правительствами антигитлеровской коалиции.

Тегеранская конференция – первая межсоюзническая конференция, которая собрала за столом переговоров руководителей трех величайших держав мира: СССР, США и Англии. 28 ноября 1943 года в Тегеране впервые встретились три человека, имена которых вошли в историю: И.В.Сталин, Ф.Д.Рузвельт и У.Черчилль. Было принято взаимное обязательство ничего не публиковать из того, что говорилось на конференции, Это во многом способствовало свободному обмену мнениями и помогло каждой из сторон лучше понять позицию партнеров. Была создана атмосфера, которая позволила, несмотря не коренные различия в общественно-политическом строе Советского Союза, с одной стороны и Соединенных Штатов и Англии – с другой, осуществить плодотворное сотрудничество трех держав и укрепить единство антигитлеровской коалиции. На конференции глав правительств СССР, США и Англии в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) обсуждались военные вопросы и проблемы послевоенного устройства мира, в частности, германский вопрос.

Сталин напомнил, что после окончания первой мировой войны Германии понадобился всего 21 год, чтобы начать новую войну и поэтому недостаточно запрета производить в Германии военную технику. Необходимы более эффективные меры. На вопрос И.В.Сталина, какие имеются предложения по этой проблеме, Ф.Рузвельт сразу же заявил: « Расчленение Германии».

Каким же образом американские политики мыслили устроить послевоенный мир? Какова должна быть его послевоенная политическая структура в Европе?

Ф.Рузвельта выдвинул подробный план расчленения Германии на пять государств. «По моему мнению, Пруссия должна быть, возможно, ослаблена и уменьшена в своих размерах. Пруссия должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую часть Германии должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть — Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть — Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть — Бавария, Баден, Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга. Этими районами должны будут управлять Объединенные Нации или четыре державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных Наций, либо попечителей всей Европы»[1]

В ответ на такое предложение Рузвельта, Черчилль вынес на обсуждение свой план расчленения Германии. Он говорил: «У меня две мысли: первая — это изоляция Пруссии от

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов. М.,1984. Т.2. С148.

остальной Германии; вторая — это отделение южных провинций Германии — Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината от Саара до Саксонии включительно»[1]. Он предлагал создать Дунайскую конференцию, в состав которой должны были бы войти все эти южные провинции Германии.

Таким образом, уже на Тегеранской конференции западные союзники выдвигали на обсуждение планы послевоенного устройства Германии, которые отвечали их национальным интересам.

Вместе с тем, И.В.Сталин выступил против планов создания в Европе новых государственных объединений, а также отметил, что не следует создавать нежизнеспособное объединение дунайских стран. Венгрия и Австрия должны существовать как самостоятельные государства. Советское правительство считало, что решение этой проблемы следует искать не на путях уничтожения германского государства, а на путях его демилитаризации и демократизации, с непременным уничтожением гитлеризма, а также гитлеровского «нового порядка» в Европе.[2]

Советская делегация вопрос о расчленении Германии предложила передать в Европейскую консультативную комиссию, которая приступила к работе в декабре 1943 года.

Почему же на конференции не было принято конкретного решения по германской проблеме? Основной ответ на этот вопрос заключается в том, что советская делегация не поддержала предложения западных союзников, направленных на уничтожение германского государства.

В результате позиции советской делегации, выступившей за принятие решительных мер, которые исключили бы опасность возрождения германского милитаризма и повторения агрессии, на конференции была принята «Декларация трех держав», в которой указывалось, что СССР, США и Англия исполнены решимости «работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время». Были согласованы планы «уничтожения германских вооруженных сил» и установления такого мира, который «устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения»[3].

Несмотря на то, что коалиция СССР, США и Великобритании состояла из держав различных социальных систем, успешное завершение Тегеранской конференции означало, что между этими странами возможно взаимное сотрудничество. Опыт союзнических отношений трех великих держав еще долго будет предметом интереса тех, кто занимается проблемами современности.

Проведенный анализ переговоров показывает, что конференция имела большое значение в становлении и развитии межсоюзнических и международных отношений. Во-первых, в Тегеране было положено начало закладыванию основ послевоенного устройства мира. Во-вторых, конференция наглядно доказала возможность успешного сотрудничества государств независимо от их общественного строя.

---

[1] Советский Союз на международной конференции в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг. Сборник документов. М.,1984. Т.2. С.149

[2] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы: В 3т. М.,1946. Т.1. С.7-71.

[3] Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М.,1971. С.98

Немытина М.В.
д.ю.н., профессор
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Представляется, что теоретико-правовая наука как область правоведения, призванная заниматься поиском природы и сущности права, основополагающих подходов к нему, находится в более сложном состоянии по сравнению с отраслями права и соотнесенными с ними областями научных юридических знаний. С одной стороны, теория права и государства нацелена на обоснование методологии правоведения, и в этом русле ведет поиск социально-исторических, культурологических, философских и иных оснований права. С другой – она призвана фиксировать и аккумулировать общие тенденции правового развития современного общества, наиболее значимые изменения в законодательстве и правоприменительной практике, соотношение международного и внутригосударственного права, достижения отраслевой юридической науки и др.

Право имеет различные проявления, формы существования и способы выражения. Право как регулятивная система общества формировалось исторически под влиянием многочисленных объективно-обусловленных и субъективных факторов. Право отражается в разработанных учеными концепциях, оформляется властью в виде законов, иных нормативных правовых актов, реализуется юристами посредством правоприменительной практики, «живет» в обыденном правосознании и ощущениях людей. Право – это доктрины и догмы, правовые традиции и обычаи, властные волеизъявления государства, других существующих в обществе корпораций, права, свободы и обязанности субъектов правоотношений.

Многогранность и многомерность права не позволяют дать ему универсального определения, подобрать дефиницию, в полной мере отражающую его сущность, сложную, порой неуловимую, природу. Поэтому содержащиеся в многочисленных учебниках по теории государства и права определения отражают только отдельные грани материи под названием право, а их авторы характеризуют лишь отдельные свойства права, не объясняя сам феномен, не раскрывая разные его измерения, проявления, контексты.

Юридическая наука как область научных знаний, разрабатывая на доктринальном, догматическом и практическом уровне все, что связано с существованием права в обществе, призвана различать объективный и субъективный характер правовых процессов и явлений, объяснять их на рациональном уровне с использованием совокупности адекватных подходов и методов познания права, прогнозировать перспективы развития права.

Если сравнивать современное состояние российской правовой науки с ее советским прошлым, то следует констатировать, что за последнюю четверть века осуществлен серьезный прорыв, если с дореволюционным (до 1917 г.) – то возникают сомнения относительно прорывного характера нашего правоведения, поскольку ему в значительной степени пришлось возвращаться на прежние позиции, на тот уровень, который во многом был достигнут на рубеже XIX – XX вв.

Семьдесят с лишним лет советская юридическая наука была вынуждена существовать в жестко заданных методологических рамках, в единственно возможном концепте этатистского позитивизма, в замкнутом, низкотехнологичном информационном пространстве. Однако следует отдать должное советскому правоведению. Благодаря усилиям ученых-юристов, в тот период был накоплен значительный массив знаний в области догматической юриспруденции.

С.С. Алексеев, сам принадлежавший к этой генерации ученых, отмечал, что если в советском правоведении и «сохранились импульсы науки вообще», то они «локализовались как раз на идеологически нейтральных участках – на догме права, аналитическом правоведении, данные которого были необходимы для практической юриспруденции и в советском обществе»[1]. Вместе с тем привычка оставаться на догматическом уровне, не определившись с доктринальными подходами, успела укрепиться в среде наших юристов.

В качестве одной из основных тенденций современной теории права и государства следует рассматривать выход ее из узких рамок юридического позитивизма, когда право отождествляется с волей государства, производным от государства законодательством. «Совершенно очевидно, что юридический позитивизм не способен выработать субстанциональное понятие права и развить соответствующее правопонимание, обсуждать проблемы права в содержательных и качественных аспектах»[2], – отмечает Г.В. Мальцев.

Социологический концепт понимания права, различные его версии, социологически ориентированные концепции права в различных интерпретациях – вот вектор, который определяет перспективы российского правоведения. Не отрицая значимости осуществляемого государством законодательного регулирования, социологически ориентированные концепции признают одновременно идущее от общества корпоративно-публичное регулирование, существующее в виде канонических норм конфессиональных групп, обычаев этнических групп, нормативных предписаний политических партий, профессиональных корпораций, местных сообществ.

Г.В.Мальцев, рассматривая право как регулятивную систему общества, существующих в нем социальных групп, увидел следующие тенденции его развития в прошлом и настоящем: «Социальные организации, порождающие особый тип власти, могут возникать на политической (государство, партии, общественно-политические объединения), конфессиональной (церковь, религиозные объединения), экономической (цехи, гильдии, концерны, корпорации, промышленные и финансовые союзы) и т.п. основе. Все они по отношению к членам общества, постоянно находящимся в экономическом, правовом, духовном и др. общении, выступают как внешний авторитет, оказывающий целенаправленное воздействие на первичные отношения власти с тем, чтобы придать им регулируемый характер»[3].

На существование в правовом пространстве наряду с государственной и других правовых систем обращают внимание А.В. Поляков и Е.В. Тимошина. Авторы отмечают: «Социологически ориентированные правовые концепции исходят из того, что в одно и то же время на одном и том же социальном пространстве могут сосуществовать несколько правовых систем, прежде всего государственная, но наряду с ней и другие, независимые от нее и соперничающие с ней»[4]. Функционирование такого рода правовых систем авторы связывают с существующими в обществе интересами различных сообществ. Они полагают, что «корпоративное право возникает в самых разнообразных человеческих сообществах, создаваемых по интересам, и направлено на осуществление функций и целей этих сообществ»[5]. Авторы усматривают действие корпоративного права, например, «в сфере политических отношений между партиями и внутри самих партий»[6].

---

1 Алексеев С.С. Восхождение к праву. М., 2004. С. 34.

2 Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 396.

3 Мальцев Г.В. Указ. соч. С.297.

4 Поляков А.В, Тимошина Е.В. Общая теория права: Курс лекций. – СПб., 2005. – С. 115.

5 Там же. – С. 120.

6 Там же.

Социологически ориентированные концепции в правоведении предполагают: 1) признание многообразия существующих в обществе публичных систем и подсистем – национальная государственно-правовая система соотносится с другими публичными системами на пространстве страны и за ее пределами; 2) существование публично-правовых систем на разных уровнях общественной жизни и в различных ее сферах (международной, государственно-территориальной, профессиональной, партийной, конфессиональной, этнической, местной и др.); 3) функционирование правовых систем, представляющих интересы сообществ, вне зависимости от факта их признания государством, как самодостаточных, саморегулируемых, существующих в рамках публичного правопорядка.

В русле концепций социологического позитивизма отрицается государственная монополия на правотворчество, но ни в коей мере не умаляется роль государственно-правового регулирования, поскольку именно государство служит «площадкой», позволяющей согласовывать интересы различных корпораций. В то же время концепции социологического типа позиционируют возможность различных социальных групп выражать публичные интересы и достигать конструктивные, общественно-полезные цели, иметь «свое право» в виде публичной регулятивной системы, согласованной как с государством, так и с другими корпорациями. Тем самым концепции социологического толка подчеркивают диалогичность современного динамично развивающегося общества.

Понимание права в русле социологического позитивизма неразрывно связано с признанием в обществе таких ценностей как справедливость, гуманизм, приоритет прав и свобод человека и др. Ведь именно они служат критерием признания норм, выросших внутри публичных корпораций, в качестве правовых, придания этим нормам качества права. То есть, в настоящих условиях все большее значение приобретает ценностное измерение права, а приоритетом становится аксиологическая направленность права, его ценностное измерение.

В последнее время для российского правоведения становится актуальной историческая школа права с ее обоснованием истоков права в исторической судьбе народа. Это вполне соответствует вектору внутренней и внешней политики Российской Федерации. Оказалось, что спор между «славянофилами» и «западниками» не исчерпал себя.

Складывается впечатление, что российское правоведение дважды проходит один и тот же путь. В XIX – начале XX вв. господство естественно-правовых доктрин конкурировало с исторической школой права, все большее значение в праве приобретал социологический подход. В последние два десятилетия в отечественном правоведении проистекали аналогичные тенденции. Однако если в XIX – начале XX вв. преобладание научной школы занимало временной отрезок в десятки лет, то в современной юриспруденции подобная ситуация может сохраняться всего несколько лет.

На сегодняшний день актуальными являются концепции интегративного свойства, «вбирающие» в себя разные подходы, соединяющие, а не противопоставляющие их.

Теория государства и права в том виде, в котором она сегодня преподается студентам – это юридическая догматика. Ей не хватает выстроенной доктринальной составляющей, которая, между тем, уже создана теоретико-правовой наукой. Наука, заметим, называется по-другому, нежели предмет в образовательном процессе – теория права и государства вместо теории государства и права. Это как раз тот случай, когда от перемены мест слагаемых сумма изменяется, поскольку встает вопрос о том, что первично – право или государство. И само название науки наводит на мысль о том, что государство, его институты, вторичны по отношению к праву.

Методология теоретико-правовой науки в настоящее время существует, в том числе и для того, чтобы уметь видеть и различать грани правовой материи. Обучая праву студентов,

нужно давать объяснение этому феномену таким образом, чтобы будущие специалисты, улавливая его природу, представляя различные плоскости его существования, могли умело с ним обращаться.

Общеизвестно, что наука, особенно области социально-гуманитарного знания, призванные объяснять существующие в обществе явления, процветает там, где есть свобода мысли и слова, где государство не подавляет свободу выражения мнения учеными. В обществе же, где возможность граждан мыслить свободно ограничена, превалирует догматический уровень юриспруденции. Известно также, что в свободном обществе юриспруденция, как и смежные с ней области научного знания, развиваются на уровне доктрин, предлагая власти и всему обществу альтернативные сюжеты их развития. Представляется, что настала пора соединить одно с другим, что значительно обогатит теоретико-правовую науку.

Никитин Е.А.
студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ВОПРОСЫ ВОЗНИКАЮЩИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ О «САМОВОЛЬНЫХ ПОСТРОЙКАХ»

Актуальность темы обусловлена в первую очередь важностью объектов недвижимости в жизни человека и юридическими сложностями, связанными с их созданием и оформлением прав собственности.

Самовольная постройка – не редкость в нашей стране. Она не отнесена к объектам гражданских прав, ее вовлечение в гражданский оборот не допустимо. Но гражданское законодательство характеризует ее как один из способов приобретения права собственности. Самовольная постройка, занимая интересное место в гражданском праве, имеет огромное практическое значение в нашей стране.

Согласно статье 222 ГК РФ самовольной постройкой является жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

К настоящему моменту, с самовольной постройкой в юриспруденции связывают огромное количество сложностей в разрешении конкретных споров.

Сложившаяся судебная практика в отношении самовольной постройки несколько расходится с предлагаемым подходом к решению вопроса о надлежащем ответчике. Согласно разъяснениям высших судебных органов Российской Федерации ответчиком в делах о признании права собственности на самовольную постройку должен быть застройщик, если самовольная постройка осуществлена на земельном участке, не принадлежащем застройщику, или орган местного самоуправления, на территории которого находится самовольная постройка, если постройка осуществлена на земельном участке, принадлежащем застройщику.[1]

При таком составе участников не всегда обеспечивается состязательность процесса. Часто ответчик из указанной категории субъектов не проявляет должной активности в исследовании оснований иска - выявлении и установлении фактов, свидетельствующих о

[1] См.: пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29 апреля 2010 г. "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" // Вестник ВАС РФ. 2010. N 6.

нарушении прав и охраняемых законом интересов других лиц или об угрозе жизни и здоровью граждан, а оспаривает требование истца, руководствуясь совершенно иными соображениями, либо охотно заявляет о его признании.[1]

Конечно, арбитражный суд согласно ч. 5 ст. 49 АПК РФ должен проверить, не противоречит ли это признание закону, не нарушает ли оно права других лиц. При абстрактной оценке ситуации проблем не обнаруживается. Арбитражный суд располагает достаточными юридическими средствами для выполнения возложенной на него задачи и теоретически способен достигнуть требуемой законом цели. Однако в действительности проблема существует. Учитывая, с одной стороны, загруженность арбитражных судов, возможную сложность обстоятельств дел и связанную с этим необходимость организации и проведения затратных мероприятий (экспертизы, дополнительных судебных заседаний), а с другой стороны, наличие формального повода для принятия решения на основании признания иска ответчиком, можно предположить, что судья будет склоняться к фактически упрощенному производству, ограничиваясь поверхностным исследованием обстоятельств дела, достаточного для общего вывода, что каких-либо угроз правам, интересам и жизни не выявлено.

Далеко не всегда можно определить, что вообще следует понимать под такой постройкой. Отсюда возникает ряд сложностей, связанных с оформлением документов и оборотом подобной недвижимости. Здесь, хотелось бы отметить сложность в определении недостроенных объектов:

Согласно п. 1 ст. 222 ГК РФ недостроенный объект тоже может быть самовольным. Вместе с тем одним из признаков самовольности является несоответствие градостроительным и строительным нормам и правилам. Но чего только не бывает в процессе строительства - где-то что-то нарушили или вышли за рамки утвержденного проекта, и вот уже постройка автоматически становится самовольной. И это несмотря на то, что до завершения строительства все возможные несоответствия могут быть застройщиком исправлен.[2]

Таким образом, отсутствие установленной законом судебной фиксации факта самовольности строения (допустим нельзя признать самовольной в процессе строительства – можно, если строительство будет прервано на определенный срок) оборачивается тем, что любой строящийся объект тоже может быть снесен как самовольный на любой из стадий строительства. Градостроительные и тем более строительные нормы и правила так многозначны и многостраничны, что найти их нарушение в процессе строительства для защиты собственной позиции не так уж и сложно.(ст. 51 ГСК)

Помимо уже названных мною проблем в нормах о «самовольных постройках», хотелось бы выделить наиболее весомую, а именно противоречие в обзорах судебной практики, при использовании которых, решения суда могут кардинально отличаться друг от друга.

Право собственности на самовольную постройку, возведенную без получения необходимых разрешений, может быть признано в силу приобретательной давности лицом, добросовестно, открыто и непрерывно владеющим ею как своей собственной на протяжении 15 лет (ст. 234). Такая возможность признается и Высшим Арбитражным судом, о чем свидетельствует п. 12 Информационного письма № 143.

Но тут сразу проявляется противоречие с другим документом: «Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством" утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014», который закрепляет, что приобретательная давность не может

---

[1] См., например: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27 декабря 2010 г. по делу N А41-9625/08 // СПС "КонсультантПлюс".

[2] Колковский Ю. Новеллы ГК РФ порождают вопросы // ЭЖ-Юрист. 2006. N 43. С. 29.

распространяться на случаи, когда в качестве объекта владения и пользования выступает самовольно возведенное строение, в том числе расположенное на неправомерно занимаемом земельном участке, поскольку в подобной ситуации отсутствует такое необходимое условие, как добросовестность застройщика, так как, осуществляя самовольное строительство, лицо должно было осознавать отсутствие у него оснований для возникновения права собственности. Тогда как лишь совокупность всех перечисленных в статье 234 ГК РФ условий (добросовестность, открытость и непрерывность владения как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет) является основанием для приобретения права собственности на это имущество в силу приобретательной давности.

Рассмотрев лишь некоторые из проблем связанных с реализацией норм о «самовольных постройках» позволяет сделать вывод, что правовое регулирование данного основания возникновения права собственности нуждается в совершенствовании.

Никифорова С.А.
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургский университет МВД России
Научный руководитель: *профессор Н.С.Нижник*

СИСТЕМА МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ РЕФОРМИРОВАНИЯ В ОЦЕНКЕ Э.Н. БЕРЕНДТСА

Вопросы организации местного управления на всех этапах исторического развития России сохраняли актуальность и дискуссионность. Особую сложность решения проблем в сфере местного управления обусловливала российская действительность: размеры российского государства, различные природно-географические условия жизни, многонациональность и многоконфессиональность населения, геополитические факторы. Развитие государства с такими характеристиками возможно, было лишь при разумном использовании централизации и децентрализации власти, а также включении в систему государственного управления и центральных, и местных органов.

Проблема организации и функционирования местного управления в дореволюционной России стала одной из центральных в научной и государственной деятельности ученых конца XIX – начала XX в.[1], в числе которых выдающийся российский юрист Эдуард Николаевич Берендтс (9 (21) декабря 1860, Санкт-Петербург – 4 августа 1930, Таллинн)[2].

Э.Н. Берендтс родился в купеческой семье. Среднее образование получил в гимназии главного немецкого училища. В 1884 г. закончил Юридический факультет Петербургского университета по окончании которого был назначен на службу в Министерство финансов[3]. С 1900 г. находился на должности помощника статс-секретаря Государственного совета при министре – статс-секретаре Великого княжества Финляндского В.К. Плеве. Находясь на этой должности, Э.Н. Берендтс составил обширную записку «О прошлом и настоящем русской администрации» с анализом исторического опыта государственного управления в России и предложениями по реформированию административной сферы[4].

---

1 См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 66–67.

2 См.: Берендтс Э.Н. Русское финансовое право. М.: РИОР: ИНФРА, 2014.

3 Берендтс Э. Н. Кое-что о современных вопросах. СПб., 1907. С. 13.

4 См.: Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С 37–59.

Характеризуя особенности организации и функционирования российской администрации, Э.Н. Берендтс подчеркивал, что ее отличают, во-первых, непродуманность многих административных реформ и их «догоняющий» характер, и, во-вторых, отсутствие в России достаточного числа грамотных, образованных министров, способных решать задачи государственного управления[1].

К выводу *непродуманности многих административных реформ и их «догоняющем» характере* Э.Н. Берендс пришел в итоге ретроспективного анализа административных преобразований. Он отмечал, что в российской истории часто случалось так, что попытки государства упорядочить административное единство, осложнялись международными конфликтами, которые изменяли приоритеты государственной жизни и отодвигали административные реформы на второй план, либо приводили к срочному осуществлению реформ, без учета всех требующих осмысления факторов. Анализируя основные этапы исторического развития российского государства, Э.Н. Берендс выделил периоды, которые, на его взгляд, были проникнуты идеей создания эффективного механизма государственного управления и отличались систематичностью действий – это периоды царствования Петра I, Екатерины II, Николая I.

Стремление сблизить Россию с Европой, сделать российское государство европейской державой доминировало в период правления Петра I. Реализация поставленных в этой сфере задач требовала новых подходов к организации государственного управления, придание новых функций органам верховной власти, вооруженным силам и полиции, новой организации народного просвещения, сельского хозяйства, промышленности, торговли, а также домашнего быта, в который также вторгалась государственная власть.

Екатерина II продолжила дело Петра I. В организационной деятельности администрации произошли серьезные изменения: была введена должность генерал-губернатора, создана губернская прокуратура, к участию в управлении привлечены лучшие сословные силы, связанные с интересами определенной местности, что открывало пути саморазвития местного общества, организованного на сословном начале. Екатерина II до конца жизни выдержала свою роль просвещенного реформатора.

Политика Николая I была направлена на противодействие революционным идеям, которые проникали в Россию с Запада. Реформы были сопряжены с тотальным контролем, внедрением военной дисциплины во всех отраслях жизни. Император полагал, что он должен указать своему народу, в каком направлении развивать промышленность и торговлю, в каких сферах должны развиваться наука, искусство, литература. При помощи всесильной администрации население должно было слиться в одно национальное единство, жить по одним законам, говорить на одном языке, и, по возможности, быть объединено одной верой[2].

Однако эти планы не получили своей полной реализации: желаемая модель внутреннего управления не была до конца продумана, четкий план изменений внутреннего управления отсутствовал, имела место несогласованность друг с другом запланированных мероприятий.

Осуществив ретроспективный анализ административных преобразований в отечественном государстве, Э.Н. Берендс пришел еще к одному выводу – об *отсутствии в России достаточного числа грамотных, образованных государственных чиновников, способных решать задачи государственного управления.*

Реформы Петра I не достигли должного результата, прежде всего в связи с отсутствием нужного количества грамотных исполнителей. Все сословие, на которое мог опереться Петр I,

---

[1] Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 530–536.

[2] См.: Берендтс Э.Н. Опыт системы административного права. Т. 1. Вып. 1. Ярославль, 1898. С. 182-183.

было отправлено на службу в войско, на флот и центральные учреждения. В местном самоуправлении оставались люди, не обладающие достаточным уровнем образования и навыками работы в администрации. Считалось, что служба на местах – это служба второго сорта, поэтому в центральные органы приходили чиновники, практического опыта работы на местах не имевшие, проблем местного самоуправления не знавшие. Вопросы местного самоуправления решались теоретически, без анализа реальной ситуации, имевшей место в конкретных регионах.

Екатерина II проанализировала эффективность системы местного самоуправления, когда служба на местах была временной отсрочкой реализации желания вырваться в центральное управление. Екатерина II ввела новую должность – государев наместник, который должен был явиться стражем закона, инспектором законности и правопорядка[1]. При императрице наместники перестают быть «административными кочевниками» и становятся «хозяевами» на местах.

Некомпетентность администраторов стала причиной неосуществления реформирования системы государственного управления в должной мере при Николае I. Нормы Свода законов были рассчитаны на «грамотных, просвещенных, честных, бескорыстных исполнителей, на деятельность, наполненную разумом и нравственностью»[2].

Николай I предпринял попытки создания системы профессиональной подготовки государственных служащих. В 1835 г. были введены Университетский и Гимназический уставы, которые закрепляли требования к умственному и нравственному развитию обучаемых. По мнению Э.Н. Берендса, образование в гимназиях и университетах не только способствовало развитию высокого уровня знаний, но и формировало в молодом поколении характер. Лица, желавшие посвятить себя службе Отечеству, после окончания университета в обязательном порядке должны были три года прослужить в местных органах и только потом могли продвигаться по службе в центральное управление. Однако такая политика не увенчалась успехом. Э.Н. Берендс видел причину в следующем. Провинция оставалась в руках «приказных и захудалых дворян», а начальником над ними становился хорошо подготовленный молодой человек, который исполнял роль руководителя лишь формально, так как воспринимал пребывание в провинции как ссылку и с нетерпением ждал окончания трех лет службы в органах местного управления, чтобы покинуть провинцию и вернуться в «образованную» столицу[3].

«Догоняющий» характер реформ, отсутствие необходимого числа хорошо подготовленных управленцев выступали факторами, тормозящими преобразование системы местного самоуправления в России. Однако следует обратить внимание на то, что создание системы органов местного самоуправления, которое было бы реально способно выражать интересы населения, никогда не было самоцелью для центральной власти в России. Для государственной власти главная цель заключалась в том, чтобы превратить местное управление в легкоуправляемые элементы механизма государственного управления. Таким образом, история взаимоотношений государственная власти и местного самоуправления в дореволюционной России – это история поисков удобной для государственной власти модели их взаимодействия.

---

1 Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. С. 161–179.

2 См.: Берендтс Э.Н. 1) Опыт системы административного права. С. 183–184; 2) О прошлом и настоящем русской администрации. С. 161–179.

3 См.: Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. С. 7–8.

Оганисян Л.А.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

КОНТРМЕРЫ КАК ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ

Вопрос об ответственности государств является ключевым в международном праве. Этот институт один из древнейших в международном праве, но, тем не менее он до сих пор не получил конвенционного закрепления и базируется в основном на обычно-правовых нормах. Попытки кодификации норм, регулирующих международно-правовую ответственность начались еще в XIX веке и продолжаются и по сегодняшний день. Значительным успехом в этой сфере является разработка Комиссией по международному праву ООН проекта конвенции о международной ответственности государств. Данный проект разрабатывается с 1953 года, и, до сих пор не выработан такой варианта текста статей, который был бы принят всеми государствами-членами ООН. Так как закрепление данного текста в качестве международной конвенции пока не представляется возможным, Генеральная Ассамблея ООН закрепила его в своей Резолюции 56/83 от 12 декабря 2001 года в качестве приложения под названием «Ответственность государств за международно-противоправное деяние».

Важно отметить, что отсутствие конвенционного закрепления Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправное деяние (далее – Проект статей) не препятствовало его активному применению международными судами, арбитражами и трибуналами в качестве такого источника права как международный обычай.

Изучение института контрмер невозможно без тщательного изучения института ответственности государств и принуждения, как основного элемента механизма ответственности.

Принуждение было и остается необходимым элементом механизма функционирования международного права. Римский принцип *ubi jus, ibi remedies* - где право, там и средства его обеспечения, не потерял своей актуальности.

Проблема принуждения привлекала к себе значительное внимание юристов на протяжении всей истории международного права. Для этого были достаточные основания. Сила и насилие играли решающую роль в международных отношениях. Одна из главных задач международного права в наше время состоит в максимально возможном ограничении возможности применения силы. Характерной чертой современного международного права является все более основательная регламентация применения мер принуждения[1]. Проект статей об ответственности государств является важным шагом в этом направлении, где допускаемое международным правом принуждение закреплено не как насилие, а как одно из средств реализации права. Необходимый признак такого принуждения - правомерность. Принуждение должно быть правомерным как по основанию, так и по методам и объему.

Формированию такого подхода предшествовала доктринальная дискуссия и многочисленные попытки определить основные критерии применения института контрмер.

В целом в доктрине нашла широкое признание концепция санкций как средства принуждения к выполнению обязательств, вытекающих из правонарушения. Основоположник отечественного международного права Г.И. Тункин утверждал: "Нормам международного

---

[1] Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 1. М., 1999. С. 221.

права, как правовым нормам присуща санкция..."[1]. Такой же подход характерен и для европейской науки международного права, где широко закреплено понятие того, что в "любой правовой системе соблюдение норм обеспечивается при помощи санкций"[2].

Содержащееся в Проекте статей об ответственности государств определение мер принуждения, контрмер как средств имплементации ответственности должно было положить конец отмеченным разногласиям.

После запрещения Уставом ООН применения силы в 1945 году, сила перестала быть законным средством воздействия на правонарушителя. Это принципиальное положение подчеркивается как в международной практике, так и в доктрине. Немецкий профессор Х. Томушат делает вывод: "Таким образом, ни одно государство не может понуждать к выполнению своей претензии, прибегая к насильственным средствам, какой бы законной и хорошо обоснованной эта претензия ни была"[3].

Традиционный термин "санкции" довольно длительное время использовался и Комиссией международного права ООН в ходе работы над темой об ответственности. Лишь на завершающем этапе было решено заменить его более соответствующим природе международного права термином "контрмеры". Существенную роль в этом сыграла международная судебная практика, которая, избегая употребления термина "санкции" применительно к односторонним мерам государств, использовала термин "контрмеры"[4]. В последние годы контрмеры привлекли к себе значительное внимание мировой доктрины[5].

Исследовав историю международно-правовой регламентации институтов ответственности и принуждения государств, мы приходим к выводу о том, что контрмеры представляют собой меры принуждения к выполнению обязательств, вытекающих из правоотношений ответственности. Проблема применения мер принуждения к соблюдению норм международного права является одной из наиболее важных и сложных проблем этого права. Этот момент не раз отмечался специалистами. Вопрос о контрмерах является одним из наиболее трудных и противоречивых в области ответственности государств[6].

---

1 Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 470.

2 Monaco R. Cours gnrale du droit international public//Recueeil des Cours. Vol. 1968-III. P. 313; см. также: Garcia-Mora M. International Responsibility for Hostile Act of Private Persons against Foreign States. The Hague, 1962. P. 34.

3 Tomuschat Ch. Are Counter-measures Subject to Prior Recourse to Dispute Settlement Procedures?//EJIL. 1994. No. 1. P. 77.

4 См. решение франко-американского арбитража по делу о Соглашении о воздушных перевозках (RIAA. Vol. XVIII (1979). P. 416); решения Международного Суда по делам: о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране (ICJ Reports. 1986. P. 102); о военных и полувоенных действиях в Никарагуа и против Никарагуа (Ibid. 1997. P. 55).

5 Zoller E. Peacetime Unilateral Remedies: An Analysis of Countermeasures. N.Y., 1984; Elagab O. The Legality of Non-Forcible Counter-Measures in International Law. Oxford, 1988; Sicilianos L-A. Les reactions decentralize a l'illicite. Paris, 1990; Matsui Y. Countermeasures in the International Legal Order//JAIL. Vol. 37. 1994.

6 Elagab O. The Place of Non-Forcible Counter-Measures in Contemporary International Law//The Reality of International Law. Oxford, 1999. P. 150.

Омельченко А. С.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
***Научный руководитель**: доцент М.С. Трофимова*

ОБЪЕДИНЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ И ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

«Организация деятельности судебных органов в сравнительно высокой степени определяется нормами законодательства о судоустройстве. Это отражается в правовом регулировании таких фундаментальных основ организации судебной системы и деятельности судов, как цели, задачи и методы их деятельности, структура системы и отдельных судебных органов, функции отдельных звеньев судебной системы и их взаимосвязь, порядок пополнения кадрами судей, их ответственность и подотчетность, система надзора за судебной деятельностью и организационного руководства судами»[1]. С этим мнением трудно не согласиться, тем более, сейчас, когда вопросы судоустройства вновь обрели значимость. Причина тому – объединение высших судебных инстанций арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

В результате судебной реформы по объединению Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ из текста Конституции РФ были исключены все упоминания о Высшем Арбитражном Суде РФ. Аналогичные изменения внесены и в другие нормативные правовые акты. Таким образом, Высший Арбитражный Суд РФ был упразднен и вошел, по окончании переходного периода, в состав Верховного Суда РФ в качестве Судебной коллегии по экономическим спорам, состоящей из 30 судей. Сам же Верховный Суд РФ стал единственным высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным делам, а также по разрешению экономических споров.

В состав Верховного Суда РФ должны входить 170 судей, избираемых по новым правилам. Порядок отбора установлен Федеральным законом от 05.02.2014 № 16–ФЗ. В соответствии с этим Законом сформирована Специальная квалификационная коллегия по отбору кандидатов на должности судей Верховного Суда РФ. Судьи избираются на конкурсной основе: им необходимо сдать специальный квалификационный экзамен, результаты которого оценивает Специальная экзаменационная комиссия по приему на должность судьи Верховного Суда РФ.

Определена новая компетенция Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, а также полномочия Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей. Изменилась компетенция Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Теперь он занимается обеспечением деятельности не только судов общей юрисдикции, но и арбитражных судов.

Вместо военной коллегии в Верховном Суде РФ создана Судебная коллегия по делам военнослужащих. Вместо Дисциплинарного судебного присутствия, которое являлось самостоятельным судебным органом, создана Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ. Ее состав избирается из числа судей (за исключением Председателя Верховного Суда РФ) Пленумом Верховного Суда РФ. Ранее в состав Дисциплинарного судебного присутствия входили судьи Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

---

[1] Борисова Е.А. К вопросу о реорганизации судебной системы Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/.

Из подведомственности арбитражных судов исключены дела об оспаривании нормативных правовых актов и дела об оспаривании кадастровой стоимости. Эти споры отнесены к компетенции судов общей юрисдикции. Главой 23 АПК РФ теперь регулируется рассмотрение дел об оспаривании нормативных правовых актов лишь Судом по интеллектуальным правам.

Определены особенности кассационного и надзорного производства по арбитражным делам в Верховном Суде РФ. Кроме того, были введены переходные положения, связанные с рассмотрением арбитражных дел, подведомственность которых меняется, а также дел, производство по которым не завершено Высшим Арбитражным Судом РФ.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие предложения:

1) В силу того, что основная цель судебной реформы в Российской Федерации была обозначена как «достижение единообразия судебной практики по гражданским и арбитражным спорам», видится целесообразным создание в структуре нового Верховного Суда РФ специальных отделов по выявлению противоречий и несоответствий в судебных актах его органов. С помощью таких отделов было бы проще организовывать обсуждение спорных вопросов и принимать соответствующие разъяснения и рекомендации компетентными органами.

2) Порядок ведения кассационного и надзорного производств в Верховном Суде РФ по спорам, рассматриваемым по существу арбитражными судами определил Федеральный закон от 28.07.2014 года № 186 – ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Детальный анализ этого закона позволяет сделать вывод о том, что существует необходимость в корректировке отдельных его положений:

- необходимо исключить возможность проверки одного дела в кассации дважды: когда дело, по которому принято решение арбитражного суда субъекта РФ и постановление арбитражного апелляционного суда, может быть проверено в таком порядке сначала в арбитражном суде округа, а затем – в Судебной коллегии Верховного Суда РФ. Данная система обжалования заимствована из ГПК РФ. Она перенесена в АПК РФ в редакции Федерального закона № 186 – ФЗ без учета организационных различий систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Если в системе судов общей юрисдикции отсутствует самостоятельный суд кассационной инстанции, то в системе арбитражных судов он есть – это арбитражный суд округа. И, учитывая функциональную и родовую подсудность, практически для всех дел он является полноценным кассационным судом – третьей инстанцией. Таким образом, создание для таких дел еще одной кассационной инстанции, четвертой – нецелесообразно. Иначе обстоит дело со спорами, подсудными по первой инстанции Суду по интеллектуальным правам и арбитражным судам округов. До производства в надзорной инстанции они могут рассматриваться только дважды. Так, кассационные полномочия Судебной коллегии ВС РФ можно распространить только на эти дела. В таком случае, максимальное количество пересмотров всех дел, подведомственных арбитражным судам, будет одинаковым – по три (включая надзор).

- необходимо исключить из АПК РФ в редакции Федерального закона № 186 – ФЗ положения об «особых правах» Председателя Верховного Суда РФ. От аналогичных прав Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ и его заместителей в арбитражном судопроизводстве отказалась уже более 10 лет назад. Речь идет о полномочиях на принесение протестов на судебные акты арбитражных судов, предусмотренные в АПК РФ 1992 и 1995 гг. Их возврат в рамках уже объединенного Верховного Суда РФ – шаг назад.

- требуется внести ясность в основания для отмены (изменения) судебных актов Судебной коллегией ВС РФ. Вместо такого основания, как «существенные нарушения норм

материального и процессуального права», не обеспечивающего правовую определенность, представляется, что правильным будет использовать в работе данного органа те же самые основания для отмены (изменения) судебных актов, что и в арбитражном суде округа.

3) Федеральным законом от 4 июня 2014 года № 143 – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами» из подведомственности арбитражных судов были исключены дела, связанные с оспариванием нормативных правовых актов. Подобные споры теперь рассматриваются исключительно судами общей юрисдикции. Новый порядок рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов может создать проблему профессионального разрешения дел, касающихся нарушения прав в экономической сфере. Аккумулирование полномочий по судебному нормоконтролю в руках одного вида судов имело бы смысл только при создании обособленной системы административной юрисдикции, которая была бы равноудалена и от общей, и от арбитражной юрисдикции. Это позволило бы административным судам внутри себя осуществлять специализацию в зависимости от предмета спора без передачи части компетенции иным судам. Но для этого необходимо структурное обособление административных судов. Создание самостоятельной системы административных судов, не входящих в систему Верховного Суда РФ – стало бы наиболее оптимальным вариантом. Однако, направленность изменений, вызванных судебной реформой, очевидно, демонстрирует нежелание законодателя идти по пути создания дополнительных судов. При таком положении дел, как логичное продолжение судебной реформы, возможно лишь создание в структуре Верховного Суда РФ, как отдельной подсистемы, специализированных административных судов.

4) Объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ неизбежно привело к преобразованию двух судебных ветвей власти в одну. В связи с этим возникла необходимость и в реформировании процессуального законодательства. Первым шагом законодателя в этом направлении стала разработка Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ. Помимо тех нововведений, которые обозначены в Концепции, можно предложить следующее. Структура единого Гражданского процессуального кодекса РФ должна состоять из трех частей: 1) Общая часть, 2) Производство в судах общей юрисдикции, 3) Производство в судах арбитражной юрисдикции. Такая структура позволит ликвидировать имеющуюся в настоящее время абсолютную схожесть многих общих положений в ГПК РФ и АПК РФ и более детально урегулировать особенности рассмотрения и разрешения тех или иных категорий дел.

Орехова А.В.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО. ОСНОВНОЙ СОСТАВ.

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, признанием Конституцией Российской Федерации приоритета ценности человеческой жизни, прав и свобод человека над всеми другими ценностями. Отчасти это подтверждается и самим Уголовным кодексом Российской Федерации, в котором расположенный на первом месте Особенной части раздел – «Преступления против личности» открывается главой «Преступления против жизни и здоровья», где норма, содержащая запрет на умышленное причинение смерти другому человеку

также является первой. Данное обстоятельство подтверждает наличие повышенного внимания законодателя к правовой регламентации убийства, желания особо, уже за счет формальной обозначенности отметить важность охраны жизни человека нормами Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно статистическим данным за 2013 год количество зарегистрированных убийств и покушений на убийство составляет - 12 361[1]. С 2005 года по настоящее время год от года число убийств снижается. Что касается Новгородской области, то за 2013 зарегистрировано 71 убийство по 105, 106, 107, 108 статьям Уголовного кодекса, в 2014 – 63, за первый квартал 2015 года – 18.

Но, несмотря на то, что статистические данные свидетельствуют о том, что убийства не являются наиболее распространенными преступлениями в Российской Федерации, на практике возникают определенные трудности с квалификацией убийства. В сложившейся ситуации правоохранительные органы испытывают затруднения, обусловленные несовершенством уголовного законодательства. Далеко не однозначно и часто неправильно понимаются признаки простого убийства, нет четко выработанной позиции по отграничению данного состава от смежных составов преступлений.

Таким образом, детальное изучение признаков убийства, предусмотренного частью 1 статьи 105 Уголовного кодекса, позволит избежать проблем при квалификации данного вида преступлений.

Изучая состав данного преступления были выявлены следующие проблемы: - не точная формулировка понятия «убийства». По мнению большинства исследователей, в том числе и Бородина С.В., понятие убийства, данное в законе, не вполне совершенно и требует указания на противоправность лишения жизни[2]. С нашей точки зрения, включение в статью указания на противоправность лишения жизни, является нецелесообразным ввиду того, что указание на противоправность уже содержится в статье 14 Общей части Уголовного кодекса. Тем самым может произойти дублирование Общей части в нормах Особенной части Уголовного кодекса.

Также возникают проблемы, связанные с квалификацией действий лица, пытавшегося лишить жизни уже мертвого человека, ошибочно принятого за живого. Многие ученые предлагают квалифицировать такие действия, как покушение на негодный объект, то есть считают необходимым привлекать виновное лицо к ответственности за покушение на умышленное убийство[3]. Таганцев Н.С., Неклюдов Н.А. являются сторонниками ненаказуемости покушения на негодный объект. По их мнению, убийство определяется по закону как лишение жизни человеческого существа, следовательно, необходимым элементом внешней объективной стороны этого преступления должно быть: человеческое существо, обладающее жизнью в момент посягательства[4]. У следователей, с которыми представилась возможность обсудить данный вопрос, на практике таких случаев не встречалось. Но согласно опросу, проведенному среди них, большинство работников высказались за ненаказуемость данных действий.

Необходимо уделить внимание вопросам вменяемости, так как это сложная и многогранная проблема, которая занимает особое место в уголовном праве, в то время как само понятие «вменяемости» в Уголовном кодексе отсутствует. Вменяемость тесно связана с категориями «невменяемость», «ограниченная вменяемость» и с исключением уголовной

---

1 Состояние преступности в России за январь за 2013 г. [Электронный ресурс] /М-во внутр. дел. Рос. Федерации; Гл. информ.-аналит. центр. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_fi le/vlXMMRlab8.pdf(дата обращения: 23.01.2015)

2 Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб.: Юр центр Пресс, 2003. - 467 с.

3 Константинов П. Объект убийства: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2005. №2. – С.37-39.

4 Константинов П. Объект убийства: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2005. №2. – С.37-39.

ответственности в отношении невменяемых лиц, возможностью назначения и применения, принудительных мер медицинского характера к таким лицам.

Согласно статистике, можно сказать о большом количестве латентных убийств, связанных с невозможностью установления причины смерти. Из числа всех случаев смертей в России, в связи с которыми проводились судебно-медицинские экспертизы трупов, на протяжении длительного периода времени, а именно с 2003 года по 2010 год, причина смерти не была установлена по разным обстоятельствам в среднем 4,5% случаев[1]. В числе потерпевших этой группы могли находиться как жертвы убийств, так и жертвы других преступлений.

Поэтому для правильной квалификации убийства следователю или судье необходимо знать все факты и обстоятельства совершенного преступления, т.к. даже самый несущественный, на первый взгляд, момент в итоге может оказаться таким обстоятельством, которое в конечном итоге может привести к направлению дела на доследование или отмене приговора.

Основными направлениями совершенствования уголовной ответственности за убийство, предусмотренное частью 1 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации являются следующие:

- для того чтобы формулировка простого убийства была более точной, необходимо изложить часть 1 статьи 105 Уголовного кодекса в следующей редакции: «Убийство - умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное без отягчающих обстоятельств, указанных в части 2 статьи 105, и без смягчающих обстоятельств, указанных в статьях 106, 107, 108 Уголовного кодекса»;

- для реализации принципа справедливости необходима дифференциация уголовной ответственности в зависимости от момента возникновения умысла, в частности, разграничение внезапно возникшего и заранее обдуманного умысла, и закрепление последнего в качестве отягчающего обстоятельства;

- закрепление понятие вменяемости в Уголовном кодексе Российской Федерации в следующей редакции: «Вменяемость есть такой уровень психического здоровья лица в момент совершения уголовно противоправного деяния, который позволял ему осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных действий (бездействия) и руководить ими».

Орлов В.А.
к.э.н., доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УНИФИКАЦИИ БЮДЖЕТНЫХ ПРИНЦИПОВ В ЕАЭС

Унификация бюджетных принципов или иначе выбор рациональных структур построения определенных основополагающих финансовых начал, заключается в поиске возможностей нахождения единообразия на основе установления целесообразного количества форм и классификационных признаков построения правовых бюджетных конструкций.

В Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации, а также Республике Армения и Кыргызской Республике идут социальные, экономические, культурные и иные интеграционные процессы. Соответственно, исследование и выявление проблем в данной

[1] Богданова Л. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок // Уголовное право. 2011. № 5. - С.109-115.

области, а также выработка совершенствования финансового механизма (в частности бюджетного) является важной задачей, как для конкретных стран и наднациональных органов, так и для научного сообщества.

В России нет единого устоявшего понятия бюджетных принципов. Чаще всего определение данного термина связывается с исходными установками в области бюджетных правоотношений. Таким образом, можно считать, что принцип - это основополагающая (базисная) исходная (отправная) идея, правило поведения, фундаментальная установка, следование которой помогает наилучшим образом достигать поставленных задач. А бюджетный принцип соответственно нужен для исходного момента становления последующих бюджетно-правовых норм.

Классификационное деление бюджетных принципов в Российской Федерации весьма разнообразно и зависит от соответствующих оснований видового деления.

В большинстве теоретических исследований классификация бюджетных принципов идет по позиции выделения общепримениимых начал для любой сферы отношений (конституционных), в том числе и бюджетной, а также по закреплению в БК РФ[1] отраслевых – специальных бюджетных основ.

Исходя из рассмотрения различных научных трудов, можно считать, что бюджетные начала представляют собой систему, складывающуюся из трех основных групп: принципы установления доходов и расходов; принципы построения бюджетной системы и принципы организации бюджетного процесса. Наличие такой особенной системы принципов обособляет нормы бюджетного права от прочих финансово-правовых норм и позволяет говорить о наличии подотрасли бюджетного права. Кроме того, на бюджетные правоотношения воздействуют общеправовые, конституционные и отраслевые принципы, что является закономерным в силу системной природы права. Среди принципов бюджетного права имеются как закрепленные законодательством в гл. 5 БК РФ, так и незакрепленные напрямую, но косвенно присутствующие в финансовом законодательстве. Некоторые принципы бюджетного права закреплены зарубежным законодательством и практикой международных организаций, некоторые известны из доктринальных источников и исторической ретроспективы. В целом наличие системы принципов бюджетного права представляет собой позитивное явление, т.к. означает определенный высокий этап развития бюджетного права. Система принципов несет «конституирующую» функцию для бюджетного права, представляя собой каркас, основу, которая позволяет достигать целостности, качественности и преемственности правового регулирования[2].

Исходя из наличествующих принципов в Республики Беларусь и Республике Казахстан, имеющих правовое закрепление в кодифицированных бюджетных законах республик[3], можно увидеть, что при близкой системе построения государственного бюджетного устройства, в Казахстане в отличии от Беларуси и России сложилась более прогрессивная правовая основа бюджетных установок. Вместе с тем, в системе бюджетных принципов Казахстана есть отдельные аспекты, которые требуют совершенствования.

---

[1] См. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 29.12.2014) / "Собрание законодательства РФ", 03.08.1998, N 31, ст. 3823

[2] См. Комягин Д.Л. Система принципов бюджетного права: российское законодательство и научная доктрина // Реформы и право. 2012. N 4. С. 19 - 31.

[3] См. Бюджетный Кодекс Республики Беларусь 16 июля 2008 г. № 412-З (в ред от 31 декабря 2013 г. № 97-З) // (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.01.2014, 2/2095) <H11300097> URL. http://etalonline.by/?type=text&regnum=Hk0800412# .- Минск, 2015; Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года № 95-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2015 г.) // ИС Параграф URL.http://online.zakon.kz, дата последнего изменения документа: 2015.01.01

Учитывая близкую структуру государственного устройства республик Армении и Киргизии относительно бюджетных принципов, можно отметить, что в обеих республиках нет специального кодифицированного бюджетного закона, что отличает их от России, Казахстана и Беларуси. В тоже время, в Республике Кыргызстан и Республике Армения существуют специальные национальные законы в сфере бюджетных отношений. Причем в Армении бюджетные принципы нашли свое правовое выражение в более масштабном прямом представлении[1], чем в Киргизии. В тоже время в Киргизии специальный бюджетный закон[2] регулирует основополагающие начала всего бюджетного права данной страны.

Рассмотрев российские бюджетные принципы на предмет их возможной оптимизации для уточнения, более свободного восприятия, возможности долговременной устойчивости нормативного обеспечения и иных моментов усовершенствований, можно прийти к следующим заключениям.

Во-первых, бюджетные принципы в России имеют как чисто правовые установки, так и экономические правила. Ряд принципов сложны для восприятия, что связывается с их запутанной логической структурой. Вместе с тем отдельные принципы, возможно, объединить в единую групповую установку. От ряда принципов можно отказаться, ввиду их не базисного качества, а конкретных правовых установок для отдельных субъектов. И соответствующей возможности правового закрепления в иных статьях БК РФ.

Во-вторых, предлагается, в современном бюджетном законодательстве России установить и обозначить двенадцать принципов, вместо тринадцати. Данное количество может получиться в результате объединения четырех принципов в два, близких по своему предмету правового регулирования (например, принцип адресности, целевого характера бюджетных средств и подведомственных расходов) и введением отдельного принципа бюджетной сопоставимости (стабильности и (или) преемственности) показателей и классификаций бюджета. Так как, он в бюджетном законодательстве был вложен в правовую основу бюджетного принципа гласности, что представляется не совсем логичным.

Новым принципом, также предлагается считать принцип ограничения расходов (секвестр). Так как, например, в условиях финансовых нестабильностей и иных неблагоприятных факторах, можно ожидать частичного невыполнения доходной части бюджета. Соответственно необходимо иметь правовой механизм, в целях предотвращения образования задолженностей - принцип ограничения расходов (секвестр).

Было рекомендовано отказаться от принципа равенства бюджетных прав субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, который, итак базируется на соответствии бюджетных полномочий публичных участников единым принципами и требованиями, установленными БК РФ. То есть, что собственно уже проистекает из принципа единства бюджетной системы.

Также могут быть предложены более стройные логические структуры и емкое правовое выражение принципов бюджетной самостоятельности, единства бюджетов и ряд иных основополагающих начал.

Таким образом, совершенствование вопросов в области систематизации бюджетных

---

[1] См. Закон Республики Армения «О бюджетной системе Республики Армения» Принят 24.06.1997 (с учетом изменений от 21.06.2014 внесенных ЗРА) Законодательство стран СНГ Армения URL http://base.spinform.ru/ СоюзПравоИнформ (дата обращения: 16.04.2015).

[2] См. Закон Кыргызской Республики «Об основных принципах бюджетного права в Кыргызской Республике от 11 июня 1998 года № 78 (в ред. №48 от 03/03/2015) Министерство Юстиции Кыргызской Республики Централизованный банк данных правовой информации URL http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/86 (дата обращения: 16.04.2015).

основополагающих начал России, для их более свободного восприятия, качественного исполнения (применения) и долговременной устойчивости, можно провести путем частичных изменений и дополнений бюджетного законодательства России.

Отдельным правовым исследованием было выявлено, что объединение потенциалов трех стран в зону свободной торговли, в таможенный и наконец, в экономический союз, а также присоединение к ним других республик, ранее входивших в единое государство, требует унификации множества нормативных правовых положений, экономических критериев, технологических стандартов и многих иных позиций, без единообразия которых сложно взаимодействовать между собой.

Добиться единых бюджетных норм, в рассматриваемых странах в близлежащую перспективу не видится возможным, так как все государства суверенны, имеют различные формы устройства (федеративные и унитарные), имеются неодинаковые источники наполнения бюджетов и направления расходования публичных средств. В тоже время, можно считать, что выработка единообразных основополагающих начал – бюджетных принципов будет полезна, для осуществления сотрудничества в ЕАЭС. Более того, исследуя конкретные принципы, применяемые в законодательстве Российской Федерации, Республики Казахстан, Республике Беларусь, Республике Армения и Кыргызской Республики можно получить наиболее системно-организованные, усовершенствованные правовые положения относительно данных правовых установок.

Также в работе более расширенного состава, могут быть предложены конкретные правовые положения относительно следующих основополагающих бюджетных начал (принципов) ЕАЭС:

бюджетного единства;
гласности (открытости, публичности);
самостоятельности бюджетов;
сбалансированность бюджета;
эффективности использования бюджетных средств;
достоверности бюджета;
принцип адресности и целевого характера бюджетных средств;
принцип единства кассы и казначейского исполнения бюджетов;
бюджетный секвестр (ограничение расходов).

Таким образом, при имеющихся в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Армения и Кыргызской Республике основных, и ряда отдельных дополнительных бюджетных принципов, а также разности социально-экономических потенциалов рассматриваемых стран, все же можно найти возможности их унификации в ряд единых основополагающих бюджетных начал.

Панов Н.А.
к.ф.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Качественным социальным показателем неосторожных преступлений является отсутствие у виновного осознания развития причинно-следственной связи между своим поведением и наступившими последствиями. Психическое отношение личности к основным

социальным ценностям, поскольку форма вины, ее степень в конкретном преступном деянии являются показателем степени общественной опасности данной личности.

Как вполне резонно отмечают некоторые криминалисты, современные уголовно-правовые исследования, не выходящие за рамки догматики, малопродуктивны. Между писаной догматикой и фактическими реалиями до сих пор остается огромная пропасть, которая может быть освоена и понята лишь с помощью криминологии и социологии уголовного права. Одной из таких фактических реалий является обыденное сознание, заключающееся в отражении и отношении к ним явлений, имеющим правовое значение большинства людей. И законодатель в своей деятельности в первую очередь должен опираться на содержание такого обыденного сознания, согласовывать с ним свои законодательные конструкции, исключать в них возможные противоречия.

Вместе с тем одним из подобных противоречий является содержание статьи 27 УК РФ, ибо невозможно себе представить реальность, когда лицо осознает, что его поведение обладает общественно опасным свойством причинять вред, осознанно совершает это поведение, проявляя тем самым психическую готовность к восприятию результатов этого свойства, в то же время самонадеянно рассчитывает на то, что такие свойства не проявятся, хотя деяние будет совершено. Заметим, что в логике такие высказывания относятся к парадоксам как не согласующееся в первую очередь со здравым смыслом, это рассуждение, приводящие к взаимоисключающим результатам.

УК РФ 1996 г. не считает убийством причинение смерти по неосторожности. Вместе с тем ответственность за такое деяние установлена в его гл. 16, где предусмотрен перечень посягательств на жизнь.

Данная норма применяется в тех случаях, когда в результате нарушения виновным каких-либо правил в сфере профессиональной деятельности или обычных житейских мер предосторожности происходит лишение жизни человека. Такие нарушения могут осуществляться путем как активных действий, так и бездействия. Субъективное отношение лица к наступлению смерти потерпевшего может выражаться в виде легкомыслия или небрежности.

В соответствии со ст. 26 УК преступление считается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение.

Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Оба названных вида неосторожной формы вины при квалификации действий по ст. 109 УК следует отграничивать, с одной стороны, от умышленного лишения жизни (убийства), совершаемого с косвенным умыслом, а с другой - от невиновного причинения смерти, когда лицо не сознавало и по обстоятельством не могло сознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления смерти потерпевшего от своих действий (бездействия) и по обстоятельствам не должно было и не могло ее предвидеть.

Рассмотрим подробнее все виды разграничения, ибо от тщательности и глубокого изучения обстоятельств совершения преступления зависит сам факт привлечения к уголовной ответственности, правильность квалификации содеянного и установление размера наказания виновному.

Разграничим такие близкие виды преступлений, как убийство, совершенное с косвенным

умыслом, и причинение смерти по легкомыслию. Сходство между ними состоит в нежелании виновного лишить жизни потерпевшего. Однако при лишении жизни с косвенным умыслом виновный сознательно допускает в числе возможных последствий от своих действий и наступление смерти.

В других случаях, добиваясь наступления определенного желаемого результата, субъект безразлично относится к возможности наступления смерти потерпевшего (предположим, похитив одежду спящего на улице в мороз пьяного гражданина, виновный сознает, что тот может замерзнуть, не желает этого напрямую, но к возможности его смерти относится безразлично).

Отграничение причинения смерти по неосторожности от невиновного причинения смерти тоже проводится по субъективному отношению лица к своим действиям и наступившим от них последствиям. Если лицо не сознавало и по обстоятельствам дела не могло сознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий (в частности, смерти) и по обстоятельствам дела не должно было и не могло их предвидеть, деяние признается совершенным невиновно.

Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло их предотвратить в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ст. 28 УК).

В этом случае решение вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности причинителя вреда (смерти потерпевшего) зависит от глубокого исследования обстановки, в которой произошло лишение жизни, и проведения ряда специальных экспертиз (криминологической, судебно-психиатрической, судебно-медицинской и др.). В основном такие вопросы возникают при дорожно-транспортных происшествиях с большим количеством участников, повреждением транспортных средств, наличием жертв.

Основное правило правоприменителя, базирующееся на требованиях закона: «Нет ответственности без вины», должно соблюдаться и в подобных ситуациях независимо от тяжести наступивших последствий. Часть 2 ст. 109 УК предусматривает более суровую ответственность за причинение смерти по неосторожности двум и более лицам. В плане квалификации проблем в практике применения этой нормы не возникает.

В заключение следует сказать, что ст. 109 УК является общей по отношению к целому ряду специальных норм, где предусмотрена ответственность за лишение жизни по неосторожности вследствие нарушения специальных правил (например, ст. 215 - 217, 219, 220, 235, 247 и др.).

При конкуренции общей и специальных норм предпочтение должно отдаваться специальной норме. Если таковая отсутствует, квалификация действий лиц, причинивших смерть по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, идет по ч. 2 ст. 109 УК.

Таковы основные вопросы квалификации преступлений против жизни, рассмотрение которых с позиций теории и практики позволит правоприменителю более точно, в соответствии с действующим уголовным законом дать правовую оценку совершенному деянию.

Пажетных Д.В.
к.ю.н.,
старший прокурор отдела прокуратуры Новгородской области

ПЕРЕСМОТР СТ. 129 КОНСТИТУЦИИ РОССИИ КАК ГАРАНТИЯ КОНСОЛИДАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В последние десятилетия российское общество претерпело значительные изменения. Особенно за последний год, в котором законодательство, юридическая практика, правовая доктрина противостоят кризисным явлениям в экономике, международных отношениях. Современные институты российского государства трансформируются в целях развития в новых политических, экономических, социальных условиях. В связи с этим возникает необходимость укрепления безопасности, защиты фундаментальных начал правовой государственности, особенно законности, правопорядка, юридической практики и пр.

Важное положение в этом деле занимает институт прокуратуры, который, пожалуй, единственный, кто обладает многовековым опытом защиты интересов человека, общества и государства. К правозащитному органу общество проявляет повышенный интерес не случайно, поскольку поддержание законности в жизни общества и государства важная сфера практического существования правовой системы.

В солидной и многопознавательной монографии заместителя Генерального прокурора Российской Федерации А.Г. Звягинцева «Прокуратура России. От истоков до наших дней» (М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 728 с.) отмечается, что вся история прокуратуры детерминирована характером экономических отношений, естественно, общественно-политическим строем, традициями и обычаями народов, проживающих на обширных российских просторах[1]. И сегодня деятельность прокуроров всех уровней направлена на укрепление единства правового пространства, создание условий для ликвидации пробелов в законодательстве и правоприменении, оказания помощи правотворческим органам и т.д.

Надзор и контроль за законностью в той или иной форме призваны осуществлять самые разные государственные институты: представительные, исполнительные, судебные, административные. Однако парадигма прокуратуры заключается в служении интересам государства и общества, надзоре за законностью против любых злоупотреблений и нарушений от кого бы они не исходили[2].

На протяжении двух десятилетий со дня принятия Основного закона 1993 года в его ст. 129 содержались основополагающие конституционные начала прокуратуры: единая централизованная система с иерархическим подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору. Однако внесенный главой государства в октябре 2013 года в Парламент России проект Закона о поправке к Конституции Российской Федерации указанных положений не содержал. Согласно обоснованию необходимости принятия поправки и официальным отзывам проект направлен на укрепление единства судебной системы, обеспечение доступности правосудия, а также стабильности и определенности

---

1 См.: Звягинцев А.Г. Прокуратура России. От истоков до наших дней. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 6.

2 См.: Сухарев А.Я. Историческая судьба российской прокуратуры: научно-публицистический очерк. М.: Норма – Инфра-М, 2000. С. 3.

правоприменения. О прокуратуре говорилось лишь вскользь: законопроектом предлагалось изменить порядок назначения на должность отдельных категорий прокуроров[1].

Вместе с тем в ходе его рассмотрения в Государственной Думе 92 депутата попытались сохранить прежнюю редакцию ч. 1 ст. 129 Конституции. Однако указанная инициатива нижней палатой была отклонена. В итоге появилась отсылочная норма на федеральный закон (ч. 1). По мнению профессора Г.Н. Королева исключение из основных норм гарантии единства прокурорской системы может повлечь за собой ее изменение. Например, этой системой может стать Министерство юстиции[2].

Другая сторона этих изменений заключается в расширении направлений прокурорской деятельности, особенно в сфере так называемого общего надзора. Необдуманные законодательные решения в конечном итоге могут привести к размыванию функций, присущих прокурорской власти.

Таким образом, в ноябре 2013 года Федеральное Собрание пересмотрело отдельные статьи Основного закона. В их числе оказалась ст. 129. Было изменено также наименование главы 7[3].

Согласно положениям конституционной доктрины Основной закон призван провозгласить и закрепить не только основы конституционного строя, основные права, свободы человека и гражданина, но и фундаментальные конституционные принципы организации и деятельности институтов власти. В их числе находится прокуратура.

Вместе с тем обращает на себя внимание фрагментарность определения социального предназначения, места и роли надзорного учреждения в системе органов государственной власти. Не случайно в научной среде дискуссионными являются вопросы о принадлежности ее к ветви власти, исходя из классических представлений видных европейских философов права о системе разделения властей. Отдельными авторами выдвигают аргументы об отнесении её к контрольной, прокурорской или президентской ветви власти[4].

Авторы теоретических разработок будущего Основного закона предлагают отнести надзорный орган к системе правоохранительных органов страны. По их мнению, прокуратура должна составлять единую федеральную централизованную систему органов с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору. Прокуратура призвана осуществлять надзор за соблюдением Конституции и исполнением правовых актов. Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о защите прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов России, ее субъектов, муниципальных образований. Он осуществляет защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; семьи, материнства, отцовства, детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечение права на жилище; охраны здоровья; права на благоприятную окружающую среду; образования. Прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов исполнительными государственными органами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих юридических лиц, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых

---

[1] См.: Обоснование необходимости принятия поправки к Конституции Российской Федерации о Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации, официальные отзывы на законопроект № 352924-6 // http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/ (Spravka)?OpenAgent&RN=352924-6 (дата обращения: 10.05.2015).

[2] См.: Королев Г.Н. Сохранится ли прокуратура России как единая система? // Законность. 2014. № 10. С. 16-19.

[3] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 6. Ст. 548.

[4] См.: Чиркин В.Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10-18; Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. М.: Юристъ, 2000. С. 306, 310; Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998. С. 255; Королев Г.Н. Указ. соч. С. 17-19.

актов; надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; уголовное преследование; участие в рассмотрении дел судами, опротестование противоречащих закону решений, приговоров, определений и постановлений судов; координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Прокуратура готовит ежегодные доклады о состоянии законности и выступает с ними перед Парламентом, направляет в Правительство. Требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок. Неисполнение требований прокурора влечет за собой установленную законом ответственность[1].

В проектах концепции правовой политики прокуратура представляется как орган власти, который формирует и реализует правовую политику посредством осуществления от имени страны надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на государственной территории, участия в правотворческом процессе и судоустройстве, уголовного преследования в соответствии с полномочиями, установленными законодательством РФ, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью[2]. Как видно исследователями предлагает достаточно подробное закрепление в основных нормах политико-правового положения, полномочий надзорного ведомства.

Действующая Конституция ведет речь только об организации прокуратуры – назначении и освобождении от должности прокуроров. По мнению прокурора Республики Северная Осетия – Алания В.П. Векшина конституционно-правовой статус прокуратуры не изменился, поскольку в гл. 7 указана в качестве самостоятельного государственного органа. Основные принципы единства и централизации прокуратуры находят отражение в конституционном закреплении единого порядка назначения и освобождения от должности всех прокуроров системы прокуратуры России (ч. 2 – 5 ст. 129). Принцип централизации предполагает подчинение высшим органам государственной власти – Федеральному Собранию и Президенту РФ[3]. В этом смысле можно утверждать о позитивных изменениях для правовой системы, поскольку исходя из проводимой Президентом России кадровой политики прокуроров субъектов Федерации и приравненных к ним, повысится обеспечение гарантий Конституции, прав и свобод человека и гражданина, согласованность и взаимодействие органов государственной власти. В связи с этим координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью необходимо проводить с участием главы государства.

Легитимность органа государственной власти повышается благодаря чёткому закреплению статуса в основных нормах. Правовой статус Правительства, судов и некоторых других органов государственной власти урегулирован федеральными конституционными законами, которые обладают особой юридической силой и усложненной процедурой принятия[4]. Напротив, статус прокуратуры закреплен федеральным законом.

По нашему мнению основополагающие идеи конституционной модели прокуратуры (социальное предназначение, место в системе органов власти) должны воплощаться в нормах Основного закона, а правовой статус, полномочия и другие вопросы – федеральном

---

1 См.: проект Конституции России, разработанный в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования // Конституция России (проект) / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2013. С. 209-211.

2 См.: Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. Саратов: Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук. Институт государства и права РАН, 2010. С. 37.

3 См.: Векшин В.П. Конституционно-правовой статус прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 1. С. 3-4.

4 См.: Артанова Е.Н. Специфика принятия федеральных конституционных законов в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3. С. 63-65.

конституционном законе. Усложненный порядок принятия такого закона обеспечит стабильность, повысит гарантии независимости и самостоятельности рассматриваемого органа власти.

В контексте рассматриваемой темы необходимо также отметить влияние органов прокуратуры при реализации конституционного принципа федерализма. На всей территории страны федеральное правовое пространство должно быть единым, за исключением особенностей по вопросам совместного ведения регионов, местного самоуправления. Эта цель достигается не только посредством совершенствования федерального, регионального и местного законодательства. Деятельность по устранению противоречий не потеряла актуальность и сегодня. Прокуроры активно изучают законодательство, на уровне субъектов Федерации обладают правом законодательной инициативы. Однако на федеральном уровне такое право до сих пор не предоставлено, тогда как правотворческая активность высших исполнительных и представительных органов власти немыслима без участия прокуратуры.

В федеральных законах нередко встречаются неопределенные нормы, нечеткие, размытые формулировки, трудности установления фактического содержания, правильного и единообразного применения. Понятно, что дефекты права могут быть устранены посредством судопроизводства. Однако оно может быть запоздалым, когда права и свободы человека и гражданина уже нарушены. Напротив, представители надзорного ведомства обладают достаточным потенциалом, поскольку способны предотвратить такие нарушения на более ранних стадиях правореализации.

Таким образом, закрепление в Основных нормах основополагающих начал прокуратуры качественно повысит конституционный статус этого органа власти, что позволит более эффективно укреплять правовой фундамент отечества и общества, обеспечить надежную основу для успешного развития страны. Законность не является изолированным феноменом в правовой системе. Она всегда находится в прямой связи с развитием юридического процесса. В правовой системе законность децентрализуется по всей её структуре, обусловлена всеми её элементами, в которых проходит правовая практика нации. В связи с этим обеспечение законности, надзор за её реализацией предполагает выработку представлений о предназначении и функциях прокурора.

Полагаем, что прокуратура занимает самостоятельное место в правовой системе России. В ближайшей перспективе правомочия её органов будут расширяться, в сторону придания им обширных функций внесудебного выявления и реагирования на юридические и социальные явления в сфере реализации законодательных актов.

Пирожок С.С.
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургский университет МВД России
Научный руководитель: *профессор Н.С.Нижник*

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ПОИСКИ ОПТИМАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В современной юридической науке вопросам, касающимся сущности и практики построения социального государства, роли гражданского общества в становлении социального государства, уделяется все больше внимания. Социальное государство и развитое гражданское общество все чаще выдвигаются в качестве общественных идеалов, способных объединить все

общество. Гражданское общество рассматривается важнейшим субъектом политико-правовой системы государства, успешно осуществляющего свою социальную функцию.

Взаимодействие государства и гражданского общества придали теоретическую и практическую значимость вопросам о пределах вмешательства государства в дела общественных организаций[1]. Одним из первых проблему вторжения государства в различные сферы общественной жизни выдвинул и подверг комплексному анализу германский политический деятель и известный юрист Роберт фон Моль (1799–1875)[2].

Мировую известность Р. фон Молю обеспечила его научная деятельность, его труды по вопросам государственного и международного права[3]. При этом работы Р. фон Моля до сих пор остаются непереведенными на русский язык[4] и неизвестными широкому российскому читателю.

В политической, экономической и социальной жизни Германии в XIX в. произошли серьезные изменения, среди которых – появление и получение широкого распространения обществ и союзов, принимавших активное участие в решении социальных вопросов. Такие союзы и общества инвестировали в коммунальную инфраструктуру городов, городское жилищное строительство, строительство железных дорог, выдавали малым промыслам и учреждениям земель кредиты[5]. Под их влиянием изменился характер сосуществования и взаимодействия государственной власти и институтов гражданского общества.

Именно эти изменения предпринял попытку проанализировать Р. фон Моль. Так, в своей работе «Encyklopädie des Staatswissenschaften» он констатировал различия понятий «общество» и «государство», обращал внимание на отличительные особенности государственной и общественной жизни, подчеркивая, что «добытое в настоящее время воззрение на общество, как на особую сферу жизни, отличающуюся, < … > от государства и союза государства, такое воззрение представляет научный факт великой важности»[6].

Характеризуя общественные организации, Р. фон Моль обращал внимание на то, что:

– они создаются в определенной сфере жизни группы лиц или союза граждан;

– в основе их появления лежит цель или интерес, общие для группы лиц;

– они возникают «сами собой, вследствие общего одинакового отношения к одному и тому же факту»[7];

– участие в таких обществах носит внесословный характер.

---

[1] См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43.

[2] Матвеева А.Г. Моль (Mohl) Роберт фон // Большая российская энциклопедия: В 30 т. Т. 20. / Председатель науч.-ред. совета Ю.С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. С. 702–703.

[3] Mohl R., von. 1) Das Staatsrecht des Königreiches Württemberg. I Bd. Tübingen, 1829; 2) Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Bd. I–II. Tübingen, 1832–1833; 3) System des Präventiv-justiz oder Rechts-Polizei. Tübingen, 1834; 4) Die Verantwortlichkeit des Minister. Tübingen, 1837; 5) Untersuchung der für die Verwaltung der allgemeinen Rentenanstalt vorgebrachten Vertheidigungsgründe. Tübingen, 1838; 6) Das Staatsrecht des Königsrecht Württemberg. Tübingen, 1840; 7) Encyklopädie des Staatswissenschaften. 2-te Auflage. Tübingen, 1842; 8) Vorschläge zu einer Geschäfts-Ordnung des verfassungsgebenden Reichstages. Heidelberg, 1848; 9) Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften in Monographien dargestellt. I–II Bd. Erlangen, 1855–1858; 10) Rechtliche und politische Erörterungen über die Bundesreformacte: Von einem Süddeutschen. Erlangen: F. Enke, 1863.

[4] Исключение составляют лишь две работы. См.: Моль Р., фон 1) Энциклопедия государственных наук. СПб., 1867; 2) Наука полиции по началам юридического государства: Перевод с 3-го немецкого издания. Вып. 1 / Пер.: Р. Сементковский. СПб.: Печ. В. И. Головина, 1871.

[5] Tilly R. H. Vom Zollverein zum Industriestaat: Die wirtsch.-soziale Entwicklung Deutschlands, 1834 bis 1914. München: Dt Taschenbuch, 1990. S. 94.

[6] Моль Р., фон Энциклопедия государственных наук. СПб., 1867. С. 21.

[7] Там же. С. 14.

Р. фон Моль сформулировал понятие «общество», подчеркнув, что это – особая сфера жизни людей, союз граждан, преследующих свои цели и интересы в рамках закона[1].

Характеризуя государственную власть, Р. фон Моль обращал внимание на то, что одной из основных ее задач является содействие всем сферам человеческой жизни, в том числе и обществу. Достижение этой цели, по Молю, возможно, только при условии организации деятельности государства в соответствии с правилом: «Государство должно действовать единственно в том случае, когда достижению разумного, законом дозволенного и общеполезного предприятия преграждают путь внешние препятствия, совершенное или целесообразное и действительное удаление которых для частных лиц невозможно»[2]. Государство Р. фон Моль рассматривал, прежде всего, как инструмент обеспечения и защиты прав и свобод человека, как организацию, которая разрабатывает и учреждает «общие меры, которыми может воспользоваться всякий желающий достигнуть известной цели»[3]. Взаимовыгодное взаимодействие государства и общества, подчеркивал Моль, возможно лишь тогда, когда они существуют преимущественно в рамках правового поля. «Чем более гражданин сознает обеспеченность своих прав даже против вторжения государства, тем более он склонен воспользоваться ими для осуществления полезных предприятий»[4]. Свобода гражданина является основой правового государства. Только в государстве, основанном на праве, гражданин может разносторонне развиваться, осознавая свою защищенность. В таком государстве «общество вправе предъявлять свои требования государству»[5].

Особое внимание Р. фон Моль обращал на необходимость взаимного доверия между государством и обществом. Являясь противником революционного решения социальных конфликтов, Моль полагал, что, доверяя реализацию части своих функций обществу, государство имеет прекрасную возможность воздержаться от излишней и несвойственной ему деятельности, осуществить взаимодействие с обществом и нивелировать социальные конфликты. «…Государственная власть может становиться слабее, когда народ приобретает способность заботиться сам о большем количестве своих дел»[6].

Секрет устойчивого развития государства Р. фон Моль видел в высоком уровне вовлеченности общественных сил, организаций, союзов, объединений в решение экономических задач общества, в существовании цивилизованного диалога между населением и властью. Основаниями таких выводов Моль рассматривал современную ему историческую реальность: в середине XIX в. активность обществ, организаций, союзов в решении социальных вопросов росла; в 1844 г. при поддержке торгово-промышленных объединений и крупных предпринимателей был создан Берлинский союз, который вносил важный вклад в распространение образования среди рабочих, в строительство училища и музея ремесел[7]; предприниматели уделяли внимание вопросам улучшения условий труда и быта трудящихся, а также членов их семей.

При этом противопоставлять государство и общество Р. фон Моль считал нецелесообразным. Общественная жизнь обеспечивается государственной властью незыблемостью прав и свобод, неизбежным сотрудничеством государства и общества (прежде

---

1 Там же. С. 14–15.
2 Моль Р., фон Наука полиции по началам юридического государства. С. 45.
3 Там же. С. 23–24.
4 Там же. С. 24.
5 Моль Р., фон Энциклопедия государственных наук. С. 53.
6 Там же. С. 55.
7 Социализм и вольная ассоциация в Германии: корреспонденция из Берлина // Вестник Европы. 1869. Кн. 11. Ноябрь. С. 436.

всего в сфере социального обеспечения), которое должно осуществляться в рамках правового поля.

Р. фон Моль предпринял попытку дифференциации задач и функций государства и общества, чем обусловил выделение из государственных наук самостоятельной науки об обществе. Если «от государства отойдет все ему чуждое, … от него уже нельзя будет требовать чего-либо невозможного или ложного. Это должно быть сделано как в области права, так и в области политики»[1].

Итак, феномены «общество» и «государство» взаимосвязаны. Взаимодействие государства и общества носит плодотворный характер только тогда, когда общество состоит из свободных личностей, реализующих свои экономические, профессиональные, культурные и другие интересы через легальные автономные от государства организации и институты, а также через организации, взаимодействующие в этих целях с государством. Оптимальные условия для такого успешного взаимодействия могут быть созданы в социальном государстве, в рамках которого государственная власть обеспечивает незыблемость прав и свобод человека и гражданина, и осуществляет сотрудничество с обществом при решении вопросов в социальной сфере.

Петров М.Н.
д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории государства и права
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

О ВРЕМЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ответ на вопрос о времени формирования службы госбезопасности кажется очевидным. 20 декабря 1995 года подписан указ об установлении Дня работника органов безопасности Российской Федерации. В советское время 20 декабря отмечался как день образование ВЧК. Думается, что такой отсчёт хронологически завышен.

Спецслужбы являются частью государственного аппарата, созданы и содержатся определённой политической системой, подчиняются её руководящим структурам, служит их интересам, защищают от внешних и внутренних угроз. Для спецслужб такого типа справедливо определение «государственная безопасность».

Естественным и неотъемлемым правом индивидуума и сообщества является право на защиту. Испокон орудием реализации этого права стали действия, именуемые ныне разведкой и контрразведкой. Стая любых живых существ посылает в область предполагаемой миграции самых умных и опытных особей с боевым заданием. Аборигены стараются выявить лазутчиков и предотвратить вторжение.

Интересующие нас достоверные свидетельства о разведке и контрразведке касательно ранней истории России единичные и фрагментарные. Старейшее разведывательное сообщение связано с Новгородом. В 1981 году на Нутном раскопе в мощном культурном слое на глубине более 5 метров нашли длинный лист берёсты. В левой части поля был выдавлен писалом знак в виде сложной плетёнки и текст в две строки: «Литва встала на Корелу». Текст донесения спрятан в глубь свитка. Орнаментальный мотив грамоты мог быть тамгой автора.

---

[1] Моль Р., фон Энциклопедия государственных наук. С. 23.

Грамота получила порядковый номер 590 и связана с 1069 годом, когда князь Всеслав двинулся на Новгород. В пути произошло отмеченное в донесении столкновение литовских и карельских дружинников. На речке Гзень у Зверина монастыря произошла битва. Не исключено, что внутренний конфлик стал одной из причин сокрушительного поражения рати Всеслава [1].

В страшном для Руси XIII веке Новгород остался единственным русским городом, не подвергшимся завоеванию. Тяжёлым положением попытались воспользоваться шведы. Зная, откуда ждать нашествие, новгородцы выставили дозоры. Пограничную службу несли дружественные племена карелов, води и ижоры. На рассвете старейшина ижорцев Пелгусий увидел входившие в Неву шведские военные суда и сообщил князю Александру Ярославичу о вторжении. Соплеменники Пелгусия продолжали вести активную разведку. 15 июля 1240 года новгородцы напали на шведов при впадении реки Ижоры в Неву. Победителя стали именовать почётным прозвищем Александр Невский.

Достигнутая военная стабильность стала закладным камнем расцвета двух республик. Дошли важные правовые документы - Новгородская и Псковская судные грамоты. В последней выделена измена («перевет», «переветник»), караемая смертной казнью («живота не дати»). Учитывая пограничное положение центра и частые вторжения агрессивных соседей, выделение особо опасного преступления против государства представлялось жизненно обоснованным. Закреплялась смертная казнь, не применявшаяся по нормам «Русской правды» Ярослава Мудрого.

Важным фактором развития являлась торговля. Новгородские купцы имели связи по торговым путям «из варяг в греки» и Волжскому. Напрашивается предположение, что они обладали информацией о политическом и экономическом положении ближних и дальних соседей, о путях сообщения по рекам и волокам, о вооружённых силах и укреплениях. Далеко не случайно иноземцам запрещались свободные прогулки по Новгороду. Ганзейские торговцы жили и торговали на Готском и Немецком дворах.

Зимой 1478 года Великий Новгород вошёл в состав Московского государства. Изменились торговые связи с Ганзой и Ливонией. Весной того же 1478 года ганзейские города созвали съезд, на котором обсуждали новгородские дела и возможные способы экономического давления. В ноябре 1494 года по распоряжению государя ганзейскую контору закрыли, описали её ценности и товары. Существуют различные мнения по этому поводу. Возможным вариантом событий стала, говоря современным языком, ликвидация разведывательной резидентуры под крышей легального иностранного торгового представительства. Известно, что по возвращению купцы Дерпта и Ревеля опрашивались должностными лицами Ливонского ордена об обстановке в Новгороде.

Русские войска вышли на границы ордена и последний вынужденно изменил методы добычи развединформации. Лазутчики сообщали о перемещениях русских войск близ Пскова и Новгорода, о сборе ополчения и о запасах продовольствия. Кто-то из разведчиков продолжал выступать под личиной торговцев. Их вольными или невольными агентами становились «достойные доверия» русские коллеги по коммерции.

Государству требовалась единая система управления, и постепенно формировалась система приказов. С середины XVI века ответственность за обеспечение безопасности царя и государства несли дьяки и подъячие Разрядного приказа. Центральным правительственным учреждением, одновременно личной канцелярией царя Алексея Михайловича, стал Тайный

---

[1] Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М., 1986. С. 50-51; Янин В. Л. Я послал тебе берёсту... М., 1998. С. 263-266

приказ, служащие которого помимо розыска по политическим делам осуществляли некоторые внешние разведывательные функции.

Страна привлекала внимание недружественных соседей. Сбор развединформации стал уделом дипломатов и путешественников. Итогом пребывания инженер-капитана Эрика Пальмквиста из шведского посольства стали «Заметки о России». Отчёт включал 53 рисунка, 16 географических карт, в том числе пограничной области между Россией и Ливонией, планы Новгорода, Пскова, Торжка, Твери, Москвы, подробное описание летних, зимних и водных путей с бродами. В Новгороде Пальмквист пребывал несколько дней. Он зарисовал город с востока и от Антониева монастыря, указал расстояния в милях от Нарвы, Пскова и Москвы, составил схему с описанием пути до Торжка по Мсте, назвал Новгород «сильной пограничной крепостью», указал численность гарнизона и количество пушек.

В начале имперского времени продолжала действовать формула «слово и дело государево». Подозреваемых направляли в Преображенский приказ, который находился в прямом ведении государя и получил исключительное право следствия и суда по делам политического характера. Важные дела указанной категории рассматривались в Тайной канцелярии (дело царевича Алексея). Её преемницей стала Канцелярия тайных розыскных дел. При Екатерине II учреждается Тайная экспедиция при Сенате. Экспедиция вела следствие и выносила решение по важнейшим делам (Емельяна Пугачёва, Александра Радищева).

Можно назвать еще несколько учреждений, к компетенции которых были отнесены дела о государственных преступлениях. Однако все они явились лишь подходами к службе госбезопасности, так как существовали в общей системе исполнительных ведомств, действовали только в столице и малым штатом, не имели представительств в землях и губерниях, не применяли специфических методов, были нацелены не на предотвращение деяний, а на кару по их совершению или подозрению.

Российская империя остро нуждалась в специальной службе. Совпало, что идея её создания родились у двух лиц, но находившихся в противоположных политических лагерях. Павел Иванович Пестель, полковник, лидер Южного общества, автор программной «Русской правды». В случае успеха переворота самодержавие упразднялось и Россия объявлялась «единой и неделимой» республикой с полнотой власти Верховного правления из пяти директоров, один из которых стал бы диктатором. Считая безопасность государства «первой целью правительства», Пестель проектировал создание приказа благочиния из двух частей. Высшее благочиние охраняло бы правительство, его главу и образ правления. Обыкновенное благочиние обеспечивало общественную безопасность и права частных лиц.

Высшее благочиние, по мнению Пестеля, «требует непроницаемой тьмы»; учреждалось оно в строжайшей тайне и внешне никак не проявлялось, число служащих и их имена были известны только двум лицам: главе правительства и руководителю благочиния. Сотрудники обеспечивали три направления: контролировали госаппарат, держали под контролем общество, наблюдали за посланниками и иностранцами, навлёкших подозрение в угрозе «государственной безопасности». Пестель, таким образом, претендует на авторство всем известного понятия.

Для выполнения задач Высшее благочиние имеет «непременную надобность в многоразличных сведениях», в том числе путём «тайных розысков или шпионства», метода «надёжнейшего» для достижения целей. «Вестники» тайного розыска должны проходить тщательный отбор по нравственным критериям, «великое получать жалование» и быть уверенными в том, что их имена никогда не будут публично названы. Можно предположить, что идеи Пестеля не остались втуне, но были использованы при скором формировании специальных органов обеспечения безопасности империи.

Александр Христофорович Бенкендорф. начальник штаба гвардии, генерал-адъютант, член Следственной комиссии по выступлению декабристов. В январе 1826 года подаёт императору Николаю I проект «Об устройстве высшей полиции». 3 июля 1826 года Николай I подписал указ о создании Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Управляющий подчинялся только государю. Аппарат отделения состоял из пяти экспедиций. Сотрудники осуществляли политический сыск и дознание по делам о государственных преступлениях, контролировали экономическую безопасность, наблюдали за религиозными организациями и печатью, осуществляли контроль за иностранцами. Отделение имело право высылки и ссылки и располагало особыми тюрьмами в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Третье отделение применяло специфические методы добывания информации, обзаведясь внутренней и заграничной агентурой и агентами внешнего наблюдения. Использовалась перлюстрация корреспонденции через секретные «чёрные кабинеты» при почтамтах.

Отделение располагало воинскими частями, объединёнными в Отдельный корпус жандармов. Империя была разделена на пять, позже восемь жандармских округов во главе с генералами. Отделениями в губерниях командовали штаб-офицеры. Мундиры жандармских офицеров шились из синего сукна с голубыми воротниками и красными кантами. Фуражки имели тёмно-синий околыш и голубую тулью. Голубой цвет особого, бирюзового оттенка, так и назывался - «голубой жандармский».

Третье отделение в полном смысле отвечало задачам обеспечения государственной безопасности Российской империи. Служба представляла строго централизованную закрытую систему, подчинённую только императору как носителю высшей власти, надзирала и контролировала деятельность всех без исключения государственных и местных учреждений, осуществляла наблюдение за всеми сферами общества. Служба имела разветвлённую сеть территориальных органов и вооружённую силу, использовала специфические методы оперативно-розыскной деятельности, применяла воздействие в форме внесудебной репрессии.

Таким образом, датой формирования российской службы государственной безопасности следует признать 3 июля. Её основателем стал А. Х. Бенкендорф, руководившей отделением первые восемнадцать лет становления.

Деятельность Третьего отделения осуществлялась на правовой основе «Свода законов» В разделе «О преступлениях государственных» предусматривалось суровое наказание на посягательство на особу императора, наследника престола и члена августейшей семьи, а также за критические оценки его личности и действий, за восстание и измену. Диспозицию государственных преступлений и жёсткие санкции сохранило «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Дополнительно вводились наказания за такие виды преступлений, как составление и распространение антиправительственных сочинений, повреждение или уничтожение живописных или скульптурных изображений государя.

С сентября 1867 года учреждались губернские жандармские управления. Офицерские должности замещали офицеры армии и гвардии, обязательно дворянского происхождения, с достойным послужным списком и безупречной репутацией. Число желающих всегда превышало число вакансий. Так, за 1871 год 142 офицера подали прошения о переводе, из них отбор прошёл 21, а к подготовке на особых курсах допустили лишь шестерых. Унтер-офицеры набирались из образцово прошедших действительную службу. О каждом собирались сведения о благонадежности, судимости, вероисповедании, политической благонадежности родителей, жены, братьев и сестёр. Жалованье превышало армейское. Чиновники должны были отвечать общим основаниям поступления на государственную службу.

В 1866 году в Санкт-Петербурге было сформировано Отделение для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия. Расположилось оно в здании градоначальства по Гороховой улице, 2 (в этот дом в декабре 1917 года въехала ВЧК). Подобные отделения со временем были сформированы в нескольких городах. Сотрудники «охранки» или «гороховые пальто», как их уничижительно именовали революционеры, вели сыск по политическим делам, осуществляли наружное наблюдение, вербовали и направляли агентуру и осведомителей.

Взрыв в Зимнем дворце, осуществлённый народовольцем С. Н. Халтуриным, заставил власти принять экстренные меры. 6 августа 1880 года было упразднено Третье отделение и функции политического сыска сосредоточены в Департаменте полиции МВД, где позже был сформирован Особый отдел.

В августе 1881 года принимается «Положение о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия» с возможностью введения в губерниях состояния усиленной охраны и состояние чрезвычайной охраны. Полиция и жандармерия получили право проводить задержание по подозрению и возбуждать дознание на основе августовского закона. Если для предания суду не было достаточных оснований, могла применяться административная высылка. В марте следующего года принимается «Положение о полицейском надзоре». Надзор определялся как «предупреждение преступных деяний против существующего государственного порядка» и подразделялся на гласный и негласный. Первый осуществляла полиция и в ГЖУ находились списки поднадзорных лиц. Негласный или секретный надзор проводили жандармские унтер-офицеры при содействии полиции и секретных сотрудников. Сведения поступали в ГЖУ, где на каждого поднадзорного заводилось наблюдательное дело.

В канун Первой мировой войны для борьба со шпионажем в войсках при штабах военных округов были созданы контрразведывательные отделения. Руководителями назначали жандармских обер-офицеров.

К революционному году на территории Российской империи действовали 72 жандармских управлений и 32 жандармско-полицейских управлений железных дорог. Перечень внушительный только на первый взгляд, потому что общее количество жандармов составило 15,5 тысячи офицеров и нижних чинов. На империю количество ничтожное. Крайне малым было число секретных агентов и филёров. Оперативная работа финансировалась скудно. За 15 предреволюционных лет сменилось 12 руководителей.

Казалось бы, слабые имперские спецслужбы не обеспечили безопасности самодержавия. Налицо не самостоятельное положение в государственной исполнительной системе, небольшие кадровые силы, недостаточное финансирование, невнимание власть имущих к представляемым аналитическим данным и прочее. Даже при подобном негативном положении российские жандармы, охранники, полицейские, контрразведчики по большому счёту выполнили свои задачи. Они контролировали оперативную обстановку, получали исчерпывающую информацию о процессах и замыслах революционеров и оппозиционеров, влияли через доверенных лиц на принимаемые теми решения. Гипотетически предположим, что при поступлении команды спецслужбы в течение суток изменили бы ситуацию в стране. Только некому было дать сигнала к решительным действиям. Верхи империи своими действиями и, главное, бездействием подготовили собственную гибель. Не способный решить проблемы России, царизм стал главным виновником краха великого государства.

Временное правительство в начале марта 1917 года упразднило Отдельный корпус жандармов, Департамент полиции и отделения по охранению общественной безопасности и порядка. Выслужившие полный срок офицеры вышли в отставку, остальных переводили в армию. Из армейской контрразведки уволили жандармских офицеров, составлявших 90

процентов сотрудников, чем фактически ликвидировали органы борьбы со шпионажем. Разрушив силовые структуры разведки, контрразведки и политической полиции, правительство не озаботилось аппаратом безопасностью и тем самым подготовило собственное свержение.

В октябре к власти пришла большевистская партия. Ошибки предшественников она не повторила. Созданная всеобъемлющая служба госбезопасности вобрала всё сильное и боевое из отечественного государственного и правового опыта.

Прокофьев В.Ф.
к.ю.н., доцент
Декан юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

И.А.ИЛЬИН О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Иван Александрович Ильин (1882-1954)[1]. Выдающийся российский правовед, философ. В 1901 году окончил юридический факультет Московского университета, где отдавал предпочтение теории и философии права. Будучи оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию И.А.Ильин подготовил диссертацию на тему: «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», которая была защищена в 1918 году. За нее Иван Александрович получил сразу две степени: магистра и доктора государственных наук.

С 1922 по 1954 годы И.А.Ильин, находясь в эмиграции, работает в Русском научном институте в Берлине. После прихода к власти нацистов он уезжает в Швейцарию. Здесь И.А.Ильин завершает работу над книгой: «О сущности правосознания», которая была опубликована уже после его смерти в 1956 году в Мюнхене.

Несмотря на определенный крен в сторону религиозной философии, И.А.Ильин практически создал учение о так называемом правосознании, которое по мысли автора должно было стать основой права вообще и конституционного (государственного) права, в частности. Правосознание является объектом, познать который может только предметная философия, движущуюся путем систематической интуиции. Это означает, что нормальное правосознание живет в том, кто его исследует и может исследоваться только тем, кто это правосознание в себе выращивает.

Что касается религии, то Ильин отмечал, что потребность в ней порождает потребность в духовной свободе, а поэтому в правопорядке[2]. Ученый подчеркивал, что право основано, во-первых, на доверии к авторитету и, во-вторых, на вере в справедливость[3]. Само собой реализация данных положений невозможна без соответствующей конституционно-правовой организации государства.

И.А.Ильин в своей работе «О сущности правосознания» выдвинул тезис о значительном влиянии правосознания народа на конституционно-правовое устройство государства. В частности, он писал: «Народу необходимо достойно знать законы своей страны, это входит в состав правовой жизни»[4]. И далее продолжает: «И как основным признаком понятия правовая жизнь является наличность юридических норм, так и основным признаком понятия –

---

1 Основные труды, опубликованые в России: Наши задачи. Избранные статьи (1948-1954 г.г.) Юность, 1990г. №18; Общее учение о праве и государстве. Собр.соч. в 10-ти томах. – М.1994; О сущности правосознания. М.1993.

2 Ильин И.А. О сущности правосознания. Собрание сочиений.-М.1994.т.4.С.390-391.

3 Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. Собрание соч.-М.1994.т.4.С.69,78,80.

4 Ильин И.А. О сущности правосознания.- М.1993. с.24,37.

социальная жизнь является наличность социальных норм вообще, т.е. различного рода правил, регулирующих распорядок совместной жизни людей, их взаимные отношения… право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой; а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность»[1].

Если взглянуть на сегодняшнюю ситуацию в нашем государстве, то на лицо актуальность мысли великого русского юриста и философа, так как уровень правосознания народа до сих пор не позволяет ему включиться в общественную правовую жизнь и верно участвовать в ее устроении.

Концепция правового государства в учении Ильина значительно отличается от либеральных теорий. Он в какой - то степени возвращается к «идеальному государству» Платона, неприспособленность которого к жизни компенсировалась твердостью линий и «железной» логикой. Большое внимание в наследии Ильина уделено проблеме формы государства и его конституционного устройства. Он считал, что форма правления в государстве определяется, прежде всего, монархическим или республиканским правосознанием народа. Форма государства есть живая организация власти народа и «необходимо, чтобы народ понимал свой жизненный строй, чтобы он умел - именно «так» - организоваться, чтобы он уважал законы этого строя и вкладывал свою волю в эту организацию»[2].

На форму государства, по мнению И.А.Ильина, влияет национальный состав, территориальные размеры страны и другие факторы. «Многонациональный состав населения, - писал И.А.Ильин, - предъявляет к государственной форме свои требования. И может стать фактором распада и привести к гибельным гражданским войнам»[3]. Учитывая исторический опыт, ученый считал, что каждому народу должна быть свойственна «Своя особая индивидуальная форма и конституция, соответствующая ему и только ему…Слепое взаимствование и подражание нелепо, опасно и может быть гибельным»[4].

Предлагая пути решения проблем федеративного устройства, Ильин отмечал, что федерация возможна только там, где объединяются самостоятельные государства. «При этом федеральные конституции устанавливают, в чем именно политически срастающиеся малые государства сохранят свою «самостоятельность» и в чем они ее утратят»[5]. Анализ и применение на практике этих положений, выдвинутых И.А.Ильиным, несомненно, мог бы способствовать недопущению ряда острых кризисов современности, включая и ситуацию на Украине.

Интересны конкретные модели будущей постсоветской конституции России, представленные Ильиным в статье 6 «Кое-что об основных законах будущей России»[6]. В ст.2 он, в частности зафиксировал, «Российское государство – есть правовое единство, - священное, исторически преемственное, властное и действенное. Оно покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу, Отечеству, государству, власти, и закону»[7].

Данные положения конкретизируются в статье «О правах и обязанностях российских граждан»[8]. «Не доверять своим согражданам, - писал И.А.Ильин, - значит подозревать или прямо презирать их: политическое единение становится невозможным. Если же власть не

---

1 Там же С.37,40.

2 Ильин И.А. О государственной форме. Советское государство и право. 1991.,№11.С.135.

3 Ильин И.А. Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской империи.-М.1996. С.138.

4 Там же, С.138.

5 Там же, С.135.

6 Ильин И.А. Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской империи.-М.1996. С.138.

7 Ильин И.А. Кое что об основных законах будущей России. Собрание соч. т.2-М.1994. С.80-84.

8 Там же, С.89-91.

уважает своих граждан и не доверяет им, то она вынуждена править не свободно и верностью, и страхом и гнетом и творческая сила ее оказывается подорванной и обреченной»[1]. Далее в 32 статьях перечисляются права и обязанности российских граждан, соответствующие международным стандартам.

Несмотря на спорность ряда тезисов профессора Ильина, его позитивные предложения не стали объектом пристального внимания разработчиков Конституции Российской Федерации 1993 года, что привело к созданию Основного закона по «западной» модели, далеко не всегда отвечающей особенностям развития нашей страны.

А в процветающее будущее России великий русский мыслитель свято верил и связывал он эту надежду с могучим потенциалом человеческого стремления к свободе: «Все живые источники человеческого качества – от элементарной порядочности до высших ступеней святости – суть дело свободы»[2].

Пугачёв А.Н.
к. ю. н., доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Полоцкий государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИИ

По мнению Т. Я. Хабриевой и В. Е. Чиркина, «неодинаковое содержание конституций, изменение его на разных этапах развития, природа конституции (демократическая, тоталитарная) определяют специальные функции конституций того или иного рода. Это – отдельное в функциях конституций»[3]. Какого-то единого подхода по видам функций такого рода не существует, но чаще всего рассматривают: *политическую; идеологическую; учредительную; символическую; воспитательную; организаторскую; внешнеполитическую; легализационную; системообразующую; правоохранительную.* В настоящей публикации рассмотрим политический контекст основного закона.

Известное высказывание К. Маркса о том, что «все юридическое в основе своей имеет политическую природу» верно по своей сути, а в отношении конституции приобретает особый смысл. Именно *политическая направленность основного закона* обусловливает его особую роль в жизни общества и государства. Императив о том, что конституция – это не только юридический, но и политический документ, не подвергается сомнению. Обращаясь к истокам конституционализма, ученые отмечают, что «Конституция США 1787 г. конституционно закрепила политическую победу народа над колонизаторами (до принятия Конституции США после завоевания независимости действовали Статьи Конфедерации). Словами «Мы, народ Соединенных Штатов…» Конституция провозгласила народный суверенитет. Последующие конституции некоторых стран ликвидировали монархию и устанавливали республику [...], ограничивали власть монархов, вводили элементы парламентарной системы управления»[4]. Но здесь необходимо дать историческую справку.

Принято считать, что в конституционно-правовой доктрине появление писаных конституций нового типа связывается с именем Монтескье как автором теоретического

---

1 Ильин И.А. О правах и обязанностях российских граждан. Собрание соч.т.2-М.1994. С.84-92.

2 Ильин И.А. Наши задачи. Избранные статьи (1948-1954) Юность.1990. №8, С.64.

3 Хабриева Т. Я., Чиркин, В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005, С. 60.

4 Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Норма: Инфра-М, 2014. С. 48.

обоснования принципа разделения властей. Его известный тезис (работа «*О духе законов*») о том, что свобода и права индивида могут быть обеспечены лишь при строгом разделении властей, в эпоху буржуазных преобразований получил широкое признание и стал настоящим политическим лозунгом. Как сказано, например, во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, «всякое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, *не имеет Конституции*» (курсив наш. – *А.П.*)[1]. Именно с этой самой поры, уверен Б. С. Эбзеев[2], слово «конституция» стало политическим термином с вполне определенным значением, и если ранее это слово обозначало вообще государственное устройство, то теперь оно стало синонимом лишь конкретного государственного устройства (впоследствии, правда, разделение властей как главный признак конституционного государственного устройства уступило место идее народного представительства). Так понятие конституции наполнилось принципиально новым политическим содержанием.

В своих работах Ш.-Л. Монтескье неоднократно использовал термин «конституция» в политическом контексте. В частности, Книга одиннадцатая *«О законах, устанавливающих политическую свободу в ее отношении к государственному устройству»* гласит: «Есть также на свете народ, непосредственным предметом государственного устройства которого является политическая свобода. Обратимся к рассмотрению общих начал, на которых он ее утверждает. Если они хороши, то свобода отразится в них, как в зеркале. Нам не потребуется много труда для того, чтобы *обнаружить в Конституции политическую свободу*. Если можно ее увидеть там, где она есть, если она уже найдена, то зачем далее искать ее?»[3]. В данном случае Ш.-Л. Монтескье ведет речь об Англии, и его вовсе не смутил тот факт, что эта страна никогда не имела кодифицированной конституции. Он всячески превозносит конституционное политической устройство Англии и при каждом удобном случае подчеркивает деспотизм и дремучесть политических форм Московии, Турции, Персии. Как видим, термин «конституция» вошел в устойчивый политический обиход еще в первой половине XVIII в. до известных североамериканских и французских событий.

С тех пор правовые акты под таким названием принимались в государствах для достижения определенных политических целей, что предполагало наделение их необходимыми свойствами. Прежде всего, политическая функция конституции отражает ее роль в закреплении и развитии основ государственной политики, регулировании властных, а значит – политических отношений. «С включением в конституцию задач государства, – полагает А. Шайо, – она политизируется. Правда, за счет этого политические вопросы, возможно, будут решаться не только в соответствии с властными силовыми отношениями, а обретут конституционное измерение, что обеспечит возможность принятия и более уравновешенных решений, а также позволит удержать в юридических рамках политические раздоры»[4]. Из опыта мы знаем, что конституция не всегда смогла выполнить роль «смирительной рубашки» для сиюминутных политических победителей. Но в странах с устойчивым правопорядком это удавалось вполне. По существу, конституционные нормы «представляют собой особое нормативно – правовое оформление политических норм, трансформацию их в государственно – правовой императив. Некоторые конституционные нормы обладают чертами политической директивы…», – утверждает В. О. Лучин[5]. Действительно, говоря о «политической окраске» конституционного

---

1 Конституции зарубежных государств. // Сост. проф. В. В. Маклаков. 2–е изд. М.: БЕК, 1999. С.137.

2 Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2005. С. 95.

3 Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 138.

4 Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юристъ, 1999. С. 44.

5 Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 39.

права, обычно тем самым стремятся отметить присущее ему особое свойство, благодаря которому оно содержательно отличается от других отраслей.

Ярко выраженную политическую направленность конституции подчеркивает О. Е. Кутафин: «Конституция является важнейшим политическим документом […]. В конституции, как ни в каком другом правовом акте, политико-правовые устои общества получают широкое и четкое законодательное выражение. Из общесоциальных категорий они переводятся в юридические, причем на самом высоком уровне. Конституция не только закрепляет сложившиеся соотношения политических сил, но и определенным образом организует их, переводя в ряд политико-правовых конституционных отношений»[1]. Такая позиция является отражением общей тенденции в российской конституционно-правовой науке.

В немецком правоведении, как известно, характерно употребление термина «государственное право». Именно здесь эпитет «политическое» в смысле «государственное» отражает стремление к власти и влиянию на определение общей воли, самоутверждение государства и его руководящую роль. Как уточняет Й. Изензее, «политика при этом представляется как первооснова права, а право – как продукт и инструмент политики. […] Политика и Конституция противостоят по необходимости как различные, однако взаимодействующие элементы, они же могут быть отделены друг от друга абсолютно. В конституционном государстве нет свободной от права политики»[2]. Можно сказать, что в конституционном государстве политическое управление связано правом через основной закон. Здесь особо следует выделить роль конституционных судов как политико-правовых учреждений, во многом благодаря которым «конституция должна найти средний путь между Сциллой юридизации и Харибдой политизации»[3]. Этот подход разделяется не всеми, но наша точка зрения сводится к тому, что активное конституционное правосудие неизбежно ведет к юридизации политики и политизации юстиции.

К Беларуси это относится в меньшей степени, т.к. в сферу конституционной юрисдикции не попадает множество проблем, традиционно решаемых европейскими конституционными судами: толкование конституции; проверка деятельности политических партий; подтверждение законности проведения выборов и референдумов; разрешение споров о компетенции между высшими государственными органами; импичмент в отношении высших должностных лиц государства. Все эти компетенционные полномочия, вне всякого сомнения, имеют политическую «подкладку». Как показывает изучение зарубежного опыта, в европейских странах действие основного закона при эффективной поддержке конституционного суда сопровождается тенденцией сужать посредством права сферу политических факторов и переводить политические решения в правовые. Имеются примеры и обратного свойства, когда вольное обращение конституционных судов с основным законом способствует дестабилизации политического процесса. Конституционный суд с развитым статусом и большим объемом полномочий как инструмент правосудия не должен участвовать в политической борьбе за власть, но вправе принимать решения относительно ее конституционно–правовых параметров. Главное, чтобы нормативность конституции не приносилась в жертву чьим-либо сиюминутным политическим интересам.

Любая конституция включает множество положений, в которых доминируют политическая направленность и Беларусь здесь не исключение. Например, в тексте Основного

---

1 Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 109.

2 Государственное право Германии. Том 2: Сокращен. пер. с немецкого семитомного изд. / Г. Арним, Р. Бартльшпергер, Г. Бетге и др.; Пер. с нем. С. А. Реутовой и др.; Редкол.: Б. Н. Топорнин (Отв. ред.) и др.; РАН. Ин-т государства и права. 1994. С. 307.

3 Государственное право Германии. С. 310.

Закона закрепляются принципы народовластия (статья 3), политического и идеологического многообразия (статья 4), многопартийности (статья 5). Много конституционных положений (статьи 33-38 и др.) говорят о политических правах и свободах граждан, в том числе предусматривающие различные формы и способы их участия в управлении делами государства. Отметим и «политические» полномочия высших государственных органов. Например, «Президент […] гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, […] обеспечивает политическую стабильность» (статья 79), Палата представителей «рассматривает проекты законов, в том числе об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (часть 2 статьи 97), Правительство «разрабатывает основные направления внутренней и внешней политики и принимает меры по их реализации» (абзац 2 статьи 107). Основной Закон Беларуси содержит целиком «политический» Раздел III *«Избирательная система. Референдум»*, что отличает его в данном аспекте от, например, Конституции Российской Федерации.

Отчетливому выражению политической функции способствует и то обстоятельство, что конституционным регулированием охватывается не только политическая система в целом, но и ее важнейшие элементы, субъекты, механизмы. Такой подход характерен для европейских конституций правовых систем романо-германского типа: «В континентальной Европе с ее абстрактным и политизированным мышлением довольно распространено внесение в тексты законов положений неюридического характера»[1]. Как замечает Рене Давид, «англичане не воспринимают европейских правовых норм, они им кажутся часто просто общими принципами, выражающими какие-то пожелания морального порядка или устанавливающими скорее *политическую программу*» (курсив наш. – *А.П.*), а не нормы права»[2]. Излишне говорить, что все без исключения «социалистические конституции» являлись не столько юридическими, сколько политико-идеологическими документами. Например, в Конституции СССР 1977 года прямо говорилось (ст. 6): «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза»[3]. Именно КПСС руководила политикой страны, а в самой партии решения принимались ее Центральным Комитетом, но чаще всего – Политбюро (например, всего четыре человека из состава Политбюро – Брежнев, Андропов, Устинов, Суслов – приняли в свое время решение о вводе советских войск в Афганистан, что повлекло для этих стран необратимые последствия). Такие политизированные конституции отличаются декларативность содержащихся в них положений, недостаточной юридической определенностью и малопригодностью осуществления на практике.

---

[1] Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Отв. ред. проф. М. Н. Марченко. Том 2. М.: ИКД “Зерцало – М”, 2001. С. 49.

[2] Давид Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности. М.: Межд. отношения, 1996. С. 266.

[3] Конституция СССР и развитие советского законодательства. М.: Юрид. лит, 1981. С. 29.

Пьянкова А.Ф.
к.ю.н.,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет

ДОГОВОР ПРИСОЕДИНЕНИЯ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Федеральным законом от 08 марта 2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», вступающим в силу с 01 июня 2015 года[1], внесены значительные изменения в статью 428 ГК РФ.

Данная статья давно подвергается обоснованной критике со стороны ученых-правоведов[2]. При этом выделяется несколько проблем. Посмотрим, какие из них удалось решить новой редакции статьи 428 ГК РФ.

1. Способ защиты права. Пункт 2 статьи 428 ГК РФ предоставляет стороне, присоединившейся к договору, право потребовать его изменения и расторжения при наличии указанных в статье обстоятельств. Данное право в большинстве случаев не обеспечивает защиту интересов присоединившейся стороны. Большинство зарубежных правопорядков предоставляет судам иное право – право признать конкретное условие недействительным как несправедливое.

В новой редакции способ защиты права потерпевшей стороны не изменен. Уточнено лишь, что, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства, в случае изменения или расторжения договора судом по требованию присоединившейся к договору стороны договор считается действовавшим в измененной редакции либо соответственно не действовавшим с момента его заключения.

Между тем еще в прошлом году Высший Арбитражный Суд РФ в п. 9 Постановления Пленума от 14.03.2014 г. №16 «О свободе договора и ее пределах»[3] указал, что, поскольку согласно пункту 4 статьи 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения, слабая сторона договора вправе заявить о недопустимости применения несправедливых договорных условий на основании статьи 10 ГК РФ или о ничтожности таких условий по статье 169 ГК РФ.

Данный способ защиты не попал в новую редакцию ст. 428 ГК РФ и так и остался на уровне официального толкования закона, пока еще обязательного для арбитражных судов[4].

2. Уклонение судов от квалификации договора по ст. 428 ГК РФ.

В абсолютном большинстве случаев, за исключением прямо предусмотренных самим ГК РФ (ст. 493, п. 2 ст. 789, п. 2 ст. 834 и др.), суды общей юрисдикции и арбитражные суды отказывают в применении положений ст. 428 ГК РФ и отклоняют доводы о том, что заключенный между сторонами договор является договором присоединения. Так, суды

---

1 Российская газета. № 52. 13.03.2015.

2 Подробнее см.: Нюняев В.О. Договор присоединения в российском гражданском законодательстве: особенности конструкции и проблемы правоприменения // Правоведение. 2010. №1. С. 207–214; Пьянкова А.Ф. Проблемы совершенствования норм о договоре присоединения // Правовое регулирование в условиях модернизации российской государственности: национальный и международный правовые аспекты: материалы VI Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. — Казань, 2011. С. 126–128; Цыпленкова А.В. Правовая природа договоров присоединения // Юридический мир. 2002. № 4. С. 38–48.

3 Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. №16 // Вестник ВАС РФ. 2014. №5. С. 85–91.

4 См. ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. № 127. 06.06.2014.

отказываются признавать договорами присоединения договоры аренды с публичным собственников, указывая, что сам факт соответствия проекта договора, представленного истцом в материалы дела, утвержденной форме договора не свидетельствует о том, что он является договором присоединения в смысле, придаваемом этому понятию в ст. 428 ГК РФ[1]. Суды не принимают во внимание и тот факт, что со всеми контрагентами лицо заключает договоры по одной и той же стандартной форме договора, и лицо, заказывающее услуги, в графе «с правилами оказания услуг, тарифами, сроками доставки грузов ознакомлен и согласен» лишь ставит свою подпись[2].

Как пойдет судебная практика после вступления в силу изменений в ст. 428 ГК РФ – покажет время.

3. Исходя из буквального толкования ст. 428 ГК РФ, если сторонами согласовано хотя бы одно условие договора (например, о количестве товаров), то данный договор уже не является договором присоединения. Очевидно, что в гражданском обороте такие договоры практически не встречаются. В этом отношении нельзя не оценить положительно подход Федерального закона от 21 декабря 2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»[3], вступившем в силу с 01.07.2014 г., в соответствии с ч. 2 ст. 5 которого договорные условия делятся на общие и индивидуальные, причем к общим применяется ст. 428 ГК РФ.

Пункт 1 статьи 428 ГК РФ, содержащий понятие договора присоединения, не подвергся каким бы то ни было изменениям, поэтому у недобросовестных участников гражданского оборота, использующих договоры присоединения, по-прежнему есть «лазейка» для исключения применения особого правового режима ст. 428 ГК РФ.

4. Исключение применения норм о договоре присоединения к лицам, действующим в связи с осуществлением предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 428).

В новой редакции данный пункт исключен.

Практика ВАС РФ уже несколько лет назад фактически начала игнорировать это ограничение. Так, ВАС РФ признал, что, если проект кредитного договора разработан банком и содержал в себе условия, существенным образом нарушающие баланс интересов сторон, индивидуальный предприниматель – заемщик по договору – вправе ссылаться на положения ст. 428 ГК РФ о договоре присоединения[4]. В постановлении по конкретному делу ВАС РФ указал, что «в ситуации, когда участниками кредитного договора являются с одной стороны предприниматель, а с другой – крупный банк, в силу положений статей 1, 10 Гражданского кодекса должна быть исключена возможность кредитной организации по наложению на контрагента неразумных ограничений… Право банка на одностороннее изменение процентной ставки по кредиту, закрепленное в договоре, не означает, что заёмщик… не может доказать, что одностороннее изменение договорных условий нарушает разумный баланс прав и обязанностей сторон…»[5].

В новой редакции сфера применения ст. 428 ГК РФ, наоборот, расширена – распространена на случаи заключения договоров, формально не относящихся к договорам присоединения. Право требовать изменения или расторжения договора с 01.06.2015 г. получит

---

[1] Постановление ФАС Уральского округа от 18.06.2007 № Ф09-4067/07-С6 по делу № А60-29284/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2011 № 17АП-12966/2010-АК по делу № А60-28756/2010; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2010 № 17АП-11623/2010-ГК по делу № А60-18058/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Российская газета. № 289. 23.12.2013.

[4] См. п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 г. № 147 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.С. 132–134.

[5] Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 г. № 13567/11 // СПС «КонсультантПлюс».

также пострадавшая сторона в ситуации, если условия договора определены одной из сторон, а другая сторона в силу явного неравенства переговорных возможностей поставлена в положение, существенно затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора.

Аналогичный подход уже был изложен в Постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах». Согласно п. 9 данного постановления в тех случаях, когда будет установлено, что при заключении договора, проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для ее контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (то есть оказался слабой стороной договора), суд вправе применить к такому договору положения пункта 2 статьи 428 ГК РФ о договорах присоединения, изменив или расторгнув соответствующий договор по требованию такого контрагента.

Следует обратить внимание на то, что понятие несправедливых условий договора, использованное Высшим Арбитражным Судом РФ и активно употребляемое в законодательстве зарубежных стран, не попало в новую редакцию ГК РФ. Думается, следует негативно оценить игнорирование обширного опыта применения данной правовой категории.

Заметим также, что в первоначальной редакции ст. 428 ГК РФ, предложенной разработчиками Концепции развития гражданского законодательства[1], отсутствовала формулировка «в силу неравенства переговорных возможностей». Данное понятие до сих пор являлось доктринальным, причем в отечественной литературе обсуждалось не слишком активно. Впервые оно было использовано английским судьей лордом Деннингом в судебном прецедент по делу Ллойд’с Банк Лтд против Банди 1974 г. Как было указано в решении суда по данному делу, неравенство переговорных возможностей между договаривающимися сторонами может возникать в связи с различными причинами, среди которых: различные формы морального давления, социальные условия, ситуация на рынке и более широко – несправедливое извлечение выгоды. Результатом неравенства переговорных возможностей может стать применение стороной с более сильной переговорной позицией неразумных или чрезмерно обременительных для другой стороны условий[2].

Как отмечают А.Г. Карапетов и А.И. Савельев, «то, что политика права может оправдать ограничение договорной свободы при сочетании явного неравенства переговорных возможностей контрагентов и явной несправедливости договорных условий, давно стало общим воззрением в зарубежной правовой науке»[3]. В отечественной же правовой доктрине и тем более – правоприменительной практике это понятие встречается редко.

Таким образом, представляется, что изменения, внесенные в п. 3 ст. 428 ГК РФ, пока лишены должной теоретической подготовки, и потребуется немало времени, в том числе для «перестройки» сознания правоприменителей, чтобы пункт 3 анализируемой статьи заработал в полном объеме. В качестве общего ориентира могут быть использованы разработки А.Г. Карапетова и А.И. Савельева, которые предлагают при анализе переговорных возможностей

---

[1] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. сл. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2009. – 160 с.

[2] Christiana Cicoria. “The Protection of the Weak Contractual Party in Italy vs. United States Doctrine of Unconscionability. A Comparative Analysis”, Global Jurist Advances. 2003. Vol. 3: Iss. 3, Article 2. P. 4.

[3] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. – М.: Статут, 2012. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. С. 376.

учитывать следующие факторы: подавляющая или ситуативная рыночная власть, асимметрия информации и профессионализма, наличие доверительных отношений и личная зависимость[1].

С другой стороны, ряд назревших изменений законодателем был проигнорирован. Так, представляется, что следовало бы внести в ст. 428 ГК РФ понятие «несправедливые условия договора». Кроме того, с учетом того, что специальное законодательство (Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)») с недавних пор оперирует понятиями «общие» и «индивидуальные условия договора», следовало бы регламентировать общие положения о них на уровне общей части договорного права.

Разводовская А.В.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ПРОВЕДЕНИЕ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Судебная практика свидетельствует об увеличении количества проведения почерковедческих экспертиз и исследований по гражданским, экономическим делам и часть из них связана с использованием поддельных документов. На сегодняшний день почерковедческая экспертиза является одной из самых распространенных. Ее применение вышло за рамки уголовного процесса, и она часто назначается в гражданском и хозяйственном судопроизводстве.

Общеизвестно, что большинство экономических преступлений связано с подделкой документов. Огромные возможности, которые предоставляются гражданским законодательством физическим и юридическим лицам для совершения разных видов сделок (связанных с жилыми помещениями, земельными участками, ценными бумагами, закреплением права собственности и другие), создали возможность совершения самых разнообразных сделок с различным имуществом. И это приводит к увеличению числа различного рода документов, закрепляющих условия сделок, в том числе поддельных документов, часто выполненных на высоком интеллектуальном и техническом уровне. В подобных случаях не обойтись без помощи специалиста, который обладает специальными знаниями[2].

Зачастую одним из важнейших доказательств в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел являются документы различного рода, которые фиксируют юридически значимые факты, и с этим связано возрастание количества почерковедческих экспертиз в гражданском процессе. Проведение данного вида экспертизы имеет несколько особо важных моментов.

Деятельность эксперта-почерковеда в гражданском судопроизводстве регулируется Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Согласно статье 217 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь экспертизы проводятся вне суда, но если позволяет характер исследования, они могут быть проведены и непосредственно в судебном заседании. Экспертизы проводятся отдельными экспертами или их группами.

---

[1] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Указ. соч. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. С. 387–393.

[2] Горохова Т.Н. Особенности производства почерковедческой экспертизы в гражданском процессе / Т.Н. Горохова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – №9 (40). – С. 81.

Статья 221 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь указывает, что о назначении экспертизы выносится определение, в котором указываются основания проведения экспертизы, фамилия, имя, отчество эксперта (экспертов) или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть проведена экспертиза, вопросы, поставленные перед экспертом, и материалы, предоставленные в распоряжение эксперта, срок, в течение которого должна быть проведена экспертиза и предоставлено заключение.

Эксперт может проводить исследования только в рамках своей компетенции, не выходя за пределы специфики предмета, объектов исследования. В случае если круг поставленных вопросов выходит за пределы его специальных знаний, то эксперт-почерковед не только вправе, но и обязан отказаться от исследования.

В соответствии со статьей 97 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь эксперт вправе ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, если предоставленных недостаточно для проведения исследования. Для определения тем или иным лицом сделана запись у человека, отбираются образцы. В литературе выделяют три вида образцов: свободные, условно-свободные и экспериментальные.

Под свободными образцами понимают рукописи, которые выполнены до совершения преступления и не связанные с ним. Основные свойства свободных образцов почерка состоят в том, что они выполнены нормальным, «свободным» почерком и гарантированы от намеренного искажения рукописи с целью избежать идентификации. При отборе свободных образцов письма необходимо учитывать следующее:

– при наличии большого их числа необходимо отбирать только те, которые могут быть наиболее близкими по времени написания и по содержанию к исследуемому документу; например, если исследуется денежный документ, то образцами могут выступать служебные документы;

– по объему текста свободные образцы должны быть достаточно большими и содержать такие же выражения, слова, буквы и цифры, что и в исследуемом тексте;

– необходимо чтобы образцы были выполнены аналогичным с исследуемым документом прибором (карандашом, ручкой) и на аналогичной бумаге;

– также образцы должны быть написаны на том же языке[1].

К условно-свободным образцам относят рукописи, которые были выполнены после возбуждения дела, но не специально для экспертизы, например, объяснения по факту недостачи материальных ценностей. Такие образцы отбирают по правилам подбора свободных образцов почерка.

Экспериментальными образцами письма называются рукописи, выполненные самостоятельно или под диктовку, но специально для производства исследования.

При отборе экспериментальных образцов необходимо помнить следующее:

– для письма под диктовку должны быть подготовлены схожие исследуемому документу бумага (размер, цвет, линовка), ручка, карандаш;

– лицо должно выполнить под диктовку текст исследуемого документа;

– текст экспериментального образца должен быть исполнен обычным, не искаженным почерком;

– должны быть обеспечены сходные условия выполнения рукописи (сидя за столом).

---

[1] Грамович Г.И. Криминалистика. Учебный курс : учеб. пособие / Г.И. Грамович, Н.И. Порубов. – Минск, Вышэйшая школа, 2007, С. 183.

Минимальным количеством сравнительных образцов при исследовании текстов является образцы почерка на 5 – 10 листах формата А4, при исследовании подписи – 10 – 15 подписей в документах и на 5 – 10 листах формата А4.

Судебно-почерковедческим исследованием могут быть разрешены различные вопросы. Одни авторы все задачи почерковедческой экспертизы делят на три группы:

1. Идентификационные, которые предполагают установление конкретного исполнителя исследуемого документа либо решение вопроса о выполнении ряда рукописей или её фрагментов одним или разными лицами.

2. Диагностические, которые связаны с установлением условий выполнения исследуемого документа.

3. Классификационные, цель которых определение группы лиц, к которой относится исполнитель спорной рукописи (по полу, возрасту)[1].

Другие ученые придерживаются мнения, что задачи почерковедческого исследования можно разделить на:

- идентификационные;
- диагностические;
- ситуационные[2].

Здесь диагностические исследования направлены на установление сведений о личности писавшего. Цель ситуационных исследований – определение обстановки и условий выполнения рукописи (позы, умышленного изменения своего почерка)[3]. Из этого следует, что идентификационные вопросы связаны с установлением конкретного исполнителя исследуемого документа. При решении диагностических задач могут быть выявлены объективные и субъективные факторы, влияющие в той или иной мере на изменение рукописи (это необычные внешние условия, состояние исполнителя, изменение своего почерка). Классификационные исследования направлены на установление групповой (родовой) принадлежности лица, написавшего документ (пол, возраст)[4].

Но задачи почерковедческой экспертизы можно классифицировать не только по цели исследования, но и по другим основаниям. Например, в зависимости от вида рукописи – рукописный текст, краткая запись, подпись; от характера рукописи – буквенная, цифровая и смешанная; от объема рукописи – большая, средняя, малая. Часто при производстве данной экспертизы по гражданским делам инициатор не придает должного значения отбору экспериментальных образцов. При условии, что экспериментальные образцы отсутствуют или отобраны без соблюдения требований качества и количества, без соответствия исследуемому тексту, условиям его выполнения, а свободные и условно-свободные образцы некачественны, достижение полноты, всесторонности и высокого качества исследования эксперта-почерковеда весьма затруднено. Поэтому инициатору исследования необходимо учесть, что

---

1 Жижина М.В. Судебно-почерковедческая экспертиза документов / Жижина М.В.; Под ред.: Ищенко Е.П. – М.: Юрлитинформ, 2006, С. 105.

2 Серегин В. В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: Курс лекций / Под ред. В. В. Серегина. — Волгоград: ВА МВД России, 2002, С. 197.

3 Харламова О.А. О задачах судебных экспертиз и почерковедческих исследований / О.А. Харламова // Современная наука. – 2010. – №3. – С. 56.

4 Корж П.А. Современное развитие почерковедческой экспертизы/ П.А. Корж // ВУЗ. XXI век. – 2013. – №2. – С. 56-58.

экспериментальные образцы играют большую роль при производстве почерковедческой экспертизы[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что почерковедческая экспертиза все больше используется для рассмотрения и разрешения гражданских дел. При соблюдении всех требований, предъявляемых для производства почерковедческой экспертизы, и при исполнении обязанностей экспертом-почерковедом по проведению полного исследования документов, используя свои специальные познания, можно установить истину по спору.

Реут Д.А.
руководитель аппарата Московской городской избирательной комиссии,
аспирант кафедры Конституционного и международного права
факультета Юриспруденции и ювенальной юстиции РГСУ

ВЫБОРЫ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ И ИНФОРМИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

В настоящее время большую сложность представляет вопрос регулирования информационного обеспечения выборов в киберпространстве. Обеспокоенность вызывает и необходимость разделения информационных потоков (информирование избирателей и предвыборная агитация) именно в этом сегменте массовых коммуникаций. В вопросе правового регулирования информационного обеспечения выборов сложилась ситуация, когда существующие отношения не укладываются в действующее правовое поле. И эта тенденция только усиливается от выборов к выборам.

Технологии не стоят на месте, развиваются социальные сети, развиваются возможности самой сети Интернет, наблюдается стабильный рост постоянных пользователей сети. Так, за период с 2003 по 2014 годы количество постоянных пользователей сети Интернет в России выросло в 7,5 раз[2]. Информация, опубликованная в интернете, получает широкую общественную огласку, уровень доверия к ней растет, об этом говорят более половины россиян и более трех четвертей пользователей сети[3]. На огромное значение Интернета в жизни общества указывает и Комитет министров Совета Европы в Рекомендациях № CM/REC(2014)6 от 16.04.2014г.[4].

Отмечается, что в законодательстве отсутствует единый подход к регулированию правоотношений в киберпространстве, но при этом сам термин при всей его условности все чаще упоминается в юридической литературе[5]. Но при этом киберпространство представляет собой межпространственную и межгосударственную зону[6].

---

1 Горохова Т.Н. Особенности производства почерковедческой экспертизы в гражданском процессе / Т.Н. Горохова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – №9 (40). – С. 85.

2 ФОМ, http://fom.ru/SMI-i-internet/11740.

3 ФОМ, http://fom.ru/SMI-i-internet/10622.

4 Рекомендация N CM/Rec(2014)6 Комитета министров Совета Европы "О Руководстве по правам человека для пользователей Интернета" (Принята 16.04.2014 на 1197-ом заседании заместителей министров) // СПС КонсультантПлюс.

5 Рассолов И.М. Право и киберпространство // М. Московское бюро по правам человека. 2007. С. 248; Трофименко А.В. Проблемы обеспечения прав человека в киберпространстве // Современные проблемы правопонимания и обеспечения прав человека. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Барнаул. 2013. С. 115.

6 Рябчиков Р.В. Проблемы правового регулирования применения Интернета на выборах в России и перспективы использования виртуального пространства в избирательном процессе // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. N 7. С. 36 - 38.

Говоря словами Д.А. Керимова, «конкретность анализа возникающих в жизненой практике правовых вопросов – необходимое условие их правильного разрешения»[1].

На тему правового регулирования распространения информации в сети Интернет длительное время существовало две диаметрально противоположных точки зрения.

Первая точка зрения состоит в том, что Интернет – среда, которая принципиально не может регулироваться правом. Сеть может саморегулироваться на основе принципов морали и этики, сами пользователи могут защищать свои права встроенными техническими средствами[2].

Сторонники другой точки зрения утверждают, что информационные отношения в сети Интернет подлежат обязательному правовому регулированию[3]. И.М. Рассолов предлагает отождествлять понятия «интернет-право» и «право виртуального пространства», осуществлять государственное правовое отношений, связанных с использованием сети[4].

И.Л. Бачило полагает, что для регулирования порядка распространения информации в сети Интернет необходимо выработать доктрину, концепцию и совокупность правовых норм по их реализации, отправной точкой для которых является действующее законодательство[5].

Полагаем, что направление правового регулирования в данном вопросе задано Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П[6], в соответствии с которым законодатель, руководствуясь принципом свободных выборов, должен установить равные условия для всех участников избирательной кампании. В том числе, указанные подход распространяется и на информационное обеспечение выборов в сети Интернет: права человека, избирателя, так же как и публичные интересы должны соблюдаться и в киберпространстве. Осуществлять подобное правовое регулирование возможно только путем установления определенных запретов, установления «жесткого» правового режима в системе «обязанность – ответственность»[7].

Применительно к средствам массовой информации законодатель делает шаги к решению этой проблемы: законом предусмотрен такой вид средства массовой информации как сетевое

---

1 Керимов Д.А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции // М.: Юридическая литература, 1977. – С. 102.

2 Солдатов А.А., Рыков О.В., Терещенко Л.К. О правовом регулировании использования сети Интернет в России // Информационное общество. 2000. № 4. С. 46, 48, 50; Переслегин С. Метаправо: юридическая «оболочка» сетевой цивилизации // Мир Internet. 2001. № 12. С. 23; Степанов О.А. Проблема обеспечения общественной безопасности в условиях создания «электронного государства» // Государство и право. 2006. № 1. С. 87.

3 Наумов Б.В. Право и Интернет: очерки теории и практики // М. 2002. С 208; Копылов В.А. Интернет и право // Научно-техническая информация. 2001. № 9. С. 10; Сергеев А. Информационное право // Мир Internet. 2001. № 12. С. 19; Якушев М.А. Интернет и право // Законодательство. 1997. № 1. С. 28; Кристальский Б.В., Якушев М.В. О проекте Федерального закона «О государственной политике РФ по развитию и использованию сети Интернет // Информационное сообщество. 2000. № 4. С. 34; Соловьяненко Н.И. Правовые условия для электронной коммерции // Информационное общество. 2000. № 40. С. 40.

4 Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы // М. 2009. С. 18.

5 Бачило И.Л. Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: коллективная монография // М. 2009. С. 5.

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 N 10-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ, 21.11.2005, N 47, ст. 4968.

7 Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве // М. 1989. С. 185, 190, 191; Алексеев С.С. Теория права // М. Бек. 1995. С. 245, 247-249.

издание, на которое распространяется действие Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»[1].

По мнению В.В. Шуленина назрела необходимость распространить требования, предъявляемые к размещению агитационных материалах в СМИ, к агитации в сети Интернет[2]. Т.В. Нечипоренко отмечает необходимость законодательного регулирования порядка размещения агитационных материалов на сайтах общего доступа в сети Интернет, зарегистрированных в качестве СМИ[3].

Соглашаясь с перечисленными предложениями в целом, отмечаем следующее. На сегодняшний день Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», предусмотрев новый вид средства массовой информации – сетевое издание, не устанавливает обязательность регистрации в качестве СМИ сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», такая регистрация осуществляется добровольно. В ГД внесен законопроект № 749074-6, предлагающий приравнять к средствам массовой информации страницы в сети интернет, посещаемые более чем тремя тысяч пользователей в сутки[4]. Положительных откликов законопроект не нашел.

Следуя необходимости создания равных условий для участия в выборах для всех участников избирательного процесса, вне зависимости от наличия или отсутствия законодательно установленной обязанности регистрировать сайт в сети Интернет в качестве средства массовой информации, представляется целесообразным распространить вышеуказанный правовой режим также и на сайты в сети интернет, страницы в социальных сетях, не зарегистрированные в качестве СМИ.

Из закрепленных в законодательстве правил следует, что предвыборная агитация должна оплачиваться только из средств соответствующего избирательного фонда и осуществляться при обязательном выполнении ряда условий и соблюдении ряда ограничений. Нарушение указанных правил ведет к нарушению принципа равенства и состязательности кандидатов на выборах и, в конечном итоге, приводит к нарушению права избирателей на объективную и достоверную информацию о выборах. С учетом этого, в случае нарушения законодательства о порядке распространения информации на выборах в киберпространстве адекватной мерой восстановления правопорядка будет являться блокировка соответствующего ресурса до дня голосования на выборах включительно. Такая блокировка может осуществляться Роскомнадзором[5] по указанию соответствующей избирательной комиссии. Законодательно необходимо закрепить, что соответствующее решение должно приниматься на основании разработанной ЦИК России методики и исходя из содержания распространенной информации и объема аудитории, с учетом всех обстоятельств возникшего конфликта.

Вышеизложенный подход позволит решить и другую актуальную проблему информационного обеспечения выборов: выполнение норм закона, запрещающих проводить предвыборную агитацию иностранным гражданам. Такой запрет основан на нормах международного права (Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статья 16)) и

---

1 Федеральный закон от 14.06.2011 N 142-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации» // СЗ РФ, 20.06.2011, N 25, ст. 3535.

2 Шуленин В.В. Правовое обеспечение в Российской Федерации равенства прав кандидатов и избирательных объединений при проведении предвыборной агитации // Дисс. канд. юр. наук. М. 2006. С. 11, 72, 141.

3 Нечипоренко Т.В. . Информационное обеспечение выборов – институт избирательного законодательства Российской Федерации. Дисс. канд. юр. наук // М. 2010. С. 153.

4 http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=749074-6&02.

5 Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 N 228 "О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций" // СЗ РФ, 23.03.2009, N 12, ст. 1431.

направлен на обеспечение конституционных принципов суверенитета и народовластия, конституционной безопасности. Отмечается, что отношения в киберпространстве носят трансграничный характер, очень часто в них присутствует иностранный элемент[1]. По мнению В.Р. Рябчикова, большие трудности вызваны возникновением ситуаций, не регулируемых национальным законодательством. Информация в российскую часть сети может транслироваться с ресурсов, физически расположенных на территории другого государства. Привлечь виновного к ответственности (а главное – подчинить иностранный сегмент Интернета российским правилам – авт.) при таких обстоятельствах практически невозможно[2].

Вышесказанное позволяет прийти к выводу о возможности эффективного регулирования использования Интернета в целях информационного обеспечения выборов только в условиях межгосударственного сотрудничества. Следует отметить, что определенные шаги в этом направлении делаются: разработан модельный Закон об основах регулирования Интернета[3].

Представляется, что отдельные печатные информационные сообщения, сообщения в сети Интернет на страницах с небольшим количеством посещений или подписчиков не имеют сколь-нибудь значительного влияния на формирование волеизъявления избирателей, в отличие от сообщений в эфире крупных теле- и радиоканалов, на страниц периодическим печатных изданий, выходящих большим тиражом, или на часто посещаемых страницах в сети Интернет, на сайтах известных, пользующихся уважением и доверием в обществе людей. В связи с изложенным, вышеуказанный правовой режим распространения информации о выборах должен распространяться не на все сайты и страницы в социальных сетях, а только на имеющие более одной тысячи постоянных подписчиков или более одной тысячи посещений в день. Современные средства позволяют достоверно установить указанную цифру. Порог обязательной регистрации предлагается приравнять к установленному статьей 12 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» для периодических печатных изданий.

Таким образом, на наш взгляд, не имеет большого значения в плане информационного обеспечения выборов и не представляет общественной опасности переписка граждан в таких социальных сетях, как Twitter или Facebook, содержащая призывы проголосовать тем или иным образом, или выражающая отношение избирателя к конкретному кандидату, избирательному объединению.

В настоящее время меняется современная картина совокупности используемых обществом средств коммуникации: Интернет пользуется большим спросом, чем электронные и печатные средства массовой информации. Соответственно современным потребностям общества в рамках информирования избирателей необходимо увеличить объем присутствия в сети избирательных комиссий, включая наличие и регулярное обновление аккаунтов в социальных сетях. На зависимость уровня доверия к государству от качества коммуникации между обществом и государством обратили внимание американские ученые. Чувствуя, что ему не предоставляется полная информация о действиях публичной власти, общество не может сделать собственные выводы о происходящих в реальности событиях[4]. Надлежащим образом

---

1 Трофименко А.В. Указ. Соч. С. 117.

2 Рябчиков Р.В. Указ. Соч. С. 36 - 38.

3 Модельный закон об основах регулирования Интернета (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.05.2011 Постановлением 36-9 на 36-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2011. N 51. С. 191 - 198.

4 Frost A. Restoring faith in government: transparency reform in the United States and the European Union // European public law. 2003. № 9(1). С. 87-104.

налаженные коммуникации способствуют увеличению уровня доверия людей к государству[1] (а также к работе системы избирательных комиссий, избирательным процедурам и официально установленным результатам выборов – авт.).

Рынскова В.В.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Научный руководитель: *доцент М.С.Трофимова*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Новая правовая база, регулирующая жилищные правоотношения в Российской Федерации появилась относительно недавно и вместе с ней появились новые правовые институты. В их число входит институт управления многоквартирным домом.

Жилищно-коммунальное хозяйство (далее - ЖКХ) считалось, пожалуй, одной из тех отраслей народного хозяйства, которые были монополизированы и муниципализированы. Обозначенная ситуация была обусловлена тем, что в отрасли существовала высокая доля естественных монополий, была весьма развита и сформирована практика управления эксплуатацией жилищного фонда за счёт уплотнения существовавших предприятий, а также наделения их весомым объёмом полномочий и функций.

ЖКХ считается одной из социально направленных отраслей, в которой процесс реформирования подходит к своему завершению[2].

При реформировании особое внимание было уделено переводу из государственных предприятий в частное управление многоквартирных домов (далее -МКД), это послужило основанием к образованию новых институтов:

- непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме;
- управление товариществом собственников жилья, либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом;
- управление управляющей организацией.

На данный момент существует такая ситуация, которая характеризуется, с одной стороны, устранением монополизации жилищно-коммунального хозяйства, увеличением позиций конкуренции, проникновением определённых методов регулирования в сферу управления и обслуживания многоквартирными домами, а с другой стороны наблюдается отсутствие конкретно разработанного, сконструированного и эффективного механизма управления жилищной сферой. Управление многоквартирными домами - это глубокий процесс, который включает в себя изобилие аспектов, и это определённо требует разработки слаженной структуры правового регулирования управления многоквартирными домами, которое должно осуществляться на нескольких правовых уровнях сразу[3].

---

[1] Heise J.A. Toward closing the confidence gap: an alternative approach to communication between public and government // Public Affairs Quartetly. 1985. № 9(2). С. 196-217.

[2] Ефремовских В.В. Современные подходы в управлении многоквартирными домами // Менеджмент и маркетинг. 2013. №3. С.56-58.

[3] Демин А.В. Способы управления многоквартирным домом // Управление многоквартирным домом.2013.№10. – С.41-48.

Под управлением многоквартирных домов подразумевается не только реализация собственниками жилых помещений своих прав и исполнение, имеющихся у них, обязанностей в отношении общего имущества дома, но также под этим понятием подразумевается деятельность существующих организаций по снабжению таких условий проживания и надлежащего содержания общего имущества, которые бы были благоприятны и отвечали условиям безопасности. Перед данными организациями стоит задача по предоставлению коммунальных услуг и проведению мероприятий по энергосбережению.

Под понятием управления многоквартирными домами следует понимать деятельность государственных и муниципальных органов, одной из задач которых является обеспечение защиты прав граждан, использующих жилые помещения, потребителей коммунальных услуг, а также услуг, которые затрагивают сферу обслуживания жилищного фонда.

В связи с этим обстоятельством существует необходимость комбинирования публично-правовых и частно-правовых методов при правовом регулировании отношений по управлению многоквартирными домами. Таким образом, воплощение в жизнь процесса результативного управления не возможно без выполнения государством управленческой функции в отношении жилищного фонда и жилищно-коммунального хозяйства. Однако, в данный момент отсутствует слаженный подход в регулировании сочетания частно-правовых и публичных методов при рассмотрении этого вопроса.

В осуществлении деятельности по управлению важное место занимает понимание управления как слаженного процесса, в котором все составляющие компоненты взаимосвязаны между собой. Из этого следует, что данная деятельность нуждается в системном, концептуальном подходе, который пока не нашёл места в современном законодательстве, что порождает те трудности, с которыми сейчас столкнулась реформа жилищно-коммунального хозяйства[1].

С принятием Жилищного кодекса РФ в 2004 года в законодательстве в сфере жилищно-коммунального хозяйства, произошли немалые изменений. Если тщательно проанализировать ситуацию, которая сложится при дальнейшем развитии реформы в жилищной сфере и разобраться, каким образом работают нормы нового жилищного законодательства, то становится понятным, что все имеющиеся недостатки нуждаются как в понимании, так и их искоренении.

Основным объектом управления в многоквартирном доме следует считать жилые и нежилые помещения, расположенные в нём.

Имеются вопросы в более точном определении правового режима многоквартирного дома, разграничение режима объектов общего имущества многоквартирного дома в зависимости от их влияния на возможность эксплуатации и благоустройство дома. Для безопасности и в интересах жильцов не все общее имущество дома должно принадлежать собственникам квартир, например, лифты, силовые трансформаторы электрохозяйства.

Управление многоквартирным домом можно определённо считать реализацией как публичных, так и частных интересов. Управление МКД следует отнести к комплексному институту, который подпадает, как под частно-правовое, так и публично-правовое регулирование[2].

Если рассмотреть такие способы управления многоквартирным домом как непосредственное управление, управление с помощью товарищества собственников

---

[1] Лунева О.А. Способы управления многоквартирным домом // Вестник УГУЭС.Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика. 2014. №1. С.17-19.

[2] Мишулина Е.С. Многоквартирный жилой дом как объект гражданского права // Общество и право. 2012. №8. С.79-81.

недвижимости, товарищества собственников жилья, и управление посредством управляющей компании, можно сделать вывод, что самым перспективным и эффективным способом следует признать ТСЖ, который согласно действующему законодательству при малейшем изменении в учредительных документах, действует как ТСН. Многие считают, что ТСЖ не оправдало себя, но надежду на возрождение данного вида управления дало появление товарищества собственников недвижимости.

Не смотря на столь широкой круг проблем управления многоквартирным домом, следует остановиться на наиболее значимых и распространённых препятствиях к эффективному функционированию управляющих организаций, ТСЖ, и обозначить определённые пути и способы их разрешения.

Для начала, необходимо обозначить некоторые проблемы:

- проблемы расторжения договорных отношений между собственниками квартир МКД с управляющей организацией;
- трудности, возникающие у управляющей организации, ТСЖ при взыскании задолженности с жильцов многоквартирного дома;

Основными направлениями совершенствования управления многоквартирным домом являются следующие пункты:

- для урегулирования возможности одностороннего отказа собственников жилых помещений от договора с управляющей организацией в жилищном законодательстве следует прописать определённые дополнительные критерии, которые помогут более конкретно оценить масштаб нарушения обязательств управляющей компанией. Такими критериями можно признать существенность нарушений, грубость, систематичность с которой происходят нарушения. Согласно законодательству, систематичным нарушение можно считать, если оно было совершено более 2-х раз в течение календарного года. Под существенностью нарушений, согласно гражданскому праву следует понимать нарушение, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Это всё предоставит возможность собственникам приводить более аргументированные доводы при расторжении договора, и повысит эффективность работы управляющей организации.

- необходимо предоставить право расторжения договора с управляющей организацией в одностороннем порядке не только собственникам помещений многоквартирного дома, но также и товариществам собственников жилья, жилищным кооперативам;

- требуется проводить наиболее тщательный мониторинг задолженностей собственников перед управляющей организацией, для того, чтобы воздействовать на должников своевременно, пока ими не были накоплены задолженности, превышающие 6-7 месяцев. По итогам мониторинга логично проводить среди граждан как на уровне управляющих компаний, ТСЖ, так и на местном или государственном уровне ликбез, который касается сферы жилищно-коммунального хозяйства, ведь чем собственник будет более информационно оснащён, и активен, тем он наиболее ответственно подойдёт к выбору управления домом в котором проживает. В ходе информирования следует проговорить моменты, которые касаются ответственности собственников перед управляющей компанией в случае задолженности, тем самым собственник должен понять, что он не сможет безнаказанно своевременно не уплачивать коммунальные платежи.

Обозначив первостепенные, на взгляд автора, проблемы управления многоквартирным домом хочется добавить, что жилищное законодательство в Российской Федерации является относительно молодым, и поскольку в жилищные правоотношения фактически вступают все

категории граждан - реформирование данной отрасли права должно быть одной из первоочередных задач современного отечественного законодателя.

Савина И.В.
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права
Академия МВД Республики Беларусь

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ЗАЩИТЕ ПРАВ РЕБЕНКА

Упрочение социальных функций государства обусловило появление новых норм о поддержке семьи и детей, рост интереса к правовому статусу несовершеннолетних и личности в целом.

Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» определяет правовой статус ребенка как самостоятельного субъекта и направлен на обеспечение его физического, нравственного и духовного здоровья, формирование национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации. Особая забота и социальная защита гарантируются детям с особенностями психофизического развития, а также детям, временно либо постоянно лишенным своего семейного окружения или оказавшимся в других неблагоприятных условиях и чрезвычайных ситуациях. В целях координации и анализа усилий государственных органов по выполнению Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» разработана, утверждена Президентская программа «Дети Беларуси», закрепившая приоритет интересов детей как одно из условий устойчивого развития будущего

Создание эффективной системы охраны прав и интересов ребенка возможно лишь с учетом особенностей его правового статуса.

Одной из особенностей прав ребенка является то, что они зафиксированы в нормах не только внутригосударственного (конституционного, административного, гражданского и др.), но и международного публичного права, механизм защиты прав ребенка охватывает средства не только внутригосударственной, но и международной защиты [1].

Как показывает анализ отраслевого законодательства и судебной практики, теоретические и практические проблемы обеспечения и защиты имущественных прав несовершеннолетних не находят единообразного решения. Причина усматривается в отсутствии специального статуса ребенка (детей как отдельной категории субъектов правоотношений). Дети, как лица, нуждающиеся в специальной охране и заботе ввиду физической и умственной незрелости, должны обладать особым правовым статусом. Имущественные права ребенка не получили должной регламентации в силу несогласованности, а в ряде случаев и противоречивости устанавливающих их разноотраслевых правовых норм [2].

В настоящее время в связи с произошедшими в законодательстве изменениями и повышенным интересом государства к данной проблематике проводятся многочисленные научные исследования, посвященные правовому статусу несовершеннолетних и их защите. В последние годы появились работы, посвященные осуществлению имущественных и личных неимущественных прав несовершеннолетних в гражданском и семейном праве. Рассматриваются генезис института прав несовершеннолетних, правовой статус

---

[1] Носова, И. Ю. О понятии и классификации прав ребенка / И. Ю. Носова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 110.

[2] Гладковская Е.И. Имущественные права ребенка / Е.И. Гладковская // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 110.

несовершеннолетнего, роль органов опеки и попечительства в осуществлении имущественных и личных неимущественных прав несовершеннолетними, права несовершеннолетних, механизм обеспечения прав несовершеннолетних, защита прав несовершеннолетнего путем совершения нотариальных действий.

Имущественные права занимают особое место в системе прав ребенка, регулируются в основном гражданским законодательством, и в условиях рыночной экономики требуют особого внимания. Несовершеннолетние граждане являются субъектами гражданского права и обладают гражданской правосубъектностью наряду с совершеннолетними, поскольку им так же присуща возможность быть носителями субъективных гражданских прав. Характеризуя охрану имущественных прав несовершеннолетнего наряду с правоспособности и дееспособностью, рассматривают вопросы права собственности несовершеннолетних, их право на содержание, участие в договорных и наследственных правоотношениях, обязательства из причинения вреда, охрану жилищных прав.

Правовые исследования обычно сосредоточиваются на анализе действующего законодательства, его толковании и практике применения, но … необходимо отметить ограниченность его рамок, которые не позволяют при необходимости качественно оценить структуру, объем и уровень предоставляемых человеку жизненных благ и их соответствие его потребностям. Такая оценка может быть сделана с обязательным учетом как положений иных отраслей законодательства и выводов многих отраслей правовой науки, так и данных других общественных и естественных наук [1].

Институт правового статуса ребенка в Республике Беларусь динамично формируется и большинство составляющих его норм носят межотраслевой характер. Однако на фоне социально-экономических изменений и сложностей в стране не удалось в полной мере разрешить проблемы улучшения положения детей, защиты их прав и интересов. Формируются новые правовые институты, стираются и становятся более подвижными границы между отраслями законодательства, усложняется структура отраслей права.

В основном проведенные исследования касаются отдельных вопросов регламентации прав детей, и не носят комплексного характера. Отраслевая разобщенность научных исследований в сфере детства отрицательно влияет на уровень правовой защиты несовершеннолетних.

Увеличение количества нормативных правовых актов, недостаточная систематизация законодательства в сфере детства, наличие бланкетных норм сказываются и на правоприменительной практике, уровне правовой культуры. Повышение качества и эффективности принимаемых норм, их поэтапная кодификация на основе конституционных норм должны стать ориентиром законодательной политики в этой сфере.

---

[1] Азарова Е.Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы. / Е.Г. Азарова – М.: КОНТРАКТ, 2012. – С.2.

Савицкая К.Д.
магистр, ассистент кафедры Гражданского права
Полоцкий государственный университет

К ВОПРОСУ ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ НАСЛЕДСТВЕННОЙ МАССЫ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И США

При принятии решения о том, что должно быть сделано с цифровыми активами в социальных сетях после смерти владельца большинство государств полагаются на конкретные условия предоставления услуг или политику конфиденциальности служб, управляющими цифровыми активами.

Правовое регулирование в мировой практике по данному вопросу фактически отсутствует, за исключением некоторых штатов США. В настоящий момент 19 штатов США (Коннектикут, Делавэр, Айдахо, Индиана, Мэн, Мериленд, Мичиган, Небраска, Невада, Нью-Гемпшир, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Северная Каролина, Северная Дакота, Оклахома, Орегон, Пенсильвания, Род Айлант, Вирджиния) на законодательном уровне обсудили вопрос регулирования цифрового наследования. Внесенные изменения в законодательство отдельных штатов США призваны защищать цифровые активы индивида и предоставлять семье умершего право на доступ и управление этими учетными записями. В связи с этим интересным представляется вопрос законодательной регламентации и наследования цифровых активов в социальных сетях в Республике Беларусь.

Аудитория социальных сетей в Республике Беларусь расширяется. Проанализируем некоторые статистические данные. Экспертами сайта «Биржевой лидер», исходя из количества запросов о каждой социальной сети в агрегаторе «Яндекс» и частоты упоминаний о ней в новостных и информационных изданий, был составлен рейтинг социальных сетей в белорусском сегменте сети Интернет. Наиболее популярной социальной сетью среди белорусских пользователей интернета в 2014 г. оказался ресурс «Одноклассники», «ВКонтакте» и видеохостинг Youtube[1]. В рейтинге также представлены Мой мир@Mail.Ru, Instagram, Ask.fm, Живой Журнал, Twitter, MySpase, LinkedIn, mamba.ru, badoo.ru и др.

По состоянию на 05.01.2015 в Республике Беларусь число зарегистрированных пользователей на Facebook составило 580 000[2].

Социальная сеть «Вконтакте» охватывает около 56% всех интернет-пользователей Беларуси. Максимальный охват аудитории в возрасте 15-34 лет – более 70% [3].

Пользователям «ВКонтакте» доступен характерный для многих социальных сетей набор возможностей: создание профиля с информацией о себе, производство и распространение контента, гибкое управление настройками доступа, взаимодействие с другими пользователями приватно (через личные сообщения) и публично (с помощью записей на «стене», а также через механизм групп и встреч), отслеживание через ленту новостей активность друзей и сообществ. Кроме возможности писать сообщения пользователь может

---

1 Пономарева С. *Какие социальные сети популярны в Беларуси? /С. Пономарева //* Masterforex [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.profi-forex.by/news/entry5000025682.html.- Дата доступа: 20.01.2015.

2 Поляков М. Facebook набирает обороты в Беларуси / М. Полякова // TVnews.by [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://test.tvnews.by/analitics/6862-facebook-nabiraet-oboroty-v-belarusi.html.- Дата доступа: 20.01.2015.

3 RG media [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.rgmedia.by/vkontakte.html.- Дата доступа: 20.01.2015.

оставлять комментарии под опубликованным контентом. К своим сообщениям можно «прикреплять» фотографии, аудиозаписи и видеозаписи (в том числе и полнометражные фильмы), документы и опросы [1].

Возможность загружать на сайт собственные записи и использовать файлы, загруженные другими пользователями, делает «ВКонтакте» одним из крупнейших медиа-архивов. Из всех имеющихся на сайте файлов пользователь может создавать в своём профиле личную коллекцию записей, при желании группируя их в отдельные альбомы. При этом введено предельное количество для одного альбома — 10 000 изображений. Подобный медиа-архив может иметь высокую эмоциональную ценность для близких пользователя в случае его смерти. Помимо этого, если страница в социальной сети использовалась для занятия профессиональной деятельности (например, фотограф размещал свои фотоработы на странице или писатель размещал свои стихи, рассказы и т.д.) она может содержать также виртуальные активы, имеющие реальную стоимость.

Однако правила пользования сайтом ВКонтакте не содержат указаний касательно распоряжений его страницей на случай смерти пользователя. В тексте правил содержится категорический запрет на передачу третьим лицам сведений о логине и пароле, соответственно и саму страницу в социальной сети.

В соответствии с пп. 4.2.4 условий Лицензионного соглашения социальной сети Одноклассники.ru Лицензиат не вправе передавать предоставленные Лицензиату права использования Социальной сети и/или ее Дополнительного функционала другим Лицензиатам или третьим лицам посредством заключения сублицензионного договора или иным способом[2].

Анализ судебной практики в США, показывает, что помимо вышеизложенных причин, существует необходимость получения родственниками доступа к аккаунтам умершего пользователя в случаях совершения самоубийства, когда родственники хотят узнать мотивы, побудившие близкого им человека покончить с собой. Так, к примеру, в штате Вирджиния в 2011г. после самоубийства 15 летнего Eric Rash родители обратились к Facebook с просьбой предоставить доступ к аккаунту умершего сына, с целью выяснения причин, побудивших его на совершение подобного поступка. Родителям было отказано в доступе. После 10 месяцев лоббирования своих интересов, после того как был инициирован законопроект касательно цифровых активов, родители смогли получить CD с содержимым аккаунты их сына. Доступ к аккаунту Facebook предоставлен не был [3].

Весомой причиной для получения доступа к аккаунту умершего может являться размещение публикаций или фотографий, которые затрагивают честь и достоинство умершего пользователя, а также интересы семьи. Иллюстрацией вышесказанного может служить инцидент, который произошёл 18 декабря 2011 года. Двадцатилетний Anthony Cannata покончил жизнь самоубийством. Перед самоубийством он загрузил на Facebook фотографию, демонстрирующую его с пистолетом во рту [4]. Родители обратились к Facebook, с просьбой

---

1 Правила пользования Сайтом ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://vk.com.- Дата доступа: 20.01.2015.

2 Лицензионное соглашение ООО «Одноклассники» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://odnoklassnikiguru.ru. - Дата доступа: 20.01.2015.

3 Kunkle, F. Virginia family, seeking clues to son’s suicide, wants easier access to Facebook // F. Kunkle / Washington Post [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/local/va-politics/virginia-family-seeking-clues-to-sons-suicide-wants-easier-access-to-facebook/2013/02/17/e1fc728a-7935-11e2-82e8-61a46c2cde3d_story.html . - Date of access: 15.01.2015.

4 Perrone, M. What happens when we die: estate planning of digital assets / Perrone M. // CommLaw Conspectus [Electronic resource]. – 2012. – T. 21. – Mode of access: Http://commlaw.cua.edu/res/docs/21-1/Perrone.pdf - Date of access: 19.09.2013

удалить фотографию или предоставлять им доступ к аккаунту своего сына для того, чтобы они смогли удалить эту фотографию самостоятельно. Ссылаясь на законодательство о конфеденциальности и неприкосновенности личной жизни, а также на политику предоставления услуг, родственникам было отказано. Только после того, как дело получило общественную огласку, Facebook удалил фотографию.

Хотя в Республике Беларусь подобных случаев по официальным данным в настоящее время зарегистрировано не было, тем не менее, аналогичные ситуации могут иметь место в будущем, и отсутствие правового регулирования в данной области вызывает определенные опасения.

Следует отметить, что многочисленные прецеденты, связанные с возможностью получения доступа и наследованием цифровых активов стали веской причиной для принятия законов в сфере цифрового наследования в ряде штатов США, и изменения условий предоставления услуг различными Интернет-сервисам. Так, например, с 12 февраля 2015г. Facebook разрешил пользователям из США завещать свою учетную запись [1]. В социальной сети уже внедрили специальную опцию в настройках безопасности. Представители Facebook отмечают, что пользователям теперь доступны 3 функции: автоматическое удаление учетной записи после смерти ее владельца, превращение профиля в "страницу памяти" и завещание учетной записи конкретному человеку, который получит право на управление аккаунтом. В последнем случае после того как Facebook получит уведомление о смерти человека, его хроника будет скорректирована — перед именем умершего появится слово "Вспоминая". Унаследовать учетную запись может только человек, зарегистрированный в социальной сети Facebook. Он сможет ограниченно управлять учетной записью без права редактирования старых записей или фотографий. Кроме того, он не сможет полностью удалить учетную запись. Тем не менее, наследник сможет закреплять записи наверху страницы умершего, менять фотографию пользователя и изображение на обложке аккаунта .

С апреля 2013г. сервис Google определил такую политику в отношении учетных записей: в случае нулевой активности в почте, априори принято решение, что пользователь умер. Компания попытается связаться с пользователем и, не получив ответа, удалит все данные субъекта, если ранее об этом сам пользователь сделал пометку в настройках. В настройке можно указать адрес, по которому будет переслана часть файлов, фотографий или видео доверенным лицам. Так же будут автоматически генерироваться ответы на присланную корреспонденцию [2].

Twitter предложил немного другой сервис - Liveson, который будет продолжать вести аккаунт после смерти пользователя. Программа проанализирует активность бывшего владельца, его любимые темы, склад написания и частоту написания сообщений. После обработки информации Liveson начнет выставлять твиты, создавая иллюзию, что их пишет умерший пользователь [3].

На основании вышеизложенного, можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, виртуальные объекты значительной частью людей воспринимаются как реально существующие (имеющие реальную ценность и оборотоспособность).

---

[1] Facebook Legacy Contact; The Social Media Giant Acknowledges Death More Realistically [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: https://www.everplans.com. - Date of access: 15.01.2015.

[2] Google Terms of Service – Privacy & Terms [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: www.google.com/accounts/TOS. - Date of access: 15.01.2015.

[3] Управление настройками профиля и учётной записи Twitter [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: https://support.twitter.com/groups/51-me#topic_206/. – Дата доступа: 20.01.2015.

Во-вторых, существование таких объектов пока не нашло надлежащего отражения в праве. Однако правоприменительная практика демонстрирует возможность адаптации общественно-правовых механизмов к изменившимся жизненным реалиям.

В-третьих, в Республике Беларусь отсутствует правое регулирования в сфере цифровых активов и цифрового наследования, однако игнорировать столь массовое и заметное явление общественной жизни право больше не может.

Салмин В.С.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВАЛИДАМИ СВОИХ ТРУДОВЫХ ПРАВ

В современной России большинство инвалидов испытывает трудности в повседневной жизни. Имеются определенные сложности в совместной учебе, работе, отдыхе, пользовании общественным транспортом, посещении магазинов, музеев, театров и т. д.

Тем не менее, динамика показателей занятости инвалидов носит в целом позитивный характер, отражая в интегрированном виде результаты реализации на федеральном и региональном уровнях мероприятий по трудоустройству данной группы населения.

Результаты выборочного исследования проблем занятости населения, проведенного Росстатом, показали, что в I квартале 2014 г. уровень занятости инвалидов составил 10,8 %, в том числе мужчин — 11,7 %, женщин — 9,7 %. Уровень безработицы инвалидов составил 22,1 %, в том числе мужчин — 25,5 %, женщин — 16,6 % [1]. Для сравнения, в I квартале 2014 г. уровень занятости всего населения Российской Федерации в возрасте 15—72 лет составил 64,7 %; уровень безработицы — 5,4 %, в том числе мужчин — 5,4 %, женщин — 4,7 %.

Из приведенных данных следует, что уровень занятости инвалидов практически в 6 раз ниже, а уровень безработицы — в 4 раза выше, чем в целом среди населения Российской Федерации. Подобная дифференциация обусловлена действием ряда объективных факторов, вытекающих из существующих у инвалидов ограничений жизнедеятельности, связанных с наличием выраженных расстройств функций организма. Однако, как будет показано далее, существует ряд иных барьеров, ограничивающих участие инвалидов в трудовой деятельности.

Конвенция о правах инвалидов, ратифицированная Российской Федерацией[2] содержит положения, касающиеся прав инвалидов на образование и труд, обязательные для исполнения государствами-участниками.

Президентом Российской Федерации поручено осуществление ряда мероприятий, направленных на решение проблем обеспечения занятости инвалидов и профессионального образования инвалидов. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»[3] на Правительство РФ

---

1 Об актуальных вопросах социальной политики в Российской Федерации (материалы к «правительственному часу» на тему «О приоритетах Правительства Российской Федерации в социальной сфере на среднесрочную перспективу» 360 заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 15 октября 2014) // Аналитический вестник. 2014. № 24. С.30

2 Федеральный закон от 03.05.2012 №46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст.2280.

3 Федеральный закон от 07.05.2012 №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст.2334.

возложено обеспечение создания ежегодно в период с 2013 по 2015 г. до 14,2 тыс. специальных рабочих мест для инвалидов, а также совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации разработка до 1 ноября 2012 г. комплекса мер, которые направлены на повышение эффективности реализации мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов, на обеспечение доступности профессионального образования и т. д.

Оценка результатов реализации вышеперечисленных положений указанного Указа № 597 на основе имеющейся информации показывает следующее.

1. Поручение, предусматривающее создание ежегодно в период с 2013 по 2015 г. до 14,2 тыс. специальных рабочих мест для инвалидов, в 2013 г. выполнено. Согласно информации Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, по состоянию на 1 февраля 2014 г., в 2013 г. во всех субъектах Российской Федерации было создано 14,7 тыс. рабочих мест для трудоустройства незанятых инвалидов или 103,5 % от запланированного числа оборудованных (оснащенных) рабочих мест для трудоустройства инвалидов.

В результате реализации указанного мероприятия в 2013 г. уровень трудоустройства инвалидов повысился на 3,3 процентных пункта и составил 40 % от численности обратившихся в органы службы занятости инвалидов за содействием в поиске подходящей работы.

Кроме того, в целях установления единых требований к оборудованию (оснащению) специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности принят Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 22 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», а также приказом Минтруда России от 19 ноября 2013 г. № 685н утверждены основные требования к оснащению (оборудованию) специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений жизнедеятельности[1].

2. Поручение, предусматривающее разработку до 1 ноября 2012 г. комплекса мер, направленных на повышение эффективности реализации мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов, на обеспечение доступности профессионального образования, реализовано в форме ряда нормативных правовых и ведомственных актов:

- постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, регламентирующие предоставление в 2013—2014 гг. субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Федерации на реализацию дополнительных мероприятий, которые направлены на снижение напряженности на рынке труда субъектов Федерации, а равно на реализацию дополнительных мероприятий в сфере занятости населения[2]

- приказы Минтруда России по вопросам трудоустройства инвалидов.

В настоящее время на рынке труда наблюдаются тенденции снижения показателей, характеризующих результаты предоставления инвалидам государственных услуг по содействию занятости и профессиональному обучению. Подобная тенденция может складываться под влиянием различных по своей природе факторов как объективного, так и субъективного характера.

По мнению людей с ограниченными возможностями, трудности с трудоустройством и профессиональным образованием инвалидов вызваны следующими причинами:

---

[1] Федеральный закон от 07.05.2012 №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст.2334.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 15.10.2012 №1921-р «О комплексе мер, направленных на повышение эффективности реализации мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов и на обеспечение доступности профессионального образования // Собрание законодательства РФ. 2012. № 43. Ст.5912.

- незаинтересованность работодателей в приеме на работу инвалидов в связи с необходимостью создания для них, в соответствии с действующим законодательством, особых условий и режимов труда и отдыха;

- увеличение работодателями числа квотируемых рабочих мест для трудоустройства инвалидов, условия труда на которых сопряжены со значительными физическими и эмоциональными нагрузками, не соответствуют возможностям инвалидов;

- неудовлетворенность инвалидов качеством предоставляемых государственных услуг по трудоустройству и профессиональному обучению;

- низкая доступность для инвалидов образовательных учреждений, рабочих мест и транспортной инфраструктуры;

- ограниченность масштабов дистанционного обучения и заочного профессионального образования инвалидов;

- ограниченность перечня профессий/специальностей, по которым осуществляется обучение инвалидов;

- недостаточное количество специализированных образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования для инвалидов, в том числе учебных заведений-интернатов;

- дефицит преподавателей в образовательных учреждениях, владеющих жестовым языком;

- практическая недоступность обучения для инвалидов на ограниченном числе бюджетных мест в образовательных учреждениях.

Складывающиеся тенденции в сфере обеспечения занятости и профессионального обучения инвалидов могут быть связаны с тем, что в государственных программах Российской Федерации вопросы обеспечения и защиты прав инвалидов в этих сферах не получили достойного отражения как с точки зрения целевых установок, так и с позиций обеспечивающих мероприятий.

Анализ ситуации в сфере занятости инвалидов в Российской Федерации показал, что, несмотря на работу, проводимую на федеральном и региональном уровнях, положение инвалидов в данной сфере не только не улучшается, но по целому ряду направлений ухудшается.

Можно констатировать, что в существующих документах стратегического планирования, в плановых и распорядительных документах отсутствуют программы практических действий по оперативному решению проблем занятости инвалидов.

По результатам проведенного анализа, в дополнение к мерам, предусмотренным вышеуказанным комплексом, представляется целесообразным:

1. Дополнить государственные программы Российской Федерации «Доступная среда», «Содействие занятости населения» подпрограммами, фиксирующими цели, задачи, целевые индикаторы и мероприятия, направленные на решение существующих проблем в сфере занятости инвалидов.

2. Проработать вопрос о нормативном правовом обеспечении занятости инвалидов в органах государственной власти и управления, в том числе с использованием механизма квотирования приема на работу инвалидов.

3. Изучить зарубежный опыт стимулирования работодателей к использованию труда инвалидов, в том числе путем внедрения льгот при размещении государственного заказа, а также стимулирования инвалидов к трудовой деятельности, например, путем реализации специальных программ пенсионного обеспечения и социальной защиты.

Самылина И.Н.
председатель Новгородского областного суда,
к.ю.н
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Зависимость судов от органов исполнительной власти; преобладание обвинительного уклона при разрешении уголовных дел; волокита; проявления коррупции; недовольство общества результатами деятельности судов, – такие проблемы обозначаются в выступлениях, статьях, интервью, заявлениях и тому подобных обращениях к теме правосудия.

Критика – со всех сторон. Задумаемся: такие позиции звучат и сегодня – в 2015 году, звучали в 1991. И … о, что это? «Закон - что дышло, куда повернул, туда и вышло». Есть и другие поговорки, которым века. Что является мифом, а что реальностью в оценочных характеристиках правосудия России?

Не доверяют судье Иванову, Петрову, Сидорову или всем судьям, системе, судебной власти? Как обеспечить независимость судей? Кто хочет, а кто не хочет этой независимости? Что не срабатывает в обеспечении независимости: качества личности, положение должности, процессуальные установления?

От ответов на эти вопросы зависит определение правильности методологии решения проблем.

Читаю статью на тему, которая сейчас в тренде «Беззащитность малого бизнеса перед лицом правосудия». Автор[1] пишет: «Море беззаконности в нашей стране, о котором говорил Ленин, превратилось в океан правового беспредела. Вся система правосудия в России пронизана бюрократическими проволочками. Судьи возомнили себя богами, вершащими человеческие судьбы. В судах царит беззаконие, произвол и судейский беспередел».

По прочтении статьи становится ясно, что автор стал участником судебного процесса и не согласен с решением суда. По принципу: «мнение бывает мое и неправильное» построено множество критических выступлений.

Репортажи о судебных процессах полны критики со ссылкой на несправедливость расследования, разбирательство дела, назначение наказания. Профессиональным юристам в большинстве случаев очевидно, что не может суд назначить наказание в угоду мнению: выше санкции, оправдать при наличии доказательств, но кто же разбирается.

Публикуемые социологические опросы имеют заголовки: «Кризис судебной системы», «Российский суд теряет завоеванное доверие»[2]; Как преодолеть кризис доверия к судам и исправить пороки судебной системы?»[3].

Например, Ю.Чурилов приводит данные Аналитического центра Ю.Левады. На вопрос: «Много ли честных судей, которые подчиняются только закону? Ответили, что все судьи честны– 2%, большинство–25 %; меньшая часть–48 %, практически нет–13 %, остальные затруднились ответить (см.Общественное мнение-2009.М.Левада-центр.С.93-97)[4].

Если исходить из этих цифр – уже несколько лет, как наступила катастрофа.

---

1 Д.Янковский // Безопасность бизнеса. 2010 г. №1.
2 http://pravo.ru/review/view/75723/
3 http://pravocontrol.ru/news/50/
4 Чурилов Ю.Слепая Фемида / Юридическая газета.2011.№18.

Приведу пример из текста процессуальных документов, а именно – апелляционной жалобы и возражений на апелляционную жалобу по двум уголовным делам.

«… Судья–оборотень, он даже не понимает, что делает данной ему властью, переворачивает все и выносит, что я – виновный. Судья трижды отказал мне в проведении экспертизы на полиграфе. Что в таком случае остается мне делать? Купить пистолет и застрелить его?..».

«Судебное разбирательство длилось почти год. За это время судья показал свой очень профессиональный уровень. Он очень терпеливо, серьезно и дотошно изучал все материалы дела. С одинаковым вниманием и беспристрастно выслушивал обе стороны, пытаясь докопаться до самой сути вещей. Было видно, что судья – человек принципиальный, честный, неравнодушный, и, действительно, хочет истины».

Парадокс ситуации состоит в том, что оба документа относятся к уголовным делам, рассмотренным одним судьей. А написаны эти слова были с незначительной разницей во времени.

«Коррупция и обвинительный уклон судебных решений в России ни для кого не является секретом. Подавляющее большинство россиян не доверяет российскому правосудию и возможность обратиться в Европейский суд, является для многих некой палочкой-выручалочкой, куда они могут обратиться в отчаянии от существующей системы несправедливости», [1] – заявляет адвокат Сергей Князькин на «Эхо Москвы».

Кто считал «это подавляющее большинство»? Не формируют ли такие высказывания это самое недоверие?

Но система правосудия состоит не только из суда. Адвокатура, прокуратура, следствие, эксперты, специалисты – профессиональные участники судебных заседаний.

Семья, образовательные, учебные учреждения – формируют Личность конкретных участников процесса, и эта часть системы, обеспечивающая Правосудие, требует внимания.

В медиапространстве, в различных аудиториях звучит множество неверных посылов, основанных на непонимании того, что происходит в судебной власти вообще и в процессуальной деятельности, в частности.

Назначив судебную власть ответственной за уровень правосудия, авторы критики лукавят, делают вид, что ученые, законодатели, различные социальные, общественные группы действуют исключительно в интересах прогресса в защите прав граждан, стремятся к лучшему, а вот суд: «Ату, его!».

В последние годы недоверие к судебной власти в Российской Федерации рождается не столько вследствие работы судов, сколько создается благодаря внешним факторам.

Причем, не будем умалять наличие проблем в судебной власти, как и в любой действующей, живой системе, но их количество и качество явно не соответствует имеющейся искусственной оценке. Ищем ответ на вопрос: «Кому это выгодно?».

Срез проблем сегодняшнего дня представляется в следующих направлениях: законодательство; кадры; материально-техническое обеспечение; формирование доверия общества к судам.

В 2013 году произошло изменение оплаты труда судей, но, к сожалению, остается низкой заработная плата помощников судей, секретарей судебного заседания, специалистов суда.

Если говорить о состоянии законодательства, как известно, идеальных законов не бывает. Конечно же «если законы кодифицированы и подлежат буквальному исполнению, ограничивая роль судьи рассмотрением деяний, совершенных гражданином, и оценкой их

---

[1] http://echo.msk.ru/blog/knazkin/1500964-echo/

соответствия или несоответствия писаному закону, если норма, определяющая правомерность или неправомерность каких-либо действий, которой должны руководствоваться все граждане от простолюдина до философа, не является предметом спорного толкования, а четко установлена, то в этом случае подданным не угрожает мелочный деспотизм большинства.[1]

Правоприменительная практика показывает наличие множества проблем, связанных с противоречивостью норм, регулирующих общественные отношения.

Так, нужен документ, в котором будут законодательно закреплены понятие, содержание, направления, приоритеты и формы реализации уголовной политики государства[2], Единый гражданский процессуальный кодекс.

Пресловутый обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: есть или нет? Имеются ли к тому нормативные предпосылки в действующем законодательстве?

Предложения о компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации и реформировании суда с участием присяжных заседателей подготовлены Постоянной комиссией по гражданскому участию в правовой реформе Совета при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества.

Глава Следственного Комитета А.И. Бастрыкин предложил отменить приоритет международного права над российским как противоречащий национальным интересам, изменить законодательство для того, чтобы сделать возможным расследование дел о военных преступлениях за пределами России. Ранее от него же прозвучали предложения о возвращении к установлению объективной истины.

Множество процессуальных школ страны выдвинули свои предложения[3].

Обсуждаются две крайности: или установление истины и утрата независимости суда или состязательность с четким разделением функций, но без установления истины?

Приводятся многочисленные примеры из опыта зарубежных государств, имеется множество примеров незаконного осуждения американскими и иными судами, судебных ошибок, длительного рассмотрения дел[4]. Хорошо там, где нас нет. Вывод: не нужно преувеличивать наши проблемы. Они есть везде.

Коррупция? Давайте сосчитаем дела: там только судьи? Нет, и адвокаты, и следователи, и прокуроры, и другие категории.

Длительность рассмотрения дел? Посмотрим причины: извещение-работа Почты России, приводы – деятельность службы судебных приставов; явка свидетелей, потерпевших, подсудимых, явка адвокатов? Невозможно представить, как присяжный поверенный опаздывает на судебные заседания, у нас же – это в порядке вещей.

Или обращает внимание господство «экономической составляющей» – одновременное участие адвоката в таком количестве дел, которое ему выгодно, но не позволяет суду полноценно и оперативно работать. Настоящие игры в замену адвокатов, отложение слушания дел в связи с занятостью адвоката растягивают рассмотрение дел на месяцы, а-то и годы. Причем реагирование на такое поведение адвоката невозможно. Преюдиция частного

---

1 Чезаре Беккариа. О преступлениях и наказаниях».1764 с.75-79.

2 Самылина И.Н. К концепции уголовной политики. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 150-летию судебной реформы 1864 года и 70-летию Новгородского областного суда. 8-9 апреля 2014 г. С.109-113.

3 http://www.iuaj.net/node/1637

4 http://pravo.ru/interpravo/news/view/103228/; ttp://www.vesti.ru/m/doc.html?id=1330519

постановления суда в адрес адвоката не признается на всем пространстве РФ, т.к. решение квалификационной комиссии адвокатов выше по юридическому значению, чем решение суда. Нонсенс. Адвокатская палата Новгородской области не удовлетворила в 2014 году ни одного частного постановления суда, не признав изложенные в них факты.

Есть ли проблема доверия к правосудию? С одной стороны – растет количество обращений в суд за разрешением конфликтных ситуаций правовыми средствами. С другой стороны, со всех сторон говорят об уменьшении такого доверия. И здесь хотелось бы сделать акцент на изначально заложенный механизм создания недоверия к судам.

На фундаментальный вопрос: нужно ли устанавливать истину в уголовном судопроизводстве, насколько активной может быть роль суда при этом, ответ получен многие столетия назад. Судья осуществляет Правосудие по правде, по справедливости, а не исполняет процедуру в уголовном процессе – добивается некого Результата–доказанности. Вспомним Владимира Ивановича Даля и пословицы русского народа: «На правый суд не сетуй. Судья праведный, что ограда каменная. Праведный судья по правую руку Христа стоит».

Как решать проблемы? В Постановлении Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» записали: «На арену общественной жизни выходит независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий и идеологических предубеждений суд, выступающий гарантом законности и справедливости, призванный выполнять в государстве ту же роль, что совесть у человека».

Тактика судебной реформы предусматривала три этапа: подготовительный, переходный, завершающий.

Критериями окончания третьего этапа были обозначены: устойчивое функционирование судебной системы; оформление судейской корпорации, связанной особой профессиональной моралью; повторение случаев отторжения судебной системой неправовых, неконституционных законов; достаточность материально-технического и кадрового обеспечения юстиции для ее нормального функционирования.

Формула проста: «Судьей не может быть случайный человек». Ступени отбора и назначения судьи должны включать и элементы контроля общественности, и принципиальную, очень строгую проверку профессионального уровня кандидата, и наличие конкуренции при объявлении конкурса. Пока же, в Новгородской области, например, не на все объявления о конкурсе находятся желающие стать судьей.

В условиях состязательности процесса от личности прокурора, адвоката, их умения представлять доказательства, аргументировать позицию стороны, зависит исход дела. Поэтому кадровые вопросы нужно решать в комплексе.

Выразителем законности, справедливости, совести являются не буквы и слова, не бумажные или электронные носители норм права, а Личность того, кто их применяет. Создание условий, когда в сферу правосудия попадает только совестливый человек – панацея от проблем. А это уже разговор об образовании, воспитании, порядке назначения, избрания прокуроров и адвокатов, следователей и судей.

Вывод: приоритет в поиске создания независимого суда - качествам личности. Сложно обеспечить независимость личности без определенного уровня самосознания, которое или есть или его – нет. Внутренние установки можно развить, а можно – сломать. А здесь уже слово и за Законодателем, и за исполнительной властью. И за общественными институтами.

Селиванова А.Е.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В любом демократическом государстве права и свободы человека и гражданина должны быть приоритетом государственной политики.

Так, Конституция Российской Федерации в статье 2 провозглашает то, что: « Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства».[1] Эта норма конституции находит своё подтверждение в 49 статье, согласно которой, обвиняемый не может считаться виновным в совершении преступления до тех пор, пока его вина не будет доказана.

Так как преступление является понятием уголовно - правовой категории, то данный конституционный принцип полностью находит своё отражение в статье 14 уголовно – процессуального кодекса.

И для того, чтобы подробнее поговорить об этом принципе, необходимо с тем, что представляют собой принципы уголовного процесса в целом.

Так, В.Ю. Мельников считает, что принципы уголовного судопроизводства – это юридически оформленные основные положения (идеи), закрепляющие общие свойства уголовного судопроизводства, действующие на всех его стадиях и взаимосвязанные друг с другом.[2]

Если подробнее остановиться на принципе презумпции невиновности, то предполагается, что он гарантирует обвиняемому три основных момента:

1) лицо признается виновным, в совершении преступления только вступившим в законную силу приговором суда

2) на обвиняемого и подозреваемого не может быть возложена обязанность доказывания своей невиновности

3) обвинительный приговор не может основываться на предположениях, в связи, с чем все сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого

Из определения принципов уголовного судопроизводства можно сделать вывод, что все они находятся в очень тесной взаимосвязи друг с другом. И строгое соблюдение одного из них обуславливает эффективное действие и реализацию всех принципов в целом при разрешении уголовных дел и осуществлении правосудия.

И данный момент, безусловно, относится и к принципу презумпции невиновности. Совершенно очевидно, что несоблюдение таких принципов как: законность, осуществление правосудия только судом обязательно послужит основанием для того, что принцип презумпции невиновности утеряет своё основное свойство, которое гарантирует безопасность подсудимого в процессе, также уничтожит этот принцип в целом.[3]

---

[1] Конституция Российской федерации, принятая на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Правовой банк данных СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 08.04.2015.

[2] Мельников В.Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2012, С. 16.

[3] Гордеев П.С. Некоторые аспекты принципа презумпции невиновности в уголовном процессе. М., 2012, С. 3.

Для того чтобы более глубоко уяснить значение презумпции невиновности в уголовном процессе России, необходимо разобраться в содержании и значении его отдельных частей.

Часть 1 ст. 14 УПК РФ предусматривает, что виновность лица в совершении преступления может быть установлена только вступившим в законную силу приговором суда. Закон исходит из того, что только процессуальные права и гарантии, действующие в стадии судебного разбирательства, могут в наибольшей мере обеспечить правильное разрешение спора между стороной обвинения и стороной защиты в уголовном судопроизводстве.

Тогда возникает вопрос: когда уголовное преследование прекращается в отношении лица по так называемым нереабилитирующим основаниям (акт амнистии, истечение срока давности, смерть подозреваемого и т. п.). Следствием этого является признание подсудимого виновным в совершении преступления.

Ответ на данный вопрос дал Конституционный Суд РФ, который в своем Постановлении от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» разъясняет, что прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, хотя и расценивается правоприменительной практикой как основанная на материалах расследования констатация того, что лицо совершило деяние, содержавшее признаки преступления, и не влечет за собой реабилитации, но вопрос о виновности лица остается открытым.[1] Тогда возникает мысль о том, что возможно есть необходимость для закрепления данного положения в уголовно – процессуальном законодательстве.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 Конституции обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Уголовно-процессуальный закон также закрепляет данное положение (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвинения, лежит на стороне обвинения. Но отсутствие такой обязанности не лишает сторону защиты возможности доказывать свою невиновность.

А если бы это бремя было возложено на плечи обвиняемого, то в таком случае мы наблюдали бы следующую практику: осуждению подлежал бы каждый, попавший под подозрение, невзирая на то, виновен ли он на самом деле или нет. И тогда получается, что виновным бы являлся не тот, чья вина была доказана в ходе судебного разбирательства, а тот, кто не доказал свою невиновность в преступлении, которое ему приписывается.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П разъяснил, что освобождение обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность не означает, что в случае отказа обвиняемого от участия в доказывании или неспособности по каким-либо причинам осуществлять его, доказательства невиновности могут не устанавливаться и не исследоваться. То обстоятельство, что обвиняемый воспользовался названным конституционным правом, не может служить основанием ни для признания его виновным во вменяемом ему преступлении, ни для наступления каких-либо иных неблагоприятных последствий, связанных с применением процессуальных санкций.[2]

Также неотъемлемым элементом рассматриваемого принципа является правило о толковании всех имеющихся в деле сомнений в пользу обвиняемого. В уголовном судопроизводстве существуют случаи, когда доказательства указывают на какие-либо моменты, имеющие большое значение для дела, но наряду с ними имеют место быть и другие сведения, которые вызывают сомнения в правдивости данного доказательства.

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 г. N 18-П // Правовой банк данных СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 08.04.2015.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. N 13-П // Правовой банк данных СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 08.04.2015.

В соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном законом, толкуются в пользу обвиняемого. Если такие сомнения неустранимы, уголовное преследование прекращается.

Согласно ч. 4 ст. 14 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Из этого положения следует, что гипотезы, выдвигаемые стороной обвинения, не могут пошатнуть невиновность, которая в силу ч. 1 ст. 49 Конституции РФ считается доказанной.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что принцип презумпции невиновности, который находит своё отражение в ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст.14 Уголовно – Процессуального кодекса Российской Федерации, является несомненным гарантом обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве, и должен действовать всегда, когда возникает вопрос о принятии какого- либо решения по уголовному делу.

Семенова Т.В.
магистр юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Полоцкий государственный университет,
аспирантка кафедры гражданского права
Белорусского государственного университета

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДОМЕННЫХ ИМЕН

Функционирование сети базируется на системе доменных имен, являющихся основой интернет-адресации, а сегодняшняя структура управления интернет-адресацией является прямым следствием исторических обстоятельств ее возникновения. В настоящее время Интернет является системой, характеризующейся высокой степенью сложности, что заключается в ее саморегуляции, многоуровневой организации, наличием множества автономных подсистем, массовым вероятностным взаимодействием их элементов, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы. Беспорядочная совокупность миллионов компьютеров, расположенных по всему миру, создает упорядоченное виртуальное пространство, являющееся основой Интернета.

В юридической литературе правоотношение определяется двояко:

– фактическое общественное отношение, которое урегулировано нормой права,

– общественное отношение, которое возникает в результате воздействия нормы права на фактическое общественное отношение.

Исходя из такого подхода, следует отметить, что виды правоотношений, связанных с использованием доменных имен, основанием для классификации будут иметь те основания, которые закреплены нормами права.

Естественно, в каждой стране существуют собственные системы нормативно-правовых актов и организации, регулирующие правоотношения, связанные с доменными именами. Однако все больший процент всех досудебных и судебных разбирательств осуществляется при участии международных организаций. Определяющую роль в регулировании подобных отношений играет корпорация Интернета для специализированных адресов и номеров (ICANN),

основными функциями которой является распределение областей Интернет-адресов, управление системой записи общих зон, зон индекса страны[1].

Наиболее важными нормативными актами в международной судебной практике, пожалуй, являются следующие: Единая Политика Рассмотрения Споров о Доменных Именах (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy, UDRP) и Правила для Единой Политики Рассмотрения Споров о Доменных Именах[2].

Основное различие мировой и зарубежной практик, касающихся споров о доменных именах заключается в том, что за рубежом чаще всего практикуют досудебную форму урегулирования, тогда как отечественное законодательство такой формы не предусматривает. Среди главных органов, осуществляющих досудебные разбирательства, можно назвать Арбитражных и Посреднический Центр Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности, Национальный Арбитражный Форум (штат Миннесота, США), Институт CPR по разрешению споров об интеллектуальной собственности (г. Нью-Йорк), Азиатский Центр по разрешению доменных споров, Канадская организация «eResolution»[3].

В Республике Беларусь функционирование доменных имен регулируется Инструкцией «О порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет» (утверждена Приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь 18.06.2010 N 47 (в редакции приказов Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 06.03.2012 N 23, от 15.07.2013 N 46) (далее Инструкция). Данным документом предусмотрены следующие правовые действия относительно доменных имен: регистрация, делегирование, трансфер, администрирование.

Под администрированием домена подразумевается определение порядка использования домена.

Делегирование домена – это занесение регистратором в национальную доменную зону информации о домене и серверах доменных имен (DNS), обеспечивающих его функционирование, их сетевых адресах, указанных администратором домена, и (или) занесение в реестр данных о новом администраторе домена[4].

Сведения, необходимые для делегирования домена, заносятся в реестр на основании информации, предоставленной администратором домена регистратору, осуществившему регистрацию домена, а администратор домена, в свою очередь вправе в любое время направлять регистратору заявки на прекращение или возобновление делегирования домена, за исключением периодов, когда делегирование приостановлено администратором национальной доменной зоны.

На основании классификации процедур в отношении доменных имен следует выделить правоотношения: по регистрации доменных имен, по делегированию прав на доменные имена, по трансферу доменных имен, по администрированию доменных имен. Наряду с этим, можно продолжить классификацию по подвидам. В частности, правоотношения по регистрации доменных имен могут быть следующие: отношения, связанные с использованием родовых (тематических) доменов; отношения, связанные с использованием географических доменов

---

1 Голик В.С. Эффективность интернет-маркетинга в бизнесе / В.С. Голик. – Минск : Дикта, 2008. С. 124.

2 Голик В.С. Эффективность интернет-маркетинга в бизнесе / В.С. Голик. – Минск : Дикта, 2008.С. 124.

3 Голик В.С. Эффективность интернет-маркетинга в бизнесе / В.С. Голик. – Минск : Дикта, 2008. С. 125.

4 Инструкция о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет: утв Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республике Беларусь 06.03.2012. текст по состоянию на 10 апр. 2012 г [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – Режим доступа: http://www.pravo.by. –Дата доступа: 10.04.2012.

верхнего уровня; отношения, связанные с использованием доменов второго и последующего уровней.

Так, различают общие (другие названия – родовые, тематические), которые управляются Корпорацией по присвоению имен и номеров в сети Интернет (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers – ICANN) и национальные домены верхнего уровня (ccTLD), управление которыми делегировано соответствующим национальным регистраторам, которые устанавливают правила регистрации в них либо сами, либо согласно указаниям органов власти соответствующих государств.

В свою очередь тематические домены подразделяются на спонсируемые и не спонсируемые. Выделяют также домены ограниченного пользования, домены для инфраструктуры интернета, а также зарезервированные домены, имеющие преимущественно технический характер.

В Республике Беларусь координирующим органом по регистрации и делегированию доменов второго уровня в зоне .by является Государственный центр безопасности информации при Президенте Республики Беларусь (далее – ГЦБИ), а непосредственно регистрацией и поддержанием функционирования базы данных со сведениями о доменных именах занимаются организации, аккредитованные в качестве регистраторов.

Если процедура регистрации не вызывает правовых вопросов, то содержание доменного имени является предметом многочисленных споров в области теории и в судебной практике. Одной из наиболее остро стоящих проблем является ситуация, когда доменное имя воспроизводит товарный знак или фирменное наименование. Именно в этой ситуации наиболее остро стоит вопрос о соотношении прав владельца товарного знака или знака обслуживания и законных интересов владельца доменного имени. Остро стоит проблема кибersквоттинга.

Под кибersквоттингом обычно понимают приобретение, «захват» доменных имен, которые созвучны зарегистрированным торговым маркам либо имеют удачное буквосочетание с целью их дальнейшей перепродажи за более высокую цену[1]. Случаи кибersквотинга можно расклассифицировать по двум группам – тайпсквоттинг и бренд-кибersквоттинг. Тайпсквоттинг подразумевает регистрацию доменных имен, которые близки по написанию названиям известных компаний, брендов, сайтов. Тайпсквоттеры рассчитывают на то, что пользователи часто допускают опечатки, орфографические ошибки при наборе доменного имени[2]. В качестве примеров доменных имен, зарегистрированных таким образом, можно привести wwwlenta.ru, yadnex.ru, download.com и многие другие.

Таким образом, сегодня каждая страна имеет собственную систему нормативно-правовых актов и организаций, занятых в регулировании правоотношений, связанных с доменными именами. Наиболее важную роль играет деятельность международных регулирующих организаций, среди которых стоит отдельно отметить корпорацию Интернета для специализированных адресов и номеров ICANN. Определяющим документом регулирования исследуемых нами отношений в мире принято считать Единую Политику Рассмотрения Споров о Доменных Именах UDRP. Однако в Республике Беларусь, данная практика неприменима; в нашей стране доменные имена регулируются Инструкцией «О порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет», предусматривающей различные правовые действия относительно доменных имен (в частности, регистрацию, делегирование, трансфер, администрирование). Говоря о типах правоотношений,

---

[1] Мурашко Е.В. Проблемы определения правового статуса и защиты доменного имени в сети Интернет // Актуальные вопросы совершенствования правового образования в средних учебных заведениях / [редколлегия И.Р. Веренчиков (главный редактор) и др.]. – Минск: Юридический колледж БГУ, 2011. С. 152.

[2] Там же

имеет смысл выделить несколько типов, классифицируя их на основе различных критериев. К примеру, типы правоотношений по регистрации доменных имен могут быть следующие: отношения, связанные с использованием тематических доменов; отношения, связанные с использованием географических доменов первого уровня; отношения, основанные на использовании доменов второго и последующего уровней. Правоотношения, связанные с доменами и доменными именами, варьируются от государства к государству, ведь каждое национальное законодательство предъявляет различные требования к регистрации доменных имен. В Республике Беларусь органом, занятым в регистрации и делегированию доменов в зоне .by является Государственный центр безопасности информации при Президенте Республики Беларусь. Особое значение, как в мировой, так и в отечественной судебной практике имеют правоотношения, возникающие в том случае, когда доменное имя воспроизводит товарный знак или фирменное наименование – так называемый киберсквоттинг. Данный термин обозначает приобретение, «захват» доменных имен, созвучных зарегистрированным торговым маркам с целью их дальнейшей перепродажи по более высокой цене. Согласно наиболее распространенной классификации, различают два вида киберсквоттинга – тайпсквоттинг (доменное имя созвучно уже зарегистрированному, но содержит опечатку или орфографическую ошибку в расчете на ошибку, допущенную пользователем при вводе) и бренд-киберсквоттинг («захват» доменного имени, содержащего фирменное наименование, торговую марку, известное имя или фамилию).

Синькевич Н.А.
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ГРАДОНАЧАЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Более трех веков прошло с тех пор, когда основан был Санкт-Петербург. За свою историю город, вне зависимости от формы правления, находился под управлением различных властных структур: генерал-губернаторов, генерал-полицмейстеров, градоначальников, председателей Исполкомов Петросовета и Ленсовета, мэра, и, наконец, вновь губернатора.

В наших заметках хотелось бы попытаться проанализировать некоторые историко-правовые аспекты организации современного градоначальника и его исторического предшественника времен XIX века. Конечно сравнивать две разные эпохи довольно сложно, т.к. наверное необходимо погрузится в проблемы того времени, а затем вернуться в наше. Такой возможности у нас, конечно же, нет, и единственный способ понять политику прошлого времени это изучить труды современников и в известной степени их сопоставить с современностью.

История градоначальства в Санкт-Петербурге берет свое начало с 30 марта 1873 года, когда полномочия управления городом были переданы первому градоначальнику, Ф. Трепову. Хотя процесс становления растянулся не на один год. Первые попытки создания специфического института управления столицей были предприняты 1871 году. Градоначальник назначался императором лично или по представлению Министерства внутренних дел и наделялся довольно широкими полномочиями: ему подчинялась городская полиция, обеспечивал надзор за торговлей, судоходством, состоянием публичных, крепостных и портовых зданий и т.п.

На конец XIX века в канцелярию Санкт-Петербургского градоначальства входили: градоначальник, помощник градоначальника, чиновники особых поручений, секретарь, канцелярия, врачебное управление градоначальства, техническая часть, адресный стол, общий полицейский архив и отделение по охране общественной безопасности и порядка Санкт-Петербурга. При градоначальстве также состояли совещательное присутствие, совещательное по врачебно-санитарной части присутствие и врачебно-полицейский комитет. Кроме этого в ведении градоначальства находились: полицейский телеграф, редакция «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства», помещение для содержания неисправных должников, арестантские помещения при полицейских домах и инспекторы литографии, типографий и книжной торговли.

Хотя и имея такие обширные полномочия, градоначальство имело и ряд ограничений. Например, ему не подчинялась судебная власть.

Градоначальство, в целом достаточно эффективно справлявшееся с текущими вопросами городского управления в относительно спокойные периоды истории столицы Российской империи оказалось бессильным противостоять социальным потрясениям и хозяйственной разрухе в эпоху войны и революций начала XX столетия. Эпидемии и морозы, пожары и наводнения, войны и революционные выступления - на все эти и многие другие проблемы нужно было незамедлительно находить ответы. А имея такой огромный бюрократический аппарат это было сделать довольно сложно.

Еще одним специфическим фактором развития градоначальства в Санкт-Петербурге и его основным отличием от градоначальств других городов является то, что Санкт-Петербург в то время был столицей Российской империи и это налагало свой отпечаток на развитие данного института.

Февральская революция упразднила институт градоначальство, переименовав градоначальников в комиссаров, тем самым положив конец и имперской власти и градоначальству в целом. По своей сути полномочия комиссаров остались не измены и не чем не отличались, разве что, только названием.

Менялись эпохи, менялись политические системы и вместе тем переименовывались должности глав регионального управления. Комиссары переименовались в мэров, и наконец, глава города вернул себе название «губернатор». Но что изменилось спустя века? А изменилось не так много. Согласно внесенным в закон в 1999 году губернатор, так же как и при Императоре стал назначаться, т.е. теперь его кандидатура стала, утверждается президентом. Конечно, назначение губернатора на должность является сложной и специфической процедурой. Так политические партии, набравшими наибольшее число голосов на региональных выборах, внося предложения о кандидатурах президенту РФ не позднее, чем за 40 дней до истечения срока полномочий губернатора. При этом консультации с президентом РФ проводятся не позднее, чем за 45 дней до истечения срока полномочий высшего должностного лица субъекта РФ. Предложения о кандидатурах рассматриваются главой государства в течение не более 10 дней со дня их внесения. Для повторного внесения предложений о кандидатурах устанавливается такой же, десятидневный срок дней.

Естественно, новый порядок вызвал среди ученых шквал критики, ибо, таким образом, наметился откат от демократических начал.

Так же полномочия в отличие от имперских градоначальников претерпели ряд изменений, основным и, пожалуй, самым ярким отличием стало то, что современные губернаторы наделены значительным спектром законодательной инициативы, а так же возможностью надзора за правомерностью издаваемых законов в Санкт-Петербурге и контролирует соответствие их Конституции РФ и другим Федеральным законам России.

Несмотря на то, что процедура назначения «губернатора-градоначальника» и усложнилась, но фактически мало чем отличалась от аналогичных процедур имперского периода. По мнению современников назначаемый глава региона – это «управляемая «марионетка» главы государства». Нельзя не согласиться с представленной точкой зрения, но необходимо учитывать различные аспекты конкретной эпохи, периода. Непростая социально-экономическая ситуация 90 –х, вне всяких сомнений требовала усиления роли государства на местном уровне.

Что же касается полномочий главы города. Как он изменился на протяжении веков? Стал ли он лучше, эффективнее? Приобретение законодательных функций заметно отразилась на управленческих. Сейчас хотя губернатор и обладает контрольными полномочиями, осуществляет он их не напрямую, через «раздутый» аппарат чиновников, что сказывается на качестве и скорости выполнения распоряжений.

Совершенствование регионального управления, рост социально-экономической составляющей, повышение эффективности с коррупцией позволили в 2112 году вернуться, хотя и с некоторыми издержками, к прямым выборам губернаторов. На наш взгляд к таки издержкам можно отнести внесенные изменения. Являясь рамочным, закон наделят правом региональные парламенты устанавливать так называемое сито, через которое необходимо пройти кандидату на пост губернатора. Суть процедуры заключается в следующем: необходимо заручиться поддержкой у определенного местным законом количества депутатов муниципальных представительных органов. То есть потенциальному губернатору необходимо обратиться за помощью к потенциальному подчиненному. Не будет ли здесь конфликта интересов?

Федеральный закон отдает на откуп региональным представителям «дозволять либо нет» участвовать в губернаторских выборах, так называемым самовыдвиженцам. К примеру, Московский парламент допустил к участию в выборах самовыдвиженцев, Новгородский – нет. Такой подход федерального законодателя представляется противоречащим ст. 32 Конституции России гарантирующей каждому гражданину право участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранными в органы государственной власти, равный доступ к государственной службе.

Скудин А.С.
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В РАКУРСЕ ИХ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ

В современном российском обществе понятия «экстремизм» и «терроризм» все чаще соотносятся как синонимичные термины. Такому представлению, как правило, содействуют средства массовой информации, не проводя различий в своих сюжетах и материалах между террористами и экстремистами. Ставить знак тождества между этими понятиями неверно, так как сущностные характеристики и даже наличие различных федеральных законов, регламентирующих и раскрывающих правовые основы противодействия исследуемым явлениям, указывает нам на то, что они различны по своему характеру и тем более проявлению.

Но и вести речь о том, что терроризм и экстремизм не соприкасаются и не имеют ничего общего, тоже в определенной мере было бы неправильно.

Для того чтобы разобраться в чем же заключаются принципиально важные правовые различия и что общего они между собой имеют, необходимо раскрыть существенные признаки понятий экстремизма и терроризма.

Так в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114 –ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» законодателем не закреплена правовая дефиниция понятия «экстремизм», поэтому в настоящей статье при исследовании сущности экстремизма в соотношении с терроризмом будем отталкиваться от определения, которое автор настоящей статьи сформулировал в своем монографическом исследовании о проблемах противодействия экстремизму, из которого следует, что экстремизм как правовая категория представляет собой перечень противоправных деяний, направленных на разрушение (уничтожение) существующей целостности и идентичности, за совершение которых предусмотрен специфический комплекс мер государственного принуждения[1]. При этом в законе дается исчерпывающий перечень из тринадцати видов деяний, раскрывающих понятие экстремистской деятельности[2].

Анализируя указанный перечень можно сделать весьма обоснованный вывод о том, что большинство деяний, отнесенных законодателем к экстремистским, представляют ненасильственные формы правонарушений. Здесь важно подчеркнуть именно термин «правонарушения», так как часть из них являются административными правонарушениями. Тогда как терроризм или любая деятельность, связанная с террористической уголовно наказуемы.

Законодатель включил в перечень «публичное оправдание терроризма», а также «иную террористическую деятельность», но при этом исходя из его логики сам террористический акт, как форма насильственного преступления обойден вниманием законодателя в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114 –ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». На основании этого можно заключить, что ненасильственная форма террористической деятельности, по логики законодателя, является экстремизмом.

Но тогда возникает резонный вопрос – почему же террористический акт не был включен в перечень экстремистских деяний?

На этот вопрос нам пытается ответить ст. 3 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35 –ФЗ «О противодействии терроризму», в которой отдельно раскрываются понятия «терроризм», «террористическая деятельность» и «террористический акт».

Так терроризм определяется в законе как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий[3].

Из данного понятия следует, что терроризм представляет в-первую очередь идеологию, то есть совокупность определенных взглядов и установок, тогда как на основе этой идеологии осуществляется негативное воздействие на определенные институты общества, имеющее своей целью навести страх в обществе и достигнуть определенных противоправных целей.

По мнению автора приведенная в Федеральном законе № 35- ФЗ дефиниция понятия «терроризм», не совсем корректна, так как идеология должна, как мы уже указали, заключать в себе взгляды и установки. При этом идеология насилия может основываться как на экстремистских установках (направленных на разрушение (уничтожение) существующей целостности и идентичности), так и исключительно на хулиганских, корыстных и иных мотивах.

Следовательно, напрашивается вывод о том, что терроризм не может рассматриваться как «идеология насилия», его следовало бы рассматривать с позиции проявления идеологии экстремизма через насильственное воздействие на определенные институты общества. И

закрепить в ст. 3 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35 –ФЗ «О противодействии терроризму» определение понятия терроризм как проявление идеологии экстремизма путем воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, выражающееся в насильственной форме.

Но автор не исключает и того, что непосредственно террористический акт может быть совершен и исключительно из корыстных мотивов, тогда вести речь о наличии экстремистских установок и взглядов уже не имеет смысла.

Отдельным пунктом законодатель выделил террористическую деятельность, где особое внимание следует уделить последнему пункту перечня деяний, так как мы уже указали выше - терроризм является проявлением идеологии экстремизма, а, следовательно, сами идеи терроризма базируются на экстремистских установках. Соответственно материалы или информация, призывающая к осуществлению террористической деятельности будут являться экстремистскими материалами. Тогда как иная террористическая деятельность, указанная в ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35 –ФЗ «О противодействии терроризму», может проявляться как своеобразное пособничество (а в некоторых случаях как подстрекательство) в осуществлении непосредственно террористического акта, и при этом носить исключительно корыстный характер (напр. вербовка, вооружение, обучение и использование террористов), более того лица, участвующие в указанной деятельности могут вообще не разделять экстремистский идей с лицами, непосредственно осуществляющими террористический акт. Поэтому сама по себе террористическая деятельность может и не носить экстремистский характер.

В исследуемой норме закона террористически акт - совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Так как на момент принятия Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35 –ФЗ «О противодействии терроризму» уже имелось нормативное закрепление понятия «террористический акт», законодатель пошел по наиболее простому пути и заимствовал определение из диспозиции ст. 205 Уголовного кодекса РФ, при этом, не подвергнув его более детальному толкованию с позиции объективных и субъективных признаков, что следовало бы считать упущением.

Детально проанализировав два нормативных акта, подробно регламентирующих аспекты противодействия двум наиболее опасным явлениям нашей действительности, можно сделать весьма обоснованное заключение, что экстремизм является некой идеологической основой терроризма, то есть эти два понятия следует соотносить как общее и частное.

Совина А.В.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Научный руководитель: *доцент Н.А. Панов*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Организованная преступность – одно из самых опасных явлений современности. Опасность заключается в том, что организованная преступная группа действует, как отлаженный механизм, в котором есть все необходимые элементы для совершения преступлений. И преступления эти крайне сложно раскрыть – они обладают высоким уровнем латентности.

В статье 2 Конвенции Организации Объединенных Наций от 15.11.2000 г. определено понятие организованной преступной группы. Это структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду[1]. Это понятие наиболее полное из всех существующих, только необходимо также отметить, что организованная преступная группа – это группа, обладающая связью с властными структурами, которые поддерживают ее деятельность.

Организованные преступные группы обычно различаются масштабом. Чем крупнее опг, тем большую общественную опасность она представляет. Малочисленные опг занимаются преимущественно мелкими преступлениями, такими как кражи, разбои, в то время как крупные опг могут осуществлять более масштабные преступные схемы и прикрывать их с помощью действий коррумпированных чиновников и сотрудников правоохранительных органов.

Некоторые опг не только пользуются помощью чиновников или сотрудников. Вышеперечисленные лица могут также являться и руководителями таких группировок. И, как правило, такие личности характеризуются исключительно положительно, как законопослушные граждане, то есть они умеют грамотно скрывать свою деятельность, маскироваться[2].

Для того чтобы определить меры предупреждения преступлений, совершаемых организованными преступными группами, необходимо назвать причины развития организованной преступности.

Во-первых, это индифферентное отношение граждан к преступникам. Порой люди даже положительно относятся к ним, считая их теми, кто действует во благо народа.

Во-вторых, это слияние представителей организованной преступности и представителей властных структур, правоохранительных органов, бизнеса. Таким образом, происходит формирование преступного синдиката, деятельность которого зачастую трудно отследить.

В-третьих, причиной является также и тот факт, что деятельность, которая считается преступной, приносит большой доход в кратчайшие сроки. И чем больше этот доход, тем больше людей оказываются, вовлечены в эту преступную сферу.

Для предупреждения преступлений, совершаемых организованными преступными группами, необходимо проводить целый комплекс мер. Необходимо также понимать, что меры

---

[1] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г. (с изм. от 15.11.2000 г.) // СПС Консультант Плюс.

[2] Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2010. С. 211.

эти должны реализовываться в совокупности, так как по отдельности они не принесут желаемого результата.

Во-первых, необходимо заниматься обеспечением достойного нравственного развития граждан и формирования должной системы ценностей. Люди должны четко понимать, что преступление не может быть направлено во благо. Можно проводить различные профилактические беседы, снизить возможную «пропаганду» положительного образа преступника в СМИ.

Во-вторых, необходимо заниматься развитием разных сфер жизни: политической, экономической, общественной, нравственной. Поскольку организованная преступность посягает в первую очередь на них[1]. Развитие должно проводиться как на федеральном уровне, так и на уровне каждого субъекта Российской Федерации. Это может гарантировать предупреждение не только преступлений, но и различных проявлений кризиса. Своевременное и полное исполнение данной меры обеспечит базу для предупреждения преступлений в целом и преступлений, совершаемых организованными преступными группами в частности.

В-третьих, также должна проводиться деятельность правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью. Она должна включать в себя следующие меры: обнаружение и ликвидация преступных сообществ, разоблачение коррумпированных чиновников и сотрудников правоохранительных органов, отслеживание бывших членов подобных формирований с целью предотвратить их дальнейшее участие в деятельности опг, выявление преступных синдикатов, которые были созданы в результате слияния преступного мира с властными структурами, правоохранительными органами, СМИ и т.д.

В-четвертых, необходимо помнить, что помимо организованной преступности в Российской Федерации, существуют различные преступные формирования в иностранных государствах, которые взаимодействуют друг с другом[2]. Должны проводиться меры по обеспечению противодействия транснациональной преступности, так как форма их сотрудничества уже давно перестала заключаться в рамки импорта-экспорта незаконных товаров.

Для отслеживания деятельности транснациональной преступности необходимо создание единого информационного банка об организованной преступности, в котором будут содержаться сведения о действующих преступных формированиях и их членах как настоящих, так и бывших.

Естественно, одних перечисленных мер мало. Государство должно проводить соответствующую политику, которая будет способствовать снижению уровня преступлений, совершаемых организованными преступными группами. Но начинать стоит именно с этих мер, так как они будут служить реальной базой для дальнейшего развития предупреждения подобных преступлений.

---

[1] Криминология: Учебник /Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2010. – С.167

[2] Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / Под общ. ред. А.Я.Сухарева, С.И.Гирько. М., 2011. С. 27

Соколова Ю.А.
старший инспектор отделения договорно-правовой работы
межрайонного Отдела вневедомственной охраны
по Колпинскому району г. Санкт-Петербурга –
филиала ФГКУ «Управление вневедомственной охраны
Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области»

О ФОРМАХ УПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

До середины XIX в. основным источником сведений о населении России являются ревизские сказки, представляющие собой результаты ревизий податного населения Российской империи. При этом с начала XIX в. в России формировалась регистрация фактов рождения и смерти церковью, а с 1865 г. началась ежегодная сводка и публикация этих данных. Первая перепись в Российской империи состоялась в 1897 г. По итогам ее проведения в России было зарегистрировано 125,6 тыс. человек[1].

В Российской империи уделялось внимание охране материнства и детства. Первые специальные государственные учреждения для детей-сирот были открыты в XVIII в. Так, в 1706 г. Новгородский митрополит Иов построил за собственный счет при Холмово-Успенском монастыре воспитательный дом для «незаконнорожденных и всяких подкидных младенцев»[2]. Дальнейшее развитие сиротские детские учреждения получили при Петре I, который 4 ноября 1715 г. издал указ об организации госпиталей для незаконнорожденных младенцев[3]. Петр I начал борьбу и с нищенством как массовым общественным явлением, которое также порождало рост числа бездомных детей[4]. По Указу от 20 июня 1718 г. ведено было «малолетних нищих и ребят, бив батоги, посылать на суконный двор и к прочим мануфактурам»[5]. На фоне роста мануфактур и суконного производства было выгодно использовать дешевый труд малолетних детей из числа беспризорных и детей-сирот[6]. Для детей это являлось средством выживания и пропитания, получения профессии. При Петре I и его сподвижнике В.Н. Татищеве были созданы детские приюты и богадельни для больных и увечных. Ребенок, помещенный в приют до 10 лет, попадал в матросы в созданный Петром флот[7].

---

1 Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н. А. Тройницкого. т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб. 1905.

2 См.: Нижник Н.С. Создание детских воспитательных учреждений Российской Империи как способ обеспечения защиты интересов ребенка // Вестник Челябинского института экономики и права. 2000. № 1.

3 Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под. ред. А. Д. Горского. М., 1985. С. 145.

4 Нижник Н. С. Создание детских воспитательных учреждений как способ защиты интересов ребенка в дореволюционной России // Историко-правовой вестник. Вып. 3: Сборник научных статей / Отв. ред. А. С. Туманова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 78–89.

5 Лебедев В.И. Реформы Петра I. М., 1937. С. 19.

6 Нижник Н.С. Редистрибуция–реципрокация в контексте осмысления функций государства // Социальное правовое государство: вопросы теории и практики. Материалы межвузовской научно-практической конференции 21 июня 2003 г./ Под ред. Д. И. Луковской. СПб., 2003. С. 123–124.

7 Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР. Историческая демография / Под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М., 2010. С. 14.

М.В. Ломоносов в своей работе «О сохранении и размножении российского народа» (1761 г.)[1] предложил меры создания благоприятных условий для рождения детей в браке и вне, меры сокращение детской смертности и прекращения эмиграции. Предложения предполагали мероприятия культурно-просветительной и административно-правовой направленности, а также пересмотр церковных правил и обычаев, поскольку в народе «состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей»[2].

В период между царствованием Петра I и Екатерины II заботы о призрении детей, в том числе сирот, были оттеснены на второй план. В это время созданные госпитали стали закрываться один за другим. Существование системы тайного приема, хотя и привело к сокращению числа детоубийств, но одновременно породило рост числа подкидышей. Отсюда непосильные расходы на содержание этих учреждений и высокая смертность находящихся в них младенцев[3].

При Екатерине II были отменены «венечные памяти», по сути, налог на венчание, облегчено вступление в брак вдовам и женам ссыльных, при выборах на общественные должности предпочтение оказывалось тем, у кого больше детей. Указом Екатерины II запрещалось венчать малолетних со взрослыми (1774 г.). Указ Синода (1774 г.) предписывал в проповедях склонять народ к благосклонному отношению к внебрачным детям[4].

По инициативе видного государственного деятеля И.И. Бецкого Екатерина II 1 сентября 1763 г. издала Манифест «Об учреждении в Москве воспитательного дома с особым гошпиталем для неимущих родильниц»[5]. Но, несмотря на все усилия в области призрения в это время, дела в воспитательных домах пошли плохо: смертность детей в воспитательных домах была чрезвычайно высокой. Так, например, в Архангельске из 417 детей, поступивших в местную сиропитательницу до годовалого возраста, умерло 377[6]. В Указе Екатерины II от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний» предписывалось передавать детей в семьи, с возможностью обучаться науке или промыслу[7]. При устройстве детей соблюдался принцип их сословной принадлежности. Одним из существенных нововведений Екатерины II было то, что дети, поступающие до совершеннолетия в ведомство приказов общественных учреждений, после становились вольными.

Большой вклад в развитие системы охраны здоровья материнства и детства внесла вторая супруга Павла I Мария Федоровна. 12 ноября 1796 г. Мария Федоровна была поставлена «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц», и, проявив большую энергию, смогла привлечь для него много пожертвований. По предложению супруги 11 января 1797 г. Павел I издал указ о выдаче пособия бедным матерям, которые не могли воспитывать детей собственными средствами. Желающих получить это пособие оказалось слишком много, пришлось прибегнуть к сокращению расходов. В 1807 г. было учреждено «городское воспитание». Матери предоставлялась возможность за определенную плату воспитывать своих детей дома до достижения ими семилетнего возраста.

В декабре 1797 г. было положено начало воспитанию сирот в семьях, первые попытки которого уже осуществлялись при Екатерине II. За воспитанием детей в крестьянских семьях

---

1 См.: Ломоносов М.В. О сохранении и размножении российского народа // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952. С. 381–403.

2 Ломоносов М.В. О сохранении и размножении российского народа С. 384.

3 Костина Е. Ю. История социальной работы, Владивосток, 2003. С. 66.

4 Павленко Н. И. Екатерина Великая. М. 2000. С. 144.

5 Там же. С. 178.

6 Там же. С 83.

7 Там же. С. 197.

был установлен надзор. В 1828 г. был принят Закон «О воспрещении дальнейшего открытия воспитательных домов в губерниях». Его основой была высокая смертность в воспитательных домах. Чтобы удержать родителей от передачи детей в Воспитательный дом, в 1837 г. указом было повелено всех детей из приютов отправлять в деревни «с воспрещением их обратного поступления» в это заведение. Но при желании мать могла за вознаграждение воспитывать своего ребенка до трех лет, после чего всякая выплата ей прекращалась.

Закон 1828 г., по существу, уничтожил тот порядок устройства покинутых детей, который был введен в XVIII в. Однако по мере роста фабрик, заводов, введения общей воинской повинности проблема устройства детей, оказавшихся сиротами, становилась все более острой[1]. Поэтому продолжали создаваться различного рода детские учреждения[2].

С 1864 г. государственное призрение сирот осуществлялось в двух направлениях: Ведомством императрицы Марии, в ведении которого оставались столичные и губернские воспитательные дома, а также земством на местах.

В некоторых губерниях вводилось поощрение усыновления детей. Воспитатель-усыновитель получал 5 руб. в месяц до достижения воспитанником 12 лет. На имя последнего в сберегательную кассу вносилось по 2 руб. в месяц. Расходы, связанные с выплатой различных пособий, несли преимущественно губернские земства.

В Петербурге в 1904 г. по инициативе земского врача Русских был создан «Союз борьбы с детской смертностью» под патронажем княгини Ольги Александровны. Под эгидой Союза была создана образцовая амбулатория для младенцев, а также лаборатория по приготовлению смесей для их вскармливания. Николай II учредил «Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества», которое работало под покровительством императрицы Александры Федоровны. Попечительство открывало молочные кухни, приюты-ясли, детские лечебницы, родильные приюты. Было задумано создание Института охраны материнства и младенчества с научно-учебным отделением, лабораториями, библиотекой, консультациями, небольшой образцовой фермой. Принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская и герцог Г. Мекленбург безвозмездно отдали участки на Каменном острове под строительство Института[3].

На демографическую картину России наложило отпечаток развитие капиталистических отношений. Как в странах Западной Европы, в Российской империи в XIX в. было принято фабричное законодательство, а в начале XX в. оно было дополнено «Правилами о вознаграждении потерпевших вследствие несчастного случая рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» (1903 г.), а также комплексом из четырех законов о страховании рабочих на случай болезни или несчастного случая (23 июня 1912 г.)[4]. Принятие фабричного законодательства в России способствовало увеличению продолжительности жизни рабочих и служащих и росту общего уровня жизни.

Определенную роль в реализации государством своей демографической функции играло санитарное законодательство. В екатерининскую эпоху органами государственного управления по врачебно-санитарным делам становятся приказы общественного призрения (с 1775 г.).

---

1 Нижник Н.С. Правовой статус ребенка в русской семье // История государства и права. 2002. № 4. С. 6–7.

2 См.: Нижник Н.С. МВД и органы реципрокации дореволюционной России // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: Тезисы докладов и выступлений на юбилейной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 20–21 сентября 2002 года. Ч. I. СПб., 2002.

3 Фирсов М. В. История социальной работы. М. 1999. С. 98.

4 См.: Нисселович Л.Н. История заводско-фабричного законодательства Российской империи; Законодательство императора Александра I. СПб, 1883; Законодательство императора Александра I. СПб., 1884; Валетов Т.В. Законодательство в России до октябрьской революции // Экономическая история. Обозрение. Вып. 13. М., 2007. С. 129.

Земельная реформа 1864 г. возложила организацию врачебно-санаторной деятельности на органы местного самоуправления. Российская империя принимала активное участие в разработке положений международных конвенций и в проведении противоэпидемических мероприятий, обладающих международным общеевропейским значением. Врачебно-санитарное законодательство Российской империи аккумулировало новейшие разработки международной правовой мысли, являясь не только реципиентом, но и источником новых идей, опережая подчас европейские страны в поиске путей противодействия эпидемическим заболеваниям[1].

В попытке применения поощрительных, рекомендательных, организационных мер в сфере реализации Российской империей своей демографической функции очевидной является заинтересованность государства в увеличении не только количественных показателей населения, но и стремление создания благоприятных условий для выживания, охраны материнства и детства, борьбы с беспризорностью, сокращения детской смертности.

Соколова О.А.
адвокат
Псковская областная коллегия адвокатов

К ВОПРОСУ О «ПРИВОДЕ» В НОРМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Современное отечественное законодательство содержит такой правовой институт как *«привод»*, под которым, в общих чертах, понимается принудительное препровождение (доставление) органами милиции (полиции) обвиняемого, подсудимого, подозреваемого, свидетеля и некоторых других лиц в суд, в органы дознания, к прокурору или следователю в случае неявки без уважительной причины по вызову[2].

Привод находит свое отражение в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в нормах Федерального закона от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», указанные нормативно-правовые акты по разному раскрывают содержание и порядок исполнения рассматриваемого правового института.

Анализируя смежное законодательство России, где содержится понятие «привод», мы установили следующее.

В УПК РФ приводу посвящена ст. 113[3], на основании которой в случае неявки по вызову без уважительных причин приводу могут быть подвергнуты лишь подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель. Причем привод состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю, прокурору или в суд на основании постановления или определения о принудительном приводе. Данные постановления или определения исполняются органами дознания или судебными приставами. Следует отметить, что УПК РФ содержит и исключения для ряда лиц, которые приводу не подвергаются: «не подлежат приводу несовершеннолетние в

---

1 См.: Пристанскова Н.И. Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи (XIX – начало XX вв.): Дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007.

2 См.: Большой юридический словарь – 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. – М., 2009. – С. 594; Барихин Б.А. Большой юридический энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 495.

3 См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

возрасте до четырнадцати лет, беременные женщины, а также больные, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания, что подлежит удостоверению врачом».

КоАП РФ также содержит статью «Привод» (ст. 27.15)[1], согласно которой привод осуществляют:

- органы, уполномоченные на осуществление функций по принудительному исполнению исполнительных документов и обеспечению установленного порядка деятельности судов;

- органы внутренних дел осуществляют приводы только тех граждан, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении. Приводы осуществляются на основании определения судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в ст. 120 «Привод»[2] отражает основания и условия для применения привода в отношении лиц, участников судебного разбирательства, субъектов исполняющих привод, а также и исключения для ряда лиц, которые приводу не подвергаются.

Единство анализируемых правовых норм в том, что данная мера представляется как принудительное препровождение лица к месту рассмотрения дела (материалов) по существу и выполняется на основании постановления (определения), вынесенного соответствующим должностным лицом, в котором указываются дата, время и место, куда лицо должно быть доставлено, а также какому органу или подразделению (субъекту) поручается осуществление привода, при этом правовой статус лиц, как объектов доставления весьма разнообразен. Кроме того, законодателем указано единое для всех основание применения привода – *неявка по вызову без уважительных причин.*

Анализ действующего законодательства показал, что правовой институт «привода» содержится и в нормах Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)[3]. В п. 5 ст. 11 «Основные обязанности осужденных» законодателем указано, что осужденные обязаны являться по вызову администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, и давать объяснения по вопросам исполнения требований приговора. В случае неявки осужденный, может быть, подвергнут принудительному приводу.

Указанная норма права подчеркивает объект привода – только осужденные. При этом УИК РФ предусматривает возможность применения привода только к осужденным и только к наказаниям, не связанным с лишением свободы, а именно к исправительным работам в соответствии с ч. 3 ст. 39 «Порядок исполнения наказания в виде исправительных работ», а также к условно осужденным в соответствии с ч. 4 ст. 188 «Порядок осуществления контроля за поведением условно осужденных».

Субъектом указанных видов наказаний, в соответствии с действующим законодательством, выступают уголовно-исполнительные инспекции.

В течение 2014 года в 2 488 уголовно-исполнительных инспекциях на учете состояло 917,2 тыс. осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества (2013 год – 941,8 тыс.) из них вновь поставленных на учет в 2014 г. составили 430,94 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от

---

[1] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон : [от 30.12.2001 N 195-ФЗ] (ред. от 06.04.2015) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2002. – N 1 (ч. 1). – Ст. 1.

[2] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон : [от 8 марта 2015 N 21-ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. –2015. – N 10. – Ст. 1391.

[3] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ] (ред. от 20.04.2015) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

общества. Количество лиц, вновь поставленных на учет в уголовно-исполнительные инспекции в связи с осуждением к исправительным работам в 2013 г. составило 54784 осужденных, а в 2014 г. 53535 осужденных, а количество лиц, вновь поставленных на учет в уголовно-исполнительные инспекции в связи с условным осуждением в 2013 г. составило 327073 осужденных, в 2014 г. 314799 осужденных.

Анализ приведенных данных указывает, что эта категория осужденных является самой большой, по сравнению с общим количеством осужденных к наказания, без изоляции от общества и соответственно ими наиболее чаще могут быть допущены нарушения порядка исполнения наказаний или невыполнения обязанностей предусмотренных ст. 11 УК РФ. В связи с чем, решение законодателя, подвергать приводу именно этих осужденных, на наш взгляд выглядит оправданной.

И так, согласно действующему законодательству при осуществлении контроля за лицами, осужденными к исправительным работам, а также за условно осужденными в предусмотренных законом случаях сотрудники уголовно-исполнительных инспекций в соответствии с нормами УИК РФ «принимают решение о приводе осужденных» при этом единственным предусмотренным законом случаем выступает неявка без уважительных причин по вызову или на регистрацию.

Однако в нормах УИК РФ нет понятия «привод» как меры государственного принуждения в отношении лиц, нарушающих условия и порядок исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, а также законодательно не урегулированы: форма решения, порядок осуществления привода и непосредственный его исполнитель, а также случаи, когда лица не могут быть подвергнуты приводу.

То есть понятие «привод» должно предусматривать комплекс данных (информации) о том, кого, на каком основании, куда (к кому), в какие сроки принудительно доставляют.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным включить в ст. 11 УИК РФ само понятие привода, его порядок, а также перечень лиц, полномочных оформлять указанную меру принуждения, и лиц, ее исполняющих. Указанную норму предлагаем изложить в следующей редакции:

«Статья 11. Основные обязанности осужденных

5.1. Под приводом осужденного понимается принудительное доставление лица в орган или учреждение, исполняющее уголовные наказания в случае неявки по вызову без уважительных причин или на регистрацию. Привод производится на основании постановления руководителя органа или учреждения, исполняющего уголовные наказания сотрудниками данных органов или учреждений. Не подлежат приводу несовершеннолетние осужденные, а также осужденные беременные женщины, а также больные, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания, что подлежит удостоверению врачом».

Сотников В.И.
преподаватель цикла повышения квалификации
ЦПП УМВД России по Новгородской области

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Российскому государству, строящему новый общественный строй, приходится решать различные по характеру проблемы, связанные с идеями прав человека. Трудный путь России к

правовому государству осложняется рядом негативных факторов прошлого и настоящего: многовековыми традициями деспотизма и крепостничества, всесилием властей и бесправием населения, стойким правовым нигилизмом большинства населения, несоблюдением и неисполнением законов, низкой правовой культурой управляющих и управляемых, в целом общества. В России еще не создано настоящее гражданское общество, а возможности его саморегуляции оказались преувеличенными.

В то же время необходимо признать, что в российском обществе постепенно формируется понимание важности проблем обеспечения прав человека, верховенства прав и свобод человека как основы правового государства. Государство провозгласило, что "человек, его права и свободы являются высшей ценностью", и приняло на себя обязанности по их признанию, соблюдению и защите. Права и свободы человека являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти….

Особое место в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина занимают органы внутренних дел - специально уполномоченные государственные органы, деятельность которых непосредственно направлена на охрану и защиту этих прав и свобод. К сожалению, на практике использование органами внутренних дел своих полномочий не всегда сочетается с такими принципами, как законность, обоснованность и соразмерность, что нередко приводит к нарушениям прав и свобод личности.

Вопросы места и роли органов внутренних дел (полиции) в государственно-правовом механизме, соблюдения прав человека при осуществлении административно-юрисдикционной деятельности полиции касаются практически всех граждан России. Это свидетельство того, что полиция является самым ближайшим к народу инструментом государственной власти. В связи с этим справедливо заметить, что о власти и о своем государстве граждане зачастую судят, исходя из оценки деятельности полиции.

Поэтому понятна озабоченность и целенаправленная деятельность МВД как федерального органа исполнительной власти осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов и одновременно исключения возможности нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Понятно, что деятельность эта разнообразна и многогранна, часть ее носит внутриведомственный характер, и не представляет интереса для участников конференции. Остановимся на проблемах административной юрисдикции, которые понятны участникам конференции и на которые мы юристы при желании способны повлиять, то есть на несовершенствах и пробелах законодательства, регулирующего эту сферу деятельности.

В административно-юрисдикционной деятельности полиции важнейшим процессуальным документом является протокол об административном правонарушении. «Процессуальным письменным документом, закрепляющим итоги расследования и означающим предъявление обвинения конкретному лицу в совершении административного правонарушения является составленный протокол об административном правонарушении».

Поэтому, содержанию протокола об административном правонарушении уделяется пристальное внимание как органом или должностным лицом, рассматривающим дело по существу, так и лицом, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, его защитником. Особое значение указанного протокола связано с тем, что при наличии в нем существенных недостатков дело об административном правонарушении не может быть рассмотрено по существу, либо производство по делу подлежит прекращению в

ходе рассмотрения по существу или в процессе обжалования, опротестования. При составлении протокола должны быть соблюдены процессуальные правила.

Действующее административное законодательство требует составление протокола об административном правонарушении на месте его выявления, и лишь при «при невозможности его составления на месте» позволяет применить доставление как меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Причем по сложившейся практике под «невозможностью» чаще всего понимается отсутствие документов, удостоверяющих личность.

Понятно, что подобная практика, поощряемая законом, диктуется благими желаниями не обременять излишне граждан мерами административного принуждения (доставления, задержания).

Однако мы знаем к чему, как правило, приводят благие пожелания. Составление протокола на мете его выявления не позволяет сделать это в соответствии с теми высоким требованиями, о которых говорилось выше, а так же задачами, декларируемыми тем же законодательством «всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств каждого дела…выявления причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения». Этому же мешает порой и недостаточный уровень правовой подготовки должностных лиц, уполномоченных осуществлять функции административной юрисдикции. Что, в конечном счете, зачастую ведет к нарушению прав как самого лица, привлекаемого к административной ответственности, так и потерпевших.

Нам представляется более справедливым обременить лицо, совершившее правонарушение (не совершай противоправных деяний) мерами административного принуждения, нежели заведомо создавать трудности для должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, ставя тем самым под угрозу качество административного производства, привнося потенциальную угрозу правам его участников.

Далее, в статье 27.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) определено, что доставление это принудительное препровождение физического лица в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в помещение органа местного самоуправления в целях составления протокола об административном правонарушении. В статье 27.3. административное задержание определено как кратковременное ограничение свободы физического лица, применяемое в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

Однако момент доставления в отделение и момент начала составления протокола административного задержания зачастую не совпадают по времени, поскольку в силу разных причин эта процедура может быть начата гораздо позже доставления. При этом, как то выпадает сама процедура составления протокола, а она требует порой значительного времени. Кем в это время является лицо, привлекаемое к административной ответственности? Оно уже не доставляемый, но еще и не задержанный и может им и не стать. Но и встать и покинуть отделение полиции по собственной воле он не может, то есть его свобода ограничена. На наш взгляд налицо коллизия, правовой пробел.

Следующей за задержанием процедурой является личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице. В КоАП РФ личный досмотр является мерой обеспечения по делам об административных правонарушениях. В п.16 статьи 13 ФЗ-3 от 07.02.2011 г. «О полиции» о личном досмотре говорится уже как о мере административного принуждения

предупредительного характера, которая может осуществляться не только в рамках административного дела, но по основаниям указанным в данной статье.

Достаточно серьезное ограничение прав и свобод граждан, причем даже ни при совершении административного правонарушения, а просто при наличии у полиции данных о том, что граждане имеют запрещенные к обороту предметы или при досмотре багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене, однако в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях.

Процедура же осуществления личного досмотра описана в статье 27.7 КоАП РФ, хотя бы в сравнении со статьей 373 ТК РФ, на наш взгляд явно недостаточно. Многие детали и подробности процедуры остались за рамками статьи КоАП РФ, это дает достаточно широкий простор для полицейского усмотрения, что является недопустимым с точки зрения соблюдения законных прав и свобод граждан.

КоАП РФ и ФЗ № 3 два федеральных закона, описывающих одни и те же виды мер административного принуждения и одни и те же процедуры их осуществления сотрудниками полиции. Однако описание этих процедур содержит существенные противоречия, которые так же затрагивают права граждан. В частности п. 14-15 статьи 14 Федерального закона «О полиции» требует вручения копии протокола доставления или задержания физическому лицу, а статьи 27.2, 27.4 КоАП РФ говорят о вручении этих процессуальных документов только по просьбе физического лица. Это не только создает почву для нарушения прав лиц, привлекаемых к административной ответственности, но также и должностных лиц, уполномоченных составлять эти документы.

Изложенные выше соображения позволяют сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Внести изменения в статьи 27.2-27.6 главы 27 КоАП РФ, исключив понятие «доставление» и объединив его с понятием «задержание», определив задержание в целом как «принудительное препровождение физического лица, подозреваемого в совершении административного правонарушения, в служебное помещение органа внутренних дел (полиции), помещение муниципального органа или в иное служебное помещение с целью кратковременного ограничения свободы физического лица для составления протокола об административном правонарушении, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления».

2. Для составления протокола об административном правонарушении (мини административного расследования) вести должности уполномоченных лиц, (административных дознавателей) из числа среднего начальствующего состава, имеющих как минимум среднее юридическое образование.

3. Для сведения к минимуму полицейского усмотрения, подробнее прописать процедуры «задержание» и «личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице».

4. Устранить имеющиеся в КоАП РФ и ФЗ № 3 от 07.02.2011 «О полиции» противоречия в вопросах административной юрисдикции.

Стаценко В.Г.
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРИЧИННОМ КОМПЛЕКСЕ ПРЕСТУПНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Преступность находится в тесных опосредованных связях с социально-экономическими и демографическими процессами, половозрастной и социально-профессиональными структурами населения, социальной средой и другими социальными факторами, что позволяет рассматривать ее как одну из характеристик состояния общества на конкретном историческом этапе его развития.

Определяющим фактором распространения преступности, наряду с общими ее детерминантами, являются процессы, связанные с издержками реформирования общества, а также с традиционными для постсоветского общества криминогенными факторами (алкоголизация населения, относительно низкий уровень жизни значительной его части на фоне резкой социальной поляризации общества, а также влияние криминальной субкультуры, определяемое значительным числом лиц, в структуре населения, имеющих криминальный опыт).

Следует отметить, что в связи с существенным улучшением социально- экономической ситуации после 2000 года, ростом доходов населения, сокращением безработицы, стабильной политической обстановкой и усилением эффективности социального контроля, включая уголовно-правовую политику, все последние годы прослеживается устойчивая тенденция снижения криминальных показателей.

Сравнительные статистические данные[1] показывают, что Республика Беларусь с 1994 года и до 2012 года среди стран СНГ устойчиво занимала 2-е место после Российской Федерации по показателю уровня преступности (в расчете на 100 тысяч населения). В 2012 году ситуация впервые за много лет изменилась – по уровню преступности Беларусь опустилась в списке стран СНГ на четвертое место, пропустив вперед Украину, РФ и Казахстан, а в 2013 году - еще и Молдову. Российская Федерация, впервые за всю постсоветскую историю, уступила сомнительную пальму первенства Казахстану.

С начала 60 годов 20 века и до 2006 г. включительно в РФ и в Беларуси проявляла себя тенденция постоянного и устойчивого роста преступности. Так, в РФ в 2006 году было зарегистрировано наибольшее за время статистического наблюдения число преступлений - 3855 тысяч (по сравнению с 1990 годом – увеличение в 2,1 раза). В Республике Беларусь пик регистрируемой преступности был достигнут в 2005 году, когда было зафиксировано 192,5 тысяч преступлений.

В 2006 – 2014 гг. количественные показатели свидетельствуют о новой тенденции в динамике преступности: отличительной ее особенностью стало существенное снижение показателей объема и уровня преступности**.**

[1] Статистические данные приводятся по официальным источникам: Статистика преступности в Российской Федерации за 2005-2014 годы [Электронный ресурс] // Сайт МВД Российской Федерации].- Режим доступа:// http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/. - Дата доступа: 23.04.2015; Сведения о состоянии преступности по Республике Беларусь за 2005 - 2014 год / Информационно-аналитическое управление МВД Республики Беларусь.- Минск, 2005 – 2015.

Табл. Динамика объема и уровня преступности в России и Республике Беларусь за 2006–2014 гг.

Год	Объем преступности (в тыс.)		Уровень преступности (на 100 тыс. населения)	
	РФ	Республика Беларусь	РФ	Республика Беларусь
2006	3 855,0	191,5	2 695	1 967
2007	3 582,5	180,4	2 521	1 887
2008	3 209,9	158,5	2 261	1 664
2009	2 994,8	151,3	2 110	1 591
2010	2 628,8	140,9	1 852	1 485
2011	2 404,8	132,1	1 683	1 394
2012	2 302,2	102,1	1 609	1 079
2013	2 206,2	96,7	1 539	1 021
2014	2 166,4	93,9	1 508	988

Для России и Республики Беларусь, характерны как общие факторы, детерминирующие криминальную и виктимогенную ситуацию, обусловленные едиными социально-экономическими условиями продолжительного совместного развития обеих стран, так и специфические, связанные с национальными особенностями и своеобразием избранных ими путей развития.

К общим факторам можно отнести следующее:

1. Исторические корни, общая культура, язык, менталитет, родственные связи;
2. Интеграционные связи, вхождение в т.н. единое экономическое пространство;
3. Близость правовых систем;
4. Коммерциализация и прагматизация общественных отношений, приводящие к обесцениванию правомерного поведения, восприятию его как неэффективного и материально невыгодного;
5. Противоречие между сформировавшимися в общественном сознании потребительскими стандартами и недостатком легальных средств их обеспечения;
6. Недостаточный в целом уровень культуры, традиционное распространение девиантных форм поведения, включая пьянство и алкоголизм, экстремальные виды досуга и самоутверждения;
7. Мозаичный, несистемный тип формирования правовой культуры и, в целом, ее невысокий уровень;
8. Достаточно сильное влияние криминальной субкультуры.

К специфическим факторам формирования криминогенной и виктимогенной обстановки России и Беларуси можно отнести:

- существенную разницу в уровнях социально-экономического развития, уровне жизни, а также политической и правовой стабильности в обществе;
- различия в направленности и реализации социальной политики;
- более строгий (Беларусь) социальный контроль в обществе, включая жесткий превентивный контроль проявлений различных форм девиантного поведения;
- определенные различия в менталитете населения, «качестве» общественного сознания;

- различия в этнической структуре населения и миграционных процессах;
- отличия в степени проявления экстремизма, национализма, иных форм делинквенции, методах противодействия им и др.

Наряду с общими для всех исторических периодов и стран условиями и причинами, порождающими преступность как социальное явление, в наших странах сформировались и оказывают свое криминогенное воздействие и специфические детерминанты.

К ним можно отнести:

- «транзитное» положение Беларуси, практическое отсутствие границы, что может быть использовано для въезда на территории соседних стран лиц, причастных к преступлениям, а также для контрабанды оружия, наркотиков и т.п.;

- единое экономическое и таможенное пространство, особенности союзного государства неизбежно превращают Беларусь и Россию в своего рода «сообщающиеся сосуды», в том числе и в отношении криминогенных процессов.

Внешние условия, способствующие развитию преступности, накладываются на некоторые внутренние особенности социально-экономического, политического и социокультурного развития стран.

Так, сильным дестабилизирующим факторам и для России и Беларуси стал распад СССР. Процессы социальной дезорганизации на рубеже 80-90-х годов оказали влияние на все сферы жизнедеятельности и, в определенном смысле, продолжает оказывать негативное влияние до сего времени.

К условиям, детерминирующим преступность в России и Беларуси, также можно отнести:

- противоречивость, а также социальные, правовые и нравственные издержки процесса модернизации общественных отношений в постсоветский период развития;
- эклектическое сочетание социалистических и капиталистических начал в экономике, политике, социальной жизни и культуре;
- существенные изменения в системе потребностей населения, которые стали определяться потребительскими стандартами, характерными для развитых стран, что при существующем уровне культуры вообще и правовой культуры в частности, а также ограниченности социально одобряемых каналов обеспечения этих завышенных стандартов неизбежно порождает определенное социальное напряжение и, как следствие, детерминирует преступность;
- сохраняющиеся трудовая, семейно-бытовая и культурно-досуговая жизненная неустроенность, психологическая напряженность и личностная неудовлетворенность определенной части населения;
- наличие социально маргинальных групп населения, ведущих аморальный и противоправный образ жизни;
- относительно высокий уровень пьянства, наркомании и другого асоциальных явлений[1].

Сравнительный криминологический анализ состояния преступности в Республике Беларусь и Российской Федерации свидетельствует о том, что объем и уровень преступности при всем своем снижении, по-прежнему, для современного российского и белорусского общества, чрезмерно высоки, а проблемы противодействия преступности остаются весьма актуальными.

---

[1] Стаценко В.Г. Криминология. – Минск: Амалфея, 2011.- С.73-74.

Не ослабевает противодействие криминальной среды интересам государства, которое относит преступность к основным факторам, создающим угрозу безопасности. Общество крайне заинтересовано в том, чтобы его правоохранительная система была в состоянии эффективно противостоять любым преступным проявлениям.

Превенция криминальных проявлений может быть существенным образом оптимизирована только при условии всестороннего изучения причинного комплекса преступности и определения соответствующих мер противодействия, т.е. научного анализа всех связанных с ней проблем.

Столяров О.Н.
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА И ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИН ЮРИДИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Совершенствование учебно-методического процесса и становление новой образовательной парадигмы предполагает, наряду с концептуальной триадой: знания, умения и навыки, развитие общекультурных и профессиональных компетенций. Подготовка конкурентоспособных, толерантных и компетентных профессионалов, обладающих высоким уровнем правовой культуры и правосознания, основная задача, которая стоит в настоящее время перед высшей школой.

Оптимальным развитием современного состояния общества, в связи с этим, должно являться культуросообразное содержание образования. Реализация этого постулата может лежать в плоскости использования классической русской литературы, известных художественно-поэтических произведений в преподавании уголовно-правовых дисциплин. Без знания истоков отечественной культуры невозможно представить себе общекультурного и профессионального специалиста. Сталкиваясь с откровенным невежеством по отношению к русской литературе со стороны отдельных студентов (и, к сожалению, их количество увеличивается) и ее вульгаризацией, возникает необходимость донести до слушателей красоту поэтического слова применительно к изучению специальных дисциплин. Ведь невозможно представить любой познавательный процесс, в том числе в области юриспруденции, без базисных общекультурных установок. Усвоение теоретического материала, подчас, представляет собой механическое запоминание сухой информации о дефиниции предмета, методов, системы дисциплины и т.п., но посредством живого слова этот процесс адаптационно позволяет стимулировать слушателя к творческой познавательной работе.

Перцептивный уровень поэзии, в силу особенностей организации поэтического текста, в частности аллитерации, рифмы, ритма, и т.д. является непревзойденным источником развития мнемических способностей. Язык поэзии, с его концентрированностью мысли, ассоциативностью лексики, совокупности метрики, ритмики, строфики и звуковой организации текста развивает не только эвристичность и ассоциативность мышления, но и формирует эмоционально-ценностные отношения к отечественной культуре и способствует развитию продекларированных образовательной парадигмой учебных компетенций.

Поэтический текст, как факт культуры, имеет общеобразовательную направленность, в познании, развитии, воспитания личности и формирования ценностного сознания, что так необходимо в учебной деятельности. Поэзия, с точки зрения экспозиции идеалов и жизненных ценностей человека, может являться той адаптационной «подушкой», которая так необходима

для усвоения дисциплин юридического цикла. Экстраполирование имманентной связи юриспруденции и поэтики в учебно-образовательный процесс позволяет осуществить методическую поддержку юридической подготовке специалистов и превратить знания в систему ценностей и нравственных ориентиров.

На примере преподавания курса « Оперативно-розыскное право» (хотя осуществлены наработки и по таким дисциплинам как «Криминалистика», «Судебная медицина», «Судебная психиатрия» и др.); с его сугубо специфическим понятийным аппаратом, хотелось раскрыть возможности донести до слушателей содержание и сущность оперативно-розыскной деятельности, посредством поэтического гения классиков русской литературы. Хотя, казалось бы, что может быть общего между теорией сыскной деятельности и поэтикой?

Рассматривая историю создания органов уголовного и политического сыска, можно с помощью поэтического слова дать образную и емкую характеристику субъектам ОРД. Так, в первой половине 19 в. (1827г.) в Российской империи создается орган политического сыска - Отдельный корпус жандармов, который составляет основу жандармско-полицейских учреждений России. По вопросам политического розыска он подчинялся III Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а впоследствии Департаменту полиции МВД. Весной 1841 г. М.Ю. Лермонтову было предписано в течение 48 часов покинуть Петербург и перед отъездом на Кавказ он пишет известное произведение «Прощай, немытая Россия», которое по образному выражению «выворачивает наизнанку всю подноготную страны». В нашем случае М.Ю. Лермонтов дает очень живую и яркую характеристику одному из органов политического сыска тех времен. Он пишет:

«Прощай, немытая Россия
Страна Рабов, страна господ
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей»[1].

Анализ всего восьми строк гения русской поэзии, позволяет дать исчерпывающую характеристику той эпохи.

«Прощай, немытая Россия
Страна рабов, страна господ…»

-яркий образчик социально-экономической и политической жизни России первой половины 19в.

Строки:

«…и вы мундиры голубые
И ты им преданный народ…»

-образно характеризуют деятельность Отдельного корпуса жандармов Российской империи. Голубые мундиры носил личный состав жандармского корпуса, проходивший службу по кавалерийскому образцу (отсюда и голубые мундиры). Они находились в двойном подчинении у Военного Министерства (являясь воинским подразделением русской императорской армии) и Департамента полиции МВД (как органа политического сыска).

« и ты им преданный народ…»

---

[1] Лермонтов М.Ю. Избранные произведения. М.,1987. С.96

- характеристика не только веры народа в столпы самодержавия, но и оперативной работы полицейского аппарата. Это аспекты агентурной работы – осведомительство, доносительство. Интересно, что еще начальник Тайной Его Величества Канцелярии генерал Андрей Иванович Ушаков писал: « Ныне народ русский стыдлив стал: донос в подлость себе считает, а донос - дело Государево»[1]. Таким образом, доносительство было возведено в ранг государственной политики. Символично использован М.Ю. Лермонтовым и поэтический оборот, когда он акцентированно обращается к жандармам на «вы», а к народу на «ты».

«…Быть может за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей…»

- перефразируя «мундиров голубых» из первой строфы «пашами» во второй, М.Ю. Лермонтов тем самым подчеркивает деспотичность и всесильность полицейских органов власти. Метафоричность фразы «за стеной Кавказа» усиливается смысловой нагрузкой – войной на Кавказе.

Абстрагируясь от политической составляющей произведения и обращаясь к нашим дням, приходиться констатировать, что на Кавказе неспокойно и сейчас. Борьба с экстремизмом, терроризмом, незаконными вооруженными формированиями в этом регионе является основным направлением работы субъектов ОРД в современных условиях и может быть решена только оперативным путем. М.Ю. Лермонтов, несмотря на свои политические взгляды, был патриот своей Родины, и, будучи офицером русской императорской армии, принимал участие в боевых действиях на Кавказе, исполняя свой воинский долг. Он окончил Петербургскую школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, был назначен корнетом в лейб-гвардии гусарский полк, который воевал на Кавказе.

«…от их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей».

- образная и яркая характеристика деятельности и методов работы жандармского корпуса: они все видят и все слышат.

Таким образом, использование данного произведения в методике преподавания ОРД позволит не только образно донести историю создания жандармско-полицейских учреждений и методов их работы, но и приобщить слушателей к великой русской литературе и вызвать интерес к ней.

Рассматривая оперативно-розыскные методы работы, и в частности оперативно-розыскные мероприятия, для наглядности и образности можно обратиться к произведению А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане». С точки зрения пушкиноведов, это одно из самых загадочных, оригинальных и удивительных произведений великого поэта. Но таковым его можно считать и с точки зрения изучения ОРД. В шутливо-ироническом смысле « Сказку о царе Салтане» можно читать как дело оперативного учета. В этой сказке описаны семь оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и такое, как «ПК», организация и тактика которого составляет государственную тайну.

А.С. Пушкин пишет:

«…Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему,
Полюбилася ему»[2].

---

1 Семевский М.И. Тайный сыск. М.,2001. С.106

2 Пушкин А.С. Избранные произведения. М., 1987. С. 156

Данные строки имеют непосредственное отношение к ОРД, т.к. описывают негласные методы получения информации, путем подслушивания. В теории и практике ОРД существует такое понятие, как « работа в толпе на слух».

Ярким примером эмпирического метода вербального контакта, который в ОРД носит название разведывательного опроса[1] (сокращенно разведопрос) являются следующие строки:

« Чем вы гости, торг ведете
И куда теперь плывете?
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет
Торговали соболями,
Черно-бурыми лисами…»
. . . . . .
« Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает
«Ой, вы, гости-господа,
Долго ль ездили? Куда?
Ладно, ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ
Мы объехали весь свет.
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо…»[2]

С точки зрения ОРД персонажи сказки князь Гвидон и царь Салтан, для получения интересующей их информации использовали гласный разведывательный опрос.

Большой интерес представляет сюжет сказки, связанный с таким оперативно-розыскным мероприятием, как контроль почтовых отправлений, который в теории и практике ОРД называется перлюстрацией корреспонденций (сокращенно «ПК»)[3].

«Перенять гонца велят
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь…»
. . . . . .
« …Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую…».[4]

В данном случае, выражаясь оперативным языком, описана тактика проведения указанного мероприятия с использованием оперативной комбинации.

« Будь же князь, ты комаром…», « комаром оборотился» иносказательно и иронически можно рассматривать как оперативное внедрение (работа под прикрытием)[5].

«…Видит: весь сияя в злате

---

1 Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон//Собрание законодательства РФ.1998. №15. Ст. 1569.
2 Пушкин А.С. Указ. соч. С.156.
3 Там же. С. 26.
4 Там же. С.157.
5 Там же. С. 26.

Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят»[1].

Здесь мы имеем, используя оперативную терминологию «оперативный осмотр с проникновением в жилое помещение». Ткачиха, повариха, Бабариха, как видно из сюжета, входят в доверие к Салтану и их можно рассматривать шутливо-иронически, как ОПГ (организованная преступная группа) с их разработкой.

Сюжет, связанный с князем Гвидоном и лебедем, иносказательно можно воспринимать, используя понятийный аппарат ОРД, как « наведение справок»[2].

«…Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает,
Это чудо знаю я…»[3]

Заканчивается великолепное произведение А.С. Пушкина, применительно к исследуемой проблематике «отождествлением личности», как одним из оперативно-розыскных мероприятий.

«Царь глядит – и узнает…
. . . . . .
«Что я вижу? Что такое?
. . . . . .
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу…"[4]

Не претендуя на эксклюзивность, обозначенный подход к преподаванию ОРД в частности, и других дисциплин юридического цикла в целом, должен позволить слушателям лучше усвоить программу, вызвать интерес к юриспруденции через богатство и красоту русской литературы.

Стрекалин А.В.
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургский университет МВД России
Научный руководитель: *профессор Н.С.Нижник*

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ: «ПРОГРЕССИВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ»

Современное российское государство находится в поиске путей эффективного социально-экономического и политико-правового развития. Он может быть успешен при условии осуществления на адекватной современной ситуации научно-теоретической основе. Это ставит перед отечественным интеллектуальным сообществом задачу комплексного развития обществоведения в целом и теории государственного управления в частности. Мощным

---

1 Там же. С.157.
2 Там же. С.26.
3 Там же. С. 158.
4 Там же.

фундаментом методологических и научно-теоретических поисков современности, безусловно, является теоретико-правовое наследие российских юристов конца XIX – начала XX в.

На рубеже XIX–XX вв. российское обществоведение определило важнейшие идеи, прежде всего касающиеся формирования в России правового государства и роли в его развитии гражданского общества[1]. Российские ученые акцентировали свое внимание на проблемах назначения государства, характеристике его социальной природы, путях достижения всеобщего блага[2]. Высокий научный потенциал научного обществознания, разнообразные запросы общественно-политической жизни России, обусловленные острыми противоречиями в российском социуме, поиск путей выхода из кризисных ситуаций способствовали осмыслению вопросов, касающихся взаимоотношений власти и общества, роли и значимости институтов самоуправления в организации жизни российского государства.

Вопросы местного самоуправления в Новое время стали центральными в западноевропейской полицеистике[3], они привлекали внимание и отечественных государствоведов[4]. Одним из исследователей вопросов государственного управления государством и роли органов самоуправления в государстве является выдающийся российский юрист, полицеист, административист, профессор Казанского университета Виктор Викторович Ивановский (20 октября 1854 – 18 августа 1926).

В. В. Ивановский внес существенный вклад в рассмотрение теоретико-методологических, политико-правовых и эмпирико-социологических аспектов проблем государства, власти и общества. В.В. Ивановский – автор фундаментальных монографий, учебников и научных статей, не потерявших своей актуальности и сегодня[5]. Своими работами В.В. Ивановский внес существенный вклад в разработку истории и методологии юридической науки, в развитие политической регионалистики, в теорию административного права.

Центральной проблемой исследований В.В. Ивановского было возникновение и развитие органов местного самоуправления России в контексте западноевропейского опыта. Именно этим вопросам были посвящены магистерская («Опыт изучения деятельности органов земского самоуправления в России» (1881)) и докторская («Организация самоуправления во Франции и Пруссии» (1886)) диссертации[6]. Именно эти проблемы он рассматривал с разных сторон на

---

[1] Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 62. С. 66.

[2] См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 236–242.

[3] См.: Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43.

[4] См., например: Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1–3. СПб., 1869–1871; Градовский А.Д. История местного самоуправления в России. Т. 1. М., 1868; Безобразов В.П. Земские учреждения и самоуправление. СПб., 1874.

[5] См.: Ивановский В.В. 1) Полиция благосостояния. Казань, 1886; 2) Конспект лекций по «политической экономии». Казань, 1889; 3) Учение о народе. Отдел из русского государственного права. Лекции. Казань, 1889; 4) Конспект лекций по «статистике». Казань, 1890; 5) Административное устройство наших окраин. Казань, 1891; 6) Государство, как юридическое отношение. По поводу кн. Н. М. Коркунова «Русское государственное право». Т. 1. Введение и общая часть. СПб., 1892. Казань, 1893; 7) Русское государственное право. Т. 1. Казань, 1895–1898; 8) Вопросы государствоведения, социологии и политики. Казань, 1899; 9) Юридический метод и его применение в политических науках. Казань, 1902; 10) Лекции по государственному праву. Казань, 1906; 11) Народное представительство и основные права граждан. Казань, 1906; 12) Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). Казань, 1904.

[6] Ивановский В.В. 1) Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. Казань, 1881; 2-е изд. Казань, 1882; 2) Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии. Казань, 1886.

протяжении всей своей научной деятельности. Исследования В.В. Ивановского признаются современными исследователями как фундаментальные в области функционировании власти и общества[1].

Создание системы органов местного управления В.В. Ивановский сравнивает с «прогрессивной тенденцией децентрализации». «Местное управление только тогда успешно и правильно функционирует, когда оно децентрализовано», – отмечал он[2]. Важное значение децентрализации управления В.В. Ивановский видел, прежде всего в том, что:

– децентрализации управления спасает страну от административной опеки центрального правительства, склонного игнорировать местные особенности;

– децентрализация освобождает центральные государственные учреждения от излишней работы, перенося ее на местные учреждения, и оставляет за ними заботу об общегосударственных интересах;

– разделение власти между центром и регионами имеет огромное гражданско-воспитательное значение, развивает в местных администраторах чувство ответственности и способности самостоятельного решения государственных вопросов в применении к местным потребностям;

– децентрализация содействует развитию в гражданах политического достоинства, служа школой политического самообразования[3].

В.В. Ивановский осуществлял, по его словам, «последовательное отстаивание идеи государственного характера земств». Он утверждал, что «...земские учреждения хотя и явились особыми самостоятельными органами управления, но эта самостоятельность только хозяйственно-административная; подобно органам правительственным, они служат государственным целям, только что в пределах определенной местности и местных потребностей; подобно другим государственным учреждениям, они подчинены всецело единой государственной власти»[4]. Установленные законодательством контроль и ответственность земств, по мнению Ивановского, свидетельствовали о наличии неразрывной связи их с правительственными органами. Такой подход В.В. Ивановского к оценке роли земств противопоставлял его выводы мнению ученых, рассматривавших земства вне общей системы государственного управления.

Положение и компетенцию российских земств В.В. Ивановский сравнивал с аналогичными органами западноевропейских стран, обращая внимание, прежде всего на опыт государственного управления и историю органов местного самоуправления Пруссии и Франции. Опыт этих стран, считал В.В. Ивановский, применим и для России. Однако в результате историографического анализа проблемы местного самоуправления в зарубежной литературе В.В. Ивановский пришел к выводу, что методология исследования местного самоуправления не сформирована, что необходимо формировать понятийно-категориальный аппарат самостоятельной науки о местном самоуправлении и акцентировать внимание на «построение научной системы и научного понятия» о самоуправлении.

Итоги рассмотрения В.В. Ивановским структуры и различных аспектов системы внутреннего управления государством нашли отражение в его концепции полицейского права и

---

[1] Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Социология политики: становление и современное состояние // Социология в России. М., 1998. С. 524.

[2] Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. Казань, 1881. С. 37.

[3] См.: Нигматуллин А.Р. Политико-правовые взгляды и социологическая концепция В.В. Ивановского: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 38.

[4] Ивановский В.В. Вопросы государствоведения, социологии и политики. Казань, 1899. С. 221–222.

в стремлении систематизировать знания о государственном управлении в рамках науки административного права. Самоуправление В.В. Ивановский рассматривал как оптимальную модель общественного управления. По его мнению, необходимо развивать все виды самоуправления, действующие на различных основаниях – территориальном, профессиональном и других. Органы самоуправления должны заниматься фактически всеми социально-экономическими вопросами местного уровня и для успешного решения должны наделяться соответствующими полномочиями и получать финансовое обеспечение. Роль государства должна быть сведена, главным образом, к контролю и надзору за деятельностью самоуправления, финансовому обеспечению его деятельности. Надзор и контроль должны распространяться на законность актов органов самоуправления, но не затрагивать вопросы целесообразности последнего.

Стукалова А.Е.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

В связи с происходящими существенными изменениями в развитии преступности, модификации известных и появления новых видов преступлений возникла необходимость в разработке новых, нетрадиционных направлений криминалистического научного знания, одним из которых явился полиграф.

Отдельные аспекты применения полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений рассматривались в работах Б.В. Асаенка, И.И. Басецкого, В.В. Бачилы, Г.И. Грамовича, А.В. Духова, В.М. Князева, А.Н. Порубова, Н.И. Порубова, О.В. Степанова, Г.Г. Шиханцова и других ученых[1].

Часто полиграф называют детектором лжи. Однако, по-нашему мнению, такое утверждение является неверным. Полиграф не определяет ложь как таковую. Он выявляет психофизиологическую реакцию опрашиваемого на поставленные вопросы, связанные с исследуемым событием, посредством одновременной регистрации дыхания, сердечно-сосудистой деятельности, сопротивления кожи и других параметров. Как известно, все следы в криминалистике делятся на материальные и идеальные. Полиграф работает именно с идеальными следами, а если быть точнее – с памятью человека.

В нашей стране, данные полученные с использованием полиграфа, не относятся к источникам доказательств, о чем свидетельствует статья 88 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь[2]. Это означает, что результаты проверки на полиграфе не являются доказательством и в суде принимаются к сведению по усмотрению судьи. Мы считаем такую позицию белорусских законодателей верной, так как достоверность выводов исследования на

---

[1] Кирвель В.К. Исторические аспекты применения полиграфа в правоохранительной деятельности Республики Беларусь / В.К. Кирвель // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2005. – № 2 (10). – С. 86-89.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 года: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 года: текст Кодекса по состоянию на 8 мая 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

полиграфе может зависеть от разных факторов (как объективных, так и субъективных) и по оценке специалистов составляет от 80 % до 95 %[1].

Во-первых, сама ситуация проверки на полиграфе для человека является непривычной, некомфортной. В силу этого, даже человек, который не совершал преступление и ни в чем не виновен, будет нервничать, переживать и испытывать страх во время диагностики, что способно вызвать соответствующее отклонение в дыхании, пульсе, потоотделении и других параметрах, которые полиграф сочтёт за ложь.

Во-вторых, существует вероятность обмануть полиграф. Это можно сделать, например, попробовав сконцентрировать своё внимание на чём-то нейтральном, попытаться заглушить переживания валерьянкой или успокоительным или вызвать дополнительные реакции на других органах, например, путем покусывания языка.

В-третьих, на результаты опроса могут повлиять условия, в которых проводится полиграфическое исследование. Человека может раздражать даже жужжащая муха, и это раздражение воспримется полиграфом как психофизиологическая реакция на поставленный вопрос, что повлечет за собой недостоверные результаты.

В-четвертых, необходимо обращать внимание на состояние опрашиваемого человека. Простуда, недосыпание, чрезмерная усталость также способны повлиять на правильность выводов.

В-пятых, результаты реакции опрашиваемого на тот или иной вопрос интерпретирует человек – полиграфолог, который может быть неквалифицированным, пристрастным, зависимым от руководства и так далее.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что полиграф нецелесообразно использовать как доказательство по делу. Информация, полученная в результате исследования на полиграфе, является ориентирующей, дополняющей то, что уже известно.

Сухарев А.А.
к.п.н., доцент,
доцент кафедры истории и теории права
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Выделяют виктимность личностную, ситуативную и ролевую. Индивидуальная виктимность складывается из личностного и ситуативного компонентов. В то же время известно, что чем лучше личность просоциолизирована, тем в меньшей степени её поведение обусловлено ситуативно.

В личностной виктимности определены две основные группы признаков. В первой группе выделяют объективные биофизиологические (пол, возраст, психофизическое развитие, психическое состояние), во второй субъективные социально-психологические признаки (алкоголизация, наркотизация, агрессивность, эгоизм, завышенная самооценка и др.).

Исследованиями учёных-психологов установлено, что все поведенческие акты индивида имеют личностную обусловленность, так В.М. Бехтерев определил принцип внутреннего опосредования внешних явлений. Эту точку зрения разделяет известный российский учёный в

[1] Архипов И. Не так страшен полиграф, как о нем рассказывают/ И. Архипов // Таможня и ВЭД. – 2010. – № 7. – С. 27-30.

области юридической психологии М.И. Еникеев. Он, в частности, рассматривает механизм бидоминанты, с помощью которого сознание реализуется через внутриличностную коммуникацию путём общения индивида с самим собой. При этом явления действительности отражаются сознанием индивида интенционально-пристрастно-избирательно в зависимости от их значимости в практике данного человека.

А. Маслоу с позиции гуманистической психологии утверждает, что поведение человека зависит от степени удовлетворения потребностей. Неудовлетворение метапотребностей приводит к патопсихологическим расстройствам: апатия, отчуждение, цинизм, депрессия. Данная точка зрения весьма актуальна при исследовании программ безопасного поведения среди подростков. Для подростков особенно характерно стремление к актуализации, ориентированное движение к привлекательным целям, но только при условии одобрения этих действий со стороны непосредственного социального окружения.

Во многих психологических исследованиях утверждается, что первой побудительной силой человека к действию является нарушение равновесия в организме человека. Потребность активизирует организм, приводит в состояние повышенной возбудимости определённые психические процессы до полного удовлетворения нужды. В этой связи З. Фрейд в своей теории мотивации указывал, что «психический аппарат» прежде всего, должен справиться не с внешними, а с внутренними раздражителями, от которых нельзя уклониться, так как они возникают в самом организме.

Поведение человека может быть представлено в виде ряда функциональных единиц. Каждую такую единицу называют актом. Начало акта обусловливается нарушением равновесия внутри организма и заканчивается восстановлением равновесия. Джордж Мид выделил четыре фазы акта: импульс, перцепцию, манипуляцию и консуммацию.

Импульс – это условие нарушения равновесия, что приводит организм в движение. Возникает ощущение неудобства.

Перцепция связана с восприятием среды, с восприятием тех объектов, которые могут устранить возникшее неудобство или противоречие. Любое восприятие избирательно. Гибкость поведения, в этой связи, объясняется тем, что, взаимодействуя с окружающей средой, человек осуществляет последовательный ряд приспособлений, постоянно уточняя детали ситуации.

Манипуляция – это такая часть акта, когда человек вступает в действенный контакт со средой.

Консуммация – завершающая часть акта, которая связана с восстановлением равновесия.

Психология поведения индивида тесно связана с психологией отражения окружающей действительности. Отражение внешнего мира обеспечивают психические процессы, которые выступают первичными регуляторами поведения личности: ощущение, восприятие, внимание, память, воображение, мышление. Хорошо развитые психические познавательные процессы повышают адаптационные возможности индивида, создают адекватную поведенческую основу и, в принципе, могут снижать личностную и ситуативную виктимность.

Известно, что люди с повышенной эмоциональностью, впечатлительностью и тревожностью часто воспринимают других людей через свои личные переживания, симпатии и антипатии. Таких людей относят к субъективному типу восприятия.

Следует учитывать ошибку восприятия. В нейтральной ситуации индивид может достаточно точно дать объективную оценку другому человеку. В то же время, чем менее нейтральны отношения, тем больше проявляется заинтересованность людей друг в друге, тем больше вероятность ошибок. Снижению нейтральности ситуации способствуют: конфликтность, ревность, тщеславие, зависть, агрессия, меркантильность и др. Таким образом,

индивиды с субъективным типом восприятия в ситуации предвиктимизации вполне могут исказить восприятие будущего преступника и приблизить себя к положению жертвы.

Внимание определяет точность и детализацию восприятия. По сути, внимание позволяет усилить восприятие деталей, частных признаков.

При межличностных отношениях полноценное внимание способствует адаптации людей друг к другу, разрешению межличностных конфликтов.

Наряду с этим, внимание является обязательным фактором продуктивного мышления, правильного понимания и решения данной ситуационной задачи.

Внимательный человек менее потенциально и ситуационно виктимен, нежели невнимательный.

Хорошо развитые основные свойства внимания такие, как сосредоточенность, устойчивость, объём, распределение, переключаемость способствуют качественному объективному восприятию объекта и обстановки.

На качество внимания негативно влияют следующие факторы: физические и интеллектуальные перегрузки, астетические состояния, слабый тип нервной системы (меланхолики), наличие психических аномалий, конфликтные ситуации.

Рассмотрение психических познавательных процессов показывает, что они могут быть обладать у части людей определёнными дефектами. Например, восприятие, может быть, обладать аконстантностью (зрительные иллюзии); внимание может характеризоваться расстройством внимания (рассеянность, инертность, чрезмерная подвижность внимания); мышление может отличаться ригидностью, нарушением интеллекта (неадекватность мотивов, неадекватность средств поставленным целям, дефекты мыслительных операций и др.).

Присутствие дефектов в познавательных процессах индивида затрудняет адекватное отражение им окружающей среды, препятствует созданию ориентировочной основе поведения и тем самым повышает индивидуальную виктимность.

А.Л. Репецкая выделяет два типа личностной виктимности:

– возрастная виктимность, виктимность-патология, стрессовая виктимность;

– виктимность как следствие неблагоприятных условий социализации (виктимогенная деформация личности).

Исследование категории «стрессовая виктимность» предполагает тщательное изучение различных эмоциональных состояний индивида, состояние когнитивного диссонанса, эмоциогенных ситуаций.

Эмоции составляют особую группу психических процессов и состояний. Эмоции – это импульсивная реакция, которая отражает отношение индивида к значимости воспринимаемого явления, осуществляет интуитивное определение связи данного явления с удовлетворением или неудовлетворением потребностей.

Психологические исследования показывают, что проявление эмоций играет существенную роль в механизме виктимизации. Возникновение эмоций во многих случаях объясняют неспособностью индивида дать адекватный ответ на стимуляцию (ситуацию). Как правило, к таким ситуациям относят заставание человека врасплох, неожиданные и внезапные эффекты. В таких ситуациях человек проявляет нерешительность и, как результат, возникают эмоциональные реакции.

Недостаточность приспособительных возможностей индивида в ситуациях «новизны», «необычности» и «внезапности» приводят к избыточной мотивации. Иными словами несоответствие между мотивацией индивида и обстоятельствами ситуации, которые препятствуют его действиям, называют избыточной мотивацией. Возникновение избыточной мотивации, в принципе, может выступать как криминальным, так и виктимным фактором.

Можно сделать предположение о том, что в механизме виктимизации избыточная мотивация может, как способствовать возникновению конфликтов, так и сами конфликты могут создавать избыточную мотивацию. При этом следует иметь в виду, что эмоции обладают свойством заразительности, то есть способствуют передаче определённого эмоционального состояния другому индивиду.

Когнитивный подход к определению мотивации поведения выделяет следующие когнитивные переменные: когнитивный диссонанс, ожидания успеха, ценности (привлекательности) успеха, страх возможной неудачи, уровень притязаний. Эти переменные действуют комплексно.

Особое значение придаётся когнитивному диссонансу. Его теорию разработал Л. Фестингер. Главной посылкой этой теории является то, что система знаний человека о мире и о себе стремится к согласованию. В случае возникновения дисбаланса индивид стремится снять или уменьшить его.

Когнитивный диссонанс связан с психологической неопределённостью, многовариантностью поступков, действий.

Наиболее сильное мотивационное влияние на человека когнитивный диссонанс оказывает в ситуациях преодоления конфликтов, при вынужденном совершении неприятных, нравственно неприемлемых поступков, при неожиданных ситуациях и противоречивости их последствий.

То есть, состояние когнитивного диссонанса больше проявляется в неблагоприятных ситуациях для человека, которые зачастую могут быть виктимогенными.

Человеку свойственно стремление как можно быстрее избавиться от состояния когнитивного диссонанса, от состояния «раздвоенности» и выбрать одно из альтернативных решений. Но альтернатива может быть ущербной и представлять определённую угрозу. Тем не менее, в данном случае срабатывает психологический механизм оправдания человеком сделанного им выбора.

Таким образом, когнитивный диссонанс усиливает индивидуальную виктимность и занимает значимое место в механизме виктимизации.

Использование каузальной атрибуции, то есть причинного объяснения поступков, позволяет установить закономерность, что большинство людей склонно не признавать собственную ответственность за произошедший случай, событие, преступление и видят причину в других людях. В данном случае преступник может своё преступное деяние объяснить недостатками жертвы.

Также в психологии существует понятие «фундаментальная ошибка атрибуции». Это понятие раскрывает закономерность мнения людей о причинах наблюдаемых поступков, приписывая их, как правило, личности, а не внешним обстоятельствам. Существование «фундаментальной ошибки атрибуции» затрудняет объективную оценку мотивации поведения человека, в том числе и виктимных поступков.

Тагаев М.К.
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Академия Министерства внутренних дел Кыргызской Республики
имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева (Бишкек)

ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК КЫРГЫЗСКОГО ПРАВА: О РЕЗУЛЬТАТАХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

Традиционное общество кыргызов функционировало на основе обычно-правовых норм, обеспечивавших стабильность и устойчивость общественных отношений. «Обычное право – система норм и обычаев, регулирующих социальные, имущественные, политические и иные стороны жизни общества кыргызов, возникающая на определенном этапе исторического развития из традиционных правил поведения, санкционированных определенной формой властной организации традиционного общества»[1].

Обычное право представляет собой одно из древнейших социальных явлений в истории человечества[2]. Формирование и развитие обычного права носит многоплановый характер, так как его нормы являются элементами национальной культуры и отражают ее особенности[3].

Современные исследования источников права различных стран могут послужить основой для реформирования кыргызской правовой системы с целью придания ей большей гибкости, способности быстрее приспосабливаться к изменениям в обществе[4]. Так как «обычай в развивающихся странах может регулировать отношения, связанные с личностью непосредственно, например семейные, а также отношения экономические, причем обычай, может быть, выполнять юридические функции и, не будучи санкционированным»[5]. Однако, сегодня зарубежный опыт в области повышения эффективности правового воздействия, расширения номенклатуры применяемых форм права кыргызскими учеными до сих пор не осмыслен.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению роли обычая в правовом регулировании, все они не завершались попытками выявления эффективности отечественной системы источников права, на основе полученных в ходе исследований результатов. По мнению А. В. Дашина, в таких случаях «теоретические построения и практика во многих случаях существуют раздельно, от чего некоторые конструкции теории права утеряли обоснованность и актуальность»[6]. Необходим комплексный подход, который делает возможным установление того содержания, которое скрывается за понятиями «обычное право», «правовой

---

1 Борубашев Б. И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855-1917 гг.) (Историко-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. Бишкек, 2009. С. 108.

2 См.: Нижник Н.С., Ромашов Р.А., Сальников В.П. Истоки, источники, формы права: некоторые проблемные аспекты понимания и соотношения // Истоки и источники права: Очерки / Под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2006.

3 Нижник Н.С. Правовая аккультурация как атрибутивный признак коэволюции политико-правовых систем в условиях глобализации // Заманбап илим. 2013. № 1. С. 82–88.

4 См.: Нижник Н.С. Правовая аккультурация в контексте коэволюции политико-правовых систем современности // Международное и национальное право: теория, история, современность: Сборник научных статей. СПб.: «Астерион», 2009.

5 Муромцев Г. И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки: система влияние традиции. М., 1987. С. 14.

6 Дашин А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы. СПб., 2005. С. 55.

обычай», позволяет выявить признаки, определяющим образом влияющие на их существование в праве[1].

Обычное право кыргызов, являясь многоаспектным явлением общественной жизни, привлекало внимание не только отечественных, но российских ученых дореволюционного периода. Свои исследования посвятили описанию обычаев кыргызов русские путешественники второй половины XIX – начала XX в.: П. П. Семенов-Тянь-Шаньский, Ч. Валиханов, В. В. Радлов, А. Ф. Голубев, Н. А. Северцов. Большую ценность для изучения обычного права кыргызов следует назвать работы Г. Загряжского, Н. Гродекова, А. Леонтьева, И. Козлова, К. Палена, Д. Самоквасова[2].

В новейшее время в отечественном правоведении появился ряд работ, посвященных изучению обычного права и правового обычая. Так, среди трудов ученых-юристов Кыргызстана большое значение в исследовании обычного уголовного права и судопроизводства кыргызов имеет работа С. К. Кожоналиева[3]. Наиболее систематизированным исследованием обычного права кыргызов является работа К. Нурбекова «История государства и права Киргизской ССР»[4], в которой освещаются общественно-политический строй, правовые источники и право дореволюционного Кыргызстана, особенности социально-экономического строя и социальной структуры кыргызского общества, органы местного самоуправления кыргызов, а также судебное устройство по адату, дается характеристика существовавших форм собственности.

Во всех опубликованных сборниках и работах указанных исследователей содержится характеристика преимущественно норм уголовного и процессуального права. Анализ других отраслей обычного права кыргызов исследован незначительно. Нередко сбором материалов обычного права занимались люди, не имеющие специальной юридической подготовки, что, естественно, отразилось на сведениях о кыргызском адате.

Заметным шагом в деле изучения обычного права кыргызов стали монографические исследования профессора Г. А. Мукамбаевой[5], которая предприняла попытку объяснить природу обычного права кыргызов, его органическую связь с духовным миром, ментальностью кыргызского этноса. Различные аспекты и институты обычного права кыргызов получили отражение в работах К. А Альчиева[6], А. А Ахметова[7], С. С. Сооданбекова[8], Б. Т. Токтобаева[9], А. В. Цойа[10], Ж. Ч. Тегизбековой[1].

---

1 Там же.

2 См. Валиханов Ч. Избранные произведения. М.,1986; Гродеков Н.И. Кыргызы и кара-кыргызы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1892; Загряжский Г.С. Юридический обычай кыргызов о различных родах состояний и о правах им присвоенных // Ежегодник. Вып. 4 СПб., 1876; Загряжский Г.С. О народном суде кочевого населения Туркестанского края по обычному праву // Ежегодник Вып. 4. СПб., 1876; Козлов И. Обычное право киргизов. Омск, 1882; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996; Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю. СПб., 1873; Пален К. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909; Леонтьев А. Обычное право у киргиз. Судоустройство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. №5–6; Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с нем. К. Д. Цивиной и Б. Е Чистовой. М., 1989; Самоквасов Д. Я. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава, 1876.

3 Кожоналиев С.К. 1) Обычное право кыргызов. Бишкек, 2000; 2) Суд и уголовное обычное право киргизов до октябрьской революции. Фрунзе, 1963.

4 Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. Изд. 2-е без изм. и доп. Бишкек, 1999.

5 Мукамбаева Г.А. 1) Государство и право Кыргызстана. Бишкек, 1998; 2) Манас и право. Бишкек, 2003.

6 Альчиев К.А. Становление и развитие гражданского права в Киргизии. Фрунзе, 1978.

7 Ахметов А.Дж. Становление, развитие и совершенствование органов уголовной юстиции в Киргизии. Фрунзе, 1990.

8 Сооданбеков С.С. Общественный и государственный строй Кокандского ханства. Бишкек, 2000.

9 Токтобаев Б.Т. Функции государства: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Бишкек, 1999.

10 Цой А. В. Обычное право и судопроизводство в системе административной политики царизма в Туркестане. Бишкек, 2010.

Заслуживает особого внимания исследования в области обычного права кыргызского народа работы профессора Т. Б. Борубашева[2]. Автор подробно анализировал общественные отношения кыргызов, регулируемые нормативными правовыми актами Российской империи и обычным правом и определение политико-правового статуса кыргызского народа в государственно-правовой системе Российской империи во второй половине XIX – начала XX вв. Общественные отношения рассматриваются автором, прежде всего, через их отражение в нормах адата. Для выяснения правового статуса кыргызов в составе Российской империи впервые дан комплексный анализ государственно-правового регулирования общественных отношений кыргызов во второй половине XIX – начале XX вв.

В историографии в изучении норм обычного права кыргызов, профессор Б. И. Борубашев выделяет три периода:

– первый период охватывает период от присоединения Кыргызстана к России до установления Советской власти в регионе (1855–1917). В это время отдельные аспекты, связанные с административно-правовым регулированием общественных отношений кыргызов в составе Российской империи в XIX в., были исследованы дореволюционными российскими исследователями, государственными и общественными деятелями: Г. Бардашовым, Ч. Ч. Валихановым, Э. Вульфсоном, Г. К. Гинсом, Н. И. Гродековым, Г. Загряжским, А. Зуевым, К. П. Кауфманом, И. Козловым, Н. Малышевым, В. Недзвицким, К. К. Паленом, А. Талызиным, М. Терентьевым, А. Чайковским, и Ю. Южаковым[3]. Следует отметить материалы, вошедшие в

---

[1] Тегизбекова Ж.Ч. Регулирование брачно-семейных отношений кыргызов по обычному праву: Дис. … канд. юрид. наук. Бишкек, 2013.

[2] Борубашев Б.И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855–1917 гг.) (Историко-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. Бишкек, 2009; см. также: Борубашев Б.И. 1) Возникновение государственных структур и правовых институтов на территории Кыргызстана // Вестник КРСУ Т. 3. Бишкек, 2003. № 8. С. 87–91; 2) Источники права и судоустройства Кыргызстана в XIX в. // Вестник КРСУ Т. 5. Бишкек, 2005. № 6. С. 3–8; 3) Систематизация обычного права кыргызов // Материалы научно-практической конференции «Перспективные направления совершенствования законодательства Кыргызской Республики». Бишкек, 2008. С. 31–40; 4) Обязательства по обычному праву кыргызов // Вестник Кыргызского Государственного Университета имени И. Арабаева. Серия: общественные науки. Вып. 12–II. Бишкек, 2008. С. 44–48; 5) Обычное семейное право кыргызов // Каспийский общественный университет. Научные труды «Адилет». Алматы, 2009. № 1. С. 11–18; 6) Регулирования имущественных отношений кыргызов по адату // Вестник КРСУ. Т. 9. Бишкек, 2009. № 1. С. 38–42; 7) Регулирования брачно-семейных отношений по адату // Вестник КРСУ. Т. 9. Бишкек, 2009. № 2. С. 28–33; 8) Судопроизводство по обычному праву кыргызов // Вестник Кыргызского Государственного Университета им. И. Арабаева: Периодический научно-педагогический журнал. Вып. № 1 (2). Бишкек, 2009. С. 227–234; 9) Право собственности по обычному праву кыргызов. // Вестник КРСУ. Т. 9. Бишкек, 2009. № 2. С. 68–72; 10) Уголовное обычное право кыргызов // Вестник Кыргызского Государственного Университета им. И. Арабаева. Вып. 15. Бишкек, 2009. С. 56–61; 11) Налоги, сборы и повинности по обычному праву кыргызов // НАН КР. Институт философии и политико-правовых исследований. Гуманитарные проблемы современности Вып. 10. Бишкек, 2009. С. 216–228.

[3] См.: Бардашев Г. Заметки о дикокаменных киргизах. Туркестанский сборник. Том 95; Валиханов Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Алмата, 1985; Вулъфсон Э. Как управляются и судятся киргизы. 1901 // Древний мир права казахов. Т. 6. Алматы, 2005; Гинс Г.К. В киргизских аулах (Очерк из поездки по Семиречью). Туркестанский сборник. Т. 55. Ташкент, 1913; Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области // Юридический быт. Ташкент, 1889; Загряжский Г. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз // Туркестанский сборник. Т. 95. СПб., 1873; Зуев А. Киргизский народный суд 1907 г. // Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования. Т. 6. Алматы, 2005; Кауфман К. фон. Проект отчета I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 г., 25 марта 1881 г. Т. VIII. СПб, 1885; Козлов И. Общие основания киргизского суда // Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования. Т. 6. Алматы, 2005; Малышев Н. Обычное семейное право киргизов. Ярославль, 1902; Недзвицкий В. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области. Верный, 1913; Пален К.К. Народные суды Туркестанского края. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб,1909; Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855–1868) // Памятная книжка Семиреченского областного

600-томный «Туркестанский сборник», в котором получили широкое освещение вопросы политико-правового развития Туркестанского края в целом и Кыргызстана в частности. Впервые изучались нормы обычного права и социальная структура населения, его правовое положение и система общественного самоуправления;

– второй период охватывает 1917–1991 гг. и характеризуются тем, что развитие общественно-политического строя кыргызского народа рассматривалось исследователями с точки зрения воздействия на этот процесс новой политико-экономической формации – социализма. К этопу периоду можно отнести труды ученых-историков, изучающих материальную, духовную культуру и общественный строй кыргызского народа. Среди них работы российских исследователей: С. И. Абрамзона, В. В. Бартольда, Н. А. Кислякова, П. П. Литвинова, Ф. А. Фиельструпа, а также кыргызских ученых С. Аттокурова, Б. Джамгерчинова, А. Жумагулова[1];

– третий этап изучения становления и развития общественного строя региона охватывает период с начала 1990-х гг. по настоящее время. К нему относятся труды ученых-историков А. А. Джуманалиева, Т. Н. Омурбекова, О. Дж. Осмонова, К. Усенбаева, К. К. Иманалиева, Е. А. Бородина[2]. Представляет интерес диссертационное исследование К. С. Сооронкуловой[3] правовых обычаев кыргызов и регулируемых ими социальных отношений.

Таким образом, историографический анализ свидетельствует, что имеется большое количество работ по этнографии и истории, политическому строю, обычаю и обычному праву кыргызов. Однако правовые обычаи кыргызов остаются еще малоизученными, правовой обычай как источник кыргызского права своей характеристики до сих пор не получил, несмотря на то, что в жизни современного Кыргызстана, правовые обычаи имеют широкое применение[4].

статистического комитета на 1898 г. Т. 2. Верный, 1898; Терентьев М. Туркестан и туркестанцы // Туркестанский сборник. Т. 87. СПб.,1873; Чайковский А. Сообщается о сборах в Иссык-Кульском уезде в 1870 г. // Туркестанские ведомости. 1872. № 45.

[1] См.: Абрамзон С.И. 1) Очерки культуры кыргызского народа. Фрунзе, 1964; 2) Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990; Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1996; Кисляков Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX вв.). Л., 1977; Литвинов П.П. Роль России в исторических судьбах киргизского народа (по материалам истории памиро-алайских киргизов конца XIX – начала XX вв.). Фрунзе, 1985; Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. М., 2002; Аттокуров С. Кыргызское родословие. Бишкек, 1995; Джамгерчинов Б. 1) Присоединение Киргизии к России. М.,1959; 2) Очерки политической истории Киргизии XIX в. Фрунзе, 1966; Жумагулов А. Семья и брак у кыргызов Чуйской долины. Фрунзе, 1960.

[2] Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана. Бишкек, 2005; Омурбекова Т.Н. Роль и место великих личностей в истории Кыргызстана (середина XIX – начало XX вв.). Бишкек: «Бийиктик», 2003; Осмонова О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Бишкек, 2008; Усенбаев К. Народные движения Средней Азии в XIX веке. Бишкек-Ош,1998; Иманалиев К.К. Проблемы и перспективы этнополитической консолидации в Кыргызской Республике: политологический анализ: Дис. ... докт. полит. наук. М., 2010; Бородин Е.А. 1) Внутриполитическое и социально-экономическое развитие Кыргызстана. М., 2011; 2) Двусторонние отношения России и Кыргызстана. М.: Восточная книга, 2012.

[3] Сооронкулова К. С. Обычное право и современная правовая система кыргызской республики: Дис. … канд. юрид. наук. Бишкек, 2009.

[4] См.: Нижник Н. С., Тагаев М. К. Самоорганизация кыргызского общества: формы, традиции, нормативные основания // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 1. С. 32–36.

Тарасов Е.А.
адвокат,
Адвокатское бюро «Хазов, Кашкин и партнеры»

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ КОНВЕНЦИИ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОХИЩЕНИЯ ДЕТЕЙ: СЛОЖНОСТИ И СПЕЦИФИКА

Присоединение Российской Федерации в 2011 г. к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. (далее – Конвенция) должно было открыть новую веху в разрешении трансграничных споров о детях на территории России.

Действительно, Конвенция является специальным инструментом для возвращения незаконно перемещенного ребенка в государство постоянного проживания и показала свою эффективность и функциональность в странах, ее подписавших. Однако применение Конвенции в России осложняется рядом юридических обстоятельств.

Для начала стоит отметить, что присоединение к Конвенции, прежде всего, преследовало цель защитить интересы российских детей, которые по воле одного из родителей меняли российское место жительства на заграничное и тем самым вырывались из привычной культурной, образовательной и языковой среды.

Но Конвенция, как известно, носит взаимный характер, и иностранный родитель также может рассчитывать на возвращение из Российской Федерации незаконно перемещенного ребенка. Таким образом, отечественному правоприменителю приходится сталкиваться именно с запросами иностранных родителей, которые просят предписать возвращение ребенка из России.

Российский суд в соответствии с Конвенцией не может требовать возвращения ребенка из иностранного государства. В нашей практике известен случай, когда З. обратилась в Дзержинский районный суд Санкт-Петербурга с требованием о применении Конвенции в отношении ее сына, находящегося на территории Германии. Указанный суд отказал в принятии иска в связи с тем, что заявление не подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, а компетентными являются судебные органы ФРГ.

Несмотря на то, что Конвенция вступила в силу для России 1 октября 2011 г., полноценная имплементация ее норм в российское законодательство была осуществлена только в 2014 г. после принятия и вступления в силу специального федерального закона, которым были внесены изменения в ГПК РФ, СК РФ и законодательство о судебных приставах и исполнительном производстве.

Однако отмеченное выше не означает, что до 17 мая 2014 г. (вступления в силу приведенных изменений) обращение в российский суд с запросом на основании Конвенции было невозможно.

Так, Фрунзенский районный суд Санкт-Петербурга в феврале 2014 г. принял к своему производству иск Л. о возвращении ребенка в государство постоянного проживания – Итальянскую Республику.

Иск был предъявлен по общим правилам гражданского судопроизводства со ссылкой на нормы Конвенции с указанием, что заявление не является иском об определении места жительства ребенка. Судом в качестве органа, дающего заключение по делу, был привлечен орган опеки и попечительства по месту жительства ответчика.

Несмотря на то, что Конвенция оперирует автономными понятиями такими, как «незаконное перемещение или удержание», «права опеки», «права доступа», российский суд не

встал в тупик и правильно применил их, учитывая нормативное толкование, данное в Конвенции.

Кроме того, в строгом соответствии с буквой и духом Конвенции, суд отказал в принятии встречного иска о расторжении брака и определении места жительства ребенка. Напомним, что в настоящее время ст. 244.14 ГПК РФ указывает на недопустимость соединения исковых требований и предъявление встречного иска по делу о возвращении ребенка или осуществлении прав доступа.

Также суд в дополнение к многочисленным доказательствам, характеризующим истца и подтверждающим обстоятельства незаконного удержания ребенка на территории России, истребовал (как и в «классических» спорах о детях) акт обследования жилищно-бытовых условий сторон, а также заключение по иску.

Стоит оговориться, что социальные органы и Италии, и России обследование жилищно-бытовых условий суду представили, а заключение по делу – нет, сославшись на отсутствие компетенции для подготовки такого рода документов.

Интересна позиция ответчика, представитель которого указал на непризнание Италией присоединения России к Конвенции и представил письмо из Министерства образования и науки Российской Федерации (Центрального органа по Конвенции), где указывалось: «положения Конвенции 1980 г. не могут быть применены в деле Л.».

Конечно, мнение государственного органа не могло не заинтересовать суд, и, несмотря на наши возражения о посягательстве на судебную монополию на толкование закона, документ был приобщен к материалам дела.

Следует заметить, что проблема применимости Конвенции к правоотношениям между Россией и Италией не так проста, какой кажется на первый взгляд. Действительно, Конвенцией предусмотрен особый механизм признания государствами, подписавшими или присоседившимися к Конвенции, новых Договаривающихся Сторон (ст. 38). Поэтому возможность отказа российского суда применять Конвенцию обстоятельно рассматривалась и обсуждалась с итальянскими коллегами до подачи иска.

Прежде всего, итальянские адвокаты (и в деле Л., и в иных делах) настаивали на применимости Конвенции, указывая на тот факт, что документ вступил в силу для обеих стран, и Россия не может не применять на своей территории действующий международный договор, обязательность применения которого наше государство подтвердило присоединением и ратификацией.

Со своей стороны мы дополнили рассуждения, полагая, что Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. закрепляет принцип «Pacta sunt servanda», а Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» устанавливает, что международный договор подлежит выполнению Российской Федерацией с момента вступления его в силу для Российской Федерации.

По нашему мнению, из содержания ст. 38 Конвенции следует, что правило о присоединении следует применять только «в отношениях между государствами» (взаимодействие на уровне Центральных органов), при этом иностранный гражданин может требовать в российских судах применения договора, вступившего в силу для России.

Указанное развернутое и подробное обоснование было представлено суду. Но, увы, суд руководствовался мнением российского Центрального органа и, как это часто бывает, не объяснил, по какой причине не принимает позицию истца.

Таким образом, суд, отказывая в удовлетворении иска Л., указал, что Конвенция применению не подлежит, но «на всякий случай» установил, что ребенок перемещен в Россию из Италии законно и ответчиком не удерживается, то есть вопрос о праве опеки в смысле

Конвенции все же разрешил. В дальнейшем апелляционная инстанция решение суда первой инстанции подтвердила, доводы апеллянта-истца не оценила.

Столь подробное описание дела Л. необходимо для иллюстрации изменений, которые произошли в гражданском судопроизводстве в связи с включением в ГПК РФ главы 22.2.

Во-первых, по примеру Германии была введена специальная территориальная подсудность по федеральным округам; во-вторых, к участию в деле привлекаются в обязательном порядке прокурор и орган опеки и попечительства; в-третьих, устанавливаются сокращенные сроки для рассмотрения дела (42 дня) и подачи апелляционной жалобы (10 дней); в-четвертых, решение суда должно быть направлено в Центральный орган – Минобрнауки. Забегая вперед, следует признать, что судами указанные требования строго соблюдаются.

Введенный процессуальный порядок открывал новые возможности, поэтому по настоянию доверителя К. и рекомендации итальянских адвокатов в июне 2014 г. в Тверской районный суд города Москвы было подано исковое заявление о возвращении ребенка в государство постоянного проживания.

Кратко суть дела: ребенок семи лет, бипатрид, родившийся и постоянно проживающий в Италии, посещающий там дошкольное учреждение и наблюдающийся у педиатра, тайно вывезен матерью из Италии в Россию, где до этого бывал несколько раз.

Суд в строгом соответствии с Конвенцией проверил доводы истца о незаконности перемещения, отклонил доводы ответчика об отсутствии признания Италией России, заслушал позиции органа опеки (отказать в иске) и прокурора (иск удовлетворить) и вынес решение о возвращении ребенка в Итальянскую Республику, особо указывая, что вопрос непризнания России не влияет на возможность применения Конвенции к спорным правоотношениям.

Таким образом, судом установлено, что ребенок был вырван из привычной для него среды, и мать в нарушение прав опеки, установленных ст. 155 ГК Италии, незаконно переместила и удерживает ребенка в России. Как видим, Конвенция применена в ее доктринальном виде.

Однако ответчик подал апелляционную жалобу, а прокурор принес апелляционное представление, в которых указывалось на применение судом закона, не подлежащего применению.

Апелляционная инстанция проигнорировала доводы возражений на апелляционные жалобу и представление, полагала невозможным применение Конвенции, но также (как и районный суд Санкт-Петербурга) исследовала вопрос о законности перемещения ребенка, условиях его жизни в России и, как следствие, отменила решение суда первой инстанции, отказала в иске.

Верховный Суд подтвердил мнение апелляционной инстанции, отметив, что Конвенция не может применяться, но доводы кассатора-истца не исследовал. По всей видимости, точку в деле К. придется ставить Европейскому суду по правам человека.

ЕСПЧ по жалобам против Бельгии, Германии, Швейцарии, etc. давал оценку применения национальными властями Конвенции и выработал позицию, согласно которой применение Конвенции возможно, когда это соответствует целям защиты права на семейную жизнь (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Очевидно, что в деле К. средоточием интересов ребенка является Италия, и неизвестно, как в долгосрочной перспективе отразится на ребенке его перемещение в Россию.

Строго юридически препятствий в применении Конвенции в России даже в отношении детей, перемещенных из Италии, нет, так как российский суд может опираться как на ст. 25 Венской конвенции 1969 г., позволяющей применять договор до его полного вступления в силу, так и на правило международной вежливости и взаимности.

В настоящее время Российскую Федерацию как участника Конвенции признали 39 государств, так что российский суд будет вынужден применить этот международный договор, но, как показывает наш опыт, даже очевидные факты нарушения прав опеки могут быть оценены судом как допускаемые семейным законодательством правомочия родителя.

Практика обращения в российские суды по Конвенции показывает, что судебная система неохотно использует международно-правовые нормы и предпочитает опираться исключительно на национальное законодательство.

Однако ничто не может быть выше интересов ребенка, и задача суда соблюсти баланс между публичными и частноправовыми интересами.

Темирбеков Ж.Р.
магистр юридических наук, докторант кафедры государственно-правовых дисциплин
Университет КАЗГЮУ (Астана)

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ – КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК КОНЦЕПЦИИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В XII и XIII веках в обществах Западной Европы вся система власти насквозь была пропитана авторитарными методами правления. Противовесом такому состоянию послужило мнение, которое отмечало ответственность монарха, необходимость поставить его в определенные рамки права. Благодаря подобным мыслям распространялось и крепло сопротивление против злоупотребления властью со стороны монархов. Эти идеи, относительно функционирования монархической власти «распространялись от страны к стране», они становились «неотъемлемой частью самой атмосферы, существовавшей в этих обществах».[1]

В средневековой Англии, где еще не существовало ни концепции свободы личности, ни концепции ограничении свободы действий суверена, появилась теория, которая, подобно учению античных мыслителей о «законе, который правит миром», провозгласила существование «общего права, которое правит миром». По этому поводу часто цитируют английского юриста при королевском дворе Генри Брэктона (*Henri de Bracton*), который жил в XIII веке и перу которого приписывают одну из основополагающих работ в английской юридической традиции – «De legibus et consuetudinibus Angliae» («О законах и обычаях Англии»). Как считал Брэктон, «король, нарушивший или не выполнивший закон, будет наказан Богом».[2] Но самой важной идеей, на наш взгляд, которую высказал юрист раннего Средневековья, была мысль о том, что правитель должен быть ограничен. Брэктон высказался так: «Над королем должен быть не человек, а Бог и закон, так как закон творит короля».[3]

Благодаря тому, что Генри Брэктон горячо отстаивал необходимость ограничить всесилие короля, подчинив неограниченного монарха – праву, этого автора традиционно и оправданно воспринимают как первого средневекового теоретика институционального ограничения королевских полномочий, а следовательно – сторонника идеи «верховенства права», несмотря на то, что в Италии и Нормандии, подобные идеи выдвигались еще раньше. Например, в Соглашении о Констанцском мире от 1883 года *(Treaty of Constance)*, которое было заключено между императором Фридрихом I Барбароссой и Ломбардской Лигой, было положение о том, что военнослужащие феодалы не будут лишены их поместий «за

---

1 См.: James C. Holt. Magna Carta. Cambridge University Press. 1992. P. 81.

2 См.: Манеева Т.И. Развитие государственно-правовых институтов в Англии XIV-XV вв.: диссертация ... доктора юридических наук. Нижний Новгород, 2011. С. 186.

3 Bracton H. On the Laws and Customs of England. Vol. 2. Cambridge, 1968. P. 33.

исключением в случаях предусмотренных законами наших предков и в результате суда равных им» («except by the laws of our ancestors and the judgment of their peers»).[1] В первом писаном сборнике обычного права Нормандии (который был закончен в 1200 году) есть запись: «равный должен быть судим равным».[2]

Исторически сложилось так, что документом, в котором произошла «нормативизация» вышеупомянутых идей, выступила английская Великая Хартия Вольностей 1215 года (Magna Carta).[3]

В ряде статей этого юридического документа, который до сих пор имеет высокую ценность, в виде конкретных юридических формул были закреплены положения, отражавшие идеи «конституционной монархии» и «ограничения власти». Поэтому не случайно, по мнению некоторых западных авторов, Великая Хартия во многих ее проявлениях была духовной и юридической предшественницей того, что все сегодня воспринимают как понятие «the rule of law»,[4] то есть понятия, известное нам как «верховенство права».

Великая Хартия как договор между королем и баронами

В июне 1215 года у короля Англии Джона *(John Lackland)* не было никакого другого выхода, как поставить печать на куске пергамента с необычным текстом прямо на луговине по названию Ранимид *(Runnymede),* недалеко от Лондона.[5] В противостоянии один на один встретились две силы. С одной стороны – сила восставшего британского дворянства,[6] усиленного воинами в Уэльсе и Шотландии, вместе с вооруженным духовенством, требовавших для себя определенных прав и свобод, и грозивших монарху расправой.[7] А с другой стороны – одинокий король, который хотя еще и выступал символом крепкой централизованной власти династического происхождения, но теперь вдруг оказался в руках и в милости тех, кого он по сей день преследовал.

Вопреки всему, восстание закончилось мирной развязкой, причем победу одержало дворянство. Развязка действительно оценивается как неожиданная: не было традиционной для средневековой Англии того времени казни короля и его ближайших родственников. Почему это произошло, никто не знает. Однако многим известно, как именно это произошло. По словам одного из авторов, это стало возможным «благодаря большому куску бумаги, сложенному большими умами».[8]

История здесь развивалась таким образом, что англичанам, по мнению одного из авторов, нужно было пережить «бескровную революцию», чтобы дать ответ на важный вопрос: «Что выше – верховенство права или воля правителя?»[9] [«the rule of law or the will of the ruler?»].

---

1 См.: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum, ed. L. Weiland, Monumenta Germaniae Historica. 1896. Vol I. P. 415.

2 ‘ Par per perem iudicari debet’ (Le Tres Ancien Coutumier de Normandie, *Coutumiers de Normandie*, ed. E.J. Tardif, Rouen, 1881, I, cap XXVI).

3 Существует мнение, что история Великой Хартии – это история не только документа, но и история политико-правовой мысли. «Если люди ищут правду в Аристотеле, то ее также можно искать и в Великой Хартии». См.: James C. Holt. Op. cit. P. 18.

4 См.: A.E. Dick Howard. The Road from Runnymede: Magna Carta and Constitutionalism in America. Charlottesville: The Univ. Press of Virginia, 1968. P. x.

5 См.: Eric. T. Kasper. The influence of Magna Carta in limiting executive power in the war in terror // Political Science Quarterly. 2011-2012. Vol. 126. Number 4. P. 546.

6 См.: Хатунов С.Ю. Тридцать вторая статья великой хартии вольностей и ее основные положения // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 232.

7 См.: Mark F. Grady and Michael T. McGuire. The Nature of Constitutions // Journal of Bioeconomics. 1999. Number 1. P. 237.

8 См.: Ray Stringham. Magna Carta: Fountainhead of Freedom. Seattle: Aqueduct Books, 1966. P. 2.

9 См.: A.E. Dick Howard. Op. cit. P. xi.

Полагаем, что именно в этом можно видеть непреходящее значение Великой Хартии, как способа нормализации отношений между властью (государством) и ее подданными – на основе права, под руководством права или в рамках права. Также данный документ является первой попыткой обеспечить общественный надзор за почти неограниченными полномочиями короля, попытка определить границы королевской власти.[1] Поэтому не случайно в англо-американской традиции, Великая Хартия считается первой Конституцией.[2]

Кроме того, значение Великой Хартии высоко еще и потому, что изначально целью воплощения этого документа был принцип, согласно которому «верховенство права должно распространяться не только на население, но и на короля».[3] Это означает, что верховенство права существует только там, где представители власти наравне с подвластными подчинены праву.

Как дополнение к вышесказанному, хотелось бы привести мысль Е.А. Литвиновой, считающей, что Великая Хартия – «первый документ, поставивший монарха в зависимость от его подданных».[4] Иначе говоря, король, подписав Великую Хартию, принял на себя обязательства быть подчиненным праву, т.е. быть зависимым от права, которое в те времена было сформировано народом Англии в виде обычного права. Поэтому, подчиняясь положениям Великой Хартии, опосредованно, монарх подчинялся и народу.

Великая Хартия о правах и свободах человека и о правосудии

Известным положением Великой Хартии является глава 39 в редакции 1215 года:

«Ни один свободный человек [«no freeman»] не может быть арестован, заключен в тюрьму или лишен владения, объявлен стоящим вне закона или подвергнут изгнанию, или обездолен другим путем. Обязуемся не применять силу против него и не посылать других с этой целью, иначе как на основании правомерного судебного решения [«by lawful Judgment»] равных ему пэров [«of his peers»] или на основании закона, действующего в стране [«by the Law of the Land»]».[5]

Сущность этой формулы заключалась в том, что Великая Хартия как документ, выступала гарантией следующего: лицо (в данном случае это был «свободный человек» – «freeman») нельзя было произвольно (безосновательно) схватить и посадить, лишить его собственности, признать преступником или выгнать за пределы страны, кроме как на основании вынесения судом соответствующего решения. Король сам по себе не мог применить силу к лицу, которое обвинили в совершении преступления. Для этого ему необходимо было иметь судебное решение. Формула, примененная в главе 40 текста 1215 года, очень короткая, но не менее известная. Она звучит так: «Мы не будем продавать ни одному человеку, мы не откажем ни одному человеку, ни отсрочим никому – ни правосудия, ни справедливости)».[6]

Этой формулой король пообещал обеспечить три вещи. Речь шла о трех «нет», без которых и тогда, и сейчас нельзя представить надлежащего, то есть справедливого,

---

1 См.: Баранов В.Ф. Возникновение и развитие английского общего права в XII-XVII веках: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2012. С. 24. См. также: Миряшева Е.В. Идея конституционализма в Европе и практика его распространения в североамериканских колониях Англии // История государства и права. 2013. № 5. С. 55.

2 См.: Mark F. Grady and Michael T. McGuire. Op. cit. P. 237.

3 См.: Drumbl, M.A. (2013, October 25). Process for the Dispossessed: Procedural Rights from Magna Carta to Modern International Law [Review of the book *Global Justice and Due Process*, by Larry May]. *Criminal law and Philosophy*. DOI 10.1007/s11572-013-9262-5.

4 См.: Литвинова Е.А. Историко-правовые аспекты парламентской реформы в Великобритании в начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук. Рязань, 2010. С. 44.

5 http://www.bl.uk/magna-carta/articles/magna-carta-english-translation (доступ 19 мая 2015 г.)

6 Idem.

функционирования правосудия как института защиты прав человека: Нет – «продажи» правосудия! Нет – в «отказе» в правосудии! Нет – в «затягивании» с правосудием! По мнению ученых-юристов, эти три «нет» касаются запрета на «три зла, которые всегда вызывали глубокое беспокойство каждого, кто появлялся или в качестве истца, или в качестве ответчика в суде». Упомянутые три «нет» Великой Хартии заложили «базовый образец судейского поведения, которого судьи не всегда придерживались, но который непременно играл свою роль в улучшении обеспечения правосудия».[1]

Итак, анализ возникновения и содержания Великой Хартии дает основания для таких выводов:

1. Великая Хартия как юридический документ 1215 года по своему историко-философскому происхождению является воплощением мыслей о том, что власть короля происходит от «общего права [«common law»]», которое предусматривало «всеобщее признание взаимных прав и обязанностей» между правителем и ему подвластными.

2. По своему историко-политическому происхождению этот документ был проявлением сопротивления постоянным и длительным злоупотреблениям властью со стороны монархов и успешной попыткой поставить конкретного единоличного правителя в определенные правовые рамки.

3. По своему философско-юридическому содержанию этот документ дал четкий ответ на вопрос: «Что выше – верховенство права или воля правителя?»

Положения Великой Хартии оказали непосредственное влияние на формирование таких прав человека, как право на жизнь, право на свободу, право частной собственности, а также многих процессуальных гарантий. Кроме того, благодаря своим положениям, Великая Хартия стала концептуальным предшественником концепции, сформировавшейся на много веков позже и являющейся на сегодняшний день одной из самых прогрессивных представлений о наилучшем пути обеспечения прав человека – идеи верховенства права.

Товпенец Н.М.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПОСОБОВ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ОБУВИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ

Проблемы осмотра места происшествия, использования при этом специальных знаний и технико-криминалистических средств с целью обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, оценки следов преступления; обеспечения эффективности данного следственного действия и использования его результатов в раскрытии и расследовании преступлений привлекали внимание ученых-юристов задолго до 80–90-х годов XX века, когда они стали называться проблемами технико-криминалистического обеспечения.

Фиксация является важным действием в работе с доказательствами и преследует цель: во-первых, придать результатам осмотра значение судебного доказательства; во-вторых, чтобы лица, не участвовавшие в осмотре, в частности состав суда, могли наглядно представить себе обстановку места происшествия, получить любую точную справку об осмотренном, в случае необходимости – восстановить обстановку места происшествия. Различают процессуальное

[1] См.: Ray Stringham. Op. cit. P. 55.

фиксирование (составление протокола) и криминалистическую фиксацию (наглядное отображение и закрепление свойств предметов, следов)[1].

Важное криминалистическое значение следов обуви, обнаруженных на месте происшествия, необходимость в расширении судебной практики, недостаточная разработанность и отсутствие единых научно-практических и методических рекомендаций порядка фиксации следов на месте происшествия, определило выбор данной темы и ее актуальность.

В теории и практике криминалистической идентификации различают две формы отражения: материально-фиксированную и идеальную. Первая связана с запечатлением признаков объекта в виде материальных следов и изменений – это следы рук, ног, оружия, орудий взлома, фото предметов, людей, участков местности и т.д.[2]. В данной работе внимание будет уделено следам обуви.

При расследовании преступлений следы ног и обуви человека могут быть обнаружены на местности, в лесу, на дороге, в жилых и нежилых помещениях и не только на месте преступления, но и на некотором расстоянии от него, т.е. на месте происшествия. В следах ног остается индивидуальный запаховый след человека. По следу можно судить о виде обуви (спортивная, модельная, рабочая) и некоторых других ее признаках. Следы ног делятся на следующие виды: босых ног; ног в колготках, чулках, носках; обуви[3].

В середине 19 века возникла мысль о моделировании объемных следов, т.е. о возможности изготовления слепков. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1850 г. французом Гюгуленом, предложившим закреплять следы ног с помощью расплавленного стеарина. Разработанный им способ изготовления слепков заключался в следующем: по краям следа на подставке из кирпичей укреплялась проволочная сетка с таким расчетом, чтобы она находилась на высоте 3-4 см от почвы. На сетку помещался железный лист с раскаленными углями. После того как почва нагревалась до температуры 100 градусов, сетку и железный лист убирали, а на след через тонкое волосяное сито просеивали примерно 100 грамм стерианового порошка. Попадая на нагретую почву, порошок превращается в расплавленную массу, которая пропитывала след. Затем земле давали остыть, а затем, соблюдая осторожность, извлекали из нее застывшую стеариновую форму. На верхнюю часть формы наносился слой гипса в несколько сантиметров.

До открытия научных способов и средств фиксации следов ног эти следы редко бывали вескими уликами. Лишь с этого времени значение следов ног заметно возросло. Фиксация их стало производиться не только с помощью измерения, но и путем фотографии, моделирования и других способов.

Г. Гросс в своем труде «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» по поводу следов ног писал, что решающее влияние на дело оказывают во многих случаях осмотр, сохранение и оценка обнаруженных следов ног человека, и какими бы ни казались незначительными два найденные следа ног, следователь при успешном их изучении может достигнуть многого – спасти невинного и осудить виновного. Г. Гросс подчеркивал, что

---

1 Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; [под науч. Ред. Е.И. Климовой] ; М-во образования РБ, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 8, 93.

2 Ищенко Е.П. криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юридическая фирма «Контракт» : Волтерс Клувер, 2011. – С. 23

3 Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. - М.: Издательство НОРМА, 2001. – С. 79.

изучение следов должно вестись по известной системе, при этом уделяя внимание вопросам механизма их образования.

Следы ног человека возникают в процессе его передвижения. Механизм ходьбы обуславливает особенности образования следов, объясняет, почему в следе слабо отображается промежуточная часть босой ноги и обуви, но зато отчетливо отображается вдавленный след пятки, каблука, подметки и т.д. Чем пластичнее сдеовоспринимающий объект, тем лучше в нем отображается внешняя форма и микрорельеф следообразующего объекта. Поэтому след, возникший в мягком глинистом грунте, в мокром снегу, во влажном мелком песке и т.д. отобразит рельеф подошвы обуви или ступни ноги лучше, чем след, возникший в сухом снегу или сухом песке [1].

К формам фиксации следов относятся: 1) вербальная, 2) графическая, 3)наглядно-образная, 4) предметная. Вербальная форма фиксации включает в себя описание в протоколе осмотре места происшествия и осуществление звукозаписи. Графическая форма проявляется в измерении, составлении планов, схем, чертежей и зарисовок. Наглядно-образная форма фиксации – криминалистическая фотосъемка и видеосъемка. Предметная фиксация обнаруженных при осмотре места происшествия следов и объектов осуществляется путем изъятия самого предмета-следоносителя, реконструирования, изготовления моделей, т.е. копий следов в виде слепков, оттисков, копий следов на следокопировальных пленках.

Предметная фиксация может осуществляться способом консервирования объекта или моделирования его свойств и качеств. Консервирование объекта осуществляется в случае, когда затруднительно изъять и сохранить объект из-за его специфических свойств. Так, остатки сгоревшего документа закрепляются с помощью специальных веществ; следы обуви на муке, пыли скрепляются перед изъятием; биологические следы помещаются в специальный раствор; скоропортящиеся продукты – в холодильник; микрочастицы закрепляют с помощью прозрачных пленок.

Моделирование является распространенным методом познания объективной действительности. Способы фиксации, основанные на моделировании, используются в случаях, когда нельзя сохранить объекты из-за их неотделимости от окружающей обстановки, либо из-за размеров и т.п. Из способов фиксации, основанных на моделировании, сегодня наибольшее распространение получили изготовление объемных моделей, закрепление поверхностных следов-отображений, фотосъемка, видеосъемка, а также составление планов, схем, чертежей и т.д. Изготовление объемных моделей применяется к объемным следам рук, обуви, транспортных средств, зубов, орудий взлома, инструментов и др. Технологии изготовления слепков хорошо описаны в криминалистической литературе, в том числе изготовление слепков со следов на прочной почве, на непрочной почве, в снегу, на твердых поверхностях наливным, насыпным и комбинированным способами [2].

Характерной особенностью технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия является то, что от результативности применения технико-криминалистических средств зависит не только эффективность данного следственного действия, но и увеличение объема доказательственной информации, необходимой для раскрытия и расследования преступления.

---

[1] Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах / И.Ф. Крылов. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1976. – С. 13-14; 34-35; 90; 95.

[2] Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; [под науч. Ред. Е.И. Климовой] ; М-во образования РБ, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 93-100.

Используя предложенные технологии фиксации следов и объектов при осмотре места происшествия, субъект его технико-криминалистического обеспечения становится более подготовленным для применения технико-криминалистических средств, требующих владения большими объемами теоретических знаний и практических навыков [1].

Изготовление слепков следов, изымаемых с разных поверхностей, имеют свои особенности и отличия. Умелая фиксация специалистом следа позволяет не нарушить его целостность, чтобы затем качественно произвести экспертное исследование для идентификации признаков обуви. Поэтому необходимо выбирать правильную совокупность методов, способов, средств и приемов фиксации следов.

Представляется необходимым систематизировать существующие методики по фиксации следов обуви, которые будут использоваться в последующем для обучения экспертов-криминалистов, а также повышения уровня профессиональной подготовленности следователей (лиц, производящих дознание), экспертов-криминалистов экспертных учреждений и других сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь.

Трофимов В.Ю.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Научный руководитель: *доцент О.Е. Калпинская*

О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ

Лишение свободы в своем смысловом значении следует воспринимать как существенное ограничение социальных контактов осужденного, обусловленное необходимостью насильственного, принудительного применения к виновному всего комплекса мер воспитательного характера в интересах его исправления, и в целях обеспечения безопасности граждан от его возможного криминального поведения.

Для достижения данных целей необходим определенный, основанный на законе порядок исполнения наказания, который может быть установлен посредством помещения виновного в специально созданные учреждения, способные обеспечить достижение целей наказания. Эти функции возлагаются на систему исправительных учреждений, созданных для исполнения наказаний в виде лишения свободы.

Трудно себе представить женщину в тюрьме. На первый взгляд два этих слова несовместимы. Общество больше привыкло, что тюрьма предназначена для заключенных мужчин. Женская преступность по своей структуре заметно отличается от мужской. В процентном отношении женщины гораздо реже совершают корыстные преступления, в особенности, отличающиеся дерзостью — грабежи, разбои, а также хулиганство. А вот грубо насильственные действия бытового характера — убийства и тяжкие повреждения тела в общей массе женской преступности осуществляются чаще. Это явление, казалось бы, противоречащее женской природе, имеет объяснение. Женщины отнюдь не предрасположены к садизму и крайней жестокости. Просто они очень эмоциональны, и, зачастую, их разум оказывается неспособным управлять сильными и яркими отрицательными чувствами — гневом, ревностью, смертельной обидой.

---

[1] Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т.Ф. Дмитриева ; [под науч. Ред. Е.И. Климовой] ; М-во образования РБ, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 104.

Также можно подчеркнуть, что уровень женской преступности зависит от социально-экономических особенностей различных регионов страны. И если рассматривать женскую преступность по регионам, то следует обратить внимание, что в тех из них, где общий коэффициент преступности выше, соответственно растет и коэффициент преступности женщин. А в наиболее экономически развитых регионах, таких как Санкт-Петербург, Москва, Красноярский и Краснодарский края, Хабаровский край, Магаданская, Сахалинская, Свердловская области, отмечается особый рост преступности женщин.

Социально-педагогическая, нравственно-психологическая, уголовно-правовая характеристика осужденных женщин специфична и имеет особенности по многим личностным параметрам, которые необходимо учитывать в исправлении этой категории преступников.

В условиях формирования гражданского демократического общества проблема правового положения осужденных женщин является составной частью проблемы прав и свобод человека. В связи с этим является целесообразным выделить регламентацию правового положения мужчин и женщин в Уголовно-исполнительном кодексе РФ отдельными главами.

Для успешной социальной адаптации осужденных женщин из мест лишения свободы необходим комплекс социальных мер, проводимых государственными учреждениями, органами и институтами и носящий добровольный или принудительный характер для успешного двухстороннего приспособления личности к социальной среде в целях закрепления результатов исправительного воздействия.

Нарушения поведения, которые проявляются в закрытых учреждениях, определяются полом, то есть у женщин тенденция реагирования на окружающую обстановку и ситуацию в исправительных учреждениях отличается от мужчин. Реализация прав и законных интересов женщин, осужденных к лишению свободы, правовое обеспечение должны разрабатываться и предоставляться с учетом их психофизиологических особенностей. Следует объединить все нормы, которые определенным образом затрагивают правовое положение осужденных женщин, в отдельную главу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Материально-бытовые и санитарно-бытовые условия содержания женщин в женских исправительных колониях являются неприемлемыми и не соответствуют физиологическим, психологическим особенностям женщин, что является одной из причин, способствующих возникновению трудностей в адаптации женщин, отбывающих наказание в изоляции от общества.

Результаты исследований демонстрируют, что проблема обеспечения санитарно-гигиенических норм стоит довольно остро, и улучшение условий требует безотлагательного решения. На законодательном уровне следует обеспечить увеличение бюджетного финансирования женских исправительных колоний для улучшения медико-санитарного и материально-бытового обеспечения.

Учитывая биологические, физиологические и психологические особенности женщин, а также совершение преимущественно ненасильственных преступлений, что нехарактерно для мужчин, следует отказаться от назначения наказания в виде лишения свободы женщинам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести, и дополнить ст. 56 УК РФ частью 5 следующего содержания:

«Лишение свободы не назначается женщинам, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести».

Представляется обоснованным установление в ст.115 УИК РФ дополнительной меры взыскания, такой как предупреждение о недопустимости противоправного поведения. Предупреждение по своей сути должно заключаться в разъяснении осужденному вреда,

причиненного его проступком, и последствий повторного совершения правонарушений. Можно предположить, что введение в УИК РФ отмеченного вида взыскания позволит снизить количество нарушений и более эффективно вести профилактическую работу с женщинами, отбывающими наказания.

С целью устранения противоречий действующего уголовно-исполнительного законодательства и Федерального закона № 255-ФЗ необходимо внести изменения в п. 6 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», исключив из указанного пункта слова «и привлеченные к оплачиваемому труду».

Аналогичные изменения следует внести и в Постановление Правительства РФ от 15 октября 2001 г. № 727 «О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду», в котором указано Положение об обеспечении пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду.

Другая возможность разрешения указанных противоречий - внесение изменения в ч. 1 ст. 98 УИК РФ, исключив из нее предложение «Пособия по беременности и родам выплачиваются осужденным женщинам независимо от исполнения ими трудовых обязанностей и иных обстоятельств», то есть оставить норму в редакции Федерального закона от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ.

Устранение указанных недостатков действующего законодательства, позволит реально исполнять требования ч. 1 ст. 98 УИК РФ.

Трофимова М.С.
к.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ЕДИНЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РФ: ДОВОДЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

8 декабря 2014 года решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации была одобрена «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»[1] (далее – единый ГПК РФ).

Необходимость принятия столь массивного нормативно-правового акта обусловлена, прежде всего, проводимой в России судебной реформой, в том числе, объединением Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, а также стремлением отечественного законодателя к унификации судопроизводства по гражданским делам, обеспечению доступности правосудия, введению новых прогрессивных правовых институтов в судебный процесс, ведущих к процессуальной экономии и создающих более качественные условия для полного, всестороннего, своевременного и справедливого рассмотрения и разрешения гражданских дел.

---

[1] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)) //КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/.

В интернет-интервью, посвященному подведению итогов общественного обсуждения Концепции единого ГПК РФ, П.В. Крашенинников, председатель Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, отметил, что «основная цель разработки, как Концепции, так и самого кодекса - обеспечение доступного и справедливого правосудия, осуществляемого в разумные сроки с соблюдением процессуальных норм компетентными и независимыми судьями, гарантированное исполнение судебных актов, что является безусловным условием развития правового государства, основанного на приоритете прав и свобод человека[1]».

При выработке конкретных положений будущего единого ГПК РФ, безусловно, стоит ключевой вопрос: нормы какого акта - Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодекса РФ брать за основу единого документа?

В действующих цивилистических процессуальных кодексах России много родственных, и даже, идентичных норм. В содержании как общей, так и особенной частей гражданского процессуального и арбитражного процессуального права подавляющее большинство институтов имеют схожее содержание.

При этом ГПК РФ сегодня серьезно «проигрывает» АПК РФ во многих направлениях. Так, в гражданском процессуальном законодательстве отсутствует правило о необходимости раскрытия доказательств (п.2. ст. 65 АПК РФ); об отнесении судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ); правила использования примирительных процедур, в том числе с нормами о материальном стимулировании сторон к заключению мирового соглашения (глава 15 АПК РФ); возможность подачи процессуальных документов в электронной форме (ст. 125 АПК РФ), и как следствие, обязанность самих сторон быть осведомленными о движении дела; протоколирование судебного заседания с использованием средств аудиозаписи (ст. 155 АПК РФ) и многие другие.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно перечислить все современные достижения арбитражного процессуального законодательства. Но нужно констатировать тот факт, что Гражданский процессуальный кодекс РФ должен использовать все прогрессивные наработки арбитражного процесса хотя бы потому, что ГПК РФ по своей сути является «либеральным» нормативным актом, обеспечивающим, прежде всего, доступность правосудия для гражданина, который имеет намного меньше финансовых и организационных возможностей для участия в судебных тяжбах по сравнению с юридическими лицами. Отказываться от одного процессуального кодекса в пользу другого не логично. Думается, что за основу должны быть приняты правила арбитражного процессуального законодательства.

По словам доктора юридических наук, профессора С.В. Потапенко: «В результате проводимой в настоящее время реформы гражданского и административного судопроизводства может реально появиться суперотрасль судебного процессуального права, регулирующая одновременно процедуру в гражданском, арбитражном и административном процессах. Методологической основой для этого является концепция единой науки процессуального права»[2].

---

[1] Интернет-интервью с П.В. Крашенинниковым, председателем Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству: "Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: подведение итогов общественного обсуждения" // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/interview/krasheninnikov4/

[2] Потапенко С.В. От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» гражданского процессуального кодекса [Текст] / С. В. Потапенко. // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 2 - 5.

Полагаем, что правила судопроизводства по гражданским делам должны быть едиными, поскольку и суды общей юрисдикции и арбитражные суды в своей правоприменительной деятельности используют единое гражданское законодательство. Дифференцировать процессуальные правила в зависимости от того, является ли спор экономическим или нет, нелогично ввиду отсутствия Торгового или Предпринимательского кодекса в Российской Федерации. Принятие единых правил рассмотрения гражданских дел объективно способствует процессуальной экономии, и, в конечном итоге, обеспечивает формирование единой судебной практики (на которую так активно ссылался законодатель, объединяя высшие суды РФ). Можно говорить также и о том, что принятие единого процессуального кодекса для арбитражных судов и судов общей юрисдикции положительно скажется даже на общем уровне правовой грамотности населения и хозяйствующих субъектов, поскольку облегчит взаимоотношения участников гражданских процессуальных правоотношений и суда, обеспечит правильное понимание сути процессуальных норм, исключит «конкуренцию» процессов.

При этом, в первую очередь необходимо устранить противоречия в правилах отвода судьи (включая перечень оснований для отвода); правилах доказывания по гражданским делам (включая определение единого перечня средств доказывания); порядке применения обеспечительных мер (в том числе, встречного обеспечения); правилах использования альтернативных способов разрешения споров и примирительных процедур; правилах обжалования судебных актов по гражданским делам (особенно в кассационном порядке) и др.

Следует согласиться с позицией доктора юридических наук, профессора Борисовой Е. А., которая отмечает, что не является принципиально важным то, сохранятся ли арбитражные суды как специализированные или нет, ведь по существу специализация на рассмотрение определенных категорий дел не означает непременность дифференциации правовой формы[1].

Сегодня по-прежнему остается актуальным вопрос о специализации судей. Юристы-практики напрямую связывают качество принимаемых решений с кадровой составляющей суда, уровнем подготовки и квалификации судей. Безусловно, специализация судей должна быть разумной, обеспечивать баланс нагрузки между судьями и охватывать наиболее актуальные категории гражданских и арбитражных дел.

При объединении процессуальных кодексов помимо устранения разночтений между отраслями процессуального права логично реализовать еще одну задачу - детально урегулировать особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел, тем самым создав процессуальные предпосылки для специализации судей.

Уместно упомянуть, что изначально ожидаемый раздел единого ГПК РФ, посвященный административному производству уже нашел отражение в принятом Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации[2], вступающем в силу с 15 сентября 2015 года, за исключением отдельных положений, вступающих в силу в иные сроки[3]. Тем самым, законодатель не только реализовал положения ч. 2. Ст. 118 Конституции РФ, упоминающей о том, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, но и упростил себе задачу по унификации производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, а также по

---

[1] Борисова Е.А. Оптимизация устройства судебных инстанций в свете реорганизации судебной системы РФ // Закон. 2014. № 3. С.107.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/.

[3] Федеральный закон от 08.03.2015 N 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/.

всем спорам с властью разного уровня и обеспечил, отчасти, более специализированный подход к рассмотрению подобных дел.

В условиях стремительно меняющегося российского материального законодательства, чрезвычайной загруженности судебных органов, сложности современного гражданского оборота и гражданских правоотношений между его участниками, модернизация процессуального законодательства должна идти по двум направлениям:

1. Создание единых процессуальных правил рассмотрения гражданских дел, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах.
2. Законодательное закрепление особенностей рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (в том числе споров экономической направленности) с последующей специализацией судей на их рассмотрение.

Такой подход обеспечит универсальность процессуальных норм при сохранении качественного правосудия по отдельных категориям гражданских споров.

Тымчук Ю.А.
студент Института права
Волгоградский государственный университет
Научный руководитель: *Е.И. Елфимова*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ПОЧВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ

Среди преступлений против жизни и здоровья особое место занимают преступления против личности, совершаемые по мотиву национальной ненависти или вражды. Данные преступления представляют повышенную опасность для общества, поскольку несут в себе угрозу самой государственности. Понятие экстремизма впервые раскрывается в принятом в 2002 году Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (далее - Закон). В понятие экстремизма в соответствии со ст.1 Закона включается широкий спектр действий, в частности, насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и другие действия[1].

Анализ статистических показателей преступности за последние годы свидетельствует о том, что наиболее широкое и опасное распространение получило такое проявление экстремизма, как совершение противоправных действий на почве расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти либо вражды. Статистические данные наглядно демонстрируют, что существует тенденция к увеличению количества преступлений экстремистской направленности. По сравнению с 2010 годом в 2013 году произошел рост судимости за совершение вышеуказанных преступлений на 89,9%[2].

---

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»//Российская газета, № 138-139, 30.07.2002.

[2] Судебная статистика за 2010–2013 год и первое полугодие 2014 года // Сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. (дата обращения 11.04.2015 г.).

Произошедшие в последнее время изменения в динамике и структуре преступности приводят к повышению актуальности использования в ходе осуществления уголовного преследования специальных знаний по делам указанной категории. Основной способ установления экстремистского мотива в преступлениях - это назначение необходимых экспертиз. В уголовном законе употребляются термины «ненависть» и «вражда». В толковых словарях русского языка «ненависть» определяется как чувство сильной вражды. Слово же «вражда» рассматривается в двух смысловых аспектах: 1) как синоним слова «ненависть», т. е. как обозначение соответствующего отрицательного чувства; 2) как отношения и действия, проникнутые ненавистью. Использование законодателем слов «ненависть» и «вражда» применительно к экстремистскому мотиву необходимо рассматривать как синонимичные понятия[1]. В литературе отмечается, что содержанием рассматриваемого мотива является личностное негативное отношение субъекта к представителям иной расы, национальности, религии и т. д., которое исходит из ощущения превосходства группы, к которой принадлежит данное лицо, и неполноценности этносов и групп, на которые направлена вражда[2].

Однако на практике возникают проблемы, связанные с назначением и производством судебных экспертиз по делам о преступлениях, совершенных на почве национальной ненависти. Рассмотрим некоторые из них:

1. Сомнение, как следственных органов, так и суда в целесообразности использования специальных знаний, т.е. назначении соответствующих экспертиз. В большинстве случаев при оценке обстоятельств совершения преступления, в ходе которого лица славянских национальностей, причиняя вред здоровью лицам кавказской национальности, при этом выкрикивая фразы: «Бей хачей!», «Смерть черным!», «Россия для русских!» и т. д., следователь или суд обходится без привлечения эксперта (специалиста) и самостоятельно делает вывод, что преступление совершено на почве межнациональной ненависти.

Однако существуют и исключения из приведенного суждения. В 2009 году Санкт-Петербурге группой русских школьников был избит Тагир Керимов. По данным следствия, во время драки нападавшие употребляли вышеупомянутые фразы. Эксперт Центра судебных экспертиз Северо-Западного округа Елена Кирюхина, исходя из материалов дела, заключила, что призывы «Крысам – крысячья смерть!» и «Россия для русских» в контексте дела не являются националистическими. Однако затем, проведенное внесудебное комиссионное психолого-лингвистическое исследование по делу пришло к однозначному выводу, что вышеперечисленные фразы направлены на разжигание межнациональной розни, вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц по признаку национальности, происхождения[3].

На наш взгляд, с данной позицией следует согласиться. В целом же считаем, что обращаться к помощи эксперта по таким делам следует в том, случае, когда определенные высказывания, публикации лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений на почве межнациональной ненависти, не носят ярко выраженный ксенофобский характер. Понятие ксенофобия обозначает страх или опасение перед чужим, не своим, незнакомым, перед определенными явлениями и ситуациями, порождающими у людей некое беспокойство.

---

[1] Кунашев А. А. Актуальные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности// Прокурор, 2013, № 2. С.95.

[2] Ситковская О. Д., Конышева Л. П., Коченов М. М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2000. С. 35.

[3] Фразы «Бей хача» и «Россия для русских» разжигают межнациональную рознь и вражду - независимое исследование// Информационно-аналитический портал «Ислам в Российской Федерации». URL: http://www.islamrf.ru/news/russia/rusnews/10001 (дата обращения 11.04.2015 г.).

Ксенофобия в той или иной степени присуща всем людям и, надо сказать, является естественным состоянием любого социума и его члена[1].

Если же текст или высказывание не несет в себе какой-то скрытой информации, то есть информации, которая непонятна и требует истолкования (например, зашифрованный текст)[2] и его обнаружение не составляет большого труда, то назначение экспертизы нарушает принцип процессуальной экономии и является действительно нецелесообразным.

Распространенность такого рода экспертиз без достаточных для их проведения оснований позволяет утверждать, что вслед за гражданским судопроизводством, по меткому выражению Г.М. Резника, на «лингвистическую иглу подсело уголовное правосудие»[3].

2.Следующая проблема применения специальных знаний в ходе производства по делам о преступлениях, совершенных на почве ненависти связана с широким использованием экспертиз. При этом такие формы как заключение и показания специалистов используются не так часто.

Считаем необходимым сначала получить заключение специалиста, так как проведение исследования данным субъектом непродолжительно и не требует трудоемкого изучения материальных объектов с использованием специального оборудования. Если же специалист не сможет ответить на поставленные перед ним вопросы или же для выяснения интересующих следствие обстоятельств необходимо использование специальных технических средств, методик, возникает потребность в назначении экспертизы. Предложенная последовательность значительно сократит срок уголовного судопроизводства.

3.Отсутствие единой методики производства экспертиз, направленных на установление экстремистского мотива преступления. Помимо традиционных экспертиз назначаются и другие их виды, в частности социологическая, лингвистическая (самая распространенная и востребованная[4]), политологическая, культуроведческая, религиоведческая, геральдическая, а также имеющие комплексный характер социогуманитарная[5], социально-психологическая, психолого-лингвистическая. По результатам экспертиз возникают ситуации, когда разные эксперты по одним и тем же вопросам дают абсолютно противоположные заключения.

4. Неопределенность в постановке вопросов перед экспертами. Как указано в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[6] (далее - Постановление №11), при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

---

[1] Мутагиров Д.З. Ксенофобия как социальное явление// Вестник Санкт-Петербургского университета. серия 6: философия. культурология. политология. право. международные отношения,2008, №1.С.3

[2] Семинар «Процессуальные и тактические аспекты экспертизы по делам о преступлениях на почве расовой ненависти. Проблемы подготовки специалистов». Стенографический отчет. Санкт-Петербург, 2013. С.7.

[3] Термин Г.М. Резника. См.: Предисловие юриста // Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2007. С. 3

[4] Ворошилова М.Б., Карапетян А.А. К определению круга вопросов судебной лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности// Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С.495-505

[5] Уголовно-правовые, криминалистические и психолого-правовые аспекты / Под науч. ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 2006. С. 92.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"// Российская газета, N 142, 04.07.2011

К сожалению, данное положение Пленума не всегда учитывается как следственными, так и судебными органами[1]. В частности, по одному из дел в ходе предварительного следствия была проведена социально-психологическая судебная экспертиза. И один из вопросов, которые были поставлены перед экспертом, звучал следующим образом: содержится ли в представленной для исследования распечатке с Интернет-страницы информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии или отдельных ее представителей.

По другому уголовному делу была назначены комплексная психолого-лингвистическая и религиоведческая экспертиза, в рамках которой перед экспертами был поставлен вопрос: содержится ли в представленных печатных изданиях информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей[2]?

Как видно из приведенных примеров, перед экспертами были поставлены правовые вопросы, связанных с оценкой деяния и не входящие в их компетенцию.

Решить обозначенную проблему возможно путем разработки примерного перечня вопросов, который следственные органы и суды могли бы использовать при назначении экспертиз по уголовным делам о преступлениях, совершенных на почве ненависти.

В заключение, хотелось бы предложить последовательность действий по использованию специальных знаний, которая поможет избежать возможных ошибок в ходе производства по рассматриваемой категории дел. Необходимо отметить, что все нижеперечисленные и последующие действия должны проводиться в строгом соответствии с требованиями УПК.

1. Определение необходимости в использовании специальных знаний.

2. В случае имеющейся потребности в проведении экспертизы, выбрать

форму использования специальных знаний (заключение специалиста или заключение эксперта).

3.Постановка вопросов перед экспертом, с учетом требования п.23 Постановления №11.

4. Выбор экспертного учреждения либо частного эксперта.

Ударцев С.Ф.
д.ю.н., профессор,
директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства
Казахского Гуманитарно-Юридического Университета
(Казахстан, г. Астана)

ПРАВО И КОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МЕТАПРАВО

В связи с началом в середине XX в. освоения космоса, актуализировалась проблема перспектив развития права в новых для человечества условиях. Во второй половине XX в. появилось международное космическое право и национальное космическое право. Во многих странах, принимающих участие в разнообразной космической деятельности, стала развиваться расширяющаяся комплексная отрасль права – космическое право. Эта отрасль связана с правовым регулированием научных разработок, испытаний, запусков космических ракет, искусственных спутников Земли и иных космических аппаратов, наземной космической инфраструктуры. К ней относятся также вопросы о статусе и деятельности космонавтов,

[1] Семинар «Процессуальные и тактические аспекты экспертизы по делам о преступлениях на почве расовой ненависти. Проблемы подготовки специалистов». Стенографический отчет. Санкт-Петербург, 2013. С.17

[2] Заключение эксперта по уголовному делу №4213 от 22 декабря 2009 г.// Режим доступа: URL: http://www.jw-russia.org/others/expertopinions/exp20091222_u.pdf (дата обращения 11.04.2015 г.)

военных и гражданских работников космической отрасли, об использовании космических технологий для телекоммуникаций, дистанционного зондирования Земли, пространственного позиционирования на планете, использования космических аппаратов в разнообразных иных гражданских и военных целях.

Во многих странах, независимо от наличия космодромов и заводов по производству космических аппаратов и ракет для их запуска, появились национальные космические центры. Они координируют разнообразную научную и практическую деятельность, связанную с исследованием, использованием в земных целях и освоением окружающего Землю ближнего и дальнего космического пространства, с реализацией в экономике, науке и технике космических технологий, с международным сотрудничеством в этой сфере деятельности. Появились региональные и глобальные международные институты (организации и межгосударственные органы), включая систему органов ООН по поддержке, регистрации и координации космической деятельности государств планеты.[1]

В начале XXI в. пространственная сфера правового регулирования международного и национального права вышла далеко за пределы Земли. Заключены международные договоры об использовании космических аппаратов, о статусе и условиях изучения и использования небесных тел, о деятельности государств по освоению космического пространства. Эта сфера деятельности человечества и правового регулирования, по мере технического прогресса и продвижения человека в космос, вовлечения в эту деятельность, все больших ресурсов, как государств, так и частного капитала, продолжает постепенно расширяться и становится тесно связанной со всеми областями и многими уровнями деятельности и организации человечества.

Право в процессе эволюции в XX и XXI вв. все более раскрывает свой ранее скрытый потенциал как космического, а не только земного явления.

Можно полагать, что по мере расширения сферы космической деятельности человеческой цивилизации и распространения ее на иные космические тела, а также по мере их освоения, будут появляться новые подсистемы космического права. Они будут охватывать разные отрасли права, относящиеся к общим и специальным вопросам правового регулирования общественных отношений. Разнообразные по природным условиям небесные тела – планеты и их спутники в Солнечной системе, а в последующем, возможно, и более отдаленные планетные системы других звезд, в процессе их изучения и использования, будут открывать для человечества новые возможности. Можно предполагать, что по мере освоения космоса все новые и разного свойства пространства, среды, объекты, институты и отношения будут включаться в сферу правового регулирования. Тем самым, наряду с детально разработанным и наиболее развитым правом планеты Земля, возможно, будут формироваться иные подотрасли или отрасли системы глобального космического права, а также автономные правовые подсистемы для крупных и специфических районов космического пространства. Можно предположить, что, появятся и такие правовые образования в глобальной системе права, как правовые планетные системы, если потребуется учитывать особенности пребывания, жизни и деятельности во всех областях человеческих отношений на некоторых из них. Не все правила, пригодные для земных условий могут быть столь же оптимальными, справедливыми и обоснованными в иных космических ситуациях и условиях, тем более в достаточно отдаленных участках космоса.

С 1950-х гг. в философии права и в международном праве актуализировалась проблема *метаправа* – как нового правового феномена, перешедшего с началом космической эры

---

[1] Подробнее см.: Ударцев С.Ф. Государство, право и космическая деятельность // В кн.: Социология права: курс лекций: в 2 т. Т. 2. / Ответ. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2015. – 344 с. – С. 307 – 338.

человечества из предмета научной фантастики в предмет философии, общей теории права, философии международного права, отчасти и в предмет теоретико-прикладных исследований.

Появление проблемы метаправа связано с тем, что по мере освоения космического пространства, его колонизации и разнонаправленного исследования с помощью автоматических и пилотируемых людьми космических аппаратов, постоянного присутствиях людей с исследовательскими и иными целями на космических станциях в околоземном пространстве, по мере реализации проектов изучения и начала освоения, ближних и отдаленных небесных тел, возникнет необходимость правового регулирования деятельности людей, их отношений, экологии в неизмеримо большем пространстве по сравнению с Землей, а также в многообразных, отличных от земных условиях.

Возникает необходимость выделения своего рода общего знаменателя, основных принципов правовых систем, которые могут быть достаточно автономными, для гармонизации их отношений в новых условиях, включая иные соотношения пространственно-временных закономерностей по мере проникновения в более отдаленные просторы космоса. Это будет все более актуализироваться по мере включения деятельности в этих космических просторах, в неземных условиях в сферу человеческих экономических, политических, военных, правовых и иных отношений. Прогнозируемая возможность в отдаленном будущем появления отпочковавшегося Человечества-2 и так далее, а также вероятность контакта с гипотетическими инопланетными цивилизациями при проникновении человечества в более дальний космос и регулирование отношений между ними (или интеграция человечества в правовое регулирование этого уровня) также явились теми предпосылками, которые привели к появлению теории метаправа.[1]

К настоящему времени теория метаправа получает все более широкое распространение и различные интерпретации как в философии права, так и в общей теории права связи с новыми правовыми технологиями (в частности проблемами расширения сфер автоматизации правового регулирования в ряде отраслей права при переходе на электронную форму права, внедрения систем электронного суда и электронного правительства), а также в связи с разработками смежных проблем в философии, теологии и этике. Некоторые вопросы метаправа в последние 15 лет включены в различные учебные вузовские программы, в том числе в типовые.[2]

---

[1] О метаправе см., напр.: Йорыш А.И. Проблема внеземных цивилизаций и «метаправо» // Советское государство и право. 1978, № 9; Рубцов В.В., Урсул А.Д. Контакт цивилизаций и проблемы метаправа // К.Э. Циолковский: Философские и социально-политические проблемы освоения космического пространства. Труды двадцать первых – двадцать третьих чтений, посвящ. разработке научного наследия К.Э. Циолковского (Калуга, 1986, 1987, 1988). Секция «К.Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». М., 1991. С. 128–142; Ударцев С.Ф. Метаправо и правопонимание (о трансформации правопонимания на новом уровне правового развития) // Научные труды «Әділет» (Алматы). № 1 (7), 2000. С. 22–41. Он же. Метаправо: о глобальной эволюции права // Вестник Московского государственного открытого университета (МГОУ). 2003, № 2 (11); Ударцев С.Ф. О некоторых тенденциях глобальной эволюции государства и права. Караганда: Болашак-Баспа, 2004. – 52 с.; Он же. О некоторых явлениях и тенденциях мирового политического и правового развития / Матер. межд. научно-теоретической конференции «Казахстан и мировое сообщество: проблемы истории, экономики, права» // Ученые записки Академии экономики и права (Алматы). № 1 (8), 2005. Часть 1. С. 15–25; Урсул А.Д. Глобализация права и глобальное право: концептуально-методологические проблемы // Право и политика, 2012, № 8. С. 1295; Ударцев С.Ф. Государство, право и космическая деятельность // В кн.: Социология права: курс лекций: в 2 т. Т. 2. / Ответ. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2015. – 344 с. – С. 307–338; и др.

[2] См., напр.: Ударцев С.Ф. Методические материалы по курсу «История политических и правовых учений». Алматы: Высшая школа права «Әділет», 1995. С. 20 (Космическая теория естественного права и концепция метаправа Э. Дж. Хейли); Ударцев С.Ф., Таукелев А.Н. Программа курса «История политических и правовых учений» и планы семинарских занятий. Алматы: Казахский гос. юридический институт, 1996. С. 18 (концепции метаправа, антропоцентризм земного права, «золотое правило» земного права и основной принцип метаправа); История политических и правовых учений. Типовая учебная программа (Образование высшее профессиональное).

Метаправо в настоящее время, в частности, можно рассматривать в нескольких аспектах, в частности, как:

- ✓ новую глобальную многоуровневую суперсистему права, способную включить в себя крупные новые правовые системы;
- ✓ определенную система общих знаменателей правовой системы предыдущего уровня развития и ядро правовой системы более высокого уровня сложности с массивом коллизионных норм, норм-адаптеров для соединения правовых систем и возможного перехода участников правоотношений в различные правовые режимы в разных космических условиях;
- ✓ сложноорганизованную систему правового регулирования, включающую также и систему норм-программ, координирующих всю правовую систему и ее подсистемы, управляющих всей правовой организацией и системой права;
- ✓ определенную правовую сферу, включающей адаптированные к космической цивилизации формы права, инфраструктуру правовой системы, правосознание, правовую культуру, обеспечивающих функционирование в условиях глобальной космической системы права и обеспечивающей его реализацию;
- ✓ правовую систему, максимально использующую потенциал электронной формы права, автоматизации и саморегуляции для осуществления правовых функций и режимов, а также иные технические возможности для реализации свободы, инициативы и творчества при одновременно высоком организационном и техническом уровне контроля за соблюдением общественного порядка, исполнением правовых предписаний, гармонизации отношений между всеми субъектами права в разных, в том числе в отдаленных местах космической сферы правового регулирования;
- ✓ исторически следующие за международным правом уровни правового развития и правовой системы, раскрытия потенциала права, в частности, как планетарной и космической в широком смысле системы права.

Проблема метаправа становится не только философско-правовой, но и связанной с решением системной проблемы формирования теории эволюции социальных норм на историческом этапе развития человеческой цивилизации, когда она превращается в космическую цивилизацию.

Философии, философии права и общей теории права и государства, а также философии и теории международного права в XXI в. предстоит решать глобальные проблемы более высокого

По специальности бакалавриата 050301 «Юриспруденция». Объем часов (кредитов): 90 (2). Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана, 2005. Авторский коллектив: Ударцев С.Ф. (руководитель), Таукелев А.Н., Ахметова Н.С., Усейнова Г.Р. / В издании: Саяси және құқықтық ілімдер тарихы. Типтік оқу багдарламасы (Жоғары кәсіптік білім). 050301 «Заңтану» бакалавриат мамандығы бойынша. 90 (2) (несие көлемі). Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі. / Авторлары: Ударцев С.Ф. (жетекші), Таукелев А.Н, Ахметова Н.С., Үсейнова Г.Р. Аударган: Шаппахқызы Ү. и Ниетуллаев Н.Н. Астана, 2005. На казах. и рус. яз. С. 19, 46. Рабочая программа курса «История политических и правовых учений». 7-е изд., доп. и переработ. Автор и сост. Ударцев С.Ф. Алматы: Академия юриспруденции – ВШП «Әділет», 2006. С. 23 (см. также предыдущие издания программы); Жуков Г.П. [автор-сост.] Магистерская программа № 9m по дисциплине «Международное космическое право» / Рос. Университет Дружбы Народов. Юридич. фак-т. Кафедра международного права. М., 2008. С. 9; Глазырин В. А. (отв. за выпуск), Грибакина Э. Н., Гулина Н. А (Авторы-сост.). Юридическая социология. Учебно-методический комплекс для студентов очной формы обучения / Федеральное агентство по образованию. Уральская государственная юридическая академия. Кафедра философии и социологии. Екатеринбург, 2008. С. 21 (тема реферата: «68. Метаправо: сущность и значение»); Ударцев С.Ф., авт. и сост. История политических и правовых учений (силлабус). Элективный курс для студентов 3-го года очного обучения по специальности бакалавриата «Юриспруденция». 3 кредита (135 часов). 6-е изд., переработ. и доп. Астана: ТОО «КазГЮУ Консалтинг», 2015. – 55 с. См.: с. 28. См. также предыдущие издания силлабусов по специальностям «международное право» и «юриспруденция»; и др.

уровня сложности, связанные как с новым этапом развития международного права, так и формированием обновленной политической и правовой структурой мира. Новые теоретические вопросы возникают в процессе глобализации, как на планетарном уровне, так и в ходе формирования и эволюции космической цивилизации.

Федунов В.В
доцент кафедры истории, теории государства и права, юридического факультета
Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЛТИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ ПО РЕФОРМЕ 1870г.

1 октября 1871 г. состоялось первое заседание Ялтинской городской думы, избранной на 4 года на основании закона Российской империи от 16 июня 1870 г., утвердившего Городовое Положение (далее Положение), котором были прописаны, в том числе, права городских дум по установлению и сбору местных налогов и правила их расходования[1]. Кроме того, согласно указанного Закона, все постановления городской думы направлялись губернатору, который или соглашался с ее решениями, или нет, направляя назад на пересмотр. Таким образом, губернатор был наделен законом надзорными и контролирующими правами[2].

По воспоминаниям первого Ялтинского городского головы В.А.Рыбицкого деятельность думы в начальный период была осложнена отсутствием у города собственной земли, что порождало невозможность ведения хозяйственной деятельности, и наполнения доходной части бюджета с владельцев недвижимости[3]. В 1874г., по ходатайству Ялтинской думы, император Александр 11 подписал Указ о плане расширения города. Вместо прежних 6 десятин городская территория увеличилась на 500 десятин. Так, князь С.М. Воронцов в 1873 г. согласился отдать городу часть своей земли Массандровского владения под городскую скотобойню. Аналогично поступил граф Мордвинов передав часть своей земли в Старой части города под торговые заведения[4].

Увеличение городской территории позволило властям выделять земельные участки под частное жилое строительство, строительство доходных домов, гостиниц европейского уровня и других торговых заведений.

Рост строительства, открытие торговых заведений, туризм способствовали быстрому наполнению доходной части бюджета Ялтинской городской думы. За первое четырехлетие работы думы с 1871 по 1875гг. бюджет города увеличился в 5 раз, с 5896 руб. до 34712 руб., а в 1876 г. он составил уже 37563 руб.[5].

Финансовый отдел Ялтинской городской управы возглавлял Мирон Абрамович Шварцштейн, контролировавший доходную и расходную часть бюджета города[6].

Доходы и расходы Ялтинской думы постоянно увеличивались за счет поступления обыкновенных и чрезвычайных сборов. В 1878 году за счет обыкновенных сборов в бюджет поступило 27776 руб. и дополнительно за счет чрезвычайных-30396 руб., что составило 58172

---

1 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1., д.62, л.9; 2,с.176.
2 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1., д.85, л.26-27.
3 Рыбицкий В.А. Пятидесятилетие Ялты. 1837-1887 г./ Исторический конспект и памятная книжка/ В.А. Рыбичкий .Ялта,1887. С.36.
4 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1.д.85, л.21.
5 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1.д.208,,л.5.
6 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1. д.205, л.95.

руб. Расходная часть составила 30348 руб.[1] Таким образом, доходная часть бюджета значительно превышала расходную, что позволяло выделять значительные суммы на развитие инфраструктуры города.

29 июля 1876г. в Ялтинскую городскую думу пришло разъяснительное письмо, о том, что согласно ст.128 Городового положения от 16 июня 1870г. (далее Положение) разрешено устанавливать в пользу города следующие сборы: оценочный с недвижимых имуществ, не выше 1% их стоимости; с документов на право ведения торговли и промыслов; с трактирных заведений, постоялых дворов и съестных лавочек; с извозного и перевозного промыслов; с лошадей и экипажей, содержащихся местными лицами и с собак. Дума была обязана на своем заседании утвердить размеры обложения и способы их взимания[2].

Кроме того, на основании ст.136 Положения в бюджет города поступали дополнительные средства от составления различного рода актов, сборы при клеймении мер и весов, от аукционных продаж движимого имущества, с привозимых на продажу товаров. 21 мая 1873 г. городская дума ввела сбор с коммерческих судов за пользование городской пристанью при выгрузке и погрузке товаров[3].

Согласно ст.137 указанного Закона Российской империи введение новых не предусмотренных сборов могло иметь место, но с разрешения центральной власти и думы[4].

Протоколы заседаний Ялтинской думы за 70-80-х гг. Х1Хв. показывают, что основными вопросами ее работы были обеспечение продовольствием города и пополнение доходной части бюджета, в том числе восполнении сборов по недоимкам с недвижимых имуществ, сборе городского налога с городских заведений (гостиниц, трактиров и т.п.)[5].

Кроме того, 23 июня 1879 г. председатель думы В.А. Рыбицкий доложил гласным о разрешении императора Александра 11 установить в пользу города нового налога - сбора с приезжающих, о чем ходатайствовала еще в мае 1876 года[6]. Указанный сбор взимался ежегодно в период с 1 апреля по 1 ноября и направлялся на организыцию развлекательных мероприятий в период курортного сезона. При этом законодательством был определен круг лиц освобожденных от уплаты курортного сбора, а именно: дети до 14 лет,коммандировочные, прислуга и рабочие, лица,уплачивающие за наем квартиру менее 20 руб. и лица, пребывающие в городе не более восьми дней[7].

22 января 1873 г. для организованного ведения строительства при Ялтинской управе было образовано строительное отделение в составе городского головы, члена управы - купца Абрама Бугаевского и архитектора Н.Грейма[8].

21 марта 1873 г. Ялтинская городская дума поручила строительному отделению закончить проект по снабжению водой жителей города, а также установила новые правила торговли[9].

В 70-е-80-е гг. Х1Х в. было реконструировано 10 улиц старого города с постройкой гостиниц «Бристоль», «Центральная», «Гранд-Отель», В Новом городе была построена гостиница «Россия». Строительство мола позволило Ялте принимать круизные пароходы и

---

1 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1,д.241, л.93.
2 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1,.д.205, л.91-92.
3 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1., д.85,л.16.
4 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1., д.205,л.92.
5 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1.,д.241,лл.1-96.
6 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1. д.241, л.11,198.
7 Новокрещенов Е.В. История Ялты.-Ялта,2011.С. 100.
8 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1.д.208,,л.2
9 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1.,д.208,,л.16.

грузовые суда. Заново был построен Новый город, состоящий также из 10 улиц: Набережная, Виноградная (Чехова), Аутская (Кирова), Садовая, Екатерининская, Морская и т.д.[1]

В начале 80-х годов Ялтинская городская дума активно занимается выдачей разрешений на строительство домов, магазинов, пекарен, купален и других объектов. В основном за разрешениями на строительство обращалась купеческая и дворянская части городского населения. Такие разрешения выдавались купцам М.А. Бухштабу, Гринбергу, А. Бекирову, И.П. Гоф - Шнейдеру, Лейбовичу, М.Я.Лапину и др.[2] Контроль за строительство возлагался на известных ялтинских архитекторов П.К.Теребеньева, Н.А.Штакеншнейдера, Клейна, Г.Ф. Шрейбера, К.Эшли - манна[3]. Более того, Ялтинская городская управа в 1884 г. выдала разрешение на строительство цирка французскому гражданину Жаку Городерфецу, строительство которого было поручено инженеру А.Яворскому[4]

Ялтинская городская дума в 1884 г. контролировала внешний вид строящихся объектов (особенно на Набережной) и в случае их не соответствия обязывала застройщиков об изменении фасадов зданий. Так, согласно выписки из протокола заседания думы от 3 августа 1884г. следует, что внешний вид купальни построенной на Набережной Кожуриной неудовлетворителен. Дума обязала застройщицу изменить фасад купальни, заключить дополнительный договор об аренде городской земли и указала Управе усилить контроль за фасадами строящихся объектов[5].

В 70-90-е гг. Х1Х в. в Ялте заново был построен Новый город, состоящий из 10 улиц: Набережная, Виноградная (Чехова), Аутская, Садовая, Нововиноградная (Боткинская), Екатерининская, Приютская, Прорезная, Морская и Пушкинский бульвар[6]. 19 апреля 1883 г. было освящено создание новой Екатерининской улицы [1,д.430,л.9]/ Некоторые владельцы земельных участков, понимая важность прокладки улиц, отказывались от части своих участков в пользу города. Так, 17 июня 1875 г. на заседании Ялтинской городской думы в составе 16 гласных был награжден Митрофан Кузнецов, который добровольно передал участок земли в 22 сажени под Виноградную улицу в Новой части города[7].

Денежные отчеты Ялтинской городской думы в 1883-1884гг. гг. дают возможность изучить расходование средств на хозяйственные нужды города.

В архивных документах содержатся отчеты расходов Думы на устройство городского сада, улиц, читальни, скамеек, окраске фонарей, прокладке канализационных труб и т.д.[8].

Таким образом, Городовое положение от 16 июня 1870г. стало для Ялтинской городской думы правовой основой налогообложения, что повлекло быстрое возрождение хозяйственной жизни в города.

Бюджет думы, формировавшийся на основании норм Городового положения от 16 июня 1870г., состоял из обыкновенных и чрезвычайных сборов, которые превышали расходную часть.

Развитие курорта, приток капитала, значительно увеличил бюджет Ялтинского городского самоуправления, средства которого направлялись на строительство школ, больниц, скверов, городских дорог, Набережной и освещение улиц.

Собираемые налоги и сборы направлялись на содержание инфраструктуры города.

---

1 Путеводитель по Крыму/ Под ред. Н.Головкинского, К.Вернера.-М.,1889. С.233-234.
2 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1., д.332, л.16-90.
3 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1.,д.332,лл.28,,90;д.392,лл.1,40.
4 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1.,д.455, л.84.
5 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1., д.455, л.88.
6 Путеводитель по Крыму/ Под ред. Н.Головкинского, К.Вернера.-М.,1889. С.233-234.
7 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1.д.178,л.2-3; 18, с.38.
8 Государственный Архив Республики Крым.(ГАРК).-Ф.522.-Оп.1., д.427.

Присоединение в 1874 г. к Ялте значительных земельных территорий, на основании Указа императора Александра 11, позволило Ялтинской городской Думе в 1874 и 1886гг. разработать и утвердить планы застройки города, выделять земельные участки под строительство гостиниц, торговых заведений, частную застройку.

Федунова И. В.
студент магистратуры юридического факультета
Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПЕРЕВЫБОРОВ ГОРОДСКИХ ДУМ И ЗЕМСТВ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ЛЕТОМ 1917 г.

Городские думы Таврической губернии были избраны в 1913 году на основе закона «О Городовом положении» 1892 г., согласно которому в число выборщиков могли попасть только лица с определенным имущественным цензом в зависимости от ценности принадлежащего им имущества. Состав дореволюционных дум не отражал политических реалий 1917 года, что потребовало от представителей Временного правительства в регионе в лице губернского и уездных комиссаров, а также депутатов городских Советов срочно принимать меры для разрешения этого вопроса[1].

Цели и задачи исследования состоят в изучении избирательного закона, участия политических партий и результатах выборов в городские и земские самоуправления.

При написании работы автор использовал сравнительно-исторический метод исследования.

В мае 1917г. было принято новое Временное положение о городских и земских учреждениях. Компетенция органов самоуправления значительно расширялась в сравнении с Положениями 1890 и 1892гг. Надзор за перевыборами возлагался на губернского комиссара Временного правительства[2] .

12-13 апреля 1917 года на Губернский съезд в Симферополе собрались делегаты от земских и городских самоуправлений, партий, Советов, которые основываясь на распоряжении Временного правительства под № 922 принимают решение о демократизации земств и дум, через слияние эсеро-меньшевистских общественных комитетов с местными самоуправлениями. Губернский комиссар Н.Н.Богданов зачитал телеграмму Министра Председателя Временного правительства Г.Е.Львова, в которой говорилось, что «необходимо земские собрания и городские думы, избранные на прежнем цензовом принципе, пополнить представителями широких демократических слоев населения»[3]. Созданный Временным правительством институт губернских и уездных комиссаров являлся связующим звеном между органами исполнительной власти в лице дум и земств и правительством. Реализация распоряжения правительства давала возможность активного участия в работе самоуправлений представителям всех слоев городского и сельского населения губернии.

30 мая 1917 г. Временное правительство издало постановление о выборах новых демократических самоуправлений. Основой новой избирательной системы стало участие граждан всех национальностей и вероисповеданий, достигших 20 лет и проживающих в данной местности. Имущественное положение избирателей и гласных дум и земств не учитывалось.

---

1 Исаев И.А. История государства и права России. Полный курс лекций./ И.А.Исаев. М.,1994. С.235-236.
2 Исаев И.А. История государства и права России / И.А.Исаев.- М.,2004.С.537-538.
3 Государственный архив Республики Крым (ГАРК).-Ф.1694, оп.1, д.51. л.4.

В июне-июле 1917 г. состоялись выборы нового состава городских дум Таврической губернии, в которых значительным влиянием пользовались левые партии, объединившиеся на выборах в социалистические блоки.

Результаты выборов в думы по семи городам Крыма и Северной Таври показывают, что кандидаты от социалистических партий (меньшевиков, эсеров, украинских с-р) получили абсолютное большинство мест. Так, фракции эсеров Севастопольского, Симферопольского и Евпаторийского Советов шедшие на выборы в городские думы с самостоятельными списками, получили абсолютное большинство голосов и мест. В Бердянске, Керчи, Феодосии и Ялте эсеры блокировались с меньшевиками, а объединенный социалистический блок получил большинство. Кадеты набрали незначительное число голосов только в Симферополе и Ялте, им удалось получить чуть более трети мест. В городских думах Керчи, Евпатории и Бердянска кадеты не получили ни одного места. Украинские социалистические партии получили 7 мест в Симферопольской городской думе (более 25 %), 3 места в Севастопольской и 3 в Бердянской. Таким образом, городские думы Таврической губернии, как и Советы, после перевыборов в июне-июле 1917 г. стали органами власти с преобладающим влиянием социалистических партий, кадетские фракции выполняли роль конструктивной оппозиции.

В период Феодальной революции земства и думы оказывали поддержку органам власти Временного правительства Таврической губернии. Осуществив вооруженный переворот в Таврической губернии в январе 1918 г. большевики начали последовательно осуществлять марксистско-ленинскую доктрину слома буржуазной государственной машины, ликвидируя управленческие органы старого государства с сохранением на некоторое время старого технического аппарата. Основной удар был направлен на представительские органы-земства и думы, которые являлись основным препятствием для деятельности большевистских Советов в условиях диктатуры однопартийной системы. Местные городские и земские самоуправления, состоящие из представителей меньшевиков и эсеров, принимали резолюции, резко осуждающие насильственный захват власти в Крыму и Северной Таврии.

Харьковский Г.В.
студент юридического факультета
Санкт-Петербургский юридический институт (ф)
Академия Генеральной прокуратуры РФ

ПРОБЛЕМЫ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС)

Правовая реальность включает правосознание как важнейший ее аспект. От того, какое правосознание во многом зависит состояние правопорядка и его «негативная» сторона – правонарушаемость.

Для того чтобы определить каковы основные характеристики обыденного правосознания граждан нашей страны была поставлена задача провести социологический опрос и анкетирование граждан, не связанных с юридической деятельностью. Выборка из семидесяти человек, отобранная для наблюдения включала в себя различные возрастные группы. Молодежь в возрасте от 16 до 28 лет, средний возраст от 35 до 50 лет и зрелая часть населения от 55 до 70 лет. Респондентам был предложен перечень вопросов, касающийся состояния современного права и законодательства Российской Федерации.

Первая часть исследования заключалась в выяснении отношения опрашиваемых к предлагаемым правовым категориям. Содержание спонтанных ассоциаций молодёжной группы,

связанных с терминами «закон», «власть», «преступление», «право» и «государство», показало, как «далеки» молодые люди от правовых основ общества, чего нельзя сказать о двух других возрастных группах. Так, 68% респондентов связывают «право» с безграничной свободой, в то время как у 82% (35-70) под правом понимается возможность, защита и спокойствие, 74% (16-24) определяют «закон» как обязанность, 63% взрослой половины как правда, правопорядок, дисциплина, 53% и 88% ассоциируют «преступление» с наказанием, возмездием и карой, 94% предопределяют сущность «власти» как выражение силы, богатства, 63% видят в понятии «государство» защиту, проявление суверенитета, президента и правительство.

Далее населению были заданы вопросы относительно эффективности законодательства РФ и конкретных Федеральных законов. Большинство представителей молодежной группы, а именно 83% затрудняются ответить на эти вопросы, так как не интересуются и «не сталкиваются» с ними, 10% считают, что законы «нормальные, положительные». Представители средней группы неоднозначно оценивают современное законодательство: 52% считают, что законы «запутаны», «противоречат друг другу», «их сложно понимать», 40% уверены, что ФЗ «О курении» нарушает их конституционные права и свободы, КоАП – «вещь нужная, но зачастую инструмент для показателей», 32 % полагают, что проблемы не в законе, а в их применении, 16% уверены, что законодательство «хорошее, а проблемы в самих людях». Большая часть 80% зрелого населения характеризует федеральное законодательство, как «положительное, доступное, понятное», особенно «хороший» ФЗ «О защите прав потребителей»; сотрудник библиотеки: «Для того чтобы оценить, закон надо знать или конкретно с ним столкнуться. Не дай Бог». Остальные граждане затрудняются ответить.

Оценку деятельности органов государственной власти и должностных лиц население «дает» без затруднений. Больше половины молодежи (67%) считают, что деятельность органов государственной власти (Государственная Дума, Правительство РФ, полиция, прокуратура, суды) не соответствует интересам малозащищённых слоев общества, «всё делается за деньги», «подкуп должностных лиц», «в суде кто больше дал, тот и выиграл», только 27% дают «положительную» оценку, которая складывается на основе СМИ и мнении родственников. Представители средней и более возрастной групп непосредственно сталкивались с некоторыми органами государственной власти и их должностными лицами. Больше всего недоверия (80%) вызывает судебная система РФ и органы прокуратуры РФ, 63% недовольны работой Государственной Думы, считая её «бюрократическим, волокитным органом, который принимает ненужные законы», 70% граждан негативно относятся к сотрудникам полиции, так как «мало умных полицейских, отсутствие профессионализма и компетенции, больше, чем «рядовые» граждане нарушают закон», 52% характеризует Правительство РФ, как безответственный орган.

Следующей целью исследования было определение того, как и что подразумевают опрашиваемые под общеизвестной терминологией: «справедливость», «свобода» и «формальное равенство». Наиболее распространенным (57%) типом реакции на термин «справедливость» было описание справедливости как нечто недостижимое, субъективная категория, «для каждого справедливость своя», также под ней (35%) понимают «абсолютную правду», «когда обе стороны конфликта удовлетворяют свои интересы». С определением «свободы» мнение молодежной группы расходилось с мнением остальных двух групп. Так, 76% молодой части населения определяют «свободу», как безграничные возможности для реализации своих идей, «то, что должно быть у каждого», 90% старшего поколения связывают свою свободу со свободой и правами других людей: «чувствовать себя свободным в пределах разумного, не нарушая свободы другого», 5% считает, что «свободы» никогда не было и не будет. Что же касается «формального равенства», то абсолютное большинство определяют его, как «равенство перед законом и судом».

После этого респондентам был задан вопрос: «Какой должна быть конституция в желаемом (идеальном) обществе?». Больше половины, 80% членов молодежной группы не смогли дать ответа, так как им не приходилось «сталкиваться» с конституцией, и они не знакомы с ее содержанием. Около 70% представителей средней группы довольны нынешней конституцией, по их мнению, проблемы заключаются в ее реализации на практике, 20% предлагают ее изменить, сделать более простой, понятной и «лаконичной», один респондент заявил, что Конституция РФ зависима от других стран, в частности, от США. Граждане из старшей группы сомневаются в необходимости и полезности Конституции РФ (45%) и предлагают ее упразднить, так как она имеет декларативный характер, «существует для красоты», 40% «нейтрально» относятся к этому закону, поэтому затрудняются ответить на вопрос.

Представлялось интересным узнать мнение граждан о том, что необходимо сделать для хорошего правопорядка. Около 40% молодых людей считает, что для хорошего правопорядка нужно обеспечить неотвратимость наказания, 33% полагают, что нужно лучше воспитывать молодое поколение, заниматься правовым просвещением населения, 7% за привлечение граждан к общественным и политическим делам. Представители средней и старшей возрастных групп близки по своим взглядам, 43% настаивают на обеспечении и ужесточении неотвратимости наказания, 40% уверены, что неотвратимость наказания не улучшит правопорядок, поэтому «нужно формировать мышление законопослушного гражданина», проводить политику правового воспитания и т.д. и 23% настаивают на увеличении запретов в обществе.

Таким образом, результаты исследования позволяют предположить, что последовательные социально-политические преобразования в направлении построения правового государства и правовое просвещение могли бы в будущем привести к реальному изменению правового менталитета населения нашей страны и формированию новых привычек использования закона – к постепенному превращению его в естественное правило социальной жизни и в эффективный инструмент решения многочисленных проблем повседневности.

Шантырева Е.А.
старший преподаватель кафедры истории и теории права
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРИЧИНЫ

Преступность в целом подразделяется на отдельные виды, имеющие свои специфические особенности, которые выражаются как в криминологической характеристике, в причинности, так и в способах предупреждения преступлений отдельного вида и борьбы с ними. К такому отдельному виду преступности относится женская преступность.

Несомненно, разделение преступности по половому признаку имеет смысл, так как и количественное, и качественное содержание женской преступности имеет свои особенности и отличия от мужской. Что касается количественных особенностей и отличий, то на протяжении веков женская преступность всегда значительно уступала мужской. Соотношение уровня преступлений, совершаемых женщинами, к уровню преступлений, совершаемых мужчинами, равно 1:7. И это несмотря на то, что количество женщин в стране больше, чем количество мужчин.

Что касается качественных особенностей и отличий, то, как показывает статистика, соотношение корыстных и насильственных преступлений, а также иных преступлений,

совершенных женщинами, отличается от ситуации, сложившейся среди мужчин. Выделяются преступления, в которых отражается стереотип поведения, сложившийся под влиянием конкретной, характерной именно для женщин микросреды или ситуации в определенный период.

Специфична криминологическая характеристика личности женщины-преступницы. Как правило, среди них больше, чем среди выявленных преступников-мужчин, лиц старшего возраста. И эта тенденция сохраняется до настоящего времени, несмотря на то, что в целом в последние годы прослеживается омоложение преступников. Образовательный уровень женщин-преступниц всегда был выше по сравнению с мужчинами-преступниками, однако, раньше никогда не отмечалось такого высокого прироста среди преступниц числа лиц, имеющих высшее образование.

Это лишь некоторые особенности и отличия женской преступности. За последние годы наблюдается значительный рост как общей преступности, так, соответственно, и женской. Несмотря на различия, женская преступность, разумеется, отражает общие закономерности преступности и ее изменения. Она выступает в качестве подсистемы общей преступности и органически с ней взаимосвязана.

Существует несколько теорий, которые обосновывают отставание женской преступности от мужской. А. Кетле объяснял меньшую преступность женщин не только их физической слабостью, но и отрешенностью от общественной жизни, замкнутостью в кругу семейных обязанностей. Однако по мере все большего включения женщин в общественную жизнь, профессиональную деятельность, а также в периоды роста преступности, удельный вес женской преступности в обшей оставался всегда небольшим. Он был во много раз меньше удельного веса преступности мужчин.

Другое объяснение этого явления: было выдвинуто предположение представителями антропологической школы - Ч. Ломброзо и его последовательницей в России П. Н. Тарковской. Более низкая интенсивность женской преступности связывается ими с особенностями женского организма и характера, природой женщины, в определенной степени с ее «биологической недоразвитостью».

Однако все последующее развитие науки показало, что приоритет в причинном комплексе преступности принадлежит тем обстоятельствам, которые формируются в условиях социальной жизни. Именно они оказывают наиболее значимое влияние на формирование преступного поведения женщины, как, впрочем, и правомерного. На мой взгляд, можно выделить как биологические, так и социальные причины женской преступности. Хотя эти причины очень тесно взаимосвязаны.

С самых древних времен женщина была хранительницей домашнего очага, а мужчина был охотником или рыболовом. Допустим, что основой такому распределению социальных ролей было физическое неравенство, хотя это достаточно спорно, так как известно, что существовали амазонки, которые не уступали в физической силе любому мужчине. Поэтому, помимо возможного физического неравенства, с моей точки зрения, основой разделения функций на мужские и женские послужили нравственно-психологические различия полов. Женщина, как изначально задумано природой, является матерью, соответственно, в ней преобладают созидательные качества, мужчина же, как охотник или рыболов, наделен больше агрессивными качествами. Это вовсе не означает, что женщины лишены агрессии, а мужчины не способны к созиданию. В практике встречаются женщины, которые убивают своих новорожденных детей без всякого сожаления, и отцы, которые с успехом воспитывают не только своих, но и приемных детей.

Дело в том, что у большинства женщин преобладают те качества, которые препятствуют совершению преступлений, так как мотивации женского поведения, как правило, связаны с семьей. Охрана семьи, обеспечение благополучия, материального и психологического комфорта в семье. При этом ответственность за семью чаще всего также несет женщина. Вследствие этих причин жизнь женщина мало совместима с криминальной деятельностью, ибо она осознает свою ответственность за своих детей, за целостность и благополучие семьи. Соответственно, если женщина встает на путь преступлений, то она подвергает опасности свою семью, так как очень велика вероятность, что она понесет заслуженное наказание в тюрьме, а во время отбывания наказания, скорее всего, ее семья распадется, и неизвестно, кто будет заниматься воспитанием и выращиванием ее детей. Также семейному человеку гораздо сложнее уклонится и избежать наказания, так как, если преступник решит скрываться, переменить место жительства, то наличие семьи осложнит это желание. Также семейному человеку труднее найти время для обдумывания и совершения преступления, так как семейные хлопоты отнимают достаточно много времени. Помимо перечисленных причин, существуют и другие причины, которые не дают женщине стать преступницей. Именно с большей привязанностью женщины к семье, чем мужчины, связан тот факт, что жертвами насильственных преступлений, совершаемых женщинами, как правило, являются мужья, сожители, дети, ближайшие родственники.

Таким образом, на мой взгляд, природная предрасположенность женщины определяет ее социальную роль в обществе, которая, в свою очередь, влияет на уровень преступности среди женщин. Поэтому, определяя обстоятельства, приводящие к совершению преступлений, необходимо учитывать характер деятельности женщин в обществе, то есть все ситуации, которые возникают в связи с занятостью женщины на работе и дома. Такой же подход правомерен и для рассмотрения мужской преступности. Обладая от природы качествами завоевателя, агрессора, мужчина и в социуме играет соответствующую роль, чем и обосновывается перевес мужской преступности над женской. Также мужчина занят в большем количестве сфер жизни и более социально активен, соответственно, у него больше условий и провоцирующих конфликтных ситуаций, которые влекут совершение преступлений.

В последние годы наблюдается стремительный рост кривой преступности, в том числе и женской, как одной из ее составляющих. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что изменения в политической и экономической жизни России повлекли рост социальной напряженности, социальных конфликтов и противоречий.

Также произошли изменения в понимании социального статуса женщины, что, безусловно, отразилось на женской преступности, как на ее количестве, так и на качестве.

Следствиями переменившейся ситуации в стране, а также более конкретными и непосредственными причинами, влияющими на рост уровня преступности, являются рост безработицы, снижение реальных до ходов, рост пьянства среди женщин, а также уменьшение значения семьи, то есть рост количества разводов при невысоких показателях количества заключения браков.

В результате существует несколько видов преступлений среди женщин, в которых наблюдается особенный рост. К таким видам преступлений относятся насильственные преступления, совершаемые на семейно-бытовой почве, корыстные преступления, экономические преступления.

Помимо кризиса в политической и экономической жизни, в России наблюдается духовный кризис, который связан с невозможностью людей, в данном случае женщин, справиться с трудностями, возникшими в связи с изменившейся ситуацией в стране. Это послужило одним из стимулов увеличения уровня пьянства, что в свою очередь повлекло рост

числа насильственных преступлении в семье. Конфликты между родственниками, чаще всего между супругами, разгоревшиеся в состоянии опьянения, зачастую заканчиваются либо убийством, либо нанесением телесных повреждений различной тяжести.

Невозможность реализоваться, безработица, падение уровня жизни, а также падение интереса к семейным ценностям приводит к тому, что женщины нередко встают на криминальный путь, пытаясь добыть средства к существованию или средства для поддержания того уровня жизни, который они считают достойным для себя, совершая корыстные преступления. Правда, женщины-преступницы чаще избирают такие виды преступлений, как вымогательства, обман покупателей, мошенничество, кражи. Гораздо реже женщины участвуют в разбоях и грабежах, хотя с каждым годом ситуация меняется и женщины «догоняют» мужчин.

С моей точки зрения, увеличение в последнее время доли преступности женщин в общей преступности связано, наряду с другими причинами, с уравниванием полов в правовом, социальном и других аспектах. Если женщина в обществе становится равной мужчине, то она невольно перенимает мужской тип поведения, который изначально более агрессивен. Отсюда рост насильственных преступлений в семье, так как женщина и дома начинает себя вести более жестко. Женщина пробует себя активнее и в корыстных преступлениях, так как те природные свойства, которые в ней заложены для сохранения семьи, отходят на второй план. Женщина не стремится теперь брать всю ответственность за семью на себя, она делит ответственность на двоих. Доля ответственности за семью, как основной сдерживающий фактор от криминальной деятельности, снижается, что ведет к росту преступлений.

Особенно в экономической сфере уравнивание полов повлияло на увеличение процента женской преступности, так как у женщин появились условия для совершения данного вида преступлений. Ранее значительно меньше женщин занималось предпринимательской деятельностью, реже их можно было увидеть на руководящих постах, в основном женщины занимали те должности (рабочие места), которые были «не приспособлены» для совершения экономических преступлений.

Таким образом, смешивание социальных ролей мужчины и женщины привело к тому, что и женщина, и мужчина попадают з разные ситуации, которые возникают в связи с их занятостью на работе и дома. То есть, вероятность возникновения, например, конфликтов, которые могут, закончится преступлением, возникновение возможностей для совершения экономического или корыстного преступления, впрочем, и насильственного тоже, одинакова как для мужчины, так и для женщины. Естественно, не каждый человек, независимо от иола, решится на преступление, даже если возникла такая возможность. Однако если раньше женщина обладала набором тех нравственно-психологических характеристик, которые необходимы для совершения преступления, то у нее не всегда были те же возможности, что и у мужчины, который обладал таким же набором. Теперь, поскольку и у мужчины, и у женщины равные возможности для реализации своих преступных устремлений, то почему бы женщине их не реализовать? Это уравнивание полов можно рассматривать как одну из причин увеличения женской преступности по отношению к мужской преступности.

Шарикова В.П.
к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики
Полоцкий государственный университет

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. Общемировые тенденции преступности, наблюдаемые сегодня, свидетельствует не только о социальных проблемах, но и об определенном духовном кризисе современного глобального сообщества. В силу чего, криминологический поиск детерминант преступности необходимо предполагает одновременное обращение к разноуровневым и разноприродным феноменам: феноменам социальным и феноменам духовным, обуславливающим существование преступности.

2. Изучение социальных факторов преступности уже прочно вошло в предметную область криминологии. Так, криминология активно формирует соответствующий понятийный аппарат, в том числе посредством интенсивного заимствования терминов из теории социологии, что объясняется, прежде всего, обращением криминологов к исследованию проблем, рассмотрение которых в социологии уже имеет и свою традицию и качественно-значимые результаты. В современных криминологических исследованиях механизм воздействия социальной среды на формирование мотивации личности к выбору преступного поведения занимает одно из ключевых мест, как и поиск закономерностей социального влияния на воспроизводство преступности. Криминологи активно адаптируют и социологический инструментарий для установления детерминационных связей между социальными процессами и преступностью, разрабатывая методический потенциал социологических исследований для изучения преступности и преступлений.

3. Криминологическое исследование общества позволяет вскрыть социальные проблемы, обуславливающие преступность, но изучать истоки преступности невозможно, без вовлечения в орбиту криминологического поиска проблематики духовности и вопросов духа.

4. Феномен права, правосознания, правовой культуры, по существу, является феноменом духовной жизни человечества. И сегодня внимание криминологов привлекает не только то, что право требует для своего осуществления свободы действующего субъекта, и, посягательство на внешнюю свободу личности, охраняемую правом, неизбежно сопряжено с преступлениями, но и то, что в идее права уже содержится качество этой свободы. Право обеспечивает свободу внешнюю как необходимое условие внутренней духовной свободы человека. Свобода, утверждаемая правом – относительна, она значима, но значима собственно в силу того, что позволяет развиваться духовному началу личности свободно. В современном мире мы все чаще сталкиваемся с парадоксальным феноменом, когда право используется как средство порабощения духа, что способствует распространению организованных форм преступной активности.

5. Познание механизма индивидуального преступного поведения без обращения к духовному началу личности чревато редуцированием, сведением личности либо к продуктам исключительно социального влияния, либо – биологического. Подобные попытки в истории криминологии были и вызывали, на каждом своем новом витке, серьезные научные дискуссии. Современная криминология свободно обращается к проблемам самоопределения личности и находит, что их изучение без определения ценностного начала человека, не плодотворно. Здесь мы тоже сталкиваемся с рядом проблем. Расширение объема понятия «ценности», определенная мода, возникшая на его использование в лексиконе современного человека, приводит к тому,

что и криминологическое оперирование данной категорией не совсем предметно. Ценностями называется все, что может быть актуализировано личностью в качестве таковых. Отсюда возникает и распространяется глубоко ложное представление, что у преступника свои ценности, а у правопослушного гражданина – свои. Ускользает объективность понимания сущности того, что может быть отнесено к категории ценностного, а соответственно уменьшается и продуктивность научного поиска.

6. Поиск детерминант преступности предполагает уяснение соотношения автономии лица в формировании своего поведения и обусловленности поведения личности внешними обстоятельствами. Классики юриспруденции настаивали на том, что воля человека приходит в движение для того, чтобы реализовать конкретную цель (causa finalis), и этот внутренний процесс выработки цели лежит вне закона причинности, которому подчиняется выражение воли во внешнем мире, тем самым констатировалась определенная гносеологическая недостаточность детерминистической концепции и необходимость её дополнения телеологической связью[1]. Но определение целеполагания действующего субъекта в качестве движущей силы его поведения вынуждает ученного обратиться к рассмотрению закономерностей функционирования духовных процессов.

7. Качественные показатели современной преступности в глобальном масштабе также достаточно красноречиво свидетельствуют в пользу необходимости обращения к анализу духовных начал культуры. Во-первых, увеличение спроса на проституцию, порнографию, наркотики свидетельствует о том, что этот процесс имеет духовные корни[2]. Во-вторых, все больше стран становятся горячими точками ради утверждения свободы личности. При этом транслируется понимание свободы как потенции отрицания традиций, то есть тех форм, в которых живут ценности конкретной общности. Понятно, что объективным результатом становится не только утрата искомой свободы, поскольку разрушается живая ткань её существования, но и гибель тысяч людей, что неизбежно связано с преступностью и поэтому обращает на себя внимание криминологов.

8. Все вышеизложенное имеет своей целью подчеркнуть специфику криминологического взгляда на реальность. Взгляда направленного не только на процессы социальные (на сущее), но и на процессы духовные (на должное), где господствует свобода, ценности (как абсолютные цели) и традиции (формы существования ценностей). Как представляется, дальнейшее более вдумчивое освоение методологии исследования духовных феноменов и процессов является обязательным условием повышения продуктивности криминологических исследований и развития криминологической науки в будущем.

---

[1] Иеринг Р. Цель в праве / пер. В. Р. Лицкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюжинского. СПб.: Изд. Н. В. Муравьева, 1881. Т. 1., С. 2

[2] Обзорное резюме. Саратовский центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. НП «Центр научно-правовых инициатив Н.А. Лопашенко» // Сайт : http://sartraccc.ru (дата обращения 22.05.2015) : http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub_inter/globcrimsum.htm

Шатов С.А.
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Псковский филиал Академии ФСИН России
Тюриков В.И.
курсант Псковского филиала Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)

Процессу формирования в современной России гражданского общества и правового государства препятствует деструктивное проникновение коррупции в наиболее важные сферы политической и экономической жизни. Проблема коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления – общепризнанный факт, в связи с чем совершенствование антикоррупционного законодательства является неотъемлемой частью современной нормотворческой деятельности.

В настоящее время коррупция оказывает явное разрушительное воздействие на все государственно-правовые институты, что дестабилизирует криминогенную обстановку и существенным образом препятствует эффективной реализации законодательства. Главным образом, эта проблема обусловлена интересами отдельных людей и их объединений, которые, не имея возможности достижения своих целей легальным образом, готовы идти на подкуп государственных или муниципальных служащих.

Официальное определение коррупции содержится в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1], согласно которому коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных выше деяний от имени или в интересах юридического лица.

Вместе с тем ряд ученых-юристов дают свои трактовки данному противоправному явлению. Например, С.В. Максимов к деяниям коррупционного характера относит взяточничество; криминальный лоббизм; покровительство на основе личных связей; незаконное участие в предпринимательской деятельности лично или через близких либо доверенных лиц; предоставление исключительных прав на что-либо в целях корыстного использования; приобретение или отвлечение государственных средств и собственности для своей корпоративной группы; любое использование или манипулирование служебной информацией в личных или групповых интересах; прямые или косвенные взносы в период избирательных кампаний в пользу определенных партий или лиц, а также и на иные политические цели и т. д.[2]

По мнению А.И. Долговой, коррупция, в сущности, характеризуется подкупом-продажностью компетентных должностных лиц, когда один субъект, занимающий определенное служебное положение, наделенный определенными служебными полномочиями, подкупается другим субъектом ради того, чтобы соответствующее служебное положение и полномочия были использованы в интересах подкупающей стороны[3].

---

1 Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 58. Ст. 6228.

2 См.: Максимов С.В. Коррупция. Законная ответственность: монография. М., 2000. С. 43–44.

3 См.: Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 731.

По мнению ряда авторов, коррупция не образует единого состава преступления, а деяния, относящиеся к коррупции, обычно признаются различными самостоятельными преступлениями, которые могут выражаться в получении взятки, злоупотреблении должностными полномочиями, их превышении, служебном подлоге, провокации взятки или коммерческого подкупа и др.[1]

Способность коррупции дестабилизировать многие сферы жизни общества предопределяет ее классификацию на следующие основные виды: политическую, административную, судебную, экономическую и бытовую. Прогрессивный зарубежный опыт показывает, что социально-правовой основой формирования антикоррупционного законодательства являются нормы в области уголовного, гражданского, финансового, трудового и административного права.

В контексте проведенного нами исследования необходимо отметить, что существенную опасность представляют преступления, направленные против нормального функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Прежде всего, это выражается в таких действиях, когда сотрудник уголовно-исполнительной системы за определенное вознаграждение передает осужденным наркотики, запрещенные предметы, мобильные телефоны, оказывает помощь в подготовке побега и т. д.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что необходимо более глубоко и детально исследовать уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты противодействия преступлениям коррупционной направленности. В течение последних лет наблюдалась тенденция усиления наказаний за коррупционные преступления. Однако, как нам представляется, это борьба главным образом со следствием данного социально-девиантного явления, а не с его подлинными причинами.

Вместе с тем, по нашему мнению, основными причинами совершения преступлений коррупционной направленности являются: 1) низкая степень вероятности привлечения виновных должностных лиц к ответственности; 2) наличие пробелов в антикоррупционном законодательстве и недостаточная эффективность практики его применения; 3) недостаточный уровень независимой контрольно-надзорной деятельности за функционированием субъектом публичного управления; 4) несовершенство формулировок в нормативных правовых актах; 5) многие принятые нормативные правовые акты не обеспечены должным образом организационно и материально; 6) стратегические ошибки в реализации кадровой политики и отсутствие продуманной ротации кадров в системе государственно-управленческого аппарата (в частности в уголовно-исполнительной системе).

Реализуя государственную стратегию в сфере противодействия коррупции, Федеральная служба исполнения наказаний России ведет с данным явлением активную борьбу, под которой понимается, прежде всего, такая деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий, как: 1) предупреждение преступлений коррупционного характера; 2) выявление и устранение их детерминант (профилактика); 3) обнаружение, пресечение, раскрытие, расследование и предупреждение таких преступлений; 4) ликвидация и (или) минимизация последствий данных преступлений.

---

[1] См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001. С. 445.

Шерснёва В. Ю.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

КРИМИНАЛИСТИКА О ПОДДЕЛКЕ ПАСПОРТА

В реалиях современного мира существует необходимость в наличии у физических лиц документов, которые бы устанавливали личность человека. Основным таким документом у физических лиц является паспорт, который не только позволяет установить личность, но также подтверждает правовую связь человека с конкретным государством, иначе говоря, его гражданство. Паспорт относится к такому роду документов, которые обладают определенными средствами защиты от подделки. Однако, несмотря на это, все же подделка паспортов имеет место быть и на сегодняшний день.

Поддельный паспорт можно отнести к такому виду подлога, как материальный, так как при подделке паспорта происходит искажение содержания подлинного документа или же абсолютное изготовление поддельного документа[1]. Следовательно, можно выделить полную (абсолютную) и частичную подделку паспорта.

На современном этапе наибольшую трудность в выявлении поддельных паспортов вызывают частичные подделки – паспорта с изменением отдельных реквизитов, среди которых следует отметить замену фотографии, информационной страницы, изменение серийного номера и номера страниц[2]. Замена фотографии – это наиболее распространенный способ подделки паспортов. По мнению Н.В. Ефременко, существуют следующие способы замены фотографии: вырезание фрагмента ламинирующей пленки по контуру фотографии; образование крестообразного выреза на бланке паспорта с оборотной стороны фотографии; отклеивание защитной ламинирующей пленки; использование второй ламинирующей пленки; перекрывание новой защитной пленкой; удаление фотографического изображения на бланке травлением; имитация средств защиты. Каждый из указанных способов замены фотографии характеризуется определенными особенностями, однако у них можно выделить и общие черты, а именно: повреждение ламинирующей пленки или самого ламината; повреждения на самой фотографии. При замене данных на информационной странице часто используется такой способ, как перекрывание новой защитной пленкой с нанесенными на ней новыми установочными данными[3].

Иногда для подделки паспорта, а именно для удаления установочных данных или же фотографии, могут быть применены травление, основанное на химических реакциях, и подчистка, осуществляемая с помощью каких-либо острых предметов (лезвие, нож и др.). Признаками травления на страницах паспорта являются наличие различных потеков и пятен, изменение цвета бумаги, а также нарушение защитной сетки. Признаками подчистки могут служить утоньшение слоя бумаги, повреждение штрихов защитной сетки[4].

Одним из защитных средств паспорта служит перфорационный серийный номер (такое

---

1 Криминалистика: Учеб. пособие / А.В. Дулов, Г.И. Грамович [и др.]; Под ред. А.В. Дулова. – Мн.: ИП «Экоперспектива», 1998. – С. 238.

2 Ефремнко Н.В. Способы подделки паспортов / Н.В. Ефременко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2007. – № 1 (13). – С. 150.

3 Ефремнко Н.В. Способы подделки паспортов / Н.В. Ефременко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2007. – № 1 (13). – С. 152.

4 Криминалистика: Учеб. пособие / А.В. Дулов, Г.И. Грамович [и др.]; Под ред. А.В. Дулова. – Мн.: ИП «Экоперспектива», 1998. – С. 240-241.

средство защиты имеется у паспорта Республики Беларусь). При подделывании такого перфорационного номера могут наблюдаться различные формы и размеры проколов, их неупорядоченное размещение; несоответствие по форме, размерам и расположению части перфорации на бланке паспорта[1].

Также при подделывании паспорта может иметь место и замена его листов. На такой способ подделки может указывать различие в качестве и цвете бумаги оригинала и вновь вклеенной страницы, а также несоответствие нумерации страниц в паспорте[2].

Таким образом, современные достижения науки и техники, используемые преступниками, способствуют качеству подделываемых ими паспортов. Вследствие этого меры и приемы, принимаемые правоохранительными органами для выявления подделок паспортов, должны также соответствовать научно-техническому прогрессу. На наш взгляд, более эффективным методом борьбы с подделкой паспортов будет являться разработка новых усовершенствованных средств защиты этих документов.

Шибанова Т. Б.
к.э.н., старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

МЕСТО АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР В ЕДИНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реформирование судебной системы, проводимое в последние годы, унификация процессуальных процедур потребовали адекватного правового регулирования. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – Концепция) призвана стать воплощением новаторских идей при сохранении основ российской процессуальной доктрины[3].

Целью разработки нового ГПК является повышение эффективности российского судопроизводства, в том числе за счет укрепления альтернативных способов разрешения споров, примирительных процедур, которым отведена 15 глава Концепции.

Новеллой является расширение перечня данных процедур, к которым отнесены переговоры, сверка расчетов, медиация, судебное примирение, обязательный претензионный порядок разрешения спора по отдельным категориям дел. При этом перечень способов разрешения споров должен остаться открытым[4].

Основной примирительной процедурой, по замыслу Концепции, становятся переговоры, достоинствами которых являются отсутствие посредников и вмешательства со стороны.

В условиях развитого гражданского общества переговоры действительно могут стать эффективной формой примирения, разрешения споров и конфликтов. Однако на наш взгляд, при явной недостаточности в настоящее время практики корпоративных отношений, отсутствии обычаев в духе европейского договорного права (значительное число споров, рассматриваемых

---

[1] Ефремнко Н.В. Способы подделки паспортов / Н.В. Ефременко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2007. – № 1 (13). – С. 153.

[2] Аверьянова Т.В. Криминалистика. Учебник для вузов / А.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю. Г. Корухов [и др].; Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской федерации, профессора Р.С. Белкина. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФА • М), 2000. – С. 313.

[3] " Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)) [электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/.

[4] Там же

судами, имеют договорную природу), полноценной информации о тактике переговорного процесса, отсутствии достаточного количества специалистов, способных его обеспечить, рассматривать переговоры в таком качестве считаем преждевременным.

Сверка расчетов. Данное понятие понимается в Концепции широко, распространяясь не только на финансовые, но и иные документы, если вторая сторона не имела возможности с ними ознакомиться заблаговременно. В отличие от остальных примирительных процедур, сверка расчетов может быть признана судом обязательной[1].

Появление такого способа примирения, как сверка расчетов, безусловно, является новеллой процессуальной доктрины и способно положительно сказаться на процессуальной экономии, поскольку будет способствовать более глубокой совместной проработке сторонами предмета и основания иска.

Судебное примирение. Заключается в указании сторонам процесса на возможности мирного урегулирования спора в целях сохранения между ними деловых отношений, взгляд на дело «со стороны». Судебными примирителями могут быть судьи в отставке, помощники судей, не принимающие участие в рассмотрении данного дела, работник аппарата суда, имеющий высшее юридическое образование[2].

Установление данного способа альтернативного разрешения спора позволит реализовать неоднократно высказываемую идею ВАС РФ об активной роли суда в процессе примирения сторон. Положительным моментом Концепции является разделение понятий судебного примирителя и медиатора: «не следует судебного примирителя рассматривать в роли своего рода непрофессионального медиатора, работающего в суде, поскольку судебное примирение не должно подменять собой процедуру медиации» (ст. 15.3.4. Концепции). Стоит, однако, усомниться в безусловной эффективности данного способа примирения, поскольку участие помощников судей и работников аппарата суда в примирении сторон станет дополнительным бременем в их трудовых обязанностях, увеличит их нагрузку, отвлечет значительные ресурсы от обеспечения эффективной работы самого суда, что в конечном итоге прямо противоположно целям, ради которых этот институт разрабатывался. Об этом свидетельствует также опыт Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, в котором несколько лет назад проводился подобного рода эксперимент, не оправдавший (по тем же причинам) возлагаемых на него надежд.

Обязательный претензионный порядок урегулирования спора доказал свою эффективность и нуждается в совершенствовании в части расширения категорий дел, в которых данный порядок применяется, а также уточнения условий его соблюдения. Следует согласиться с высказанным в Концепции (п. 15.1) критерием, по которому судебный порядок по данным категориям дел будет применяться только в случае неэффективности порядка досудебного[3].

Процедура разрешения спора с участием посредника (медиация). Данную процедуру называют королевой переговоров, однако в отличие от них медиация всегда проводится в ситуации конфликта. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», принятый в 2010 году, создал правовые условия для развития в Российской Федерации данного альтернативного способа разрешения споров. На наш взгляд, Концепция незаслуженно обошла вниманием данный институт, лишь упоминая о целесообразности определения правил медиации с учетом существующего специального закона.

---

1 Там же

2 Там же

3 Там же

Между тем, эффективность процедуры медиации в разрешении споров и конфликтов подтверждена сегодня не только зарубежным опытом, но и российской практикой. Так, в США с помощью применения медиации отсеивается примерно 30-50% дел в судах мелких исков, причем соглашение достигается в пределах 45-90% дел, переданных для урегулирования посреднику; исполнимость таких соглашений составляет 71%, судебных же решений - 34%[1]. В Англии 85% споров, которые разрешались путем посредничества в Центре эффективного разрешения споров, завершились заключением соглашения (при средней продолжительности медиации в полтора дня), 6% были мирно урегулированы в течение трех месяцев после проведения посредничества и лишь 9% споров переданы на разрешение в суд[2]. В Санкт-Петербурге в рамках эксперимента по внедрению примирительных процедур (медиации) в практику мировых судов, введенного постановлением Совета судей Санкт-Петербурга от 24.07.2008г., за период с 2008 по 2010 годы 79% уголовных и 73% гражданских дел закончились мировым соглашением (при средней продолжительности процедуры медиации 2, 8 часа/дело)[3]. В Перми 75% дел, переданных медиатору, закончились примирением сторон; в результате работы посредников на судебных участках снизилась на одну треть нагрузка на судей, следствием чего стало более быстрое и эффективное рассмотрение других дел[4].

Результативность медиации обусловлена, прежде всего, неукоснительным соблюдением основных ее принципов: добровольности, равноправия, конфиденциальности, нейтральности. Именно медиация позволяет решить спор на основе взаимных интересов, что способствует сохранению отношений сторон, в отличие от судебного процесса, в котором спор рассматривается и разрешается на уровне позиций, изложенных в представляемых документах. При этом всегда есть проигравший, что, очевидно, в большинстве случаев не способствует дальнейшим доверительным отношениям.

Таким образом, медиация как альтернативный судопроизводству способ разрешения споров способна взять на себя часть неуклонно возрастающей судебной нагрузки, снизить расходы государственного бюджета, связанные с пересмотром дел, содействовать повышению правовой культуры и этики делового общения.

Концепция нового ГПК способна сыграть значительную роль в развитии медиации и иных примирительных процедур. Однако в существующей редакции Концепции, на наш взгляд, отсутствуют полноценные механизмы их адаптации в судопроизводстве. В частности, это касается процедуры привлечения медиатора в процесс, гарантий соблюдения судами процессуальных сроков при рассмотрении споров с участием медиатора, экономического стимулирования договоренностей. Без решения этих вопросов альтернативные процедуры, особенно переговоры и медиация, по-прежнему останутся «колоссом на глиняных ногах», будучи не в состоянии решить поставленные перед ними задачи.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к успешному опыту европейских государств и США, где примирительные процедуры занимают центральное место в разрешении споров. Так, в США до судебного рассмотрения доходят лишь 5% дел, остальные

---

[1] Носырева Е. И. Доступность процедуры медиации в рамках гражданского судопроизводства/Внедрение медиативных процедур в гражданское общество и практику работы судов. Санкт-Петербург: Материалы Конференции. – 31 марта 2011г. – С.17.

[2] Панова И. В. Медиация: проблемы и пути их решения./Вестник ВАС РФ. – 2011. –№10(227). – С.74.

[3] Андреева О. И. Опыт внедрения медиации в мировые суды Санкт-Петербурга/Внедрение медиативных процедур в гражданское общество и практику работы судов. Санкт-Петербург: Материалы Конференции. – 31 марта 2011г. – С.31-32.

[4] Яковлева Ю. А. Развитие медиации в Пермском крае/Внедрение медиативных процедур в гражданское общество и практику работы судов. Санкт-Петербург: Материалы Конференции. – 31 марта 2011г. – С.35.

95% завершаются после прохождения примирительных процедур. Похожая ситуация и в других странах с состязательной моделью судопроизводства[1].

Унификация европейского законодательства привела к принятию в 2002 году Типового закона ЮНСИТРАЛ о международной согласительной процедуре, положения которого могут без значительной адаптации применяться для урегулирования внутренних споров. Совет Европы принял Рекомендации о семейном посредничестве 1998 г. и о посредничестве в гражданско-правовой сфере 2002 г.

Для создания в РФ эффективно работающего механизма альтернативного разрешения споров необходимо учитывать как общеевропейское, так и процессуальное законодательство ряда зарубежных государств, особенно с состязательной моделью судопроизводства.

В частности, целесообразно сделать обязательным досудебное урегулирование спора по ряду категорий дел, распространив в едином ГПК предложение п.15.1 Концепции не только на претензионный порядок, но и на медиацию. Данная процедура весьма эффективна в семейных спорах (делах о разводе, разделе имущества; спорах, связанных с детьми), спорах, вытекающих из договоров, трудовых, корпоративных и др. Подобный опыт обязательного досудебного урегулирования применяется в Финляндии, где примирительные процедуры являются обязательной стадией процесса по всем гражданским делам; в Англии по коммерческим спорам; во Франции по делам о разводе; в Баварии по спорам с ценой иска до 800 евро; в Австралии по всем искам коренного населения, а также по семейным делам, где посредничество именуется первичным разрешением споров, а суд наделен правом передавать дела на разрешение посреднику даже без согласия сторон[2].

В соответствии со ст. 148 ГПК РФ и 133 АПК РФ, задачей суда по подготовке дела к судебному разбирательству является, в том числе, принятие мер к примирению сторон. Однако содержание этих мер не раскрывается, в связи, с чем судьи чаще всего ограничиваются лишь разъяснением сторонам их права заключить мировое соглашение или обратиться к посреднику. Во Франции данный вопрос решается иначе: решение суда по делам о расторжении брака может быть признано недействительным в случае отсутствия попытки примирения[3].

В целях обеспечения гарантий соблюдения процессуальных сроков при обращении к примирительным процедурам в едином ГПК целесообразно предусмотреть возможность приостановления производства по делу, как это предусмотрено, например, законодательством Словении[4].

В Концепции единого ГПК указывается на необходимость стимулирования сторон к примирению, применяя экономические методы. В частности, предлагается предусмотреть в Налоговом кодексе РФ возможность возврата части государственной пошлины в случае достижения договоренности по любой примирительной процедуре. Данная норма станет развитием действующей – о возврате 50% уплаченной госпошлины при заключении сторонами мирового соглашения.

Однако этого, по нашему мнению, недостаточно. В едином ГПК следует предусмотреть не только систему поощрения, но и наказания. В США, например, в случае недостижения договоренности в результате примирительных процедур размер государственной пошлины

---

1 Примирительные процедуры как способ оптимизации гражданского судопроизводства [электронный ресурс] URL: http://u4isna5.ru/doklad/84-2012-03-25-12-44-22/631-2012-03-25-15-55-25).

2 Там же

3 Там же

4 Там же

увеличивается, в Великобритании по делам о расторжении брака суд вправе наложить штраф на стороны за отказ от примирения[1].

В числе значимых новелл единого ГПК называют содержащиеся в Концепции положения относительно судебных расходов. В частности, к их числу предлагается отнести расходы, понесенные истцом до возбуждения дела в суде, связанные с соблюдением обязательного досудебного порядка разрешения спора. На наш взгляд, данные положения следует распространить на все названные в Концепции примирительные процедуры, не только на обязательные.

Положительным с точки зрения развития гражданского общества является распространение примирительных процедур на дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, а также дела частного обвинения, однако данная концепция нуждается в доработке в части особенностей ее применения.

С целью выработки эффективного механизма привлечения судебного примирителя, медиатора в процесс, представляется целесообразным организация эффективного взаимодействия суда и медиаторского сообщества с целью решения следующих задач:

1. Повышение информированности судейского корпуса, работников суда о сути и особенностях процедуры медиации, иной примирительной процедуры.

Свою эффективность показало также обучение судей и их помощников технологии медиации. В частности, в Санкт-Петербурге обучение позволило значительно повысить экономическую эффективность самой медиации, сократив время на ее проведение (с 3,68 часа до 2,1 часа на одно дело), в основном, за счет сокращения немедиабельных случаев[2]. По данным Пермского края у судей, прошедших медиаторское обучение, 30-40% дел закачиваются либо отказом истца от иска, либо заключением мирового соглашения; отмечается уменьшение на 3% отказов от исполнения решений[3].

2. Проработка механизма привлечения медиатора, судебного примирителя в процесс. В этой связи возможно принятие судом соответствующего положения о порядке взаимодействия с медиаторами, осуществляющими свою деятельность на профессиональной основе, отражающего оптимальный с точки зрения обеспечения задач судопроизводства порядок участия медиаторов в процессе рассмотрения дел (ограничение медиации определенным сроком, право медиатора прекратить процедуру в случаях затягивания процесса сторонами и др.).

3. Конкретизация категорий дел, по которым возможно проведение медиации.

В частности, посредничество эффективно в следующих спорах:

- возникающих из гражданско-правовых отношений;
- «трудных» или затяжных делах; спорах, не имеющих юридической квалификации, которые сложно разрешить в силу особенностей законодательства;
- в тех категориях дел, в которых вынесение судебного решения не приводит к разрешению конфликта, а наоборот, может стимулировать возникновение новых судебных процессов. Особенно это касается тех дел, стороны которых связаны определенными отношениями. Например: разводящиеся супруги, у которых есть дети; соседи, соучредители и т.д.
- связанных с разделом чего-либо ;
- вытекающих из договоров;

Посредничество не применимо в случаях:

---

1 Там же

2 Андреева О. И. Указ соч. С.31

3 Яковлева Ю. А. Указ соч.

- наличия возрастных деменций, психических заболеваний, алкоголизма и наркомании у сторон;
- стремления наказать;
- необходимости судебного решения для последующей реализации своих прав (при внесудебной медиации);
- отсутствия желания обращаться к посреднику;

Сориентироваться в вопросах медиабельности конкретного спора, поступающего на рассмотрение и разрешение арбитражного суда, поможет предлагаемая матрица:

критерии	*возможность проведения медиации*
Категория спора	Оценивается судьей на основании Закона о процедуре медиации
Перспективы судебного рассмотрения данного дела	Оцениваются судьей в каждом конкретном случае
Наличие у сторон проблем психического здоровья, отклонений в поведении	Проведение медиации невозможно
Наличие у сторон желания обратиться к посреднику для урегулирования спора	Проведение медиации целесообразно

4. Аккредитация медиаторов для работы в суде на основе разработанных критериев. Ведение судом реестра профессиональных медиаторов.

5. Информирование лиц-участников процесса, иных заинтересованных лиц о возможности обратиться к посреднику для урегулирования возникшего спора, путем размещения соответствующей информации на стендах, а также на сайте суда.

В целом, предлагаемая Концепцией единого ГПК система примирительных процедур, на наш взгляд, представляется недостаточно проработанной. В целом, отмечая безусловные перспективы развития примирительных процедур, следует признать масштабность намеченных преобразований, требующих совместных усилий всех заинтересованных в этом институтов, а также дальнейшего развития законодательства.

Шишкина Е.Д.
студент юридического факультета
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЛИЦАМ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ

По данным статистики МВД России более 7% всех выявленных в период с 2003 по 2014 год преступлений совершаются лицами, не достигшими совершеннолетия. В связи с этим существующий уровень преступности несовершеннолетних требует от всех участников борьбы с этим видом преступности применения наиболее результативных мер уголовно-правового воздействия, основной из которых является назначение судом в отношении несовершеннолетних преступников справедливого уголовного наказания.

Согласно УК РФ, несовершеннолетним преступникам судом могут быть назначены следующие виды наказаний: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок.

Необходимо отметить, что основная цель, которую преследовал законодатель, составляя перечень уголовных наказаний, назначаемых несовершеннолетним, заключалась не в изоляции их от общества, а применении к ним такого вида наказания, которое будет способствовать предупреждению совершения преступлений и исправлению лица, совершившего преступление.

В соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года, наряду с обстоятельствами, указанными в ст. ст. 6, 60 УК РФ (характер и степень общественной опасности преступления, и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание), судам рекомендуется при назначении наказания несовершеннолетнему учитывать также положения ст. 89, а именно условия жизни и воспитания, уровень психического развития, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, а также иные особенности личности подростка. Также, применяемые к несовершеннолетним меры воздействия должны обеспечивать максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния и быть соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния[1].

В рамках данной работы мы уделим внимание трем видам наказаний, несвязанных с лишением свободы: штраф, обязательные и исправительные работы. Первый из них – штраф – одной из особенностей назначения этого вида наказания несовершеннолетним является возможность взыскания штрафа по решению суда с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего, но только с их согласия. Однако суд должен удостовериться в его добровольности, а также платежеспособности родителей или иных законных представителей, в том числе учесть последствия неисполнения решения суда об уплате штрафа. В случае отказа родителей и законных представителей несовершеннолетнего осужденного от уплаты штрафа, его взыскание производиться в установленном законодательством порядке[2].

Сложившаяся практика применения в отношении несовершеннолетних такого вида наказания как штраф создала двойственную ситуацию. Во-первых, принятие решения о взыскании штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего осужденного является затруднительным, так как суд не вправе по собственной инициативе преждевременно до вынесения приговора затрагивать вопрос о назначении исполнения наказания в виде штрафа, а сами родители чаще всего этот вопрос не поднимают. Во-вторых, возможность взыскания штрафа с родителей несовершеннолетнего преступника противоречит доктрине уголовного права, нарушая принцип равенства граждан перед законом, принцип вины и личной ответственности за совершенное преступление[3], в соответствии с которым наказание обязано понести лицо, виновное в содеянном.

По нашему мнению, в случае уплаты штрафа родителями несовершеннолетнего преступника последний фактически не несет уголовной ответственности и остается

---

[1] Пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 02.04.2013) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144542/.

[2] Пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 N 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 4, апрель, 2007.

[3] Бриллиантов А.В. Новые особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Российский судья. 2004. № 2. С. 13.

безнаказанным. В результате это может сформировать у несовершеннолетнего чувство вседозволенности и безнаказанности, а также способствовать совершению им в будущем новых преступлений. Следовательно, цель исправления несовершеннолетнего осужденного и предупреждение совершения других преступлений не реализуется в должной мере.

Для решения данной проблемы необходимо исключить положение о праве родителей осужденного несовершеннолетнего, которому в качестве наказания назначен штраф, оплатить этот штраф вместо их ребенка. Если суд придет к выводу, что несовершеннолетний осужденный в силу своего материального и имущественного положения не сможет исполнить наказание в виде штрафа, суд вправе назначить ему иной вид наказания, предусмотренный в качестве основного или дополнительного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Еще одним видом уголовного наказания, не связанным с лишением свободы, являются обязательные работы, которые заключаются в выполнении посильных для несовершеннолетнего осужденного работ в свободное от учебы или от основной работы время, при этом учитывается, что наказание не должно причинять вред здоровью подростка или нарушать процесс его обучения. С учетом возрастных особенностей и отсутствием у несовершеннолетнего какой-либо квалификации, он может быть привлечен к работам по благоустройству и санитарной очистки придомовых территорий и подвальных помещений.

Для привлечения осужденного несовершеннолетнего к отбыванию наказания в виде обязательных работ необходимо заключение с ним срочного трудового договора. С согласия одного из родителей (попечителя) трудовой договор может быть заключен по достижению подростком четырнадцатилетнего возраста[1]. Как быть, когда родители не дают согласие на заключение трудового договора? Именно в этом и состоит сложность реализации на практике обязательных работ, поскольку этот вопрос до сих пор не решен на законодательном уровне.

Еще одним видом наказания, назначаемого несовершеннолетним осужденным, не связанного с лишением свободы являются исправительные работы, имеющие ряд характерных признаков, таких как осуществление осужденным определенной трудовой деятельности, назначение этого вида уголовного наказания осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его, при чем из его заработной платы производятся удержания в доход государства от 5 до 20 процентов[2].

Статистические данные показывают, что с 2003 года за 10 лет судами довольно активно назначаются исправительные работы (например, в 2009 году – 1117 человек; в 2010 – 686; в 2011 – 407; в 2012 – 502; в 2013 – 472 человека). Тем не менее, в Новгородской области наказание в виде исправительных работ применяется в единичных случаях. Например, за период с 2012 по 2014 год Новгородским районным судом было вынесено всего 8 приговоров с назначением несовершеннолетним наказания в виде исправительных работ[3,4,5]. Это обусловлено определенными трудностями исполнения данного вида наказания. Например, в связи с тем, что выбор вакансий для несовершеннолетнего осужденного ограничен не только районом места его проживания, но и перечнем разрешенных для осуществления труда работ, на практике

---

[1] Часть 3 статьи 63 Трудового кодекса Российской Федерации [от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31.12.2014)] // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.

[2] Статья 50 Уголовного кодекса Российской Федерации [от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.02.2015)] // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

[3] Статистические данные Новгородского районного суд за 2012 г. Форма № 1 «Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2012 г.».

[4] Статистические данные Новгородского районного суд за 2013 г. Форма № 1 «Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г.».

[5] Статистические данные Новгородского районного суд за 2014 г. Форма № 1 «Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 г.».

возникает ситуация, когда исполнить решение суда не представляется возможным. Кроме того, не каждый работодатель согласится принять на работу несовершеннолетнего преступника. Для решения этой проблемы следует обратиться к многолетнему опыту Нижегородской области, где «в соответствии с законодательством о занятости населения в области принято положение о квотировании рабочих мест на предприятиях учреждениях, организациях. В соответствии с ним предприятия обязаны предусматривать определенную квоту для приема на работу наиболее социально незащищенных граждан (включая осужденных к исправительным работам)»[1].

Кроме того, любопытна непоследовательность логики законодателя, который рассчитывая сроки назначения наказания в виде исправительных работ для несовершеннолетних, учел их специальный статус и установил сокращенные сроки его отбывания, но в то же время размер удержаний в доход государства оставил в тех же пределах, что и для совершеннолетних преступников. Именно поэтому, видится потребность во внесении изменений в норму о размере удержаний, отчисляемых из заработной платы несовершеннолетнего в доход государства, поскольку в случае если суд при назначении наказания не будет учитывать материальное положение, это может еще больше усугубить и без того тяжелое положение осужденного.

К тому же, существует мнение, что «длительность обязательного труда для несовершеннолетнего была бы гораздо более полезна и эффективна, нежели существующие ограничения на его заработную плату»[2].

Следовательно, идея снижения процента удержания из заработной платы, отбывающего наказание в виде исправительных работ несовершеннолетнего, видится как наиболее действенное решение поставленного вопроса. Исходя из закономерности определения сроков и размеров иных видов уголовного наказания, применяемых в отношении несовершеннолетних, установленной законодателем, предлагается изменить высший предел процента удержания в доход государства из заработной платы несовершеннолетнего осужденного, которому в качестве наказания были назначены исправительные работы, и установить его в размере 10 процентов.

Все вышесказанное указывает на существование ряда нерешенных вопросов, создающих трудности в применении к несовершеннолетним отдельных видов уголовного наказания. Следствием этого является недостижение тех целей, которые поставлены перед наказанием как мерой уголовно-правового воздействия: исправление и предупреждение. Все это создает предпосылки для дальнейшей криминализации несовершеннолетних преступников, совершения ими новых преступлений и, в конечном счете, росте преступности несовершеннолетних. Поэтому решение данных вопросов должно быть принято как на законодательном уровне, путем внесения соответствующих изменений в УК РФ, так и посредством правоприменительной практики, содержащейся в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам назначения несовершеннолетним отдельных видов наказаний.

---

[1] Маршин Г.А. Инспекции исправительных работ в условиях формирования рыночных отношений // Вестник МВД РФ. 2010. N 1. С. 50.

[2] Алтынбаева Л.М. Особенности наказания несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. – С. 88.

Шляхтова А.Д.
студент юридического факультета
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРИЗНАКОВ РЕЧИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Возможность идентификации по признакам голоса и речи не вызывает сомнения, поскольку каждый человек индивидуален, и его речь, в том числе, обладает рядом особенностей. Голос и речь позволяют не только идентифицировать человека, но и установить его половую принадлежность, возраст, профессию, национальную принадлежность и многое другое. Классификация речевых признаков может осуществляться по различным основаниям, в зависимости от того, какие свойства человека они отражают: физиологические, лексические, психологические и т.д. Актуальность исследования состоит в том, что признаки речи, характерные для конкретного лица, являются важнейшим источником информации об идентифицируемом объекте.

Н.В. Терзиев, Е.Е. Подголин, З.Г. Самошина и многие другие авторы предпринимали попытки выделить различные группы признаков речи, используемых для идентификации человека, поэтому в литературе можно встретить самые различные классификации. При всём их разнообразии, по нашему мнению, наиболее правильным является деление признаков речи на фонационные и структурно-семантические, предложенное А.В. Дроздовым и Г.В. Фёдоровым[1].

Фонационные признаки характеризуют особенности произношения. К ним относятся: темп, акцент, ударение, дефекты произношения, интонация и другие. Именно по этим признакам можно определить, например, национальность лица или местность, в которой он проживал длительное время. «Дефекты произношения могут быть вызваны заболеваниями органов, участвующих в образовании речи или расстройствами центров коры головного мозга – преимущественно доминантного полушария. К данному типу относятся следующие группы признаков: дизартрии, дислалии, дисфонии, брадилалии, тахилалии, заикания, ринолалии»[2]. Следует отметить, что существует ряд признаков общего характера, обусловленность которых на слух разграничить крайне сложно. Например, признаки назолалии (гнусавости) могут быть вызваны неврологическим нарушением и простудным заболеванием. При неврологическом нарушении в случае развившегося бульбарного симптомокомплекса (поражение продолговатого мозга) гнусавость может иметь следующие признаки: нечеткость речи, при произношении возникает ощущение присутствия во рту постороннего предмета, нарушение фонации. «При заболеваниях горла и носа: аденоиды, гипертрофия небных миндалин, диафрагма гортани, заглоточный абсцесс и т.п. речевые изменения менее выражены. В этом случае признаки не являются устойчивыми и могут быть применены в криминалистической практике в случае, когда подозреваемое лицо задержано непосредственно после совершения преступления»[3].

Вторая группа признаков речи – это *структурно-семантические*, в число которых входят: стилистические, грамматические, синтаксические, лексические и т.д. Они характеризуют способ построения предложений, выражения своих мыслей. По данным признакам можно судить об образованности, уровне культуры человека и богатстве его словарного запаса. «Следует отметить, что эти признаки, как правило, проявляются при

---

1 Фёдоров Г.В. Признаки речи, используемые при идентификации человека / Г.В. Федоров // Право.by. – 2009. – №1. – С. 58–62.

2 Там же.

3 Там же.

длительном восприятии свидетелем или потерпевшим речи подозреваемого или обвиняемого. Однако бывают случаи, когда в одной фразе проявляется достаточное количество признаков, по которым можно идентифицировать человека»[1].

Таким образом, особенности речи могут быть обусловлены как физиологическими, так и психологическими особенностями человека. Определённое воздействие на формирование признаков речи также оказывает внешняя среда: окружающие люди, воспитание, проживание в определённой местности. Всё вышеназванное и делает речь человека индивидуальной, неповторимой и относительно устойчивой.

Многообразие признаков речи, используемых при идентификации человека, создаёт проблему их классификации. Необходимость наличия единой классификации обусловлена тем, что при предъявлении для опознания человека по голосу и речи, это поможет опознающему правильно оценить и описать звукофонетические особенности голоса и речи опознаваемого, учитывая то, что воспринимать их в комплексе достаточно сложно. Предложенное деление признаков на фонетические и семантические осуществляется в зависимости от личных свойств и физиологии человека, и поэтому позволяет учесть все факторы, влияющие на формирование особенностей речи, а, следовательно, является наиболее верным.

---

[1] Там же.

Научное издание

РАЗВИТИЕ
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 20-летию юридического факультета
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого
и 10-летию общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»
28-29 мая 2015 год
Великий Новгород

Редактор

Компьютерная верстка О.Н. Тренина